НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

I.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ.

ИСТОРІЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦІИ.

Переводъ подъ редакціею проф. И. М. ГРЕВСА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АЛЛОДЪ И СЕЛЬСКОЕ ПОМѢСТЬЕ ВЪ МЕРОВИНГСКУЮ ЭПОХУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1907.

АЛЛОДЪ И СЕЛЬСКОЕ ПОМѢСТЬЕ

ВЪ МЕРОВИНГСКУЮ ЭПОХУ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ПРЕДИСЛОВІЕ редактора русскаго перевода. . .	VII
Предисловіе французскихъ редакторовъ-учениковъ.	XIX
ВВЕДЕНІЕ автора.	XXI
Глава I: Галло-римская вилла.	1
1. Право собственности въ римскомъ обществѣ	2
2. Сельское помѣстье.	17
3. Сельское помѣстье въ Галліи.	36
4. Система обработки помѣстья у Римлянъ.	49
5. Рабское держаніе.	59
6. Держаніе вольноотпущенниковъ.	69
7. Правильная аренда	73
8. Колонатъ.	81
9. Распаденіе помѣстья на двѣ части: господскую и крестьянскую	95
10. Деревня и замокъ.	104
Глава II: Право собственности послѣ германскихъ вторженій.	114
1. Право собственности по законодательнымъ текстамъ .	116
2. Право земельной собственности по грамотамъ	135
3. Владѣніе лѣсами, проточными водами и мельницами .	148
Глава III: Право собственности на землю въ меровингскомъ обществѣ.	156
Глава IV: Что такое былъ аллодъ?	180
Глава V: Дѣйствительно ли существовала у Франковъ сельская община?.	207
Глава VI: Распредѣлялась ли земля по деревнямъ или по помѣстьямъ?	241
Глава VII: Природа сельскаго помѣстья	267
1. Названіе виллы	267

стр.
2. Устойчивость помѣстья 275
3. Нераздѣльныя виллы 281
Глава VIII: Видоизмѣненія сельскаго помѣстья 288
1. Раздѣленныя виллы; portiones 288
2. Мелкая собственность 305
3. Такъ называемая marca или finis 317
Глава IX: Населеніе помѣстья; рабы 329
1. Источники рабства 329
2. Положеніе рабовъ по закону и въ дѣйствительности . 350
Глава X: Вольноотпущенники 366
1. Различные мотивы освобожденій 366
2. Освобожденіе передъ королемъ 370
3. Освобожденіе въ церкви 377
4. Освобожденіе по завѣщанію или письму 381
5. Вольноотпущенники не отличались между собой по племенамъ 384
Глава XI: Положеніе вольноотпущенниковъ 389
1. Постоянное неполноправіе вольноотпущенниковъ . . . 389
2. Патронатъ надъ вольноотпущенниками 392
3. Привилегіи denarialis и civis romanus 398
4. Обязанности вольноотпущенниковъ 404
5. Наслѣдственность положенія вольноотпущенника . . . 410
6. Литы 415
7. Такъ называемые ecclesiastici 418
8. Вольноотпущенники, именовавшіеся homines regii . . 425
9. Заключеніе 429
Глава XII: Колоны 431
Глава XIII: Распаденіе помѣстья на двѣ части. «Dominicum».—«Mansi» 437
Глава XIV: Рабское держаніе.—Образованіе «серважа» . . 454
Глава XV: Держаніе вольноотпущенниковъ 476
Глава XVI: Держаніе колоновъ 485
Глава XVII: Сельскія общинныя земли 515
Глава XVIII: Внутреннее управленіе виллы 529

ЗАКЛЮЧЕНІЕ 560

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

(ОТЪ РЕДАКТОРА).

Настоящій (четвертый) томъ основного труда Фюстель де-Куланжа по исторіи общественнаго строя древней Франціи,—труда, который составилъ великое научное дѣло его жизни, вышелъ уже послѣ смерти знаменитаго историка. Авторъ почти подготовилъ его къ выпуску собственноручно, но опубликовать уже не успѣлъ: трудъ появился въ видѣ первой посмертной его книги, обнародованный піэтетомъ учениковъ. Издать сочиненіе объ „аллодѣ и сельскомъ помѣстьѣ въ меровингскую эпоху“ почитателямъ и послѣдователямъ Фюстель де-Куланжа удалось въ теченіе самаго года его кончины (1889). Сорбонна тогда была вся горячо и скорбно проникнута свѣжею, благодарною памятью о блестящемъ и авторитетномъ преподаваніи только что почившаго ученаго, первоклассный талантъ котораго и крупную свѣтлую личность оплакивала французская наука и школа. Историческая литература жила подъ глубокими и сильными впечатлѣніями отъ его послѣднихъ работъ, которыми колебались устои, казалось, прочно установившіеся, какъ центральныя формулы, опредѣлявшія „начала“ (*les origines*) общественнаго развитія гер-

мано-романской Европы. Еще немногіе приходили въ восторгъ отъ вновь начертанной, смѣлымъ размахомъ, но и твердой рукою, генеалогической линіи, которая вскрывала и символизировала совсѣмъ по новому, оригинально и внушительно, родовую преемственность между древнимъ и новымъ міромъ. Только рѣдкіе уже преклонялись передъ провозглашенною властнымъ учителемъ истиною увѣровавъ въ проницательность глаза, который уловилъ затуманенную историческими предразсудками непрерывную связь между двумя культурами. Большинство неудомѣвало. Были и возмущенные потрясеніемъ правовѣрныхъ догматовъ „германизма“, или лично задѣтые рѣзкостью полемики новатора противъ ихъ собственныхъ излюбленныхъ теорій. Но мощно выведенное построеніе мало по малу заставило ученыхъ считаться съ нимъ; оно завоевало для себя почетное мѣсто въ новѣйшей исторіографіи, которая нынѣ ужъ не можетъ обойти идей Фюстель де-Куланжа.

„*L'alleu et le domaine rural*“—безспорно одна изъ лучшихъ частей капитальнаго научнаго зданія, котораго Фюстель де-Куланжу не суждено было увѣнчать заключительнымъ сводомъ. Здѣсь его недостатки слабѣютъ, достоинства выростаютъ съ особою силою, воплощаются съ необычайною выпуклостью. Авторъ является въ предѣлахъ разсматриваемой книги, по преимуществу, аналитикомъ и потому развертываетъ свое историческое познаніе на пути, для разслѣдованія котораго онъ былъ выше всего одаренъ. Но онъ не только разсѣкаетъ изучаемый организмъ, какъ бы препарируя его для дальнѣйшаго анатомическаго наблюденія; онъ и возсоздаетъ его жизнь, творитъ его образъ, вдыхая опять въ него душу. Богатство и точность „текстуальнаго“ изученія поражаетъ и побѣждаетъ читателя. Прозрачная простота выводовъ, высоко значительныхъ по цѣнности, при убѣдительности аргументаціи, удовлетворяетъ за трудъ, потраченный на углубленіе въ „сухіе“ детали.

Авторъ возстанавливаетъ аграрные порядки, насажденные римскою имперіею въ ея западныхъ провинціяхъ, или, лучше, сложившіеся въ вѣка ея существованія. Затѣмъ онъ воспроизводитъ и ставитъ рядомъ другую картину: онъ изображаетъ ту же сторону хозяйственнаго строя въ „варварской“ (франкской) Галліи. Оба воскрешенныя явленія оказываются сходными, а непосредственное сосѣдство ихъ другъ за другомъ во времени прямо приводитъ къ признанію, что второе—дѣтище перваго, что въ немъ продолжается раньше начавшійся процессъ. Крупное помѣстье, барская (магнатская) вотчина—завѣщана „древней Франціи“ римскою имперіею. Она составила экономическую основу меровингскаго государства. Тексты, которыми Фюстель де-Куланжъ владѣетъ всѣми, какъ господинъ, съ поражающею умъ всеобъемлющею эрудиціею, которые онъ разбираетъ, подбираетъ и сочетаетъ, какъ испытанный техникъ и чуткій художникъ, чтобы изъ нихъ, какъ изъ камней, реконструировать исчезнувшій памятникъ, эти тексты превосходно говорятъ за себя и сами ратуютъ за мысль историка. Они съ несомнѣнною

ясностью обнаруживаютъ филіацію „стиля“ между двумя ярусами долго возводившагося дома, родство и преемство между римскою и франкскою Галліями. Первая окрасила земельный порядокъ второй. Между ними—тѣсное внутреннее единство необходимой послѣдовательности.

Такое заключеніе, раскрываясь съ большею силою, даетъ уже само по себѣ основаніе для отрицательной оцѣнки вліянія Германцевъ: они не принесли съ собою прочныхъ началъ иного, своего земельнаго строя, которыя соотвѣтствующимъ воздѣйствіемъ могли бы измѣнить содержаніе и направленіе аграрной эволюціи, сложившейся до появленія варваровъ, до ихъ вступленія въ число общихъ факторовъ развитія европейской культуры. Германцы,—въ широкомъ результатѣ,—приспособились къ выработаннымъ въ римскомъ мірѣ формамъ землевладѣнія и сельскаго хозяйства, производя въ нихъ лишь второстепенныя, да и то ничтожныя перемѣны. Таковъ кардинальный тезисъ Фюстель де-Куланжа въ предлагаемомъ здѣсь трудѣ.

Впрочемъ, онъ не довольствуется такимъ косвеннымъ рѣшеніемъ; онъ подвергаетъ спеціальному разбору (на примѣрѣ исчерпывающаго анализа данныхъ изъ франкскаго прошлаго) знаменитую контроверзу объ общинномъ землевладѣніи въ раннемъ средневѣковьѣ. Онъ еще разъ спрашиваетъ у источниковъ: удалось ли, въ самомъ дѣлѣ, Германцамъ пересадить на почву Галліи въ меровингскую эпоху сельскую общину (*vicus—marca*) съ крестьянами-собственниками, съ

извѣстными аттрибутами аграрнаго коллективизма рядомъ съ крупнымъ частнымъ помѣстьемъ римскаго типа (*villa*). Авторъ рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ абсолютнаго и рѣзкаго отверженія какихъ бы то ни было признаковъ земельной общины въ изучаемой странѣ и въ названную эпоху [1]. Можетъ быть, справедливо будетъ отмѣтить, что въ данномъ частномъ пунктѣ историкъ дѣйствуетъ слишкомъ прямолинейно, утверждаетъ черезчуръ категорически [2]: надо было бы при разысканіи сложной проблемы, устанавливая главный историческій потокъ, давать себѣ лучшій отчетъ въ наличности и замѣтности боковыхъ, нѣсколько противорѣчащихъ ему теченій. Но, думаю, приходится высказать солидарность съ основнымъ взглядомъ автора, видоизмѣняя его лишь очень относительными оговорками: въ аграрномъ строѣ франкской

[1] Болѣе общею предпосылкою, которая подготовляла въ сознаніи Фюстель де-Куланжа такой выводъ, служило ему отрицаніе слѣдовъ коллективнаго землевладѣнія въ памятникахъ, оставшихся и отъ самой отдаленной первобытной древности Германцевъ. См. интересное частное изслѣдованіе автора—„Les Germains connaissaient-ils la propriété des terres“ въ его сборникѣ „Recherches sur quelques problèmes d'histoire“ (P. 1885). Ср. на болѣе общей сравнительной почвѣ „Le problème des origines de la propriété foncière“ въ сборникѣ „Questions historiques“ (P. 1895).

[2] Уже послѣ смерти Фюстель де-Куланжа ему возражалъ очень оскорбленный *E. Glasson*, Les communeaux et le domaine rural à l'époque franque (P. 1890).—Самому Фюстель де-Куланжу принадлежитъ еще въ области изслѣдованія того же вопроса тонкій и остроумный этюдъ—„Le titre de migrantibus de la loi salique“ (1886 г. потомъ въ „Nouvelles Reherches“).

(меровингской) Галліи римская традиція широко восторжествовала. Въ центрѣ его, какъ было уже въ Галліи римской, стала крупная частновладѣльческая вотчина, съ сидящимъ на ней, въ качествѣ орудія производства, оброчнымъ и барщиннымъ крестьянствомъ, въ большинствѣ случаевъ прикрѣпленнымъ къ землѣ и впадавшимъ въ кабалу и зависимость [1].

Параллельно съ глубокимъ и твердымъ (въ основѣ, навѣрно, окончательнымъ) отвѣтомъ на задачу изслѣдованія землевладѣнія въ эпоху варварскихъ государствъ, разсматриваемое сочиненіе Фюстель де-Куланжа даетъ цѣнный вкладъ для уясненія еще другого, также основоположительнаго вопроса. Именно имъ возложена, такъ сказать, рѣшающая тяжесть на историческіе вѣсы при установленіи научнаго понятія о генезисѣ феодализма. Давно уже наука усомнилась въ возможности выводить „феодальный строй", въ качествѣ немедленнаго слѣдствія изъ «варварскихъ завоеваній» (ихъ все еще не могутъ отвыкнуть, даже ученые, именовать не имѣющимъ смысла терминомъ „великаго переселенія народовъ"!),

[1] Эту точку зрѣнія нынѣ должно ставить во главу угла при изученіи эпохи, хотя бы и ограничивая ее и въ нѣкоторыхъ пунктахъ смягчая. Въ нашей ученой литературѣ можно назвать два крупныхъ имени замѣчательныхъ ученыхъ П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевскаго, которые, изслѣдуя исторію средневѣкового землевладѣнія, выдвигаютъ тезисы, сильно отличающіеся отъ взглядовъ Фюстель де-Куланжа. Чрезвычайно полезно сравнительно-критическое разсмотрѣніе теорій обоего порядка.

какъ объясняли дѣло германисты начала XIX-го вѣка. Позднѣйшая критическая школа историковъ показала, что феодальный порядокъ осуществился лишь какъ долгій процессъ, проходившій черезъ систему послѣдовательныхъ ступеней. Еще раньше Фюстель де-Куланжа новѣйшіе, лучшіе германисты—Вайтцъ, Ротъ, а потомъ Бруннеръ—показали, что въ общественномъ устройствѣ меровингской монархіи еще далеко не развились всѣ (даже главнѣйшія) черты феодальнаго государства. Съ полною яркостью и особенною глубиною эта истина была, однако, установлена только Фюстель де-Куланжемъ.

Онъ именно освѣтилъ съ замѣчательною отчетливостью „меровингскую эпоху", какъ необходимое переходное звено въ долгой цѣпи исторіи феодализма между римскою имперіею временъ упадка и послѣ-каролингскимъ разложеніемъ. Онъ показалъ, какъ формы жизни, характеризовавшія эту эпоху, генетически связаны съ первою, и какъ онѣ въ свою очередь породили второе. Крупное сельское помѣстье меровингской Франціи еще нормируется понятіемъ полной личной собственности. Акты и процессы, съ нимъ связанные, еще вращаются въ сферѣ гражданско-правовыхъ отношеній. Барская вотчина, домэнъ,—еще не политическій союзъ. Государство, которое объединяетъ эти территоріальные владѣльческіе комплексы,—еще монархическое цѣлое. Римскія традиціи публичнаго и частнаго права возобладали въ меровингскомъ обществѣ. Онѣ еще усилятся (по крайней мѣрѣ, въ видѣ внѣшней оболочки обще-

европейской культуры) въ реформахъ Карла Великаго. Общій строй ранней германо-романской Европы слагался среди интенсивной борьбы центростремительныхъ (государственныхъ) и центробѣжныхъ (феодальныхъ) началъ.

Эпоха расцвѣта феодализма, какъ формы, объемлющей весь соціально-политическій порядокъ, стоитъ еще довольно далеко впереди для историка меровингской Франціи: этотъ выводъ завершительно санкціонированъ Фюстель де-Куланжемъ, имъ произнесено здѣсь послѣднее слово высшаго авторитета. Но онъ же безъ громкихъ словъ и преждевременно притязательныхъ соціологическихъ обобщеній, конкретно и индивидуально, но и типично во всемірно-историческомъ отношеніи, выяснилъ на примѣрѣ исторіи Европы—разницу между „феодализмомъ" и „феодализаціею". Онъ вскрылъ, съ удивительною тонкостью разрѣза, крупныя зерна зачинавшагося „феодальновиднаго" разложенія еще въ глубинѣ римской великой державы. Онъ прослѣдилъ, какъ они росли въ самой толщѣ народной почвы въ смутное время образованія и броженія варварскихъ государствъ. Въ слѣдующихъ томахъ Фюстель де-Куланжъ нарисуетъ и истолкуетъ, какъ разсыпавшійся внутри на новыя мелкія тѣльца организмъ государства, начнетъ искрашиваться въ сеньоріальныя единицы, чтобы затѣмъ вновь интегрироваться на началахъ феодальной іерархизаціи.

Въ этомъ—значеніе и интересъ двухъ послѣднихъ томовъ главнаго труда Фюстель де-Куланжа, для полноты которыхъ недостаетъ заключитель-

наго отдѣла—изображенія феодальнаго государства и феодальнаго права. Но уже въ разсматриваемомъ здѣсь четвертомъ томѣ авторъ сумѣлъ показать вполнѣ реально, въ чемъ заключается соціальное своеобразіе въ природѣ молекулы феодализма—крупнаго помѣстья средневѣковой Франціи при упадкѣ въ ней государственнаго единства и надрывѣ общенія съ другими странами. Онъ нарисовалъ барскую вотчину—будущую сеньорію,—какъ уже готовый къ самодовлѣнію и къ отдѣльному историческому бытію „большой замкнутый домъ". Изъ словъ его она сама собою предстаетъ передъ нашими глазами, какъ крѣпкая основа для господства „*der geschlossenen Hauswirtschaft*" въ формѣ „*Grossgrundherrschaft*" (*sistema curtense*). Такимъ образомъ, Фюстель де-Куланжъ, еще до появленія потомъ прославившейся схемы ступеней хозяйственнаго развитія человѣчества (*Wirtschaftsstufen*), построенной Карломъ Бюхеромъ [1], далъ великолѣпный образецъ, для иллюстраціи одного изъ ея звеньевъ: онъ превосходно и вполнѣ объективно (безъ всякой мысли о „теоризированіи") обнаружилъ съ замѣчательною наглядностью сущность „замкнутаго домоваго хозяйства средневѣковой

[1] См. *K. Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft (1 изд. 1893 г. послѣднее, 5-е, 1906 г.—Русск. перев. съ 1 изд.).—Ср. въ книгѣ автора настоящихъ строкъ „Очерки по исторіи римскаго землевладѣнія" (Спб. 1899 г.) оцѣнку теоріи Бюхера.—Мѣсто Фюстель де-Куланжа въ исторіографіи по „феодализму" см. также въ нашей статьѣ (подъ этимъ словомъ) въ 70-мъ полутомѣ „Энцикл. Словаря" Брокгауза-Ефрона.

сеньоріи" въ первоначальной фазѣ ея развитія.

Оцѣнивая заслугу той части знаменитаго сочиненія Фюстель де-Куланжа, которая теперь представляется русскому читателю на родномъ его языкѣ, необходимо подчеркнуть одинъ важный пріемъ, примѣненный имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ.—Онъ ставитъ въ тѣсную связь съ основною, „экономическою" темою изслѣдованія изученіе „соціальнаго" вопроса первостепенной важности. Именно авторъ разсматриваетъ живое взаимодѣйствіе, въ которомъ стояли съ познаваемою имъ хозяйственною эволюціею судьбы трудовыхъ сельскихъ классовъ. Развитіе крестьянства (крѣпостныхъ отношеній) освѣщается у него удивительно глубоко самою сущностью роста вотчиннаго (потомъ сеньоріальнаго) землевладѣнія и его изолированія въ самомъ себѣ. Великій историкъ возрождаетъ здѣсь, но и до основанія перерабатываетъ, въ кругу изслѣдованія данной проблемы, теорію, выдвинутую немногими, забытыми его французскими учеными предшественниками [1]. И онъ дѣйствительно подготовилъ почву для дальнѣйшаго изученія исторіи средневѣковаго крестьянства такъ, что ее можно воздѣлывать, не попадая, какъ раньше, на невѣрные пути и оставаясь свободнымъ отъ прежнихъ поверхностныхъ способовъ трактовки вопроса [2].

[1] Имѣется въ виду преимущественно *B. Guérard* въ его знаменитыхъ „Prolégomènes au polyptyque de l'abbaye de St. Germain des Prés" (P. 1840).

[2] См. прекрасную работу *H. Sée*, „Histoire des classes rurales en France au moyen âge" (1901), написанную, несомнѣнно, подъ вліяніемъ школы Фюстель де-Куланжа. Стоитъ сравнить эту книгу съ болѣе ранними монографіями о томъ же предметѣ Боннемера, Доньоля, Дареста и др. (указаны у Н. И. Карѣева, Очеркъ исторіи франц. крестьянъ), чтобы убѣдиться въ разительномъ отличіи ихъ отъ Труда *Sée*.

Сказанныхъ немногихъ вводящихъ словъ, предназначенныхъ для тѣхъ, кто мало знакомъ съ Фюстель-де-Куланжемъ, чтобы облегчить имъ приступъ къ изученію представляемаго здѣсь его труда, достаточно, чтобы дать имъ понятіе о богатомъ его содержаніи и выдающихся достоинствахъ. Они предстанутъ въ полной красѣ и силѣ тому, кто погрузится въ внимательное чтеніе густо насыщенныхъ фактами и идеями поучительныхъ страницъ. Великимъ пособникомъ, для обращающихся къ подлиннику, является тутъ, какъ и въ другихъ работахъ Фюстель де-Куланжа, его удивительный языкъ. Онъ чуждъ обычныхъ украшеній слога, онъ простъ и дѣловитъ, порою суровъ, даже жёстокъ. Но онъ приковываетъ благоговѣніемъ автора къ истинѣ и гордою къ противникамъ искренностью тона, доказательностью данныхъ и аргументовъ, кристальностью мысли, руководимой твердымъ знаніемъ и неподкупною, побѣдоносною логикою. Редакторъ перевода смѣетъ надѣяться лишь на то, что ему удалось дать намекъ на указанныя рѣдкія и недосягаемыя качества оригинала.

„*Du choc des opinions jaillit la vérité!*"—Въ правдивости этого афоризма всегда убѣждаешься,

когда вдумываешься въ идеи Фюстель де-Куланжа, даже признавая иногда ихъ односторонность и не раздѣляя его полемическихъ крайностей. Но и не соглашаясь съ нимъ, чувствуешь, какъ двигаетъ впередъ историческую мысль научное, добросовѣстное убѣжденіе крупнаго ума, изслѣдующаго большую проблему. Тайна въ томъ, что, несмотря на кажущуюся увѣренность въ себѣ Фюстель де-Куланжа, несмотря на его видимую нетерпимость къ несогласнымъ, авторъ вѣчно движется внутреннимъ голосомъ: „*Va plus avant! Tu n'as pas encore trouvé le vrai!*“ Такъ вдохновляетъ учитель, когда наука для него вмѣстѣ съ тѣмъ и религія. Пусть же не останется безъ уроковъ Фюстель де-Куланжа и наше, неизбалованное жизнью постоянно терзаемое и мятущееся русское юношество.

С.-Петербургъ.
17 октября 1906.

Проф. Ив. Гревсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ РЕДАКТОРОВЪ-УЧЕНИКОВЪ.

Смерть скосила Фюстель де-Куланжа въ сентябрѣ текущаго (1889) года какъ разъ, когда онъ занятъ былъ обработкою огромныхъ матеріаловъ, которые собиралъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, чтобы создать изъ нихъ свою „Исторію общественнаго строя древней Франціи“. Въ бумагахъ заключалось все необходимое, чтобы довести работу до эпохи распаденія монархіи Карла Великаго. Но ему не суждено было, къ несчастью, довести трудъ до желаннаго конца. Правда, уже поставлено на всемъ пути много существенныхъ вѣхъ: онѣ помогутъ ученикамъ покойнаго благоговѣйно продолжать незавершенное дѣло. Возможно будетъ привести въ порядокъ и опубликовать, во-первыхъ, переработанный и разросшійся текстъ начальныхъ частей всего произведенія, а затѣмъ напечатать новые томы, а именно—тотъ, который авторъ посвятилъ „Бенефицію“, и даже, быть можетъ, еще одинъ—о „Каролингскихъ учрежденіяхъ“.

Ни одна изъ только что перечисленныхъ книгъ не доведена Фюстель де-Куланжемъ до вполнѣ законченнаго вида; но дѣло обстоитъ иначе съ тою, которая здѣсь предлагается подъ заглавіемъ—„Аллодъ и сельское помѣстье въ меровингскую эпоху“. Авторъ оставилъ совсѣмъ готовую ея рукопись; онъ могъ даже слѣдить за ея печатаніемъ почти до послѣднихъ листовъ. Лишь за недѣлю

до смерти онъ продиктовалъ нѣсколько примѣчаній, которыя считалъ нужнымъ добавить къ тексту одной изъ послѣднихъ главъ. Ознакомленіе съ новымъ превосходнымъ трудомъ Фюстель де-Куланжа можетъ только усилить скорбь его почитателей о понесенной утратѣ: они найдутъ въ настоящей книгѣ ту же методу учителя и мастера, его искренность, обычно присущія ему опредѣленность и ясность, его твердый и сильный языкъ. Они убѣдятся, что онъ до конца остался вѣренъ избранному имъ себѣ девизу, который можетъ резюмировать всю его научную жизнь: *Quaero*.

Введеніе автора.

До сихъ поръ мы изучали развитіе политическихъ учрежденій Галліи во времена римской имперіи и франкскаго королевства. Съ теченіемъ времени намъ придется подойти къ изученію феодальнаго порядка. Но чтобы уразумѣть формы послѣдняго, чтобы понять, какъ онѣ образовались, предварительно необходимо сосредоточить изслѣдованіе спеціально на исторіи земельной собственности. Всегда, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, способы землевладѣнія являлись однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ соціальнаго и политическаго организма. Эта истина менѣе рѣзко бросается въ глаза въ наши дни, ибо въ послѣдніе четыре вѣка общественное устройство стало гораздо сложнѣе. Историкъ будущаго, который, черезъ нѣсколько вѣковъ, приступитъ къ познанію нашихъ современныхъ учрежденій, долженъ будетъ изучать многое другое рядомъ съ сельскимъ, аграрнымъ строемъ. Ему придется внимательно разсматривать устройство фабрики и положеніе работающаго въ ней населенія. Онъ направитъ мысль на ознакомленіе съ биржею, торгово-промышленными обществами, съ печатью и ея тайными пружинами. Ему предстоитъ прослѣживать исторію денегъ такъ же какъ и исторію земли, исторію машинъ такъ же, какъ и исторію людей. Исторія науки и всѣхъ профессій, съ нею связанныхъ, пріобрѣтетъ для него значительную важность. Распространяющіяся въ обществѣ мнѣнія, правильныя или ложныя, и всѣ происходящія среди насъ умственныя движенія составятъ также цѣнный предметъ его внимательнаго наблюденія. Чтобы разобраться въ нашихъ политиче-

скихъ волненіяхъ, недостаточно будетъ заниматься однимъ классомъ земельныхъ собственниковъ; представится необходимость вглядываться въ жизнь двухъ другихъ классовъ, которые не владѣютъ землею, именно представителей, такъ называемыхъ, либеральныхъ профессій и рабочихъ: для историка откроется необходимость измѣрять вліяніе тѣхъ и другихъ на ходъ общественнаго развитія.

Ничего подобнаго не требуется при изученіи древнихъ обществъ. Для народовъ, развивавшихся до XV-го вѣка, сельское землевладѣніе являлось, если не единственнымъ, то самымъ могущественнымъ органомъ соціальнаго бытія. На его почвѣ происходила почти вся масса соціальной работы; изъ него вырабатывались богатство и сила; сюда направлялось стяжаніе, отсюда проистекало могущество. Внутри предѣловъ «сельскаго помѣстья» объединялись различныя группы людей. Изъ-за земли и въ связи съ нею возникали всѣ крупныя общественныя неравенства.

Итакъ мы приступаемъ къ разслѣдованію вопроса, каково было положеніе земель въ первыя столѣтія средневѣковья. Какъ и въ силу какихъ правовыхъ началъ слагалось владѣніе ими; каковы были устанавливавшіяся тогда понятія о собственности, и какія преимущества съ нею связывались; кому принадлежала земля; тѣ же ли лица и группы воздѣлывали землю, какія ею владѣли, какъ собственники; что такое были «держальцы» земли, и какія права надъ ними присвоены были ея собственниками? Природа собственности, различные способы ея эксплоатаціи, отношеніе между собственностью и пользованіемъ,—все это должно быть изучено, если мы хотимъ понять соціальную жизнь тѣхъ поколѣній людей, или хотя бы только уразумѣть ихъ государственные порядки.

Ясно, что выдвигаемая здѣсь задача не представляетъ собою лишь предметъ одного пустого любопытства. Я вообще нахожу, что тѣ, кто думаетъ, будто исторія должна культивировать лишь занимательные

сюжеты, составляютъ себѣ очень фальшивое представленіе объ этой наукѣ. Исторія не должна стремиться къ накопленію фактовъ всевозможнаго характера, которые совершались въ прошедшей жизни странъ и народовъ. Она стремится къ познанію человѣческихъ обществъ. Предметъ ея есть изслѣдованіе ихъ образованія и развитія. Она ищетъ, какими силами они управлялись, то-есть, какія силы обусловливали внутри каждаго изъ нихъ единство, производя сцѣпленіе элементовъ или частицъ. Она изучаетъ органы, которыми различныя общества обезпечивали свое существованіе, то-есть, ихъ право, хозяйство, духовные навыки, матеріальные обычаи, весь общій строй ихъ быта. Каждое изъ этихъ обществъ было своего рода живымъ существомъ,—историкъ и обязанъ раскрыть ихъ жизнь. Недавно придумали слово «соціологія». Слово «исторія» заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ: во всякомъ случаѣ, оно такъ понималось тѣми, кто хорошо ее разумѣлъ. Исторія есть наука о соціальныхъ фактахъ, то-есть, именно соціологія въ настоящемъ смыслѣ слова.

Приводимъ списокъ главныхъ памятниковъ, въ которыхъ мы черпали данныя для выводовъ, къ которымъ пришли:

Lex Salica, изд. Pardessus (1843), Behrend (1874, 2-е 1897), Holder (1879—1880), Hessels (1880) [1].

Lex Ripuaria, изд. Sohm (1883).

Lex Burgundionum, ed. Bluhme въ «Monumenta Germaniae historica» (Leges, t. III) и изд. Binding въ «Fontes rerum Bernensium» (t. I, 1880).

[1] Прибавимъ *Geffcken* (1898) и русское Д. Н. Егорова (Кіевъ, 1905), какъ первый выпускъ коллекціи П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Сборникъ законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго права.

(*Прим. ред.*).

Lex Romana Wisigothorum, изд. Haenel (in. fol. 1879).

Lex Romana Burgundionum, изд. Bluhme (въ «Monum. Germ hist.»).

Lex Wisigothorum, изд. Zeumer (въ «Mon. Germ. Hist.»). Есть и другія, болѣе старыя изданія Canciani и Walter.

Lex Alamannorum, изд. Merkel («Mon. Germ. Hist.» Leges, t. III) и Lehmann (Ibib. t. V, 1888).

Lex Baiuwariorum, изд. Merkel (M. G. H. Leges, III).—Оба послѣдніе свода, редактированные подъ вліяніемъ королей франкскихъ и католической церкви, отражаютъ въ себѣ скорѣе обычаи меровингской эпохи, чѣмъ древнѣйшей Германіи.

Capitularia regum Francorum, изд. Boretius въ «Monum. Germ. Hist.» (4°), 2 тома.

Acta Conciliorum, изд. Sirmond для Галліи, изд. Labbe и Mansi для всей церкви.

Diplomata, chartae, aliaque instrumenta ad res gallo-francicas spectantia, изд. Pardessus (2 т. in. fol. 1842—1849).—Сборникъ «*Diplomata*» Пертца заключаетъ въ себѣ лишь акты, исходящіе отъ королевской власти; въ сборникѣ Пардессю содержится около 250 грамотъ, писанныхъ частными лицами и представляющихъ продажныя и дарственныя записи и завѣщанія, которыя всѣ касаются земельной собственности.

Archives nationales, Monuments Historiques, Cartons des rois, изд. Tardif, 1866, 4°.

Formulae merovingici aevi.—Это—сборники образцовъ для различнаго рода актовъ гражданскаго права—продажи, дара, мѣны, завѣщанія, освобожденія. Происходятъ они изъ различныхъ мѣстностей—Анжу, Оверни, Буржа, Санса. Кромѣ сборниковъ изъ указанныхъ городовъ либо областей, имѣется еще сборникъ Маркульфа, составленный въ VII в., повидимому, въ парижскомъ округѣ. Надобно назвать еще сборники формулъ Bignon, Merkel и Lindenbrog. Нѣсколько болѣе поздняго происхожденія—*Formulae imperiales*, формулы страсбургскія, рейхенаускія и сенъ-галленскія; но и къ нимъ еще полезно обращаться.—Существуетъ два полныхъ изданія всѣхъ сборниковъ формулъ—*E. de Rozière* (Paris, 3 v. 1859—1871) и *Zeumer* (Berlin, 1882 въ «Mon. Germ. Hist.»).

Polyptyque de l'abbaye de St. Germain-des-Près.—Это писцовая книга земельныхъ владѣній монастыря съ указаніемъ всякаго надѣла, имени занимавшаго его крестьянина и перечисленіемъ его семьи, цифрою его повинностей. Въ приложеніи помѣщены отрывки подобнаго же рода реестровъ («полиптиховъ») аббатствъ St. Maur и St. Bertin.—Имѣется два изданія: 1) *B. Guérard* (1844, 2 v.) съ ученымъ введеніемъ и 2) *Longnon* (2 v. 1886).

Polyptyque de l'abbaye de St. Remi de Reims, опубликованъ Гераромъ въ 1853 г.—Эти писцовыя книги были составлены лишь въ IX вѣкѣ; но вчитываясь въ нихъ, можно убѣдиться, что онѣ отражаютъ соціальные порядки, сложившіеся гораздо раньше.

Polyptyque de St. Victor de Marseilles.—Въ описи даны указанія помѣстій, надѣловъ, состоянія личностей, на нихъ сидѣвшихъ, а также оброковъ и повинностей. Документъ былъ составленъ въ 1874 г. Онъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ *Cartulaire de St. Victor*, изд. Guérard, 1857, t. II, p. 633.

Писцовая книга Прумскаго аббатства, въ которой также описаны земли и повинности. Текстъ ея находится въ изданіи *Beyer*, Urkundenbuch zur Geschichte der... mittelrheinischen Territorien (1860, p. 135—200).

Pérard, Pièces curieuses servant à l'histoire de la Bourgogne, in. fol. 1654.

Traditiones possessionesque Wizenburgenses, изд. Zeuss, 1842.—Здѣсь содержится 279 актовъ продажи или дарственныхъ записей земель въ пользу Виссенбургскаго монастыря, относящихся къ 692 и 861 г. За ними слѣдуетъ писцовая книга (полиптихъ) отъ болѣе поздней эпохи.

Codex Laureshamensis abbatiae diplomaticus, 2 т. 4⁰, 1768,—сборникъ актовъ продажи, дара и мѣны, совершенныхъ въ пользу Лоршскаго монастыря.

Codex traditionum Corbeiensium, сборникъ грамотъ по отчужденію земель (traditiones), совершенныхъ въ пользу аббатства, изд. Falke, 1752, in. fol.

Prodromus historiae Trevirensis diplomatica et pragmatica, изд. Hontheim, 1757, 2 т. in. fol.

Historia Frisingensis, изд. Meichelbeck, 4 т. in. fol. Послѣдніе два составлены исключительно изъ документовъ (1724—1729).

Monumenta Boica, 37 томовъ, 8⁰ (начиная съ 1769 г.).

Neugart, Codex diplomaticus Alemanniae et Burgundiae transiuranae, 2 т. 4⁰, 1721.

Schöpflin, Alsatia diplomatica, 2 т. in. fol. 1772—1775.

Lacomble, Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins (1840, 4⁰).

Codex diplomaticus Fuldensis, изд. Dronke, 1850.

Urkundenbuch zur Geschichte der mittelrheinischen Territorien, изд. Beyer (1860). Это—сборникъ документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые относятся къ меровингскому времени (см. между прочимъ завѣщаніе Адальгезила).

Urkundenbuch der Abtei St. Gallen, 2 т. 4⁰, изд. Wartmann, 1863.

АЛЛОДЪ И СЕЛЬСКОЕ ПОМѢСТЬЕ ВЪ МЕРОВИНГСКУЮ ЭПОХУ.

ГЛАВА I.

Галло-римская вилла.

Невозможно выяснить характеръ средневѣкового землевладѣнія, не обрисовавъ сначала аграрныхъ порядковъ, господствовавшихъ въ концѣ римской имперіи. Это можетъ удивить тѣхъ, кто склоненъ представлять себѣ средневѣковой строй зародившимся внезапно и сложившимся сразу. Это не удивитъ тѣхъ, кто, путемъ болѣе полнаго и правильнаго наблюденія фактовъ, дошелъ до пониманія закона исторической преемственности.

Къ тому же, историкъ долженъ поставить себѣ вопросъ, до какой степени франкское землевладѣніе отличалось отъ римскаго или походило на него, и такая задача можетъ быть разрѣшена лишь при помощи тщательнаго сравненія фактовъ.

Отправнымъ пунктомъ будетъ служить для насъ четвертый вѣкъ. Мы начинаемъ приблизительно съ 350 г. Галлія составляла тогда еще часть римскаго государства, но она стояла уже наканунѣ варварскаго вторженія. Надобно установить, каково было въ ней состояніе земель, каковъ характеръ земельной собственности именно до нашествій Германцевъ.

I.

Право собственности въ римскомъ обществѣ.

Римское право признавало частную и личную собственность на землю. Вѣрно, что въ самомъ древнемъ правѣ города Рима полная собственность была привилегіей только однихъ римскихъ гражданъ, *dominium ex iure Quiritium*; но въ то время, съ котораго мы начинаемъ наше изслѣдованіе, всѣ Галлы давно уже стали таковыми. Юрисконсульты въ продолженіе двухъ вѣковъ развивали идею, что провинціальная земля не могла составлять полной собственности частныхъ лицъ. Они говорили, что въ силу завоеванія *dominium* на ней принадлежало римскому государству, а частнымъ лицамъ могло присвоиваться только «пользованіе» ею. Однако, совокупность фактовъ заставляетъ думать, что такова была лишь юридическая теорія, законная фикція скорѣе чѣмъ дѣйствительность [1]. Во всякомъ случаѣ, въ четвертомъ вѣкѣ различіе между провинціальною и

[1] *Gaius*, Instit. II, 7: «In provinciali solo dominium populi romani est vel Caesaris; nos autem possessionem tantum vel usumfructum habere videmus». —Замѣтьте въ этомъ отрывкѣ выраженіе *habere videmus*, а не *habemus*. Обратите также вниманіе на самый текстъ: Гай не выставляетъ свой принципъ, какъ практическое правило; онъ высказываетъ его случайно въ видѣ домысла. Ему нужно было сказать, что провинціальная земля не могла сдѣлаться *solum religiosum*; онъ ищетъ этому объясненія и находитъ, или полагаетъ, что его можно найти въ выставленной теоріи, что dominium надъ землей не принадлежало частнымъ лицамъ. Итакъ, фраза Гая есть не что иное, какъ авторское толкованіе.

италійскою почвой исчезло [1]. Это видно даже въ кодексахъ императоровъ, гдѣ терминъ *dominium* примѣняется къ провинціальнымъ помѣстьямъ [2].

Въ интересахъ послѣдующихъ нашихъ изслѣдованій намъ важно разсмотрѣть термины, посредствомъ которыхъ обозначалось на языкѣ того времени право собственности. Слова *dominium* и *dominus* оставались въ употребленіи въ нашу эпоху такъ же какъ и въ древнѣйшую, когда они примѣнялись спеціально къ собственности квиритарной [3]; слово *dominatio* въ смыслѣ права собственности встрѣчается уже въ Дигестахъ [4]. Употреблялись также выраженія *proprietas* и *proprietarius* [5]. Главное же, что надо замѣтить, это потерю словами *possessio* и *possessor* того узкаго значенія, въ

[1] Оба термина еще существовали; законы 316 и даже 530 годовъ содержатъ въ себѣ выраженія *fundi italici*, *fundi provinciales* или *stipendiarii*; но цѣлью этихъ самыхъ законовъ было именно уничтоженіе всякаго фактическаго различія между обѣими категоріями земель. См. *Cod. Theod.* VIII, 12, 2.—*Cod. Iust.* V, 13, 15; VII, 31.

[2] См., напримѣръ, въ Кодексѣ Юстиніана (VIII, 13, 9) законъ 239 года, въ которомъ вопросъ о *dominium* разбирался провинціальнымъ намѣстникомъ, *praeses*. Ср. также въ Юстиніановомъ Кодексѣ (III, 19, 2) законъ 331 года, въ которомъ владѣлецъ «praedii in provincia» называется «dominus». Въ особенности же см. конституцію 342 года, въ Кодексѣ Θеодосія (XII, 1, 33), въ которой говорится о куріалахъ, «qui privato dominio possident».

[3] *Cod. Iust.* VII, 25: «Nullam esse differentiam patimur inter dominos... Sit plenissimus et legitimus quisque dominus».

[4] *Digest.* XXIX, 2, 78: «Frater, qui superest, cavere debet, ne qua in re plus sua parte dominationem interponeret».

[5] Можно отмѣтить и оттѣнокъ, что *proprietas* противопоставлялось обыкновенно *usus fructus*. См. *Dig.* VII, 1, 25, 72. *Gaius*, II, 30—33.—*Cod. Iust.* IV, 19, 4 (законъ 222 года).

*

какомъ ихъ разумѣло старое право [1]. Слову *possessio* придавался тогда на обычномъ разговорномъ языкѣ и даже на языкѣ законовъ смыслъ полной собственности, слову *possessor* — полнаго собственника [2]. Идея собственности выражалась также словомъ *potestas*, [3] и юрисконсультъ опредѣлялъ понятіе полной собственности выраженіемъ *plena in re potestas* [4]. Всѣ эти термины—*dominium*, *dominatio*, *proprietas*, *possessio*, *potestas*—встрѣчаются снова въ средніе вѣка.

Въ четвертомъ вѣкѣ земельная собственность не носила больше того религіознаго характера, которымъ она была запечатлѣна въ древности. Богу Термину ужъ больше не поклонялись; но обычай установки *termini* (межевыхъ знаковъ) еще поддерживался. Каж-

¹ *Fest.* Müller, p. 233. «Possessio est, ut definit Aelius Gallus, usus quidem agri, non ipse fundus aut ager».—Ср. *Dig.* 1, 16, 115.

² См. *Macer*, Dig. II, 8, 15.—*Callistrat.* Ibid. XI, VII, 9, 7: «A domino possessionis».—Плиній Младшій называетъ при покупкѣ имѣнія посессоромъ того, кто его продаетъ. (Epistol. III, 19). —См. въ Кодексѣ Θеодосія (XI, 3, 5) законъ 391 года, въ которомъ тотъ человѣкъ, «qui dominium consequitur», называется потомъ «possessor».—Слово *possessio* употреблялось главнымъ образомъ для обозначенія земельнаго имущества или помѣстья, составлявшаго предметъ частной собственности. *Iul. Capit.* Pertinax, 9: «Omnibus possessiones suas reddidit».—*Dig.* II, 8, 15, 7: «Qui possessionem vendidit»; — XXXIII, 7, 27: «Coloni eiusdem possessionis».—*Cod. Theod.* II, 31, 1: «Dominos possessionum»;—VI, 3, 1: «Senatoriae possessiones» (это выраженіе тождественно съ «senatorii fundi», которое встрѣчается въ слѣдующемъ параграфѣ);—X, 8, 1 (законъ 313 года): «Possessionem donatam cum adiacentibus et mancipiis et pecoribus et fructibus et omni iure suo».—*Cod. Iust.* XI, 48, 23: «Possessionum domini». *Fragmenta Vaticana*, 24: «Possessionem venditam esse».—*Corpus inscr. lat.* III, 3626: «Quae ara posita est in possessione Vettiani».

³ *Dig.* L, 17, 59: «Heredem quidem potestatis iurisque esse, cuius fuit defunctus, constat».

⁴ *Iustinian.* Instit. II, 4, 1, § 4.

дое помѣстье отдѣлялось пограничною чертою [1]. Законъ позволялъ еще собственнику принуждать своего сосѣда къ размежеванію, и такая обязанность лежала еще на *agrimensores*, которые потеряли, правда, свой священный жреческій характеръ, но во многихъ случаяхъ сохранили судебныя права [2]. Обозначенныя такимъ образомъ границы признавались неприкосновенными; если нарушеніе ихъ не считалось больше актомъ кощунства и не наказывалось смертью, то оно по прежнему оставалось преступленіемъ и подвергалось законной карѣ.

Право личной собственности распространялось не только на воздѣланныя земли, но и на всякаго рода угодья. Если нынѣшніе люди выводятъ собственность изъ идеи труда, если завладѣніе землей они любятъ оправдывать фикціей долгаго накопленія вложенной въ нее работы, то римскіе юрисконсульты не прибѣгали къ этой теоріи. Собственность являлась для нихъ исконнымъ неоспоримымъ правомъ, которое не нуждалось въ доказательствахъ. Поэтому она такъ же вполнѣ распространялась на невоздѣланныя земли, какъ и на земли культивированныя. Предметами частной собственности являлись также лѣса и пастбища [3].

Она распространялась даже на проточныя воды. Ульпіанъ опредѣленно говоритъ, что есть такія рѣки, которыя составляютъ государственное владѣніе, и такія,

¹ *Gaius*, IV, 42.—*Ulpian.* XIX, 16.—*Dig.* XLII, 8, 21; XVIII 1, 18.—*Cod. Theod.* II, 26.—*Cod. Iust.* III, 39, 3.

² Объ «actio finium regundorum» см. Дигесты, XI, 1; Кодексъ Θеодосія, II, 26; Кодексъ Юстиніана, III, 39.—Объ *agrimensores*—Дигесты, II, 6, 1—3; Кодексъ Θеодосія, II, 26, 1; *Gromatici veteres*, изд. Lachmann, стр. 10, 24 и т. д.

³ На это существуетъ много документальныхъ указаній; см., напримѣръ, *Paul.* Dig. XIII, 7, 18;—*Ulpian.* Ibid. L, 15, 4;—*Cod Theod.* X, 42, 7.

которыя не составляютъ его; онъ добавляетъ, что законы, регулирующіе собственность на текучія воды, тѣже самые, какіе управляютъ и земельными имуществами [1].

Право собственности простиралось не на одну только поверхность почвы. Въ римскихъ сводахъ законовъ можно видѣть, что оно захватывало также каменоломни, соляныя копи и рудники. На дѣлѣ большая часть горныхъ промысловъ принадлежала государству, но нѣкоторые изъ нихъ находились въ рукахъ частныхъ лицъ, и законъ опредѣленно признавалъ этотъ видъ собственности [2]. Хозяинъ земли являлся по закону и владѣльцемъ всего того, что находилось подъ нею. Въ силу этого правила всѣ найденные клады принадлежали собственнику,—если они были открыты имъ самимъ, то цѣлостью, если другимъ лицомъ, пополамъ съ послѣднимъ [3]. Итакъ Римляне понимали собственность, какъ право, по существу связанное съ землею, по которому власть

[1] *Ulpian.* Digest. XLIII, 12, 1: «Flumina quaedam publica sunt, quaedam non».—*Ibidem*: «Si flumen privatus est».—*Ibidem*: «Nihil differt a ceteris locis privatis flumen privatum».

[2] Говоря о находившемся подъ опекою ребенкѣ, Ульпіанъ поясняетъ, что въ числѣ имущества онъ можетъ имѣть «lapidicinas vel quae alia metalla, cretifodinas, argentifodinas». (*Dig.* XXVII, 9, 3). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о лицѣ, пользующемся доходами съ помѣстья, онъ устанавливаетъ, что лицо это можетъ эксплуатировать каменоломни, золотые и серебряные рудники и сѣрныя нахожденія, какъ бы это дѣлалъ собственникъ (*Dig.* VII, 1, 13. § 5). См. еще *Dig.* XXIV, 3, 7, § 13—14.—Тацитъ говоритъ объ одномъ жителѣ Испаніи, который былъ собственникомъ золотыхъ рудниковъ; *Ann.* VI, 19 (25). Ср. *Corp. inscr. lat.* II, 3280 a.

[3] *Cod. Iust.* X, 15, 1.—*Cod. Theod.* X, 18, 2, 3. Намъ кажется, что первый законъ той же главы относится къ тому случаю, когда кладъ былъ найденъ на казенной землѣ; въ такомъ случаѣ государство, какъ собственникъ, имѣло право на его половину; см. въ Дигестахъ конституцію Адріана, XILX, 14, 3, § 10. *Dig.* XLI, 1, 31, 63; *Instit.* II, 1, 39.—*Spartian.* Hadrian. 18.

обладавшаго имъ лица вкоренялась въ землю такъ глубоко, какъ того требовали его интересы.

Отъ права собственности могли отдѣляться нѣкоторые ея аттрибуты. Собственникъ могъ, напримѣръ, отказываться отъ «узуфрукта» или пользованія имуществомъ. Онъ могъ уступать «поверхность» земли и передавать даже навседа владѣніе тѣмъ, что находилось на этой поверхности (*superficies*) другому лицу. Но это не мѣшало ему оставаться хозяиномъ земли, *dominus fundi*.

Сооруженіе дома не влекло за собою права на землю, на которой онъ стоялъ. По праву собственникомъ выстроеннаго другимъ дома становился, наоборотъ, истинный собственникъ земли. Такимъ образомъ собственность на землю влекла за собою полное распоряженіе поверхностью: *superficies solo cedit*—говоритъ юрисконсультъ [1]. Всѣ эти законы характерны; изъ нихъ мы видимъ, какое понятіе имѣли Римляне о правѣ земельной собственности, и какую большую силу они придавали этому праву.

Такая собственность или такая связь земли съ человѣческой личностью не встрѣчала границъ во времени. Она не являлась ни срочною, ни пожизненною; она была вѣчною. Человѣкъ умиралъ, но сынъ его или ближайшій родичъ становился продолжателемъ его личности и по одному этому наслѣдовалъ его имуществу, *succedit in dominium* [2].

Такъ какъ за всѣми дѣтьми признавались одинаковыя права на наслѣдство, то земля дѣлилась между ними на равныя части. Въ самомъ древнемъ римскомъ

[1] *Gaius*, II, 73: «Id quod in solo nostro ab aliquo aedificatum est, iure naturali nostrum fit, quia superficies solo cedit».—*Dig.* XLIII, 18, 2: «Superficiarias aedes appellamus, quae in conducto solo positae sunt; quarum proprietas et naturali et civili iure eius est, cuius est solum».

[2] *Paul.* Dig. L, 16, 70.

правѣ можно подмѣтить слѣды закона, исключавшаго дочерей изъ отцовскаго наслѣдія. Законъ этотъ выросъ изъ понятія, по которому собственность считалась скорѣе достояніемъ рода, чѣмъ индивидуума, и которое не позволяло, чтобы при замужествѣ своемъ дочь переносила землю въ другой родъ. Но въ то время, которое мы здѣсь изучаемъ, законъ этотъ давно уже исчезъ. Въ четвертомъ вѣкѣ не усматривали никакого основанія для исключенія женщины изъ такого же полнаго права собственности, какимъ пользовался мужчина.

Земля могла также передаваться по завѣщанію. Права собственника на нее доходили до того, что онъ могъ распоряжаться ею во время, слѣдовавшее даже за его смертью. Освобожденное отъ старыхъ стѣсненій, право завѣщанія сдѣлалось простымъ и легкимъ. Его можно было устанавливать или устно, передъ свидѣтелями, или письменно, *per tabulas*. Государственная власть не требовала отъ завѣщателя ничего другого, кромѣ яснаго изъявленія его воли.

Владѣлецъ могъ также при своей жизни отчуждать землю. Продажа не подчинялась больше формальностямъ «манципаціи», какъ въ прежнія времена. Достаточно было простой передачи, съ засвидѣтельствованіемъ желанія собственника передать имущество [1]. Такимъ же образомъ происходило и дареніе. Землю можно было также закладывать для обезпеченія платежа долга. Однимъ словомъ, собственнику разрѣшались всѣ способы распоряженія землею [2].

[1] *Instit.* II, 1, 40: «Nihil tam conveniens est naturali aequitati, quam voluntatem domini, volentis rem suam in alium transferre, ratam haberi, et ideo... praedia, quae in provinciis sunt, ita alienantur».

[2] *Cod. Iust.* IV, 24; ср. *Gaius*, Dig. XX, 1, 4. *Scaevola*, Dig. XVIII, 1, 81.

Не всѣ земли принадлежали отдѣльнымъ лицамъ. Землею могли владѣть и корпораціи. Такъ, собственниками многихъ земель оказывались храмы [1]; каждый городъ также владѣлъ помѣстьями [2]. Существовали наконецъ государственныя или государевы земли. Важно замѣтить, что по отношенію къ названнымъ общинамъ или учрежденіямъ право собственности не отличалось по существу отъ того, какимъ оно формулировалось для частныхъ лицъ. Государство, города, храмы и корпораціи пользовались или распоряжались своими землями согласно всѣмъ правиламъ, опредѣлявшимъ частную собственность. Продажа, пожалованіе и отдача въ аренду производились на этихъ земляхъ такъ же, какъ на всѣхъ другихъ [3]. Государство и простой гражданинъ были собственниками на совершенно одинаковыхъ правахъ.

Входило ли въ обычаи Римлянъ и въ ихъ право общинное землевладѣніе? Достовѣрно одно, что въ документахъ упоминаются земли, называвшіяся *ager communis*, *communia*, *communiones*, *pro indiviso*, *compascua* [4]. Если разсмотримъ эти документы, то увидимъ, что всѣ они относятся къ тремъ случаямъ: 1) въ нихъ

[1] О собственности храмовъ см. *Ulpian.* XXII, 6: «Deos heredes instituere».—*Dig.* XXXII, 38, 6; XXXIII, 1, 20.— *Cod. Iust.* XI, 70: «De praediis urbanis et rusticis templorum».—*Gromat. veteres*, ed. Lachmann, p. 117.

[2] *Lex Malacitana*, 63, 64.—Ср. Lex de controversia inter Genuates et Viturios» въ *Corp. inscr. lat.* V, 7749; *Wilmans*, 872. *Cod. Iust.* XI, 71: «De locatione praediorum civilium».—*Ulpian.* XXIV, 28.—*Cod. Theod.* X, 3, 1; XV, 1, 8. *Ammian. Marcell.* XXV, 4.—*Gromatici veteres*, p. 35—36.

[3] Нѣкоторыя оговорки были сдѣланы лишь въ области права отчужденія.

[4] *Frontin.* De controversiis agrorum (ed. Lachmann, p. 15): «Ea compascua multis in locis in Italia communia appellantur, quibusdam provinciis pro indiviso».

говорится о земляхъ, сообща принадлежавшихъ сонаслѣдникамъ или товарищамъ [1]; 2) въ другихъ идетъ рѣчь о лѣсахъ или пастбищахъ, купленныхъ на общій счетъ нѣсколькими сосѣдними собственниками для того, чтобы пасти стада, и оставшихся нераздѣленными [2]; 3) наконецъ, упоминается о пустопорожнихъ земляхъ, не попавшихъ, когда основывалось поселеніе, въ раздѣлъ полосъ, поступившихъ въ частную собственность, и отданныхъ членамъ этого поселенія [3]. Во всѣхъ указанныхъ трехъ случаяхъ одинаково земли, называемыя общинными, составляли въ сущности собственность нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицъ [4], и ни въ одномъ случаѣ земли эти не были общими для всѣхъ членовъ данной группы; идея общности земель была чужда римскому духу, и ничего подобнаго не замѣтно въ римской аграрной практикѣ.

Здѣсь возникаетъ одинъ вопросъ, который я не могу оставить въ сторонѣ. Нѣкоторые ученые утверждали, что частная собственность на землю возникла у Римлянъ, только какъ льгота со стороны государства, что она происходила отъ государственной собственности, и что по-

¹ *Dig.* X, 3, De communi dividundo.— *Cod. Iust.* III, 37.

² *Scaevola,* Dig. VIII, 5, 20: «Plures ex municipibus, qui diversa praedia possidebant, saltum communem, ut ius compascendi haberent, mercati sunt; idque etiam a successoribus eorum observatum est».

³ *Frontin.* De controv. p. 15: «Est et pascuorum proprietas pertinens ad fundos, sed in commune». — *Siculus Flaccus*, De conditionibus agrorum, p. 157: «Inscribuntur et compascua, quod genus est quasi subsecivorum, sive loca quae proximi quique vicini...»— *Hygin.* De limitibus constituendis, p. 201: «Proximis possessoribus datum est in commune, nomine compascuorum».— *Hygin.* De condit. agrorum, p. 117: «Compascua, quae pertinerent ad proximos quosque possessores».

⁴ *Frontin*, p. 48: «Certis personis data sunt depascenda».— *Aggen. Urbic.* p. 15: «Pascua certis personis data sunt depascenda».

этому государство всегда сохраняло за собою нѣчто вродѣ верховнаго права собственности на всѣ земли. Говорили, что частныя лица становились владѣльцами лишь подъ условіемъ сохраненія интересовъ и правъ гражданской общины, народа. Говорили, что «одной только верховной власти принадлежала истинная собственность на землю» [1]. «Владѣніе частныхъ лицъ было ничѣмъ инымъ, какъ уступкой государства, и оно сохраняло за собою *dominium*» [2]. Историческимъ путемъ никогда не было доказано, что земельная собственность образовалась первоначально изъ уступки государства, но я не буду здѣсь оспаривать эту гипотезу, такъ какъ вопросъ не касается изслѣдуемаго мною предмета. Но необходимо убѣдиться, сохраняло ли государство до конца верховныя права надъ землями частныхъ лицъ? Поднималось ли такимъ образомъ надъ каждою землей выше владѣнія отдѣльнаго лица собственность государства или государя? Если это правда, то различіе, установившееся въ средніе вѣка между двумя формами владѣнія, верховною собственностью (*dominium eminens*) и пользованіемъ (*dominium utile*) [3], вѣроятнѣе всего

¹ *Giraud,* Recherches sur le droit de propriété chez les Romains, p. 233, 237, 252; Его-же, Histoire du droit français, т. I, стр. 151: «Земельная собственность была у древнихъ лишь уступкою со стороны власти, которой одной принадлежала истинная собственность на землю».

² *Accarias,* Précis du droit romain, изд. 3-е, т. I, стр. 483 и 484; 4-е изд. стр. 516 и 527. Авторъ основываетъ свою теорію на плохо истолкованномъ текстѣ Варрона и на юридической фикціи объ ager provincialis. Что касается *dominium*, то государство не сохранило его для себя, но изъ всего римскаго права только не сохранило его для себя, но изъ всего римскаго права слишкомъ очевидно, что оно принадлежало частнымъ лицамъ.

³ Мы сохраняемъ на время эти два выраженія, потому что они употребляются въ обыденной рѣчи, но дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ, что они не вполнѣ точны.

произошло изъ бытовыхъ формъ и правовыхъ понятій римскаго общества.

Прежде всего, надо засвидѣтельствовать, что подобное различеніе нигдѣ не выражено въ древнихъ документахъ. Возьмите сочиненія Цицерона, сельскохозяйственныхъ писателей или трактаты землемѣровъ (*agrimensores*), вы никогда не увидите въ нихъ, чтобы земля, составлявшая частное владѣніе, была подчинена верховной собственности государства. Теорія Гая о *dominium* государства прилагается имъ въ принципѣ лишь къ провинціальной землѣ, да и здѣсь она практически никогда не осуществлялась. Въ кодексахъ, заключающихъ въ себѣ императорскіе законы III, IV и V вѣковъ, нѣтъ ни одной строки, которая гласила бы, что государство и государь заявляли притязаніе на верховное право надъ не принадлежавшими имъ землями. Теорія эта не высказана ни въ одномъ изъ памятниковъ дѣйствовавшаго римскаго права.

Старались подыскать косвенныя подтвержденія такого взгляда; ссылались на практику земельныхъ конфискацій во времена имперіи, даже на злоупотребленіе ими. Но конфискація имущества служила наказаніемъ; она постановлялась судьями въ силу опредѣленныхъ законовъ и составляла особенность уголовнаго права. Конфискація имущества существовала у всѣхъ народовъ древности, и она вовсе не указываетъ на то, что частная собственность подчинялась у нихъ государственной.

Ссылались на многіе аграрные законы временъ республики и имперіи. Но, присмотрѣвшись къ тому, что такое были аграрные законы, мы выяснимъ, что они являлись законодательными актами, посредствомъ которыхъ государство, остававшееся собственникомъ извѣстныхъ земель, уступало эти земли частнымъ лицамъ,

то-есть, преобразовывало государственную собственность въ частную. Пространные тексты, сохранившіе намъ картину этой земельной операціи, совершенно убѣждаютъ насъ, что при совершеніи такой уступки земель государство не удерживало за собою никакого права на нихъ. Государство учреждало на такихъ территоріяхъ, совсѣмъ наоборотъ, полную собственность даннаго лица, ничего для себя не оставляя.

Государство ни въ какомъ случаѣ не сохранило за собою права взять эти земли обратно. Поищите въ римскихъ сводахъ постановленія, которыя констатировали бы право выкупа въ пользу государства, вы не найдете ихъ. Вы не отыщете также слѣдовъ его права предпочтительной передъ другими покупки уступленныхъ земель. Въ римскомъ правѣ никогда не существовало даже принудительной экспропріаціи частной собственности въ видахъ государственной надобности. Это не значитъ, что она не допускалась на практикѣ, но, по строгому праву, государство не могло лишать владѣльца его поля, хотя бы и въ интересахъ высшаго общаго блага. Юлій Фронтинъ, писатель, бывшій современникомъ Траяна и хорошо знавшій законы, касавшіеся даннаго вопроса, такъ какъ онъ завѣдывалъ водопроводами (*curator aquarum*), утверждаетъ, что «государство не имѣетъ права лишать частное лицо его владѣнія даже въ видахъ общей пользы». Онъ добавляетъ, что земли, необходимыя для проведенія акведуковъ, покупались, и приводитъ еще любопытную подробность, что «если владѣлецъ отказывался продать маленькую полосу земли, которую у него просили, то государство принуждено было пріобрѣсти все имѣніе» [1]. Онъ не говоритъ, обязанъ ли былъ

[1] ***Frontin.*** De aquaeductibus, c. 6; «Maiores nostri, admirabili aequitate, ne ea quidem eripuere privatis, quae ad modum

владѣлецъ согласиться на такую продажу; эта сторона дѣла вообще никогда не была вполнѣ точно разъяснена. Титъ Ливій передаетъ, что разъ цензоры, постановивъ устроить новый водопроводъ, не могли осуществить своего рѣшенія единственно по той причинѣ, что одно частное лицо отказалось позволить провести его по своей землѣ [1]. Надо полагать, что въ строгомъ видѣ право собственника не всегда соблюдалось; но достойно вниманія то обстоятельство, что опредѣленно экспропріація никогда не была внесена въ законы [2]. Мы не видимъ, чтобы законодатель объявилъ когда-нибудь, что государство могло лишить владѣльца его имущества въ силу верховнаго своего права на землю.

По смерти собственника, землю его бралъ сынъ его или наслѣдникъ, и онъ не долженъ былъ при этомъ испрашивать чего-либо отъ государства. Онъ прямо становился собственникомъ въ свою очередь, и не въ силу уступки государства, а по полному своему праву. Я хотѣлъ бы здѣсь показать связанныя съ наслѣдственнымъ правомъ понятія, и воплощеніе ихъ нахожу у

publicum pertinebant. Sed cum aquas perducerent, si difficilior possessor in parte vendenda fuerat, pro toto agro pecuniam intulerunt, et post determinata necessaria loca eum agrum vendiderunt».

[1] *Liv.* XL, 51: «Impendimento operi fuit Licinius Crassus, qui per fundum suum duci non est passus».—Цицерономъ указанъ еще одинъ аналогичный фактъ; De lege agraria, II, 30; ср. *Sueton.* August. 56. Прибавимъ текстъ Ульпіана, относящійся къ каменоломнямъ (*Dig.* VIII, 4, 13): «Si constat in tuo agro lapidicinas esse, invito te, nec privato nec publico nomine, quis quam lapidem caedere potest».

[2] Тексты, приводимые Аккаріасомъ (*Cod. Theod.* XV, 1, 50; 53, *Frontin.* De aquaed. 6), вовсе не показываютъ, что владѣлецъ безъ своего согласія могъ быть лишенъ владѣнія. Вопросъ остается, значитъ, сомнительнымъ.

Плинія Младшаго. Онъ разсказываетъ, что когда государство пыталось установить налогъ на наслѣдства, его не удалось распространить на тѣ изъ нихъ, которыя передавались по прямой линіи: «наслѣдники не потерпѣли бы, чтобы правительство коснулось имуществъ, на которыя имъ давали безусловное право кровныя узы и домашній культъ, которыя принадлежали имъ уже до смерти отца, обладателями которыхъ они какъ бы были даже съ самого появленія своего на свѣтъ» [1]. Онъ прибавляетъ, что «было бы чудовищно и нечестиво помѣстить между отцомъ и сыномъ налогъ, и что такое вмѣшательство государственнаго сборщика было бы родомъ кощунства, разрывающаго самыя священныя узы» [2]. Итакъ, уму Римлянина трудно было допустить, чтобы государство могло облагать налогомъ родовыя наслѣдства. Для полученія наслѣдства никому не требовалось согласія государства.

Завѣщаніе было у Римлянъ безусловно свободнымъ, и никакая государственная власть не становилась рядомъ съ волей завѣщателя. Если акты продажи и пожалованія, равно какъ и завѣщанія, представлялись обыкно-

[1] *Plin.* Panegyr. Traian. 37 (ed. Keil, p. 346): «Vicesima (hereditatium) reperta est, tributum tolerabile heredibus duntaxat extraneis, domesticis grave... Non laturi homines essent destringi aliquid et abradi bonis, quae sanguine, gentilitate, sacrorum societate meruissent, quaeque, non ut aliena, sed ut sua semperque possessa cepissent».

[2] *Ibidem*: «Improbe et insolenter ac paene impie his nominibus (слѣдуютъ имена отца и сына) inseri publicanum nec sine piaculo quodam sanctissimas necessitudines intercedente vicesima scindi».—Въ переводѣ нашемъ мы не смогли передать всей энергіи авторскаго языка; сила его, вообще непривычная у Плинія, показываетъ, въ данномъ мѣстѣ, какую власть сохранили еще развиваемыя имъ понятія надъ умами людей его времени.

венно муниципальнымъ магистратамъ и вносились въ куріальные списки, то это не значило, чтобы муниципальная власть имѣла право санкціонировать или отвергать акты; обычай этотъ не имѣлъ иной цѣли, кромѣ оффиціальнаго засвидѣтельствованія воли владѣльца и обезпеченія на будущее время ея исполненія.

Мы можемъ, стало быть, считать за достовѣрное, что верховной собственности государства или государя надъ землями частныхъ лицъ не существовало во времена имперіи. Налоги и военная служба были государственными повинностями; они распредѣлялись на каждомъ пропорціонально его имуществу; но они не были повинностями, по существу своему мотивировавшимися правомъ собственности государства; еще менѣе являлись они условіемъ пользованія и какъ бы ежегоднымъ доходомъ съ собственности, какъ думаютъ нѣкоторые ученые [1].

[1] Теоріи этой еще придерживается *Accarias* (§ 208); но тексты, на которыхъ основываетъ ее этотъ ученый, неправильно указаны и истолкованы. Фразы, приписываемой имъ Аггену Урбику, нѣтъ у этого писателя. Гигинъ говоритъ нѣсколько разъ объ *agri vectigales*, но онъ не констатируетъ, чтобы всѣ земли находились въ такомъ положеніи. Ясно, что было много земель, которыми владѣло государство или города, и за которыя пользователями платилась рента. Можно также привести текстъ изъ Цицерона (In Verrem III, 6), изъ котораго видно, что во время республики государство, бывшее часто владѣльцемъ земель, которыя отбирались у побѣжденныхъ, заставляло платить за нихъ *vectigal*. Но не менѣе справедливо и то, что во всѣ времена, а во время имперіи въ особенности, существовало большое количество частныхъ земель, *agri privati*, за которыя *vectigal* не платилось ихъ владѣльцами. Между ager privatus и ager vectigalis существовала даже своего рода несовмѣстимость, какъ это показываетъ законъ, относившійся къ *Genuates* и къ *Viturii*: «Qui ager privatus Vituriorum est, quem agrum eos vendere heredemque sequi licet, is ager vectigalis ne siet» (*Corp. inscr. lat.* V, 7749; *Wilmanns*, 872).

Земля, составлявшая частную собственность, *ager privatus*, не облагалась ни податями, ни служебными повинностями, которыя носили бы характеръ земельной ренты.

При первомъ взглядѣ, эта совокупность юридическихъ правилъ и понятій кажется полной противоположностью тѣхъ учрежденій, которыя будутъ господствовать въ средніе вѣка, и не стоитъ съ ними, повидимому, ни въ какой связи. Однако же, внимательно разсмотрѣвъ факты и не ограничиваясь поверхностнымъ взглядомъ на вещи, придется признать, что римское понятіе земельной собственности не исчезло послѣ паденія имперіи. Оно будетъ долго еще жить и дѣйствовать подъ покровомъ феодальныхъ учрежденій.

2.

Сельское помѣстье.

Послѣ того, какъ мы констатировали существованіе частной собственности на землю въ римскомъ правѣ, надобно посмотрѣть, какимъ образомъ примѣнялось это право. Здѣсь необходимо изслѣдовать, въ какихъ формахъ сложилось у Римлянъ сельское помѣстье, изъ какихъ элементовъ оно состояло, какъ обрабатывалось, и какое населеніе жило на немъ.

Прежде всего, слѣдуетъ и въ этомъ вопросѣ разсмотрѣть термины обозначавшаго предметъ юридическаго языка. Спеціальнымъ словомъ для наименованія помѣстья было—*fundus*, терминъ, заключавшій въ себѣ понятіе полной и безусловной собственности. Въ такомъ же смыслѣ употреблялось и слово *praedium*. Не-

движимое имѣніе называлось также *ager*. Послѣдній терминъ, имѣвшій нѣсколько довольно различныхъ значеній, примѣнялся чаще всего именно къ обозначенію объединеннаго цѣлаго, состоявшаго изъ разнородныхъ сельскохозяйственныхъ эксплуатацій. Катонъ называетъ словомъ *ager* помѣстье въ 100, 200 или 240 югеровъ [1]. Въ томъ же значеніи употребляютъ это слово Варронъ и Колумелла. Плиній называетъ такъ же (*agri*) свои большія помѣстья [2]. На языкѣ права, слѣдовательно, *ager*—это было помѣстье [3]. *Ager* составлялся обыкновенно не изъ однихъ полей; Катонъ говоритъ объ *agri*, состоявшихъ изъ виноградниковъ, оливковыхъ насажденій, пастбищъ и лѣсовъ. Ульпіанъ сообщаетъ намъ, что каждый *ager* подробно описывался на кадастральныхъ регистрахъ, то-есть, что въ нихъ отмѣчалось, сколько земли было въ немъ подъ виноградникомъ, сколько подъ хлѣбными полями, подъ лѣсомъ или лугомъ [4]. *Agellus* Авзонія и *ager* Аполлинарія Сидонія включали въ себѣ виноградники, луга и лѣса. Итакъ, мы должны отвыкнуть переводить слово *ager* только какъ поле, хотя значеніе

[1] *Cat.* De re rustica, I, 10.

[2] *Plin.* Epist. III, 19; X, 9 (ed. Keil).—Цицеронъ говоритъ также объ одномъ *ager*, который былъ такъ великъ, что его раздѣлили на центуріи; см. pro Tullio, 3: «Est in eo agro centuria quae Polonia nominatur».

[3] Павелъ прибѣгаетъ въ Дигестахъ въ одной и той же статьѣ (XVIII, 1, 40) къ словамъ *ager* и *fundus* для обозначенія одного и того же помѣстья.—Въ Дигестахъ, De significatione verborum, L, 16, 211,—опредѣленно сказано, что словомъ *ager* обозначались всѣ земли помѣстья. *Ager* синонимъ съ *fundus* въ Дигестахъ XVIII, 1, 40, синонимъ съ *praedium* въ Кодексѣ Юстиніана VI, 24, 3 (законъ 222 года).

[4] *Ulpian.* Dig. L, 15, 4: «Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur: arvum quot iugerum sit... vinea... pratum.. pascua... silvae».

это и встрѣчается иногда; чаще всего подъ нимъ подразумѣвается цѣльное помѣстье. Что касается выраженія *villa*, то первоначально оно примѣнялось къ дому, выстроенному на помѣстьѣ, въ которомъ жилъ хозяинъ; но уже довольно рано это обозначеніе распространилось на все помѣстье [1]. То же самое произошло со словомъ *cortis*, которое обозначало раньше одинъ только дворъ сельскаго хутора или мызы, а въ пятомъ вѣкѣ уже прилагается ко всему помѣстью. Мы видимъ, напримѣръ, что одно лицо обладало въ то время нѣсколькими *cortes*, очень богатыми и приносившими хорошій доходъ, заключавшими въ себѣ лѣса, озера и текучія воды, мельницы и рыбныя ловли; каждая такая единица обрабатывалась нѣсколькими сотнями рабовъ [2]. *Fundus, praedium, ag r, villa, cortis*—всѣ эти термины были, такимъ образомъ, синонимами; намъ необходимо имѣть это въ виду при послѣдующихъ нашихъ изслѣдованіяхъ.

Каждое помѣстье должно было носить особое собственное имя—это было чисто римскимъ обычаемъ. По-

[1] Въ первоначальномъ значеніи слово *villa* употреблялось Катономъ, Варрономъ и Колумеллою; также въ Дигестахъ—Ульпіаномъ (VII, 4, 8): «Villa fundi accessio est»; ср. у Плинія младшаго, Epist. III, 19.—Но оно встрѣчается также и въ болѣе общемъ значеніи—помѣстья. *Tacit.* Annales, III 53: «Villarum infinita spatia».—*Plin.* Hist. nat. XXXII, 25, 42: «Villas ac suburbana». *Dig.* L, 16, 198: «Praedia, quae sunt in villis».—*Corp. inscr. lat.* X, 1748: «Villa Lucullana».—*Stat.* Silvae, II: «Villa Surrentina».—*Sidon.* Epistolae, I, 6 (изд. Luetjohann, стр. 9): «Excolere villam».

[2] Такъ, нѣкій Тертуллъ владѣлъ 18 *cortes* въ Сициліи (*Vita Placidi*, 16—18, у Mabillon, Acta Sanctorum, I, 52—53), Авторъ называетъ—«cortis Mirazanus», «cortis Plazanus», «cortis Calderaria», «cortis Petrosa», и т. д.—*Ibidem*: «Dedit... cortes bonas valde et magnas cum portubus suis, silvis, aquis, piscariis, molendinis... cum servis septem millibus».

*

смотрите ту главу Дигестъ, которая относится къ земельному налогу; вы прочитаете тамъ, что въ кадастральныхъ спискахъ каждое помѣстье было записано «подъ своимъ именемъ», а не только подъ именемъ владѣльца [1]. Загляните въ главу, гдѣ говорится о завѣщаніяхъ, и гдѣ юрисконсульты приводятъ нѣкоторыя практиковавшіяся въ послѣднихъ условія (клаузулы); вы замѣтите, что завѣщатель рѣдко писалъ: «помѣстье, которымъ я владѣю въ такомъ-то мѣстѣ»; онъ чаще выражался такъ: «мое помѣстье, носящее такое-то названіе» [2]. Отсюда можно заключить, что наиболѣе привычнымъ обычаемъ было опредѣлять помѣстье не по мѣстности, въ которой оно было расположено, а по названію, которое оно носило. Очевидно также, что это названіе являлось настолько постояннымъ предикатомъ помѣстья, что дѣйствительно могло служить для яснаго его обозначенія.

Къ такому же выводу приводятъ и надписи. Въ одной изъ нихъ, относящейся ко времени Домиціана, нѣкій человѣкъ жалуетъ четыре помѣстья; онъ называетъ ихъ по ихъ именамъ: *fundus Iunianus*, *Lollianus*,

[1] *Dig*. 4, 15, 4: «Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur: nomen fundi cuiusque...»

[2] *Dig*. XXXII, 35: «Fundum Trebatianum... Fundum Satrianum... dari volo».—*Ibidem*, 38: «Fundum Cornelianum... Fundum Titianum».—*Ibidem*, 41: «Fundum Gargilianum legavit».—*Ibidem*, 78: «Fundo Semproniano cum suis inhabitantibus... Peto, ut fundum meum Campanianum Genesiae adscribatis».—*Ibidem*, 91: «Praedia Seiana, praedia Gabiniana do, lego».—XXXIII, 1, 19: «Ex reditu fundi Speratiani».—*Ibidem*, 32: «Usum fructum fundi Vestigiani lego».—*Ibidem*, 38: «Fundi Aebutiani reditus dari volo».—*Ibidem*, XXXIII, 4, 9: «Uxori meae fundum Cornelianum».—*Ibidem*, 18: «Maevio fundum Seianum»; 19: «Pamphilae fundum, Titianum... Tyrannae fundum meum Graecianum»; 27: «Fundum Cornelianum Titio dari volo... Sempronio fundum Cassianum».

Percennianus, *Statuleianus* [1]. Въ другой надписи, одно лицо, говоря о водопроводѣ, построенномъ имъ для доставленія воды въ его *villa Carvisiana*, перечисляетъ всѣ помѣстья, черезъ которыя прошелъ этотъ акведукъ; это были: Антоніанское, Бальбіанское, Фелиніанское Петроніанское, Вольсоніанское, Серранское, Фунданіанское, Капитоніанское, Сцирпиніанское [2]. Другія еще надписи даютъ намъ цѣлые перечни земельныхъ владѣній. Одна изъ нихъ представляетъ длинный списокъ болѣе трехъ сотъ недвижимостей, принадлежавшихъ къ территоріи небольшого муниципія Велеи въ Цизальпинской провинціи; каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе [3]. Въ другой аналогичной надписи встрѣчаемъ пятьдесятъ два названія помѣстій, на территоріи одного также небольшого городка Кампаніи, и это еще очень не полный списокъ [4]. Вульцейская надпись перечисляетъ по именамъ шестьдесятъ два земельныхъ владѣнія [5]. Надо замѣтить, что, въ числѣ этихъ помѣстій попадаются очень незначительныя. Были такія, стоимость которыхъ, указанная въ надписи, не превышала 15.000—8000 сестерціевъ, но и они такъ же, какъ остальныя имѣли свое специальное названіе.

Эти названія земель никогда почти не строились на географическихъ признакахъ. Никогда не заимствовали

[1] *Wilmans*, Exempla inscr. latin. 95.—Henzen. 6085: «Domitius... fundum Iunianum et Lollianum, et Percennianum, et Statuleianum suos cum suis villis finibusque attribuit».

[2] *Corp. inscr. lat.* t. XI, 3003.—*Orelli-Henzen*, 6634.

[3] Надпись эту можно найти въ сборникѣ *Wilmans*, 2845, въ «Bulletin de l'Institut archéologique de Rome», 1841, и въ трудѣ *Ern. Desjardins* относительно «Tables alimentaires».

[4] «Tabula Ligurum Baebianorum», у *Mommsen*, Inscr. Neap. 1354; *Wilmans*, 2844; *Corp. inscr. lat.* X, 1455.

[5] *Corp. inscr. lat.* X, 407.

они своего имени отъ названія рѣки, горы, отъ особенностей поверхности почвы[1]. Они не являются также земледѣльческими характеристиками: никогда не происходили они отъ именъ деревьевъ, растеній и животныхъ. За очень немногими исключеніями, они всегда образованы отъ корня, представлявшаго имя человѣка, къ которому прибавлялось окончаніе прилагательнаго, показывающаго обладаніе. Помѣстья назывались напримѣръ, *fundus Manlianus, Cornelianus, Terentianus, Sempronianus, Postumianus, Iulianus, Lollianus, Clodianus, Propertianus, villa Surdiniana, Lucullana, praedium Herennianum*[2]. Кромѣ того, по надписямъ, въ которыхъ они приведены, видно, что это не были имена послѣднихъ владѣльцевъ, современныхъ составленію документа, такъ какъ рядомъ съ названіемъ каждой земли, въ надписи стоитъ имя того, кто обладалъ ею, и оба имени всегда различны[3]. Это происходило потому, что наименованія были давняго происхожденія; помѣстья обозначались именемъ первоначальнаго своего владѣльца. Оно давалось помѣстью тѣмъ, кто первый устроилъ его, кто сдѣлалъ на немъ первыя насажденія, соорудилъ хозяйственныя постройки, кто обозначилъ и освятилъ его

[1] Встрѣчается нѣсколько названій, заимствованныхъ отъ племенныхъ именъ какъ, напримѣръ, *Laurentianus* и *Tuscus* у Плинія; но такіе случаи рѣдки.

[2] *Corp. inscr. lat.* IX, 1455, 5845; X, 407, 444, 1748, 4734 etc.

[3] Напримѣръ, въ одной надписи (*Henzen*, 6634)) Villa Calvisiana принадлежитъ Муммію Нигеру, fundus Antonianus—Варрону, Balbanus—Ульцею Коммоду, Volsonianus—Геренню Полибію и т. д. Смотрите также Велейскую и Бебіанскую надписи. Въ № 95, у Вильманса нѣкто Домицій жалуетъ четыре *fundi*, изъ которыхъ ни одинъ не носитъ его имени.

границы. Такіе акты являлись своего рода основаніемъ помѣстья, и первый владѣлецъ походилъ по старымъ понятіямъ на основателя города. Имя его оставалось поэтому связаннымъ съ самою землею. Имя это сохранялось даже тогда, когда земля переходила въ другой родъ. По надписямъ можно видѣть, что владѣлецъ даннаго времени рѣдко былъ потомкомъ того, кто далъ имя помѣстью. Родъ прежняго владѣльца прекращался, но имя его оставалось за нимъ. Это не значитъ, что законъ запрещалъ новому владѣльцу измѣнить названіе помѣстья;[1] нѣкоторые такіе примѣры встрѣчаются, но примѣры эти рѣдки; обычнымъ правиломъ было сохраненіе прежняго названія.

Такая система обозначенія помѣстій, установившаяся, повидимому, очень давно въ римскомъ обществѣ, сохранилась въ продолженіе всѣхъ пяти вѣковъ существованія имперіи. Можно встрѣтить ея примѣненіе еще въ послѣдній ея періодъ. Письма Симмаха показываютъ, что въ пятомъ вѣкѣ каждое помѣстье носило еще собственное имя. То же самое обнаруживается позднѣе изъ посланій Григорія Великаго, хартій Равеннской церкви и *Liber pontificalis* римской церкви. Надо обратить серьезное вниманіе на этотъ обычай, укоренившійся въ римскомъ обществѣ, давать каждому земельному владѣнію спеціальное названіе. Названіе это сообщало какъ бы особую личность помѣстью, оно дѣлало изъ него нѣчто законченное, совершенно отличное отъ того, что было не

[1] Юрисконсультъ Помпоній высказываетъ формальнымъ образомъ, что названіе помѣстья зависитъ отъ воли владѣльца: «Nostra destinatione fundorum nomina, non natura, constituuntur»; см. *Dig.* XXX, 24, 3.

имъ, нѣчто индивидуализированное. Ниже мы увидимъ, каковы были послѣдствія такого обыкновенія.

Смѣнялись поколѣнія, а единство *fundus*, при устойчивости его названія, сохранялось. Перемѣны въ состояніи владѣльца ничего почти въ немъ не измѣняли: обогащался ли владѣлецъ даннаго помѣстья (*fundus*) пріобрѣтеніемъ сосѣдняго, — первоначальная единица его собственности отъ этого не расширялась. Онъ становился владѣльцемъ двухъ помѣстій, остававшихся раздѣльными. Велейская надпись бросаетъ яркій свѣтъ на эту сторону земельныхъ обычаевъ. Мы видимъ въ ней нѣсколько владѣльцевъ, собравшихъ въ своихъ рукахъ по два, три, четыре, до семи *fundi*, и помѣстья эти, однако, не слились въ одно цѣлое: каждое изъ нихъ сохраняло свое отличное отъ другихъ названіе, свои границы и, такъ сказать, собственную свою жизнь [1].

Представляются еще факты другого рода. Могло произойти такъ, что владѣлецъ продавалъ часть своей земли [2]. Могло также случиться, что при наслѣдованіи земля доставалась нѣсколькимъ сонаслѣдникамъ [3]. Что же происходило тогда? Дѣлилось ли, раздроблялось ли тогда помѣстье? Съ одной стороны, такое раздробленіе дозволялось римскимъ правомъ. Законъ не заключаетъ въ себѣ ни одного предписанія, которое заставляло бы сохранять нераздѣльность сельскаго помѣстья: законъ

[1] Законъ позволялъ всетаки увеличивать помѣстье присоединеніемъ новыхъ полей (*Dig.* XXXI, 10).

[2] *Dig.* XXX, 1, 8: «Si ex toto fundo legato testator partem alienasset, reliqnam duntaxat partem deberi».

[3] *Dig.* XXX, 34, 6, 15: «Si quis ita leget: Titio fundum do, lego, ut eum pro parte habeat».—XXX, 116: «Si fundus legatus sit heredi et duobus extraneis». Ср. *Ibidem*, XXXI, 41.

разрѣшалъ дѣлить его пополамъ и никогда не принуждалъ наслѣдниковъ оставлять собственность нераздѣленною. Итакъ, мы не можемъ сомнѣваться, что раздѣлъ прежняго помѣстья на два или на три новыхъ былъ возможенъ по закону. Но аграрные обычаи очень отличались въ этомъ пунктѣ отъ закона, и, повидимому, подобнаго рода раздѣлы помѣстья были довольно рѣдки. Помѣстье сохраняло чаще всего свое названіе и единство, хотя и переходило въ собственность нѣсколькихъ совладѣльцевъ. Такъ не возникало новое помѣстье, а прежнее распадалось на доли,—*portiones*. Такое обозначеніе—«*portio*» прилагалось къ небольшому помѣстью, которое образовывалось внутри большого. Данное лицо становилось владѣльцемъ «части» навсегда; человѣкъ могъ передать свою «часть» по завѣщанію, продать ее, сдавать въ аренду. Послѣдній терминъ (*portio*, *pars*), который появляется уже въ нѣкоторыхъ надписяхъ императорской эпохи [1], особенно часто встрѣчается въ хартіяхъ шестого и седьмого вѣковъ; они поминутно встрѣчаются въ актахъ Равеннской церкви [2]; мы увидимъ ихъ также въ меровингскихъ актахъ.

Такимъ путемъ сохранялась цѣльность помѣстья. Новый собственникъ владѣлъ «половиною», «третью», «четвертью» его. Въ Италіи установился обычай

[1] *Wilmans*, 696: «Partem fundi Pompeiani».—Велейская надпись, ibid. 1845: «Fundum Licinianum pro parte dimidia.. coloniam Vettianam pro parte quarta... Quae pars fuit Atti Nepotis».—Ср. *Cod. Iust.* IV, 52, 3.

[2] *Fantuzzi*, Monumenl. Ravennati, p. 4: «Portio in fundo Ariniano». *Ibidem*, p. 2, 44, 64 etc. *Greg. Magni*, Epistolae, IX, 57: «De portionibus tibi competentibus in Massalena et Samanteria».—XIII, 3: «Portiones tuas in fundo Fulloniaco».

дѣлить на двѣнадцатыя доли. Мы знаемъ, что этотъ способъ дѣленія цѣлой единицы былъ привыченъ Римлянамъ. Двѣнадцатая часть называлась унціей, *uncia*. Точно такъ же какъ дѣлился на *unciae* ассъ (*as*), который былъ единицею вѣса, или футъ (*pes*), служившій мѣрою длины, дѣлился на *unciae* и *fundus*, который являлся единицею земельной собственности. Мы видимъ, что въ завѣщаніяхъ, при продажахъ и наймахъ передавали одну, пять, десять *unciae* помѣстья (*fundus*). Въ законахъ не запечатлѣлись эти обычаи и термины, но они практиковались въ аграрныхъ отношеніяхъ и вошли въ народный языкъ [1]. Они упоминаются въ перепискѣ людей пятаго вѣка; они встрѣчаются также въ хартіяхъ и въ арендныхъ договорахъ шестого вѣка [2]. Хартіи же эти и эти договоры воспроизводятъ, очевидно, формулы болѣе древняго и чисто римскаго обычая.

Намъ важно было бы знать, каковъ былъ обычный средній размѣръ земельнаго помѣстья у Римлянъ. Это приводитъ насъ къ вопросу, господствовала ли тогда мелкая или крупная земельная собственность? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ всегда повторяютъ нѣсколько цитатъ изъ источни-

[1] По этому вопросу см. статью *Mommsen*, Die italische Bodentheilung, въ журналѣ «Hermes» за 1884 (XIX), и изслѣдованіе *Ch. Lécrivain*, «Sur le partage oncial du fundus romain» въ «Mélanges de l'Ecole de Rome» (1885).

[2] *Marini*, Papiri diplomatici, № 89: «Dono quatuor uncias trium fundorum».—*Fantuzzi*, Monumenti Ravennati, p. 4: «De sex unciis fundi», p. 5: «Sex unciae fundi», p. 64: «De duobus unciis et scripulis quatuor in fundo Cassiano»; p. 78: «Donatio, quam fecit Valeria, id est sex uncias in domibus, mancipiis, montibus, silvis, pascuis, omnibusque, quae ad praedictas sex uncias pertinent».—*Greg. Magn.* Dialogi, III, 21: «Pater nihil aliud ei nisi sex uncias unius possessiunculae largitus est».

ковъ, и мы начнемъ съ того, что напомнимъ ихъ. Всѣмъ извѣстно то мѣсто изъ Колумеллы, гдѣ авторъ говоритъ о «крупныхъ собственникахъ, владѣющихъ землею какъ бы цѣлаго племени, которые въ долгій день даже верхомъ не могли бы объѣхать кругомъ свои помѣстья». Всѣ приводятъ также слова Плинія о *latifundia*, «погубившихъ Италію». У Тацита встрѣчается указаніе на *villae*, размѣры которыхъ «растутъ до безконечности». Сенека, наконецъ, высказываетъ сожалѣніе о богачахъ, «помѣстья которыхъ такъ же обширны, какъ провинціи».

Мы откровенно признаемся, что фразы эти производятъ на насъ мало впечатлѣнія. Чтобы правильно понять слова Колумеллы, ихъ надо вновь поставить въ контекстъ. Писатель не жалуется на большое количество *latifundia* и не думаетъ писать сатиру противъ крупныхъ собственниковъ. Онъ даетъ своимъ читателямъ практическій совѣтъ, состоящій въ томъ, чтобы они не пріобрѣтали черезчуръ обширныхъ помѣстій, на томъ основаніи, что для ихъ воздѣлыванья требуется слишкомъ много рабочихъ рукъ, и потому на нихъ легко разориться. Тутъ-то онъ и прибавляетъ: «Не подражайте тѣмъ, помѣстья которыхъ такъ обширны, что они не могутъ объѣхать ихъ; половину ихъ пространства имъ приходится оставлять совершенно необработаннымъ, и всетаки на другой половинѣ они должны довольствоваться лишь плохими рабочими» [1]. Мысль автора толкуютъ невѣрно, когда словами его пользуются для подтвержденія тезиса, что въ Италіи господствовала въ его время крупная собственность. Факты, на которые онъ указываетъ, являлись, пови-

[1] *Collumell.* I. 3.

димому, лишь исключеніемъ, и какъ благоразумный сельскій хозяинъ онъ ограничивается указаніемъ на неудобства, которыя были бы связаны съ увеличеніемъ ихъ числа.

Что касается Плинія, то онъ дѣйствительно сказалъ что латифундіи погубили италійское земледѣліе [1], но сила этого утвержденія умаляется тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ о большомъ процвѣтаніи того же италійскаго хлѣбопашества; онъ увѣряетъ даже, что по производству хлѣба, такъ же какъ и по своимъ виноградникамъ, Италія занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ [2]. Едва ли стоитъ доказывать, что декламаторской фразѣ Сенеки такъ же мало можно придавать значенія, какъ и шутливымъ выходкамъ Петронія о помѣстьяхъ Тримальхіона [3]. Отрывку изъ Тацита [4] мы противопоставимъ другое мѣсто того же самаго Тацита, который двумя главами ниже восхваляетъ уменьшеніе крупныхъ богатствъ, «мудрость его времени», возвращеніе «къ умѣренности и простотѣ древнихъ» [5]. Строить важные выводы, основываясь на немногихъ отрывочныхъ фразахъ—это значитъ держаться плохой исторической методы. Слѣдуетъ все прочитать

[1] *Plin.* Hist. nat. XVIII, 6, 35: «Latifundia perdidere Italiam iam vero et provincias».

[2] *Plin.* Hist. nat. III, 5, 41: «In Italia... tam fertilis campi... tanta frugum vitiumque et olearum fertilitas, tam nobilia pecudi vellera...»—*Ibidem.* XXXVII, 77, 291—202: «Principatum naturae obtinet Italia... soli fertilitate, pabuli ubertate; quidquid est quo carere vita non debeat nusquam est praestantius: fruges, vinum, oleum, vellera, lina».—Подробности объ итальянскомъ хлѣбопашествѣ см. у Плинія въ книгахъ XIII, XIV, XVI, XVII.

[3] *Senec.* De beneficiis, VII, 30.—*Petron.* Satyric. 53.

[4] *Tacit.* Annal. III, 53: «Villarum infinita spatia».

[5] *Tacit.* III, 55.

и установить правильное отношеніе между противорѣчивыми данными источниковъ. Рядомъ съ такими блестящими писателями, какъ Тацитъ и Сенека, обратимся къ скромнымъ составителямъ межевыхъ трактатовъ, Сикулу Флакку, Фронтину, Гигину. Они скажутъ намъ, что территорія Италіи была покрыта густымъ населеніемъ мелкихъ владѣльцевъ (*densitas possessorum*) [1].

Нѣсколько опредѣленныхъ цифръ освѣщаютъ намъ вопросъ лучше чѣмъ эти разнорѣчивыя утвержденія. Извѣстно, что въ Римской имперіи велся очень полный кадастръ земельной собственности. Въ городскихъ архивахъ и въ канцеляріяхъ императорскаго дворца сохранялось безчисленное количество бронзовыхъ таблицъ, на которыхъ была начертана картина всѣхъ помѣстій, съ указаніемъ размѣровъ, плана и границъ каждаго изъ нихъ [2]. Существовали также списки ценза, на которыхъ каждое помѣстье было записано подъ своимъ названіемъ съ обозначеніемъ числа югеровъ, характера земли, разнообразія культуръ и количества употребля-

[1] *Frontin.* Gromatici (ed. Lachmann) p. 56.—О мелкихъ помѣстьяхъ см. также у Сикула Флакка, «De conditione agrorum» (*ibidem*, p. 154—155).

[2] *Gromatici veteres*, ed. Lachmann, p. 45, 46, 47, 48, 51.—*Frontin.* 48: «Formae antiquae». *Aggen. Urbic.* p. 88: «In tabulariis formae plurimae exstant».—*Hygin.* p. 111, 117, 121: «In aere, id est in formis».—*Sicul. Flacc.* p. 154: «Fides videantur, quae aereis tabulis manifestata est; quod si quis contradicat, ad sanctuarium Caesaris respici solet; omnium enim agrorum formas et divisionem et commentarios principatus in sanctuario habet».—*Sanctuarium Caesaris* обозначало на языкѣ того времени то, что мы называемъ канцеляріями центральнаго управленія.—Ср. *Dig.* XLIII, 13, 8: «Qui tabulam aeream formam agrorum continentem refixerit vel quid inde immutaverit».

вшихся на немъ земледѣльцевъ [1]. Такимъ образомъ, собственно говоря, не было недостатка въ основныхъ элементахъ основательной статистики; но бѣда въ томъ, что документы эти погибли; къ несчастью ничего изъ нихъ не дошло до насъ. Чтобы найти нѣсколько цифръ, надо съ большимъ трудомъ отыскивать ихъ у писателей или подмѣтить ихъ въ трехъ-четырехъ надписяхъ.

Говоря о величинѣ сельскихъ помѣстій вообще, Катонъ и Варронъ приводятъ цифры 100, 200, 300 югеровъ. Это—все помѣстья средней величины. Тѣ же авторы опредѣляютъ косвеннымъ образомъ наиболѣе обычный размѣръ имѣнья, говоря, что для обработки его требуется отъ двѣнадцати до восемнадцати рабовъ [2]. Приблизительно, мы можемъ судить о размѣрѣ земли Горація, называемой имъ «маленькимъ помѣстьемъ», *agellus*, такъ какъ для его обработки ему былъ нуженъ виликъ (приказчикъ), пять арендаторовъ-съемщиковъ и восемь рабовъ, всего четырнадцать паръ рабочихъ рукъ [3].

По одной надписи, найденной на территоріи Витерба и относящейся ко времени царствованія Траяна, мы видимъ, что акведукъ въ 5950 римскихъ шаговъ (футовъ) длины проходилъ черезъ одиннадцать помѣстій. Если на основаніи такого, конечно, неопредѣленнаго указанія мы попытаемся произвести вычисленіе, то получимъ, что средняя длина каждаго изъ этихъ помѣстій составляла около 800 метровъ; тогда мы можемъ предположить, что среднимъ числомъ площадь каждаго занимала около шестидесяти гектаровъ [1]. Въ Велейской и Бебіанской надписяхъ не указано ни одного помѣстья, стоимость котораго превосходила бы 210.000 сестерцієвъ, что выражаетъ цѣну 150 или 200 югеровъ [2]; но рядомъ въ нихъ упоминаются и значительно меньшія помѣстья.

[1] *Ulpian*. Dig. 4, 15, 4: «Forma censuali cavetur, ut agri sic in censum referantur: nomen fundi cuiusque, et quos duos vicinos proximos habeat, et arvum quot iugerum sit, vinea quot vites habeat, oliva quot iugerum, etc».

[2] *Cato*, De re rustica 1, 10, 11; *Varro*, De re rust. I, 19.

[3] *Horat*. Satir. II, 7, 118.

Существовали, конечно, и болѣе крупныя имѣнья. Плиній Младшій сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что онъ торгуетъ землю, за которую даетъ 3 милліона сестерцієвъ [3]. По разсчету, который я могу назвать лишь приблизительнымъ, такая продажная цѣна предполагаетъ помѣстье пространствомъ въ 1500 югеровъ. Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же писатель говоритъ, что подарилъ родному своему городу землю, которую тотъ сдаетъ въ аренду за 30.000 сестерцієвъ. Авторъ не сообщаетъ, каковъ былъ размѣръ его прекрасной земли, называвшейся *Tusci*, но прослѣдите за его описаніемъ, въ которомъ онъ упоминаетъ о богатыхъ дичью рощахъ и обширныхъ лѣсахъ, которые въ немъ находятся.

[1] *Corp. inscr. lat.* XI, 3003.—*Henzen*, 6634.—Цифра, указывающая длину акведука, VDCCCCL passus, можетъ значить только 5950 римскихъ шаговъ. Не понимаю, почему *Garsonnet*, въ своей «Histoire des locations perpétuelles» (стр. 126), приводитъ эту надпись, какъ доказательство существованія *latifundia*. Правда, что въ интересахъ своего утвержденія онъ совершенно произвольно мѣняетъ цифру 5950 шаговъ на 60000.

[2] Варронъ и Колумелла вычисляютъ ежегодный доходъ отъ югера пахотной земли въ 150 сестерцієвъ, а отъ югера луга въ 100 сестерцієвъ. Если мы помножимъ этотъ доходъ сообразно съ обычнымъ у Римлянъ процентомъ дохода, который колебался между 6 и 8 со ста, мы будемъ считать, что средняя стоимость югера могла возвышаться до 2000 сестерцієвъ.

[3] *Plin*. Epistol. III, 19.

о его равнинахъ и холмахъ, хлѣбныхъ поляхъ и виноградникахъ и лугахъ, и вамъ представится, конечно, большое помѣстье [1].

Итакъ, размѣры *fundus* или помѣстья были разнообразны до безконечности. Какъ и въ наши дни, тогда были мелкія, среднія и крупныя имѣнья. Законъ 383 г. различаетъ три категоріи людей: во-первыхъ, крупныхъ владѣльцевъ, которыхъ онъ называетъ *potentiores possessores*; во-вторыхъ, тѣхъ, кто назывались *curiales*, и наконецъ мелкихъ владѣльцевъ, *minores possessores* [2].

Нельзя однако не признать, что въ римскомъ обществѣ замѣчалась постоянная тенденція, къ образованію крупной собственности. Вернемся, напримѣръ, къ Велейской надписи; мы замѣтимъ изъ нея, что если число *fundi* остается еще очень значительнымъ на территоріи этого города, то число владѣльцевъ оказывается гораздо меньше. На 300 помѣстій мы насчитываемъ только 51 владѣльца. Нѣкоторые изъ нихъ держали въ рукахъ 10 или 12 помѣстій. Трое владѣли землею больше, чѣмъ на милліонъ сестерцієвъ каждый. Такимъ образомъ, въ промежутокъ менѣе ста лѣтъ случилось, что пять шестыхъ мелкихъ владѣльцевъ здѣсь исчезло; они продали или бросили свои земли. Нѣкоторые изъ нихъ остались, обогатившись разореніемъ другихъ. Замѣтно еще, что въ числѣ пятидесяти одного владѣльца обнаруживается нѣсколько, и это именно одни, изъ самыхъ богатыхъ, которые оказываются чужеземцами, только недавно переселившимися въ данную мѣстность. Это вѣроятно все спекулянты, занявшіе мѣсто крестьянъ предшествующаго вѣка. Извѣстно, что никакое общество никогда и нигдѣ не спекулировало такъ много на земли, какъ римское.

[1] *Plin.* Epist. V, 6.
[2] *Cod. Theod.* XI, 7, 12.

По тѣмъ же самымъ надписямъ мы видимъ, что мелкія помѣстья одного и того же владѣльца располагаются, по большей части, въ различныхъ мѣстахъ; мало вѣроятно, чтобы они могли когда-нибудь объединиться. Нѣсколько разъ оказывается однако, что четыре или пять *fundi* одного и того же лица были смежны. Надпись соединяетъ ихъ въ такомъ случаѣ какъ связку, то-есть, оставляетъ за каждымъ его собственное имя, но рисуетъ все-таки ихъ какъ сложное цѣлое изъ четырехъ или пяти помѣстій и называетъ общую оцѣночную сумму для всего комплекса земель. Это очень характерная маленькая подробность. Здѣсь констатируется начало того процесса, въ силу котораго такія четыре или пять маленькихъ помѣстій сольются въ одно большое. Столѣтіе спустя послѣ составленія Велейской надписи, юрисконсультъ Папиніанъ отмѣчаетъ соединеніе нѣсколькихъ *fundi* въ одно цѣлое, какъ фактъ, довольно часто происходившій [1]; должно замѣтить при этомъ, что каждое изъ нихъ сохраняетъ и здѣсь свое прежнее названіе, но всѣ подчиняются наиболѣе значительному между ними. Тотъ же обычай снова встрѣтится позднѣе.

Подвинемся еще на одинъ вѣкъ впередъ и увидимъ, что въ Италіи крупное владѣніе совершило новые успѣхи. Въ земледѣльческомъ языкѣ появляется новый терминъ *massa*. Онъ обозначаетъ группу изъ нѣсколькихъ помѣстій; каждое опять же сохранило личное свое названіе, но всѣ вмѣстѣ получили еще одно общее и образовали новую земельную еди-

[1] *Papinian.* Dig. XXXIV, 5, 1.

ницу. *Massa*—это очень большое помѣстье, образовавшееся изъ соединенія нѣскольких средних [1].

Такого рода наблюденія заставляютъ думать, что крупное помѣстье образовалось путемъ незамѣтнаго и медленнаго соединенія мелкихъ и среднихъ имѣній. Возникло оно еще изъ другого источника. Извѣстно, что въ началѣ императорскаго періода во всѣхъ провинціяхъ, даже въ Италіи, находились большія пространства лѣсистыхъ или гористыхъ земель, почва которыхъ трудно поддавалась обработкѣ. Назывались они *saltus*. Первоначально они не представляли почти никакой цѣнности. Но римское общество было трудолюбиво: оно принялось разрабатывать и ихъ. Извѣстное число такихъ *saltus* государство оставило для себя и поселило на нихъ колоновъ. Другую часть присвоили себѣ города и стали отдавать ихъ на аренду. Частныя лица также заняли и расчистили нѣкоторые изъ *saltus*. Велейская надпись упоминаетъ тринадцать *saltus*, сдѣлавшихся частною собственностью, не считая тѣхъ, которые принадлежали городу. Оцѣночныя суммы, поставленныя въ надписи рядомъ съ именемъ каждаго изъ нихъ, позволяютъ думать, что они были воздѣланы. Четыре изъ нихъ оцѣнивались стоимостью болѣе 300.000 сестерціевъ каждый; а такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь о неудобныхъ и едва распаханныхъ земляхъ, не имѣвшихъ раньше никакой цѣны, то цифры эти заставляютъ думать, что данные четыре *saltus* были очень велики. Мы не ошибемся, сочтя ихъ за крупныя помѣстья, стоимость которыхъ будетъ со временемъ увеличиваться. Мы думаемъ, что въ числѣ крупныхъ помѣстій императорской эпохи многія образовались именно такимъ путемъ. Они зародились путемъ распашки нови. Перечтите то мѣсто, гдѣ Колумелла говоритъ объ обширныхъ пространствахъ, которыя владѣлецъ не могъ объѣхать верхомъ; по самой фразѣ его вы увидите, что онъ говоритъ о *saltus*'ахъ, и что они въ его время являлись лишь наполовину распаханными. Владѣльцы, о которыхъ авторъ здѣсь говоритъ, это были именно крупные предприниматели по расчисткѣ еще необработанныхъ площадей. Колумелла даетъ понять, что спекуляціи ихъ не всегда оканчивались успѣшно. Многіе разорялись, какъ кажется, оттого, что имъ не удавалось обезпечить себя достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, которыя можно было бы поставить на эти обширныя пространства; осторожный агрономъ потому и совѣтуетъ не подражать имъ. Но тѣ, которые вели дѣло съ успѣхомъ, могли при трудѣ и терпѣніи въ концѣ концовъ устроить громадныя, прекрасно обработанныя помѣстья. Такимъ былъ, напримѣръ, одинъ *saltus*, описанный Юліемъ Фронтиномъ: «Онъ принадлежитъ одному владѣльцу и, однако, онъ такъ же великъ какъ территорія города; посрединѣ возвышается усадьба хозяина; на извѣст-

[1] *Corp. inscr. lat.* X, 8076: «Conductrix massae Trapeianae».—*Novell. Anthem.* III (Haenel. p. 349): «Cassiana massa Domninae illustri feminae restituatur».—***Marini***, Papiri diplomatici, № 82 (грамота 489 года): «Certos fundos ex corpore massae Pyramitanae»; № 86, грам. 553 года: «Massa Firmidiana».—*Symmach.* X, 41 (28) ed. Seeck. p. 302: «Massa Caesariana».—*Cassiodor.* Variar. V, 12: «Palentianam massam»; XII, 5: «Conductores massarum».—***Gregor. Magni***, Epist. I, 41; V, 44; IX, 30; XIV, 14; «Massam quae Aquae Salviae nuncupatur, cum omnibus fundis suis, id est, Cella Vinaria, Antoniano, villa Pertusa, Cassiano, Corneliano, Thesselata, cum omni iure suo et omnibus ad eam pertinentibus».—***Liber pontificalis***, in S. Silvestro, (ed. Duchesne): «Massam Garilianam, praestantem singulis annis solidos quadringentos».— ***Fantuzzi***, Monumenti Ravennati, № 116, p. 59: «De medietate de massa Ausimana... cum medietate pertinentiis ipsius massae».

номъ разстояніи кругомъ со всѣхъ сторонъ тянется какъ бы поясъ мелкихъ поселковъ, гдѣ живетъ множество крестьянъ, принадлежащихъ одному хозяину» [1]. Фронтинъ прибавляетъ, что такого рода помѣстья довольно часто встрѣчаются въ Италіи, а еще чаще въ провинціяхъ.

Сложившееся во время имперіи крупное помѣстье пережило имперію. Посланія Кассіодора, составленныя при господствѣ Остготовъ, посланія папы Григорія Великаго и акты Равенской церкви, записанные во время господства Лонгобардовъ, показываютъ намъ, что крупное помѣстье продолжало существовать и тогда. Появленіе Германцевъ не заставило его исчезнуть. Въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ по всей Италіи встрѣчаемъ мы еще сельскія помѣстья подъ названіемъ *fundus*, *villa* или *cortis*.

3.

Сельское помѣстье въ Галліи.

У Галловъ уже выработалось право собственности на землю до римскаго завоеванія. Въ тѣхъ главахъ своихъ комментаріевъ, въ которыхъ Цезарь объявляетъ, что онъ будетъ разсказывать обо всѣхъ особенностяхъ галльскаго быта и обо всѣхъ чертахъ, которыми они отличаются отъ извѣстныхъ ему народовъ, онъ не указываетъ на отсутствіе собственности, что, конечно, должно было больше всего его поразить [2]. Немного дальше

[1] *Frontin.* Gromatici veteres, ed. Lachmann, p. 53.

[2] *Caesar.* De bello gallico, VI, 18.—Замѣтьте, что авторъ начинаетъ со словъ: «In reliquis vitae institutis hoc fere ab reliquis differunt quod...» Потомъ онъ называетъ нѣкоторые частно-правовые институты и не говоритъ, что они не знали собственности.

онъ сообщаетъ, чѣмъ отличались Германцы отъ Галловъ [1], и подчеркиваетъ, что Германцы не знали собственности на землю; очевидно, это значитъ, что у Галловъ она существовала [2]. Есть наконецъ еще одно мѣсто, гдѣ историкъ указываетъ, что галльскіе судьи должны были рѣшать дѣла «о наслѣдствахъ или о границахъ»; дѣла же эти возникаютъ лишь въ обществѣ собственниковъ [3]. Нѣтъ, стало быть, сомнѣнія, что сельское помѣстье или *fundus* уже существовало въ галльскихъ аграрныхъ порядкахъ [4]. Мы не знаемъ, впрочемъ, таковы ли были тамъ формы собственности, какъ въ Италіи; была ли она гарантирована такимъ же яснымъ законодательствомъ, какъ римское право; одинаковы ли были законы о наслѣдованіи, о завѣщаніяхъ и продажѣ, какъ въ римскомъ обществѣ. Цезарь прибавляетъ указаніе на нѣкоторыя характерныя черты: съ одной стороны сложился классъ всадниковъ, могущественныхъ и состоятельныхъ, очевидно, богатыхъ землею; они содержали многочисленныхъ кліентовъ, и ясно, что содержать ихъ они могли только на своихъ обширныхъ помѣстьяхъ [5]; съ другой стороны, существовала масса про-

[1] *Ibidem*, VI, 11: «Quo differant inter se hae nationes...».— VI, 22: «Germani multum ab hac consultudine differunt».

[2] «Nec quisquam (apud Germanos) agri modum certum aut fines habet proprios».

[3] *Ibidem*, VI, 13: «Druides... fere de omnibus controversiis constituunt, et, si quod est admissum facinus, si caedes facta, si de hereditate, si de finibus controversia est, iidem decernunt».

[4] Вопросъ этотъ мы разбирали подробнѣе въ «Revue des questions historiques», апрѣль 1889. См. также написанное въ одинаковомъ съ нами направленіи изслѣдованіе *Ch. Lécrivain* въ «Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux», 1889.

[5] Вспомнимъ многочисленныхъ кліентовъ Гельвета Орегеторикса (I, 4); Индутіомаръ могъ собрать среди своихъ людей неболь-

стого люда, свободнаго по рожденію, но вслѣдствіе безземелья доведеннаго почти до рабскаго положенія и часто дѣйствительно вступавшаго въ рабство къ богатымъ [1]; больше всего неимущихъ было именно въ деревнѣ [2]. Такія особенности показываютъ, что собственность носила еще аристократическій характеръ, что она находилась въ рукахъ у немногихъ. Можно предположить съ достаточной вѣроятностью, что крупная собственность являлась преобладающею формою аграрнаго строя. Итакъ, Римлянамъ не пришлось вводить въ Галліи ни права частной собственности, ни системы крупныхъ помѣстій, обрабатываемыхъ рабскимъ трудомъ [3].

Стало быть, въ Галліи временъ имперіи мы встрѣчаемъ тѣ же земельные порядки, какъ въ Италіи. Тацитъ говоритъ о помѣстьѣ Галла Крупторикса и называетъ его терминомъ *villa*. Онъ перечисляетъ также помѣстья и виллы Галла Цивилиса [4]. Новостью было здѣсь, можетъ быть, то, что каждая вилла получила

шое войско (V, 3); у Амбіорикса, въ его обширномъ жилищѣ, окруженномъ лѣсами, достаточно было слугъ и дворовыхъ, чтобы остановить римскую кавалерію (VI, 30); Овернецъ Верцингеториксъ обладалъ достаточнымъ числомъ кліентовъ, чтобы составить себѣ изъ нихъ войско.

[1] *Ibidem*, VI, 13: «Plebs paene servorum habetur loco... plerique, quum aut aere alieno aut magnitudine tributorum aut iniuria potentiorum premuntur. Sese in servitutem dicant nobilibus».

[2] *Ibidem*, VII, 4: «In agris egentes».

[3] Мы доказали въ другомъ мѣстѣ, что Римляне не отняли у Галловъ ихъ земель; завладѣніе территоріею Галліи было лишь юридическою фикціею, которую Галлія, быть можетъ, даже и не знала.

[4] *Tacit*. Annal. IV, 73; Historiae, V, 23.

по римскому обычаю собственное названіе [1]. Согласно тому же обычаю названія помѣстій заимствовались и здѣсь по большей части отъ личныхъ именъ. Авзоній называетъ виллу Павліакъ и виллу Луканіакъ [1]. Сидонію Аполлинарію часто случается упоминать въ письмахъ свои помѣстья и помѣстья своихъ друзей. У него есть помѣстье, называвшееся Авитакъ. Помѣстье рода Сіагріевъ называлось Таіонакъ; помѣстье друга Сидонія, Консентія, именовалось *ager Octavianus*; помѣстье родственника его, Аполлинарія, носило имя Вороангъ, а друга его, Ферреола,—Прусіанъ [2]. Въ одномъ завѣщаніи, относящемся къ пятому вѣку, составитель его распоряжается о наслѣдованіи виллы Сапонаріи и виллы Бертиніака [3]. Позднѣе, хартіи, составленныя въ Галліи, покажутъ намъ рядъ помѣстій, которыя всѣ носятъ собственныя названія; они именуются, напримѣръ, *Albiniacus, Solemniacensis, Floriacus, Bertiniacus, Latiniacus, Victoriacus, Pauliacus, Iuliacus, Attiniacus, Cassiacus, Gaviniacus, Clipiacus*. Именъ въ такомъ родѣ можно было бы перечислить нѣсколько сотъ [4]. Названія эти, которыя мы встрѣтимъ въ хартіяхъ седьмого вѣка, происходятъ, конечно, отъ времени болѣе ранняго. Помѣстья получили ихъ во время римскаго

[1] *Auson*. Epist. V, 16, 36, ed. Schenkt, p. 163.

[2] *Sidon. Apollin*. Epist. II, 9 (ed. Baret, II, 7): «Voroangus, hoc praedio nomen est.... Prussianus, sic fundus alter nuncupatur».—*Ibidem*, II, 9 (II, 11): «Avitaci sumus, nomen hoc praedio».—Ср. VIII, 4; VIII, 8 (VIII, 11; VIII, 14).—У Авита было помѣстье, называвшееся *Cuticiacus* или *praedium Cuticiacense* (ibid. II 1).

[3] *Testamentum Perpetui*, Diplomata, t. I, p. 24.

[4] Мы замѣчаемъ, что вмѣсто употреблявшагося въ Италіи суффикса *anus* Галлы приняли суффиксъ *acus*.

владычества. Они—латинскія и происходятъ по большей части отъ фамильныхъ прозвищъ, которыя были римскими. Это не значитъ, что римскіе роды пришли и завладѣли здѣсь землей. Сдѣлавшись Римлянами, Галлы сами приняли римскія имена и новыя имена свои давали своимъ землямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сохраняли галльское имя, латинизируя его; мы встрѣчаемъ поэтому нѣкоторыя помѣстья, которыя при латинской формѣ имѣютъ галльскій корень. Впослѣдствіи, всѣ эти названія помѣстій сдѣлаются названіями нашихъ французскихъ деревень. Связь легко установить. Первоначальныхъ владѣльцевъ звали: *Albinus*, *Solemnis*, *Florus*, *Bertinus*, *Latinus* или *Latinius, Victorius, Paulus, Iulius*, *Atinius*, *Cassius*, *Gabinius*, *Clipius*; потому-то деревни наши называются: *Aubigny, Solignac, Fleury, Bertignole*, *Lagny*, *Vitry*, *Pouilly*, *Juilly*, *Attigny*, *Chancy*, *Gagny, Clichy*.

Трудно установить, каковъ былъ въ Галліи обычный размѣръ сельскаго помѣстья. Прежде всего, надо оставить въ сторонѣ Нарбонскую область, которая была покрыта римскими колоніями, и гдѣ земля распредѣлялась на небольшіе участки. Надо оставить также въ сторонѣ нѣкоторыя полосы на сѣверо-востокѣ, близкія къ границѣ, гдѣ были учреждены военныя колоніи ветерановъ или поселенія Германцевъ; здѣсь также утвердилось мелкое и среднее землевладѣніе, и незамѣтно слѣдовъ его разложенія. Иначе обстояло дѣло во всей остальной Галліи. Тутъ не основывалось никакихъ колоній, не произошло искусственнаго распредѣленія собственности. Помѣстья или остались въ рукахъ прежней галльской аристократіи, сдѣлавшейся римскою, или же они перешли въ руки разбогатѣвшихъ новыхъ людей. Ни въ томъ, ни въ другомъ

случаѣ формы землевладѣнія не могли идти къ сколько-нибудь замѣтному дробленію. Весьма вѣроятно, что и здѣсь попадалось извѣстное число даже очень мелкихъ имѣній, но крупное помѣстье преобладало во всякомъ случаѣ. Мелкія владѣнія были разбросаны кое-гдѣ на галльской землѣ, но они занимали очень незначительную часть ея площади; масса земли сложилась въ формѣ среднихъ и крупныхъ владѣній.

Литература четвертаго и пятаго вѣковъ даетъ намъ характерные примѣры такого аграрнаго порядка. Поэтъ Авзоній описываетъ родовое помѣстье, принадлежавшее ему въ округѣ города Базаса. Оно кажется ему очень незначительнымъ; онъ называетъ его *villula*, *herediolum*, и, чтобы удовлетвориться имъ, нужна была «вся скромность его вкусовъ» [1]. Между тѣмъ, мы видимъ, что онъ насчитываетъ въ немъ 200 югеровъ пахатной земли, 100 югеровъ виноградника, 50—подъ лугами и 700 югеровъ лѣса [2]. Вотъ, передъ нами помѣстье, считавшееся ничтожнымъ, заключавшее въ себѣ тѣмъ не менѣе 1050 югеровъ; если оно считалось небольшимъ, то потому, что было невелико по сравненію со многими другими. Легко можно повѣрить, что въ глазахъ людей того времени помѣстье въ тысячу югеровъ было въ самомъ дѣлѣ лишь скромнымъ владѣніемъ.

Имѣнія, которыя описываетъ Сидоній Аполлинарій, не называя ихъ размѣровъ, были, повидимому, бо-

[1] *Auson*. Idyllia, III: «Ausonii villula. Salve herediolum, Maiorum regna meorum, Quod proavus, quod avus, quod pater incoluit... Parvum herediolum, fateor, sed nulla fuit res Parva unquam aequanimis».

[2] «Agri bis centum colo iugera; vinea centum iugeribus colitur, prataque dimidium; Silva supra duplum quam prata et vinea et arvum».

лѣе значительны. Одно изъ нихъ, Тайоннакское, заключало въ себѣ «луга, виноградники и пахотныя земли» [1]. Октавіанское содержало «поля, виноградники, оливковыя рощи, равнину и холмы» [2]. Авитакское «раскинуто широко своими лѣсами и лугами, и пастбища его прокармливаютъ многочисленныя стада» [3]. Писатель не говоритъ намъ, каковы были размѣры Вороанта и Прусіана, но, по описанію ихъ, мы замѣчаемъ, что при смежности обоихъ помѣстій разстояніе, раздѣлявшее обѣ господскія усадьбы въ нихъ, было слишкомъ велико, чтобы его можно было легко пройти пѣшкомъ: «это была небольшая прогулка верхомъ». Такое описаніе открываетъ передъ нами картину двухъ большихъ помѣстій [4]. Мы видимъ изъ одного документа, появившагося лишь немного лѣтъ спустя послѣ писемъ Сидонія, что вилла Спарнакъ продана была за 5000 фунтовъ серебра; громадная сумма эта, особенно же въ эпоху соціальнаго кризиса и при обстоятельствахъ, при которыхъ происходила продажа, заставляетъ насъ предположить, что оно было очень велико [5].

[1] *Sidon. Apoll.* Epistolae, VIII, 8 (VIII, 14).

[2] *Sidon.* Epist. VIII, 4 (VIII, 11): «Agris aquisque, vinetis atque olivetis, vestibulo, campo, colle amoenissimus».—Слово *vestibulum* обозначаетъ здѣсь пространство, которое вело къ усадьбѣ отъ общественной дороги.

[3] *Sidon.* Epist. II, 2 (II, 1), in fine: «Ager ipse diffusus in silvis, pictus in pratis, pecorosus in pascuis, in pastoribus peculiosus».—Сидоній говоритъ дальше, что это была—*grandis villa*.

[4] *Sidon.* Epist. II, 9 (II, 7): «Inter agros amoenissimos, apud humanissimos dominos Ferreolum et Apollinarem, tempus voluptuosissimum exegi. Praediorum iis iura contermina, domicilia vicina, quibus interiecta gestatio lassat peditem nec sufficit equitaturo. Colles aedibus superiores exercentur vinitori et olivitori».

[5] *Testamentum Remigii*, въ «Diplomata» ed. Pardessus, I, 85: «Sparnacus villa, quam datis quinque millibus argenti libris ab Eulogio

Слѣдуетъ, впрочемъ, остерегаться преувеличеній. Было бы большой ошибкой представлять себѣ такія земли сплоченными въ громадныя непрерывныя латифундіи. Ни въ Галліи, ни въ Италіи, ни въ Испаніи нѣтъ такого примѣра, чтобы цѣлая область или даже территорія городской общины принадлежали одному владѣльцу. Ничего подобнаго не указываютъ ни Сидоній, ни Сальвіанъ, ни грамоты. Высказаться съ полною увѣренностью невозможно, но общее наше впечатлѣніе таково, что крупныя помѣстья римскаго времени въ Галліи не превышали въ общемъ правилѣ пространства, занимаемаго нынѣ землями французской деревни. Многія даже покрывали лишь площадь нашихъ самыхъ маленькихъ поселковъ. Существовало наконецъ много еще болѣе мелкихъ помѣстій. Надо сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе. Отъ писателей четвертаго вѣка намъ извѣстно, что въ тѣ времена образовался классъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе убѣдительно подтверждающихся фактовъ соціальной исторіи вѣка. Такія крупныя недвижимыя состоянія, по крайней мѣрѣ, тѣ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, не образовались путемъ постепеннаго роста до безконечности одного и того же помѣстья. Они создались черезъ пріобрѣтеніе многихъ отдѣльныхъ имѣній, часто очень отдаленныхъ

comparavi».—Завѣщаніе это сохранено Флодоардомъ; авторъ жилъ въ десятомъ вѣкѣ, но имѣлъ въ рукахъ еще полные архивы реймской церкви. См. *Flodoard.* Hist. Remensis ecclesiae, I, 14, in fine: «De thesauris ecclesiasticis pretium, quinque millia scilicet argenti libras, Eulogio fertur dedisse ipsamque villam in Ecclesiae possessionem comparasse». Этому Евлогію, владѣльцу даннаго помѣстья, Хлодовехъ грозилъ конфискаціею и смертью за «преступленіе въ оскорбленіи величества».

одни отъ другихъ. Цѣлымъ округомъ или цѣлой провинціей не обладали самыя богатыя фамиліи изучаемой эпохи, но онѣ владѣли двадцатью, тридцатью, сорока помѣстьями, разбросанными въ нѣсколькихъ провинціяхъ, иногда во всѣхъ провинціяхъ имперіи. Это тѣ *patrimonia sparsa per orbem*, о которыхъ говоритъ Амміанъ Марцеллинъ. Таковъ характеръ земельной собственности Аниціевъ, Симмаховъ, Тертулловъ [1], Григоріевъ въ Италіи [2], Сіагріевъ, Паулиновъ, Экдиціевъ и Ферреоловъ въ Галліи [3].

Тутъ возникаетъ вопросъ: существовали ли рядомъ съ барскими помѣстьями крестьянскія деревни, и каково было отношеніе между этими двумя видами распредѣленія земельной собственности? То, что мы называемъ теперь деревней, представляетъ группу жилищъ пятидесяти или сотни семействъ, не только свободныхъ людей, но и земельныхъ собственниковъ; если въ рамкахъ деревни встрѣчается болѣе крупное помѣстье, то и оно включается сюда же, являясь какъ бы соединеннымъ со всѣмъ

[1] Тертуллъ принесъ въ даръ св. Бенедикту 34 fundi или villae, находившихся въ Апуліи, Кампаніи, Лигуріи и близъ Адріатическаго моря; онъ пожертвовалъ кромѣ того 18 curtes, находившихся въ Сициліи (*Vita Placidi*, 16—18, у Mabillon, Acta ss. I, 52—53).

[2] Григорій Великій, «editus spectabili senatorum prosapia», унаслѣдовалъ столь многочисленныя помѣстья, что оказался въ состояніи надѣлить только частью своихъ земель нѣсколько основанныхъ имъ монастырей (Mabillon, Acta ss. I, 387).

[3] Относительно состоянія Паулина Ноланскаго см. *Auson.* Epist. XXIII. Когда Паулинъ высказалъ желаніе освободиться отъ всѣхъ своихъ помѣстій, вступить въ духовный санъ, Авзоній писалъ ему:

Ne sparsam raptamque domum lacerataque centum
Per dominos veteris Paulini regna fleamus.

цѣлымъ. Такъ ли слагались отношенія въ эпоху, которую изучаетъ настоящее наше изслѣдованіе?

Разсмотримъ сначала, одинаковое ли представленіе о деревнѣ сравнительно съ нашимъ господствовало у Римлянъ. Латинскій языкъ, на которомъ Галлія говорила во времена имперіи такъ же, какъ и Италія, самъ собою даетъ намъ одно разъясненіе, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать. Можно замѣтить, что въ немъ не находится ни одного термина, который совершенно соотвѣтствовалъ бы понятію, представляемому нынѣ словомъ «деревня». Терминъ *pagus* обозначалъ территоріальное дѣленіе, болѣе или менѣе обширный округъ, но онъ не воплощалъ въ себѣ образъ извѣстнаго комплекса жилищъ, какъ наши деревни. Терминъ *vicus* выражалъ обратно первому понятіе скученныхъ построекъ, однако не спеціально сельскихъ, такъ какъ онъ одинаково прилагался и къ обозначенію части города, улицы, переулка. Странно, что латинскій языкъ, обладавшій для передачи точнаго понятія помѣстья нѣсколькими терминами, не выработалъ ни одного, который ясно выражалъ бы понятіе деревни. Это покажется менѣе удивительнымъ, если обратимъ вниманіе, что и во французскомъ языкѣ слово *village* въ томъ значеніи, которое связано съ нимъ теперь, образовалось лишь пять или шесть вѣковъ тому назадъ. Легко угадать, что должны были существовать очень важныя причины, которыя объясняютъ, почему люди въ своемъ языкѣ такъ долго обходились безъ этого термина, или безъ другого, равнозначащаго ему.

Въ римской древности деревенское поселеніе никогда не представляло единицы, признавшейся самостоятельною общиною по закону. Мы не видимъ, чтобы *ager romanus* былъ раздѣленъ на деревни. Катонъ,

Варронъ и Колумелла въ сельскохозяйственныхъ своихъ трактатахъ упоминаютъ иногда о мѣстечкахъ, служившихъ сборными пунктами для обмѣна или для празднествъ и развлеченій; но они никогда не показываютъ, чтобы то или другое изъ описываемыхъ ими сельскихъ помѣстій составляло одно цѣлое съ деревней или такимъ мѣстечкомъ. Изъ Велейской надписи видно, что триста помѣстій были распредѣлены по четыремъ округамъ въ области Плаценціи, но они не группировались въ деревни, а всѣ составляли часть территоріи муниципія. *Agellus* Горація зависѣлъ, повидимому, отъ маленькаго городка Варіи, но не былъ связанъ ни съ какою деревнею. Въ трактатахъ римскихъ землемѣровъ (*agrimensores*) мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что эти люди, занимавшіеся по профессіи только одними поземельными дѣлами, никогда не описываютъ деревень. Передъ ними существовали, какъ кажется, лишь города, общины, муниципіи. Когда государство надѣляло землями своихъ легіонеровъ и преобразовывало ихъ въ крестьянъ, оно также не распредѣляло ихъ по деревнямъ; оно основывало для нихъ городъ и раздавало поселенцамъ (*coloni*) участки на его территоріи, такъ что новые крестьяне оказывались не сельскими жителями, а горожанами; они не становились по частямъ членами нѣсколькихъ малыхъ сельскихъ общинъ, а гражданами одного города. Такое отсутствіе деревень тамъ, гдѣ намъ казалось бы наиболѣе естественнымъ найти ихъ,— фактъ очень выразительный.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ заключать, что въ римскомъ мірѣ не встрѣчалось совершенно группъ сельскихъ жилищъ, которыя могли походить внѣшнимъ образомъ на наши деревни; таковыя попадались даже довольно часто. Они назывались *vici*. Слово это нерѣдко встрѣчается у писателей и въ законахъ, но надо обратить вниманіе, что, смотря по случаю, терминъ этотъ прилагается къ двумъ очень различнымъ предметамъ.

Съ одной стороны, когда мы читаемъ у Цицерона, что дочь его, Теренція, продаетъ принадлежащій ей *vicus*, надо представлять себѣ, что такого рода деревня являлась собственностью частнаго лица [1]. Въ другомъ мѣстѣ еще передъ нами обнаруживается *vicus*, принадлежавшій одной женщинѣ, которая называется его владѣлицею [2]. Дѣло въ томъ, что богатые владѣльцы, державшіе на своихъ помѣстьяхъ сотни рабовъ, строили для нихъ селенія. Юлій Фронтинъ описываетъ большое помѣстье и указываетъ въ немъ нѣсколько селеній, образующихъ какъ бы поясъ вокругъ господскаго дома; ясно, что всѣ они заняты были рабами или колонами; и хижины, и люди принадлежали господину [3]. Это были не сельскія общины, а собранія рабовъ или зависимыхъ крестьянъ. Такія селенія были какъ бы подчиненными элементами или членами помѣстья. Вмѣсто того чтобы, какъ въ наши дни, помѣстье составляло часть сельской общины, деревня являлась тогда частью помѣстья и была подчинена ему.

Съ другой стороны, существовали также селенія свободныхъ людей. Мы не видимъ, чтобы ихъ когда либо основывало государство; но часто могло случаться, что нѣсколько мелкихъ владѣльцевъ сближали свои

[1] *Cicer.* Ad familiares, XIV, I: «Ad me scribis, mea Terentia, te vicum vendituram».

[2] *Vita Basilisci*, c. 8 (Болландисты, Мартъ, I, 237): «Domina vici illius, nomine Traiana».—Въ другомъ еще мѣстѣ мы видимъ «vicus Zatidis» (*Corp. inscr. lat.* V, 898).

[3] *Iul. Frontin.* De conditione agrorum, ed. Lachmann, p. 53.

жилища и образовывали скученные поселки. Надписи показываютъ намъ *vici*, которые были небольшими ассоціаціями; жители ихъ становились между собою членами одной группы—*vicani*; они могли приходить къ соглашенію относительно совмѣстнаго производства общеполезныхъ работъ, могли составлять общую кассу, выбирать изъ своей среды кого-нибудь вродѣ старосты [1]. Но такія соединенія законъ не признавалъ настоящими юридическими личностями. Сельская группа всегда составляла нераздѣльную часть городской, муниципальной: «Если вы родились въ *vicus*, говоритъ юрисконсультъ, вы считаетесь уроженцемъ того города, частью котораго является этотъ *vicus* [2]. Такимъ образомъ деревня составляла элементъ муниципія; точно такъ же обстояло дѣло и съ помѣстьемъ, но помѣстье не было частью деревни. Оно стояло рядомъ съ нею и независимо отъ нея. Владѣлецъ помѣстья былъ гражданиномъ города; городу платилъ онъ свои повинности и въ городѣ отправлялъ муниципальныя обязанности.

Итакъ, въ Галліи существовали деревни, но въ какомъ количествѣ—это сказать трудно. Мы знаемъ по ихъ названіямъ тысячи помѣстій, а деревень намъ из-

[1] *Wilmans*, 2117: «Vicani vici Aventini patrono suo».—2247: «Pro salute Augustorum P. Clod. Corn. Primus curator vikanorum Lousonnentium».—2282: «Vicani Belginates posuerunt, curante g. Velorio Sacrillo quaestore».—*Inscriptiones Helvetiae*, 149, 241: «Decreto vicanorum».—*Corp. inscr. lat.* X, 4830, 4831: «Rufiani vicani quorum aedificia sunt».—V, 5504—5505: «Vicanis et habitantibus balneum dederunt».—V, 4488: «Tabernae cum cenaculis, quae sunt in vico Herculis».—*Cod. Theod.* VII, 18, 13: «Primates urbium, vicorum, castellorum».

[2] *Ulpian*. Dig. L, 1, 30.

вѣстно лишь десятковъ шесть [1]. Деревни были, повидимому, разбросаны среди помѣстій; однѣ представляли группы мелкихъ землевладѣльцевъ; другія, находившіяся на проѣзжихъ дорогахъ, являлись скорѣе группами мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ [2]. Но большую часть земли покрывали частныя помѣстья; деревня нерѣдко зависѣла отъ помѣстья, помѣстье же отъ деревни—никогда. Продолженіе нашихъ изслѣдованій покажетъ, что девять десятыхъ современныхъ французскихъ деревень произошло не отъ старыхъ галльскихъ или римскихъ поселеній подобнаго же типа, а отъ старыхъ римскихъ помѣстій.

4.

Система обработки помѣстья у Римлянъ.

Помѣстье оказывалось обыкновенно слишкомъ велико для того, чтобы культивироваться руками своего владѣльца; обрабатывалось оно рабами или зависимыми людьми, *servi*. Господинъ былъ собственникомъ своихъ рабовъ такъ же, какъ и собственникомъ земли; онъ употреблялъ ихъ для ея воздѣлыванья. Группа занимавшихъ помѣстье рабовъ называлась *familia*. Не будемъ думать, чтобы слово это заключало въ себѣ какой-нибудь признакъ нравственнаго или гуманнаго характера; это было бы ошибкой: на древне-латинскомъ языкѣ терминъ *familia* обозначалъ просто

[1] Григорій Турскій называетъ десятковъ пять ихъ именъ, но нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ онѣ были поселками свободныхъ владѣльцевъ; мы еще вернемся къ этому вопросу ниже.

[2] Нѣсколько такихъ мѣстечекъ, какъ напримѣръ, Амбуазъ, Лошъ, Бріудъ, превратились впослѣдствіи въ города.

объектъ собственности, комплексъ матеріальныхъ благъ, совокупность движимаго и недвижимаго имущества какого-нибудь лица, въ которомъ естественно занимали мѣсто и рабы.

Рабская группа дѣлилась на двѣ очень отличавшіяся одна отъ другой части, которыя назывались на языкѣ того времени *familia urbana* и *familia rustica* [1]. Первое изъ этихъ выраженій примѣнялось не къ рабамъ, живущимъ въ городѣ, а къ тѣмъ рабамъ даннаго помѣстья, которые были заняты личной службой господину [2]. Итакъ, деревенскій помѣщичій домъ могъ заключать въ себѣ лакеевъ, поваровъ, кучеровъ, псарей и охотниковъ, какъ описываетъ Плиній, гонцовъ, секретарей и писцовъ; все это даже въ деревнѣ составляло *familia urbana* [3]. *Familia rustica* заключала всѣхъ тѣхъ, кто былъ занятъ обработкой земли.

Уже старый Катонъ сдѣлалъ подсчетъ числа рабовъ, необходимыхъ для сельскохозяйственной эксплуатаціи помѣстья. Онъ опредѣлилъ, что на 240 югеровъ

[1] *Dig.* XXXI, 65: «Familiam urbanam aut rusticam». *Columell.* I, 8: «Servi rustici... servi urbani».

[2] *Dig.* L, 16, 166: «Urbana familia et rustica non loco, sed genere distinguitur». — *Ibidem*, XXXII, 99: «Servi, licet in praedüs rusticis sint, tamen si opus rusticum non faciunt, urbani videntur».— *Ibidem*, XXXIII, 9, 4, § 5: «Urbica ministeria dicimus et quae extra urbem nobis ministrare consueverunt».—*Paul.* Dig. XXXIII, 7, 18, § 13: «Villam meam cum mancipiis, quae ibi deputabuntur, urbanis et rusticis».—Говорилось также «villa urbana» (*Dig.* XIX, 2, 11, § 4).

[3] *Dig.* L, 16, 203: «Qui ad eius corpus tuendum atque ad ipsius cultum destinati sunt, quo in genere iunctores, cubicularii, coci, ministratores, atque alii».—*Plin.* Epist. III, 19: «Atrienses, topiarii fabri atque venatorium instrumentum».—Относительно охотниковъ мнѣнія колеблются: ихъ причисляли то къ «ministeria urbana» (*Paul.* Sent. III, 6, § 71), то къ «familia rustica» (*Dig.* XXXIII, 7, 12, § 12).

оливковаго насажденія достаточно было тринадцати человѣкъ. На 100 югеровъ виноградника онъ назначалъ шестнадцать [1]. Что же касается пахотныхъ земель, то другой агрономъ, Сасерна, устанавливалъ число двѣнадцать человѣкъ на 100 югеровъ [2]. Цифры эти заслуживаютъ вниманія. Не думаемъ, чтобы свободная обработка, какъ въ наши дни, требовала на такое пространство столько же людей. Для обработки одного югера, то-есть, пространства, равнаго приблизительно 28 акрамъ, Сасерна полагаетъ четыре дня рабскаго труда. Трудъ раба не былъ, стало быть, особенно напряженнымъ. Прибавьте, что, согласно тому же писателю, изъ сорока пяти дней надо было давать тринадцать дней отдыха. Какъ бы то ни было, мы видимъ, что по обычному порядку каждый рабъ долженъ былъ обработать 6 югеровъ виноградника или 8 пахотнаго поля. Запомнимъ эти цифры; мы встрѣтимъ ихъ опять въ другую эпоху.

Въ древнихъ текстахъ насъ поражаетъ одно выраженіе. Рабы, обрабатывавшіе помѣстье, назывались *instrumentum fundi*. Выраженіе это переводили такъ, будто Варронъ и Колумелла хотѣли сказать, что рабъ разсматривался, какъ «орудіе» въ современномъ значеніи слова, то-есть, какъ матерьяльный и неодушевленный предметъ. Какъ могла появиться такая мысль у писателей, которые совѣтуютъ въ своихъ сочиненіяхъ обращаться съ рабомъ, какъ съ человѣкомъ, не только щадить его и питать къ нему жалость, но и относиться къ нему внимательно и дружески, даже «выслушивать

[1] *Cato,* De re rustica, 10—11; *Varro,* De re rustica, I, 18.

[2] *Saserna* apud *Varr.* De re rustica, I, 19.

*

его мнѣнія относительно хозяйства» [1], у такихъ, наконецъ, писателей, которые изъ сорока пяти дней оставляли рабу тринадцать свободныхъ? Дѣло въ томъ, что слово *instrumentum* не значило орудіе въ техническомъ смыслѣ; подъ нимъ разумѣлось шире—все то, что обставляетъ помѣстье необходимыми средствами хозяйственной эксплуататаціи. Естественно, что рабъ находился въ числѣ такихъ «орудій производства» въ обширномъ смыслѣ, то-есть, инвентаря «устроеннаго» помѣстья, такъ какъ безъ него невозможна была бы культура. Варронъ пишетъ: «Инвентарь помѣстья бываетъ трехъ родовъ: орудія, скотъ и рабы» [2]. То же самое говорятъ въ другихъ выраженіяхъ юрисконсульты. Когда кто-нибудь передавалъ помѣстье по завѣщанію, онъ по своему выбору могъ оставить его устроеннымъ или неустроеннымъ; безъ сомнѣнія, то же повторялось при продажѣ. Когда помѣстье продавалось или завѣщалось «устроеннымъ», подъ этимъ подразумѣвались естественнымъ образомъ и рабы; они переходили къ новому господину вмѣстѣ съ землею [3].

Въ началѣ императорскаго періода мы находимъ у Колумеллы довольно ясное описаніе *familia rustica*. Она составляла группу, въ которой никто не работалъ

[1] *Columell.* I, 8: «In servis haec praecepta servanda sunt, quae me custodisse non poenitet, ut rusticos familiarius alloquerer, et cum comitate domini levari perpetuum laborem eorum intelligerem, nonnunquam etiam iocarer et plus ipsis iocari permitterem».—*Varro,* I, 17: «Servi... honore aliquc habendi sunt... Minus se putent despici, atque aliquo numero haberi a domino. Studiosiores fieri liberalius tractando...»

[2] *Varro,* De re rustica, I, 17: «Quibus rebus agri colantur, tres partes instrumenti, genus vocale, et semivocale, et mutum».

[3] *Dig.* XXXIII, 7: «De instructo sive instrumento legato».

отдѣльно или свободно [1]. Смотря по характеру работъ, всю совокупность «сельскихъ рабовъ», кажется, дѣлили на нѣсколько службъ или занятій, которыя назывались *officia* или *ministeria* [2]. Одни были хлѣбопашцами, другіе винодѣлами, третьи пастухами [3]. Если помѣстье было очень велико и рабы многочисленны, то ихъ распредѣляли по десяткамъ, и такимъ образомъ образовывались «декуріи» земледѣльцевъ, пастуховъ и виноградарей. Каждая декурія сообща обрабатывала землю, занималась жнитвомъ и уборкой винограда [4].

Въ описываемой категоріи сельскихъ рабовъ находились и мастеровые, ремесленники. Надо было, въ самомъ дѣлѣ, сооружать или исправлять плуги и повозки; безпрестанно требовался какой-нибудь ремонтъ въ строеніяхъ и кровляхъ; надо было молоть и печь хлѣбъ, ткать и шить одежду. Помѣстье должно было заключать въ себѣ все необходимое для жизни его персонала. Насколько возможно, оно ничего не должно было покупать за своими предѣлами или призывать

[1] *Columell.* I, 9: «Ne singuli neque bini sint, quoniam dispersi non facile custodiuntur».

[2] *Dig.* XXXI, 65: «Si postea servorum officia vel ministeria mutaverit».—Въ этомъ смыслѣ употреблено Тацитомъ слово ***ministeria***, когда онъ говоритъ, что у Римлянъ ***familia*** дѣлилась на ***ministeria,*** а что у Германцевъ было иначе: «in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis» (***Germania,*** 25).

[3] *Columell.* ibidem: «Illud censeo, ne confudantur opera familiae sicut omnes omnia exsequantur... Separandi sunt aratores a vinitoribus». — Павелъ въ Дигестахъ (XXXIII, 7, 18) различаетъ — bubulci, pastores, putatores, fossores. — Прибавьте еще saltuarii и садовниковъ, называвшихся topiarii.

[4] *Columell.* ibidem: «Classes non maiores quam denum hominum faciendae, quas decurias appellaverunt antiqui et maxime probaverunt, quod is numeri modus in opere commodissime custodiretur».

чужихъ людей на подмогу въ своемъ хозяйствѣ. Помѣстье являлось само по себѣ маленькимъ міромъ, и оно должно было самодовлѣть. Потому-то мы и находимъ тамъ мельниковъ, хлѣбопековъ, каменьщиковъ, плотниковъ и столяровъ, кузнецовъ, даже цирульниковъ для бритья рабовъ [1]. Въ большомъ помѣстьѣ устраивалась также женская мастерская, *gynaeceum*; въ ней ткались и починялись необходимыя для всѣхъ служащихъ одежды [2]. Такъ какъ свободной деревни въ Римской имперіи не существовало, какъ мы сказали, или она встрѣчалась лишь рѣдко, то все населеніе, которое обитаетъ въ нашей современной деревнѣ, должно было по необходимости находиться внутри частнаго помѣстья римской эпохи. Только всѣ эти люди находились въ холопскомъ положеніи и принадлежали собственнику земли.

Для управленія всѣми этими людьми нужны были начальники. Каждая декурія земледѣльцевъ или пастуховъ имѣла своего надсмотрщика или инструктора, *monitor*. Въ различныхъ ремеслахъ были свои смотрители за работами, *magistri operum* [3]. Нѣкоторымъ изъ

[1] *Ulpian*. Dig. XXXIII, 7, 12: «Et pistorem et tonsorem, qui familiae rusticae causa parati sunt, contineri (in instrumento fundi); item fabrum, qui villae reficiendae causa paratus sit, et mulieres, quae panem coquant; item molitores si ad usum rusticum parati sint.. et tonsores et fullones».—*Dig*. L, 16, 203: «Textores, operarii rustici, iunctores».—*Palladius*, De re rustica, I, 6: «Terarii, lignarii, doliorum cuparumque factores necessario habendi sunt».

[2] *Ulpian*. Dig. XXXIII, 7, 12: «Item laniticas, quae familiam rusticam vestiunt». О *gynaeceum* см. *Cod. Theod*. XVI, 8, 6; *Cod. Iust*. IX, 27, 5; XI, 7, 5.—*Isidor*. Origines, VI, 3, 15.

[3] *Columell*. XI, 1: «Magistri singulorum officiorum».—*Idem*, I, 8: «Operum magistri».—*Idem*, I, 9: «Magistros operibus oportet praeponere sedulos».

людей помѣстья довѣрялись особенно отвѣтственныя должности. Назначался, напримѣръ, ключникъ, *cellarius* [1]; онъ раздавалъ съѣстные припасы и вино. Другой велъ хозяйственные счеты; у него хранились книги и деньги; онъ назывался *dispensator* [2]. Всѣ эти названія сохранятся и послѣ имперіи: въ монастырскихъ помѣстьяхъ средневѣковья мы встрѣтимъ опять ключника и эконома. Всѣ эти надсмотрщики выбирались изъ рабовъ.

Надъ ними стоялъ *vilicus*. Переводить это слово «арендаторъ»—большая ошибка. Въ его функціяхъ не было ничего похожаго на аренду. Виликъ не заключалъ и не могъ заключать съ господиномъ никакого контракта, потому что онъ всегда былъ его рабомъ [3]. Онъ работалъ только для господина, которому обязанъ былъ отчетомъ въ продажѣ сбора и во всѣхъ доходахъ. Господинъ выбиралъ его для того, чтобы онъ

[1] *Ulpian*. Dig. XXXIII, 7 12, § 9: «Cellarium quoque, id est ideo praepositum, ut rationes salvae sint».—*Columell*. XI: «Ut cibus et potio sine fraude a cellariis praebeantur».

[2] *Dig*. XI, 3, 16: «Dominus servum dispensatorem manumisit postea rationes ab eo accepit».—*Gaius*, III, 160.—*Dig*. XLVI, 3, 51; L, 16, 166; L, 16, 203.—*Corp. inscr. lat*. X, 237, 1732, 1919, 1921, 4594, 8059; V, 91, 1034, 2883.

[3] Что *vilicus* былъ всегда рабомъ, это вытекаетъ изъ слѣдующихъ текстовъ: *Cato*, De re rustica, 5, 142; *Columell*. I, 8: «De iis praeficiatur, qui servitutem laboriosam toleraverunt».—*Idem*, XI, 1: «Vilicus ad ministeria sua conservos non adhibeat».—*Dig*. XXXIII, 7, 18.—*Cod. Iust*. VI, 38, 2.—Апулей описываетъ вилика какъ раба: «Servus quidam, cui cunctam familiae tutelam dominus permiserat, quique habebat ex eodem famulitio conservam coniugem» (*Metam*. VIII).—См. также надписи въ *Corp. inscr. latin*. въ сотнѣ мѣстъ.—Именно потому, что vilicus избирался изъ рабовъ, юрисконсультъ Павелъ (Sent. III, 6, 35) считаетъ его въ числѣ *instrumentum fundi*.

распоряжался товарищами своими по неволѣ для того, чтобы онъ руководилъ ихъ работами и наказывалъ въ случаяхъ ихъ небрежнаго исполненія. Онъ являлся правою рукою и очами господина [1]. Если помѣстье было большое, то кромѣ вилика въ немъ назначалось два другихъ лица въ числѣ начальниковъ; они назывались *actor* и *procurator* [2]. Первый обыкновенно игралъ роль прикащика, на которомъ лежало дисциплинарное управленіе всѣми, кто жилъ внутри помѣстья. Второй являлся скорѣе уполномоченнымъ господина при купляхъ, продажахъ, вообще при сношеніяхъ помѣстья съ внѣшнимъ міромъ. Послѣднія два лица, какъ ни значительна была ихъ власть въ помѣстьѣ, также выбирались изъ простыхъ рабовъ. Это засвидѣтельствовано въ Дигестахъ юрисконсультами и во многихъ надписяхъ.

[1] *Cato*, 5: «Vilicus, si quis quid deliquerit, pro noxa bono modo vindicet... Opus rusticum omne curet». - *Columell.* I, 8: «Num vilicus aut alligaverit quemquam aut revinxerit». — *Idem*, XI, 1: «Ne crudelius aut remissius agat cum subiectis».

[2] Трудно опредѣлить значеніе этихъ двухъ терминовъ. Повидимому, оно никогда не было вполнѣ опредѣленнымъ и неизмѣннымъ. У Колумеллы (I, 7) *actor* то же самое, кажется, что *vilicus*; по другому мѣсту (XII, 3), какъ будто, на одномъ и томъ же помѣстьѣ встрѣчалось по нѣсколько *actores*; еще по другому мѣсту (I, 6) въ рукахъ у прокуратора находился, повидимому, надзоръ за виликомъ.—Петроній (*Satyr.* 30) показываетъ, что procurator принималъ отчеты замѣсто господина.—Плиній (Epist). III, 19) ясно отличаетъ прокуратора отъ актора и даетъ понять, что въ очень большихъ помѣстьяхъ былъ одинъ только procurator, но нѣсколько actores.—Авзоній (Epist. 22) говоритъ о нѣкоемъ Филонѣ, котораго онъ называетъ заразъ и своимъ прокураторомъ, и своимъ виликомъ; онъ приписываетъ ему всѣ недостатки плохого управляющаго. — *Procurator fundi* или *procurator possessionis* часто упоминается въ Кодексѣ Θеодосія (см. XVI, 5, 34; XVI, 5, 36, и т. д.).

Римскій духъ сумѣлъ внести особенно твердую дисциплину именно въ область организаціи сельскаго хозяйства. Устройство римскаго легіона приводитъ въ изумленіе своимъ незыблемымъ порядкомъ; не менѣе удивительно было и устройство помѣстья. Все велось тамъ на строго-іерархическихъ началахъ; все дѣлалось по приказанію, при полномъ повиновеніи и строгой отчетности. Дисциплина не подрывалась оттого, что начальники были такими же рабами, какъ и рабочая масса. Съ одной стороны, владѣлецъ былъ увѣренъ въ повиновеніи начальниковъ, которые находились въ неограниченной его власти, такъ какъ они не пользовались никакими гражданскими правами, и сами ничего не могли пріобрѣтать для себя. Съ другой стороны, Римляне по опыту знали, что власть надъ рабами никто не примѣнялъ болѣе строго и пунктуально, чѣмъ другіе рабы. Сами господа являлись въ такихъ случаяхъ, можетъ быть, менѣе суровы и, особенно, менѣе прозорливы. Плиній Младшій пишетъ про себя, что онъ былъ очень снисходительнымъ господиномъ; его *vilici* и *actores* оказывались, безъ сомнѣнія, менѣе милостивы и, благодаря имъ, въ хозяйствѣ поддерживался строгій порядокъ. Еще въ пятомъ вѣкѣ, при большомъ смягченіи нравовъ среди свободнаго населенія, «рабы дрожали

[1] Въ Кодексѣ Θеодосія (IV, 11, 6) мы замѣчаемъ, что свободной женщинѣ запрещалось выходить замужъ за раба, и въ числѣ рабовъ законъ называетъ актора и прокуратора, дѣлая исключеніе лишь для ***procuratores*** императорскихъ помѣстій.—Павелъ (Sent. III, 6, 47 и 48) показываетъ, что actor владѣлъ *peculium* и относился къ *instrumentum fundi*.—*Procurator* былъ иногда однако свободнымъ человѣкомъ; см. *Cod. Theod.* XVI, 5, 65: «Procurator, si sit ingenuus». — *Actor* часто фигурируетъ въ надписяхъ, и это каждый разъ—рабъ; *Corp. inscr. latin.* V, 90, 1035, 1049, 1939, 7473, 8116.

отъ страха передъ акторомъ и передъ силентіаріемъ, которые обременяли ихъ наказаніями и ударами»; говорить это Сальвіанъ, и онъ добавляетъ: «Они запуганы этими надсмотрщиками, которые, однако, такіе же рабы, какъ они, и противъ строгости которыхъ они ищутъ заступничества господина» [1].

Характеристическою чертою при способѣ обработки земли рабскимъ трудомъ и главнымъ недостаткомъ этой системы надо назвать то, что самъ земледѣлецъ не извлекалъ изъ своего труда никакой личной пользы. Никогда не работалъ онъ для себя. Онъ не работалъ даже отдѣльно отъ другихъ. Онъ составлялъ часть группы, декуріи; съ нею отправлялся онъ каждое утро на опредѣленную, указанную ей начальникомъ, часть земли; съ нею же пойдетъ онъ завтра на другой участокъ. Въ трудѣ его не двигалъ интересъ или какой-нибудь личный мотивъ. Накормленный и одѣтый, ежедневно получая установленную долю муки, вина и одежду для каждаго времени года отъ хозяина онъ ничего не могъ ни выиграть, ни потерять. Онъ былъ чуждъ даже того рода привязанности, которую испытываетъ къ обработываемому имъ клочку земли нашъ крестьянинъ, такъ какъ онъ не трудился и двухъ дней сряду на одномъ и томъ же кускѣ земли. Другой

[1] *Salvian*. De gubernatione Dei, IV, 3, ed. Halm, 38: «Pavent actores, pavent silentiarios, pavent procuratores... ab omnibus caeduntur, ab omnibus conteruntur... multi servorum ad dominos suos confugiunt, dum conservos timent». — Ср. *servi vincti* предшествующей эпохи, о которыхъ говоритъ Колумелла (I, 8) и Плиній (Epist. III, 19), и *ergastulum*, о которомъ также говорится у Колумеллы (I, 8), Ювенала (XIV и XIII) и Апулея (Metam.IX). Ни Сальвіанъ, ни одинъ другой авторъ четвертаго и пятаго вѣковъ не говорятъ больше о закованныхъ рабахъ.

рабъ пожиналъ то, что онъ сѣялъ. Работа его оставалась безъ награды, какъ совершалась безъ любви. Мы легко можемъ представить себѣ, что такая вынужденная работа становилась вялою, неспорою, неискусною, что часто надо было ее передѣлывать, и все таки она оставалась безплодною. Рабъ мало стоилъ господину, но мало и приносилъ ему. У раба не было также своего особаго жилища, своей хижины. Онъ зналъ только общее жилище. Ему недоставало не только свободы, но и своего угла.

5.

Рабское держаніе [1].

Изъ описаннаго нами земледѣльческаго рабства выросло крѣпостное держаніе. Главнымъ, совершенно опредѣленнымъ признакомъ, отличавшимъ одно отъ другого, было то, что «сервъ» (крѣпостной съемщикъ) работалъ отдѣльно на выдѣленномъ ему участкѣ и на опредѣленныхъ условіяхъ получалъ съ него доходъ, тогда какъ земледѣльческіе рабы массою работали на всей землѣ господина.

Этотъ видъ рабской зависимости, который долженъ былъ получить преобладаніе въ средніе вѣка, не остался неизвѣстенъ и въ древности. Онъ опредѣленно практиковался у Германцевъ; обнаруживается онъ и въ

[1] Этимъ словомъ «держаніе», мало употребительнымъ въ русской научной терминологіи, переводится французское выраженіе— *tenure*, такъ какъ въ немъ лучше воплощается признакъ «неопредѣленности» и «длительности» отношенія «съемщика» (держальца» — *tenancier*) къ землѣ, между тѣмъ какъ «аренда», («фермерство») подразумѣваютъ болѣе точно—срочный контрактъ.
Прим. ред. русск. перев.

нѣкоторыхъ еще болѣе древнихъ обществахъ. Илоты въ Спартѣ, пенесты въ Ѳессаліи, клероты на Критѣ и, быть можетъ, также теты Аттики до Солона были земледѣльцами, крѣпкими землѣ. Дѣйствительно они отъ отца къ сыну обрабатывали тѣ же участки; они были поселены каждый на своемъ надѣлѣ, и ихъ нельзя было ни продать, ни отдѣлить отъ земли; на нихъ не лежало другого обязательства, кромѣ отдачи господину значительной части урожая. Таковы истинныя черты, по которымъ можно узнать рабское держаніе. По общественному своему положенію эти люди были рабами, по наслѣдственному занятію они становились крѣпостными крестьянами—сервами, какъ ихъ будутъ называть въ средніе вѣка. Крѣпостное состояніе зарождается въ римскомъ обществѣ, но очень поздно. Въ древней исторіи Рима не обнаруживается ничего подобнаго. Положеніе древнѣйшихъ кліентовъ ни въ чемъ не походило на крѣпостное состояніе: они были свободными по закону людьми и были привязаны къ роду своего патрона, а не къ землѣ. Во всемъ, что извѣстно отъ древняго римскаго права, не встрѣчается ни одного постановленія, которое бы можно было примѣнить къ земельному крѣпостничеству. Древне-римское право знало только одинъ родъ рабства,—то, которое связывало человѣка съ личностью его господина и отдавало его во власть послѣдняго. Стоитъ отмѣтить тотъ фактъ, что, по мѣрѣ покоренія міра, Римляне не установили въ немъ крѣпостной зависимости населенія въ свою пользу, какъ дѣлало столько народовъ-покорителей. Извѣстно, что они завладѣли большей частью земель побѣжденныхъ; извѣстно также, что они поставлены были въ большое затрудненіе обладаніемъ такихъ громадныхъ территорій и не знали часто, какъ

ихъ эксплуатировать. Они не подумали однако воздѣлывать ихъ при помощи труда прежнихъ жителей на условіяхъ крѣпостной зависимости. Только позже, во время имперіи начинаетъ появляться у нихъ эта форма соціальныхъ отношеній. Даже тогда она никогда не являлась настоящимъ правовымъ институтомъ. Она не была установлена никакимъ закономъ, никакою мѣрою государственной власти, никакимъ общимъ постановленіемъ. Законы, собственно, даже не признавали рабскаго держанія; ни въ Дигестахъ, ни въ Кодексахъ не найдете ни одной статьи, которая устанавливала бы ее. Она не являлась государственнымъ институтомъ, оставаясь лишь жизненною практикою.

Можно было бы предположить, съ перваго взгляда, что крѣпостныя отношенія утвердились въ имперіи какъ слѣдствіе испомѣщенія на ея территоріи новыхъ элементовъ, попавшихъ въ зависимое положеніе. Дѣйствительно, если бы можно было засвидѣтельствовать, что въ составъ ея жителей было введено множество Германцевъ сервовъ, если бы появленіе крѣпостной зависимости рѣзко совпало съ ихъ приходомъ, то было бы найдено точное время и истинный источникъ образованія крѣпостныхъ отношеній въ Италіи и Галліи. Но констатировать это невозможно. Можно даже сказать наоборотъ: изъ данныхъ, заключающихся въ источникахъ, или хотя бы изъ ихъ молчанія, обнаруживается развѣ одинъ фактъ, а именно, что крѣпостничество не возникло ни въ опредѣленный моментъ, ни вслѣдствіе прилива новаго населенія. Прослѣдите поколѣніе за поколѣніемъ, и вы не найдете того, во время жизни котораго сразу появилось бы крѣпостничество. Формы его сложились медленно, какъ бы въ темнотѣ, ни для кого, такъ сказать, незамѣтно. Оно явилось

результатомъ какъ будто незначительнаго измѣненія аграрныхъ обычаевъ. Прежде землевладѣльцы обрабатывали свои помѣстья толпами рабовъ; затѣмъ они стали разрѣшать одному или нѣсколькимъ изъ нихъ работать отдѣльно отъ остальныхъ; вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ воздѣлывать барскую землю подъ присмотромъ вилика со всею толпою то здѣсь, то тамъ, они выдѣлили для нихъ участки, на которыхъ тѣ могли съ этихъ поръ хозяйствовать для себя изъ года въ годъ, всю жизнь на одномъ и томъ же полѣ. Хозяева довѣряли имъ это маленькое поле, разрѣшивъ и въ то же время приказавъ имъ обработывать его на свой страхъ. Такимъ путемъ подобныя частицы барскаго помѣстья превращались въ арендныя единицы (держанія), а рабы въ крѣпостныхъ крестьянъ (сервовъ).

Незамѣтная трансформація эта началась съ очень давнихъ временъ; невозможно точно установить, когда именно. Уже въ то время, когда Варронъ писалъ свой сельскохозяйственный трактатъ, мы видимъ, что владѣльцы жаловали иногда пекулій самымъ трудолюбивымъ изъ своихъ рабовъ; изъ этого же отрывка Варрона выясняется, что пекулій заключался не въ деньгахъ, а въ маленькомъ стадѣ, въ клочкѣ земли [1]. «Даруйте это хорошимъ своимъ слугамъ, говоритъ онъ господамъ, за это они только болѣе привяжутся къ вашему помѣстью [2]». Вотъ, гдѣ, быть можетъ, лежитъ

[1] *Varro,* De re rustica, I, 17: «Danda opera, ut habeant peculium... ut peculiare aliquid in fundo pascant».—Ср. I, 2: «Peculiuum servis, quibus domini dant, ut pascant».—Извѣстно, что пекулій раба могъ заключать въ себѣ недвижимость такъ же, какъ деньги и движимость, *Ulpian.* Dig. XXXIII, 8, 6: «Si peculium legetur (господиномъ) et sit in corporibus, puta fundi vel aedes...»

[2] *Ibidem*: «Eo enim sunt coniunctiores fundo».

зародышъ крѣпостныхъ отношеній и образованія рабскаго держанія.

Болѣе ясно выступаетъ рабская аренда у юрисконсультовъ второго и третьяго вѣковъ. Имъ нѣсколько разъ случается упоминать о рабахъ, которые обрабатываютъ участокъ за свой счетъ, платя господину оброкъ, какъ бы дѣлалъ и съемщикъ [1]. Ульпіанъ называетъ даже такого раба квази-арендаторомъ. Онъ не могъ быть настоящимъ арендаторомъ, потому что никакой арендный договоръ не былъ возможенъ между господиномъ и его рабомъ, но по существу онъ походилъ на арендатора, такъ какъ обрабатывалъ особое поле и уплачивая господину установленную долю продукта пользовался для себя остальнымъ урожаемъ. У юрисконсульта Павла обнаруживается также рабъ, который обрабатывалъ землю самъ, самостоятельно культивировалъ свой участокъ, уплачивая владѣльцу впередъ опредѣленную ренту [2]. Цервидій Сцевола указываетъ раба, «занимавшаго поле для собственной обработки и, въ моментъ смерти своего господина, запоздавшаго съ платежомъ установленнаго сбора» [3]

[1] *Ulpian.* Dig. XXXIII, 7, 12, § 3: «Quaeritur an servus, qui quasi colonus in agro erat, instrumento legato contineatur».—Слово *colonus* употреблено въ этой фразѣ въ наиболѣе обычномъ тогда значеніи арендатора или съемщика.

[2] *Paul.* Dig. XXXIII, 7, 18, § 4.—Онъ имѣетъ здѣсь ввиду преимущественно вилика, который былъ рабомъ: «Cum de vilico quaereretur an instrumento inesset, et dubitaretur, Scaevola respondit, si non pensionis certa quantitate, sed fide dominica coleretur, deberi». *Pensio*—это терминъ, которымъ обозначали каждый взносъ арендной платы (*merces*); значитъ *vilicus*, работавшій *certa pensionis quantitate*, походилъ на арендатора.

[3] *Scaevola*, Dig. XXXIII, 7, 20: «Quaesitus est an Stichus servus, qui unum ex his fundis coluit et reliquatus est, amplam summam... legatario debeatur».

Другой юрисконсультъ говоритъ, какъ о довольно обычной практикѣ, о сдачѣ владѣльцемъ рабу внаймы земли для обработки, которую онъ воздѣлывалъ тоже полученными отъ господина для пахоты быками [1]. Очевидно, рѣчь не можетъ идти здѣсь о правильномъ и формальномъ наймѣ: законъ этого не разрѣшалъ. Здѣсь происходитъ чисто словесный договоръ, который не имѣлъ бы на судѣ никакой силы, если бы между господиномъ и рабомъ возникъ споръ.

Тѣмъ не менѣе это былъ родъ безмолвнаго контракта, и практика его легко укрѣплялась потому, что дѣло соотвѣтствовало интересамъ обѣихъ сторонъ. Рабъ предпочиталъ работать одновременно и для себя, и для господина вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, работать для одного господина. Что касается господина, то и онъ находилъ въ такой перемѣнѣ свою выгоду: онъ былъ увѣренъ, что выдѣленный участокъ земли принесетъ ему нѣкоторый опредѣленный доходъ, такъ какъ появился человѣкъ, заинтересованный успѣшностью обработки. Кто же могъ обезпечить господину большую выгоду, чѣмъ этотъ квази-арендаторъ, который былъ рабомъ? Никакая тяжба не была съ нимъ возможна, и его всегда легко было согнать съ земли. Арендная плата устанавливалась такая, какую хотѣлъ господинъ. Замѣтьте даже, что онъ могъ ставить очень умѣренныя условія, ничего при этомъ не теряя; могъ требовать лишь небольшихъ платежей, позволять ему жить счастливо, почти обогащаться, такъ какъ, собственно, все, что пріобрѣталъ рабъ, пріобрѣталось для господина. По смерти раба, господинъ обратно получалъ въ свои руки съ одной стороны улучшенное трудомъ поле, съ другой движимость и деньги своего раба. Господинъ могъ безъ всякаго ущерба выказывать себя добрымъ къ рабу.

[1] *Alfenus*, Dig. XV, 3, 16: «Quidam fundum colendum servo suo locavit, et boves ei dederat...»

Таково, если мы не ошибаемся, первоначальное происхожденіе земельнаго крѣпостничества у Римлянъ. Оно какъ бы прививается къ болѣе раннему полному рабству. Это—прежнее рабство, продолжавшееся съ однимъ только измѣненіемъ. Сервы тѣ же люди, что прежніе рабы, но, вмѣсто того, чтобы работать всѣ гуртомъ, они работаютъ по одиночкѣ на отдѣльномъ полѣ и на особыхъ, лично имъ предоставленныхъ условіяхъ. «Серважъ» (крѣпостное право) не сразу появляется, какъ общій распространенный государственный институтъ; онъ долго оставался въ области частныхъ отношеній. Онъ появился сначала на одномъ помѣстьѣ, потомъ на другомъ, понемногу—на всѣхъ. Утверждалось такое рабское фермерство не на всемъ помѣстьѣ, а только на части его площади. Господинъ не сразу преобразовывалъ всѣхъ рабовъ въ держальцевъ; въ самомъ дѣлѣ, мы увидимъ дальше, что на каждомъ помѣстьѣ всегда оставалось много рабовъ, эксплуатировавшихся согласно старому правилу плантаціоннымъ способомъ. По волѣ господина, въ держальцевъ, сервовъ мало по малу превращались по одиночкѣ, лично то тотъ, то другой такой-то рабъ.

Юридическое положеніе человѣка при этомъ не измѣнялось. По закону, онъ оставался рабомъ. Ни одна статья Дигестъ, ни одинъ законъ изъ кодексовъ не создавали ему особаго положенія. Помѣстивъ его на маленькомъ участкѣ, выкроенномъ изъ его помѣстья, господинъ вовсе не отпускалъ его на волю. Онъ не давалъ ему никакихъ правъ, не отказывался ни отъ какой части своихъ правъ надъ нимъ. Покровительство законовъ и судовъ не предоставлялось такому рабу въ

большей степени, чѣмъ обыкновенному. Не будучи свободнымъ человѣкомъ, онъ не имѣлъ никакой защиты противъ своего господина. Если господинъ отнималъ у него поле, въ рукахъ раба не было никакихъ средствъ противиться ему. Какъ рабъ, онъ не могъ выставлять никакого права на землю. Земля, которую онъ занималъ и воздѣлывалъ, безспорно оставалась землею господина. Нѣтъ сомнѣнія, что по смерти его, господинъ бралъ ее обратно такъ же, какъ и все его имущество. Хорошо извѣстно, что дѣти раба вообще по праву не наслѣдовали отцу; какъ же могли они разсчитывать унаслѣдовать землю, которая ему даже не принадлежала? Однако, въ то же время господинъ долженъ былъ замѣчать, что выдѣленный рабу участокъ земли хорошо обрабатывался, тщательно вспахивался, что скотъ хорошо содержался на немъ, и урожай не растрачивался по пустому. Небольшой доходъ, который онъ получалъ съ него, былъ вѣрною прибылью и превосходилъ, быть можетъ, то, что дала бы ему непосредственная эксплуатація. Рабъ трудился теперь энергичнѣе; отъ этого становилось лучше и землѣ, и владѣльцу. Наиболѣе вѣренъ тотъ успѣхъ, при достиженіи котораго согласуются вмѣстѣ различные интересы. Совсѣмъ естественно произошло, что безъ принужденія со стороны закона, господинъ оставлялъ землю въ рукахъ раба на всю его жизнь, а послѣ его смерти передавалъ ее его дѣтямъ. Рабское держаніе пріобрѣло такимъ образомъ нѣкоторую устойчивость.

Ни законы, ни правительство не должны были заниматься отношеніями, скрывавшимися во внутренней жизни помѣстій. Однако, когда совершавшіеся въ нихъ однородные факты стали повторяться часто, и новыя отношенія укрѣплялись въ силу долгаго обычая, государственной власти пришлось считаться съ ними. Мы знаемъ, что въ концѣ третьяго вѣка правительство всѣми силами стремилось достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія земельной подати, а также, вѣроятно, и поднять сумму ежегоднаго сбора. Составители новыхъ податныхъ списковъ, найдя въ помѣстьяхъ многочисленныхъ, посаженныхъ на пашню рабовъ, пришли къ мысли пользоваться этимъ земледѣльческимъ населеніемъ, какъ критеріемъ для оцѣнки дохода съ имѣній. Отсюда естественно произошло, что посаженные на участки рабы оказались внесенными въ кадастральныя описи. Такъ появились тѣ «приписанные рабы» (*servi adscripti*), о которыхъ часто говорится въ римскихъ сводахъ законовъ. Мѣра эта отягчила, быть можетъ, ихъ платежи, но она за то закрѣпила ихъ положеніе и дала имъ большую устойчивость быта. Внесеніе «пашенныхъ рабовъ» въ податные списки служило какъ бы признаніемъ ихъ положенія со стороны закона: этотъ актъ давалъ имъ нѣкоторое право на занятыя земли; это приводило почти къ запрещенію отнимать у нихъ землю или, по крайней мѣрѣ, къ извѣстному затрудненію для господина сводить ихъ съ земли. Незамѣтно для себя законодатель пошелъ еще дальше: онъ воспретилъ господину продавать этихъ рабовъ, если онъ не продавалъ въ то же время и занятую ими землю [1]. Въ точномъ смыслѣ нельзя было помѣшать господину отбирать у нихъ данныя имъ подъ обработку участки, но такимъ образомъ исчезала главная выгода, которая иногда могла побуждать его такъ распорядиться. Указаннымъ путемъ рабъ былъ дѣйствительно прикрѣпленъ къ землѣ, и прикрѣпленъ въ двоякомъ

[1] *Cod. Iust.* XI, 48 (47): «Quemadmodum originarios absque terra, ita rusticos censitosque servos vendi omnifariam non licet».

*

смыслѣ: онъ самъ никогда не долженъ былъ оставлять своего поля, и обратно господинъ не могъ отнять у него это поле. Сказать, что рабъ тѣмъ самымъ получалъ право на землю, было бы слишкомъ много, но, безъ сомнѣнія, установился обычай, по которому цѣлые рабскіе роды пріобрѣтали прочную осѣдлость на одной и той же землѣ и жили на ней въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Обычай и нравы привели къ тому, что на эту категорію земледѣльцевъ стали смотрѣть ужъ не какъ на рабовъ господина, а какъ на крѣпкихъ землѣ (*servi terrae*).

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что не весь классъ рабовъ перешелъ сразу въ такое новое состояніе: дѣло началось лишь съ очень небольшой его части. Рядомъ съ рабами, посаженными на участки, называвшимися въ кодексѣ Ѳедосія «поселенными рабами» [1] *servi casati*, то-есть, рабами, владѣвшими отдѣльнымъ домомъ, были еще рабы, продолжавшіе работать на всемъ барскомъ помѣстьѣ группами и жить вмѣстѣ въ усадьбѣ господина. Невозможно точно установить, въ какой численной пропорціи находились между собою эти двѣ категоріи людей. Намъ кажется только несомнѣннымъ, что «поселенные рабы» составляли во времена римской имперіи лишь слабое меньшинство. Они стали многочисленны уже позднѣе; еще позднѣе они вытѣснили старую форму рабства. Зародышъ новаго вида рабства (серважа) образовался въ римскомъ обществѣ; онъ разовьется въ меровингскомъ.

---

[1] *Cod. Theod.* IX, 42, 7: «Quot sint casarii».

6.

Держаніе вольноотпущенниковъ.

Мы коснемся здѣсь одного изъ наиболѣе темныхъ вопросовъ нашего предмета; однако не возможно оставить его въ сторонѣ. Рѣчь идетъ о положеніи вольноотпущенниковъ, утверждавшихся въ условіяхъ сельскаго труда.

Характеръ и послѣдствія отпуска на волю изъ рабства у Римлянъ мы изучали въ другомъ мѣстѣ [1]. Мы засвидѣтельствовали тамъ, что оно зависѣло исключительно отъ воли только одного господина, что господинъ могъ ставить при этомъ всѣ условія и всѣ оговорки, какія хотѣлъ, вольноотпущенникъ же никогда не становился вполнѣ свободнымъ человѣкомъ; онъ оставался подчиненнымъ прежнему господину и долженъ былъ не только оказывать ему уваженіе, но и отдавать ему часть труда и, по крайней мѣрѣ, долю въ своемъ наслѣдствѣ. Мы видѣли также, что обязательства вольноотпущенника мѣнялись сообразно со способомъ его освобожденія, и что ихъ самихъ дѣлили поэтому на три категоріи, которыя получили мало по малу обычныя названія римлянъ, латинянъ и дедитиціевъ.

Классъ вольноотпущенниковъ былъ очень многочисленъ; Тацитъ даетъ понять, что въ городѣ Римѣ число ихъ сильно превышало совокупность свободнорожденнаго населенія, и мы можемъ думать, безъ излишней смѣлости, что такъ же обстояло дѣло въ Италіи и провинціяхъ. Намъ не приходится здѣсь останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которые жили и работали въ городахъ; но намъ важно выяснить, какова была

[1] Во II томѣ настоящаго труда.

участь тѣхъ, которые оставались въ деревняхъ. Между тѣмъ, къ несчастію, писатели говорятъ намъ именно только о городскихъ вольноотпущенникахъ; юрисконсульты, подыскивая примѣры, упоминаютъ скорѣе о вольноотпущенникѣ—золотыхъ дѣлъ мастерѣ, врачѣ, педагогѣ или купцѣ, чѣмъ о вольноотпущенникѣ землепашцѣ. Литература всегда занимается всего менѣе вопросами, связанными съ сельскою жизнью.

Нѣкоторые, какъ бы случайно вырвавшіеся у авторовъ, обрывки позволяютъ однако подмѣтить, что вольноотпущенниковъ было много и въ деревнѣ. У Тита Ливія мы видимъ, напримѣръ, что, дѣлая разъ наборъ изъ крестьянъ для комплектованія флота, римское правительство наполнило двадцать пяти-ярусныхъ судовъ (квинкверемъ) людьми, которые принадлежали къ классу «вольноотпущенныхъ римскихъ гражданъ» [1]. Цезарь указываетъ намъ, что въ началѣ гражданской войны Домицій составилъ себѣ небольшой флотъ, вооруживъ своихъ вольноотпущенниковъ, обитавшихъ въ его этрусскихъ помѣстьяхъ. Передъ нами здѣсь обнаруживается, стало быть, владѣлецъ, державшій на своихъ земляхъ сотни, можетъ быть, тысячи вольноотпущенниковъ. Когда у него не доставало войска, императоръ Августъ разъ приказалъ помѣщикамъ «отдать для воинской службы извѣстное число ихъ вольноотпущенниковъ» [2]. Во все время имперіи римскія войска рекрутировались, по большей части, изъ людей, которые не были рож-

[1] *Liv.* XL, 18: «Ut naves viginti deductae navalibus sociis civibus romanis, qui servitutem servissent, complerentur». — XLII, 27: «Socios navales libertini ordinis in viginti et quinque naves praetor scribere iussus». — Ср. XXIV, 11: «Dati nautae ab dominis».

[2] *Dio*, LV, 31. — *Vell. Paterc.* II, 111: «Viri feminaeque ex censu libertinum coactae dare militem».

дены свободными. Отрядъ стражниковъ (*vigiles*), отборныхъ воиновъ, охранявшихъ Римъ, былъ образованъ изъ «вольноотпущенниковъ латинскаго права». Легіоны должны были, правда, состоять изъ свободнорожденныхъ, но вспомогательныя когорты наполнялись людьми, получавшими полныя права гражданства лишь въ награду за шестнадцать лѣтъ безпорочной военной службы. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ свободное населеніе, которое все больше уменьшалось въ числѣ, поставляло рядовыхъ только въ самые лучшіе отряды и офицеровъ въ остальныя войска; большинство же солдатъ происходило изъ другихъ соціальныхъ источниковъ. Замѣтьте систему рекрутскаго набора, какая была тогда установлена имперіею: воинская повинность главнымъ образомъ лежала на сельскомъ населеніи; городскія профессіи большею частью были освобождены отъ нея, а изъ деревенскихъ жителей исключались еще рабы, такъ что службѣ подлежали, очевидно, только сельскіе вольноотпущенники [1].

Приведенные факты ясно показываютъ, что сельскихъ вольноотпущенниковъ было много; но каково было ихъ положеніе? Фраза, относящаяся къ набору вольноотпущенниковъ Августомъ, доказываетъ, что они зависѣли отъ землевладѣльцевъ. Дѣйствительно, онъ вербовалъ ихъ не непосредственно, не приказалъ имъ явиться и назвать свои имена, какъ поступали обыкновенно съ римскими гражданами; ему пришлось обратиться къ ихъ господамъ. Онъ заставилъ каждаго изъ послѣднихъ, сообразно съ высотою ихъ имущества, «выставить» извѣстное число вольноотпущенниковъ. Это значитъ, что названные люди являлись подданными не

[1] Доказательства этихъ фактовъ были предоставлены нами во II томѣ.

столько государства, сколько господина. Точно такъ же и въ четвертомъ вѣкѣ, когда имперское правительство назначало наборъ изъ земледѣльческаго населенія, оно отправляло приказъ землевладѣльцамъ, и каждому изъ нихъ опредѣляло число, которое онъ долженъ былъ поставить. Такая система рекрутскаго набора практикуется именно въ странахъ, гдѣ крестьянство подчинено мѣстнымъ господамъ. Такимъ образомъ, приходимъ къ выводу, что вольноотпущенники составляли одинъ изъ элементовъ населенія большихъ помѣстій, и что они обитали въ нихъ, какъ люди, зависимые отъ собственниковъ земли.

Можемъ ли мы пойти дальше и попытаемся ли убѣдиться, каково было ихъ спеціальное положеніе внутри крупнаго помѣстья? По этому пункту особенно было бы важно, чтобы древность оставила намъ больше свѣдѣній. Отправляли ли вольноотпущенники обязанности управителей помѣстій, виликовъ, прокураторовъ, и въ качествѣ таковыхъ руководили ли они хозяйствомъ? Такая догадка устраняется сама собою. Виликами и прокураторами являлись не вольноотпущенники, а рабы. У Римлянъ никогда, кажется, не практиковался обычай ставить вольноотпущенниковъ для начальствованія надъ рабами. Въ такомъ случаѣ вольноотпущенники, находившіеся въ помѣстьѣ, и занимавшіеся по большей части земледѣліемъ, можетъ быть, работали всѣ вмѣстѣ среди рабовъ? Трудно допустить и это предположеніе. Полунезависимость вольноотпущенника ставила его, конечно, выше безличнаго труда между рабами. Остается одна возможность, а именно слѣдующая: господинъ, освобождавшій его, давалъ ему небольшой участокъ пахотной земли и дѣлалъ его съемщикомъ. Вопросъ остается темнымъ, и врядъ ли будетъ онъ когда-нибудь вполнѣ разъ-

ясненъ. Единственные документы, которые могли бы дать намъ нужныя свѣдѣнія, то-есть, полиптихи, кадастральныя книги, земельныя списки, все это погибло. Но сохранились подобнаго рода документы, составленные два вѣка спустя послѣ Римской имперіи; они, конечно, носятъ такой же характеръ, какъ однородные документы императорской эпохи, и продолжаютъ ихъ традицію; документы эти покажутъ намъ вольноотпущенниковъ, которые сидѣли, какъ наслѣдственные держальцы, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній на однихъ и тѣхъ же участкахъ.

7.

Правильная аренда.

Рабскій трудъ представлялъ собою не единственный способъ эксплуатаціи помѣстій. Въ римскомъ обществѣ всегда было много свободныхъ людей, которые, являясь вполнѣ безземельными, стремились обезпечить свою жизнь, обрабатывая чужую землю; издавались даже законы, обязывавшіе землевладѣльцевъ прилагать на своихъ помѣстьяхъ въ извѣстной мѣрѣ трудъ свободныхъ людей. Варронъ пишетъ, что земли обрабатывались въ римскомъ мірѣ частью рабами, частью свободными людьми [1]; то же самое видимъ мы у Колумеллы. Свободная обработка слагалась главнымъ образомъ въ видѣ найма земли. Мы должны изслѣдовать эту аренду сначала по текстамъ права, затѣмъ на основаніи данныхъ практической жизни [2].

[1] *Varro,* De re rustica, I, 17: «Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque».

[2] Согласно мнѣнію Моммзена, *locatio* примѣнялась сначала исключительно государствомъ и лишь къ концу республики перешла въ частное право; см. его статью въ «Zeitschrift der Sa-

По праву отдача земли въ наемъ была одною изъ формъ контракта. Ее обозначали терминомъ—*locatio-conductio*. Если эта сдѣлка называлась такъ, двумя словами, то потому, что римскій умъ усматривалъ здѣсь два акта, подразумѣвалъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, двухъ равныхъ по закону участниковъ. На лицо были отдающій и берущій внаймы. Со стороны отдающаго совершался актъ *locatio*, со стороны берущаго—*conductio*. Первый «помѣщалъ» землю въ руки другого; второй—«эксплуатировалъ, обрабатывалъ» ее. Подобный контрактъ предполагалъ двухъ лицъ свободнаго состоянія. Съ рабомъ никогда не могло заключаться контракта: значитъ, и съемка земли или аренда не существовала для него.

Аренда была двустороннимъ (обоюднымъ) договоромъ. Она одинаково обязывала обѣ стороны. Всякое нарушеніе договора служило поводомъ къ судебному дѣлу, для отдающаго на аренду это было—*actio locati*, для берущаго — *actio conducti*. Договоръ могъ быть упраздненъ лишь съ согласія обѣихъ сторонъ или вслѣдствіе нарушенія одною изъ нихъ какого-нибудь условія договора.

vigny-Stiftung», 1885, стр. 260 и слѣд. Но мнѣніе это, по моему, недостаточно доказано авторомъ. Во всякомъ случаѣ, земельные наймы, повидимому, довольно поздно вошли въ римскій обычай. Любопытно, что сначала они осуществлялись подъ видомъ продажи; *locatio* долго называлось *venditio*, и арендаторъ—*emptor* или *redemptor*. См. *Festus*, ed. Egger, p. 290: «Venditiones dicebantur olim censorum locationes, quod velut fructus publicarum rerum venibant».—*Lex Thoria*, passim: «Locabit, vendet».—*Hygin*. ed. Lachmann, p. 116: «Emere id est conducere».—*Cato*, De re rustica, c. 150: «Emptor».

¹ *Gaius*, III, 142. Ср. *Dig*. XIX, 2: «Locati conducti», и *Cod. Iust.* III, 24, De locatione conductione.

Содержаніе или текстъ каждаго контракта называлось *lex*, *lex locationis*, *lex conductionis* [1]. Въ нихъ могли вноситься очень измѣнчивыя статьи, но во всякомъ подобномъ договорѣ непремѣнно встрѣчались двѣ главныя и необходимыя. Въ одной изъ нихъ собственникъ обязывался предоставить пользованіе; въ другой—арендаторъ обязывался уплачивать за это пользованіе ежегодно условленную сумму. Плата эта называлась *merces*, а каждый изъ послѣдовательныхъ платежей—*pensio* [2].

Контрактъ былъ въ общемъ правилѣ временный, хотя законъ не требовалъ, чтобы предѣлъ точно устанавливался въ договорѣ. Обыкновенно, впрочемъ, въ актѣ отмѣчался срокъ, по истеченіи котораго обѣ стороны могли считать себя свободными. Юрисконсульты упоминаютъ всегда пятилѣтнія аренды, *in quinquennium*; изъ писемъ Плинія мы также видимъ, что онъ сдавалъ свои земли на пять лѣтъ [3]. Это не доказываетъ, что никогда не практиковались болѣе долгіе арендные договоры, но пятилѣтній наемъ былъ, безъ со-

¹ *Dig*. XIX, 2, 9: «Si lege locationis denuntiatum sit».—XIX 2, 29: «Lex locationis». — XIX, 2, 25: «Secundum legem conductionis».—XIX, 2, 30, § 4: «Colonus hac lege villam acceperat ut...» *Scaevola*, Dig. XIX, 2, 61: «Colonus, quum lege locationis non esset comprehensum, ut vineas poneret...» Варронъ (De re rust. I, 2; II, 3) упоминаетъ «leges colonicae». — Во всѣхъ этихъ примѣрахъ *colonus* значитъ арендаторъ.

² *Gaius*, III, 142: «Nisi merces certa statuta sit, non videtur locatio conductio contrahi».—Ср. *Cic*. In Verrem, III, 50; Ad Atticum, XV, 17; *Dig*. XXXIX, 5, 6. — О словѣ *pensio* см. *Cic*. Ad Atticum, XI, 23: «Dies pensionis». *Dig*. XLIX 14, 50.

³ «Locare in quinquennium» (*Ulpian*. Dig. XXI, 2, 9); *Paul*. Dig. XIX, 2, 24: «Locare in lustrum». *Ulpian*. Dig. XXI, 2, 9, § 11. *Plin*. Epist. IX, 37. — Законъ разрѣшалъ наемъ «quoad is qui locasset vellet».

мнѣнія, самымъ обычнымъ, по крайней мѣрѣ, въ первые вѣка имперіи. Долгосрочныя аренды сдѣлались преобладающими лишь съ четвертаго вѣка.

Впрочемъ, допускалось молчаливое возобновленіе договора. Если, по истеченіи срока, арендаторъ, съ согласія владѣльца, оставался на землѣ, то такое согласіе обѣихъ договаривавшихся сторонъ означало возобновленіе перваго договора. Правда, что новый наемъ считался дѣйствительнымъ только на годъ, но онъ могъ возобновляться неопредѣленно долго, изъ года въ годъ [1].

Достойно вниманія, что въ противоположность нѣкоторымъ другимъ видамъ договоровъ, которые мы разсмотримъ позже, контрактъ найма не носилъ личнаго характера, то-есть, сила его не была непремѣнно связана съ личностью договаривавшихся, а потому смерть одного изъ нихъ не разрывала условія. Если умиралъ наниматель, договоръ неизмѣнно, на тѣхъ же условіяхъ переходилъ къ его наслѣднику [2]. Это правило примѣнялось также въ случаѣ смерти собственника. Если послѣдній продавалъ помѣстье, продажа не разрывала контракта, а оберегала права арендатора: договоръ переводился на новаго хозяина [3].

Арендаторъ былъ связанъ съ землей только до конца своего контракта. «Ни для кого нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдъ затѣмъ онъ можетъ оставить землю», говоритъ юрисконсультъ [4]. Владѣлецъ не могъ удерживать арендатора противъ его воли, тѣмъ болѣе, не могъ онъ удерживать сына своего арендатора [5].

[1] *Ulpian*. Dig. XIX, 2, 13, § 11; *ibidem*, 14.

[2] *Cod. Iust.* IV, 65, 9.—Противоположное должно было быть оговорено въ контрактахъ, какъ исключеніе. *Dig.* XIX, 2, 4.

[3] *Gaius*, Dig. XIX, 2, 25.

[4] *Ibidem*, XIX, 2, 25.

[5] *Cod. Iust.* IV, 65, 11 (законъ 224 года).

Арендаторъ всегда оставался свободнымъ человѣкомъ; по закону съемка земли не подчиняла его владѣльцу. «Арендаторъ нашъ не въ нашей власти» [1], говоритъ юрисконсультъ. Придя на землю свободнымъ, онъ и уходитъ оттуда свободнымъ тотчасъ по истеченіи своего контракта.

Законъ называлъ арендатора *conductor*, и это названіе встрѣчается въ нѣсколькихъ надписяхъ и въ законодательныхъ сборникахъ [2]; но обычнымъ названіемъ, употреблявшимся въ простонародномъ языкѣ, было—*colonus*. Терминъ этотъ, не означавшій, впрочемъ, ничего другого, кромѣ понятія—хлѣбопашецъ, примѣнялся къ свободнымъ арендаторамъ даже юрисконсультами, съ перваго по третій вѣкъ [3].

Таковою обнаруживается природа найма земли въ правѣ; что же касается практики, то, чтобы уразумѣть ее, намъ придется разсмотрѣть нѣкоторыя не лишенныя значенія подробности. Когда Катонъ, Варронъ и Колумелла описываютъ эксплуатацію помѣстья, они никогда не показываютъ, что оно обрабатывалось однимъ арендаторомъ, а всегда изображаютъ его подъ управленіемъ вилика, который былъ рабомъ господина и не могъ поэтому заключать никакого контракта съ хозяиномъ. Таковъ былъ обычный порядокъ. Гдѣ же арендаторы, гдѣ *coloni*? Горацій описываетъ подаренное

[1] *Gai.* IV, 3: «Colonus nostro iuri subiectus non est».

[2] *Ulpian.* Dig. XIX, 2, 14, 19. *Paul.* Dig. XIX, 2, 24.—*Colum.* II, 13: «Conductor agri».

[3] *Colonus* является синонимомъ съ *conductor* у Ульпіана въ Дигестахъ, XIX, 2, 24; *Gaius*, ibidem, 25; *Alfenus*, ibidem, 30, § 4.—*Cicero*, In Verrem, III, 22: «Fundus colono locatus». *Plin.* Epist. X, 8. (ed. Keil).—Въ четвертомъ еще вѣкѣ слово сохраняетъ значеніе свободнаго арендатора. См. *Cod. Iust.* IV, 65, 27; IV, 65, 16; *Instit.* III, 24.

ему Меценатомъ помѣстье; мы видимъ, что оно управлялось его виликомъ, и что на немъ орудовало восемь рабовъ [1]; но мы видимъ тамъ же рядомъ пять человѣкъ, которыхъ онъ называетъ *boni patres*, изъ которыхъ каждый обладалъ своимъ «очагомъ» [2]. Очевидно, это не были рабы. Рабъ никогда даже въ стихахъ не могъ быть названъ «óтцомъ», никогда не сказали бы, что у него есть очагъ. Мы видимъ здѣсь, безъ сомнѣнія, свободныхъ людей и римскихъ гражданъ. Каждый изъ нихъ сидѣлъ на землѣ Горація, какъ вольный хлѣбопашецъ. Связывалъ ли ихъ съ хозяиномъ формальный контрактъ, я не знаю, но они были, навѣрно, фермерами (съемщиками) и подъ условіемъ уплаты извѣстной ренты собственнику могли пользоваться сборомъ съ культивируемыхъ участковъ. Таковы арендаторы римской эпохи; они снимали не все помѣстье, а лишь небольшіе участки, которые воздѣлывали своими руками и руками своей семьи [3].

Разобранный примѣръ подтверждается другими. Плиній собирается купить помѣстье и пишетъ, что присмотрѣнная имъ земля находится подъ обработкою мелкихъ и очень бѣдныхъ арендаторовъ [4]. Юрисконсульты Дигестъ приводятъ клаузулу, обычно встрѣ-

[1] *Horat.* Satir. II, 7.

[2] *Horat.* Epist. I, 14:

Habitatum quinque focis et
Quinque bonos solitum Variam dimittere patres.

[3] Этотъ родъ *coloni* упоминается иногда въ надписяхъ. *Inscript. Neapolit.* 5504: «T. Alfenus Atticus colonus fundi Tironiani, quem coluit annis quinquaginta». — № 2901: «Afranius Felix, coluit annis XXIII». — № 2527: «Q. Asteius Diadumenus coluit ann. XXXV».—*Orelli,* 4644: «C. Vergilius Martanus colonus agri Caeli Aenei».

[4] *Plin.* Epist. X, 8.

чавшуюся въ завѣщаніяхъ: передается «такое то помѣстье съ недоимками его арендаторовъ». На одномъ и томъ же помѣстьѣ сидѣло, стало быть, обыкновенно, нѣсколько мелкихъ арендаторовъ; тамъ же велось хозяйство помощью рабскаго труда подъ управленіемъ вилика, который наблюдалъ и за всѣмъ имѣньемъ.

Насъ поражаетъ, какимъ слабымъ и низшимъ существомъ признаетъ римскій законъ арендатора. Съ одной стороны, онъ очень мало довѣряетъ его имущественнымъ средствамъ и требуетъ, чтобы все его добро служило собственнику залогомъ, гарантирующимъ исполненіе его обязательствъ [1]. Съ другой стороны, законъ покровительствуетъ ему, какъ вообще слабому; юрисконсульты рекомендуютъ владѣльцамъ быть къ нимъ снисходительными и, если урожай нехорошъ, сбавлять имъ арендную плату [2]. Они безпрестанно говорятъ объ арендаторахъ, которые не могли расплатиться, и, повидимому, въ завѣщаніяхъ или при продажахъ всегда надо было принимать во вниманіе просроченные платежи арендаторовъ.

Колумелла также совѣтуетъ щадить арендаторовъ: «Не будьте слишкомъ строги, если въ назначенный день они не принесутъ вамъ своихъ платежей» [3]. Колумелла также ставитъ этихъ людей очень близко къ рабамъ, какъ будто, кромѣ одного званія свободныхъ людей, между тѣми и другими существовало мало разницы. Арендаторы Плинія также очень маленькіе люди, всегда задолжалые и нуждающіеся. Онъ говоритъ объ арендаторахъ, у которыхъ владѣлецъ нѣсколько разъ

[1] *Gaius,* IV, 147.—*Cod. Iust.* IV, 65, 5.—*Institut.* IV, 6, 7.

[2] *Ulpian.* Dig. XIX, 2, 15. Cp. *Plin.* X, 8: «Continuae sterilitates cogunt me de remissionibus cogitare».

[3] *Columell.* I, 7.

отбиралъ залоги. Они находились поэтому въ крайней нуждѣ и, не имѣя ни земледѣльческихъ орудій, ни скота, не могли обрабатывать землю [1].

Итакъ, мы должны думать, что среди установившихся въ римскомъ обществѣ отношеній положеніе земельнаго съемщика было только посредственно. Арендаторы оказывались подчиненными вилику, прокуратору, актору, которые были однако рабами. Они не были распорядителями помѣстья, временными господами земли; они всегда оставались людьми подначальными. Это были мелкіе съемщики. Они занимали участки господской земли наряду съ рабами, которые обрабатывали другую ея часть, и помѣстье дѣлилось по обработкѣ на рабскіе и свободные надѣлы, причемъ нельзя сказать, чтобы между этими двумя видами культуры существовала большая разница.

Арендный контрактъ оставался въ ходу въ продолженіе всего императорскаго періода. Упоминаніе о немъ встрѣчается еще въ законахъ 400 и 411 годовъ [2]. О немъ говорится въ письмахъ и сочиненіяхъ авторовъ пятаго вѣка [3]. Изъ римскаго общества формы его могли слѣдовательно перейти въ средневѣковое и далѣе въ общество новаго времени. Но, слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣднюю эпоху имперіи аренда примѣнялась сравнительно рѣдко, главнымъ образомъ на большихъ помѣстьяхъ императорскихъ и церковныхъ владѣній и

[1] *Plin.* Epist. III, 19.

[2] *Cod. Theod.* XI, 20, 3; XVI, 5, 54, §§ 5 и 6.—Законъ 293 г. въ Кодексѣ Юстиніана (IV, 65, 24) отмѣчаетъ еще «contractus locationis conductionisque».

[3] *Paulini*, Eucharisticon, V, 536: «Conducti agri».—Ср. *Symmach.* Epist. IV, 68; IX, 52: «Conductorem rei meae Siciliensis».—Это, несомнѣнно, крупные арендаторы; они занимали цѣлыя помѣстья. Классъ же мелкихъ арендаторовъ исчезъ.

притомъ въ крупныхъ размѣрахъ. Что же касается мелкой свободной аренды, засвидѣтельствованной нами у Варрона и Плинія, то, вѣроятно, вслѣдствіе обѣдненія мелкихъ арендаторовъ, она сошла понемногу со сцены и, не исчезнувъ окончательно, почти повсюду уступила мѣсто другой системѣ, къ которой мы теперь и перейдемъ.

8.

Колонатъ.

Мѣсто мелкой аренды мало по малу было занято колонатомъ. Историкъ, знакомящійся съ этимъ институтомъ, обращаетъ прежде всего вниманіе на слѣдующее обстоятельство: онъ не получаетъ новаго наименованія. Съемщикъ новаго типа, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, называется такъ же, какъ прежній арендаторъ, словомъ *colonus*. Такимъ образомъ, языкъ римскаго народа однимъ и тѣмъ же терминомъ послѣдовательно обозначалъ сначала земледѣльца, который являлся свободнымъ съемщикомъ, затѣмъ земледѣльца, прикрѣпленнаго къ землѣ. Такое наблюденіе, именно—что два столь различныхъ состоянія, которыя смѣнили одно другое, обозначались однимъ и тѣмъ же названіемъ, не лишено интереса и важности. Мы не можемъ предположить, что въ извѣстное время люди условились измѣнить значеніе слова; словарь вообще принадлежитъ къ числу мало измѣняющихся элементовъ въ жизни человѣческихъ обществъ. Измѣнилось скорѣе положеніе земледѣльца, который сохранялъ прежнее наименованіе. Прежде онъ свободно могъ оставлять обрабатываемую землю, теперь онъ потерялъ такую свободу; наименованіе же колона

осталось за нимъ, и старое слово стало прилагаться къ новому соціальному положенію.

Не будемъ однако думать, что превращеніе это было произведено актомъ законодательства; напрасно стали бы мы искать подобный законъ въ римскихъ сводахъ. Онъ никогда не былъ изданъ; имперское правительство никогда не чувствовало желанія, и не имѣло бы силы осуществить подобный переворотъ, который къ тому же вовсе не представлялся для него необходимымъ или полезнымъ. Превращеніе арендатора въ колона совершалось постепенно, незамѣтно, и оно долго оставалось какъ бы скрытымъ. Оно не сразу распространилось на всю массу, а захватывало мало по малу личность за личностью. Прежде, чѣмъ обнаружиться въ обществѣ, оно подготовлялось внутри цѣлаго ряда отдѣльныхъ семействъ.

Почвою, на которой развивался этотъ переворотъ, служила территорія индивидуальныхъ помѣстій; оттого именно мы такъ мало знаемъ его ходъ. Ни одному историку того времени не приходилось говорить о немъ. Мы можемъ уловить и изучать его лишь по рѣдкимъ и неяснымъ указаніямъ [1].

[1] Въ нашей книгѣ, *Recherches sur quelques problèmes d'histoire*
(стр. 1—82), мы указали всѣ различные источники колоната.
Резюмируемъ ихъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ. 1) Много
колоновъ произошло отъ свободныхъ арендаторовъ, благодаря
единственно тому факту, что арендаторы не могли выплатить
своей арендной платы и, какъ «задолжавшіе», были удержаны на
землѣ. По вопросу этому см. у Варрона (I, 17) объ *obaerati*, обра-
батывавшихъ землю господина; Колумелла (I, 3) также упоми-
наетъ о земляхъ, воздѣлывавшихся *nexu civium*; главнымъ же об-
разомъ см. любопытныя письма Плинія, III, 19 и IX, 37. Факты
эти, возобновлявшіеся изъ года въ годъ, замѣнили понемногу
арендою изъ части и безъ контракта аренду денежную съ кон-
трактомъ, и такъ понемногу выросло число земледѣльцевъ, кото-

Колонъ не былъ рабомъ. Тѣ, кто смѣшиваетъ колонатъ съ рабскимъ держаніемъ, были введены въ заблужденіе нѣкоторымъ кажущимся сходствомъ обѣихъ формъ, а также неправильно переведенной фразой изъ Юстиніанова Кодекса [1]. Римскіе законы всегда отли-

рыхъ владѣлецъ могъ задерживать у себя силою, не допуская
перехода.—2) Многіе люди садились на крупныхъ помѣстьяхъ,
именовавшихся *saltus*, или же спеціально на помѣстьяхъ импера-
торовъ съ самаго начала какъ съемщики безъ контракта и срока,
какъ бы на милость могущественнаго владѣльца; время и при-
вычка фактически прикрѣпили ихъ къ землѣ раньше, чѣмъ при-
крѣпленіе это было провозглашено закономъ.—3) Въ четвертомъ
и пятомъ вѣкахъ побѣды имперіи надъ Германцами доставили
много плѣнниковъ или дедитиціевъ, которыхъ водворяли на ка-
зенныхъ земляхъ или раздавали помѣщикамъ, подъ условіемъ
вѣчнаго прикрѣпленія къ землѣ.—4) Результатомъ финансовыхъ
операцій конца третьяго и четвертаго вѣковъ оказалось фик-
сированіе пребыванія колона на снимаемомъ участкѣ, благо-
даря внесенію его въ податные списки.—Что касается Галліи,
то, помимо того, что совершенно аналогичные факты или те-
ченія повторялись и въ этой странѣ, какъ въ другихъ мѣстно-
стяхъ, мы склонны думать, что колонатъ находилъ тамъ еще особые
корни, именно, стоялъ въ преемственной связи съ обычаями эпохи,
предшествовавшей Цезарю; но такого предположенія мы не
можемъ доказать за неимѣніемъ документовъ.

[1] *Cod. Iust.* XI, 52, 1 (ed. Krueger): «Licet conditione videantur ingenui, servi tamen terrae, cui nati sunt, aestimentur». — Слово *videantur* переводили: «они казались»; но на языкѣ четвертаго вѣка, *videri* значило — «быть», «признаваться», «считаться»; не было также обращено вниманіе на точное значеніе сослагательнаго *existimentur* или по другимъ рукописямъ *aestimentur*. Законодатель не говоритъ здѣсь, что колоны несвободны, ни что они рабы; онъ говоритъ, что «хотя по положенію ихъ очевидно, что они свободны, на нихъ слѣдуетъ однако смотрѣть, какъ на рабовъ по отношенію къ землѣ, на которой они родились». Здѣсь открывается родъ юридической фикціи, но это не значитъ, что они дѣйствительно и по закону были рабами.

чали колона отъ раба въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ. Колонъ много разъ называется свободнымъ человѣкомъ [1]. Поэтому онъ обладалъ правами, которыхъ былъ лишенъ рабъ, напримѣръ, семьею и гражданскими преимуществами. Въ противоположность рабу, онъ наслѣдовалъ своему отцу, дѣти его наслѣдовали ему [2]. Онъ могъ владѣть собственностью. Понятно, что участокъ, на которомъ онъ сидѣлъ, никогда не могъ ему принадлежать, но никакой законъ не воспрещалъ ему пріобрѣтать другую недвижимость и владѣть ею [3]. Онъ совершенно свободно могъ завѣщать все, что ему принадлежало. Онъ находился, наконецъ, подъ защитой законовъ и имѣлъ право являться на судъ, могъ даже жаловаться на своего господина [4]. У насъ есть рескриптъ Гонорія, въ которомъ императоръ высказываетъ удивленіе по поводу того, что колонъ обладаетъ такимъ правомъ; тѣмъ не менѣе онъ не можетъ совсѣмъ отнять его у колона [5].

Колонъ является несвободнымъ только въ одномъ отношеніи: онъ не долженъ былъ оставлять свою землю,

[1] *Novell. Valentin.* (ed. Haenel) p. 227: «Salva ingenuitate».—*Cod. Theod.* V, 4, 3: «Nulli liceat eos in servitutem trahere». — *Cod. Iust.* XI, 53, 1; XI, 48, 23: «Liberos permanere... esse in perpetuum liberos». —Мы не хотимъ сказать, что въ классѣ колоновъ никогда не встрѣчалось рабовъ; утверждать этого нельзя. Довольно часто могло случаться, что господинъ дѣлалъ колономъ своего раба; слѣдовательно, могли быть колоны и рабскаго состоянія. Колонатъ былъ далеко не такимъ установившимся и неизмѣннымъ институтомъ, какъ часто изображаютъ. Въ рамкахъ его обнаруживаются очень разнообразныя черты.

[2] Это вытекаетъ изъ Кодекса Θеодосія (V, 10).

[3] *Cod. Theod.* V, 11, 1, XII, 1, 33.—*Iust. Novell.* 128, 14.

[4] *Cod. Iust.* XI, 50, 1.

[5] *Ibidem,* XI, 50, 2.

не могъ переставать обрабатывать ее. Въ законахъ сказано, что онъ не имѣетъ права даже на одинъ день удалиться съ этой земли [1]. Поэтому-то и представляется, что онъ принадлежалъ своему полю, являлся «какъ бы рабомъ» его [2]. Правда, что юридически колонатъ не былъ рабствомъ; онъ не былъ «положеніемъ, присущимъ личности»; но если онъ не былъ рабствомъ, то былъ все же зависимостью *nexus colonarius*, какъ говоритъ законодатель [3]. Здѣсь открывается настоящее опредѣленіе колоната: это — зависимость, добровольно непорываемая связь; замѣтимъ при этомъ, что подчиняющею силою оказывался тутъ не господинъ, а земля. Безъ земли не существовало бы колона. Безъ земли человѣкъ этотъ являлся бы свободнымъ, какъ и всякій другой гражданинъ.

Слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на то, что связь, которая соединяла колона съ землею, приносила ему не только вредъ, но и пользу. Онъ не имѣлъ права оставлять землю, но зато ему было обезпечено пользованіе ею. Помѣщикъ такъ же не могъ согнать колона съ участка, какъ колонъ — покинуть занятую землю. Возьмите всѣ законы, касавшіеся даннаго вопроса; они гласятъ, что земледѣлецъ навсегда сохранитъ свою землю, и собственникъ не отниметъ ея у него. Взамѣнъ помѣщикъ требуетъ, чтобы колонъ неизмѣнно сидѣлъ на ней; когда онъ тайно уходитъ, это считается бѣгствомъ, и собственникъ преслѣдуетъ его, можетъ его схватить

[1] *Ibidem,* XI, 48, 15: «Non ab agris momento amoveri».

[2] *Ibidem,* XI, 53, 1: «Inserviant terris». *Cod. Theod.* V, 10, 1: «Debentur solo»; X, 20, 10: «Iuri agrorum debita persona».

[3] *Novell. Valentin.* XXX, § 6, ed. Haenel, 227: «Filios earum aut colonario nomine aut servos, ita ut illos nexus colonarius teneat, hos conditio servitutis».

и возвратить назадъ силою. Въ итогѣ, связь человѣка съ землею не можетъ быть разорвана ни колономъ, ни господиномъ.

Въ нѣкоторыхъ законахъ мы замѣчаемъ, правда, что бывали случаи, когда связь эта прекращалась. Мы видимъ колоновъ, которые вступили въ войска [1], другихъ, которые становились священниками. Но для того, чтобы такая перемѣна положенія была законною, она должна была совершиться съ разрѣшенія господина [2]. Связь могла быть нарушена только по соглашенію между обѣими сторонами.

Владѣлецъ не могъ продать своего помѣстья, не продавъ въ то же время и сидѣвшихъ на немъ колоновъ [3]. Въ сущности, это значитъ, что, продавая помѣстье, онъ обезпечивалъ колонамъ сохраненіе за ними ихъ участковъ при новомъ владѣльцѣ. Дѣйствительно, другой законъ запрещаетъ покупателю приводить съ собою новыхъ колоновъ въ ущербъ прежнимъ [4].

Итакъ, колонъ былъ не отдѣлимъ отъ земли; онъ составлялъ съ нею одно цѣлое; Юстиніанъ называетъ его *membrum terrae*. Онъ могъ вступать въ бракъ съ женщиной своего положенія [5], но женщина эта должна

[1] *Cod. Theod.* VII, 3, 6. Ср. *Cod. Iust.* XII, 33, 3. Этотъ законъ запрещаетъ колону вступать въ военную службу *ultro*, то-есть, безъ согласія своего помѣщика; въ томъ же смыслѣ другой законъ запрещаетъ ему поступать въ войско *clanculo* (*Cod. Iust.* XI, 68, 3).

[2] Одинъ законъ Юстиніанова Кодекса (I, 3, 16) запрещаетъ колону принимать духовное званіе «invito agri domino»; ср. *Ibid.* I, 3, 36: «Contra voluntatem dominorum fundorum».

[3] *Cod. Iust.* XI, 48, 7.

[4] *Ibidem*, XI, 63, 3.

[5] Колонъ не могъ жениться на рабынѣ и рабъ на колонкѣ, по крайней мѣрѣ, бракъ этотъ не имѣлъ законной силы. См. *Cod. Iust.* XI, 48, 21.—Съ другой стороны, свободный человѣкъ

была принадлежать къ тому же помѣстью, какъ и онъ. Странное правило это находитъ себѣ однако понятное объясненіе. Если бы дѣло ставилось иначе, то имѣлъ бы мѣсто *formariage*, и одинъ изъ двухъ супруговъ неизбѣжно оказывался бы потеряннымъ для одного изъ помѣстій. Такой бракъ могъ быть заключенъ въ томъ только случаѣ, если оба владѣльца соглашались разрѣшить его или произвести между собою обмѣнъ людьми. Такой порядокъ мы встрѣтимъ утвердившимся въ средніе вѣка, теперь мы видимъ его уже существующимъ въ Римской имперіи .

Сыновья колона непремѣнно становились также колонами. Они одновременно наслѣдовали и преимуществамъ отца и его обязательствамъ. Они съ полнымъ правомъ и поневолѣ оставались на его землѣ.

Вглядимся въ жизнь колона на сельскомъ помѣстьѣ, въ предѣлахъ котораго онъ занималъ участокъ, разслѣдуемъ, каково было его положеніе. Подчинялся ли онъ господину, какъ рабъ? Дѣло слагалось не совсѣмъ такъ. Замѣтьте, что въ законѣ говорится не «господинъ колона», а «господинъ земли колона» [2]. Но въ

не могъ жениться на *colona*, то-есть, и такой союзъ не считался законнымъ; см. *Cod. Iust.* XI, 68, 4; XI, 48, 21; 24. Одна новелла Юстиніана (XXII, 17) воспрещаетъ бракъ между колономъ и свободной женщиною.

[1] *Novell. Valent.* XXX, § 2 и 3, (ed. Haenel, p. 225). Ср. *Cod. Theod.* V, 10, 1, § 3. Если бракъ былъ заключенъ между двумя лицами, принадлежащими къ разнымъ помѣстьямъ, то дѣтей дѣлили: двѣ трети доставались помѣстью отца, одна треть—помѣстью матери.

[2] *Cod. Theod.* V, 4, 3: «Opera eorum terrarum domini utantur».—*Cod. Iust.* I, 3, 16: «Invito agri domino».—I, 3, 36: «Domini possessionum unde (coloni) oriundi sunt... Contra voluntatem dominorum fundorum».—XI, 48, 5: «Domini praediorum».—XI, 48 13: «Fundi dominus».—XI, 48, 4: «Ii penes quos fundorum dominia

латинскомъ языкѣ существовало лишь одно слово для обозначенія собственника и господина—*dominus*. Отсюда вытекало, что, обращаясь къ владѣльцу земли, колонъ пользовался тѣмъ же терминомъ, какъ рабъ, обращаясь къ своему хозяину. Владѣлецъ не былъ его господиномъ, но вошло въ обычай называть его такимъ именемъ, какъ будто онъ имъ являлся. Отъ этого могло произойти сильное смѣшеніе понятій. Вліяніе словъ на нравы неисчислимо. Не много понадобится времени для того, чтобы въ головѣ владѣльца и крестьянина одинаково выработалось мнѣніе, что одинъ изъ нихъ господинъ другого .

Между рабомъ и колономъ сохранилось, однако, большое различіе: помѣщикъ не могъ наложить на колона никакого другого труда, кромѣ обработки земли [2]. Онъ не имѣлъ права привлекать его на личную свою службу или опредѣлять его въ ремесло.

Въ своей полевой работѣ колонъ не составлялъ части той группы, которая пахала или убирала хлѣбъ подъ надзоромъ хозяйскаго *monitor*. Мы не находимъ декурій колоновъ, какъ находимъ декуріи рабовъ. Колонъ работалъ одинъ за плугомъ, одинъ съ косою въ

sunt».—XI, 48, 20: «Si coloni contra dominos terrae declamaverint».—XI, 48, 23: «Possessionum domini, in quibus coloni constituti sunt».—XI, 50, 2: «Ignorante domino praedii».—Законъ 365 года въ Кодексѣ Θеодосія (V, 11, 1) называетъ землевладѣльца не dominus, а patronus coloni.

[1] Самъ законодатель въ концѣ концовъ сбивается; о рабѣ и колонѣ, Юстиніанъ говоритъ: «Cum uterque in domini sui positus sit potestate» (*Cod. Iust.* XI, 48, 21, in fine).

[2] *Cod. Iust.* I, 3, 16: «Ruralibus obsequiis fungatur». Ср. *Cod. Theod.* V, 4, 3: «Nulli liceat eos urbanis obsequiis addicere».—Слова urbana obsequia обозначали личную службу господину, даже въ деревнѣ.

рукѣ; онъ не переносилъ также своихъ рукъ и своего труда съ одной полосы барскаго помѣстья на другую по указанію надсмотрщиковъ. У него въ рукахъ находился свой постояннный кусокъ земли, и онъ цѣлый годъ обрабатывалъ его. Онъ пахалъ, сѣялъ и жалъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Мы не замѣчаемъ, чтобы ему отдавались приказанія, чтобы его направляли въ обработкѣ участка. Онъ, вѣроятно, устраивалъ культуру земли по своему и на свою отвѣтственность. Онъ самъ пользовался плодами. Часть сбора онъ, конечно, долженъ былъ отдавать владѣльцу, но остальное принадлежало ему. Изъ одного закона мы видимъ, что этотъ человѣкъ самъ продавалъ свои продукты на рынкѣ сосѣдняго города [1].

Всегда ли оставался у колона одинъ и тотъ же кусокъ земли, одинъ и тотъ же снятый участокъ? Утверждать это безусловно было бы слишкомъ смѣло. Въ законахъ никогда не говорится, чтобы колонъ всю свою жизнь занималъ одно и тоже поле. Они никогда прямо не воспрещаютъ господину перемѣщать колона, то-есть, заставлять его мѣнять участокъ. Весьма вѣроятно, что постояннаго закона на этотъ счетъ сначала и не было. Быть можетъ, практиковались самые разнообразные обычаи. Не будемъ забывать, что колонатъ не былъ институтомъ, созданнымъ и установленнымъ законодателемъ сразу. Колонатъ являлся совокупностью аграрныхъ обычаевъ, и обычаи эти могли видоизмѣняться до безконечности. Дѣло могло слагаться такъ, что колоны ежегодно или періодически мѣняли свои участки по волѣ владѣльца. Могло происходить и такъ, что на нѣкоторыхъ помѣстьяхъ группа занимала извѣстную полосу

[1] *Cod. Theod.* XIII, 1, 3, 8, 10.

сообща, производя между собою періодическіе раздѣлы земли. Все это возможно, и между тысячами случаевъ подобные факты могли встрѣчаться; однако, все это лишь предположенія.

Безъ сомнѣнія, чаще всего колонъ всю жизнь занималъ одинъ и тотъ же участокъ; это довольно отчетливо обнаруживается изъ документовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что колоны произошли не отъ прежнихъ сельскихъ рабовъ, а отъ прежнихъ фермеровъ, вольныхъ арендаторовъ. Законодательство четвертаго и пятаго вѣковъ показываетъ еще, что человѣкъ становился колономъ вслѣдствіе тридцатилѣтней давности, то-есть, сидѣвшій на одной и той же землѣ свободный съемщикъ, по прошествіи тридцати лѣтъ не могъ больше оставлять ее [1]. Очевидно, что въ этомъ случаѣ то же самое поле, которое онъ раньше воздѣлывалъ, какъ свободный человѣкъ онъ въ дальнѣйшемъ будетъ уже обрабатывать, какъ колонъ. Одинъ законъ воспрещаетъ колону продавать свой участокъ; такое постановленіе могло относиться только къ постоянному, отдѣльному участку [2]. Въ другомъ законѣ указана тяжба, въ которой ставился вопросъ о томъ, кто владѣлецъ данной земли: пока дѣло не рѣшено, колонъ обязывается уплачивать оброкъ судьѣ: это заставляетъ также представлять себѣ постоянный, почти независимый отъ владѣльца крестьянскій участокъ [3]. Въ итогѣ, хотя документы и не позволяютъ намъ прійти къ какому-нибудь окончательному выводу, общее впечатлѣніе таково, что колонъ всю жизнь занималъ обыкновенно одинъ и тотъ же кусокъ земли, который,

[1] *Cod. Iust.* XI, 48, 19 и 23.
[2] *Cod. Theod.* V, 11, 1.
[3] *Cod. Iust.* XI, 48, 20.

можно думать, переходилъ чаще всего и къ его сыну. Колонъ былъ такимъ образомъ вѣчнымъ держальцемъ земли.

Ежегодные взносы его были цѣною, уплачиваемой имъ за пользованіе чужою землею. Они являлись видоизмѣненіемъ или замѣною прежней арендной платы. Взносы эти не были опредѣлены имперскими законами совершенно такъ же, какъ имперскіе законы не установили и самый институтъ колоната. Относительно ежегодныхъ платежей колоновъ никогда даже не существовало общихъ правилъ. Было бы большою ошибкою представлять себѣ всѣхъ колоновъ имперіи, или даже всѣхъ колоновъ одной провинціи подчиненными одинаковымъ обязательствамъ. Обязательства на разныхъ земляхъ были различныя. Даже на одной и той же землѣ они могли быть различными у различныхъ колоновъ. На нѣкоторыхъ помѣстьяхъ оброкъ взносился деньгами, на другихъ—натурою [1]. На нѣкоторыхъ помѣстьяхъ колонъ уплачивалъ одновременно и денежную сумму и часть плодовъ. Документы наши не освѣдомляютъ насъ о размѣрѣ ежегодныхъ поборовъ. Часть плодовъ называлась *pars agraria* или *agraticum* [2], это—родоначальникъ средневѣкового шампара (*champart*). Могло также случаться, что колоны принуждались давать помѣщику опредѣленное число рабочихъ дней или барщины [3]. Мы видимъ это изъ одной надписи, относящейся къ африканскому землевладѣнію. Въ ней указано, что колоны помѣстья *saltus Burunitanus*

[1] *Ibidem,* XI, 48—5; XI, 48, 20, § 2.
[2] *Cod. Theod.* VII, 20, 11: «Agratici nomine». Ср. надпись изъ Сукъ-Эль-Кмиса въ *Corp. inscr. latin.* VIII, 10570 (3-й столбецъ): «Partes agrarias».
[3] *Cod. Iust.* XI, 53, 1: «Redhibitio operarum».

должны были работать на землевладѣльца шесть дней въ годъ,—именно два дня на пахотѣ, два—на посѣвѣ и два на жатвѣ [1]; кромѣ того они должны были отдавать долю урожая со своихъ участковъ.

Формы отношеній между колономъ и собственникомъ слагались до безконечности разнообразно, такъ что мы не можемъ даже утверждать, чтобы было два помѣстья, гдѣ бы обязательства колона оказывались совершенно одинаковы. Разница эта происходила оттого, что въ началѣ каждый помѣщикъ заключалъ съ каждымъ колономъ особое условіе. Иногда онъ могъ подчинять колона своей волѣ вполнѣ; въ другихъ случаяхъ онъ не могъ найти для своей земли постоянныхъ съемщиковъ иначе, какъ предоставляя имъ самыя мягкія условія. Условія эти часто свободно обсуждались, и колонъ самъ принималъ ихъ раньше, чѣмъ вступалъ на помѣстье. Такимъ образомъ, обязательства колона были столь же разнообразны, какъ самые источники колоната.

Твердо установился въ концѣ концовъ только одинъ законъ, именно, что разъ выработанныя обязательства эти больше не должны были нарушаться. Они оставались навсегда неподвижными. Мягкія или строгія, они безъ всякой перемѣны передавались отъ отца къ сыну. Мы не должны понимать это въ томъ смыслѣ, что при согласіи обѣихъ сторонъ не могъ быть измѣненъ договоръ. Законъ только хочетъ сказать, что ни одна изъ сторонъ не имѣла права принудить другую

[1] *Corp. inscr. lat.* VIII, 10570, III, 11—13: «Non amplius annuas, quam binas aratorias, binas sartorias, binas messorias operas debeamus».—IV, 5: «Ne plus quam ter binas opera curabunt».

къ измѣненію условій; такое положеніе укрѣплялось тѣмъ, что ни колонъ не могъ оставить землю, ни владѣлецъ изгнать колона. Отношенія, слѣдовательно, естественнымъ образомъ выработались такъ, что договоры, первоначально заключенные каждымъ владѣльцемъ съ своими колонами, поддерживались изъ поколѣнія въ поколѣніе, и въ результатѣ сложился обычай, не общій для всей имперіи, а особый для каждаго помѣстья, обычай, который назывался «уставомъ помѣстья»,—*consuetudo praedii* [1].

Я не вижу, чтобы государственная власть препятствовала владѣльцамъ смягчать повинности колоновъ; но она мѣшала имъ отягощать ихъ новыми обязательствами. Императоръ-законодатель говоритъ: «Если владѣлецъ требуетъ отъ колона больше, чѣмъ было установлено практикою до тѣхъ поръ, то-есть, больше, чѣмъ требовалось въ прежнія времена отъ его отцовъ, то колонъ долженъ явиться къ ближайшему судьѣ, и судья обязанъ не только воспретить владѣльцу увеличивать обычную повинность, но кромѣ того долженъ заставить вернуть колону все, что незаконно было вытребовано отъ него» [2]. Другой императоръ говоритъ: «Оброкъ, назначенный отцу, не можетъ быть увеличенъ у сына, такъ какъ мы желаемъ, чтобы сыновья, родившіеся на помѣстьѣ, оставались на немъ

[1] *Cod. Just.* XI, 48, 5: «Nisi consuetudo praedii hoc exigat».—*Ibidem*, XI, 48, 23, § 2: «Veterem consuetudinem».—XI, 48, 5: «Adversus consuetudinem».

[2] См. законъ Константина въ Кодексѣ Юстиніана XI, 50, 1.—Законъ Аркадія (тамъ же, XI, 50, 2, § 4) указываетъ, что колонъ имѣетъ право жаловаться въ судъ, если помѣщикъ налагаетъ на него *superexactio*.

какъ бы пользователями на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ тамъ жили ихъ отцы» [1].

Неизмѣняемость обязательствъ сдѣлалась, стало быть, закономъ, обезпечивавшимъ столько же интересы колона, сколько и помѣщика. Послѣдствіемъ его было то, что плоды отъ труда почти всецѣло поступали въ пользу ихъ производителя или его дѣтей. Если колонъ улучшалъ землю путемъ насажденій, осушенія болотъ или искусственнаго орошенія, вся прибыль поступала его дѣтямъ. Разница отъ увеличенія доходности земли принадлежала колону. Ему нечего было бояться, что повинности его возрастутъ по мѣрѣ того, какъ земля увеличится въ цѣнѣ. Но и обратно такъ же могло случиться, что земля теряла часть своей цѣнности; по небрежности ли земледѣльца, или случайно, она могла прійти въ упадокъ, но платежи изъ за этого не уменьшались, и семья колона всегда оставалась на участкѣ, безъ надежды на облегченіе въ нуждѣ. Документы не говорятъ намъ, благоденствовали ли колоны или они въ общемъ бѣдствовали; но мы безъ труда замѣчаемъ по отдѣльнымъ случаямъ, что положеніе ихъ было безконечно неравное. Мы видимъ колоновъ на очень различныхъ ступеняхъ соціальной обезпеченности, начиная съ скромнаго благосостоянія трудолюбивой и безбѣдно живущей въ постоянномъ владѣніи своимъ полемъ семьи, до крайней нужды крестьянина, котораго не можетъ больше прокормить его поле, и который тѣмъ не менѣе лишенъ права искать себѣ хлѣба въ другомъ мѣстѣ.

[1] *Cod. Iust.* XI, 48, 23: «Caveant possessionum domini... aliquam innovationem vel violentiam eis inferre... Hoc sancimus, ut et ipsa soboles semel in fundo nata remaneat in possessione, sub quibus genitores eius manere in fundis detinivimus».

9.

Распаденіе помѣстья на двѣ части—господскую и крестьянскую.

Устройство римскаго помѣстья мы можемъ изучить далеко не такъ хорошо, какъ устройство помѣстья средневѣковаго или сеньеріи. Для римской эпохи у насъ не сохранилось ни завѣщаній, ни продажныхъ актовъ, ни хартуляріевъ, ни полиптиховъ. Писанные документы составлялись и тогда. Въ каждомъ помѣстьѣ велась счетная книга, *calendarium*, свои отчетные регистры, *rationes* [1], и, еслибы книги эти дошли до насъ, мы обнаружили бы изъ нихъ обитателей помѣстья и ихъ разныя занятія; мы нашли бы прокуратора, актора, вилика и эконома (*cellarius*); мы могли бы сосчитать число рабовъ-земледѣльцевъ, виноградарей и пастуховъ; отдѣльно отъ нихъ мы примѣтили бы съемщиковъ (или держальцевъ) съ именемъ каждаго и обозначеніемъ ихъ соціальнаго положенія, съ указаніемъ на окружавшія ихъ семьи; мы знали бы размѣры ихъ надѣловъ, характеръ обязательствъ, величину и число лежавшихъ на нихъ сборовъ и работъ (*operae*). Но ничего подобнаго до насъ не дошло. Свѣдѣнія наши ограничиваются рѣдкими данными, разсѣянными у писателей или въ законахъ. Но и изъ нихъ выясняются, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые факты.

Мы перечислили и разсмотрѣли въ предшествующемъ изложеніи нѣсколько различныхъ классовъ среди земледѣльцевъ; то были рабы, воздѣлывавшіе большими группами барское поле, рабы, посаженные на небольшихъ участкахъ земли, мелкіе свободные арен-

[1] *Dig.* XXXIV, 5, 1: «Quum rationibus demonstraretur».

даторы и прикрѣпленные къ землѣ колоны. Предположить, что указанные типы земледѣльцевъ смѣняли или вытѣсняли послѣдовательно одинъ другой, было бы ошибкой. Свободный арендаторъ не вытѣснилъ раба, и колонъ не вполнѣ вытѣснилъ свободныхъ арендаторовъ, такъ какъ послѣдніе встрѣчаются еще въ поздніе вѣка имперіи. Что касается рабовъ, надѣленныхъ мелкими участками, то они составляли всегда лишь меньшую часть эксплуатировавшейся непосредственно для хозяйства господина подневольной *familia*. Всѣ эти категоріи людей существовали одновременно, жили въ перемѣшку на однихъ и тѣхъ же земляхъ, не сливаясь однако между собою. Въ различные вѣка измѣнялись лишь численныя отношенія между ними.

Итакъ, мы не должны думать, что сельское помѣстье цѣликомъ обрабатывалось однимъ родомъ земледѣльцевъ,—сначала рабами, потомъ арендаторами, еще позднѣе—колонами. Всѣ они существовали на одномъ и томъ же помѣстьѣ. Способы эксплуатаціи ихъ труда, впрочемъ, существенно различались. Рабская *familia* работала прямо для господина, и онъ одинъ получалъ весь добытый плодъ. Мелкіе свободные арендаторы и даже колоны подчинялись системѣ самостоятельнаго фермерскаго хозяйства съ раздѣломъ плодовъ между ними и хозяиномъ. Оба противоположные порядка практиковались одновременно, какъ бы совмѣщались на одной землѣ. Именно вслѣдствіе этого помѣстье обыкновенно раздѣлялось на двѣ части: одна обрабатывалась группою рабовъ непосредственно для господина, другая раздѣлялась на фермерскіе участки и сдавалась мелкимъ арендаторамъ или колонамъ. Такое раздѣленіе сельскаго помѣстья на двѣ совершенно различныхъ части составляло обычай, на который историкомъ дол-

но быть обращено серьезное вниманіе; мы снова встрѣтимъ его въ средніе вѣка, и тамъ онъ приведетъ къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ; слѣдуетъ засвидѣтельствовать, что онъ существовалъ уже въ римскомъ мірѣ, часть котораго составляла Галлія.

Разсмотримъ, какъ примѣръ, сначала небольшое помѣстье Горація. Поэтъ не даетъ себѣ труда описать его такъ подробно, какъ бы намъ того хотѣлось. Но и изъ немногихъ чертъ изображенія поэта становится ясно, что и его имѣньице распадалось на двѣ отличавшіяся одна отъ другой части. Съ одной стороны, на его землѣ сидѣли пять свободныхъ арендаторовъ, каждый въ своемъ «очагѣ», то-есть, отдѣльномъ предоставленномъ ему жилищѣ, съ отданнымъ ему около клочкомъ земли. Съ другой стороны, на томъ же помѣстьѣ работали восемь рабовъ, подъ надзоромъ вилика; положеніе послѣднихъ, какъ кажется, было довольно тяжелое, такъ какъ поэтъ шутя грозитъ Даву, своему городскому рабу,—въ наказаніе послать его въ деревню девятымъ трудиться надъ обработкой земли [1]. Отчетливо выдѣляются, стало быть, двѣ части: одна, разбитая на мелкіе фермерскіе участки, другая, эксплуатируемая непосредственно хозяиномъ. Въ домѣ, оставленномъ собственникомъ для себя, кромѣ главной усадьбы и окружавшаго ее сада или огорода, находимъ, безъ сомнѣнія, тотъ дубовый лѣсъ, сладостная тѣнь котораго такъ восхищала Горація. Въ ней заключались также хлѣбныя поля, которыя ежегодно, никогда не обманывая хозяина, приносили ему вѣрную жатву. Можно думать, наконецъ, что кусокъ той же барской земли засаженъ былъ небольшимъ виноградникомъ, доставлявшимъ питье,

[1] *Horat.* Epist. I, 14; Satir. II, 7; Carm. III, 16, 30.

можетъ быть, и не очень хорошее, но тѣмъ не менѣе тщательно разливавшееся въ бутылки самимъ поэтомъ. Другая же часть, раздѣленная на пять мелкихъ надѣловъ, содержала еще хлѣбныя угодья, быть можетъ, также нѣсколько клочковъ виноградника и луга, наконецъ, все, что производилось пятью арендаторами и продавалось ими на рынкѣ въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Варіи.

Такое же раздѣленіе помѣстья на двѣ половины обнаруживается и въ текстахъ юрисконсультовъ, какъ широко распространенный, если не повсемѣстный обычай. Сцевола говоритъ, напримѣръ, о помѣстьѣ, которое было продано или завѣщано «съ пекуліями рабовъ и съ недоимками арендаторовъ»[1]. Ясно, что обѣ категоріи людей жили вмѣстѣ, на одной и той же землѣ, а такъ какъ достовѣрно извѣстно, что хозяйствовали они различными способами, то одновременное нахожденіе ихъ внутри того же помѣстья указываетъ что оно распадалось на двѣ различно эксплуатировавшіяся части.

Одинъ отрывокъ изъ Ульпіана описываетъ, какъ заносилось каждое помѣстье въ списки налоговъ. При этомъ не довольствовались общимъ указаніемъ размѣровъ или цѣнности всего цѣлаго, а обозначали отдѣльно различные виды культуръ «сколько тамъ было югеровъ пахотной земли, сколько насажено виноградныхъ лозъ, сколько насчитывалось деревьевъ въ

[1] *Dig.* XXXIII, 7, 20: «Fundos cum vilicis et cum reliquis colonorum... Praedia ut instructa sunt cum reliquis colonorum et mancipiis et peculiis et cum actore».—XXXIII, 7, 27: «Praedia cum servis, qui ibi erunt, et reliquis colonorum legavit. Fundum Cornelianum Titio ita lego, ut est instructus cum mancipiis et reliquis colonorum dari volo».

оливковой плантаціи, сколько было десятинъ луга, сколько югеровъ пастбища, сколько лѣса»[1]. Изъ приведенныхъ строкъ мы уже видимъ, что помѣстье обычно заключало въ себѣ всякаго рода угодья. Потомъ рядомъ съ землями въ писцовыя книги вносились и люди: «Помѣщикъ долженъ объявить своихъ рабовъ не въ общей суммѣ, а по разрядамъ (*specialiter*), обозначая мѣсто рожденія каждаго, его возрастъ, занятія или ремесло». Въ третьихъ, собственникъ обязывался также вписывать и имена тѣхъ, кто жилъ на его помѣстьѣ въ качествѣ съемщиковъ; это видно изъ того, что юрисконсультъ добавляетъ: «Если владѣлецъ пропустилъ одного арендатора, то онъ самъ отвѣтственъ за налогъ съ занятаго имъ участка».[2] Итакъ, изъ обычной формы кадастральной описи мы видимъ, что у землевладѣльцевъ на одной части помѣстья дѣйствовали рабы, а на другой—съемщики. Эти два класса людей, которые обозначались отдѣльно другъ отъ друга въ оффиціальныхъ писцовыхъ книгахъ, не смѣшивались также и на землѣ, и мы можемъ допустить, что каждая категорія занимала внутри помѣстья особое мѣсто.

Мы не предполагаемъ, конечно, геометрически точнаго дѣленія; мы не знаемъ, проводилась ли рѣзко обозначенная черта, которая бы дѣлила помѣстье на двое. Болѣе вѣроятно представить себѣ, что обѣ части переплетались одна съ другою, и каждая состояла изъ ряда мелкихъ полосъ. Раздѣлъ рѣдко могъ осуществляться вполнѣ правильно. Владѣлецъ отдавалъ въ съемку тѣ куски, которые хотѣлъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ; себѣ онъ оставлялъ прежде всего, нужно ду-

[1] *Ulpian*. Dig. L, 15, 4.
[2] *Ibidem*.

*

мать, площадь наиболѣе близко расположенную къ усадьбѣ, затѣмъ также тѣ угодья, которыя служили для развлеченія. Среди болѣе удаленныхъ земель онъ могъ также сохранять непосредственно въ вѣдѣніи собственнаго хозяйства тѣ, которыя легче поддавались обработкѣ и приносили болѣе вѣрный доходъ. Здѣсь не устанавливалось никакого постояннаго правила, все рѣшала воля господина или его управителя.

У одного юрисконсульта я нахожу замѣчаніе, что группа рабовъ—охотниковъ (*venatores*) часто зачислялась въ составъ—*familia urbana*, то-есть, рабовъ, назначенныхъ для личной службы господина [1]. Отсюда можно заключить, что лѣса и охоты также находились въ числѣ земель, оставлявшихся владѣльцемъ для себя. Это обстоятельство не обойдется безъ специальныхъ послѣдствій въ будущія времена.

Одна надпись второго вѣка, составленная группою крестьянъ яснѣе рисуетъ намъ то самое, на что только намекаютъ юрисконсульты. Когда колоны крупнаго владѣнія *saltus Burunitanus* жалуются на злоупотребленія, которыя въ ущербъ ихъ интересамъ совершалъ представитель ихъ собственника, они различаютъ двѣ вещи: съ одной стороны, человѣкъ этотъ увеличилъ ихъ хлѣбную подать (*partes agrariae*) то-есть, долю урожая, которую они обязывались вносить въ видѣ аренды за поля, которыми пользовались; съ другой стороны, онъ требовалъ съ нихъ лишнихъ рабочихъ дней сверхъ того числа, на которое имѣлъ право. Согласно уставу помѣстья (*lex praedii*), въ годъ полагалось лишь шесть дней барщины, два дня на пахоту, два на полотьбу и два на жатву [2]. Второй указанный пунктъ

[1] *Paul.* Sent. III, 6, § 71. Cp. *Dig.* XXXIII, 7, 12, § 12.
[2] *Corp. inscr. lat.* VIII, 10570.

особенно интересенъ; ясно, что шесть рабочихъ дней, которые былъ долженъ колонъ господину, отбывались не на томъ участкѣ земли, который онъ самъ занималъ. Очевидно, онъ полагалъ ихъ на обработку той части помѣстья, которая была оставлена для себя владѣльцемъ или его представителемъ. Такимъ образомъ, помѣстье и здѣсь распадалось на двѣ весьма различныя по характеру половины: одна оказывается розданною колонамъ небольшими участками, другая оставлена помѣщикомъ для себя и обрабатывалась за его счетъ.

Въ Кодексѣ Ѳеодосія находимъ направленную къ имперскимъ чиновникамъ инструкцію о томъ, какъ они должны составлять инвентарь помѣстья. «Что касается земли, то прежде всего слѣдуетъ обозначить ея пространство, различая то, что находится подъ виноградниками, что подъ оливковыми рощами, пахотными полями, лугами и лѣсами. Что же касается людей, то прежде всего надо вписать рабовъ. различая тѣхъ, кто назначенъ на личную службу и тѣхъ, кого употребляютъ для обработки полей; дальше слѣдуетъ вписывать отдѣльно поселенныхъ рабовъ (*servi casati*) и колоновъ [1]». — Достовѣрно, стало быть, что на оффиціальныхъ регистрахъ рабы, посаженные на надѣлы, и колоны отдѣлялись отъ рабовъ, жившихъ вмѣстѣ и эксплуатировавшихся владѣльцемъ для его личнаго хозяйства. Такимъ образомъ, помѣщикъ не всю землю помѣщалъ въ руки мелкихъ съемщиковъ, рабовъ или колоновъ; часть ея онъ оставлялъ для себя съ группой рабовъ для ея обработки.

Однако, возникло обыкновеніе пользоваться трудомъ колоновъ и рабовъ, которые самостоятельно

[1] *Cod. Iust.* IX, 49, 7: *Cod. Theod.* IX, 42, 7: «Quot sint casarii vel coloni».

воздѣлывали выдѣленные имъ участки земли, такъ же для обработки барской земли. Мы только что видѣли, что такое правило примѣнялось на *saltus Burunitanus*. Надпись наша показываетъ, что, кромѣ своего участка, каждый колонъ долженъ былъ пахать и убирать господское поле. Работа эта была частью платы за его надѣлъ. За пользованіе своимъ участкомъ онъ уплачивалъ оновременно и хлѣбную подать, и шесть рабочихъ дней на оставленной для себя помѣщикомъ землѣ. Въ послѣдующія эпохи мы опять встрѣтимъ такой порядокъ уже какъ общее правило.

Относительно раба, надѣленнаго небольшимъ надѣломъ, тѣмъ болѣе можно склониться къ предположенію, что и онъ долженъ былъ работать на удержанной для владѣльца части имѣнія. Это подразумѣвается, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отрывкѣ изъ Варрона [1]. Авторъ ясно даетъ понять, что господинъ, даруя рабу своему маленькое стадо и небольшую землю, ничуть не отказывался отъ услугъ, которыя ему долженъ былъ рабъ; онъ даже для того только дѣлалъ ему такое пожалованіе, «чтобы сильнѣе привязать его къ помѣстью». Итакъ, весьма вѣроятно, что кусокъ земли, который давался рабу, не избавлялъ его отъ работы на господина. Быть можетъ даже, онъ занимался маленькимъ своимъ надѣломъ только въ свободные часы или въ дни отдыха, большую же часть своего времени принужденъ былъ отдавать господину. Такъ въ нѣкоторые дни онъ являлся съемщикомъ, въ другіе—снова становился частью работавшей толпою на барскомъ полѣ *familia*. Фактъ этотъ, кажущійся сначала маловажнымъ, приводилъ наоборотъ къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ, вліяя на выработку соціальнаго быта по-

[1] *Varr.* De re rustica, I, 17.

слѣдующихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ замѣтить, что крѣпостной сервъ, котораго намъ придется изучать въ средніе вѣка, окажется не похожимъ ни на античныхъ рабовъ, которыхъ мы видѣли въ древней Греціи, ни особенно на рабовъ германскихъ, положеніе которыхъ описываетъ Тацитъ. Его будетъ характеризовать совершенно особая черта: этотъ самый сервъ, который будетъ сидѣть на своемъ особомъ снятомъ надѣлѣ, нѣсколько дней въ недѣлю принужденъ будетъ работать и на барской землѣ. Такое условіе, присущее средневѣковому серважу и чуждое германскому рабству, объясняется характеромъ рабской аренды въ римской имперіи, которая являлась ничѣмъ инымъ, какъ небольшимъ пожалованіемъ по отношенію къ человѣку, который оставался рабомъ,—пожалованіемъ, которое не уничтожало прирожденныхъ обязательствъ раба. Такимъ образомъ, серважъ всегда сохранилъ отпечатокъ древне-римскаго рабства, отъ котораго онъ произошелъ.

Въ итогѣ, сельское помѣстье оказывается довольно сложнымъ организмомъ. Оно заключало въ себѣ, по возможности, всякаго рода угодья—поля, виноградники, луга и лѣса. Оно заключало въ себѣ также людей всѣхъ соціальныхъ положеній—рабовъ безъ надѣловъ, рабовъ-съемщиковъ, вольноотпущенниковъ, колоновъ, свободныхъ людей. Работа производилась тамъ при помощи двухъ весьма различныхъ орудій: руками рабовъ (*familia*), эксплоатировавшихся большими массами подъ руководствомъ господина, и трудомъ самостоятельно хозяйствовавшихъ мелкихъ фермеровъ. Земля раздѣлялась тамъ на двѣ части: одна находилась въ рукахъ арендаторовъ, другую помѣщикъ сохранялъ для себя. Послѣдняя обработывалась группою рабовъ или барщиннымъ трудомъ свободныхъ съем-

щиковъ, или, наконецъ, путемъ соединенія той и другой системы. Въ послѣднемъ случаѣ помѣщикъ оставлялъ въ своемъ распоряженіи небольшое количество рабовъ, и къ нимъ въ страдныя времена года, когда требовалось много рабочихъ рукъ, присоединялись съемщики. Владѣлецъ извлекалъ такимъ образомъ изъ своего помѣстья двойной доходъ: онъ составлялся съ одной стороны изъ урожая хлѣба и другихъ плодовъ съ оставленной для себя части, съ другой—изъ сборовъ, уплачивавшихся ежегодно съемщиками. Управитель владѣльца—*procurator*, *actor* или *vilicus*—завѣдывалъ или надзиралъ одинаково за обѣими частями. Онъ получалъ платежи со съемщиковъ, а на барской части руководилъ работами всѣхъ.

10.

Деревня и замокъ.

На римскомъ крупномъ помѣстьѣ, которое занимало часто пространство, равное территоріи какой-нибудь сельской общины современной Франціи, находило мѣсто такое количество строеній, которое требовалось для поселенія всѣхъ его обитателей и для хозяйственныхъ нуждъ сельской жизни. Легко понять, что нельзя возстановить точнаго описанія такихъ жилищъ и другихъ зданій. Мы видимъ только, что среди нихъ различались три рода совершенно особыхъ построекъ: 1) обиталище владѣльца; 2) помѣщенія рабовъ и всѣ сооруженія, которыя служили для общихъ надобностей культуры; 3) жилища мелкихъ арендаторовъ.

Относительно послѣднихъ мы знаемъ очень немногое, древніе писатели никогда не описывали ихъ. Горацій

обозначалъ жилища мелкихъ своихъ арендаторовъ словами «пять очаговъ», что указываетъ на то, что каждый изъ нихъ имѣлъ свой особый дворъ; дома эти были, вѣроятно, очень скромными хижинами. Апулей рисуетъ намъ человѣка, проѣзжающаго черезъ богатое помѣстье; прежде, чѣмъ подъѣхать къ дому владѣльца, онъ встрѣчаетъ довольно большое число маленькихъ хижинъ, называемыхъ авторомъ *casulae*, которыя были, вѣроятно, домами колоновъ [1]. Жилища эти иногда отстоятъ другъ отъ друга довольно далеко, такъ какъ каждое изъ нихъ находится на участкѣ земли, обрабатываемомъ даннымъ лицомъ; иногда же они соединены между собою и образуютъ небольшой поселокъ, называемый на языкѣ того времени *vicus*. На самыхъ большихъ помѣстьяхъ можно было видѣть рядъ такихъ *vici*, какъ говоритъ Юлій Фронтинъ, составлявшихъ какъ бы поясъ вокругъ *villa* господина [2].

Вилла эта дѣлилась всегда на двѣ опредѣлено отграниченныя части, именовавшіяся на языкѣ того времени *villa urbana* и *villa rustica*.—Подъ *villa urbana* въ сельскомъ помѣстьѣ разумѣлась совокупность построекъ, возведенныхъ владѣльцемъ въ качествѣ резиденціи для себя, своей семьи, друзей и для всей личной домашней челяди. Что касается *villa rustica*, то она представляла сумму строеній, предназначенныхъ для поселенія рабовъ-земледѣльцевъ; тамъ же помѣщался также домашній скотъ и всѣ нужныя для обработки орудія.

Варронъ, Колумелла и Витрувій дали подробное описаніе такихъ «сельскихъ усадебъ». Онѣ дол-

[1] *Apul.* Metamorph. VIII: «Nec paucis pererratis casulis, ad quamdam villam possessoris beati perveniunt».

[2] *Frontin.* De controversiis agrorum, ed. Lachmann, p. 53.

жны были заключать въ себѣ достаточное число клѣтушекъ (*cellae*) для рабовъ, окна ихъ по возможности, «обращались на югъ». Для лѣнивыхъ или непослушныхъ рабовъ существовало нѣчто въ родѣ заключенія *ergastulum*; оно устраивалось подъ землею. Для освѣщенія его предлагалось устраивать достаточно оконъ, «чтобы жилище было здоровое», но рекомендовалось, чтобы они были узки и высоко подняты надъ поломъ, чтобы посаженные въ эргастулѣ люди не могли ускользнуть черезъ окна. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ людскихъ жилищъ располагались хлѣва, по возможности отдѣльные для лѣта и для зимы. Рядомъ съ хлѣвами находились маленькія конуры для скотниковъ и пастуховъ. Дальше шли амбары для хлѣба и сараи для сѣна, погреба для вина и масла, кладовыя для плодовъ. Кухня занимала особое зданіе; потолокъ ея слѣдовало устраивать высокій, и она должна была являться достаточно просторною, чтобы «во всякое время могла служить мѣстомъ собранія для челяди». Не вдалекѣ возводилась баня для рабовъ, которымъ, впрочемъ, разрѣшалось мыться только въ праздничные дни. Неудивительно, что въ помѣстьѣ были свои мельницы, хлѣбопекарня, тиски для винограда и масла и голубятня. Если рѣчь идетъ о помѣстьѣ вполнѣ благоустроенномъ, надо прибавить къ перечисленному еще кузницу и мастерскую для производства различнаго рода сельскохозяйственныхъ орудій. Всѣ указанныя зданія объединялись въ одно цѣлое обширнымъ дворомъ; по латыни послѣдній назывался *chors*; мы снова встрѣтимъ это слово въ средніе вѣка, съ измѣненнымъ только слегка начертаніемъ *curtis* [1].

[1] *Varr.* De re rustica, I, 13.—*Colum.* De re rustica, I, 6.—*Vitruv.* VI, 9.—*Pallad.* passim.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ изображеннаго хозяйственнаго двора (*villa rustica*) возвышалось обыкновенно жилище владѣльца (*villa urbana*) въ тѣсномъ смыслѣ. Помѣщикъ являлся чаще всего человѣкомъ богатымъ, а богатые люди тогда очень любили строиться. Уже Варронъ не безъ огорченія замѣчалъ, что его современники «больше заботились о господскомъ домѣ, чѣмъ о хозяйственныхъ постройкахъ». Колумелла даетъ описаніе барской усадьбы. Она заключала въ себѣ лѣтнія и зимнія помѣщенія, такъ какъ владѣлецъ жилъ или могъ жить тамъ во всякое время года. Въ ней было, слѣдовательно, двѣ столовыхъ и двойной рядъ спаленъ. Тамъ же находились большія купальныя залы, гдѣ цѣлое общество могло мыться заразъ. Такіе дома украшались также длинными болѣе обширными, чѣмъ наши, парадными комнатами, галереями, гдѣ гости могли свободно прогуливаться, разговаривая между собою. Плиній Младшій, обладавшій десяткомъ прекрасныхъ имѣній, изображаетъ два такихъ загородныхъ дома [1]. Въ нихъ соединено было все, что только можно было придумать въ смыслѣ комфорта и роскоши. Мы не будемъ высказывать предположенія, что всѣ виллы были подобны плиніевымъ, но существовали и еще болѣе роскошныя, чѣмъ его сельскія резиденціи. Во всякомъ случаѣ, начиная съ самыхъ скромныхъ, всѣ хозяева стремились при постройкѣ своихъ *villae urbanae*, по мѣрѣ средствъ, приблизиться къ описанному авторомъ типу. Самъ Плиній подражалъ установившейся модѣ, ему подражали другіе. Въ обществѣ временъ римской имперіи роскошь виллъ была любимымъ способомъ пользоваться богатствомъ, а также признавалась наиболѣе приличнымъ средствомъ похвастать имъ. Такъ какъ исчезла политиче-

[1] *Plin.* Epist. II, 17; V, 6.

ская свобода, то деньги, которыя раньше затрачивались на покупку голосовъ и вообще на выборную агитацію, расходовались теперь на постройку и украшеніе домовъ. Впрочемъ, отрицательныя стороны господства крупной собственности, можетъ быть, здѣсь нѣсколько смягчались тѣмъ, что владѣлецъ находилъ удовольствіе пребывать въ своемъ помѣстьѣ и возвращалъ ему въ видѣ улучшеній и украшеній тѣ доходы, которые извлекалъ изъ него.

Если мы перейдемъ отъ Италіи къ Галліи и отъ эпохи Траяна къ пятому вѣку, то еще встрѣтимъ тамъ обширныя и прекрасныя виллы. Несмотря на обычную туманность своего стиля, Сидоній Аполлинарій рисуетъ намъ все-таки довольно ясную картину одной изъ нихъ—*villa Octaviana*, принадлежавшей другу его, Консентію [1]. «Она представляла взглядамъ наблюдателя свои высокія стѣны, построенныя согласно всѣмъ правиламъ искусства». Въ ней находились «портики и изумительныхъ размѣровъ термы». Сидоній описываетъ еще виллу *Avitacus* [2]. Къ ней подъѣзжали по широкой и длинной аллеѣ, которая служила для нея какъ бы «вестибуломъ» Войдя въ домъ, прежде всего, попадали въ *balneum*, представлявшее цѣлое купальное отдѣленіе, термы съ огромнымъ бассейномъ, фригидаріемъ, особою залою для благовоній и т. д. Выходя отсюда, вступали собственно въ жилыя помѣщенія. Тутъ сначала представлялись женскія покои или мастерскія: въ обширной залѣ прислужницы ткали холстъ. Сидоній ведетъ насъ затѣмъ черезъ длинные портики, поддерживаемые колоннами, откуда разстилается видъ на прекрасное озеро. Дальше шла закрытая галерея, гдѣ могла гулять

[1] *Sidon.* Epist. VIII, 4 (ed. Baret, VIII, 11).
[2] *Ibidem*, II, 2.

многочисленная публика. Она приводила къ тремъ столовымъ. Отсюда вы переходили въ большую залу для отдыха (*diversorium*), гдѣ каждый по своему выбору могъ спать, болтать или играть. Писатель не даетъ себѣ труда ни описать спаленъ, ни даже обозначить ихъ число. То, что онъ говоритъ о виллахъ своихъ друзей, заставляетъ предположить, что существовали виллы и болѣе блестящія чѣмъ его. Эти прекрасныя жилища, которыя въ данную эпоху покрывали Галлію, не погибли безслѣдно. Остатки ихъ находятся во всѣхъ частяхъ страны—отъ Средиземнаго моря до Рейна, даже до глубины Бретанскаго полуострова.

Въ описаніи Сидоніемъ виллы Октавіаны мы должны замѣтить указаніе на домовую церковь. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ законъ 398 года констатируетъ «обычай», установившійся среди крупныхъ владѣльцевъ устраивать церкви въ своихъ помѣстьяхъ [1]. Мы встрѣтимъ то же въ послѣдующіе вѣка.

Домъ владѣльца обозначался очень нерѣдко, даже обычно во времена имперіи словомъ *praetorium*. Съ такимъ значеніемъ терминъ этотъ встрѣчается уже у Светонія и у Стація [2]; имъ нѣсколько разъ пользуется Ульпіанъ и другіе юрисконсульты Дигестъ [3]; но особенно часто начинаетъ онъ попадаться у авто-

[1] *Cod. Theod.* XVI, 2, 33: «Ecclesiis, quae in possessionibus, ut assolet, diversorum, vicis etiam vel quibuslibet locis sunt constitutae, clerici non ex alia possessione vel vico, sed ex eo, ubi ecclesiam esse constituit, eatenus ordinentur, ut propriae capitationis onus ac sarcinam recognoscant».—То же будетъ повторяться въ постановленіяхъ нѣсколькихъ соборовъ пятаго и шестого вѣковъ.
[2] *Sueton.* August. 79; Caligula, 37; Nero, 39.—*Stat.* Sylvae II, 84.
[3] *Ulpian.* Dig. VII, 8, 12; L 16, 198.—Ср. *Ibid.* XXXI, 34; XXXII, 91; VIII, 3, 2.

ровъ четвертаго вѣка, каковы Палладій и Симмахъ [1]. Самымъ корнемъ своимъ слово это указываетъ на идею начальствованія, первенства, на идею власти. Въ римскомъ лагерѣ оно примѣнялось къ палаткѣ начальника; въ провинціяхъ - къ дворцу намѣстника. Исторія словъ указываетъ на развитіе понятій. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ мысляхъ людей мѣстопребываніе владѣльца являлось домомъ, господствующимъ по отношенію ко всѣмъ другимъ разсѣяннымъ по помѣстью жилищамъ. Называть его *praetorium* значило признавать его сеньеріальною резиденціею.

Современный писатель, Палладій, совѣтовалъ владѣльцамъ строить себѣ домъ на полу-горѣ и всегда выше, чѣмъ *villa rustica*. Сельская усадьба съ ея населеніемъ, съ рядомъ конюшенъ и сараевъ, съ своей мельницей, тисками, мастерскими, со всѣми многочисленными служащими была больше того, что мы теперь называемъ «фермой»; она образовывала родъ селенія, которое было собственностью владѣльца и населялось его слугами. *Villa rustica* внизу холма и *villa urbana* на полу-горѣ—это уже деревня и замокъ послѣдующихъ временъ.

Правда, что этотъ замокъ четвертаго вѣка не имѣлъ вида замка десятаго вѣка. *Turres*, о которыхъ иногда говорится, не были еще феодальными башнями. Около нихъ не было видно ни рвовъ, ни укрѣпленной ограды, ни рѣшетки, ни зубцовъ или бойницъ, къ нимъ вели или ихъ окружали аллеи и портики, скорѣе приглашавшіе войти, чѣмъ пугавшіе при приближеніи. Такъ происходило потому, что тогда господствовали мирныя

[1] *Pallad.* I, 8, 11, 23, 33 и т. д. *Symmach.* I, 4; I, 10; I, 14; VI, 9; VI, 66.

отношенія, и люди чувствовали себя въ безопасности. Только въ срединѣ пятаго вѣка мы начинаемъ замѣчать, что нѣкоторые владѣльцы, какъ, напримѣръ, Понтій Леонтій въ Галліи, укрѣпляли свои виллы и окружали ихъ толстыми стѣнами, «которыхъ не могъ бы разрушить таранъ» [1]. Тогда только стало приходить въ голову мысль преобразовать виллу въ крѣпость для того, чтобы оказывать сопротивленіе грабителямъ во время нашествій. До тѣхъ поръ вилла была не замкомъ, но дворцомъ мирныхъ и счастливыхъ временъ, изящнымъ, пышнымъ и открытымъ.

Тамъ, окруженные своей семьей и многочисленной свитой рабовъ, вольноотпущенниковъ и кліентовъ, проводили большую часть своей жизни крупные собственники. Очевидно, они любили жизнь въ своихъ сельскихъ замкахъ-дворцахъ; въ этомъ нельзя сомнѣваться, прочитавъ письма Симмаха [2] или Сидонія Аполлинарія [3]. Они воздвигали постройки, они руководили обработкой земли, устраивали искусственное орошеніе и обитали среди своихъ крестьянъ [4]. Нѣкто Сіагрій косилъ сѣно и занимался уборкой «винограда» въ прекрасномъ помѣстьѣ своемъ, Тайонакѣ [5]. Сидоній разсказываетъ, что Консентій, сынъ и внукъ высокихъ сановниковъ имперіи, «брался за плугъ» [6], какъ Цинциннатъ, по изображенію старой легенды. Друзья Авзонія [7] и Симмаха, по большей части крупные

[1] *Sid. Apoll.* Carmina, XXII (ed. Baret, XIX).
[2] *Symmach.* Epist. I, 1, 5, 7, 8, 35, 51 etc.
[3] *Sidon.* VIII, 6; III, 12; VIII, 8 etc.
[4] «Inter rusticanos» (*Sidon.* Epist. I, 6).
[5] *Sidon.* Epist. VIII, 8.
[6] *Ibidem,* VIII, 4: «Vomeri incumbis».
[7] *Auson.* Epist. XXIII.

владѣльцы, находили также удовольствіе въ сельской жизни [1]. Наши современные историки говорятъ, что римское или галло-римское общество любило лишь городскую жизнь, а любить деревню научили ихъ Германцы. Не вижу, изъ какихъ документовъ могли они вывести такую теорію. Боюсь, что это одно изъ тѣхъ субъективныхъ и неправильныхъ мнѣній, которыя внесены въ нашу исторію современнымъ умомъ. Достовѣрно то, что всѣ сочиненія, которыя находятся у насъ подъ руками отъ четвертаго и пятаго вѣковъ, описываютъ римскую аристократію, столько же какъ сельскій классъ, сколько какъ городской: она была городскимъ классомъ въ томъ смыслѣ, что занимала городскія должности и управляла муниципіями; по интересамъ же своимъ и по большей части своей жизни и своихъ вкусовъ она была классомъ деревенскимъ.

Въ роскошныхъ обиталищахъ, которыя были выше описаны, велась истинно барская жизнь. Припоминая въ стихахъ своихъ время молодости, Паулинъ изъ Пеллы описываетъ «просторное жилище, въ которомъ соединялись всѣ условія жизни», и гдѣ тѣснилась «толпа слугъ и кліентовъ» [2]. Дѣло было наканунѣ варварскихъ вторженій. «Столъ изящно сервировался, утварь была блестящая, серебро драгоцѣнное, конюшни полны превосходныхъ лошадей, ѣздили въ удобныхъ экипажахъ». Развлеченіями жизни въ «замкахъ» того времени служили бесѣды, прогулки верхомъ или въ экипажѣ, игра въ мячъ, въ кости и особенно охота. Охота всегда была любимымъ занятіемъ Римлянъ. Варронъ говоритъ уже объ обширныхъ рощахъ и паркахъ, полныхъ оленями и козами, которые устраивали для своего удовольствія владѣльцы [1]. Друзья, которымъ писалъ Плиній, дѣлили свое время «между занятіями и охотой» [2]. Самъ онъ, плохой охотникъ, бравшій съ собою на ловлю книгу и таблицы для записыванья, хвалится однако тѣмъ, что убилъ разъ трехъ кабановъ [3]. Въ числѣ того, что составляло обыкновенно важный элементъ хорошо устроеннаго помѣстья, юрисконсульты Дигестъ упоминаютъ различныя охотничьи приспособленія, псарей и стаи гончихъ [4]. Позднѣе, Симмахъ въ письмѣ къ другу своему Протадію, смѣется надъ его охотами, которымъ никогда не настанетъ конца, и надъ «генеалогіею его собакъ» [5]. Галлы также очень любили охоту. Они охотились еще до Цезаря и продолжали охотиться послѣ него. Стоитъ только всмотрѣться въ мозаики, которыя, подобно Лилльбонской, изображаютъ охотничьи сцены. Посмотрите на друзей Сидонія: Экдицій «преслѣдовалъ звѣря по лѣсамъ, вплавь перебирался черезъ рѣки; онъ любилъ только собакъ, лошадей и оружіе для охоты» [6]. Правда, слѣдуетъ прибавить, что скоро

[1] *Symmach.* Epist. I, 2; «Vitam innocuis tenuisti laetus in arvis» Ср. I, 58; III, 23.—См. также потому Феста Авіена, въ собраніи *Lemaire*, Poetae minores, t. V, p. 522.

[2] *Paulin. Pell.* Eucharisticon, 205—211; 435—437.

[1] *Varr.* De re rustica, III, 12; «Leporaria... non solum lepores eo includuntur, sed etiam cervi in iugeribus multis... etiam oves ferae».—Варронъ упоминаетъ паркъ для охоты, устроенный для себя въ Цизальпійской Галліи Титомъ Помпеемъ, заключавшій 40.000 квадратныхъ шаговъ.

[2] *Plin.* Epist. II, 8.

[3] *Ibidem*, I, 6.

[4] *Digest.* XXXIII, 7, 12, § 12; XXXIII, 7, 22.—Ср. *Plin.* Epist. II, 19.

[5] *Symmach.* I, 53; IV, 18; VII, 18.

[6] *Sidon.* Epist. III, 3.

тотъ же человѣкъ, во главѣ группы всадниковъ, собранныхъ и вооруженныхъ на его же землѣ, обратитъ въ бѣгство отрядъ Вестготовъ [1]. Вотъ другой другъ Сидонія, Потенцій; онъ знаменитъ въ трехъ отношеніяхъ: онъ искусенъ въ строительствѣ, онъ—отличный сельскій хозяинъ и превосходный охотникъ. Вектій, знатная особа и крупный сановникъ, «не уступаетъ никому въ умѣньѣ выращивать лошадей, дрессировать собакъ и пускать соколовъ [2]». Охота была однимъ изъ воплощеній права собственника на землю, и онъ любилъ широко пользоваться имъ. Такимъ образомъ, многое изъ того, что представятъ нашимъ взорамъ средніе вѣка, на самомъ дѣлѣ древнѣе, чѣмъ средніе вѣка.

√ ГЛАВА II.

Право собственности послѣ германскихъ вторженій.

Переходимъ къ меровингской Галліи. Страну захватили Германцы, и Галлія не составляла больше части римскаго міра. Она образовала отдѣльное государство съ особыми королями. Мы должны изучить, каково было земельное устройство въ этомъ новомъ государствѣ, какъ сложилось тамъ землевладѣніе, сельское помѣстье, какіе различные классы людей стали жить на этомъ помѣстьѣ.

Прежде всего встаетъ здѣсь передъ нами вопросъ,

[1] *Ibidem*, V, 11.

[2] *Ibidem*, IV, 9.—То же говорится и о другомъ другѣ Сидонія, по имени Ерифіи; *ibidem*, V, 17. См. у того же писателя еще *Panegyr. Aviti*, 188.

измѣнилось ли въ силу германскихъ нашествій самое право собственности. Мы видѣли, что въ Римской Галліи земля составляла предметъ частной собственности, что собственность эта была полнымъ и безусловнымъ правомъ, которое переходило отъ отца къ дѣтямъ или могло передаваться по завѣщанію, отчуждаться путемъ продажи или пожалованія. Возможно, что вступленіе многочисленныхъ Германцевъ на римскую почву ослабило это право или измѣнило его, ввело новыя формы владѣнія землей.

Въ исторіографіи было высказано по данному пункту три мнѣнія. Одни говорили, что Германцы, у которыхъ какъ предполагали, не выработалась еще въ первобытныя времена частная собственность на землю, должны были принести въ Галлію общинное землевладѣніе. Другіе думали, что Германцы, среди которыхъ былъ развитъ дружинный бытъ, установили нѣчто въ родѣ бенефиціальнаго строя, то-есть, владѣніе условное, временное и подчиненное извѣстнымъ службамъ или услугамъ. Третьи, наконецъ, считали, что Германцы, такъ какъ они вступили на территорію имперіи побѣдителями, должны были раздѣлить землю между своими воинами, и такъ сложился особый видъ воинскаго землевладѣнія. Мы должны изслѣдовать, что въ этихъ мнѣніяхъ оказывается справедливаго; особенно же надлежитъ провѣрить, согласны ли эти толкованія современныхъ ученыхъ съ документами той эпохи.

Документы эти—многочисленны. Прежде всего, у насъ есть законодательные тексты, въ которыхъ содержатся правила относительно владѣнія землей. У насъ есть хартіи и формулы, изъ которыхъ мы самымъ яснымъ образомъ усматриваемъ, какъ примѣнялись эти

правила. У насъ есть, наконецъ, сочиненія авторовъ того времени, хроники, житія святыхъ, частныя письма, стихотворенія,—и мы находимъ въ нихъ множество фактовъ и разсказовъ, по которымъ легко заключить, каково было земельное устройство, и какъ осуществлялось право собственности.

I.

Право собственности по законодательнымъ текстамъ.

Разберемъ сначала законодательные тексты. Они—двухъ родовъ: во-первыхъ, своды римскихъ законовъ во-вторыхъ, сборники германскихъ правдъ. Говоря о римскихъ сводахъ, мы уже не принимаемъ здѣсь въ расчетъ большіе кодексы, изданные раньше по приказанію императоровъ; мы разумѣемъ здѣсь особые сборники римскаго права, составлявшіеся съ шестого вѣка по иниціативѣ различныхъ германскихъ королей, правившихъ въ Галліи. Въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ слабо было бы сказать, что варварскіе государи «разрѣшили» туземному населенію сохранить свои законы: они сдѣлали больше: они позаботились о редактированіи особыхъ сводовъ и тѣмъ придали имъ безусловно обязательный характеръ, требовали, чтобы законы эти исполнялись ихъ римскими подданными. Такъ возникъ—*Lex romana Wisigothorum*, то-есть, сводъ законовъ, по которому должны были жить Римляне въ вестготской странѣ, составленный по приказанію Алариха II и обнародованный имъ въ 506 году въ его столицѣ Тулу-

зѣ [1]. Кромѣ этого свода, у насъ имѣется аналогичный—*Lex romana Burgundionum*, то-есть, законы для Римлянъ въ странѣ Бургундовъ; думаютъ, что онъ былъ редактированъ по приказанію короля Гундебальда [2].

Если Германцы дѣйствительно ввели въ Галліи новый способъ владѣнія землей и заставили Галловъ принять его, ясно, что это должно обнаружиться въ указанныхъ сводахъ; на дѣлѣ въ нихъ нѣтъ ни единаго признака такой перемѣны. Оба названные свода, составленные по предписанію варварскихъ королей, остались вполнѣ римскими. Частная собственность на землю ими опредѣленно устанавливается; она, безъ сомнѣнія, практиковалась въ жизни и гарантировалась такъ же, какъ по дигестамъ и кодексамъ римскихъ императоровъ. Мы видимъ здѣсь въ неприкосновенности старые принципы римскаго права, признающіе полную собственность,

[1] *Les romana Wisigothorum*, Haenel, in-folio, 1489. См. стр. 2, указъ объ обнародованіи «auctorias Alarici regis»; ср предисловіе, стр. 4.—Названіе—*Lex romana Wisigothorum*—принято чисто условно; оно не встрѣчается ни въ одной изъ сорока четырехъ рукописей текста Въ нихъ сводъ называется, обыкновенно, просто *Lex romana, Liber legum* или еще *Codex Theodosianus*, наконецъ *Breviarium Alarici*. Слова—Lex romana Wisigothorum—собственно не имѣютъ смысла. Содержаніе сборника, даже прибавленная къ нему interpretatio, носятъ исключительно римскій характеръ; вестготское вліяніе ни въ чемъ не проявляется въ немъ. См. спеціальное изслѣдованіе объ этомъ текстѣ *Ch. Lécrivain*, вышедшее въ 1889 г.

[2] *Lex romana Burgundionum*, ed. Bluhme въ «Monumenta Germaniae», Leges, т. III, стр. 579; ср. то же «Monumenta rerum Bernensium», t. I, ed. Binding.—Здѣсь приходится повторить замѣчаніе, которое было сдѣлано выше: въ рукописяхъ сводъ просто называется *Lex romana*, и онъ дѣйствительно носитъ исключительно римскій характеръ.

свободу продажи и наслѣдованія. Ничто не измѣнилось.

Франкскіе короли не озаботились составленіемъ такого же особаго свода римскихъ законовъ для своего государства. Произошло это единственно оттого, что въ ихъ королевствахъ примѣнялись кодексъ Ѳеодосія II и особенно сборникъ Алариха. Фактъ этотъ обнаруживается изъ множества хартій и формулъ. Впрочемъ, меровингскіе государи не только допускали, но требовали примѣненія римскаго права [1]. «Мы желаемъ, чтобы дѣла между Римлянами рѣшались по римскимъ законамъ», говоритъ Хлотаръ. Онъ прибавляетъ, что запрещаетъ своимъ судьямъ судить иначе, «какъ по римскимъ законамъ» [2]. Такія слова свидѣтельствуютъ, очевидно, о сохраненіи для пользованія, по крайней мѣрѣ, большей части подданныхъ всего установившагося раньше земельнаго строя.

Итакъ мы безбоязненно можемъ защищать прежде всего слѣдующій тезисъ: въ жизни туземнаго населенія право земельной собственности осталось послѣ германскихъ нашествій въ томъ же видѣ, какъ оно практиковалось до нихъ. Оно сохранило всѣ свои особенности и всѣ послѣдствія. Оно не было ни ослаблено, ни измѣнено.

Остается вопросъ о новыхъ пришельцахъ, Германцахъ. Мы должны разсмотрѣть и ихъ законы. Передъ нами лежатъ—Салическая Правда, Рипуарская, Бургундская и нѣсколько капитуляріевъ франкскихъ королей [1]. Для сравненія, прибавимъ къ нимъ еще Правды Аламанновъ, Баваровъ и Вестготовъ [2]. Изслѣдованія свои мы начнемъ съ Салической Правды, въ которой раскрываются, повидимому, обычаи и право Франковъ.

[1] *Praeceptio Chlotarii* II, c. 4, ed. Boretius, 19: «Inter Romanos negotia causarum romanis legibus praecipimus terminari».— Гундебальдъ также сказалъ: «Inter Romanos romanis legibus praecipimus iudicari».

[2] *Ibidem*, c. 13: «Secundum legum romanarum seriem».

Если бы у Франковъ господствовало общинное землевладѣніе въ формахъ коллективной обработки земель или ежегодныхъ раздѣловъ, занятой группою территоріи, то мы должны были бы найти въ ихъ законахъ правила, по которымъ такіе порядки осуществлялись. Въ самомъ дѣлѣ, общинная собственность и ежегодный раздѣлъ не такія простыя, легко приводимыя въ исполненіе операціи, чтобы не требовалось многочисленныхъ и опредѣленныхъ постановленій для ихъ регулировки. Кромѣ того, нужно замѣтить, что, какъ возникаютъ тяжбы при господствѣ частной собственности, такъ же происходятъ столкновенія и при общинномъ владѣніи; слѣдовательно, въ Салической Правдѣ мы должны бы были найти рядъ распоряженій, клонящихся къ предупрежденію такихъ столкновеній и къ ихъ разрѣшенію. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго въ этомъ сводѣ не видно. Мы не находимъ въ немъ ни одного слова, которое служило бы указаніемъ на такіе обычаи или на подобнаго рода тяжбы.

Наоборотъ, преступленія, наказуемыя Салической

[1] *Lex Salica*, ed. Pardessus, 1843; Holder, 1879; Hessels, 1880.— *Lex Ripuaria*, ed. Sohm, 1883.—*Lex Burgundionum*, Bluhme въ «Monumenta Germaniae». Leges, т. III; ср. у Binding—*Fontes rerum Bernensium*, t. I, *Capitularia regum Francorum*, Boretius, 1881.

[2] *Lex Wisigothorum*, ed. Canciani, t. IV; Walter, t. I. *Leges Alamannorum*, *Baiuwariorum*, въ «Monumenta Germaniae», Leges, t. III.

ясно указано, что садъ находится въ частной собственности [1].

Говорили, правда, что у Франковъ могла уже развиться частная собственность на дома и окружавшіе ихъ небольшіе сады и огороды, но она не распространялась еще на поля. Однако, другая статья того же свода налагаетъ одинаковое наказаніе и на того, кто вступилъ съ намѣреніемъ похищенія «въ принадлежащее другому человѣку хлѣбное поле» [2], или кто укралъ ленъ «въ полѣ другого человѣка» [3]. Замѣтьте при этомъ огромный размѣръ штрафовъ: они совершенно непропорціональны стоимости хлѣба или льна, который могъ быть увезенъ однимъ человѣкомъ. Очевидно, штрафы эти карали за нарушеніе явно признававшагося права.

Вотъ еще болѣе ясное доказательство: «Человѣкъ, обработавшій поле, принадлежащее другому человѣку, безъ разрѣшенія владѣльца, долженъ уплатить шестьсотъ динаріевъ серебромъ или пятнадцать солидовъ золотомъ» [4]. Тутъ не было воровства; виновный приложилъ, наоборотъ, собственный трудъ къ воздѣлыванію поля; но онъ нарушилъ право собственности и на-

[1] *Lex Salica*, XXVII, 6: «Si quis in horto alieno in furtum ingressus fuerit... DC dinarios, qui faciunt solidos XV culpabilis iudicetur».

[2] *Ibidem*, XXVII, 5: «Si quis in messe aliena pecus suum in furtum miserit, DC dinarios culp. iudicetur».—На языкѣ того времени *messis* значитъ: засѣянное поле. См. *Lex Burgundionum* XXIII, 4: «In messibus cultis»; XXVII, 4–6: «Dominus messic».—*Lex Wisigothorum*, VIII, 3, 13: «In vinea, prato, messe, horto».

[3] *Ibidem*, 8: «Si quis de campo alieno linum furaverit».

[4] *Lex Salica*, 24: «Si quis campum alienum araverit extra consilium domini sui».—Людей, знающихъ языкъ того времени, намъ нѣтъ надобности предупреждать, что *domini sui* значитъ здѣсь—владѣльца поля.

казуется такъ же строго, какъ если бы совершилъ кражу. Мы замѣчаемъ, что въ статьѣ этой законъ опредѣленно называетъ «владѣльца поля» и обозначаетъ его тѣмъ же словомъ—*dominus*, какимъ именовали собственника Римляне. Итакъ, частная собственность вполнѣ установлена въ Салической Правдѣ.

Говорили, что въ общинномъ владѣніи должны были оставаться, по меньшей мѣрѣ, луга и лѣса; если Франки допускали частную собственность на обработанныя земли, то она не должна была распространяться, по крайней мѣрѣ, на лѣса, луга и пастбища. Однако, вотъ, что говоритъ о лугахъ Салическая Правда: «Если кто скосилъ лугъ другого человѣка и перевезъ сѣно въ свое жилище, то онъ долженъ заплатить тысячу восемьсотъ динаріевъ или сорокъ пять солидовъ» [1]. А вотъ что въ ней читается о лѣсахъ: «Если кто нарубилъ дровъ въ чужомъ лѣсу, онъ долженъ уплатить три солида» [2]. Конечно, все это противорѣчитъ общности луговъ и лѣсовъ. Луга и лѣса были собственностью одного человѣка, и никакой другой человѣкъ не имѣлъ права на нихъ [3].

[1] *Ibidem*, XXVII, 10 и 11: «Si quis pratum alienum secaverit, opera sua perdat. Si fenum exinde ad domum tulerit, MDCCC dinarios, qui faciunt solidos XLV culp. iudicetur».

[2] *Ibidem*, XXVII, 18 (по Парижской рукописи, 4404): «Si quis ligna aliena in silva aliena furaverit». — Согласно Парижской рукописи 9653 читаемъ: «Si quis ligna in silva aliena furaverit». Согласно рукописи 4627: «Si quis in silva alterius ligna furaverit». По С. Галленской рукописи: «Si quis in silva alterius materiamina furaverit».

[3] Лампрехтъ утверждалъ, что *silva aliena* или *silva alterius* XXVII-й главы Салической Правды, несмотря ни на что, должно понимать, какъ общинный лѣсъ, по той един-

Разсуждали еще слѣдующимъ образомъ.—Такъ какъ при опредѣленіи размѣра штрафовъ за проступки и преступленія, Салическая Правда назначаетъ штрафы деньгами, а не землею, то земля, стало быть, не входила въ собственность отдѣльныхъ лицъ; ихъ собственность составляли только деньги [1]. Это—поверхностное, почти дѣтское разсужденіе. Съ одинаковымъ правомъ можно было бы утверждать, что Франки были крупными капиталистами на основаніи того, что таксы штрафовъ оказываются очень высокими, такъ что въ Правдѣ предполагается, будто каждый, совершившій убійство, могъ найти въ сундукѣ шестьсотъ золотыхъ монетъ. На самомъ же дѣлѣ, законодатель просто нуждался въ общемъ мѣрилѣ при постановкѣ скалы штрафовъ; землю, цѣнность которой безконечно разнообразна, онъ не могъ взять за основаніе; единственнымъ критеріемъ могло явиться золото и серебро. Мы можемъ предположить, что часто у виновнаго въ убійствѣ не находилось шестисотъ золотыхъ, но онъ продавалъ свою движимость, рабовъ, землю; это опредѣленно говорится въ Правдѣ Баваровъ [2]; то же можно вывести и изъ Салической Правды: цѣлью отсрочекъ, которыя даются

ственной причинѣ, что въ другихъ мѣстахъ Правды слово *silva* употребляется въ такомъ смыслѣ. Но онъ не обратилъ вниманія, что это слово не встрѣчается ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Правды, и что въ ней вообще не говорится ни о какихъ общинныхъ имуществахъ. Вотъ примѣръ порабощенія ума предвзятою мыслью.

[1] Это утверждали *Sohm* и *Thèvenin*.

[2] *Lex Baiuwariorum*, Pertz, т. III, стр. 274: «Si occiderit, solvat 300 solidos auro adpretiatos; Si aurum non habet, donet mancipia terras vel quidquid habet».

обвиненному послѣ присужденія штрафа и до его уплаты, и связанной съ этимъ системы поручительства, и являлось—предоставить виновному время продать то, что онъ имѣлъ. У насъ есть хартіи или формулы мировыхъ сдѣлокъ, гдѣ сказано, что такой-то отдалъ или продалъ землю для уплаты той суммы, къ которой былъ приговоренъ [1].

Ссылались еще на то, что въ Салической Правдѣ нѣтъ ни одного постановленія относительно продажи земли; отсюда быстро дѣлали выводъ, что Франки вообще не имѣли права продавать землю, то-есть, что она была общинною. Это также черезчуръ смѣлое заключеніе. Всѣмъ извѣстно, что Салическая Правда, въ ея шестидесяти пяти короткихъ главахъ, — очень неполный сводъ. Кромѣ постановленій о продажахъ, въ ней недостаетъ многаго и другого. Если въ Салической Правдѣ пропущено упоминаніе о продажѣ, зато въ ней говорится о наслѣдствахъ; она опредѣленно указываетъ, что земля переходила отъ отца къ сыну [2], составляла предметъ наслѣдованія и, за неимѣніемъ сына, передавалась боковымъ родичамъ. Можетъ ли быть болѣе ясное доказательство существованія земель-

[1] Въ сборникѣ формулъ *Rozière* см. 241, 242, 243, 244. Ср. въ *Diplomata*, № 177, т. I, стр. 132—Charta Theodechildis, гдѣ нѣкимъ Вастиломъ была отдана земля «pro redemptione animae suae», то-есть, за выкупъ своей жизни, въ качествѣ мировыхъ денегъ.

[2] Это неизбѣжно вытекаетъ изъ первыхъ словъ 59-й главы *De alodibus*: «Si quis mortuus fuerit et filios non dimiserit». Составитель не даетъ себѣ труда сказать, что сынъ наслѣдуетъ; онъ говоритъ только, кто наслѣдуетъ за неимѣніемъ сына.

ной собственности? Въ текстѣ Правды никогда не говорится, чтобы какой-нибудь человѣкъ владѣлъ землею одинъ годъ; не говорится, чтобы онъ владѣлъ ею и пожизненно; говорится, что, если владѣлецъ умираетъ, земля принадлежитъ его дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ.

Порядокъ наслѣдованія у Франковъ не вполнѣ одинаковъ съ тѣмъ, который господствовалъ въ римскомъ правѣ. Движимое имущество дѣлилось между всѣми дѣтьми безъ различія пола, земельное же имущество только между сыновьями или боковыми родственниками мужескаго пола. Дочери, сестры и племянницы были исключены изъ наслѣдованія землею [1]. Если мы хотимъ

[1] *Lex Salica*, 59: «De terra, nulla in muliere hereditas non pertinebit, sed ad virilem sexum tota terra pertineat».—Таково чтеніе парижскихъ рукописей 4404 и 9653 и еще вольфенбюттельской и мюнхенской, которыя вмѣстѣ съ сенъ-галленской—самыя древнія. Почти во всѣхъ другихъ стоитъ: «de terra salica». Объ этомъ текстѣ много спорили и разсуждали. Касается ли онъ всей земли Салійца или только усадьбы (*sala*)? Высказывались всякія гипотезы, допускались безплодныя умствованія. Между тѣмъ, достаточно было ближе приглядѣться къ двумъ короткимъ строкамъ, изъ которыхъ состоитъ вся статья, чтобы замѣтить, что въ первой называется *terra salica*, во второй то же самое обозначается—какъ *tota terra*. Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописяхъ говорится: «Ad virilem sexum tota terra pertineat», или «virilis sexus totam terram proprietatis suae possideat», или «ad virilem sexum tota proprietas perveniat» (Par. 4409), или «ad virilem sexum tota terra hereditatis», или «tota terrae hereditas perveniat». Такимъ образомъ, *tota* находится во всѣхъ рукописяхъ; это, стало быть, важное слово, разъ оно не пропускается ни въ одной изъ нихъ. Рѣчь идетъ, значитъ, не о маленькомъ участкѣ земли, окружавшемъ *sala*, но обо всей

найти смыслъ этого правила, надо представить себѣ прежде всего, что оно практиковалось не у однихъ Франковъ; оно встрѣчается и у Бургундовъ [1]. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что оно не явилось слѣдствіемъ завоеванія; оно существовало и у другихъ германскихъ племенъ, которыя не совершали завоеваній,—у Аламанновъ и Баваровъ, у Тюринговъ и Саксовъ [2]. Это, стало быть, старый порядокъ древней Германіи. Онъ не присущъ даже спеціально германской расѣ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его во многихъ древнихъ обществахъ, напримѣръ, въ древне-греческомъ правѣ. Повсюду онъ связанъ съ тѣмъ очень древнимъ представленіемъ о правѣ собственности на землю, по которому считалось, что земля нераздѣльно должна оставаться въ одномъ роду. Дочь не получала части по той причинѣ, что, выходя замужъ, она перенесла бы свою часть въ чужой родъ. Таковъ смыслъ LIX-й главы Салической Правды, XIV-й главы Бургундской, LVIII-й главы Аламаннской и XXXIV-й главы Правды Тюринговъ. Нѣкоторые ученые высказывали предположеніе, что отрицая право дочери владѣть землею, Франкская Правда стремилась связать это владѣніе съ достоинствомъ воина. Но въ текстѣ не устанавливается ничего подоб-

землѣ, составлявшей наслѣдство. Всякое затрудненіе устраняется, впрочемъ, тѣмъ, что одна формула изъ сборника Маркульфа (II, 12), намекая, очевидно, на это правило, выражается такъ: «Ut de terra paterna sorores cum fratribus portionem non habeant».

[1] *Lex Burgundionum*, XIV.

[2] *Lex Baiuwariorum*, XV.—*Lex Alamannorum*, LVII.—*Lex Angliorum et Verinorum*, XXXIV.—*Lex Saxonum*, XLI.

наго. Предпочтеніе отдается не воину надъ земледѣльцемъ, а мужскому полу надъ женскимъ, *ad virilem sexum tota terra pertineat*. Въ Салической Правдѣ никогда не говорится о земляхъ, принадлежащихъ спеціально воинамъ. Мы съ удивленіемъ даже замѣчаемъ, что въ Правдѣ вообще никогда не говорится о воинахъ—очевидно, она была написана для населенія, предававшагося земледѣльческому труду.

Въ слѣдующихъ частяхъ настоящаго сочиненія намъ придется заняться бенефиціальнымъ владѣніемъ. Скажемъ теперь же, что въ Салической Правдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ его признаковъ. Люди, редактировавшіе этотъ законъ, не знали, повидимому, бенефицiевъ.

Правда Рипуарскихъ Франковъ также не знаетъ ни общиннаго владѣнія, ни бенефиціальнаго, ни земель, которыми спеціально надѣлены были воины. Этому своду извѣстна только земля, составлявшая частную собственность, настоящую полную собственность. Земельныя имущества были наслѣдственны; за смертью владѣльца они переходили законнымъ образомъ къ его сыновьямъ или къ боковымъ его родственникамъ [1]. Землю можно было продать, и въ Правдѣ идетъ рѣчь о формальностяхъ, необходимыхъ при продажѣ недвижимыхъ имуществъ: «Если кто покупаетъ у другого виллу, или виноградникъ, или небольшую землю, и если не можетъ быть составленъ писанный актъ, то необходимо присутствіе шести свидѣтелей на томъ самомъ мѣстѣ, которое подлежитъ отчужде-

[1] *Lex Ripuaria*, LVI: «Si quis absque liberis defunctus fuerit... frater et soror succedant... sed cum virilis sexus exstiterit, femina in hereditatem aviaticam non succedat».

нію [1]. Дальше законъ напоминаетъ, вѣроятно, древній обычай: со свидѣтелями приводили нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ больно били для того, чтобы они всю жизнь помнили о совершенной продажѣ и позднѣе, когда надо, могли бы свидѣтельствовать о ней [2].

Право собственности полнѣйшимъ образомъ установлено въ бургундскомъ сводѣ. Нигдѣ нѣтъ тамъ рѣчи о земляхъ, которыя принадлежали бы коллективно всему народу, или хотя бы о земляхъ сельской общины [3]. Оттуда видно, что хлѣбное поле, виноградникъ и даже лугъ всегда имѣли владѣльцевъ [4].

[1] *Ibidem*, LX: «Si quis villam aut vineam vel quamlibet possessiunculam ab alio comparaverit, et testamentum accipere non potuerit... cum sex testibus ad locum traditionis accedat et pretium tradat et possessionem accipiat».

[2] «Unicuique de parvulis alapas donet et torqueat auriculas, ut ei in postmodum testimonium praebeant».

[3] Въ XIII-й главѣ мы находимъ упоминаніе о лѣсѣ, который находился въ совмѣстномъ владѣніи двухъ человѣкъ; въ законѣ сказано, что одинъ изъ нихъ имѣлъ право производить въ этомъ лѣсу расчистки новины, вознаграждая должнымъ образомъ совладѣльца. Точно также и въ XXXI главѣ мы видимъ двухъ человѣкъ, сообща владѣющихъ полемъ, и законъ разрѣшаетъ одному изъ нихъ насадить на немъ виноградникъ при соблюденіи извѣстныхъ условій. Мауреръ, предубѣжденный умъ котораго всюду усматривалъ общину, былъ вовлеченъ на основаніи этихъ двухъ текстовъ, въ самыя грубыя заблужденія, а французскіе изслѣдователи—*Garsonnet, Viollet* и *Glasson*, къ сожалѣнію, повторяли его ошибки. Слѣдовало точно прочитать оба текста: совмѣстное владѣніе двухъ человѣкъ они тогда не приняли бы за сельскую общину.

[4] *Lex Burgundionum*, XXVII, 4: «Dominus messis»; XXXIX, 3: «Si, inconscio domino veniens...» Ср. additamentum, I, 2, 3: «Dominus vineae».

Лѣса равнымъ образомъ составляли предметъ частной собственности. Законъ разрѣшаетъ «неимѣющему лѣса» брать хворостъ въ лѣсу «другого». Значитъ, лѣса не были общими [1]. Разрѣшеніе, которое давалось всѣмъ, брать сушь, не составляетъ доказательства, что лѣсъ принадлежалъ всѣмъ сообща. Тотъ же самый законъ налагаетъ большой штрафъ на того, «кто безъ разрѣшенія собственника рубитъ въ чужомъ лѣсу живыя деревья» [2]. Мы должны здѣсь опять отмѣтить, что штрафъ этотъ уплачивался «владѣльцу лѣса». Итакъ Бургундская Правда высказываетъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что лѣсъ принадлежалъ собственнику, *dominus silvae*. Тѣ, кто говоритъ, что Германцы оставили лѣса въ общинной собственности, утверждаютъ противное тому, что констатируется въ германскихъ же документахъ.

Въ Вестготской Правдѣ мы также видимъ людей, которые были собственниками виноградниковъ, полей, луговъ, даже лѣсовъ [1]. Земля была и тамъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, и цѣлая глава устанавливаетъ правила о раздѣлѣ земельныхъ имуществъ между сонаслѣдниками. То же самое находимъ мы еще и въ лонгобардскомъ правѣ; въ немъ также упоминается о собственности на землю, даже на лѣса [2] и оно показываетъ, что собственникъ могъ дѣлать съ своей землею все, что хотѣлъ, продавать и дарить ее, отдавать въ аренду [3]. По Аламаннской Правдѣ земля была предметомъ «вѣчнаго владѣнія» [4]; она была наслѣдственна, и ее можно было дарить и продавать. Мы читаемъ въ Баварской Правдѣ: «Если у двухъ человѣкъ идетъ споръ за землю, и одинъ изъ нихъ говоритъ: предки мои владѣли ею и оставили ее мнѣ въ наслѣдство, а другой также говоритъ: она принадлежала моимъ предкамъ, то споръ будетъ разрѣшенъ путемъ судебнаго поединка [5]. Очевидно, что здѣсь

[1] *Ibidem*, XXVIII, Pertz, 545: «Si quis Burgundio aut Romanus silvam non habet, incidendi ligna ad usus suos de iacentivis et sine fructu arboribus in cuiuslibet silva habeat potestatem, neque ab illo cuius est silva repellatur». — Выраженія — *in cuiuslibet silva, ille cuius est silva* указываютъ на то, что лѣсъ былъ собственностью человѣка, а выраженіе—*si quis silvam non habet* указываетъ на то, что лѣсъ не принадлежалъ всѣмъ сообща.— Замѣтьте слова—*arbores iacentes, arbores sine fructu*; любопытно уже въ Бургундской Правдѣ найти правила относительно пользованія поваленнымъ деревомъ и хворостомъ, которыя мы увидимъ въ средніе вѣка. Въ Правдѣ добавлено, что сосны и дубы—всегда живое дерево, и что брать ихъ нельзя.

[2] *Lex Burgundionum*: «Si vero arborem fructiferam in aliena silva, non permittente *domino*, inciderit, per singulos arbores singulos solidos *domino* silvae inferat».

[1] *Lex Wisigothorum*, VIII, 3, 15; VIII, 5, 1; VIII, 4, 27: «Silvae dominus; is cuius pascua sunt».

[2] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 240: «Si quis signa nova in silva alterius fecerit, componat 40 solidos... ei cui silva fuerit».

[3] *Ibidem*, Rotharis, 173: «Terram cum mancipiis aut sine mancipiis vendere».—Liutprand, 116: «Si quis commutaverit terram arvam aut pratum aut silvam».—Rotharis, 227: «De emptionibus et venditionibus: si quis comparaverit terram».—Luitprand. 92. «Si quis in terra aliena residens libellario nomine...»

[4] *Lex Alamannorum*, 1, ed. Lehmann, 64: «Proprietas in perpetuo permaneat».—81 (84), p. 147: «Quia contra proprietatem contradixerunt, componant 12 solidos».

[5] *Lex Bauiwariorum*, XII, 8: «Iste dicit: Huiusque antecessores mei tenuerunt et in alodem mihi reliquerunt; alter vero suorum antecessorum semper fuisse asserit».—Мы увидимъ скоро, что *alodis* не имѣло другого значенія, какъ наслѣдство.

обнаруживается наслѣдственное право, существующее въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній людей. Право собственности распространялось на лѣса и на пастбища такъ же, какъ на пахотныя земли, потому, что въ этомъ сводѣ установлены формальности продажи. «Если кто-нибудь продаетъ землю, воздѣланную или невоздѣланную—луга либо лѣса, то продажа должна быть совершена, или письменно, или передъ свидѣтелями [1]. Въ Правдѣ Тюринговъ земля переходитъ отъ отца къ сыну. Въ Правдѣ Саксовъ также санкціонируется право частной собственности; мы видимъ, что земля передается тамъ по завѣщанію и продается.

Внѣшнимъ признакомъ, по которому можно было узнать земельную собственность, былъ въ древности обычай огораживать ее и ставить межевые знаки. Обычай этотъ практиковался у Римлянъ и спеціально въ римской Галліи. Мы находимъ его и въ германскихъ законахъ. Салическая Правда строго наказывала за поломку «окружавшаго хлѣбное поле плетня» [2]. Рипуарская Правда также наказывала человѣка, «вынувшаго изъ плетня нѣсколько сучьевъ и образовавшаго въ немъ отверстіе, хотя бы только для того, чтобы устроить себѣ проходъ въ поле» [3]. Въ томъ же сводѣ упомянуты окружавшія каждое владѣніе межи [1]. Бургундскій сводъ постановляетъ, что человѣкъ, сломавшій изгородь, платитъ владѣльцу поля третью часть солида [2]. Въ Вестготской Правдѣ сказано такъ: «Мы повелѣваемъ, чтобы старыя межи сохранялись въ томъ видѣ, какъ онѣ были проведены въ древности, и запрещаемъ уничтожать ихъ [3]. Тѣ же правила находятся въ указѣ Теодериха и въ лонгобардскихъ законахъ [4]. Эти межи и пограничные знаки очень походятъ на римскіе. Баварская Правда опредѣляетъ ихъ такъ: «Это—небольшое возвышеніе земли, *agger terrae*, съ давнихъ поръ окружающее помѣстье, чтобы обозначить его границы, или же это—врытые въ землю камни съ высѣченными на нихъ извѣстными знаками» [5]! Въ дру-

[1] *Ibidem*, XVI, 2, Pertz, p. 321: «Si quis vendiderit terram cultam, non cultam, prata, silvas, aut per chartam aut per testes comprobetur emptio».

[2] *Lex Salica* (вольфенбюттельская рукопись), IX, 8: «Si sepem alienam aperuerit et in messem pecora miserit».—*Lex Salica*, XXXIV: «Si tres virgas unde sepis ligatur capulaverit... Si quis per alienam messem, postquam levaverit erpicem, traxerit aut cum carro transversaverit...»

[3] *Lex Ripuaria*, XLIII: «Si quis tres virgas, unde sepis ligatur, vel retorta, unde sepis continetur, capulaverit, aut tres cambortos involaverit, seu in clausura aliena tracum fecerit, 15 solidos multcetur».—Въ текстѣ B добавлено: «traugum ad transeundum».

[1] *Ibidem*, XXXIV, 4: «Si infra terminationem aliqua indicia... seu butinae aut mutuli facta exstiterint».

[2] *Lex Burgundionum*, XXVII: «Si quis sepem alienam ruperit illi cuius messis est per singulos palos singulos tremisses solvat».—LV, 3: «Terminum si ingenuus evellere aut confringere praesumpserit, manus incisione damnetur; si servus hoc fecerit, occidatur».

[3] *Lex Wisigothorum*, X, 3, 1: «Antiquos terminos et limites sic stare iubemus sicut antiquitus videntur esse constructi... Quoties de terminis videtur orta contentio, signa, quae antiquitus constituta sunt oportet inquiri».

[4] *Edictum Theodorici*, 104.—*Lex Longobardorum*, Rotharis, 236—240: «Si quis terminum antiquum exterminaverit, solidos 80». Даже въ лѣсахъ были обозначены границы: «Si quis signa nova in silva alterius fecerit, componat solidos 80».

[5] *Lex Bauiwariorum*, XII, 6, Pertz, p. 312: «Quoties de terminis fuerit orta contentio, signa, quae antiquitus constituta sunt, oportet inquirere, id est, aggerem terrae, quem propter fines fundorum antiquitus apparuerit, fuisse ingestum, lapides etiam, quos

*

гихъ случаяхъ, это были деревья, на которыхъ дѣлались условныя нарѣзки [1]. Рипуарская Правда обозначаетъ границы помѣстій тѣми же названіями, какія имъ давали старые римскіе землемѣры [2].

Ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ сводовъ не содержитъ въ себѣ ни одного слова объ общинномъ владѣніи землями. Въ нихъ попадается два-три раза упоминаніе о земляхъ, которыми нераздѣльно владѣютъ два или три человѣка [3], потому что они были сонаслѣдниками, или вмѣстѣ купили помѣстье, или по другой причинѣ. Но то было временное и добровольное совладѣніе, которое при желаніи могло немедленно прекратиться. Иногда говорится также объ общихъ лѣсахъ или пастбищахъ, но при этомъ всегда указано, что такія лѣса или пастбища примы-

propter indicium terminorum notis sculptis constiterit esse defixos». Надо замѣтить, что та же статья повторяется и въ Вестготской Правдѣ.

[1] *Lex Longobardorum,* Rotharis, 238, De arbore signato: «Si quis arborem, ubi tectatura inter fines decernendas signata est, inciderit, 80 solidos».

[2] *Lex Ripuaria,* XXXIV, 4: «Si aliqua indicia... seu butinae aut mutuli».—Слово *butinae* представляетъ измѣненное *botontini,* которое встрѣчается у *Gromatici veteres,* ed. Lachmann, p. 280, 308, 315, 324, 341, 361.—*Mutuli* находится въ *Lex parieti faciundo* см. *Corp. inscr. lat.* X, 1781.

[3] Это видно, напримѣръ, въ XXXI главѣ Бургундской Правды: «Quicumque in communi campo vineam plantaverit, similem campum restituat illi, in cuius campo vineam plantavit».—Ясно видно, что два человѣка владѣютъ тутъ полемъ сообща, что одинъ изъ нихъ хочетъ насадить тамъ виноградъ и имѣетъ право на это благодаря тому, что равное пространство поля онъ оставляетъ въ собственность тому, кому поле принадлежитъ такъ же, какъ и ему.

кали къ составлявшимъ частную собственность полямъ и принадлежали совмѣстно владѣльцамъ этихъ полей. Только послѣдніе имѣли право пользоваться этими лѣсами или лугами, и каждый пропорціонально пространству составлявшихъ частную его собственность полей [1]. Такого рода нераздѣльность владѣнія лѣсомъ или нѣкоторыми пастбищами была фактомъ, довольно часто встрѣчавшимся въ римскомъ обществѣ [2]. Въ немъ не было ничего похожаго на систему полной общности земель; она была, наоборотъ, дополненіемъ частной собственности. Мы можемъ также думать, что были лѣса, сообща принадлежавшіе группѣ людей [3].

[1] *Lex Burgundionum*, LXVII, Pertz, p. 561: «Quicumque agrum aut colonicas tenent, secundum terrarum modum vel possessionis suae ratam, sic silvam inter se noverint dividendam».

[2] См. *Frontin.* De controversiis agrorum, ed. Lachmann, p. 15 и комментарій *Aggen. Urbici*: «Propretea (silvarum) proprietas, ad quos fundos pertinere debeat, disputatur. Est et pascuorum proprietas pertinens ad fundos, sed in commune».—*Ibidem*, p. 48: «Sunt plerumque agri culti, qui habent in monte plagas silvarum determinatas».—См. также *Lex romana Burgundionum*, XVII, 4: «Silvarum, montium et pascui ius, ut unicuique pro rata possessionis suppetit, ius esse commune».

[3] *Lex Ripuaria*, LXXVI: «Si quis Ribuarius in silva communi seu regis vel alicuius locata materiamina vel ligna finata abstulerit, 15 solidos». — Нѣкоторые поняли **communi seu regis**, какъ одно понятіе, выраженное двумя терминами, такъ какъ общественный лѣсъ былъ, по ихъ мнѣнію, то же самое, что королевскій. Я замѣчу на это слѣдующее: 1) ни въ одномъ документѣ королевскіе лѣса не называются общественными; 2) слово **communis** никогда, ни въ одномъ документѣ того времени не является синонимомъ съ **publicus**; 3) союзъ **seu** различаетъ, мнѣ кажется, какъ двѣ особыя вещи, лѣсъ, который могъ быть общимъ, и другой лѣсъ, принадлежавшій королю. Мы не находимъ, впрочемъ, никакого объясненія относительно общественныхъ лѣсовъ; вѣ-

Это и даетъ понять Рипуарская Правда, говоря, что лѣсъ могъ быть «или общимъ, или онъ могъ принадлежать королю, или отдѣльному частному лицу». Итакъ, существовало три категоріи лѣсовъ; но въ той же статьѣ ясно показано, что подъ «общимъ лѣсомъ» не слѣдуетъ подразумѣвать лѣса, принадлежавшаго всему народу, такъ какъ цѣлью этой статьи было именно наказать большимъ штрафомъ того Рипуарца, который сталъ бы въ немъ брать дрова. Во всякомъ случаѣ ясно, что если могли существовать нѣкоторые общіе лѣса, то большая часть лѣсовъ не была общею, и предполагать заодно съ нѣкоторыми современными учеными, что всякій лѣсъ принадлежалъ въ изучаемой системѣ владѣнія всѣмъ, и что лѣса не могли быть предметомъ частной собственности—было бы большой ошибкой. Такое мнѣніе опровергается всѣми документами. Въ одномъ меровингскомъ капитуляріи говорится о лѣсахъ, «принадлежащихъ церквамъ или частнымъ лицамъ», и въ немъ объявляется, что «безъ желанія владѣльца» въ эти лѣса не могутъ войти чиновники самого короля [1].

Ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ сводовъ не указана ни общность пахотныхъ земель, ни общность лѣсовъ. Въ нихъ нѣтъ ни одной строки, которая служила бы воспоминаніемъ о такомъ порядкѣ или намекала бы на него. Самое понятіе объ общинѣ было,

роятнѣе всего, что рѣчь идетъ тутъ о лѣсѣ, нераздѣльно принадлежавшемъ группѣ людей, быть можетъ, нѣсколькимъ помѣстьямъ, среди которыхъ онъ былъ расположенъ.

[1] *Edictum Chlotarii,* c. 21, Boretius, p. 23: «Porcarii fiscales in silvas ecclesiarum aut privatorum absque voluntate possessoris ingredi non praesumant».

повидимому, чуждо людямъ той эпохи, такъ какъ нигдѣ оно не было высказано составителями этихъ сводовъ.

Въ итогѣ, если мы посмотримъ на римскіе законы, которые были составлены по приказу германскихъ королей, то въ области земельной собственности они совершенно похожи на изданные римскими императорами законы. Если мы посмотримъ на германскіе законы, то они отличаются отъ римскихъ въ одномъ только пунктѣ—въ исключеніи дочерей изъ наслѣдованія землею. Во всемъ остальномъ землевладѣніе подчинено было у нихъ однимъ и тѣмъ же правиламъ. Повсюду видимъ мы, что земля принадлежала отдѣльному собственнику, видимъ обнесенное изгородью и укрѣпленное межою помѣстье, видимъ наслѣдованіе земли, ея свободную продажу и пожалованье. Все это противоположно и общинной, и бенефиціальной системѣ владѣнія.

2.

Право земельной собственности по грамотамъ.

Рядомъ съ текстами законовъ надо разсмотрѣть и памятники правовой практики, ибо какъ часто бываетъ въ исторіи, возможно, что и здѣсь дѣйствительное положеніе вещей не соотвѣтствовало законному порядку. Памятниковъ практики сохранилось много. Отъ меровингской эпохи у насъ есть около трехъ сотъ грамотъ [1]. Это—акты продажи, пожалова-

[1] *Diplomata, chartae*, ed. Pardessus, 2 тома in-fol. 1842, 1849.

нія, завѣщанія. Въ ту эпоху очень много писали. Обычай составленія писанныхъ документовъ, утвердившійся во время имперіи, сохранился и въ франкскомъ королевствѣ для всѣхъ важныхъ случаевъ частной жизни и въ особенности при передачѣ собственности. Обычай этотъ одинаково практиковался какъ людьми франкскаго происхожденія, такъ и людьми римскаго[1]. Акты составлялись обыкновенно спеціалистами, которыхъ называли обыкновенно *notarii*; они могли принадлежать къ обѣимъ расамъ безъ различія, и они всѣ безъ различія писали ихъ для обѣихъ расъ по-латыни [2], такъ какъ это былъ единственный письменный языкъ. Акты совершались предъ свидѣтелями;

[1] Бургундская Правда говоритъ о *scripturae legitimae*, то-есть, о согласныхъ съ закономъ актахъ, которые писалъ *barbarus*, то-есть, Бургундъ, желая завѣщать или дарить (*Lex Burgund.* LX, Pertz, p. 560).—Рипуарская Правда упоминаетъ *instrumenta chartarum* или *tabularum*, писавшіяся при назначеніи приданаго (tit. XXXVII, B. XXXIX), при освобожденіи раба въ церкви (гл. LVIII), при освобожденіи посредствомъ динарія (LVII), при завѣщаніи (XLVIII) и продажѣ (LIX, LX).—Салическая Правда упоминаетъ только тѣ писанные акты, которые касаются короля (XIV, 4), но у насъ есть много грамотъ, написанныхъ, согласно «Салической Правдѣ».—Въ формулахъ можно видѣть, что глава семьи обыкновенно хранитъ у себя собраніе актовъ, *venditionnes, dotes, compositionales, pacta, commutationes, convenientiae, securitates, iudicia, notitiae* (см. *Andegavenses*, 31; 33; *Turonenses*, 27; 28; *Marculf.* I, 33; 34; *Senonicae*, 46.—Rozière, №№ 403—413).

[2] *Testamentum Bertramni*, у Pardessus, № 230, p. 197: «Testamentum meum condidi, Ebbonen notarium scribere rogavi».—*Marculf.* II, 17: «Testamentum nostrum condidimus, quem illi notario scribendum commisimus».—*Testamentum Burgundofarae*, Pardessus, t. II, p. 16: «Accersito Waldone notario».

какъ Франки, такъ и Римляне, проставляли на нихъ согласно римскому правилу свои имена, и акты часто складывались въ городскіе архивы и вносились въ муниципальные списки [1].

Дѣльцы, которыхъ было тогда, можетъ быть, не меньше, чѣмъ во времена имперіи, держали у себя, какъ и теперешніе наши нотаріусы, сборники готовыхъ формулъ для каждаго рода актовъ; имъ оставалось только списывать ихъ, вставляя имена лицъ и указаніе мѣста. До насъ дошло нѣсколько такихъ любопытныхъ сборниковъ, и они даютъ намъ болѣе четырехъ сотъ формулъ, служившихъ образцами для множества реальныхъ актовъ меровингской эпохи [2].

Всѣ эти документы—подлинные свидѣтели обычаевъ и практики людей шестого и седьмого вѣковъ, показываютъ намъ право собственности такъ же ясно сознаннымъ и такъ же вполнѣ примѣнявшимся, какъ во время Римской имперіи. Ни одна изъ этихъ трехъ сотъ грамотъ и ни одна изъ четырехъ сотъ формулъ не содержитъ ни строчки, которая прямо касалась бы общинности земель или хотя бы могла примѣняться къ общинной системѣ владѣнія. Всѣ грамоты и всѣ формулы безъ исключенія касаются

[1] *Marculf.* II, 17: «In gestis municipalibus».—*Testamentum Bertramni*, in fine: «Testamentum meum gestis municipalibus faciat alligari».—*Charta Leodebodi* (написанная въ 667 году и переписанная въ Gesta municipalia города Орлеана, Pardessus, t. II, p. 145).—Относительно процедуры, касающейся включенія актовъ въ муниципальные списки съ разрѣшенія *defensor* и *ordo curiae* см. слѣдующія формулы: *Arvernenses*, 1, 2; *Turonenses*, 20; *Marculf.* II, 37; *Andegavenses*, 1; *Senonicae*, 39.

[2] Сборникъ *Rozière*, 3 т. 1859; сборникъ *Zeumer*, 1882.

актовъ, относящихся къ частному владѣнію. Всѣ они имѣютъ отношеніе къ продажѣ, пожалованію, завѣщанію и во всѣхъ вопросъ идетъ о земельныхъ имуществахъ. Ихъ нельзя прочитать безъ того, чтобы не прійти къ убѣжденію, что право земельной собственности осталось такимъ же какимъ оно было раньше, безъ измѣненія и ограниченія. Въ формулахъ и грамотахъ право это опредѣлено очень ясно: это «право имѣть, владѣть, продавать и дарить, мѣнять, оставлять своимъ дѣтямъ и завѣщать кому угодно, совершенно свободно, вообще дѣлать со своей землей все, что угодно» [1]. Римское право высказывалось болѣе кратко, но не болѣе сильно. Идея вѣчности владѣнія всегда выражена въ актахъ. Въ нихъ пишутъ: я продаю или дарю тебѣ навсегда; или же: я завѣщаю тебѣ эту землю такъ, чтобы ты и твое потомство всегда владѣли ею [2]. Надо замѣтить, что тѣ же самыя выраже-

[1] См. какъ выражается въ формулахъ продавецъ или даритель. *Formulae Andegavenses*, 34: «Habeat, teneat, possideat, faciat, quod voluerit».—37: «Hoc est habendi, tenendi, commutandi, posteris tuis vel ubi tua decreverit voluntas relinquendi».—*Turonenses*, 21: «Ut quidquid exinde facere volueris, liberam et firmissimam habeas potestatem». 27: «Teneat, possideat suisque posteris aut cuicunque voluerit relinquat».—«*Marculf*. II, 6: «Habendi, tenendi, vel quidquid exinde elegerint faciendi liberam in omnibus habeant potestatem».—*Idem*, II, 20, 22, 23.—*Senonicae*, 2, 5, 23, 25, 29, 45.—*Bignonianae*, 4, 12, 17, 18, 19, 20: «Hoc habeatis, teneatis, possideatis, tam vos quam successores vestri».—*Merkelianae*, 9, 10: «Ut villam ab hac die habeat, teneat, possideat suisque heredibus aut cui voluerit relinquat». — Такія формулы повторяются во всѣхъ грамотахъ.

[2] *Testamentum Bertramni*: «Ut perpetualiter possideat».—*Andegavenses*, 37: «Perpetualiter tradimus ad possidendum».

нія повторяются во всѣхъ сборникахъ формулъ и въ грамотахъ изъ всѣхъ областей Галліи безъ различія, съ Рейна и Шельды такъ же, какъ съ Луары и Роны. Существуетъ, конечно, нѣсколько грамотъ, гдѣ подобныя длинныя выраженія пропущены или сокращены. Но нѣтъ ни одной, гдѣ встрѣтилось бы выраженіе, противорѣчащее имъ. Мы разслѣдовали, не обнаруживаютъ ли тѣ формулы или грамоты, въ которыхъ указанные термины не перечислены всѣ одинъ за другимъ, другой типъ владѣнія. Но оказывается вовсе не такъ; даже тѣ формулы, гдѣ приведенныя опредѣленія пропущены или сокращены, имѣютъ, очевидно, такой же смыслъ, какъ остальныя Мы увидимъ позднѣе формулы, предметомъ которыхъ было пожалованье земли въ бенефицій, но можно засвидѣтельствовать, что даже эти формулы начинались съ объявленія полнаго права собственности [1].

Мы должны разсмотрѣть термины, употреблявшіеся въ меровингскомъ языкѣ для обозначенія собственности на землю; они отличаются замѣчательною силою.

1) Ее называли *proprietas* [2], словомъ, существовавшимъ уже въ языкѣ имперіи; говорили—*ius proprrietarium* [3],

[1] См., напримѣръ, *Marculf*. II, 41; *Turonenses*, 7; Rozière, 326 и 329.

[2] *Greg. Tur*. Hist. IV, 12: «Proprietatem aliquam possidebat».—Овернскій соборъ 535 года, у Sirmond, I, 245 — 246: «Ut quisque suam proprietatem possidens».—*Marculf*. II, 40 и 41.

[3] «Iure proprietario», *Formulae Turonenses*, 1 и 4; *Marculf*. II, 36. Говорилось также «iure proprio»: см. *Andegavenses*, 46.—«Proprieta tis iure» (*Linlenbrogianae*, 12).—«Proprietatis titulum» (*Marculf*. II. 1, in fine).—«Ex proprietate parentum» (*Ibid*. II, 17).—«Super proprietatem suam monasterium aedicaverit» (*Marculf*. 1, 2).—*Charta Leodebodi*, Pardessus, № 358: «Iure perpetuo ac proprie

часто попадалось выраженіе *villa proprietatis meae* [1] и въ томъ же смыслѣ— *villa iuris mei*, что также было римскимъ выраженіемъ [2].

2) Въ томъ же значеніи употреблялся терминъ *possessio*; извѣстно, что со времени имперіи первоначальное спеціальное значеніе этого стараго термина исчезло; своды законовъ и писатели четвертаго вѣка употребляли его только въ смыслѣ полной собственности; другого значенія онъ не имѣлъ и въ меровингскомъ языкѣ. Между *possessor* и *dominus* тогда не дѣлали никакой разницы [3].

tario possideat».—*Codex Fuldensis*, 99: «Ius proprietatis».—*Ibid*. 111: «Quidquid proprietatis habeo». 137: «Ad meam proprietatem pertinet».—*Codex Laureshamensis*, 14: «Ius proprietarium». — 24: «Proprietatis iure».

¹ «Villam proprietatis meae», *Turonenses*, 35.—«Terram proprietatis meae», *Andegavenses*. 27.—«Locum proprietatis meae», *Turonenses*, 15, 18, 36.—«Rem proprietatis meae sitam in pago illo», *Senonicae*,—2 и 25;—*Merkelianae*, 9.—*Diplomata*, № 300: «Villam proprietatis meae Iscomodiacum»; то же самое въ №№ 312, 363, 384, 406, 414.

² «Villam iuris mei», *Turonenses*, 1, 4.—*Marculf*. II, 19: «Vendidi campum iuris mei».—*Ibid*. II, 21.—*Diplomata*, 300: «Villam iuris mei, quae vocatur Avesa».—*Codex Laureshamensis*, 25: «Villam iuris nostri».

³ Значеніе *possidere* ясно указано въ *Andegarenses*, 58: «Lex romana edocet, ut quisque de re sua quam possidet faciat quod voluerit».—Въ нѣсколькихъ формулахъ частное лицо даритъ или продаетъ «все, что имѣетъ», «quaecumque mea est possessio». См. *Bitruicenses*, 15a; *Merkelianae*, 16; *Arvernenses*, 1.—Такимъ образомъ со словомъ *possessio* соединялось понятіе о полной собственности. *Gred. Tur.* V, 29: «Possessor de propria terra»; въ другомъ мѣстѣ (IV, 12) тотъ же писатель употребляетъ то слово *possessio*, то *proprietas* для обозначенія одного и того же.—*Diplomata*, № 365: «Partem maximam de possessione nostra... do-

3) Какъ и во времена имперіи, землевладѣлецъ назывался и *possessor*, и *dominus*, безъ различія. Право собственности именовалось иногда *dominium*, какъ и въ древнемъ римскомъ правѣ [1], но чаще мы встрѣчаемъ терминъ *dominatio*, имѣющій совершенно то же значеніе. Въ грамотахъ, формулахъ и хартуляріяхъ ни одно слово не встрѣчается такъ часто, какъ именно это [2]. Стояло ли оно отдѣльно, или сопровождалось такимъ словомъ, какъ *ius*, значеніе его было видно ясно; съ нимъ вовсе не соединялось понятіе о томъ, что мы называемъ властью; оно означало только право

namus». — 404: «In proprietate nostra... quidquid nostrae fuit possessionis». *Codex Fuldensis*, 76: «Quidquid in ipsa villa nostra possessio legitima est».

¹ *Archives nationales*, Tardif, № 15: «Ad suum revocare dominium».—*Diplomata*, № 254: «Cedo vobis ac de meo iure in vestrum dominium transfundo agrum».—*Ibid*. 118: «Tuo iuri dominioque revocabis». Также №№ 332 и 409: «Trado, ut nihil iuri dominii mihi reservem».—То же самое въ рейнской области. *Codex Fuldensis*, 162: «Ut in vestrum transeat dominium»; то же № 221: *Ibidem*, 231: «Ut in vestro permaneant dominio». *Ibidem*, 263.—*Codex Laureshamensis*: «Ut in eius dominio perpetuo permaneat».—*Ibidem*, 27: «In ius et dominium S. Nazarii trado perpetualiter ad possidentum».—*Neugart*, № 204: «In ius et dominum monasterii».—*Idem*, № 579: «In nostrum dominium».—Аріографы также употребляютъ иногда слово *dominium*.—См. *Vita Mauri*, Bouquet, III, 415: «Scripto testamento in eius delegavit dominium».—*Vita Bertilae* (Болландисты, январь, I, 156—157): «Omnia patrimonia, quae eius dominio devenerant post obitum patris».

² Въ этомъ значеніи оно встрѣчается уже у Григорія Турскаго, De gloria martyrum, 78: «Ille rem (рѣчь идетъ о недвижимомъ имуществѣ) in sua dominatione retinuit... Agrum conferam eius dominationi».

частной собственности [1], и встрѣчалось не въ королевскихъ хартiяхъ, а въ грамотахъ частныхъ лицъ. Частный человѣкъ писалъ сотни разъ, что такая земля находится *in sua dominatione* [2], и если онъ совершалъ продажу или пожалованiе, то писалъ, что передаетъ землю *de sua dominatione in dominationem alterius* [3].

[1] Бертрамнъ, говоря о купленныхъ имъ земляхъ, сказалъ въ своемъ завѣщанiи: «In meam dominationem recepi».—*Diplomata*, № 300: «Perpetua dominatione possidendum... ad ius et dominationem Sanctae Mariae revertatur».

[2] *Diplomata*, № 179: «Hanc villam... Leudegisilus et infantes sui in suam reciperent dominationem».—№ 230: «Villa Colonica in dominationem meam pervenit». № 300: «Perpetua dominatione possidendum».—№ 412: «In sua faciat revocare dominatione».—*Ibidem*, t. I, p. 203: «Locella illa in dominationem nostram revocavimus».—Въ Эльзасѣ Лiутфридъ писалъ: «Donamus... villare... quem ex aliquo parentum nostrorum aut undecunque a nostram pervenit dominationem» (*Codex Wissenburgensis*, № 2).—Два акта изъ *monumenta Boica* ясно указываютъ значенiе dominatio; см. № 40, 600 года: «Meam dominationem tam de alode quam de emptione»; № 42: «Possessio vel dominatio tam de alode quam de comparato».—*Codex Laureshamensis*, I, 28: «Mea possessio vel dominatio».

[3] «De iure meo in tuam dominationem transfundo», *Formulae Bignonianae*, № 17 (здѣсь совершается передача имущества отъ отца къ сыну).—«De nostro iure in tua tradimus dominatione», *Arvernenses*, 6 (это даръ другу одного частнаго лица).—*Turonenses*, 21: «Cedo tibi in perpetuum et de meo iure in tua trado dominatione».—*Marculf*. II, 11: «Cedo n perpetuum et de meo ure in tua transfundo dominatione».—*Senonicae*, 23: «De iure meo in iure et dominatione tua transfundo» (это сдѣлка двухъ частныхъ лицъ).—Cp. *Vita Launomari*, 17 (Болландисты, январь II, 597): «Tradidit ei ipsum locum et de iure suo in eius dominationem transfudit».—Въ одной эльзасской грамотѣ одно частное лицо пишетъ (*Zeuss*, № 176): «Quod ex alode parentum aut undecunque ad nostram dominationem pervenit».

Слово это было не болѣе свойственно одной расѣ, чѣмъ другой; оно не употреблялось спецiально о воинахъ; имъ пользовались и по отношенiю къ женщинамъ. Въ одной формулѣ, одно частное лицо уступаетъ землю своей двоюродной сестрѣ *in dominationem suae consobrinae*. Въ другомъ мѣстѣ женихъ назначаетъ приданое *in dominationem suae sponsae* [1]. Можно было бы насчитать тысячи примѣровъ, гдѣ встрѣчается слово *dominatio*, и вездѣ оно обозначаетъ право частной собственности, которымъ пользовались свѣтскiя или духовныя лица, богатые или бѣдные, мужчины или женщины, въ столькихъ грамотахъ ни разу не имѣетъ оно другого значенiя [2]. Очевидно, оно было потомкомъ

[1] *Formulae Bignonianae*, 17: «Dilectissimae consobrinae meae... dono in perpetuum et de iure meo in tua dominatione trado».—*Andegavenses*, 1 c. «Dulcissima sponsa mea... haec omnia in tuo iure et dominatione recipias». -- *Bituricenses*, 15: «Dulcissima sponsa mea, cedo tibi et de meo iure in ius et dominationem tuam trado res proprietatis meas sitas in pago Biturigo». — *Turonenses*, 16: «De iure meo in tua trado potestate vel dominatione».—Въ *Diplomata*, № 361, одна женщина сама пишетъ: «Quidquid ad nostram dominationem pervenit». — Точно также и въ сборникѣ *Beyer*, № 14: «Mea est possessio vel dominatio».

[2] Въ лоршскомъ сборникѣ частныя лица объявляютъ, что дарятъ въ вѣчную собственность, «in proprietatem et dominationem perpetuam concedimus» (I, 212). Мы могли бы привести большое число текстовъ, и они не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ значенiи слова *dominatio*. Одинъ только *Thèvenin* придумалъ для этого слова другое значенiе, чтобы поддержать свою странную теорiю относительно *communia*; но онъ не можетъ указать въ подтвержденiе ея ни одного текста; всѣ тексты безъ исключенiя свидѣтельствуютъ противъ его безусловно вымышленной теорiи.

классическаго выраженія *dominium* [1]. Глаголъ *dominari* также употреблялся для обозначенія владѣнія [2].

4) Право собственности личности на землю обозначалось еще словомъ *potestas*, которое одновременно означало и право владѣльца [3], и предметъ владѣнія: это второе значеніе сохранилось въ средневѣковомъ языкѣ [4]. Всѣ разсмотрѣнные термины встрѣчаются въ нашихъ актахъ; согласно обычаю того времени, они ставились по-двое; мы читаемъ то *ius vel potestas*, то *ius et dominatio*, или въ другихъ мѣстахъ *possessio vel*

[1] Тождественность обоихъ этихъ словъ ясно вытекаетъ изъ слѣдующей фразы: «Supradictum agrum, meo subtracto dominio vestrae dominationi perpetualiter cedo» (*Diplomata*, t. II, p. 11).

[2] *Diplomata*, № 399: «Quidquid monasterium cernitur dominari».—№ 413: «Tenere et dominare».—*Formulae Merkelianae*, 13: «Quieto ordine valeat possidere vel dominare».—*Codex Wissenburgensis*, № 1: «Quidquid visus sum habere vel dominare».—№ 151: «Quidquid in proprium dominari videmur».—*Codex Laureshamensis*, I, 14: «Valeant possidere vel dominari».—Въ *Vita Mauri*, 4, встрѣчается «vineae dominator».

[3] *Marculf*. II, 11: «Cedo tibi et de meo iure in tuam transfundo potestatem».—*Senonicae*, app, 1: «In vestra vevocare potestate».—*Vita Mauri*: «Scripto testamento, tradidit ei omnia et in eius delegavit potestatem».—*Diplomata*, № 238: «Sub iure et potestate Sanctae Mariae». № 232: «Perpetuis temporibus habeant potestatem».—*Neugart*, № 7: «In nostra maneat potestate».—*Codex Fuldensis*, № 159: «In nostra hereditaria potestate».—Существовало также нарѣчіе *potestative* или выраженіе *potestativa manu*, что значило «по праву владѣльца». *Neugart*. № 11: «Dono... manu potestativa». *Ibidem*, №№ 155 и 258. *Codex Fuldensis*. 62:« Manu potestativa».

[4] Капитулярій 864 года, ст. 18: «In fiscum nostrum vel in quamcunque immunitatem aut alicuius potentis potestatem vel proprietatem».

dominatio, *dominatio vel potestas* [1] Подобныя повторенія и сочетанія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ синонимичности данныхъ терминовъ. Очевидно, что на языкѣ того времени между ними не дѣлалось никакого различія.

Надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе. Составлялись ли акты для Римлянъ, которые ссылались на римскій законъ, или они писались для Франковъ, которые цитировали законъ салическій, но выраженія, посредствомъ которыхъ они опредѣляли право собственности и право владѣльца, были совершенно тѣ же. Сравненіе формулъ по этому вопросу приводитъ къ существеннымъ выводамъ. Мы видимъ, напримѣръ, одну формулу по уступкѣ земли въ Турскомъ сборникѣ; она—вполнѣ

[1] *Marculf*. II, 3: «In potestate et dominatione». — *Diplomata*, № 300: «Ad ius et dominationem vestram revocetur possidendum».—*Marculf*. II, 11: «Dominationem et potestatem». — *Formulae Senonicae*, 23: «In iure et dominatione».—*Codex Laureshamensis*, № 12: «In ius et dominationem S. Nasarii trado».—То же самое въ № 15 и слѣд. Ср. № 136: «In proprietatem et dominationem». - *Diplomata*, № 186: «In ius et dominationem basilicae». № 365: «In suo iure vel dominatione». № 399: «Ut eorum maneat possessio vel dominatio».—№ 404: «Monachi in eorum iure, perpetua dominatione, possideant».—*Formulae Turonenses*, 7: «In potestate vel dominatione».—*Lindenbrogianae*, 1: «Quidquid nostra videtur esse mea possessio vel dominatio».—*Senonicae*, 31: «Quamtuncunque videtur esse mea possessio vel dominatio».—*Codex Laureshamensis*, 12: «Mea possessio vel dominatio».—Извѣстно, что въ меровингскомъ языкѣ *vel* никогда почти не было раздѣлительнымъ союзомъ, а имѣло значеніе русскаго «и».—*Codex Fuldensis*, 55: «De meo iure in ius et dominationem ecclesiae transfundo». 174: «Transfundo de meo iure in ius et dominationem ecclesiae».—*Codex Laureshamensis*, 23, 24: «In ius ac dominationem»; 36 «Ex iure et dominatione nostra in ius et dominationem vestram».

римская и начинается съ провозглашенія принципа римскаго права [1]; можно составить съ нею другую въ Линденброгскомъ сборникѣ, относящуюся къ тому же предмету: пожалователь передаетъ въ ней свою землю съ символическими обрядами, которые были, повидимому, франкскаго происхожденія [2]. Обѣ формулы объявляютъ, что владѣніе вѣчно, и что «съ землею этой можно дѣлать все, что угодно» [3]. Въ 40-й формулѣ Анжуйскаго сборника одинъ даритель ссылается на римскій законъ, а другой въ седьмой формулѣ Линденброгскаго сборника—на салическій, и оба дѣлаютъ одинаковаго рода пожалованіе, почти въ одиковыхъ выраженіяхъ [4]. Формулированное въ трехъ текстахъ назначеніе приданаго, «согласно Салической Правдѣ», приводитъ къ тѣмъ же результатамъ относительно земельной собственности, какъ установленіе приданаго въ другихъ трехъ формулахъ «по римскому праву» [5]. Сравните формулы продажи изъ сборника

[1] *Formulae Turonenses*, № 4; Rozière, № 160: «Ut quidquid exinde facere volueris, iure proprietario liberam in omnibus habeas potestatem».

[2] *Formulae Lindenbrogianae*, 6 (у Zeumer, стр. 271): «Dono tibi per festucam atque andelangum... ut ab hac die habeas, teneas atque possideas vel quidquid exinde facere volueris liberam in omnibus habeas potestatem».

[3] Можно также сравнить *Turonensis*, 21, и *Marculf*. II, 11.

[4] *Andegavenses*, 40, Rozière, № 227: «Secundum lege romana».—*Lindenbrogianae*, 7 (Zeumer, стр. 271, Rozière, 228): «Secundum legem Salicam».

[5] Въ сборникѣ *Rozière* ср. №№ 229, 230, 231: «Secundum legem Salicam», съ №№ 219, 220, 221, въ которыхъ ссылаются на Кодексъ Θеодосія и на законы «священнѣйшихъ императоровъ».

Маркульфа и изъ Турскаго сборника: въ обѣихъ продажа даетъ одинаковые результаты [1]. Число такихъ сравненій можно было бы увеличить до безконечности, и изъ нихъ всегда выяснялось бы, что обѣ расы держались тогда одинаковаго представленія о правѣ собственности и одинаково пользовались имъ.

Внимательное изученіе многочисленныхъ грамотъ и формулъ не позволяетъ установить въ данной области никакого различія между обоими народами. Можно испробовать еще одно сравненіе: сблизить акты, составленные *in pago*, то-есть, на мѣстныхъ судахъ, и акты, заключенные *in palatio*, то-есть, передъ королемъ Франковъ; тутъ можно будетъ опять убѣдиться, что въ способахъ примѣненія права собственности не существовало никакой разницы [2]. Одна грамота, составленная въ Токсандріи, то-есть, въ чисто франкской мѣстности, начинается такъ: «Законы и право, равно какъ и обычаи Франковъ разрѣшаютъ каждому дѣлать съ своею собственностью все, что ему заблагоразсудится»; въ силу такого принципа Энгельбертъ даритъ въ постоянное владѣніе свои земли, поля и луга, находившіеся въ Токсандріи [3]. Еще одно лицо

[1] Ср. *Turonenses*, 5, и *Marculf*. II, 19 (Rozière, 267 и 268).

[2] См. напримѣръ, одну формулу, составленную «*in palatio*».—*Marculf*. I, 12; она касается взаимнаго дара между супругами и во всѣхъ отношеніяхъ походитъ на другія формулы такого же содержанія; право земельной собственности тамъ обозначено тѣми же самыми терминами. Ср. также относящіеся къ земельной собственности акты королевскаго суда.

[3] *Diplomata*, ed. Pardessus, № 474: «Leges et iura sinunt et convenientia Francorum est, ut de facultatibus suis quisque quod facere voluerit liberam habeat potestatem. Idcirco ego Engelbertus donare decrevi casatas undecim cum silvis, pratis, campis».

*

въ береговомъ округѣ Вагалѣ и другое въ области Шельды также были земельными собственниками, и они также дарятъ свои помѣстья въ вѣчное владѣніе [1]. Разсмотрите имѣющіяся у насъ эльзасскія грамоты: всѣ онѣ написаны людьми, которые были полными собственниками, и они передавали свою собственность путемъ продажи, дара или обмѣна [2].

3.

Владѣніе лѣсами, проточными водами и мельницами.

Слѣдуетъ еще спросить себя, ко всякаго ли рода землямъ прилагалось право собственности, такъ полно и ясно выраженное въ грамотахъ, или же были такія земли, какъ, положимъ, лѣса и пастбища, которыя оставались въ положеніи незанятой и общинной земли. Грамоты и формулы отвѣчаютъ на такой вопросъ вполнѣ ясно. Дѣйствительно, въ нихъ перечисляются предметы, которые продавались, дарились или передавались по завѣщанію: это были дома, помѣстья, *villae* или *praedia*. *agri*, *curtes*; иногда отчуждалось отдѣльное поле, *campus*, *area* или виноградникъ; то же самое производилось съ лугами, *prata*, и, наконецъ, лѣсами, *silvae*, или пастбищами, *pascua* [1]. Когда передавалось большое помѣстье, то передающій никогда почти не обходился безъ перечисленія различныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состояло, и среди такихъ составныхъ частей всегда находились лѣсъ и пастбище.—«Я продаю или дарю мою виллу, носящую такое-то названіе, со всѣмъ, что она заключаетъ: съ домами, постройками, землями, полями, виноградниками, лугами, лѣсами, пастбищами, рабами, вообще со всѣмъ тѣмъ, что находится въ ея предѣлахъ». Эта фраза повторяется во всѣхъ нашихъ грамотахъ [2]. Отсюда выясняется тотъ

[1] Грамоты 721 и 726 гг. въ *Diplomata*, №№ 519 и 538.

[2] *Codex Laureshamensis*, № 11: «Trado perpetualiter ad possisdendum, ut habeatis ius et potestatem habendi, tenendi, donandi commutandi vel quidquid exinde facere volueritis firmissimam in omnibus habeatis potestatem».—Ср. *Codex Wissenburgensis*, начиная съ первой грамоты и кончая послѣднею. — То же самое видимъ въ хартуляріяхъ Лоршскомъ, Фульдскомъ и Сенгалленскомъ; то же въ сборникахъ *Lacomblet*, *Neugart*, *Meichelbeck*, *Dronke* и *Hontheim*.

[1] *Diplomata*, № 266. — *Formulae Augienses*, B, 13: «Vendo silvam ibi adhaerentem». — *Codex Wissenburgensis*, 4: «Dono hobam cum silva».—*Lacomblet*, № 2: «Dono medietatem hereditatis meae in silva».

[2] *Diplomata*, № 118, *Testamentum Remigii*: «Villas agrosque, quos possideo in solo Portensi, cum pratis, pascuis, silvis, ad te testamenti huius auctoritate revocabis». — *Testamentum Caesarii*, № 139, p. 106: «Dono silvam et agellum Missinianum cum pascuis, paludibus...»—*Diploma Childeberti*, ibidem, № 162: «Villam, cellas cum territoriis, vineis, silvis, pratis, cultis et incultis».—*Ibidem*, № 163: «Villa Isciacus cum agris, vineis, silvis, pratis».—*Charta Theodechildis*, № 177: «Dono villas... cum mansis, domibus, aedificiis; terris cultis et incultis, silvis, pratis, pascuis».—*Testamentum Aredii*, № 180: «Portionem meam de agro Sisciacensi cum aedificiis, agris, silvis, pratis». — *Charta Godini*, № 186: «Donamus villam Albiniacum, casas, aedificia, una cum mansis, campis, pratis, silvis». — *Divisio bonorum*, № 245: «Villas illas cum terris, vineis, silvis, pratis, pascuis». — Такія выраженія безпрестанно повторяются въ формулахъ; напримѣръ, *Andegavenses*, 37: «Transcribimus tibi mansellum nostrum cum domibus, aedificiis, vineis, silvis, pratis, pascuis».—*Marculf*. II, 19: «Vendo villam iuris mei in integritate cum terris, domibus, vineis, silvis, campis, pratis, pascuis».

фактъ, что лѣса не стояли внѣ предѣловъ частныхъ помѣстій, а входили въ ихъ составъ [1]. Очевидно, что они не принадлежали на общинныхъ началахъ группамъ земледѣльческаго населенія, крестьянамъ, такъ какъ послѣднее состояло въ большинствѣ случаевъ изъ рабовъ или колоновъ. Они были собственностью тѣхъ, кто владѣлъ помѣстьями, и эти собственники могли продавать, даже завѣщать ихъ вмѣстѣ съ своими полями и виноградниками.

Можно высказывать предположеніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовали нѣкоторые общинные лѣса. Съ своей стороны, я этого не допускаю, потому что не вижу никакихъ указаній, которыя бы его подтверждали; но я понимаю, что возможно допустить существованіе такого факта въ видѣ исключенія. Тѣ же, кто считаетъ общинное владѣніе лѣсами обычнымъ и нормальнымъ явленіемъ въ изучаемую эпоху, вступаютъ въ противорѣчіе со всѣми документами: въ грамотахъ и формулахъ указаны только частновладѣльческіе лѣса и ни разу не упоминается объ общинныхъ. Лѣса продавались такъ же свободно, какъ другія земельныя имущества [2]. Бертрамнъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ передаетъ лѣса, купленные имъ раньше у Хароарія и у Рахнариха [3]. Передъ

[1] Мы не хотимъ сказать, чтобы совсѣмъ не существовало такихъ большихъ лѣсовъ, особенно на сѣверѣ и на востокѣ страны, которые не составляли ничьей частной собственности.

[2] *Diplomata*, passim.—*Silvae*, а также *pascua* упомянуты въ №№ 103, 117, 118, 162, 177, 179, 180, 186, 230, 240, 241, 245, 279, 284, 300, 351, 358, 383 и т. д. и т. д. во всѣхъ актахъ передачи недвижимаго имущества».

[3] *Testamentum Bertramni* въ Diplomata, т. I, стр. 209: «Silvas, quas dato pretio de Charoario et Ragnarico comparavi».—Въ *Vita Berthariі* (Bouquet, III, 589) мы видимъ женщину, которая продаетъ лѣсъ.

нами, значитъ, два человѣка, вѣроятно, франкскаго происхожденія, которые были собственниками лѣсовъ и могли продавать ихъ. Даже лѣса прежняго императорскаго фиска не сдѣлались общиннымъ владѣніемъ; они были частною собственностью королей, которые дарили ихъ, продавали и мѣняли [1].

Въ провинціяхъ, которыя были населены преимущественно Германцами, грамоты обнаруживаютъ намъ существованіе частной собственности на лѣса. Эрменбертъ и Эрменоара въ Бургундіи, Теодетруда въ Бовэ, Ирмина въ Трирской области, Амальфридъ и жена его въ Теруаннѣ, Бертиленда въ Токсандріи, Энгельвара въ Турнэ, всѣ они дарили лѣса, составлявшіе ихъ частную собственность [2].

То же самое наблюдается въ прирейнской области. Въ грамотахъ Вейссенбургскаго аббатства мы видимъ, что «помѣстья», *villae*, всегда жаловались или продавались вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ лѣсами [3].

[1] *Testamentum Betramni*, p. 198: «Sequalina silva, quam mihi Chlotarius rex suo munere concessit». Рѣчь идетъ здѣсь о пожалованіи въ собственность, потому что Бертрамнъ завѣщаетъ этотъ самый лѣсъ. Ср. еще *Diplomata*, №№ 309 и 313.

[2] *Diplomata*, № 241, 256, 408, 448, 457. Также и въ Лотарингіи Вульфоальдъ жалуетъ одну землю, которая заключала въ себѣ «silvas, pascua, culta et inculta».

[3] Слова «cum silvis, pascuis» находятся во всѣхъ почти Вейсенбургскихъ хартіяхъ; см. №№ 1, 2, 3, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и всѣ слѣдующія. Въ № 53 Сигибальдъ даетъ лѣсъ въ приданое своей женѣ. См. также сборникъ *Beyer*, №№ 6, 7, 8, 14, 15, 19, 25 и т. д., гдѣ встрѣчается «cum silvis pascuis». То же можно видѣть въ сборникѣ *Lacomblet*, № 1:

То же самое видимъ мы въ сборникахъ фульдскомъ, корбійскомъ, сенъ-галленскомъ и въ сборникахъ всей рейнской долины.

Невоздѣланныя земли такъ же могли являться предметомъ частной собственности, какъ и воздѣланныя. Почти во всѣхъ нашихъ грамотахъ говорится, что проданное недвижимое имущество состояло изъ «*terrae cultae et incultae*» [1].

Владѣльцу данной земли принадлежало въ ней рѣшительно все, включая рѣки и озера. Почти во всѣхъ нашихъ актахъ опредѣленно говорится, что помѣстье продано «съ своими водами и потоками», *cum aquis et aquarum decursibus* [2]. Нѣкоторыя хартіи добавляютъ—«съ рыбными ловлями», такъ какъ послѣднія принадлежали также владѣльцу по праву [3]. По за-

«Haec omnia cum domibus, vineis, silvis dono». Ср. весь *Codex Fuldensis* и *Codex Laureshamensis*, Ср. еще *Formulae Sangallenses* №№ 2, 11, 14.

[1] *Diplomata*, №№ 177, 241, 358, 393: «Dono cedo... terras cultas et incultas (Cedo villam cum terris cultis et incultis)».—*Andegavenses*, 41: «Cum agris cultis et incultis». — *Merkelianae*, 9: «Vendo... cum terris cultis et incultis, cum saltibus et subiunctis».—То же самое происходило и въ Баваріи въ восьмомъ вѣкѣ: «Tradidi territorium, prata, silvas, aquarum decursus, omne cultum, non cultum, in possessionem perpetuam» (*Meichelbeck*, Hist. Frising. instr. p. 27).

[2] «Cum (in) aquis aquarumque decursibus». См. *Diplomata*, №№ 103, 117, 177, 179, 245, 254, 257, 269, 271, 272, 279, 300 312, 314, 354, 361, 363, 393 etc. То же самое въ формулахъ; въ сборникѣ *Rozière* см. №№ 132, 135, 137, 144, 147, 228, 234, 236, 239, 241, 245, 246, 304. Ср. *Codex Fuldensis*: «Cum aquis aduarumque decursibus, №№ 9, 21, 22, 26, 28, 31 и всѣ послѣдующія; см. также всѣ хартіи въ *Codex Laureshamensis*.

[3] Въ *Codex Fuldensis*, 68, одинъ богатый владѣлецъ даритъ

кону всякій береговой владѣлецъ былъ владѣльцемъ рѣки до половины ея ширины, а владѣлецъ обоихъ береговъ былъ владѣльцемъ всей рѣки въ предѣлахъ помѣстья.

Нигдѣ не встрѣчается упоминанія о мельницѣ, которая была бы общимъ достояніемъ группы людей. Въ текстахъ меровингскаго времени мельница всегда являлась собственностью одного человѣка [1]. Она составляла часть помѣстья, называвшагося *villa*, и принадлежала владѣльцу этого помѣстья, который продавалъ и дарилъ ее вмѣстѣ съ помѣстьемъ [2].

Римская система установки межевыхъ знаковъ под-

нѣсколько «villae cum piscationibus et venationibus». Также въ № 84 и т. д.

[1] Уже въ Салической Правдѣ упоминаются лишь частныя мельницы. См. главу 22: «Si quis in molino alieno annonam furaverit, ei cui molinus est, id est molinaria, 15 solidos reddat».—То же самое въ лонгобардскихъ законахъ (*Rotharis*, 149, 150) и въ Правдѣ Аламанновъ, 86.

[2] Это явно обнаруживается изъ употребляемыхъ въ грамотахъ выраженій. *Diplomata*, № 257: «Dono... farinarium». № 117: «Dono... una cum farinariis». № 316: «Dono... cum duos molendinos». № 358: «Cum officina molendini». № 393: «Cum piscatoriis, molendinis». См. еще №№ 312, 336, 343, 361, 362, 374, 375, 378, 420 и № 404, относящійся къ области Шельды, гдѣ *farinarii* продавались владѣльцемъ вмѣстѣ съ помѣстьемъ. *Marculf*. II, 4: «Cedo villam cum farinariis». *Merkelianae*, 9: «Vendidi... cum farinariis».—Такъ же въ Эльзасѣ Ліутфридъ жалуетъ землю съ 13 рабами «et cun molino suo». Другое лицо даритъ землю «cum farinariis» (*Codex Wissenb*. № 2, 52 и т. д.); то же самое *Codex Laureshamensis*, №№ 1, 13, 48, 49, 53 etc. *Codex Fuldensis*, 51 etc. *Formulae Sangallenses*, 11: «Dedi villam.. cum molinis».—Не находится въ источникахъ ни одной общинной мельницы. Теорія *Viollet* относительно общинности мельницъ начисто вымышлена.

держивалась, какъ кажется, довольно правильно. Это отмѣчено въ законахъ. Формулы и грамоты указываютъ, что земля продавалась «съ своими границами» [1]. Въ нѣкоторыхъ хартіяхъ описаны характеръ и форма самыхъ межевыхъ знаковъ. Въ мѣстахъ, гдѣ не было рѣки или не проходило дороги, для обозначенія межи употреблялись, какъ прежде, камни и деревья [2]. Грамота 528 года упоминаетъ «помѣченныя крестами деревья и вкопанные въ землю камни» вокругъ каждаго помѣстья [3]. Къ тому же, очевидно, понятіе межи, «тер-

[1] ***Marculf.*** II, 4: «Cedo villam... cum omni termino suo»; II, 19: «Vendo villam cum termino ibidem aspiciente». — ***Rozière,*** № 341: «Villas... cum omni termino suo»; 278: «Per loca designata»; 307: «Infra ipsa terminatione».—***Diplomata***, № 230, p. 200: «Villadolus cum omni iure vel termino suo». № 241: «Villam cum termino». № 254: «Agrum Solemniacensem cum omni termino». № 358: «Floriacus villa cum termino suo». № 385: «Villam Germiniacum... terminum ad eamdem». № 393: «Per terminos et loca a nobis designata, sicut a nobis per terminos antiquos possideri videtur». № 413: «Villas cum omni iure et termino earum».

[2] Въ грамотѣ 253 см. помѣстье, границы котораго обозначены: «Usque decusas, quid per demensurationem ubi decusae positae sunt, et de illo loco per latus signa vel decusae terminato ordine... Ubi signa posita sunt... Per loca ubi decusae positae sunt». — ***Lacomblet***, № 64: «Comprehensionem in silva novis signis obfirmaverunt». — Смыслъ понятія *decusae* опредѣленъ въ ***Lex romana Burg.*** XXXIX: «Arbores terminales, quae decusas accipiunt». Ср. ***Lex Baiuwariorum***, XI, 5, 2.

[3] ***Diplomata,*** Pardessus. № 111, K, Pertz № 2: «Ubi cruces in arbore et lapides subtus infigere iussimus... Peragitur per terminos et lapides fixas... Ubi cruces in arbore quasdam et clavos et lapides subterfigere iussimus».—У насъ сохранилась только копія этой грамоты; даже если она была искажена переписчикомъ, нельзя предположить, что онъ выдумалъ обычай, который не существовалъ на дѣлѣ и не былъ ему хорошо извѣстенъ. Если

мина», и понятіе помѣстья такъ тѣсно сочетались между собою, въ умахъ, что на ежедневномъ народномъ языкѣ помѣстье стало даже называться словомъ *finis* или *terminus* [1].

Ни въ актахъ, ни въ формулахъ мы никогда не находимъ, чтобы между помѣстьемъ Германца и помѣстьемъ Римлянина существовала хоть малѣйшая разница. Мы не видимъ также, чтобы различались между собою земли воина, крестьянина или священника. Очевидно, всѣ наши формулы были написаны по общему для всѣхъ племенъ и для всѣхъ классовъ шаблону. Надо еще прибавить, что самъ король пользовался своимъ правомъ собственности совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ простыя частныя лица.

Итакъ, согласно съ законами, меровингскія хартіи показываютъ намъ, что собственность на землю опредѣлялась и примѣнялась въ франкскомъ государствѣ такъ же, какъ раньше въ римскомъ обществѣ. Тѣ же выводы подтверждаются имѣющимися у насъ литературными памятниками того времени, хрониками, біографіями, стихотвореніями и письмами. Документы эти безпрестанно упоминаютъ о частной собственности; они указываютъ во всѣхъ частяхъ франкскаго государства на богатыя землями фамиліи, богатыя по наслѣдственному праву; наоборотъ, мы не находимъ въ нихъ ни одного указанія, которое позволило бы предположить,

же обычай проведенія границъ существовалъ еще въ девятомъ вѣкѣ, значитъ, онъ тѣмъ болѣе не исчезъ еще въ шестомъ.

[1] ***Diplomata***, № 349: «Termino Elariacense».—***Bordier,*** Recuel des chartes mérov. p. 58—59: «Fines Magnacensis et Pruviniacum»; p. 60: «Fines Optemariaco et Cleriaco».—***Testamentum Bertramni***, p. 202: «Infra terminum Calimarcensem».

что Германцы ввели въ Галліи формы общинной собственности или особый видъ воинскаго землевладѣнія.

Итакъ, историкъ долженъ считать за достовѣрное, что великія потрясенія пятаго вѣка и пришествіе новыхъ племенъ не измѣнили и не ослабили права собственности на землю. Предполагать, что Германцы ввели новый способъ владѣнія землею, значитъ вступать въ противорѣчіе со всѣми документами.

Это—очень важный выводъ. Онъ ляжетъ въ основу нашихъ изслѣдованій о феодализмѣ, и мы не должны терять его изъ вида. Дѣйствительно, феодальное зданіе воздвигнется позже именно на незыблемомъ фундаментѣ полнаго и совершеннаго права собственности.

ГЛАВА III.

Развитіе права собственности на землю въ меровингскомъ государствѣ.

Въ меровингскую эпоху способы пріобрѣтенія земли оставались тѣ же самые, что и въ римскомъ правѣ, то-есть, покупка, пожалованіе, мѣна, законное наслѣдованіе и завѣщаніе.

Писанный актъ не считается безусловно необходимымъ при совершеніи продажи. Въ Рипуарской Правдѣ сказано: «Если покупатель помѣстья, виноградника или небольшого имѣнія не можетъ получить писаннаго акта, то онъ отправится со свидѣтелями на покупаемую имъ землю, произведетъ тамъ уплату и вступитъ во владѣніе» [1]. Законъ добавляетъ, что «съ тремя, шестью или двѣнадцатью свидѣтелями онъ долженъ былъ привести еще равное число дѣтей, показать имъ, что онъ произвелъ уплату, и ударить ихъ или выдрать за уши чтобы фактъ остался въ ихъ памяти и въ будущемъ они могли свидѣтельствовать о немъ» [2]. Тутъ передъ нами обнаруживается особенность, которой нельзя приписать римскаго происхожденія; весьма вѣроятно, что это—германскій обычай; но тогда онъ свидѣтельствуетъ, что продажа земли была уже извѣстна Германцамъ. Присоедините къ этому нѣкоторыя, употреблявшіяся тутъ же символическія дѣйствія: соломинку, которая кидалась продавцомъ въ руки покупателя или жалователемъ тому, кому онъ жаловалъ [3], передачу комка земли, виноградной лозы или вѣтки дерева, которыя изображали продававшееся поле, виноградникъ или лѣсъ. Все это подтверждаетъ такое мнѣніе [4].

Но Рипуарская Правда рекомендуетъ прибѣ-

[1] *Lex Ripuaria,* LX: «Si quis villam aut vineam vel quamlibet possessiunculam ab alio comparaverit, et testamentum accipere non potuerit, si mediocris res est, cum 6 testibus, si parva, cum 3, si magna, cum 12 ad locum traditionis (*Sohm*: «ad fundum, qui traditur»)... pretium tradat et possessionem accipiat».

[2] «Et unicuique de parvulis alapas donet et torqueat auriculas, ut ei in postmodum testimonium praebeant».

[3] *Lex Salica*, 46: «Festucam in laisum iactet».—*Marculf.* I, 13: «Villas... nobis per festucam visus est werpisse». *Ibidem*, III, 14: Per festucam».—*Lindenbrogianae*, 8: «Per festucam atque andelangum».

[4] *Turonenses*, appendix. 3: «Per ostium de ipsas domus, et cespitem de illa terra, seu vitem de ipsas vineas, et ramos de illas arbores». *Senonicae*, 8: «Per ostio et anaticulo de ipsa casa, per herba et terra ipsomanso». *Senonicae*, 7: «Per herba et terra et per suam fistucam»,

гать къ употребленію письменнаго акта и окружаетъ продажу всякими гарантіями. Покупатель долженъ требовать отъ продавца грамоту, и она должна быть составлена «публично», въ обычномъ мѣстѣ засѣданія суда, въ присутствіи семи или двѣнадцати подписывающихъ ее свидѣтелей [1].

Запродажная запись начиналась такъ: «Господину брату такому-то я такой-то» [2]. Хотя договоръ купли и продажи получали уже полную силу послѣ уплаты стоимости и передачи имущества, писанный актъ придавалъ однако факту продажи окончательную твердость и устанавливалъ обезпеченіе [3]. «Я объявляю, что

[1] *Lex Ripuaria*, LIX: «Si quis alteri aliquid vendiderit et emptor testamentum venditionis accipere voluerit, in mallo hoc facere debet, practium in praesente tradat, et rem accipiat et testamentum publice conscribatur... et testibus duodecim roboretur».—Какъ извѣстно, *mallus* означалъ мѣсто, гдѣ судили, и гдѣ совершались также всѣ акты, требующіе свидѣтельствованія (*Lex Salica*, 44, 46). Сансскія формулы упоминаютъ, что продажная запись совершалась «ante bonos homines» (*Senonicae*, 7).

[2] *Marculf.* II, 19; *Rozière*, № 268: «Domino fratri illi ego ille».—Слово *dominus* было здѣсь лишь выраженіемъ вѣжливости, очень распространеннымъ въ ту эпоху, еще болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ римскую *frater* было выраженіемъ христіанскаго братства; въ нѣкоторыхъ формулахъ стоитъ *fratri in Christo*. Для обозначенія естественнаго братства говорили скорѣе *germanus*.

[3] *Marculf.* II, 19: «Licet empti venditique contractus sola pretii adnumeratione et rei traditione consistat (Ср. *Paul.* Sententiae II, 17), ac tabularum aliorumque documentorum ad hoc tantum interponatur instructio ut fides rei et iurio ratis comprobetur».—Нельзя не замѣтить римскаго оборота въ началѣ этого акта и его совсѣмъ римскаго языка. Въ нѣкоторыхъ формулахъ говорится, что продавецъ дѣйствуетъ «non imaginario iure, sed propria et spontanea voluntate».

продалъ тебѣ помѣстье, составляющее мою собственность, подъ такимъ-то названіемъ, находящееся въ такой-то мѣстности, доставшееся мнѣ по законному наслѣдованію отъ моихъ родителей (или пріобрѣтенное другимъ образомъ), относительно котораго извѣстно, что я владѣлъ имъ; я продалъ его тебѣ въ цѣломъ видѣ, включая земли, дома, постройки, обрабатывающихъ его рабовъ, людей, которые жили на немъ, виноградники, лѣса, поля, луга, пастбища, озера и рѣки всѣ службы и угодія, со всѣмъ, что оно производитъ и съ окружающими его межевыми знаками [1]. Въ качествѣ условленной платы я получилъ отъ тебя такую-то сумму съ тѣмъ, чтобы съ этого дня ты владѣлъ помѣстьемъ и дѣлалъ съ нимъ, что угодно [2]. Если когда кто-нибудь, или я самъ, или одинъ изъ моихъ первыхъ наслѣдниковъ или вторичныхъ наслѣдниковъ попытается дѣйствовать противъ этой продажи или оспаривать ее на судѣ, то тебѣ будетъ уплачена двойная сумма сравнительно съ полученной мною, а притязаніе будетъ оставлено безъ послѣдствій и настоящая продажа сохранитъ силу навсегда».

У насъ есть еще девять другихъ формулъ продажи,

[1] «Idcirco vendidisse me tibi constat villam iuris mei, nuncupantem illam, sitam in pago illo, quam ex legitima successione parentum (vel de quolibet modo ad cum pervenit) habere videor, in integritate, cum terris, domibus, edificiis, accoliabus, mancipiis, vineis, silvis, campis, pratis, pascuis, aquis aquarumque decursibus, adiacentiis, appendiciis, vel omni merito et termino ibidem aspiciente».

[2] «Et accepi a vobis in pretio, iuxta quod mihi complacuit, tantum, et memoratam villam vobis praesentaliter tradidi possidendam, ita ut ab hac die habendi, tenendi, vel quidquid exinde elegeris faciendi liberam in omnibus habeas potestatem».

принадлежащихъ къ Анжуйскому, Турскому, Сансскому сборникамъ и къ сборникамъ Биньона и Меркеля[1]. Имѣются соотвѣтствующія формулы и въ сборникахъ съ той стороны Рейна[2]. За исключеніемъ нѣсколькихъ терминовъ, всѣ онѣ походятъ на только что приведенный нами текстъ[3]. Продажа земли упоминается также въ грамотахъ, относящихся ко всѣмъ частямъ Галліи, даже къ Германіи[4]. Повсюду признавали, что земля продавалась въ полную собственность.

Тотъ же характеръ носило пожалованіе. Оно также совершалось при помощи писаннаго акта[5], передъ свидѣтелями, которые, по возможности, подписывали его[6].

[1] *Formulae Andegavenses*, 27; *Turonenses*, 5, 37. *Senonicae*, 2; *Lindenbrogianae*, 8; *Bignonianae*, 4; *Merkelianae*, 9, 10, 11. *Rozière*, 267—278).

[2] См. сборникъ *Sangallenses*, 8.

[3] См. напримѣръ, завѣщаніе Бертрана, Pardessus, № 230, 198: «Medietatem villae dato pretio ad integrum comparavi et in dominationem meam pervenit».—p. 200: «Sicut venditiones edocent... sicut in meis cartis res noscuntur».—p. 202: «Villa Nova quam de filio Papoleni dato pretio comparavi». Ср. также указаніе на акты купли земли, совершенныя нѣсколькими Реймсскими епископами въ Hist. Remensis eccl. Флодоарда, который видѣлъ самолично подлинные документы.

[4] *Lacomblet*, №№ 10, 13, 29 etc.—*Neugart*, № 35 и слѣд.

[5] *Lex Ripuaria*, LIX, 7.—*Charta Leodebodi*, Pardessus, № 358: «Quae per epistolas donationis ad me pervenit». — *Testamentum Bertramni*, Pardessus, № 230, 202: «Villam Bualonem quam per donationis titulum Leuthranno dedi». Въ сборникѣ Pardessus очень много подобныхъ актовъ. См. въ особенности, №№ 186, 196, 241, 253, 256, 293, 312, 316, 414. Въ формулахъ, см. *Andegavenses*, 37, 46; *Turonenses*, 1, 14, 17, 37; *Marculf*. II, 1, 2, 3, 4, 6, 15, 39; *Senonicae*, 14, 23, 25, 31; *Bignonianae*, 17; *Merkelianae*, 3, 16; *Lindenbrogianae*, 6.

[6] См. напримѣръ, дарственную запись Адроальда 648 года, у

Подобные документы часто представлялись общественной власти, которая давала имъ свою санкцію или гарантію; въ одной хартіи это выражено словами «на судѣ (*mallus*), передъ графомъ и рахинбургами»[1]. Въ другой формулѣ актъ предъявляется въ курію, жалователь проситъ муниципальныхъ магистратовъ предоставить ему городскія книги и включить туда его «грамоту пожалованія»[2]. Но многія формулы опускаютъ эту формальность; нѣтъ ея и въ сохранившихся подлинныхъ дарственныхъ грамотахъ. Это позволяетъ думать, что хотя такая формальность и являлась довольно обычной, но не требовалась обязательно.

Мы находимъ въ документахъ примѣры всякаго рода пожалованій: взаимныя приношенія другъ другу супруговъ[3], дары отца сыну, дѣда внуку[4], подарки

Pardessus, № 312: «Ut haec donatio omnibus temporibus firmissima sit, manu nostra roboravimus et qui signarent aut subscriberent ad praesens rogavimus... Actum coram strenuis personis, quorum nomina cum subscriptionibus seu signaculis subter teneantur inserta».

[1] *Formulae Merkelianae*, 16: «Illo mallo ante illum comitem vel reliquos racineburgos hoc per illas epistolas interdonationis visi fuimus adfirmasse».

[2] *Marculf*. II, 37: «Anno illo, regnante illo rege, in civitate illa, adstante illo defensore et omni curia illius civitatis... Prosecutor dixit: Peto, optime defensor et omni curia illius civitatis... Prosecutor dixit: Peto, optime defensor vosque laudabiles curiales atque municipes, ut mihi codices publicos patere iubeatis... Defensor dixit: Donatio, quam prae manibus habes, nobis praesentibus recitetur, et gestis publicis firmetur».—Ср. *Turonenses*, 17: «Donatio inter virum et uxorem, tamen gestis sit alligata».

[3] *Marculf*. II, 7; II, 12. — *Lindenbrogianae*, 13. — *Merkelianae*, 16.

[4] *Andegavenses*, 37.—*Bignonianae*, 10.—*Lindenbrogianae*, 14.

«по случаю свадьбы», то-есть, жениха невѣстѣ [1], дары другу или слугѣ [2]. Понятно, что самыя многочисленныя изъ сохранившихся до насъ пожалованій — это пожалованія церквамъ [3].

Дарственный актъ начинался иногда такъ: «Римскій законъ и древній обычай позволяютъ каждому распоряжаться собственнымъ своимъ имуществомъ» [4]. Или читаемъ слѣдующее предисловіе: «Волею предковъ было установлено, что при помощи писаннаго акта каждый можетъ дѣлать съ своимъ имуществомъ, что хочетъ» [5]. Въ другихъ случаяхъ жалователь ссылался на достоинства или услуги того, кому онъ дарилъ. Если онъ дарилъ церкви, то «для спасенія своей души», «для того, чтобы заслужить жизнь вѣчную», «для того, чтобы искупить свои грѣхи», или же «потому, что приближался конецъ міра» [6].

Пожалованіе производилось навсегда и приводилось въ исполненіе немедленно, за исключеніемъ тѣхъ слу-

[1] *Turonenses*, appendix, 3: «Per cartam donationis ante die nuptiarum».

[2] *Marculf.* II, 36.

[3] *Andegavenses*, 46.—*Turonenses*, 1, 37.—*Marculf.* II, 2—*Merkelianae*, 1, 3.—*Senonicae*, 14, 15, 31, 32.—*Bignonianae*, 18.—*Lindenbrogianae*, 1.

[4] *Andegavenses*, 46: «Lex romana et antiqua consuetudo exposcit, ut quisque homo quod de rebus propriis dare decreverit licentiam habeat».

[5] *Merkelianae*, 3: «Priscorum patrum sanxit auctoritas, ut...».

[6] «Pro remedio animae meae» (*Andegavenses*, 45).—*Marculf.* II, 3: «Mundi terminum, ruinis crebrescentibus, appropinquantem indicia certa manifestant... Ergo, quia gravamur sarcina peccatorum...»—*Bignonianae*, 8: «Pro redimentum ultionem nostram peccaminum».

чаевъ, когда жертвователемъ формально оговаривалось право пожизненнаго пользованія. Жалователь пишетъ: «Я навсегда передаю вамъ эту землю, которою владѣлъ до этихъ поръ; я перевожу ее на ваше имя и передаю вамъ свою власть надъ нею и свое владѣніе въ вашу власть и владѣніе такъ, чтобы вы могли держать ее или продать, или обмѣнять, или подарить, или оставить ее вашимъ потомкамъ или тѣмъ, кого вы выберете себѣ въ наслѣдники, наконецъ могли бы дѣлать съ нею все, что вы захотите».

Въ грамотахъ безпрестанно упоминается о пріобрѣтеніи земли путемъ наслѣдованія. Жалователи, продавцы или завѣщатели обыкновенно указывали, по какому праву они владѣли землею, которую передавали. Они часто говорятъ, что владѣютъ ею благодаря куплѣ, иногда ссылаются также на пожалованіе, чаще всего свидѣтельствуютъ, что земля получена ими по наслѣдству. Такъ въ 543 году Ансемундъ и жена его Ансльйбана, жертвуя землю, объявляютъ, что они владѣли ею по праву наслѣдованія [1]. Въ завѣщаніи своемъ, написанномъ въ 615 году, Бертрамнъ перечисляетъ земли, доставшіяся ему отъ отца, и тѣ, которыя перешли къ нему отъ матери или отъ братьевъ [2]. Въ грамотѣ отъ 628 года мы видимъ двухъ братьевъ, Урсина и Беполена, которые раздѣлили между собою наслѣдство [3].

[1] *Charta Ansemundi*, Pardessus, № 140: «Curtile hereditatis nostrae... quod hereditario iure possidemus».

[2] *Testamentum Bertramni*, Pardessus, № 230: «Villa Murocinctus, quae mihi ex successione genitoris mei legitime reddebatur... Villam Bomiliarim, quae mihi ex successione parentum iuste debita erat».

[3] *Archives nationales*, Tardif, № 6; Pardessus, № 245.

Пріобрѣтеніе недвижимаго имущества путемъ наслѣдованія отмѣчено еще въ грамотахъ Гарегарія, Эрменберта, Адроальда, Адальсинды, Альдегунды, Бергарія и во многихъ другихъ документахъ [1]. Въ формулахъ также часто говорится о наслѣдованіи; замѣтимъ даже, что этотъ способъ пріобрѣтенія имущества спеціально назывался въ нихъ «законнымъ», «согласнымъ съ законами» [2].

Наслѣдованіе не было заимствованіемъ, сдѣланнымъ Франками у Римлянъ. Передача по наслѣдству была извѣстна древнимъ Германцамъ [3], только формы наслѣдованія практиковались у нихъ иныя, чѣмъ установи-

[1] *Charta Haregarii,* Pardessus, № 108: «Omnes res nostras (дальнѣйшій текстъ показываетъ, что *res* обозначаетъ здѣсь земельное имущество), quae ex legitima successione nobis devenerunt».—*Charta Ermenberti,* № 256.—*Charta Adroaldi,* № 312.—*Charta Adalsindae,* № 328.—*Charta Aldegundis,* № 338.—*Charta Bercharii,* № 369.—*Charta Leodegarii,* № 382: «Villa Tiliniacus, quae de iure materno ab avis et proavis mihi competit».—*Charta Engelberti,* № 474: «In pago Toxandriae, quod mihi ex paterno iure legitime provenit».—Мы могли бы привести и большее число такихъ примѣровъ, извлекая ихъ даже изъ *Traditiones*, сложившихся по ту сторону Рейна. См. *Meichelbeck*, Hist. Frising. instrum. p. 27: «Ego Cunipertus propriam hereditatem, quam genitor meus reliquit».—Продолженіе акта показываетъ, что рѣчь идетъ о земляхъ.

[2] *Marculf.* II, 19: «Villam iuris mei, quam ex legitima successione parentum habere videor.»—*Bignonianae*, 6: «Quem de parte parentum meorum ad mel legibus obvenit».—*Merkelianae*, 15: «Quem de parte legitima genitoris mei mihi legibus obvenit». — *Ibidem*, 11: «Campum, quem de parte legitima genitoris mei vel genitricis meae legibus abvenit».

[3] *Tacit.* Germania, 29: «Heredes successoresque sui cuique liberi».

вшіяся въ римскомъ правѣ. Сохраняя еще понятіе о родовой собственности, Германцы не знали завѣщанія [1], такъ что сыновья или, за неимѣніемъ сыновей, ближайшіе боковые родственники прямо наслѣдовали по праву. Повидимому, во времена Тацита признавалось при этомъ право старшинства, или, по крайней мѣрѣ, преимущество старшаго въ родовомъ наслѣдіи [2]. Существовало еще другое отличіе: дочери могли получать въ наслѣдство движимости, но собственно родовое имущество, отчину, то-есть, земли, онѣ не наслѣдовали [3]. Наконецъ, у нихъ, кажется, не признавалось право наслѣдованія отцовской собственности въ пользу дѣтей одного изъ преждеумершихъ сыновей [4].

[1] *Tacit.* ibidem: «Nullum testamentum; si liberi non sunt, proximus gradus in possessione fratres, patrui, avunculi».

[2] Это второе право менѣе ясно отмѣчено Тацитомъ; но оно вытекаетъ изъ 32 главы и особенно изъ словъ: «Caetera excipit maximus natu».

[3] Это видно изъ той же 32 главы Тацита, которая даетъ понять, что у всѣхъ Германцевъ былъ обычай дѣлить наслѣдство на двѣ части, и что Тенктеры отличались отъ другихъ въ одномъ только отношеніи, что лошадей они выдѣляли въ часть сыновей.

[4] Это выводится съ большою вѣроятностью изъ того, что такое право не упоминалось въ варварскихъ Правдахъ, или, если и упоминалось въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то какъ нововведеніе. Его нѣтъ ни въ Салической, ни въ Рипуарской Правдѣ. Бургундская Правда вводитъ его, но съ большими оговорками; см. *Lex Burgundionum*, 75. Оно попадаетъ, но довольно поздно въ Вестготскую Правду IV, 5, 4. Въ Лангобардское право оно было введено лишь закономъ Гримоальда (ст. 5).—Въ двухъ франкскихъ формулахъ (*Merkeliana*, 24 и *Lindenbrogiana*, 12) опредѣленно говорится, что дѣтямъ преждеумершаго сына законъ не разрѣшаетъ участвовать въ раздѣлѣ наслѣдства съ сыновьями, оставшимися въ живыхъ.

Эти германскіе обычаи довольно скоро исчезли въ меровингскомъ государствѣ. Ученые приписываютъ фактъ вліянію римскаго права и церкви. Возможно предположить, что во франкскомъ правѣ такая вполнѣ естественная эволюція совершилась и сама собою. Прежнія правила связаны были со старымъ родовымъ устройствомъ и съ распространеннымъ въ старое время понятіемъ о родовой собственности. Но родовое устройство и его прежнее единство оказались понемногу разрушенными въ силу переселеній, войнъ, утвержденія въ новой странѣ. Почитайте грамоты и хроники шестого вѣка: ясно видно, что во франкскомъ государствѣ родъ потерялъ исконную крѣпость и превращался въ то, что представляетъ собою современная семья. Какъ естественное послѣдствіе такого измѣненія понятіе о родовой собственности перестало существовать, и, стало быть, исчезло основаніе сохранять старыя правила наслѣдованія. Римское право и церковь могли также способствовать ихъ уничтоженію, но оно совершилось бы и безъ вліянія римскаго права и церкви.

О правѣ старшинства также нѣтъ рѣчи въ памятникахъ франкской эпохи [1]. Оно, вѣроятно, перестало существовать еще до вступленія племени въ Галлію. Въ грамотахъ и формулахъ мы видимъ, что братья дѣлятъ между собой отцовское наслѣдство, то-есть, поля, виноградники и лѣса, которыми тотъ владѣлъ, но на равныя части: *aequa lance*—равновѣсно, какъ говорится на языкѣ того времени [1]. Выраженіе это—чисто-римское, и оно продержалось въ продолженіе всей франкской эпохи [2]. Подобные раздѣлы родовыхъ земель наблюдаются даже въ чисто-германскихъ странахъ. Около 650 года, въ Эльзасѣ три брата, по имени Гильдифредъ, Манагольдъ и Вальдсвиндъ, раздѣлили между собою «манзы», жилища, поля, луга и лѣса ихъ отца и дяди [3]. Когда сынъ умиралъ раньше отца, не оставивъ дѣтей, отецъ наслѣдовалъ его имущество; если отца уже не было, наслѣдовала мать [4]. Въ римскомъ правѣ такой порядокъ назывался *luctuosa hereditas*; любопытно снова встрѣтить это выраженіе въ

[1] *Andegavenses*, 55.—*Turonenses*, 25.—*Marculf.* II, 14.—*Senonicae*, 29.—*Bignonianae*, 19.—Во всѣхъ этихъ формулахъ предметомъ дѣлежа была земля: «жилища, поля, виноградники, лѣса». См. также завѣщаніе Бертрамна: «Villas Crisciago et Botilo, quae nobis ex sucessione genitoris nostri iuste debentur et cum germanis meis deberem partire si ipsorum mors non antecessisset.» Ср. еще въ *Diplomata* (Pardessus, № 245, Tardif, № 6) раздѣльный актъ между двумя братьями Урсиномъ и Бепполеномъ.

[1] Едва ли надо говорить, что *lanx* обозначало чашку вѣсовъ *Lanx* никогда не значило—копье, какъ нѣкоторые думали, и потому нелѣпо видѣть въ этомъ словѣ намекъ на военные обычаи *Andegavenses*, 37: «Tu cum ipsis aequali lance dividere facias».—*Testamentum Bertramni*, 201: «Villam Ripariolam aequa lance dividant».—Въ одной хартіи (Pardessus, t. I, стр. 136) видно, что одинъ монастырь и наслѣдники Берты должны дѣлить земли «aequali lance». Изъ двухъ словъ *aequa lance* образовалось вновь находящееся у Маркульфа (II, 12) слово *aequalentia*.

[2] Выраженіе *aequa lance* для обозначенія равенства частей въ наслѣдствѣ встрѣчается въ Дигестахъ (XLII, 1, 20), въ Кодексѣ Ѳеодосія (X, 19, 15) и въ Юстиніановомъ Кодексѣ (VI, 37, 23). Ср. еще *Symmach.* Epist. I, 88; X, 53.

[3] *Diplomata*, t. II, p. 425.—*Codex Wissenburgensis*, № 13.

[4] *Lex Salica*, 59: «Si quis mortuus fuerit et filios non dimiserit, si pater aut mater superfuerint, ipsi in hereditatem succedant».—Слово *pater* пропущено въ нѣкоторыхъ рукописяхъ.—*Lex Ripuaria*, 56.

меровингскихъ грамотахъ, даже въ актахъ, относящихся къ Эльзасу [1].

Права представительства преждеумершаго сына нѣтъ ни въ Салической Правдѣ, ни въ Рипуарской; но оно установлено королевскимъ указомъ 596 года [2]. Мы замѣчаемъ, что этотъ указъ былъ изданъ въ Австразіи, на собраніи въ Андернахѣ, и ничуть не доказано, чтобы римское право оказало на дѣло какое-нибудь вліяніе. Удивительнѣе кажется то, что представительство сына долѣе оставалось чуждо имущественной практикѣ въ Нейстріи, чѣмъ Австразіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ завѣщаніи своемъ Бертрамнъ упоминаетъ, что его отецъ и мать оставили, умирая, виллы Крисціагъ и Бодилъ; онъ говоритъ, что долженъ былъ бы раздѣлить ихъ съ своими братьями, если бы они не умерли раньше; братья эти оставили сыновей, но племянники его не получили никакой доли [3]. Изъ двухъ формулъ мы также видимъ, что законъ не разрѣшалъ еще дѣтямъ умершаго сына принимать участіе въ раздѣлѣ наслѣдства съ другими сыновьями; но черезъ завѣщаніе особаго рода — *affatimum*, дѣдъ могъ привлекать внуковъ къ наслѣдованію [4].

[1] Хартія Хлотильды, Pardessus № 361, упоминаетъ *villae*, полученныя *ex luctuoso*.—То же самое *Senonicae*, 31. — Въ *Codex Wissenburgensis* (№ 203) мы видимъ нѣкого Геральда, который наслѣдовалъ послѣ своего сына «luctuosa hereditate».— Тамъ же (№ 261) читаемъ, что одна женщина получила въ наслѣдство отъ своего сына поля и лѣса «luctuosa hereditate».

[2] *Childeberti decretio*, Boretius, p. 15.

[3] *Testamentum Bertramni*, p. 202.

[4] *Formulae Lindenbrogianae*, 12.—*Merkelianae*, 24: «Cum vos n alode minime succedere poteratis».—Приводили иногда другія двѣ формулы, *Turonenses*, 22, и *Marculfi*, II, 10 (Rozière, 131 и

Салическая Правда сохраняетъ старое правило, что женщина совсѣмъ не наслѣдуетъ землю. Рипуарская — также объявляетъ, что женщина не наслѣдуетъ родовое имущество, пока остаются родственники мужескаго пола [1]. Капитуляріи королей не совсѣмъ согласны съ законами. Указъ Хильпериха отдаетъ только предпочтеніе сыну надъ дочерью, но онъ ставитъ дочь впереди боковыхъ родственниковъ [2]. Декретъ Хильдеберта устанавливаетъ, что дочь, даже дѣти ея, наслѣдовали родовое имущество [3]. Это уже очень далеко отъ стараго права; обычай шелъ еще гораздо дальше. Достаточно было, чтобы отецъ высказалъ свою волю въ пользу дочери, и она получала часть, равную съ частью сына. При этомъ писалась грамота такого рода: «У насъ держится ста-

132); но ихъ толковали ошибочно. Формулы эти относятся къ совершенно другому случаю, именно къ представительству преждеумершей дочери; это совершенно ясно изъ текста. Эти формулы передаютъ не германскій обычай, а чисто римскій законъ, предоставлявшій дѣтямъ дочери лишь двѣ трети соотвѣтствующей доли. Законъ этотъ можно прочитать въ Кодексѣ Θеодосія (V, 1, 4) и въ Кодексѣ Юстиніана (VI, 55, 9); онъ снова встрѣчается въ *Lex romana Burgundionum* (X, 2) и въ *Lex romana Wisigothorum* (V, 1, 4). Если внимательно прочитать двѣ формулы, на которыя ссылались, то легко убѣдиться, что онѣ относятся именно къ этому принципу римскаго права.

[1] *Lex Salica*, LIX.—*Lex Ripuaria*, LVI.—*Lex Angliorum*, VI, 1.

[2] *Edictum Chilperici*, 3: «Quamdiu filii advixerint, terram habeant... Si filii defuncti fuerint, filia simili modo accipiat terras ipsas».—За неимѣніемъ сына и дочери, наслѣдовалъ братъ покойнаго; за неимѣніемъ брата—сестра.

[3] *Decretio Childeberti*, II, I: «Ut nepotes ex filio vel ex fili

рый, но нечестивый обычай [1], что сестры не наслѣдуютъ отцовскую землю вмѣстѣ съ братьями; я же, считая это нечестивымъ и признавая, что всѣ дѣти одинаково даны мнѣ Богомъ и я долженъ любить ихъ одинаково, желаю, чтобы послѣ моей смерти вы раздѣлили мои земли поровну. Итакъ, настоящею грамотою я назначаю тебя, любезная дочь моя, такой же наслѣдницей, какъ твои братья, и требую, чтобы ты получила не меньшую долю, чѣмъ они» [2]. Здѣсь въ силу отцовской воли какъ бы упраздняется статья салическаго закона.

Очень достойна вниманія и другая формула изъ Сансскаго сборника. Въ ней мы видимъ отца, потерявшаго одного изъ своихъ сыновей, который объявляетъ свою волю, чтобы дѣти покойнаго, сыновья и дочери, участвовали въ раздѣлѣ его наслѣдства вмѣстѣ съ дру-

ad aviaticas res cum avunculis vel amitis sic venirent tanquam si pater aut mater vivi fuissent».

[1] *Marculf.* II, 12 (Rozière, № 136): «Diuturna sed impia inter nos consuetudo tenetur». Любопытно, что онъ не говоритъ о томъ, что самый законъ формально опредѣлялъ такой порядокъ; но одна формула Сансскаго сборника (№ 45), прочно ссылается на Салическую Правду: «Non habetur incognitum quod, sicut lex Salica continet, de res meas minime in hereditate succedere poteras».

[2] «Consuetudo tenetur, ut de terra paterna sorores cum fratribus portionem non habeant; sed ego perpendens hanc impietatem, sicut mihi a Deo aequales donati estis filii, ita et a me sitis aequaliter diligendi et de res meas post meum discessum aequaliter gratuletis. Ideo per hanc epistolam te, dulcissima filia mea, contra (вмѣстѣ. съ) germanos tuos filios meos in omni hereditate mea aequalem et legitimam esse constituo heredem... ut aequa lance cum filiis meis dividere debeas et portionem minorem non accipias».—Тоже самое въ *Senonica*, 45.

гими его дѣтьми, «дядями ихъ и тетками» [1]. Итакъ, человѣкъ могъ заявлять, что наслѣдство его должно быть законно раздѣлено между оставшимися въ живыхъ сыновьями его и дочерьми; кромѣ того, грамота его пріобщаетъ къ раздѣлу дѣтей преждеумершаго сына на совершенно равныхъ правахъ внучекъ и внуковъ; изъ дальнѣйшаго текста грамоты выясняется, что въ наслѣдство входило и земельное имущество [2]. Соотвѣтствующая статья Салической Правды здѣсь, повидимому, вполнѣ забыта.

Въ самомъ дѣлѣ мы находимъ въ грамотахъ много женщинъ, владѣющихъ землею по наслѣдству отъ своихъ родителей. Въ 570 году Теодехильда оказывается владѣлицею нѣсколькихъ помѣстій по наслѣдству [3]. Въ 632 году Бургундофара напоминаетъ, что она раздѣлила раньше съ братьями земли изъ отцовскаго наслѣдства; мы можемъ даже отмѣтить, что объ этомъ раздѣлѣ она прямо говоритъ, какъ о «согласномъ съ закономъ» [4]. Такъ же точно Салаберга жалуетъ «помѣстья, которыя получила по наслѣдству отъ своего

[1] *Senonicae*, 12: «Ego dilectisimis nepotibus et neptis nostris. Constat, quod genitor vester, filius noster, de hac luce ante nos discessit... Complacuit nobis, ut pro ipso proprietatis iure, in quo genitor vester legitime succedere debuit, aequalem partem contra avunculos vestros, vel amitas vestras, filiis vel filiabus nostris, accipere debeatis».—Замѣтьте здѣсь два важныхъ слова—*neptis nostris, amitas vestras.*

[2] «Id est tam in terris quam in silvis, campis, pratis, pascuis, vineis, mancipiis, peculiis, pecoribus».

[3] *Diplomata*, № 177 (t. I, 132).

[4] *Testamentum Burgundofarae*, Diplomata, t. II, 16: «Portionem meam, quam contra germanos meos per legitimam divisionem visa sum accepisse cum terris, vineis, pratis».

отца»[1]. Въ Токсандріи Бертиленда владѣла землями, наслѣдованными отъ матери Вадрады[2]. Въ формулахъ, женщины часто заявляютъ о своемъ владѣніи помѣстьями по наслѣдству отъ отца[3].

Женщины могли также получать землю въ приданое. Франкскія Правды ничего не говорятъ объ этомъ, но мы заключаемъ о существованіи такого порядка изъ грамотъ и изъ формулъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что приданымъ всегда называлось въ то время имущество, предоставлявшееся мужемъ женѣ; такъ понимается терминъ одинаково въ римскихъ, какъ и во франкскихъ формулахъ[4]. Въ первыхъ подобная грамота называлась—*libellus dotis ante diem nuptiarum*[5]; засвидѣтельствованный въ ней обычай былъ римскій обычай, превращенный въ законъ постановленіями императоровъ четвертаго вѣка[6]. Мы замѣчаемъ дальше, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ грамотахъ въ приданое входила земля, и она поступала въ вѣчное владѣніе. Женихъ выражался слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ я женюсь на дѣвицѣ, по имени такой-то, дочери такого-то, то, согласно Салической Правдѣ и старому обычаю, я подъ видомъ солида и динарія даю ей такое-то имѣнье, расположенное въ такомъ то мѣстѣ, доставшееся мнѣ по наслѣдству и заключающееся въ земляхъ и домахъ, съ тѣмъ, чтобы она получила все въ вѣчное владѣніе, могла бы завѣщать его своимъ наслѣдникамъ и дѣлала бы съ имуществомъ, что захочетъ»[1]. Грамоты подтверждаютъ формулы; мы видимъ, напримѣръ, что нѣкто Германъ подарилъ своей невѣстѣ Ирминѣ три помѣстья въ полную собственность[2]. Въ Эльзасѣ Эпфа подарила землю, составлявшую часть ея приданаго[3].

Число женщинъ, которыхъ мы видимъ владѣлицами земельныхъ имуществъ, очень велико. Съ согласія своего мужа, Храмнульфа, одна *materfamilias*, по имени Вульфрада, даритъ два помѣстья, которыми она лично владѣла[4]. Беретруда владѣла нѣсколькими *villae*, одна изъ которыхъ была завѣщана ею дочери[5]. Ранихильда, дочь Сигивальда, владѣла «многими землями», которыя она завѣщала монастырю[6]. Бертрамнъ пишетъ въ своемъ

[1] *Vita Salabergae*, c. 12; Mabillon, Acta ss. II, 426: «Praedia sua ex successione hereditatis paternae».

[2] *Diplomata*, t. II, p. 284.

[3] *Formulae Merkelianae*, 16, (Rozière, № 252): «Ego illa dono tibi rem meam in pago illo, quae de parte genitoris mihi obvenit hoc est terris...»

[4] См. съ одной стороны Анжуйскую формулу 39 и Турскую 14, которыя ссылаются на римскій законъ; съ другой стороны—*Bignoniana* 6, *Merkeliana* 15 и *Lindenbrogiana* № 7, которыя ссылаются на Салическую Правду. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, приданое давалось мужемъ. См. также *Andegavenses*, 1, 3 и 53; *Marculf*. II, 15; *Senonenses*, 25; *Sangallenses*, 7 и 8.

[5] *Turonenses*, 14: «Per hunc titulum libelli dotis ante dies nuptiarum».

[6] См. *Lex romana Wisigothorum*, III, 5, 2 (Haenel, p. 76—78).

[1] *Merkelianae*, 15.—Тоже самое по существу повторяется и въ другихъ формулахъ.

[2] *Diplomata*, t. II, p. 168: «Filia nostra Irmina allodium suum, quod in locis Ludusa, Ancia, Balbengis, a sponso suo Hermanno in dotem legali traditione suscepit».

[3] *Codex Wissenburgensis*, № 6.

[4] *Vita Launomari*, 21 (Болландисты, янв. II, 598): «Quaedam materfamilias nomine Wulfrada, cum consensu viri sui Chramnulfi, dedit de praedio suo Lontucivillam et Britogilum».

[5] *Greg. Turon*. Historiae, IX, 35.

Greg. Tur. Vitae Patrum, XII, 3.

завѣщаніи, что нѣсколько изъ его помѣстій были куплены имъ у женщинъ. То были: Бобила, дочь Альдериха, въ Кагорской области [1], Урса въ Парижской, Моденана въ Манской области, Хлотильда въ Тоннерской и Сансской [2], Аквила въ окрестностяхъ Маастрихта [3], Амаллинда въ Виссенбургской области, Ирмина въ Трирскомъ округѣ, Сіагрія въ Мавріенскомъ краю [4], Вальтильда въ Шалонской епархіи [5], Гойла, отдавшая по завѣщанію «съ разрѣшенія своего мужа» девять помѣстій [6], въ Бургундіи, — всѣ эти женщины были очень богатыми земельными собственницами.

Древніе Германцы не знали завѣщанія; значитъ, недвижимыя имущества у нихъ неизбѣжно оставались въ роду и переходили по естественному порядку родства. Но уже Салическая Правда содержитъ въ себѣ постановленіе, близко походящее на передачу по завѣщанію: это—назначеніе наслѣдника при жизни. Оно не совершалось письменно, но происходило публично, на судѣ, и по формамъ, которыя были, повидимому, германскими [7]. Бургундская Правда признаетъ и раз-

[1] *Vita Desiderii episc. Cat.* c. 16.

[2] *Diplomata*, №№ 274, 300, 363.

[3] *Vita Hadelini*, Болландисты, февр. I, 380.

[4] *Diplomata*, №№ 450—559; addit. 19.

[5] *Vita Bercharii*, 14, Bouquet, III, 389: «Matronam Walthildem quae plurimorum a proavis praediorum affluentia laetabatur».—Точно также и въ Верденской области Вульфоальдъ покупаетъ два помѣстья, одно у Анструды, другое у Альсинды (*Diplomata*, № 475).

[6] См. *Chron. Sanct. Benigni*, ed. Bougaud, 41, ed. Pérard, p. 8.

[7] *Lex Salica*, XLVI, De acfamirem, de affatomia.—Cp. *Capitul.* a. 819, c. 10.

рѣшаетъ словесное завѣщаніе при пяти свидѣтеляхъ, и она говоритъ о немъ, какъ о «варварскомъ обычаѣ», то-есть, какъ объ обычаѣ германскомъ, который не былъ нововведеніемъ [1]. Есть, значитъ, нѣкоторое вѣроятіе предположить, что право распоряжаться имуществомъ послѣ смерти начало уже распространяться у Германцевъ до ихъ поселенія на римской почвѣ. Новостью оказалось здѣсь лишь письменное завѣщаніе, которое введено послѣ водворенія Франковъ въ Галліи. Письменное завѣщаніе было формально разрѣшено бургундскою, баварскою, вестготскою и лонгобардскою Правдами [2]. Хотя франкскія Правды и не говорятъ о немъ, но практиковалось оно часто, и одинаково, какъ людьми франкскаго, такъ и людьми римскаго происхожденія. У насъ есть завѣщанія Цезаря и Аредія, завѣщанія Бертрамна, Бургундофары, Гадоинда, Леодегарія и другихъ [3]. У насъ есть формулы завѣщаній въ

[1] Это обнаруживается изъ внимательнаго разсмотрѣнія LX главы: «Si quis barbarus testari voluerit... aut consuetudinem barbaricam esse servandam sciat, id est... quinque ingenuorum testimonio».—Нѣсколькими строками выше читаемъ, что «нѣкоторые изъ варваровъ уклонялись отъ стараго обычая, употребляя при завѣщаніи лишь двухъ или трехъ свидѣтелей».

[2] *Lex Burgundionum*, XLIII и LX.—*Lex Baiuwariorum*, XIV, 9, 3.—*Lex Wisigothorum*, II, 5, 1.—*Lex Longobardorum*, Liutprand, 101: «Potestatem habeat de rebus suis iudicare»; 102: «De rebus suis iudicet si voluerit».—Замѣтьте, что слово ***iudicare*** было терминомъ, обозначавшимъ въ римскомъ правѣ понятіе—«составлять завѣщаніе». Въ этомъ смыслѣ оно часто встрѣчается въ Кодексѣ Юстиніана, у Симмаха, у Кассіодора и Григорія Великаго.

[3] *Diptomata*, № 49: «Testamentum Perpetui». № 139: «Testa-

франкскихъ, повидимому, сборникахъ, равно какъ и въ сборникахъ римскихъ [1]. Во всѣхъ почти запродажныхъ и дарственныхъ актахъ говорится, что новый владѣлецъ будетъ имѣть право завѣщать свое имѣніе, кому онъ захочетъ [2]. И во всѣхъ почти завѣщаніяхъ, содержаніе которыхъ намъ извѣстно, рѣчь идетъ гораздо чаще о земляхъ, чѣмъ о движимыхъ имуществахъ.

Естественно, что формы завѣщанія практиковались чисто-римскія; Германцамъ не надо было искать новыхъ формъ. «Если варваръ хочетъ составить завѣщаніе, говоритъ Бургундская Правда, онъ можетъ дѣлать его согласно римскому обычаю» [3]. Итакъ, римскія формы никогда не воспрещались Германцамъ для завѣщанія такъ же, какъ и для продажи и для пожалованія. Завѣщанія меровингскаго времени составлялись обыкновенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Во имя Христа, въ такомъ-то году царствованія такого-то короля,

mentum Caesarii». № 180: «Testamentum Aredii». № 230: «Testamentum Bertramni». № 257: «Testamentum Burgundofarae». № 300: «Testamentum Hadoindi». № 382: «Testamentum Leodegarii». № 413: «Testamentum filii Idanae». № 439: «Testamentum Ephibii et Rufinae». № 449: «Testamentum Irminae». № 452: «Testamentum Erminetrudis».

¹ *Andegavenses*, 41.—*Turonenses*, 22.—*Marculf*. II, 17.—*Senonicae*, 42, 45.—*Lindenbrogianae*, 12.—*Merkelianae*, 24.

² Сборникъ *Rozière*, passim; особенно №№ 171, 216, 272, 278.

³ *Lex Burgundionum*, LX: «Si quis barbarus testari aut donare voluerit, aut romanam consuetudinem aut barbaricam esse servandam sciat, id est, aut scripturis legitimis aut quinque ingenuorum testimonio».—Ср. *Edictum Theodorici*, 32.

въ такой-то день [1]. Я, такой-то, сынъ такого-то, находясь въ здравомъ умѣ, составилъ свое завѣщаніе и написалъ его при помощи такого-то нотарія [2], съ тѣмъ чтобы послѣ моей кончины оно было бы вскрыто въ день, назначенный закономъ, послѣ того, какъ будутъ признаны поставленныя снаружи подписи и перерѣзана связывавшая его по постановленію римскаго закона [3] льняная нить, и чтобы оно было внесено въ муниципальные списки» [4]. Это — безусловно римскій языкъ; стало быть, правила, опредѣляемыя формулами седьмого и восьмого вѣковъ — именно правила римскаго права [5]. Ихъ уже установилъ юрисконсультъ Павелъ въ очень сходныхъ выраженіяхъ. Вскрытіе завѣщанія на судѣ, констатированіе подлинности подписей, чтеніе текста, внесеніе въ оффиціальные списки—все это шло отъ римской имперіи [6]. Люди седьмого вѣка замѣ-

¹ *Marculf*. II, 17: «Regnante in perpetuo domino nostro Iesu Christo, anno illo, regnante illo rege, sub die illo, ego ille...»—*Testamentum Bertramni*: «In nomine domini nostri Iesu Christi».

² *Marculf*. II, 17: «Ego ille filius illius, sana mente integroque consilio, testamentum meum condidi, quem illi scribendum commisi» (или «quem illi notario scribendum commisi)».

³ *Marculf*. II, 17: «Quum dies legitimus post transitum nostrum advenerit».—Относительно *dies legitimus* см. *Paul*. Sententiae, IV, 6, 3: это былъ третій или пятый день послѣ кончины, по крайней мѣрѣ, если свидѣтели находились налицо.

⁴ *Marculf*. ibidem: «Recognitis sigillis, inciso lino, ut romanae legis decrevit auctoritas, gestis reipublicae minicipalibus titulis muniatur».—Извѣстно, что на языкѣ Дигестъ и римскихъ кодексовъ *respublica* обозначало муниципальную общину; рѣчь шла, значитъ, о записи въ мѣстной куріи.

⁵ *Cod. Theod*. IV, 4;—*Novell. Theod*. XVI.

⁶ *Paul*. Sententiae, IV, 6: «Tabulae testamenti aperiuntur hoc modo, ut testes adhibeantur, qui signaverint testamentum, ita ut

нили только имя консула годомъ царствующаго короля; въ началѣ они прибавили имя Христа, въ концѣ— анаѳему на тѣхъ, кто нарушитъ волю завѣщателей.

Вотъ, какъ начинаетъ свое завѣщаніе Бертрамнъ, въ 615 году: «Во имя Христа, въ 6 число апрѣльскихъ календъ, въ 22-й годъ царствованія славнаго короля Хлотара, я, Бертрамнъ, здравый умомъ и тѣломъ, составилъ завѣщаніе и поручилъ записать его нотарію Эббону, и если бы случилось, что какое-нибудь правило гражданскаго или преторіанскаго права лишило его силы, я желаю, чтобы оно сохранило, по крайней мѣрѣ, значеніе въ видѣ кодицилла» [1]. Кончаетъ онъ такъ: «Я поручаю архидіакону произвести послѣ моей

agnitis signis, rupto lino, aperiatur et recitetur, ac signo publico obsignatum in archium redigatur».—*Ibidem*: «Testamenta in foro vel basilica praesentibus testibus vel honestis viris aperiri recitarique debebunt».—Относительно внесенія завѣщанія въ муниципальные списки при посредствѣ куріи см. нѣсколько меровингскихъ формулъ.—*Marculf*. II, 37, 38,—*Senonicae*, appendix, Zeumer, 208—209; Rozière, №№ 259, 261.

[1] *Diplomata*, t. I, стр. 197: «Sub die sexto calendas apriles, anno 22 regnantis gloriosissimi Clotarii regis... sanus mente et corpore, sano consilio, testamentum meum condidi idemque Ebbonem notarium scribere rogavi: quod testamentum, si quo (casu) iure civili aut iure praetorio vel alicuius novae legis interventu valere nequiverit... ad vicem codicillorum valere id volo». - Такое упоминаніе гражданскаго и преторіанскаго права, какъ будто весьма несвоевременное въ седьмомъ вѣкѣ, встрѣчается опять въ завѣщаніи Бургундофары (*Diplomata*, t. II, стр. 16) и въ завѣщаніи Гадоинда (стр. 69). Таковъ былъ стилистическій пріемъ формальнаго языка: очевидно, что слова были уже непонятны, но они сохранились въ формѣ шаблона отъ прежнихъ временъ.

смерти вскрытіе моего завѣщанія и внести его, согласно закону, въ муниципальные списки» [1].

Еще одна особенность римскаго права удержалась въ меровингскомъ государствѣ,—это была именно тридцатилѣтняя давность. Римское право признавало, что фактическое владѣніе землею въ продолженіе длиннаго промежутка времени, безъ протеста со стороны настоящаго владѣльца, давало въ концѣ концовъ лицу, занявшему землю, полную собственность надъ нею, или, по крайней мѣрѣ, всякій запоздалый протестъ противъ него на судѣ становился недѣйствительнымъ. Правило это можно найти у цѣлаго ряда юрисконсультовъ въ Дигестахъ, также въ законахъ Константина, Валентиніана III, а затѣмъ и въ законахъ Гундебальда, Хлотара и Хильдеберта II [2].

Такимъ образомъ, старыя начала германскаго права понемногу исчезали, уступая мѣсто принципамъ римскаго права, слегка измѣненнымъ естественнымъ ходомъ временъ. Это крупное измѣненіе осуществилось не только въ Галліи или Италіи: его можно было бы засвидѣтельствовать въ самой внутренней Германіи.

---

[1] «Rogo... archidiaconum, ut, cum testamentum meum apertum fuerit, ipso prosequente, gestis municipalibus secundum legem faciat alligari».

[2] *Paul*. Sententiae, V, 2, 3.—*Cod. Theod*. IV, 13.—*Novell. Valentian*. 26 (Haenel, 215).—*Lex Burgundionum*, LXXIX, 2—5.—*Chlotarii praeceptio*, 13 (Boretius, 19).—*Childeberti decretio*, 3 (Boretius, 16): «Omnes omnino tricenaria lex excludat».—*Lex Wisigothorum*, X, 2, 5.—Когда присутствовали оба лица, то-есть, когда настоящій собственникъ былъ на мѣстѣ, давность назначалась десятилѣтняя, а для несовершеннолѣтнихъ— двадцатилѣтняя; во всякомъ случаѣ, по истеченіи тридцати лѣтъ протестъ уже не принимался.—См. *Turonenses*, 39.

ГЛАВА IV.

Что такое былъ аллодъ?

Въ документахъ меровингской эпохи очень часто встрѣчается слово *alodis* или *alotis*, измѣнившееся затѣмъ въ *alodium* и перешедшее позднѣе во французское *aleu* или *alleu* [1].

На одномъ этомъ словѣ была построена цѣлая историческая теорія. Прежде всего высказано было предположеніе, что оно обозначало особую категорію земель, получавшихся по жребію. Изъ этой гипотезы, оставшейся, впрочемъ, недоказанной, вывели логическое заключеніе, что, при вступленіи своемъ въ Галлію, Франки должны были завладѣть частью земель, и что они раздѣлили ихъ между собою при помощи жеребьевки. Отсюда дальше утверждали, что такая аграрная операція должна была создать особый видъ земель, названныхъ аллодами, отличительною чертою которыхъ была принадлежность ихъ Франкамъ — принадлежность по праву завоеванія; земли эти были будто бы въ сущности предоставлены воинамъ и пользовались извѣстными привилегіями, какъ напримѣръ, освобожденіемъ отъ налоговъ. Эти легкомысленные выводы лишены всякой научности. Истину надлежитъ искать путемъ внимательнѣйшаго изслѣдованія документовъ.

Перечтя всѣ памятники меровингской эпохи, прежде

[1] Установившаяся нынѣ орѳографія, которой мы и подчиняемся въ настоящей главѣ, пишетъ *alleu*, аллодъ. Но подлинные документы эпохи не удваиваютъ буквы *l*.

всего, убѣждаемся, что ни одинъ изъ нихъ не свидѣтельствуетъ объ отобраніи Франками у Галло-Римлянъ ни всѣхъ земель, ни даже какой-нибудь части. Нѣтъ даже указаній на захватъ и раздѣлъ земель, принадлежавшихъ императорскому фиску; документы удостовѣряютъ, наоборотъ, что императорскія земли оставили въ своемъ владѣніи короли, пожаловавъ часть ихъ церкви. Нигдѣ не говорится о раздѣлѣ земли между Франками; и во всей массѣ текстовъ, сохраненныхъ отъ тѣхъ вѣковъ, не встрѣчается ни одного намека на жеребьевку.

Мы можемъ высказать еще слѣдующее замѣчаніе. Грамоты упоминаютъ болѣе 900 помѣстій, отмѣчая относительно каждаго, по какому праву владѣлъ имъ его собственникъ. Часто онъ владѣлъ имъ, благодаря куплѣ, иногда — благодаря пожалованію, чаще всего — по наслѣдству. Ни разу не сказано, чтобы собственникъ владѣлъ землею благодаря раздѣлу между воинами. Среди столькихъ примѣровъ поищите имѣніе, которое было бы пріобрѣтено «по жребію», или «по праву завоеванія», или «по праву меча», — вы не найдете ни одного такого имѣнія.

Ни одинъ изъ писателей меровингской эпохи или слѣдовавшей за нею не высказываетъ мнѣнія, что аллоды были землями, пріобрѣтенными воинами. Изъ всѣхъ письменныхъ памятниковъ, обнаруживающихъ намъ, что думали люди того времени, нѣтъ ни одного, который допускалъ бы предположеніе, что такая мысль находилась въ ихъ умахъ. Это чисто современное представленіе. Разслѣдовавъ, на чемъ основывались придерживавшіеся его ученые, мы видимъ, что они не приводятъ въ защиту своего взгляда ни одного текста,

не ссылаются ни на одно авторитетное свидѣтельство [1].

Между тѣмъ, текстовъ, въ которыхъ встрѣчается слово *alodis*, имѣется очень много. Достаточно было прочитать ихъ, чтобы удержаться отъ заблужденія. Смыслъ ихъ очень ясенъ; они не даютъ повода къ сомнительному толкованію. Надо ихъ тщательно разсмотрѣть: тогда легко установить истинное значеніе слова *alodis*.

Въ Салической Правдѣ есть глава LIX-я, которая носитъ заглавіе *De alode*, или *De alodibus*. О чемъ же говорится въ текстѣ? О воинахъ? О метаніи жребія? О привилегированныхъ земляхъ? Вовсе нѣтъ. Рѣчь идетъ здѣсь лишь о правѣ наслѣдованія. Въ текстѣ употребляется выраженіе *hereditas*, въ заглавіи же стоитъ *alodis*; очевидно, это одно и тоже [2]. Перевести заглавіе *De alode* иначе, какъ «о наслѣдствѣ» или «о наслѣдованіяхъ» невозможно. То же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно Рипуарской Правды, и относительно Правды Тюринговъ: то, что въ соотвѣтствующихъ статьяхъ этихъ сводовъ называется *hereditas*, въ заглавіи каждой изъ нихъ именуется *alodis* [1].

[1] *Montesquieu*, Esprit des lois, XXX, 7 и 8.—*Guizot*, Essais sur l'histoire de France, изд. 1884 г. стр. 65 и слѣд. стр. 159 и слѣд.—*Gaupp*, Dissertatio inauguralis, 1842.—*Pardessus*, Loi Salique, стр. 534—541.—*Zoepfl*, Deutsche Rechtsgeschichte, изд. 1872 г., т. III, стр. 140, 168.—*Garsonnet*, Hist. des locations perpetuelles, стр. 205 и 208.

[2] *Lex Salica*, LIX,—De alode, § 1: «In hereditate succedant»; § 2: «Hereditatem obtineant»; § 4: «Hereditatem sibi vindicent»; § 5: «Nulla in muliere hereditas».—Въ двухъ рукописяхъ, Парижской 4404, с. 88 и въ Вольфенбюттельской, с. 99 находится глава: *De alode patris*, объ отцовскомъ наслѣдствѣ.

Въ Баварской Правдѣ мы видимъ, какъ разрѣшается споръ между двумя сосѣдями относительно границъ ихъ владѣній. Они являются къ судьѣ, и одинъ изъ нихъ говоритъ: «Предки мои владѣли землею по эту черту, такъ они и оставили мнѣ ее въ аллодъ»—«*in alodem mihi reliquerunt*». Ясно, что рѣчь идетъ здѣсь о землѣ, переданной по наслѣдству [2]».

Перейдемъ теперь къ изученію формулъ. Есть между ними четыре, содержаніемъ которыхъ является раздѣлъ наслѣдства между братьями. Онѣ принадлежатъ къ различнымъ областямъ: одна—къ турской, другая—къ санской, третья—къ парижской, четвертая причисляется къ такъ называемымъ салическимъ формуламъ сборника Биньона [3]. По содержанію онѣ совершенно походятъ одна на другую, походятъ почти совершенно и по формѣ. Во всѣхъ четырехъ формулахъ главная фраза та, въ которой братья объявляютъ, «что они согласны между собою на полюбовный раздѣлъ отцов-

[1] *Lex Ripuaria*, codices B, LVIII; De alodibus: «In hereditatem succedant... In hereditatem aviaticam non succedat».—*Lex Angliorum et Werinorum*, VII, De alodibus: «Hereditatem defuncti filius susçipiat... Heres ex tot succedat... filia ad hereditatem succedat».

[2] *Lex Baiuwariorum*, XII, 8, Pertz, Leges, t. III, p. 312; Walter, XI, 5.—*Ibidem*, II, 1, 3: «Ut nemo alodem aut vitam perdat».—Во второмъ примѣрѣ *alodis* означаетъ скорѣе собственность или же два понятія—собственности и наслѣдства здѣсь сливаются.

[3] *Turonenses*, 25, Zeumer, p. 149.—*Senonicae*, 29, Zeumer, p. 197.—*Marculf*. II, 14, Zeumer, p. 84.—*Salicae Bignonianae*, 19, Zeumer, p. 235; Rozière, №№ 122, 123, 124, 126.

скаго наслѣдства». Это понятіе одинъ разъ выражено въ данномъ текстѣ словомъ *hereditas* и три раза словомъ *alodis*. Турская формула гласитъ: «*Placuit atque convenit inter illum et germanum suum illum, ut hereditatem paternam inter se dividere vel exaequare deberent*». — Санская же читается: «*Placuit atque convenit inter illum et germanum suum illum de alote qui fuit genitoris, ut dividere vel exaequare deberent*».—Когда мы внимательно разсмотримъ эти двѣ совершенно сходныхъ фразы, намъ сейчасъ станетъ ясно: то, что называется *hereditas paterna* въ одной изъ нихъ, именуется *alodis genitoris* въ другой. Оба выраженія тождественны. Потому-то мы и читаемъ въ концѣ одной формулы, что послѣ раздѣла каждый изъ двухъ братьевъ обязывается ничего больше не требовать изъ отцовскаго наслѣдства, *ex alode genitoris* [1].

По первому впечатлѣнію можно было бы предположить, что аллодъ, или алодъ, былъ спеціально землею. Но двѣ формулы, одна изъ Маркульфа, другая изъ Санскаго сборника, перечисляютъ предметы, которые поступали въ раздѣлъ, и мы видимъ, что вмѣстѣ съ землей указывается и движимое имущество, золото, драгоцѣнныя вещи и ткани [2]. Значитъ, *alodis genitoris* составлялся не только изъ отцовской земли, а заключалъ въ себѣ все, что отецъ оставлялъ, это, какъ говорится теперь, вся совокупность (la masse entière) наслѣдства.

[1] *Marculf.* II, 14.

[2] *Marculf.* ibidem: «Accepit ille villas... De praesidio vero drappos, fabricaturas, supellectile».—*Senonicae*, 29: «Etiam aurum, argentum, drapalia, aeramen, peculium, inter se visi fuerunt dividisse».

Анализируемъ еще формулы, относящіяся къ завѣщанію. Возьмемъ, прежде всего, четыре формулы съ одинаковымъ содержаніемъ: отецъ хочетъ, чтобы дѣти его преждеумершаго сына или дочери, получили бы долю въ его наслѣдствѣ. Во всѣхъ мы видимъ одинъ и тотъ же одинаковый предметъ и ту же самую форму; онѣ адресованы именно къ внукамъ, и въ трехъ изъ нихъ дѣдъ начинаетъ такъ: «По закону вы не могли бы принять участія въ раздѣлѣ моего наслѣдства»; три раза это выражено словами: «*per legem in alode meo minime succedere poteratis*» [1]. Четвертая формула выражаетъ то же самое слѣдующими словами: «*In hereditate minime succedere poteras*» [2].

Если мы присоединимъ еще дарственныя формулы, или формулы продажи, то много разъ найдемъ и въ нихъ, какъ даритель или продавецъ упоминаетъ, что онъ владѣетъ землею по наслѣдству отъ своихъ родителей. Въ одной половинѣ формулъ это высказано словами:—«*ex successione parentum meorum*», въ другой словами—«*ex alode parentum meorum*» [3]. Вездѣ здѣсь можно замѣтить, что выраженіе *ex alode* совершенно такъ же противопоставлялось выраженію *ex attracto*, или *ex comparato*, обозначавшему покупку, какъ теперь родовое имущество противопоставляется благопріобрѣтенному.

[1] *Formulae Turonenses*, 22: «Per legem in alode meo minime succedere poteratis».—*Marculf.* II, 10: «Per lege in alode meo accedere minime potueratis».—*Merkelinae*, 26: «Et vos in alode minime succedere poteratis».

[2] *Senonicae*, 45: «Sicut Lex Salica continet, minime in hereditatem succedere poteras».

[3] Именно, въ сборникѣ *Rozière* см. №№ 247, 248, 268, 271.

Въ формулѣ уступки пожизненнаго пользованія, лицо, получившее дозволеніе на пользованіе, пріобрѣтаетъ право владѣть землею только въ продолженіе своей жизни, а не передавать ея по наслѣдству своимъ родичамъ, *nec ad heredes meos in alode relinquere* [1]. Другая формула перечисляетъ различные виды документовъ, которые хранятся въ одномъ семейномъ архивѣ; это—акты продажи, пожалованія, мѣновые акты и акты о наслѣдованіи—*de alode parentum* [2].

Грамоты согласуются съ формулами. Въ нихъ *ex alode* говорится вездѣ о томъ, чѣмъ владѣютъ по наслѣдству, и выраженіе это противополагается выраженіямъ *ex comparato, ex attracto, ex labore*, которыя обозначаютъ благопріобрѣтенное. Такимъ-то образомъ Godинъ и жена его Лантруда жалуютъ земли, которыми они владѣли «какъ по наслѣдству (*de alodo patrum*), такъ и благодаря собственному пріобрѣтенію (*de quolibet attracto*)» [3]. Эрменбертъ и Эрменоара дарятъ земли, поля, луга и лѣса, «которые они получили по наслѣдству отъ своихъ родителей» (*de alodo patrum*) [4]. Вигилій, Амальфредъ, Реолъ и Ансбертъ также говорятъ о земляхъ, которыми они владѣли «*de alode parentum*» [5]. Среди многочисленныхъ своихъ помѣстій Аббонъ различаетъ въ своемъ завѣщаніи тѣ, которыя онъ пріобрѣлъ путемъ купли (*comparavit*) отъ тѣхъ, которыми владѣлъ по наслѣдству (*ex alode parentum*) [1].

[1] *Formulae Bignonianae*, 21, Rozière, № 342, 2.

[2] *Marculf*. I, 33: «Instrumenta cartarum, per venditionis, donationis, commutationis titulum, vel de alode parentum».

[3] *Diplomata*, № 186: «Quidquid tam de alode quam de quolibet attracto habemus».

[4] *Diplomata*, № 256: «Campis, silvis, pratis... tam de alodo patrum nostrorum vel undecunque ad nos pervenit».

[5] *Charta Vigilii*, Diplomata, № 363: «Quae de alode mihi pervenit».—*Charta Amalfredi*, № 404: «Villas tam de alode parentum meorum quam de comparato».—*Charta Reoli*, № 406: «Locum ex nostra proprietate, sive de alode parentum vel de quolibet attracto».—*Charta Ansberti*, № 437: «Villam de alode parentum meorum».

Когда составители писцовой книги сенъ-жерменскаго аббатства, жившіе во времена Карла Великаго, напоминаютъ, что вилла Витріакъ съ ея лѣсомъ была при Хлодовехѣ *alodum* св. Германа [2], въ умѣ ихъ не являлось, конечно, мысли, что святой былъ нѣкогда франкскимъ воиномъ, или что онъ владѣлъ землею по праву завоеванія. Они даже знали, что не франкскій король далъ ему эту землю; дѣйствительно, онъ получилъ ее отъ отца своего Элевѳерія и матери Евсевіи, которые владѣли ею до него и оставили ее ему въ наслѣдство, *alodum* [3].

Я не могу цитировать подобные тексты до безконечности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ меровингскую эпоху слово *alodis* имѣло значеніе наслѣдства, вообще немного позже, особенно въ формѣ *alodium*, оно стало означать болѣе точно родовую собственность [4], еще позже

[1] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, № 559. Ср. еще грамоту Хлодовеха III отъ 692 года, въ которой король говоритъ объ одномъ лицѣ, владѣвшемъ землями «tam de alote parentum quam de comparato» (*Archives Nationales*, Tardif № 32, Pardessus № 429).

[2] *Polythyque de St. Germain-des-Près*, I, p. 117, éd. *Guérard*: «Quae silva cum ipsa villa fuit alodum S. Germani... Ipsum alodum Germanus contulit ecclesiae».

[3] *Ibidem*, § 3, 118.—Рожденіе св. Германа Болландисты относятъ къ 496 году.

[4] См. Хронику св. Бенигна дижонскаго, изд.

оно уже прилагалось ко всякой собственности [1]; но ни изъ одного примѣра не видно, чтобы оно обозначало особый видъ земель.

Такое множество совершенно согласныхъ между собою текстовъ заставляетъ историка утверждать, что аллодомъ въ меровингскую эпоху называлась не земля, а наслѣдственное право, въ силу котораго владѣли какъ землею, такъ и всякимъ другимъ имуществомъ. Изъ текстовъ мы видимъ, что движимымъ имуществомъ или рабами также владѣли *de alode*, то-есть, по наслѣдству [2].

Составители грамотъ не говорили, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка, — «я владѣю аллодомъ, я дарю или продаю аллодъ». Вы ни разу не встрѣтите такого выраженія. Они говорили—«я дарю или продаю такую-то землю или такой-то другой предметъ, которымъ владѣю по наслѣдству (*de alode*) отъ своихъ родителей».

Bougaud, стр. 64: «Godinus dedit S. Benigno alodium iuris sui, cui vocabulum est Albiniacus».—Въ одной хартіи 741 года (*Diplomata*, № 562), выраженія *alodium meum* и *possessio hereditaria* употреблялись попеременно для обозначенія одной и той же вещи.—*Chronicon Centulense*, I, 15: «Paternae hereditati, quam nostrates alodium vel patrimonium vocant».—*Meichelbeck*, Hist. Frising. instrum. №№ 30, 36, 45, 72.

[1] *Alodis* въ смыслѣ собственности встрѣчается уже въ *Merkelianae*, 11: «Campus est de latere terra illius et de alio latere et fronte alode illius».—Это же значеніе оно имѣетъ, повидимому, въ *charta Girardi*, Diplomata, № 196.

[2] *Formulae Arvernenses*, 3: «Ancillam meam cum infantis illius, quam de alode visi sumus habere».—*Arvernenses*, 4: «Servus qui de alode parentum meorum mihi obvenit».—*De alode* владѣли также вольноотпущенниками: «Libertum Umbertum et filios eius, quos ex alode de genitore meo habeo» (*Testamentum Abbonis*, Diplomata, II, 374)

Богатый завѣщатель, оставлявшій послѣ себя нѣсколько *villae*, не писалъ: «я завѣщаю свои аллоды», а выражался такъ: «я завѣщаю свои помѣстья, которыми владѣю *de alode*». Въ нашихъ меровингскихъ грамотахъ и формулахъ слово *alodis* не употреблялось во множественномъ числѣ. Никто не писалъ, что онъ владѣетъ нѣсколькими аллодами даже въ томъ случаѣ, когда ему принадлежало нѣсколько помѣстій. Аллодъ былъ совокупностью всего имущества, доставшагося какому-нибудь человѣку отъ его родителей; по смерти этого человѣка его аллодъ это была совокупность имущества, которое онъ передавалъ своимъ сыновьямъ, и такой аллодъ могъ заключать въ себѣ неопредѣленное число *villae* [1].

Въ нашихъ документахъ терминъ аллодъ прилагался къ имуществу священника совершенно такъ же, какъ и къ собственности воина. Вигилій и Реолъ свидѣтельствовавшіе о себѣ, что они владѣютъ землею *de alode* были епископами. Аллоды существовали одинаково у Римлянъ, какъ и у Франковъ. Владѣніе по аллоду распространялось на женщинъ такъ же, какъ на мужчинъ: въ случаяхъ, когда онѣ владѣли по наслѣдству, ихъ право обозначалось въ актахъ именно этимъ терминомъ. Мы видимъ, напримѣръ, въ овернской формулѣ, что женщина даетъ своему мужу довѣренность на защиту въ судѣ ея интересовъ во всемъ, что касается имущества, которымъ она обладаетъ, по аллодіальному праву (*de alode*) отъ родителей, или которое

[1] См. напримѣръ, формулы Маркульфа, II, 9 и 14, гдѣ *alodis* заключаетъ въ себѣ много *villae*.

она пріобрѣла путемъ купли [1]. Женщины могли передавать собственность по наслѣдству; потому то въ грамотахъ нерѣдко читаемъ, что сынъ получалъ *de alode* отъ своей матери» [2]. Такъ мы видимъ, что два брата Урсинъ и Бепполенъ, дѣлятъ между собою: 1) три помѣстья, полученныя «изъ наслѣдства (*ex successione*) отца Хродолена», и 2) нѣсколько другихъ помѣстій, полученныхъ «*de alode* отъ матери» [3]. Ансбертъ владѣлъ помѣстьями «*de alode* отъ своихъ родителей, одинаково, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери» [4]. Ерманрадъ приноситъ въ даръ виллу и припоминаетъ, что получилъ ее «*de alode* отъ бабки своей Гунтруды» [5]. Аббонъ завѣщаетъ три помѣстья, которыя достались ему «*de alode* отъ матери его Рустики» [6]. Хродоинъ жалуетъ Виссенбургскому монастырю все, чѣмъ владѣлъ *de alode* отъ отца своего, или отъ матери, или путемъ купли» [7]. Изъ одной

[1] *Formulae Arvernenses*, 2: «Quidquid de alode parentum meorum aut de attracto».

[2] *Marculf.* II, 9: «Vos omnem alodem genitricis vestrae recepistis».—*Merkelianae*, 22: «Dum genitrix vestra de hac luce discessit, vos omni alode (omnem alodem) in vestram recepistis dominationem».

[3] *Archives nationales*, Tardif № 6, Pardessus № 245: «Ex successione genitoris sui Chrodoleni Ferrarias, Leubaredo, Eudoncovilla... vel villas illas quod in Rotoneco de alode materna»...

[4] *Charta Ansberti*, Diplomata, № 437: «De alode parentum meorum tam de materno quam de paterno».

[5] *Charta Ermanradi*, Diplomata, additam. 18, t. II, p. 434: «Villa ipsa est de alode aviolae meae Guntrudis».

[6] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, № 559, t. II, p. 375: «Ex alode genitricis meae Rusticae».

[7] *Codex Wissenburgensis*, № 247: «Quod de alode parentum meorum mihi legibus obvenit tam de paternium quam de mater-

формулы мы можемъ видѣть, въ какихъ выраженіяхъ супруги составляли обоюдно другъ другу завѣщаніе на владѣніе имуществомъ послѣ смерти одного изъ двоихъ; мужъ называлъ наслѣдство, которое онъ оставитъ послѣ себя, «своимъ аллодомъ», жена въ томъ же смыслѣ писала: «мой аллодъ» [1].

Нѣтъ почти ни одной грамоты, гдѣ не упоминалось бы пріобрѣтеніе имущества путемъ наслѣдства. Иногда оно обозначалось выраженіемъ *ex successione*, иногда же—*ex alode*. Оба выраженія повторяются безпрестанно, то одно, то другое, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одинаковыхъ фразахъ, и, явно, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ. Они совершенно тождественны. Мы изслѣдовали, не являлось ли каждое изъ нихъ спеціально характернымъ для какой-нибудь одной области, какого-нибудь края; оказывается, что нѣтъ: слово *alodis* встрѣчается въ актахъ, писанныхъ въ Анжу [2], Турени [3], Оверни [4], въ области Парижа [5], Санса [6],

nium, seu de comparato».—Другой примѣръ, *ibidem*, № 234: «De alode paterna vel materna».—Второй актъ относится къ 675 году, первый составленъ былъ около 725 г.

[1] *Marculf*, II, 7: «Dono tibi, dulcissima coniux mea, omne corpus facultatis meae tam de alode aut de comparato... quantumcunque de alode nostra post meum discessum... Similiter ego illa, dulcissime iugalis meus... quod de alode mea post meum discessum...».

[2] *Formulae Andegavenses*, 1, Zeumer, p. 4.

[3] *Formulae Turonenses*, 22.

[4] *Formulae Arvernenses*, 2, 3, 4, Zeumer, p. 29—30.

[5] *Marculf*. I, 33; II, 7; II, 10; II, 14.

[6] *Formulae Senonicae*, 29 и 45.

Руергѣ [1], Дофинэ [2], Провансѣ [3], Бургундіи [4], въ области Оксерра, въ Вермандуа, Компьени, Отенѣ [5], въ Эльзасѣ [6] и на правомъ берегу Рейна [7]. Отъ всѣхъ этихъ провинцій у насъ сохраняются еще другіе акты, въ которыхъ вмѣсто слова *alodis*, употреблялось слово *hereditas*. Итакъ, оба выраженія одинаково примѣнялись въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и ни одно изъ нихъ не составляло специфической особенности языка въ документахъ той или другой области.

Мы изслѣдовали, кромѣ того, не прилагались ли тѣ же два термина, исходившіе, повидимому, изъ двухъ различныхъ языковъ, предпочтительно къ людямъ одной или другой расы. Дѣйствительно, мы ожидали бы видѣть, что Франки говорили *alodis*, а Римляне—*hereditas*. Оказывается совсѣмъ не то: въ актахъ, составленныхъ Римлянами согласно римскому закону встрѣчается слово *alodis*. Это особенно ясно изъ одной формулы Турскаго сборника: она начинается со ссылки на *lex romana*; въ ней примѣняется правило, присущее исключительно римскому праву; однако въ этомъ актѣ,

[1] *Diplomata*, № 245.

[2] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, № 559.

[3] Хартулярій св. Виктора Марсельскаго, № 83: «De alode parentum meorum».

[4] *Diplomata*, № 186.—Ср. Хронику св. Бенигна дижонскаго (стр. 64).

[5] *Diplomata*, №№ 363, 404, 406, 437.

[6] *Schoepflin*, Alsatia diplomatica, I, p. 13.—*Diplomata*, № 542.

[7] *Codex Wissenburgensis*, №№ 18, 23, 234, 246, 247 etc.—*Neugart*, №№ 283, 287 etc.—*Beyer*, 14, 15, 25 etc.—Слово это всегда означаетъ наслѣдство, какъ въ германской землѣ, такъ и въ Галліи.—*Beyer*, № 25: «Quod genitor meus mihi in alodo reliquit».

неимѣющемъ ничего общаго съ франкскимъ правомъ, составитель его дважды употребляетъ слово *alodis* для обозначенія наслѣдства [1]. Въ одной формулѣ Буржскаго сборника пожалователь, ссылающійся на *ius praetorium* и на *auctoritas sacrorum imperatorum*, и вносящій свой актъ въ регистры куріи, называетъ свое родовое имѣніе *alodis genitorum meorum* [2]. Въ другой формулѣ, вполнѣ римской и по содержанію, и по формѣ, въ которой дѣлается ссылка какъ разъ на одну главу изъ кодекса Ѳеодосія, даритель называетъ свое родовое имѣніе *alodis mea* [3]. То же замѣчаніе мы могли сдѣлать относительно трехъ другихъ формулъ; онѣ—очевидно, римскія, а мы встрѣчаемъ въ нихъ слово *alodis* [4]. Зато въ другихъ актахъ, составленныхъ Франками и ссылающихся на Салическую Правду, предпочтительно упоминается именно слово *hereditas*. Человѣкъ, жалующійся на то, что законъ исключаетъ дочерей изъ его наслѣдованія, не можетъ быть Римляниномъ, а онъ употребляетъ слово *hereditas* [5]. *Hereditas* пишетъ также одинъ даритель, заявляющій, что онъ сообразуется съ «Салической Правдой и древнимъ обычаемъ» [6]. Вигилій, который былъ Римляниномъ и

[1] *Formulae Turonenses*, 22.

[2] *Formulae Bituricenses*, 15: «Sacrorum imperatorum sensit auctoritas... Qui iure postulat praetorio et gestis requirit municipalibus... Haec omnia tam de alode genitorum meorum quam de attracto».

[3] *Formulae Turonenses*, appendix, 2, Zeumer, p. 164.—Упомянутая тамъ глава изъ кодекса Ѳеодосія находится, дѣйствительно, въ *Lex romana Wisigothorum*, III, 5.

[4] *Formulae Arvernenses*, 6.—*Andegavenses*, 1; 41.

[5] *Marculf*. II, 12.

[6] *Formulae Merkelianae*, 15.

епископомъ, говоритъ, что имѣнія его достались ему «*de alode* отъ его родителей [1]. Аббонъ, который происходилъ изъ южной Галліи, былъ сыномъ Феликса и Рустики, говорилъ о преторіанскомъ правѣ и сообразовался въ своемъ завѣщаніи съ римскимъ закономъ, принадлежалъ, очевидно, къ римской расѣ, а онъ шесть разъ упоминаетъ слово *alodis* [2]. Съ другой стороны. Адроальдъ, который обиталъ въ Теруенской области, Бернхарій, пребывавшій въ Реймсѣ, Ирмина въ Трирѣ, Бертиленда—въ Токсандріи—всѣ пишутъ *hereditas* [3]. Пересмотрите Виссенбургскія, Фульдскія и Сен-Галленскія грамоты: дарители пишутъ иногда *alodis*, но чаще *hereditas*, или *successio*. Итакъ, люди обоего племени одинаково могли употреблять всѣ эти выраженія; они даже, можетъ быть, не различали, что одно изъ словъ было германское, другое римское. Составитель акта по произволу своему писалъ «наслѣдство» или «аллодъ». Иногда одинъ и тотъ же человѣкъ въ одной и той же грамотѣ, на разстояніи нѣсколькихъ строкъ поочередно употреблялъ оба термина, для избѣжанія повторенія слова [4].

Очень многіе занимались этимологіею слова *alodis*,

[1] *Diplomata*, № 363.

[2] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, № 559, p. 370—377.—*Ius praetorium* упоминается на стр. 370, а *lex Falcidia* на стр. 375.

[3] *Diplomata*, №№ 312, 369, 448, 476.

[4] См. напримѣръ, *Senonicae*, 42: «Ex hereditate... ex alode parentum».—*Ibidem*, 45: «In hereditate succedere... in alode parentum». Одна формула Маркульфа, II, 7, также содержитъ оба выраженія: «de hereditate» и «de alode».—Точно также въ *Diplomata*, № 562, мы видимъ, что одинъ человѣкъ обозначаетъ сначала свои помѣстья словами «possessio mea hereditaria», а потомъ словами «allodium meum».

alode. Легко доказать, что оно не существовало въ классической латыни, но достаточное ли это основаніе для того, чтобы тотчасъ же приписать ему германское происхожденіе? Въ нѣмецкомъ языкѣ его нѣтъ такъ же, какъ и въ латинскомъ.

Отыскать въ языкѣ Германцевъ два слога, по звуку соотвѣтствовавшія приблизительно тому, что желали найти, оказалось безъ сомнѣнія не трудно. Ученые остановились съ одной стороны на словѣ *all*, что значило всѣ, съ другой—на словѣ *od*, означавшемъ имущество, и утверждали, что соединеніе ихъ могло образовать слово *alod* [1]. Но объяснять слово путемъ произвольнаго сближенія двухъ различныхъ корней—довольно опасный пріемъ этимологической интерпретаціи; онъ вызываетъ улыбку въ настоящихъ филологахъ, слишкомъ хорошо напоминая имъ вошедшее въ пословицу этимологическое объясненіе слова *cadaver*: «caro data vermibus». Кромѣ того, слѣдовало бы доказать, что такое сочетаніе двухъ корней—*all* и *od*—произошло въ самомъ дѣлѣ въ развитіи германскихъ нарѣчій; между тѣмъ ни въ одномъ изъ послѣднихъ слово *alod* не существовало. Вы не найдете его ни въ нынѣшнемъ нѣ-

[1] *Grimm*, Deutsche Rechtsalterthümer, стр. 493.—*Maurer*, Einleitung, стр. 14.—*Eichhorn*, Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, глава 55.—*Pardessus*, Loi salique, стр. 538.—*Guérard*, Polyptyque d'Irminon, Proleg. стр. 476.—*Müllenhof*, Die Sprache der Lex Salica, въ приложеніи къ *Waitz*, Das alte Recht, стр. 278.—Мнѣніе это я оспаривалъ въ 1873 году въ спеціальномъ изслѣдованіи, напечатанномъ въ «Revue des deux mondes». *Glasson* возражалъ мнѣ въ третьемъ томѣ своего сочиненія «Histoire du droit et des institutions françaises», стр. 87; но авторъ не приводитъ ни одного новаго доказательства.

*

мецкомъ языкѣ, ни во всемъ, что извѣстно отъ старо-германскаго, старо-готскаго или скандинавскихъ языковъ. Если бы въ нихъ и встрѣчалось слово аллодъ, оставалось бы еще доказать, что оно значило наслѣдство, такъ какъ именно въ этомъ смыслѣ употреблялось первоначально въ памятникахъ слово alode. Предположивъ даже, что два слога *all* и *od* дѣйствительно слились въ одно слово, надо было бы думать что отъ этого получилось бы значеніе «все имущество», а не наслѣдство. Когда же люди шестого вѣка писали *alodis*, они не подразумѣвали, конечно, всего своего достоянія, а имѣли въ виду только то, которое перешло къ нимъ по наслѣдству. Они не подразумѣвали также подъ этимъ имущества, которое составляло болѣе полную ихъ собственность, чѣмъ другое, такъ какъ изъ всѣхъ ихъ грамотъ мы видимъ, что онѣ владѣли на одинаковомъ правѣ, какъ пріобрѣтенными благами (*ex comparato*) такъ и наслѣдственными (*ex alode*). Итакъ, этимологія *all-od* не подтверждается ни филологическими соображеніями, ни историческими данными. Слѣдовало бы искать другого, именно германскаго слова, которое означало «наслѣдство» и могло бы дать форму *alod*. Пока слово это не найдено, вопросъ объ этимологіи термина *alodis* останется открытымъ, подлежащимъ еще разрѣшенію.

Если невозможно найти происхожденіе этого слова, то, наоборотъ, легко прослѣдить его употребленіе. Оно не встрѣчается ни у Вестготовъ, ни у Бургундовъ, ни у Лонгобардовъ, ни у Саксовъ, такъ что нельзя сказать, что различныя вѣтви германской расы принесли его изъ общей родины. Въ шестомъ вѣкѣ оно существуетъ лишь въ Галліи, въ седьмомъ, — распространяется среди нѣкоторыхъ германскихъ народовъ, но именно лишь среди тѣхъ, которые подпали подъ власть царствовавшихъ въ Галліи королей [1]. Въ восьмомъ и девятомъ вѣкахъ оно начинаетъ употребляться уже въ подвластной каролингскимъ государямъ Германіи.

Отсюда можно, повидимому, заключить, что слово *alode* родилось въ Галліи, что оно спеціально свойственно говорамъ, развивавшимся въ Галліи, и выходило за предѣлы Галліи лишь постолько, посколько распространялось во внѣшній міръ вліяніе франкскаго государства. Я не знаю, произошло ли оно отъ галльскаго языка, или отъ простонародной латыни, или отъ какого-нибудь франкскаго нарѣчія, но выросло оно именно въ Галліи. Впрочемъ, такъ какъ слово это не встрѣчается ни у писателей, ни у поэтовъ, ни въ письмахъ того времени, а попадается только въ актахъ и формулахъ, то нужно допустить, что это былъ спеціальный терминъ, установившійся въ языкѣ законовѣдовъ и нотаріевъ Галліи.

Желательно было бы знать, какой самый древній документъ, въ которомъ встрѣчается слово аллодъ. Мнѣ кажется, что отвѣчая на этотъ вопросъ, можно колебаться лишь между анжуйскими или арвернскими формулами.

Возьмемъ, прежде всего анжуйскую формулу, помѣченную 530 или 514 годомъ [2]. Анжерская страна

[1] *Lex Baiuwariorum*, II, 1, 3; XII, 8.—*Lex Alamannorum*, XLV.—*Lex Angliorum et Werinorum*, XI; но слово *alodis* стоитъ только въ заголовкѣ соотвѣтствующихъ отдѣловъ; въ текстѣ мы читаемъ *hereditas*.

[2] *Formulae Andegavenses*, 1: «Annum quartum regni domini nostri Childeberti regis».—*Rozière* доказалъ, что здѣсь можетъ

очень незадолго передъ тѣмъ была захвачена Франками, и въ актѣ не замѣчается ничего германскаго; онъ былъ предъявленъ въ анжерскую курію въ присутствіи дефенсора и куратора, передъ собраніемъ куріаловъ и внесенъ въ муниципальные списки [1]. Вся процедура носитъ совершенно римскій характеръ. Законъ, на основаніи котораго составлена была грамота, не согласенъ съ Салической Правдой, такъ какъ вопросъ идетъ въ ней о женщинѣ, заявляющей, что она получила отъ родителей земли не въ силу спеціальнаго завѣщанія или дара, а по законному праву наслѣдованія; такой порядокъ тогда не былъ еще узаконенъ франкской Правдой [2]. Наслѣдственное право названо здѣсь *alodis*. Въ формулѣ находятся слова: «Anno quarto regni Childeberti»: это обозначаетъ 514 или 530 годъ, смотря по способу счисленія. Послѣднее вовсе не доказываетъ, что формула была составлена въ это именно время. Это доказываетъ только, что составитель сборника

говорится лишь о Хильдебертѣ I, владѣвшемъ Анжеромъ только съ 526 года.—*Zeumer* также думаетъ, что рѣчь идетъ о Хильдебертѣ I, но начало его царствованія, даже въ анжерскомъ краѣ, онъ относитъ къ 511 году и такимъ образомъ считаетъ, что разсматриваемый актъ относится къ 514—515 годамъ.

[1] *Andegavenses*, 1: «Iuxta consuetudinem, Andecavis civitate, curia publica resedere in foro... Rogo te, defensor ille, ille curator, ille magister militum (какъ ни высокопаренъ послѣдній титулъ, онъ обозначаетъ лишь начальника муниципальной полиціи и является чисто-римскимъ терминомъ) vel reliqua curia publica, ut codices publicos patere iubeatis».

[2] Текстъ, въ самомъ дѣлѣ, исходитъ отъ женщины: «Illas portiones meas, quas ex alote parentum meorum legibus obvenit vel obvenire debet».—Та же фраза повторяется во второй половинѣ формулы, и все цѣлое кончается такъ: «Mandatum Andecavis civitate curia publica».

формулъ заимствовалъ ее изъ находившагося передъ нимъ акта 530 года. Но очень можетъ быть, что актъ 530 года былъ составленъ по образцу еще болѣе раннему. Формула, во всякомъ случаѣ, безусловно римская, и по содержанію, и по языку [1].

Другая анжуйская формула представляетъ образецъ обоюднаго завѣщанія двухъ супруговъ, которые передаютъ другъ другу три четверти своего имущества [2]. Почему именно три четверти? Потому, что въ силу фальцидіева закона римское право разрѣшало супругамъ дѣлать другъ другу пожалованія именно въ такихъ предѣлахъ. Потому-то составители акта и заявляютъ такъ формально, что четверть своего имущества они оставляютъ законнымъ своимъ наслѣдникамъ [3]. Въ этой формулѣ, не имѣющей ничего общаго съ германскими обычаями, дважды употреблено слово *alode*.

Франки никогда не занимали Оверни [4]. Удиви-

[1] Чтобы судить объ этомъ, не слѣдуетъ обращать вниманіе на явные солецизмы, которые открылъ бы тамъ преданный ученикъ кого-нибудь изъ нашихъ собратьевъ. Надо знать, что обиходная латынь не была тѣмъ же самымъ, что языкъ Цицерона. Надо также представить себѣ, что простонародная латынь никогда не обращала большого вниманія на окончанія словъ. Въ этой формулѣ меня поражаетъ больше всего правильное употребленіе каждаго слова въ римскомъ значеніи.

[2] *Formulae Andegavenses*, 41.

[3] «Illam quartam vero portionem reservarunt... quartam portionem ad heredes meos propinquos reservavi».—Относительно *quarta Falcidia* въ римскомъ правѣ см. *Gaius*, II, 227; *Ulpianus*, XXV, 14; *Dig.* XXXV, 2, 24; *Cod. Theod.* II, 19, 4; XVI, 8, 28; *Institut.* II, 22; *Cod. Iust.* VI, 50; *Lex romana Wisigothorum*, Haenel, p. 58.—*Formulae Turonenses*, 17.

[4] *Greg. Turon.* Historiae, III, 12; Miracula Iuliani, 23.

тельно, что именно въ овернскихъ памятникахъ слово *alode* встрѣчается чаще всего. Изъ сборника формулъ этой области до насъ дошло только шесть формулъ и въ нихъ четыре раза повторяется слово *alode*. Если вы прочтете эти шесть формулъ, вы можете увидѣть, что о правѣ наслѣдованія тамъ говорится четыре раза, и всѣ четыре раза оно выражено словомъ «de alode» [1].

Формула, помѣченная № 3, представляетъ актъ, посредствомъ котораго господинъ освобождалъ нѣсколькихъ рабовъ, которыми владѣлъ «de alode». Актъ былъ совершенъ «въ овернской общинѣ». Въ немъ все рѣшительно римское. Ничто не обнаруживаетъ ни присутствія, ни вліянія Германцевъ. Законъ упоминается римскій, и освобожденіе совершается по римскимъ способамъ. Тамъ одновременно говорится и объ освобожденіи путемъ «виндикты» и освобожденіи въ церкви, какъ оно было узаконено Константиномъ [2]. Притомъ форма освобожденія путемъ «виндикты» не примѣнялась болѣе ни въ шестомъ, ни даже въ пятомъ вѣкѣ; указаніе на виндикту служитъ стало быть, знакомъ того, что это древняя формула. Замѣтимъ еще, что въ томъ же документѣ указано, будто господинъ по своему выбору могъ превращать своего раба въ «римскаго гражданина, латинянина или дедитиція» [3]. Вольноотпущенникъ дедитицій, очевидно,

[1] *Formulae Arvernenses*, 2, 3, 4, 6.

[2] «Propterea vindictam habui liberare ancillam meam... Arvernis civitate, domo ecclesiae ante cornu altaris, in praesentia presbyteris».—*Vindicta* отмѣчена также въ *Bituricenses*, 9.

[3] «Quidquid persona... de eius mancipia, data libertate, conferre voluerit, secundum legem romanam hoc facere potest, id

не появившійся въ меровингскую эпоху, уже не существовалъ даже въ послѣдніе вѣка имперіи; кодексъ Ѳеодосія не говоритъ о немъ, и Юстиніановъ кодексъ вспоминаетъ старое выраженіе «вольноотпущенникъ-дедитицій» только для того, чтобы сказать, что оно потеряло смыслъ, стало непонятнымъ [1]. Въ этомъ—лишнее указаніе на древность данной формулы. Первые практики, которые ее составили, жили, вѣроятно, въ то время, когда примѣнялось еще три рода освобожденія рабовъ, и въ этой-то формулѣ мы читаемъ слова *de alode*.

Все приведенное не доказываетъ, чтобы слово *alodis* по своей этимологіи принадлежало къ латинскому языку; но надобно засвидѣтельствовать, что прежде всего оно встрѣчается въ римскихъ актахъ, и можно подумать, что съ послѣднихъ временъ имперіи, раньше поселенія Германцевъ, оно вошло уже въ языкъ практиковъ права римской Галліи. Потомъ имъ продолжали пользоваться одинаково и Франки, и Римляне, такъ какъ наслѣдованье существовало одинаково и у Римлянъ, и у Германцевъ [2].

est, latina, dolitia, et civis romana».—Въ формулѣ послѣднія слова стоятъ въ женскомъ родѣ, потому что рѣчь идетъ объ освобожденіи *ancilla*. «Dolitia» стоитъ, видимо, вмѣсто «detitia» или «dedititia» (Rozière, p. 29; Zeumer, p. 30).

[1] *Cod. Inst.* VII, 5; *Institut.* I, 5, 3: «Dedititiorum conditio iam ex multis temporibus in desuetudinem abiit».—Сальвіанъ, упоминающій объ отпущенникѣ—«латинянѣ», не говоритъ ничего о дедитиціи.

[2] Слово *alodis* встрѣчается также въ хартіяхъ рейнской области, въ томъ же значеніи, какъ въ Галліи.—*Codex Wissenburgensis*, 109: «De alode paternico aut maternico».—*Ibidem*, 38, 39, 103: «Tam de alode quam de comparatione».—*Codex Fulden-*

Если бы мы внимательно разсмотрѣли употребленіе слова *alodis* и опредѣлили значеніе, такъ ясно присущее ему въ болѣе, чѣмъ трехстахъ имѣющихся примѣрахъ, то тѣмъ избавили бы себя отъ многихъ излишнихъ гипотезъ относительно характера и происхожденія аллодовъ. Тогда никто не сталъ бы проповѣдывать, что аллодъ былъ землею, доставшеюся по жребію, или спеціально присвоенною воинамъ.

Ни въ законахъ, ни въ грамотахъ, ни въ сочиненіяхъ хроникеровъ ни разу не сказано, что тогда существовало два класса земель, однѣ, которыя были бы предоставлены Франкамъ, другія — которыми владѣли бы Римляне. Всякая земля могла принадлежать попеременно людямъ изъ той и другой расы. Франкъ могъ продавать или завѣщать свою землю Римлянину, Римлянинъ—Франку. Никакая мѣна не воспрещалась. Въ дѣлѣ передачи земли законы и грамоты не признавали никакого различія ни по происхожденію, ни по соціальному положенію, ни по полу. Незамѣтно ни малѣйшаго указанія, чтобы существовали земли, спеціально принадлежавшія воинамъ, и считавшіяся болѣе благородными, чѣмъ другія. Земельная собственность Франка совершенно походила на земельную собственность Римлянина, земля священника на помѣстье мірянина, имѣнье женщины на землю воина.

Мы уже показали, впрочемъ, въ предшествовавшемъ томѣ, что военной касты никогда не существовало въ Меровингскомъ государствѣ. Салическая Правда ни разу не говоритъ о воинахъ; точно также

sis, 38, 68: «De alode parentum». Оно никогда не значило: «земля воина».

и Рипуарская Въ капитуляріяхъ франкскихъ королей нѣтъ никакихъ спеціальныхъ постановленій о воинахъ. Почитайте разсказы историковъ, даже тѣ, которые имѣли отношеніе къ войнамъ, вы никогда не увидите изъ нихъ, чтобы были тогда люди, военные по профессіи, и, еще того менѣе, по рожденію или по крови; наоборотъ, вы усмотрите, что передъ войною всѣ дѣлались воинами, всѣ безъ различія расы или занятій. Въ пятистахъ имѣющихся грамотахъ отъ меровингской эпохи ни разу не встрѣчается слова, которое значило бы спеціально—воинъ.

Нѣтъ ничего болѣе важнаго для историка, какъ составлять себѣ правильное понятіе о значеніи словъ, встрѣчающихся въ памятникахъ. Наряду съ *alodis* надобно примѣтить слово *sors*, довольно часто встрѣчающееся въ текстахъ. Одна статья Бургундской Правды употребляетъ оба выраженія—*sortem suam* и *terram suam*, какъ тождественныя, и сближаетъ въ то же время слово *sors* со словомъ *possessio* [1]. *Sors*, стало быть,—это земельная собственность. Въ трехъ другихъ статьяхъ той же Правды слово это употребляется въ значеніи наслѣдства; *sors patris*—очевидно, отцовское наслѣдство [2]. Въ Рипуарской Правдѣ оно также

[1] *Lex Burgundionum*, LXXXIV, 1: «Quia cognovimus Burgundes *sortes suas* nimia facilitate distrahere, hoc credidimus statuendum, ut nulli vendere *terram suam* liceat, nisi illi qui alio loco *sortem* aut *possessiones* habet».

[2] *Lex Burgund.* LXXVIII: «De hereditatum successione statuimus, ut si pater cum filiis sortem suam diviserit»...»—Видно, что въ этой фразѣ *hereditas* и *sors*—два соотвѣтствующихъ одно другому слова.—XLVII, 3: «Sceleratorum filii... qui non culpari poterunt... sortem parentum vel facultatem vindicabunt».—То же

встрѣчается въ смыслѣ земельной собственности. Тамъ *sors* частнаго лица, то-есть, помѣстье его, окружено межою, которую законъ называетъ *marca* [1]. Оно попадается и въ Салической, но въ одной только рукописи, гдѣ означаетъ частную собственность [2]. Вестготская Правда называетъ актъ обнесенія помѣстья оградой словами «*sortem suam claudere*» [3]. Терминъ этотъ мы снова встрѣчаемъ въ грамотахъ. Такъ въ одномъ актѣ изъ Эльзаса даритель жалуетъ землю, состоящую изъ полей и лѣсовъ, и называетъ ее *sors* [4].

Не будемъ думать, что слово это примѣнялось только къ помѣстьямъ варваровъ. Вестготская Правда называетъ словомъ *sortes* земли, принадлежавшія какъ Готамъ такъ и Римлянамъ [5]. Хартулярій равеннской церкви, памятникъ вполнѣ церковнаго и римскаго ха-

самое въ главахъ I, 1 и XIV, 5.—Въ 530 формулѣ Розьера *sors* означаетъ раздѣлъ наслѣдства: «Res quas contra coheredem meum mihi partiendo sors legitima contulit».

[1] *Lex Ripuaria*, LX, 5: «Si extra marcam in sortem alterius fuerit ingressus»—если кто, нарушивъ границу, вступилъ на землю другого, онъ повиненъ будетъ уплатить штрафъ въ 15 solidi. Предшествующій параграфъ также относится къ межамъ помѣстій.

[2] *Lex Salica* (Лейденская рукопись, Vossianus, 119, изд. Hessels, стр. 411; изд. Holder, стр. 49): «Qui in mansionem aut sortem».

[3] *Lex Wisigothorum*, VIII, 5, 6.—То же самое у *Cassiodor*. Variar. VIII, 26: «Sortes propriae».

[4] *Codex Wissenburgensis*, № 268: «Dono in perpetuum sorte una campo et silva insimul»; и дальше: «Sortis medietatem».

[5] *Lex Wisigothorum*, X, 2, 1: «Sortes gothicae et romanae, quae intra quinquaginta annos non fuerint revocatae, nullo modo repetantur».

рактера, называетъ тѣмъ же именемъ церковныя земли; отсюда видно, что слово это было обычнымъ въ аграрномъ языкѣ Италіи, и что оно употреблялось какъ синонимъ *possessiones* [1]. Не слѣдуетъ также думать, что слово *sors* примѣнялось только къ помѣстьямъ воиновъ. Въ XIV главѣ Бургундской Правды мы видимъ молодую дѣвушку, которая поступила въ монастырь, но взяла, однако, свою часть изъ родового имущества отца, *sortis iure* [2].

При первой же встрѣчѣ со словомъ *sors* нѣкоторые ученые сейчасъ же предположили, что оно обозначало жеребьевку. Но это значило поддаться обману отъ внѣшности слова. Если всматриваться въ тексты, гдѣ оно встрѣчается, нельзя не убѣдиться, что въ нихъ никогда не упоминается никакого метанія жребія. Разумнѣе будетъ ограничиться установленіемъ точнаго смысла, въ какомъ употреблялось данное выраженіе. Оно происходитъ изъ древне-латинскаго языка, и еще до варварскихъ нашествій оно уже обозначало помѣстье, или вотчину [3]. Латинскій языкъ не настолько

[1] *Fantuzzi*, Monumenti Ravennati, t. I, p. 2, 8, 12, 38, 46, 47, 51, 53, 66, 69, 71 etc. Замѣтьте особенно на стр. 89: «Sortes vel possessiones»; стр. 51: «De sorte et portione»; стр. 112: «Concedistis nobis sortes et possessiones vestras». Все это относится къ церкви.

[2] *Lex Burgund.* XIV, 5: «De puellis, quae se Deo voverint, si duos fratres habuerint, tertiam portionem de hereditate patris accipiat, hoc est de ea tantum terra, quam pater eius sortis iure possidens mortis tempore dereliquit».—Точно также въ I главѣ слова «terra sortis titulo acquisita» означаютъ родовую землю.

[3] Грамматикъ Фестъ говоритъ: «Sors patrimonium significat». Въ Кодексѣ Θеодосія (XI, 1, 15, законъ 366 года) мы читаемъ, что аннона будетъ взиматься пропорціонально

былъ искаженъ вліяніемъ новопришельцевъ, какъ нѣкоторые; думаютъ нечего удивляться тому, что корни его сохранили исконное значеніе. Относясь осторожнѣе къ слову *sors*, чѣмъ къ слову *alodis*, мы все таки склонны думать, что оба термина были синонимами, то-есть, вызывали въ умѣ людей то же понятіе наслѣдственной собственности. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ классическому языку, другой къ простонародному.

То же можно сказать и о словѣ *consortes*. Въ старолатинскомъ языкѣ оно имѣло три доволько близкихъ одно къ другому значенія. Оно говорилось о дѣлившихъ родовое имущество (*sors*), сонаслѣдникахъ; оно же говорилось о сосѣдяхъ, земли которыхъ (*sortes*) соприкасались; наконецъ, также о людяхъ, которые по какой-либо причинѣ дѣлили между собою помѣстье (*sors*) [1]. На языкѣ седьмого вѣка слово это сохранило всѣ три значенія. Иногда оно обозначало сонаслѣдниковъ [2], иногда сосѣдей [3], иногда же прилагалось къ двумъ людямъ, нераздѣльно владѣвшимъ землею [1].

размѣру помѣстій—«annonarias species pro modo sortium». Ср. съ греческимъ κλῆρος.

[1] См. *Cicero*, In Verrem, II, III, 23.—*Paul*. Dig. XXVII, 1, 31.—*Sidon. Apoll*. Epistolae, IV, 24, in fine; *Cod. Theod*. X, 14, 1.

[2] См. напримѣръ, грамоту 631 г., № 253.—То же значеніе у Теодульфа, изд. Migne, стр. 287.—См. *Consortium*, раздѣлъ наслѣдства въ Бургундской Правдѣ, LI, 3, въ *Turonenses*, 21, у Маркульфа, II, 11, и въ *Diplomata*, I, p. 202: «Absque consortio fratrum meorum».

[3] Это видно въ Рипуарской Правдѣ, LX, 3: «Si quis consortem suum quantulumcunque superpriserit, cum 15 solidis restituat».—*Superprendere* значило «захватить землю сосѣда».—Точно также въ Бургундской Правдѣ, XLIX, 1: «Animalia vicini aut consortes sui damnum facientia»; XLIX, 3: «Vicinis suis et consortibus contestetur».—*Lex Wisigothorum*, XI, 1, 5.

Изслѣдованіе значенія словъ очень важно въ исторической наукѣ. Плохо истолкованный терминъ можетъ быть источникомъ крупныхъ ошибокъ. Встрѣтивъ терминъ *consortes* и сочтя его за новое слово, нѣкоторые ученые подумали, что оно означало нѣчто чисто германское, и они представили себѣ, что Германцы образовали въ Галліи земельныя общины. Очень неосторожно строить цѣлую теорію на одномъ словѣ, смыслъ котораго не установленъ.

ГЛАВА V.

Дѣйствительно ли существовала у Франковъ сельская община?

Мы разсмотрѣли выше всѣ документы меровингскаго времени, и всѣ они показали намъ, существованіе тогда частной собственности. Всѣ законы, всѣ грамоты констатируютъ ее неоспоримымъ образомъ. Однако мы видимъ, что не смотря на показаніе документовъ, въ современныхъ ученыхъ историческихъ сочиненіяхъ широко распространено мнѣніе, будто бы Франки пра-

[1] Таково значеніе слова *consors* въ *Lex Wisigothorum*, X, 1, 6; X, 1, 7.—Я склоненъ думать, что тотъ же смыслъ оно имѣетъ *ibidem*, VIII, 6, 5.—Это же значеніе въ *Papian*. XXX, 4: «Agrorum consortes».

ктиковали систему «племенной» или, по меньшей мѣрѣ, «сельской общины».

Я не могу пройти мимо этого мнѣнія, не разсмотрѣвъ, согласно ли оно съ истиной [1].

Правда, что воображеніе охотно представляетъ себѣ Франковъ при вступленіи ихъ въ Галлію, какъ племя, состоявшее все изъ свободныхъ и равныхъ людей; оно легко рисуетъ картину, что Франки селились небольшими сельскими группами и жили деревнями, въ формѣ мелкихъ демократическихъ союзовъ. Но исторію нельзя возсоздать усиліемъ одного воображенія. Исторія—наука, и орудіемъ ея должно служить точное наблюденіе сохраняющихся слѣдовъ. Что-

[1] Вотъ главные творцы или приверженцы этой теоріи: *Maurer*, Einleitung zur Geschichte der Mark (1854).—*Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfassung, 1871 (стр. 117, 209 и др.).—*P. Viollet*, De la propriété collective (1873).—*Laveleye*, Des formes primitives de la propriété (1874).—*Lamprecht*, Deutsches Wirthschaftsleben (1886).—Мы разбирали книгу Маурера въ «Revue des Questions historiques», апрѣль, 1889. Возражали мы на нее не разсужденіями, ибо всегда избѣгаемъ такого способа историческихъ доказательствъ. Мы просто перебрали одинъ за другимъ всѣ приведенные авторомъ тексты, и легкой провѣрки оказалось достаточно, чтобы показать неправильность ихъ толкованія. Съ непостижимымъ легкомысліемъ Мауреръ принялъ хартіи, констатирующія полную частную собственность, за признаки общиннаго владѣнія; или же онъ отожествилъ съ поземельною общиною свидѣтельства о совмѣстномъ владѣніи имѣньемъ двухъ сонаслѣдниковъ, которые могли раздѣлить части между собою. Ту же теорію усвоилъ и Лампрехтъ, не приводя ни одного текста для ея доказательства. Приверженцемъ той же теоріи во Франціи является Віолле (*P. Viollet*) мы провѣрили всѣ его тексты и показали, что каждый изъ нихъ или неточно понятъ или искаженъ. Не такъ слѣдуетъ строить исторію.

бы мы имѣли право сказать: въ древнемъ обществѣ существовало такое-то учрежденіе или такой-то порядокъ, надобно отыскать въ оставленныхъ этимъ обществомъ документахъ ясное указаніе на такое учрежденіе или такой порядокъ. Безъ поддержки документовъ мы придемъ лишь къ вымыслу или ошибкамъ.

Меровингская эпоха оставила много свидѣтельствъ о жизни и обычаяхъ того времени. У насъ сохраняется отъ тѣхъ вѣковъ три свода, болѣе двухсотъ хартій, относящихся къ владѣнію землей, есть разсказы историковъ, и можно собрать около пятидесяти біографій выдающихся дѣятелей той эпохи. Понятно, что если бы распространено было въ жизни общества общинное землевладѣніе, то въ историческихъ повѣствованіяхъ, въ біографіяхъ и особенно въ законахъ и хартіяхъ долженъ былъ бы запечатлѣться хоть какой-нибудь его слѣдъ.

Я прочиталъ всѣ перечисленные документы, прочиталъ не одинъ, а нѣсколько разъ, и не выдержками, а полностью, отъ доски до доски. Послѣ этого я могу твердо заявить, что въ нихъ нѣтъ ни одной строки, которая упоминала бы объ общинномъ пользованіи землей или о сельской общинѣ. Всѣ законы регулируютъ частную собственность, ни одинъ не разсчитанъ на общинное пользованіе, ни въ одномъ нѣтъ упоминанія о ежегодномъ передѣлѣ земли. Прибавьте къ двумъ застамъ меровингскимъ грамотамъ всѣ тѣ, которыя заключаются въ позднѣйшихъ хартуляріяхъ, возникшихъ во Франціи, или въ сборникахъ *traditiones* Германіи до десятаго вѣка, и вы получите въ суммѣ цѣлыя тысячи актовъ; предметомъ ихъ всѣхъ является легали-

зація продажи или пожалованія, мѣны или завѣщанія; всѣ онѣ, слѣдовательно, предполагаютъ развитіе полной частной собственности. До десятаго вѣка вы ни разу не найдете въ нихъ ни одного слова, которое обозначало бы аграрный коллективизмъ, ни разу не упоминается тамъ о сельской общинѣ. Передъ вами ни разу не предстанутъ жители деревни, которые добровольно собираются, толкуютъ между собою, принимаютъ какое-нибудь рѣшеніе. Во множествѣ дарственныхъ актовъ или актовъ продажи всегда говорится, что земля поступитъ «въ полную и вѣчную собственность» къ новому владѣльцу такъ же, «какъ она составляла полную собственность прежняго». Земля никогда не продавалась и не дарилась сельской общинѣ; ни разу также община не являлась продавцомъ или дарителемъ. Въ тысячахъ имѣющихся у насъ хартій продавцомъ или пожалователемъ всегда былъ индивидуальный владѣлецъ. Именно онъ пишетъ всегда въ данной хартіи, что пріобрѣлъ такую-то землю отъ своего предшественника путемъ купли или получилъ ее отъ своего отца, дѣда или вообще предковъ. Онъ никогда не говорилъ, что принимаетъ ее отъ общины. Отмѣтимъ еще одно обстоятельство: въ разсматриваемыхъ многочисленныхъ актахъ мы ни разу не замѣчаемъ, чтобы продавецъ или даритель долженъ былъ спрашивать разрѣшенія у какой-нибудь общины; онъ не спрашивалъ ничьего мнѣнія и никого не предупреждалъ. Право его было безусловнымъ и совершенно независимымъ.

Такимъ образомъ, нельзя даже предположить, чтобы какая-нибудь община пользовалась нѣкоторою высшею властью надъ отдѣльными лицами, которыя являлись бы ея членами. Во всей огромной совокупности актовъ не только не содержится ни одного признака, который обнаруживалъ бы существованіе общины, но и по самому ихъ содержанію и по выраженіямъ ихъ текста всѣ они безусловно несовмѣстимы съ порядкомъ общиннаго владѣнія.

Тѣмъ не менѣе, насколько ясно, единодушно и неоспоримо документы свидѣтельствуетъ въ пользу частной собственности, настолько же горячо убѣждены въ правотѣ своей теоріи ученые защитники общины. Они умалчиваютъ, что всѣ законы и множество хартій противорѣчатъ ихъ воззрѣнію, но говорятъ, что открыли нѣсколько словъ въ законахъ и нѣсколько строкъ въ семи или восьми хартіяхъ, которыхъ будто бы достаточно, чтобы увѣровать въ общину. Они утверждаютъ это такъ категорически, они сами такъ проникнуты своею правотою, что читатель невольно сбивается съ толку и присоединяется къ теоріямъ, не лишеннымъ извѣстной привлекательности, благодаря ихъ цѣльности и стройности.

Чтобы убѣдиться въ достовѣрности какой-нибудь истины, существуетъ только одно средство. Сторонники общины доказываютъ, что нашли тридцать или сорокъ текстовъ, подкрѣпляющихъ ихъ взглядъ; надо убѣдиться, дѣйствительно ли это такъ. Лучшее, что мы можемъ сдѣлать въ интересахъ нашихъ читателей и для насъ самихъ, это взять одинъ изъ ученыхъ трудовъ, въ которыхъ проводится указанная теорія, разсмотрѣть одинъ за другимъ каждый изъ названныхъ тамъ текстовъ и провѣрить его смыслъ. Ясно, что если ссылки правильны, то дѣйствительно имѣется около

сорока текстовъ, обнаруживающихъ существованіе общины, и мы должны будемъ признать ее.

Мы добросовѣстно примемся за производство такого опыта, пригласивъ читателя повторять его вслѣдъ за нами. Это скучная и громоздкая работа, но методичность изслѣдованія въ исторіи важнѣе всего. Надобно, чтобы читатель зналъ и видѣлъ собственными глазами, какъ отыскивается истина о прошломъ, и, наоборотъ, какъ мы неминуемо впадаемъ въ ошибки. Среди ученыхъ, придерживающихся теоріи «общиннаго землевладѣнія», послѣднимъ по времени затрагиваетъ вопросъ Глассонъ въ III томѣ своего труда: «Исторія французскаго права и учрежденій» (см. стр. 71—82). Мы не будемъ опровергать теоретически мнѣніе автора, еще того менѣе станемъ мы оспаривать его писательскій талантъ и его несравненное полемическое искусство; мы будемъ только разбирать его цитаты.

1. Первый текстъ, на который ссылается названный ученый (стр. 71), это отрывокъ лѣтописи, Марія изъ Авентика, который обозначаетъ, по мнѣнію Глассона, такія общинныя земли словомъ *marca*. Обращаюсь къ данному мѣсту у Марія и нахожу только слѣдующее: «Преслѣдуемый королемъ Гунтрамномъ патрицій Муммолъ укрылся въ предѣлахъ королевства Хильдеберта, то-есть, въ Авиньонѣ». Какъ видите, ни слова объ общинныхъ земляхъ [1]. Глассонъ самовольно

[1] *Chronicon Marii*, ed. Arndt, p. 15: «Mummolus patricius in marca Childeberti, id est Avenione, confugit».—Извѣстно, что слово *marca* первоначально значило предѣлъ или граница. Авиньонъ принадлежалъ Хильдеберту, Оранжъ—Гунтрамну; Муммолъ переступилъ границу, раздѣлявшую два королевства. Какимъ образомъ увидѣлъ тутъ Глассонъ общинныя земли? Думалъ ли кто-нибудь, что земля между Авиньономъ и Оранжемъ была предоставлена во владѣніе какой-нибудь общины?

прибавилъ къ тексту то, чего въ немъ нѣтъ. Итакъ,—первая ссылка неосновательна.

2. Для доказательства того, что *marca* была общинною землею, авторъ опирается еще на Рипуарскую Правду (LX, 5). Вы раскрываете текстъ и находите совершенно обратное. Глава LX посвящена лишь частнымъ владѣніямъ и въ особенности границамъ (*terminatio*, *butinae*, *mutuli*), которыми окружено каждое помѣстье; § 5 наказываетъ штрафомъ всякаго, кто переступитъ границы частной собственности. Здѣсь обнаруживается полная противоположность общинныхъ порядковъ. Цитата доказываетъ какъ разъ обратное тому, что она призвана была подтвердить [1].

Не безполезно будетъ пояснить, что требуется для точности цитатъ. Ссылка не будетъ вѣрною при одномъ лишь условіи, что въ указанномъ мѣстѣ содержится дѣйствительно приводимая авторомъ фраза: надо, чтобы она имѣла также и тотъ смыслъ, который приписываетъ ей авторъ. Если вы утверждаете, что-

[1] *Lex Ripuaria*, LX, 5: «Si quis extra marca in sortem alterius ingressus fuerit, iudicium compellatur adimplere».—Мы уже видѣли, что слово *sors* означало частную собственность. См. *Lex Wisigothorum*, VIII, 8, 5: «Sortem suam claudere».—*Lex Burgundionum*, 78: «Si pater cum filiis sortem suam diviserit».—*Lex Salica*, addit. Behrend, p. 112: «Si quis in mansionem aut sortem».—Что касается слова *marca*, которое находится въ § 5, то оно совершенно соотвѣтствуетъ слову *terminatio* въ § 4. Прочитайте обѣ статьи, и у васъ не останется никакого сомнѣнія въ значеніи слова *marca*.

нибудь, а ссылка ваша доказываетъ противоположное, то она, очевидно, невѣрна.

3. На той же страницѣ и по тому же поводу, Глассонъ цитируетъ 47 главу Аламанской Правды. Обращаюсь опять къ тексту и читаю: «Если, кто захватитъ свободную женщину и продастъ ее за границу, онъ долженъ будетъ уплатить 80 солидовъ». Вотъ еще текстъ, вовсе не указывающій на общинность земель [1].

4. На 72 страницѣ авторъ утверждаетъ, что «лѣса и даже пахотныя земли были общими», и ссылается на 1 и 31 главы Бургундской Правды. Вотъ 1-я глава: «Относительно предоставленнаго отцамъ права дѣлать пожалованія, мы постановили, что раньше, чѣмъ произвести раздѣлъ между своими сыновьями, отецъ можетъ изъ нераздѣленнаго еще имущества и изъ своихъ благопріобрѣтеній дѣлать пожалованія, кому онъ захочетъ» [2]. Ясно видно, что здѣсь нѣтъ общинныхъ земель; законъ занимается, наоборотъ, только наслѣдственнымъ, семейнымъ имуществомъ. Стало быть, и этотъ текстъ, истолкованъ навыворотъ, и, конечно, если бы Глассонъ прочиталъ его внимательно, то не сталъ бы его приводить.

5. Съ подобнымъ же легкомысліемъ авторъ опирается на 31 главу. Изъ того, что въ ней стоятъ слова *in communi campo*, тотчасъ же сдѣланъ выводъ, что рѣчь идетъ о земляхъ, «общихъ для всѣхъ». Надо было прочитать всю фразу. Законъ говоритъ о полѣ, принадлежащемъ сообща двумъ людямъ, то-есть, о совладѣніи. Вотъ эта статья: «Всякій, кто насадитъ виноградникъ въ полѣ, которымъ онъ владѣетъ нераздѣльно съ другимъ, долженъ будетъ возмѣстить равную часть земли тому, кому также принадлежитъ поле» [1]. Это ясно. Законъ, очевидно, указываетъ намъ двухъ совладѣльцевъ и имѣетъ въ виду тотъ случай, когда одинъ изъ нихъ производитъ какую-нибудь перемѣну

[1] *Lex Alamannorum*, 47: «Si quis feminam liberam extra marcam vendiderit, 80 solidis componat».—Надобно прочитать 46, 47 и 48 главы для того, чтобы ясно увидѣть значеніе слова *marca*; вы замѣтите, что «extra marcam» 47-й главы совершенно соотвѣтствуетъ «extra terminos» 46-й и противополагается «intra provinciam» 48-й.—Надо припомнить, что Баварская Правда (XIII, 9, Pertz, p. 316) опредѣленно высказываетъ, что *marca* и *terminus*—синонимы: «foras terminum, id est foras marcam».

[2] «De praestita patribus donandi licentia decrevimus, ut patri, etiam antequam dividat (между сыновьями, согласно бургундскому обычаю), de communi facultate et de suo labore cuilibet donare liceat».—Слово *facultas*, употребленное въ меровингскихъ текстахъ болѣе 60 разъ, значитъ—имущество, совокупность имѣнья, *corpus facultatis*. См., напримѣръ, у Маркульфа, II, 7; II, 8; I, 35.—*Andegavenses*, 37 и 41; *Turonenses*, 17; *Diplomata*, № 245 et alias passim; *Edictum Chlotarii*, 615 г., с. 6; *Greg. Turonensis*, Hist. IX, 34 in fine; X, 31, 12; *Fredegar*. 21, 22. Итакъ, «de communi facultate» означаетъ общее семейное имущество, которое будетъ дѣлить отецъ. Только потому, что онъ увидѣлъ слово *communi*, Глассонъ сейчасъ же представилъ себѣ общинныя земли; но это не такъ: если бы то были, въ самомъ дѣлѣ, общинныя земли цѣлаго селенія, отецъ не долженъ былъ бы дѣлить ихъ между своими сыновьями.—*Labor* означаетъ то, что заработано личнымъ трудомъ, то, что мы называемъ «благопріобрѣтеннымъ».

[1] *Lex Burgundionum*, 31: «Inter Burgundiones et Romanos id censuimus observandum, ut quicumque in communi campo, nullo contradicente, vineam plantaverit, similem campum illi restituat, in cuius campo vineam posuit».—Законъ добавляетъ: «Si post interdictum quicunque in campo alterius vineam plantare praesumpserit, laborem suum perdat, et vineam is cuius est campus accipiat».

на ихъ общей собственности. Все это противоположно «общиннымъ землямъ».

6. Затѣмъ идетъ ссылка на Рипуарскую Правду, главу 86, которая должна была также доказывать общинность землевладѣнія. Но 86 глава говоритъ лишь о кражѣ лошади. Ссылка, значитъ, совершенно не вѣрна. Да и вообще, во всей Рипуарской Правдѣ ни разу не говорится о земельной общинѣ.

7. Для доказательства все того же, что «земли находились во владѣніи общины», авторъ ссылается на Вестготскую Правду (VIII, 5, 2). Отыскиваемъ это мѣсто. Глава 5-я книги VIII озаглавлена «De pascendis porcis» и § 2 относится къ спорамъ, возникающимъ между сосѣдями по поводу права желудеваго выпаса; законъ предписываетъ, чтобы каждый посылалъ въ лѣсъ пропорціональное размѣру его владѣнія число свиней. Можно видѣть уже въ римскихъ законахъ, что въ смыслѣ права выпаса, такой то лѣсъ являлся общимъ для нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, и тогда постановлялось, что такое право на пользованіе желудями для выкорма свиней въ лѣсу будетъ «соразмѣрно съ составлявшей собственность каждаго землей». То же повторяетъ Вестготская Правда. Никто не можетъ думать, чтобы упорядоченіе попаса между совладѣльцами одного лѣса было бы доказательствомъ существованія земельной общины.

8. Для подтвержденія того же мнѣнія, Глассонъ ссылается еще на двѣ формулы (изъ сборника *Rozière*, №№ 137 и 339). Открываю сборникъ и вижу, что первая представляетъ актъ, въ которомъ отецъ распредѣляетъ свое наслѣдство; вторая же—актъ, по которому одна женщина приноситъ въ даръ земли, полученныя ею по наслѣдству отъ отца. Въ обоихъ случаяхъ обнаруживается противоположность общины. Вотъ, слѣдовательно, еще двѣ невѣрныхъ ссылки.

9. Далѣе у автора встрѣчается слѣдующее удивительное примѣчаніе: «Смотрите грамоты у *Eccard*, стр. 863, 883, 886, 889, 896». Итакъ, указывается пять текстовъ. Потрудитесь прежде всего отыскать эти цитаты въ многочисленныхъ трудахъ Эккара. Положимъ, что вы найдете ихъ, наконецъ, во второмъ томѣ его «*Commentarii de rebus Franciae orientalis*». Однако, когда вы ихъ прочитаете, то замѣтите, что они констатируютъ нѣчто противоположное тому, что говоритъ Глассонъ. По его мнѣнію, они должны доказать, что «даже пахотныя земли эксплоатировались сообща». На страницѣ же 863 находится грамота Карла Великаго, утверждающая «обмѣнъ помѣстій» между епископомъ и графомъ; полная собственность отмѣчена тамъ въ энергичныхъ выраженіяхъ, объ общинѣ же нѣтъ ни одного слова. На 883 страницѣ опять приводится фактъ обмѣна помѣстій между графомъ и епископомъ, и каждый изъ нихъ даетъ другому то, что ему принадлежитъ,—земли, дома и рабовъ. На 886 страницѣ рѣчь идетъ о помѣстьѣ, которое Людовикъ Благочестивый называетъ «своей собственностью» (*nostrae proprietatis*), и которое онъ жалуетъ въ бенефицій графу. На 889 страницѣ видимъ пожалованіе виллы, сдѣланное монастырю тѣмъ же императоромъ, опять таки въ полную собственность. Наконецъ, на 891 страницѣ находится грамота Карла Лысаго, жалующаго церкви *31 hobae* и передающаго эту землю «изъ собственной власти и владѣнія во власть и владѣніе этой церкви», *ex nostro iure et dominatione in*

ius et dominationem ecclesiae transfundimus. Въ данныхъ пяти грамотахъ нѣтъ не только ни одного слова, которое прямо или косвенно могло бы обозначать общину или общинное пользованіе, но всѣми своими выраженіями эти пять текстовъ служатъ даже явнымъ доказательствомъ частной собственности. Вмѣсто доказательства того, что утверждаетъ Глассонъ, они доказываютъ противоположное. Здѣсь обнаруживается еще пять невѣрно цитированныхъ текстовъ.

10) «Варварскія Правды, говоритъ Глассонъ, содержатъ предписанія относительно правъ каждаго на общинные лѣса и пастбища». Авторъ называетъ при этомъ Бургундскую Правду, главы 13, 31 и 54, § 2. Обращаюсь снова къ нимъ и вижу, что 13 глава говоритъ о лѣсѣ, сообща принадлежащемъ не всѣмъ, а только двумъ людямъ, изъ которыхъ одинъ поселенецъ у другого. Глава эта составлена такъ: «Если Римлянинъ или Бургундъ произвелъ распашку нови въ общемъ ихъ лѣсу, то онъ долженъ будетъ отдать своему совладѣльцу равную часть лѣса, а распашку свою сохранить для себя одного такъ, чтобы товарищъ его не имѣлъ въ ней никакой доли» [1]. Здѣсь также возникаетъ образъ, противоположный представленію объ общественномъ лѣсѣ», такъ какъ, если бы лѣсъ былъ таковымъ, то произведшій расчистку долженъ былъ бы вознаградить не одного человѣка, не только своего совладѣльца или сожителя. Мы не станемъ возвращаться къ 31 главѣ, смыслъ которой уже

[1] «Si quis tam burgundio quam romanus in silva communi exartum fecerit, aliud tantum spatii de silva hospiti suo consignet, et exartum, quem fecit, remota hospitis communione, possideat».

указанъ выше. Что же касается 54 главы, § 2, то она содержитъ въ себѣ постановленіе относительно земли, которою нераздѣльно владѣютъ Бургундъ и Римлянинъ, и въ ней нѣтъ ничего общаго съ порядкомъ общаго нераздѣльнаго владѣнія землями. Итакъ, вотъ еще три невѣрныхъ цитаты. Онѣ не только ничѣмъ не доказываютъ, что «въ законахъ заключаются предписанія относительно правъ каждаго на общинныя земли», но, наоборотъ, прочитавъ эти законы, нельзя не убѣдиться воочію въ полномъ отсутствіи подобныхъ предписаній.

Въ варварскихъ сводахъ безусловно недостаетъ именно постановленій, которыя были бы необходимы для регулированія общиннаго пользованія. Вотъ, что слѣдовало бы ясно отмѣтить.

11. По тому же поводу авторъ ссылается на Вестготскую Правду, VIII, 5, 2 (мы видѣли уже этотъ текстъ) и X, 1, 8 и 9. Два послѣднихъ мѣста, какъ и соотвѣтствующее мѣсто Бургундской Правды, относятся къ лѣсу, составлявшему нераздѣльное владѣніе Римлянина и Гота. Объ общинныхъ лѣсахъ нѣтъ здѣсь ни единаго слова.

12. Затѣмъ Глассонъ цитируетъ грамоту 815 года для доказательства того, что производились ежегодные передѣлы земли, то-есть, что вскрывается признакъ общиннаго владѣнія. Грамота эта находится, по его словамъ, въ сборникѣ Нейтгарта (т. I, № 282). Разсматриваю цитату подъ № 282, дѣйствительно, нахожу грамоту 815 года. Но она вовсе не касается ничѣмъ рѣшительно вопроса о раздѣлѣ земли. Здѣсь трактуется актъ передачи недвижимости въ полную собственность; тамъ даже нѣтъ слова р а з д ѣ л ъ. Со-

ставитель, по имени Вольфинъ, заявляетъ, что онъ даритъ доставшіяся ему отъ отца земельныя имущества. Ясно, что дѣло идетъ о родовой и наслѣдственной собственности. Но почему же этотъ актъ привлеченъ къ обоснованію разбираемой гипотезы? Причиной такого страннаго недоразумѣнія оказывается, повидимому, одно плохо написанное слово. Дѣлая свое пожалованіе, Вольфинъ перечислилъ, изъ какихъ различныхъ видовъ земли оно состояло. То же повторяется во всѣхъ хартіяхъ. Дарственатель всегда пишетъ: дарю такую то виллу, состоящую изъ домовъ, рабовъ, пахотныхъ земель, виноградниковъ, луговъ, лѣсовъ и текучихъ водъ.

Въ хартіяхъ той области и того времени, когда писалъ Вольфинъ, мы читаемъ: «terras arabiles, prata, ariales, vineas, silvas, aquas». Но переписчикъ написалъ: «terras *anales*, prata, vineas, aquas» [1]. «*Anales*» не латинское слово; очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ ошибкою переписчика. Глассонъ тотчасъ же и предполагаетъ, что онъ хотѣлъ написать *annales*; но ему слѣдовало бы подумать, что выраженіе *terrae annales* ни разу не встрѣчается во множествѣ грамотъ интересующихъ насъ четырехъ вѣковъ. Да и какой же смыслъ имѣло бы это выраженіе? Глассонъ (или тотъ, у кого онъ заимствовалъ аргументъ) предполагаетъ, что *annales* должно значить «ежегодно обмѣниваемыя», но ни въ классической, ни въ средневѣковой латыни нельзя найти ни одного примѣра употребленія даннаго слова въ такомъ значеніи. Кромѣ того, простое ознакомленіе съ самымъ текстомъ показываетъ, что это значеніе невозможно было бы примѣнить здѣсь; Глассонъ не замѣтилъ, какъ объ этихъ terrae anales Вольфинъ заявляетъ, что онъ получилъ ихъ отъ своего отца; это не была, значитъ, ежегодно передѣлявшаяся земля. Переписчикъ долженъ былъ написать не annales, такъ какъ слово это никогда не встрѣчается въ подобныхъ грамотахъ и не имѣло бы никакого смысла. Достаточно быть знакомымъ со сборниками хартій этой области и этой эпохи для того, чтобы видѣть, что *anales* переписчикъ написалъ вмѣсто *ariales*, сдѣлавъ изъ «*r*» и «*i*»—«*n*» [1]. Итакъ, вотъ грамота, которая, въ случаѣ надобности, могла бы послужить доказательствомъ именно наслѣдственнаго владѣнія; Глассонъ же, не прочитавъ ея, приводитъ какъ доказательство мнимаго передѣла общинныхъ земель.

[1] *Neugart*, Codex diplom. Alemanniae, I, p. 153, № 282: «Ego Wolfinus... trado et transfundo... quidquid genitor meus genitrici meae ad dotem dedit, id sunt... anales terras, mancipia, prata, pascua, vineas, aquas».

13. На 73 страницѣ Глассонъ говоритъ, что «Баварскій Законъ опредѣленно признавалъ право обращать общинныя земли въ частновладѣльческія». Утвержденіе это, которое пріобрѣло бы важное значеніе, если бы оно оказалось вѣрнымъ, находится, по его

[1] Терминъ *arialis* или *arealis* часто встрѣчается въ хартіяхъ рейнской области; см. виссенбургскій сборникъ, №№ 9, 35, 52, 66, 157, 162, 170 и *Codex Fuldensis*, №№ 1, 16, 78, 82, 83, 86, 88, 89, 91, 106, 107, 117 etc.— Онъ обозначалъ пустопорожнія мѣста въ помѣстьѣ, пригодныя для построекъ; см., напримѣръ, *Codex Fuldensis*, 169: «Arialem cum structuris suis».—*Ibidem*, 190 и 191: «Arialem id est hovastat». Это означаетъ, по моему, мѣсто, пригодное для возведенія на немъ всѣхъ построекъ небольшого хозяйства—*hoba*.

словамъ, въ XVIII главѣ Баварской Правды. Ищу въ указанномъ мѣстѣ и нахожу предписанія относительно погребенія мертвыхъ. Очевидно, и здѣсь опять произошла ошибка. Перечитываю весь баварскій сводъ и нигдѣ не нахожу разрѣшенія «превращать общинныя земли въ частныя». Происходитъ это по той простой причинѣ, что въ этомъ сводѣ никогда не встрѣчается упоминаній ни объ общинныхъ земляхъ, ни о чемъ-либо, къ нимъ относящемся. Въ немъ не сохраняется даже никакого воспоминанія о существованіи общины въ древности.

14. Желая доказать свою теорію сельской общины, авторъ на той же страницѣ утверждаетъ, что *vicini* были такъ солидарны между собою, «что всѣ отвѣчали за совершенныя на общей землѣ преступленія и въ случаѣ ненахожденія виновнаго, всѣ уплачивали за него мировыя деньги». Гдѣ же отыскалъ онъ что-нибудь подобное? Не въ Салическомъ, конечно, и не въ Рипуарскомъ законѣ, и не въ судебныхъ формулахъ; тамъ онъ увидѣлъ бы обратное. Но онъ говоритъ, что усмотрѣлъ это въ *capita extravagantia Legis Salicæ*, (статья 9). Смотрю и я указанное мѣсто и нахожу совершенно обратное. Законъ гласитъ, что «если убійство было совершено между двумя *villæ*, и если виновный неизвѣстенъ, то графъ долженъ созвать звукомъ рога жителей обѣихъ *villæ* и сказать имъ: я вызываю васъ на судъ въ такой то день, и вы поклянетесь, что невинны въ убійствѣ; если вы поклянетесь въ этомъ, то никакая вира не потребуется съ васъ». Вотъ каковъ текстъ, гдѣ же тутъ круговая порука сосѣдей, откуда видно, чтобы ихъ наказывали вмѣсто виновнаго? Говорится какъ разъ противоположное.

15. Для доказательства коллективной отвѣтственности проницательный ученый цитируетъ еще указъ Хильдеберта II (статья 5, 11, и 12). Но статья 5 постановляетъ, что всякій убійца будетъ наказанъ смертью, и что ни родители, ни друзья не будутъ имѣть права помочь ему выкупиться. Это опять нѣчто противоположное коллективной отвѣтственности. Не лучше доказываютъ ее и статьи 11 и 12. Въ нихъ говорится о родѣ полицейской ассоціаціи для преслѣдованія воровства, и фигурирующая здѣсь *centena* конечно, не что иное, какъ сельское поселеніе. Далѣе, по тому же поводу слѣдуетъ цитата изъ указа Хлотара II отъ 615 года (статья 9). Обращаюсь къ ней и вижу, что тамъ говорится только о таможенныхъ и рыночныхъ пошлинахъ.

16. «Законы, говоритъ Глассонъ (на 73 страницѣ), признаютъ существованіе особыхъ судебныхъ полномочій «сосѣдей»—*vicini*, что является, по его мнѣнію, доказательствомъ существованія общины. Но ни въ Салической, ни въ Рипуарской, ни въ Бургундской Правдахъ ни слова не сказано объ этомъ спеціальномъ судѣ. Авторъ ссылается только на IX главу Баварской Правды и на X-ю Вестготской. Но обратившись къ двумъ указаннымъ мѣстамъ, мы видимъ, что IX глава Баварской Правды не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на судъ «сосѣдей»; что же касается X-й книги Вестготскаго свода, то она относится лишь къ частнымъ владѣніямъ и окружающимъ ихъ линіямъ *termini*. Вотъ еще два невѣрно истолкованныхъ текста.

По поводу «суда сосѣдей», авторъ упоминаетъ еще 10-ю главу *lex Salica emendata* (§ 2). Здѣсь говорится только слѣдующее: «Кто разломаетъ заборъ другого

человѣка, чтобы впустить свой скотъ въ его поле, долженъ заплатить штрафъ» [1]. Ни въ этомъ параграфѣ, ни въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ нѣтъ ни слова о судѣ сосѣдей [2].

17. Глассонъ хочетъ доказать (стр. 74), что въ франкскомъ государствѣ «марка» (*mark*) жила по особому обычаю, который примѣнялся на судахъ». Единственный памятникъ, на который онъ ссылается,—Лонгобардская Правда (эдиктъ Ротариса, статья 351). Но 351 статья законовъ Ротариса говоритъ о кражѣ свиней и не содержитъ въ себѣ ни слова *mark*, ни слова, которое означало бы обычай, ни такого слова, которое значило бы—судъ сосѣдей.

18. «Судья и соприсяжники непремѣнно выбирались изъ числа *vicini*». Для поддержки этого утвержденія приводится свидѣтельство Бургундской Правды (XLIX, 3). Что же читаемъ мы въ указанной статьѣ? «Человѣкъ, нашедшій на своей землѣ лошадей, принадлежащихъ другому, и производящихъ на ней потраву, долженъ прежде всего призвать своихъ сосѣдей въ свидѣтели происшедшаго (безъ сомнѣнія, для оцѣнки потравы), а затѣмъ выгнать лошадей» [3]. Больше

[1] *Lex Salica emendata,* X, 2, ed. Hessels, col. 62: «Si quis propter inimicitiam aut superbiam sepem alienam aperuerit aut in messem aut in pratum pecora miserit... aestimationem damni reddat et sol. 30 culp. iudicetur».

[2] Онъ встрѣчается въ каролингскихъ памятникахъ, но не имѣетъ никакого отношенія къ земельной общинѣ.

[3] Вся XLIX глава озаглавлена *De animalibus damnum facientibus in clausura.* Спеціально § 3 читается: «Si caballos in re sua damnum sibi facientes invenerit, vicinis suis et consortibus contestetur... et tertio die praesentibus testibus extra fines suos expellat».

ничего. Люди эти играли роль свидѣтелей, а не судей. Это еще одинъ искаженный текстъ.

19. По тому же поводу приводится XVII глава Баварской Правды. Прочитайте ее всю: вы увидите, что рѣчь идетъ тамъ о тяжбѣ двухъ сосѣдей относительно родовыхъ земель, но чтобы «сосѣди являлись судьями», объ этомъ не сказано ни слова.

20. По тому же вопросу авторъ привлекаетъ еще 3-й параграфъ капитулярія 797 года, но это спеціально саксонскій капитулярій, *capitulare Saxonicum,* которымъ нельзя пользоваться для выводовъ о Германцахъ вообще.

21. Наконецъ, такъ же для доказательства, что судьи выбирались изъ среды деревенскихъ жителей, онъ ссылается на 409 формулу изъ сборника Розьера, то-есть, № 38 изъ *Senonicæ.* Странная ссылка. Вы читаете формулу и видите изъ нея, что правосудіе отправлялось графомъ. Правда, сосѣди являлись здѣсь, какъ свидѣтели, но въ формулѣ опредѣленно сказано, что они не судили. Итакъ, вотъ еще одинъ текстъ, доказывающій обратное тому, что утверждаетъ авторъ [1].

22. На 175 страницѣ [2] Глассонъ говоритъ, что

[1] *Formulae Senonicae,* 38: «Mos nobilium Romanorum adsuevit... Cum ille comes ad causas audiendum et recta iudicia terminandum resedisset... Et quia... vicini pagenses ad praesens venientes ita dixerunt vel testimoniaverunt, quod ad hoc videndum accesserant, ille comes vel reliquae francae personae decreverunt».—Замѣтьте, что здѣсь говорится объ *apennis,* и сосѣди приходятъ только засвидѣтельствовать, что домъ сгорѣлъ, и что при пожарѣ погибли *instrumenta cartarum.* Непонятно, какъ можно было здѣсь усмотрѣть сельскій судъ.

[2] Пропускаю примѣчанія 4, 5, 6 на стр. 74. Цитаты въ нихъ не относятся къ нашему предмету. Четвертое примѣчаніе служитъ дока-

«право общаго попаса распространялось даже на огороженныя поля», что служитъ, по его мнѣнію, несомнѣннымъ доказательствомъ общины; онъ цитируетъ Вестготскую Правду, VIII, 3, 9; VIII, 4, 23; 26; 27; VIII, 5, 2 и 5. Удивляетъ уже самая ссылка на Вестготовъ Испаніи, когда рѣчь идетъ о франкскомъ государствѣ; удивленіе усиливается при чтеніи указанныхъ мѣстъ. VIII глава (3, 9) говоритъ только о путникахъ, *iter agentes*, и сейчасъ же видно, что снисхожденія, которыя могли дѣлаться для нихъ, не имѣли никакого отношенія къ сельской общинѣ. Въ законѣ сказано, что если нѣтъ другой дороги, то путникъ можетъ пройти черезъ поле, если даже оно окопано канавой [1]. Развѣ тутъ вскрывается право общиннаго покоса, встрѣчается ли здѣсь малѣйшее указаніе на общину? Что касается выдержки изъ VIII, 4, 23, то въ ней объявляется, что при постановкѣ какимъ-нубудь человѣкомъ западней на его владѣніи, онъ долженъ предупредить объ этомъ своихъ сосѣдей. Статьи 26 и 27 также относятся къ путникамъ, *iter agentes*. Цитата

зательствомъ того, что для отправленія правосудія король часто посылалъ *missi*; это совершенно вѣрно, но это противорѣчитъ предполагаемому сельскому суду. 5 и 6 примѣчанія относятся къ *communia*. Общіе же выгоны, существующіе во всѣхъ странахъ, не то же самое, что сельская община. Авторъ говоритъ объ этомъ мимоходомъ, хотя вопросъ имѣетъ существенное значеніе. Жаль, что онъ не произвелъ собственнаго изслѣдованія по данному вопросу.

[1] Вотъ текстъ VIII, 5, 9: «Si quis vineam, pratum, vel pascua habet... et fossas per circuitum constituat, ut non nisi per vineam aut messem transitus esse possit, damnum, quod viator intulerit, ad viatoris culpam redundare non convenit. Campos vacantes si quis fossis cinxerit, iter agentes non haec signa deterreant».

изъ VIII, 5, 2 касается выпаса свиней: мы уже разсматривали этотъ пунктъ. Остается статья VIII 5, 5; въ ней дѣйствительно говорится, что если владѣлецъ выгона не обнесъ его изгородью, то «пользованіе травою—общее» но прибавлено, что если онъ огородился, то никто не имѣетъ права посылать къ нему скота. Получается нѣчто совершенно противоположное тому, что говоритъ Глассонъ [1].

23. Дальше Глассонъ утверждаетъ, что «никто не обладалъ исключительнымъ правомъ охоты», и для доказательства этого ссылается на XXXV-ю главу Салической Правды. Въ главѣ этой просто говорится, что «если одинъ человѣкъ укралъ у другого дичь или убилъ оленя, выгнаннаго собаками другого, то онъ долженъ заплатить штрафъ». Доказываетъ ли это, что никто не имѣлъ исключительнаго права охоты на собственной землѣ?

24. На 75 и 77 страницахъ Глассонъ выставляетъ слѣдующее положеніе: если «въ маркѣ» хотѣлъ поселиться чужестранецъ, то ему нужно было получить согласіе «всѣхъ жителей»; правило это примѣнялось до такой степени точно, что «сопротивленія одного было достаточно, чтобы заставить пришельца удалиться». Это доказываетъ, прибавляетъ авторъ, что всѣ обита-

[1] *Lex Wisigothorum*, VIII, 5, 5: «Si in pascua grex alienus intraverit, hoc quod de porcis constitutum est praecipimus custodiri (то-есть, надо обратиться къ предшествующему параграфу, въ которомъ сказано, что владѣлецъ захватитъ свиней и заставитъ уплатить себѣ вознагражденіе); consortes vero vel hospites nulli calumniae subiaceant, quia illis usum herbarum, *quae conclusae non fuerunt*, constat esse communem. Qui vero sortem suam clauserit...».

тели «марки» имѣли право «общиннаго владѣнія», что франкская деревня была «общиной», являлась замкнутой ассоціаціей на подобіе нынѣшнимъ аристократическимъ клубамъ, въ которую вступали не иначе, какъ испрашивая и получая единодушное согласіе.—Вся эта красивая теорія построена имъ на одной только XLV главѣ Салической Правды, причемъ никакой другой изъ тысячи документовъ, оставшихся отъ тѣхъ трехъ вѣковъ, не можетъ даже быть примиреннымъ съ такимъ довольно страннымъ толкованіемъ.

Но всмотритесь внимательно въ XLV главу Салической Правды; вы не найдете въ ней ни слова о занимающемъ насъ вопросѣ. Прежде всего, тамъ нѣтъ даже термина «марка». Гдѣ Глассонъ читаетъ марка, то-есть, общинная земля, написано *villa*. Вилла же, мы это знаемъ изъ множества примѣровъ, всегда была частновладѣльческой землей, то-есть, противоположностью общинной марки. Зачѣмъ же совершать это первое искаженіе текста?

Далѣе говорится не о такомъ постороннемъ человѣкѣ, который просто хочетъ «поселиться». Глассонъ пропускаекъ два слова. Въ законѣ сказано: «пришелецъ, который хочетъ поселиться на непринадлежащей ему землѣ» [1]. Это недопустимый пропускъ. Данныя слова закона очень важны: они показываютъ, что рѣчь идетъ не о такомъ пришельцѣ, который купилъ землю

[1] Таково значеніе словъ *super alterum in villa migrare*. Смыслъ слова *super* см. въ Салической Правдѣ, XLVII, 1; LV, 5; ср. Рипуарскую Правду, LXXVII. Смыслъ слова *alter*, или прилагательнаго *alienus*, выясняется также изъ многихъ мѣстъ Салической Правды. Въ парижской рукописи 9653 стоитъ «super alterum in villam migrare».

или унаслѣдовалъ ее, или пріобрѣлъ ее какимъ-либо другимъ законнымъ способомъ, ибо въ такомъ случаѣ не говорилось бы, что онъ сѣлъ у другого, *super alterum*; онъ былъ бы у себя, и эта статья закона его бы не касалась [1]. Итакъ, мы должны сейчасъ же отвергнуть странное предположеніе, что какой-нибудь человѣкъ не имѣлъ права купить поле или получить наслѣдство въ деревнѣ, потому что одинъ изъ поселянъ этому противился.

Къ тому же законъ вовсе не говоритъ, что нужно «согласіе жителей»; въ немъ нѣтъ ни одного подобнаго выраженія. Еще менѣе того говоритъ онъ, что нужно согласіе «всѣхъ жителей»: тамъ ни разу не стоитъ слово всѣ. Находите-ли вы, по крайней мѣрѣ, слова «общее», «община», «ассоцація»? Ничего подобнаго. Въ законѣ сказано: *unus vel aliqui*, одинъ или нѣсколько. Развѣ община называлась такъ когда-нибудь? Удивляюсь умамъ, которые все преувеличиваютъ и въ «одномъ или нѣсколькихъ» тотчасъ же усматриваютъ общину и организованное цѣлое; что касается меня, я не могу видѣть столько хорошихъ вещей въ словахъ «одинъ или нѣсколько»; мнѣ кажется также, что, когда въ законѣ говорится «одинъ или нѣсколько изъ тѣхъ, которые живутъ въ виллѣ» [2], это не означаетъ «всѣхъ жителей общины».

Община ни разу не названа въ данной статьѣ. Глассонъ предполагаетъ однако, что она вмѣшивается

[1] Не было обращено достаточнаго вниманія на заглавіе этой главы; въ 11 рукописяхъ она названа—*De migrantibus*; въ 47—*De eo qui villam alterius occupaverit*. Многія изъ этихъ рукописей почти современны другъ другу.

[2] «Unus vel aliqui de ipsis, qui in villa consistunt».

въ дѣло, принимаетъ рѣшеніе, что она дѣйствуетъ вся, за исключеніемъ одного члена, соглашается на поселеніе новаго пришельца. Но законъ не говоритъ ничего подобнаго. Разберемъ его: «Если кто-нибудь хочетъ поселиться въ виллѣ на землѣ, принадлежащей другому, и если одинъ человѣкъ или нѣсколько изъ тѣхъ, кто живетъ въ виллѣ, хотятъ, чтобы ему позволили поселиться, а одинъ только человѣкъ противится, то пришелецъ не получитъ права поселиться. Тогда, если пришелецъ этотъ посмѣетъ водвориться въ виллѣ, несмотря на противодѣйствіе одного или двухъ, то несогласный долженъ при свидѣтеляхъ потребовать чтобы онъ удалился. Послѣ трехъ отсрочекъ, по десяти дней каждая, онъ вызоветъ пришельца въ судъ... и попроситъ графа прибыть на мѣсто, чтобы изгнать его. Тогда изгнанный пришелецъ не только потеряетъ плоды положеннаго имъ въ виллѣ труда, но за нарушеніе закона уплатитъ еще тридцать *solidi*».—Ясно видно, что никакая деревенская община не появляется здѣсь на сцену. Развѣ собиралась община? Развѣ она принимала рѣшеніе? Развѣ община хлопотала о томъ, чтобы просить о примѣненіи закона, касающагося, согласно гипотезѣ, ея одной? Иниціатива принадлежала одному человѣку, и графъ, то-есть, королевскій чиновникъ, одинъ приступалъ къ описи имущества. Слѣдовало бы замѣтить такое полное бездѣйствіе всей общины, и одно это помѣшало бы построенію невѣрной теоріи.

Глассонъ допускаетъ еще другую неправильность, переводя *villa* словомъ деревня. На языкѣ четвертаго, пятаго и шестого вѣковъ словомъ, обозначавшимъ деревню, всегда и неизмѣнно было *vicus*. Слова *vicus* нѣтъ въ данномъ параграфѣ; написано *villa*, и оно даже повторяется четыре раза. На языкѣ того времени *villa* всегда и неизмѣнно обозначала помѣстье съ сельскохозяйственною эксплуатаціей, которое чаще всего принадлежало одному владѣльцу. Въ заглавіи этой самой статьи стоитъ въ сорока семи рукописяхъ: «*qui villam alterius. occupaverit*», что не могло значить: занимающій деревню другого, а значило: занимающій помѣстье другого человѣка. Такимъ образомъ, на основаніи XLV статьи хотятъ вывести теорію сельской общины, тогда какъ въ статьѣ этой не упоминается ни община, ни деревня [1].

25. «Наслѣдственное право Франковъ было явнымъ доказательствомъ (!) существованія общиннаго владѣнія, стоявшаго выше частнаго», говоритъ Глассонъ. На какомъ же текстѣ основываетъ онъ свое утвержденіе? Не на той, конечно, главѣ Салической Правды, которая касается наслѣдованія, такъ какъ вся эта глава слишкомъ очевидно опровергла бы его теорію. Онъ предпочитаетъ построить ее на основаніи указа Хильпериха, такого указа, который дошелъ до насъ только въ одной рукописи, выдающейся своею испорченностью, которая и не можетъ сравниваться по цѣнности и подлинности съ Салическою Правдою; но именно въ силу своей неясности она показалась очень удобной для всѣхъ изо-

[1] Я знаю, что нѣкоторые новѣйшіе ученые рѣшили, что въ видѣ исключенія *villa* обозначала деревню въ одномъ этомъ мѣстѣ. Но такъ какъ слово это никогда не имѣетъ такого значенія, не имѣетъ его даже въ другихъ мѣстахъ Салической и Рипуарской Правды, то я не считаю себя въ правѣ такъ понимать его здѣсь въ угоду неосновательной теоріи.

брѣтателей стройныхъ теорій. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, правильно ли цитируетъ ее Глассонъ. Онъ начинаетъ съ того, что *quicumque vicinos habens* переводитъ: «всякій, кто входитъ въ земельную общину, *marca*». Однако, имѣть сосѣдей, или составлять часть земельной общины не то же самое. Онъ продолжаетъ дальше толкованіе и, встрѣтивъ слова *non vicini accipiant terras*, заключаетъ изъ нихъ, что «до этого указа земля возвращалась къ членамъ общины». Въ текстѣ сказано только: «Если дочь покойнаго умираетъ и остается въ живыхъ братъ, то землю получаетъ братъ, а не сосѣди» [1]. Это не значитъ, что именно сосѣди имѣли до тѣхъ поръ право получать землю. Ничего подобнаго нѣтъ въ статьѣ, и Салическая Правда формально высказываетъ противоположное [2]. Слова *non vicini* намекаютъ не на право, а на возможное злоупотребленіе. Послѣ такого перваго преувеличенія Глассонъ впадаетъ въ другое, еще болѣе сильное. Такъ какъ законодатель говоритъ: «будетъ наслѣдовать братъ покойнаго, а за отсутствіемъ брата сестра его», и не прибавляетъ ничего болѣе, то Глассонъ прибавляетъ нѣчто самъ, а именно, что послѣ брата и сестры «къ наслѣдованію призываются *vicini*, то-есть, земельная община». Онъ утверждаетъ это столь категорически, какъ будто такъ читается въ указѣ. Но

[1] *Edictum Chilperici*, 3: «Si filii defuncti fuerint, filia accipiat terras ipsas... Et si moritur, frater alter superstitus fuerit, frater terras accipiat, non vicini».

[2] *Lex Salica*, LIX, 2: «Si fratrem aut sororem dimiserit, ipsi in hereditatem succedant».—О *vicini* нѣтъ рѣчи.

посмотрите сами: тамъ нѣтъ ничего подобнаго [1]. Глассонъ предположилъ, что если король сказалъ *non vicini* въ первой части, то во второй онъ долженъ былъ предписать, чтобы сосѣди наслѣдовали. Я готовъ признать, что воображеніе прекрасная сила, но не могу понять, чтобы изъ однихъ словъ *non vicini* можно было вывести, что сосѣди наслѣдуютъ. Я предпочитаю придерживаться Салической Правды, которая говоритъ, что послѣ брата и сестры къ наслѣдованію приступаютъ по порядку родства боковые родственники: въ ней не говорится ни о сосѣдяхъ, ни о земельной общинѣ [2].

26. Глассонъ кончаетъ слѣдующимъ смѣлымъ утвержденіемъ: «Съ седьмого вѣка мы находимъ много актовъ, въ которыхъ подъ названіемъ *marca* говорится объ общинныхъ земляхъ». Но авторъ не приводитъ ни одного изъ нихъ, и дѣйствительно, кто читалъ тексты своими глазами, тотъ видитъ, что ни одного такого акта и не существуетъ. Глассонъ говоритъ, что онъ не дѣлаетъ цитатъ «потому, что его затруднилъ бы выборъ». Хорошо сказано, но почему же онъ безъ выбора не цитируетъ всѣ? Такой пріемъ довольно часто практикуется нѣкоторыми учеными: они повторяютъ одинъ другого и ссылаются на документы, которыхъ никто изъ нихъ не видѣлъ. Такъ, Шредеръ

[1] Вотъ эта фраза указа: «Si frater moriens non derelinquerit superstitem, tunc soror ad terra ipsa accedat possidenda».

[2] *Lex Salica*, LIX, 4: «Et deinde de illis generationibus quicunque proximior fuerit in hereditatem succedat». Точно также Баварская Правда совсѣмъ не упоминаетъ о наслѣдованіи *vicini*; когда нѣтъ никакого родственника «наслѣдуетъ казна» (XIV, 9, 4).

сказалъ, что существуютъ тексты, доказывающіе общинность марки въ седьмомъ вѣкѣ, но онъ не привелъ ни одного изъ нихъ. Затѣмъ М. М. Ковалевскій повторилъ Шредера, Дарестъ—Ковалевскаго, а Глассонъ—Дареста. Читателю трудно будетъ повѣрить, что четыре ученыхъ, подражавшихъ одинъ другому, которые такъ громко повторяли—«есть сколько угодно текстовъ», на дѣлѣ не могли бы показать ни одного. Достойный ли это науки пріемъ?

27. За неимѣніемъ текста изъ меровингской эпохи Глассонъ цитируетъ (страница 82, примѣчаніе 1) хартію С. Галленскаго аббатства 890 года, долженствующую доказать общинность марки. Хартія эта находится въ «*Urkundenbuch der Abtei S. Gallen*» (1866, т. II, стр. 281, № 680) [1]. Обратимъ сначала вниманіе на то, что этотъ сборникъ актовъ и всѣ подобные сборники, изданные Цейсомъ, Дранке, Лакомбле, Нейгартомъ, Мейхельбекомъ и другими, содержатъ въ себѣ тысячи грамотъ, и что всѣ эти хартіи являются актами продажи, дарственными записями, мѣновыми, прекарными грамотами, то-есть, онѣ свидѣтельствуютъ о полной и настоящей собственности. Поэтому нѣсколько неосторожно со стороны Глассона привлекать вниманіе къ такимъ сборникамъ; знакомый съ текстами читатель можетъ возразить ему, что онъ предпочитаетъ довѣрять тысячѣ хартій, свидѣтельствующихъ о полной собственности, чѣмъ одной

[1] Глассонъ цитируетъ по Мозеру и по Віоллэ, заимствовавшему у Мозера, у котораго приведена лишь выдержка. Цитировать изъ вторыхъ или третьихъ рукъ всегда неосторожно. Ученые должны бы были взять за правило читать сами тѣ тексты, которые они приводятъ.

такой, которая противорѣчила бы имъ. Всякій человѣкъ, надѣленный историческимъ пониманіемъ, отлично знаетъ, что для знакомства съ соціальнымъ строемъ лучше обращаться ко всѣмъ текстамъ, чѣмъ къ одному. Можно было бы спросить автора, почему онъ предпочитаетъ одинъ текстъ, благопріятный его теоріи, тысячѣ другихъ, противорѣчащихъ ей. Самое большое, что приведенная здѣсь хартія могла бы быть исключеніемъ; но и тутъ во всякомъ случаѣ цитата должна быть сдѣлана правильно. Провѣримъ ее. Хартія передъ нами. Она упоминаетъ о тяжбѣ между двумя владѣльцами: одинъ изъ нихъ—аббатъ С. Галленскаго монастыря, обладающій землями въ Рейнгау, другой—графъ Удальрихъ, владѣлецъ части Рейнгау въ силу недавно сдѣланнаго ему королемъ Арнульфомъ пожалованія. Въ хартіи говорится, что, начиная съ Людовика Благочестиваго, предшествовавшіе государи, бывшіе владѣльцами обширныхъ лѣсовъ въ Рейнгау, разрѣшили Сенъ-Галленскимъ монахамъ и нѣкоторымъ другимъ владѣльцамъ «общее пользованіе этими лѣсами для рубки въ нихъ дровъ» [1]. Удальрихъ, сдѣлавшись владѣльцемъ части этихъ земель, сталъ утверждать, что аббаты получили «общее пользованіе лѣсомъ» лишь подъ условіемъ уплаты «ежегодной ренты» [2]. Этого

[1] «Postquam rex Arnulfus Udalrico comiti in praenominato pago curtem Lustenuvam in ius proprietatis dedit, usus omnes, quos prius in eo pago habuimus, idem comes nobis auferre voluit et nihil nobis neque in Lustenuve neque circumquaque in praescripto pago *nisi sub conductione* fruendum voluit concedere».

[2] «Nos fratres de monasterio S. Galli in pago Ringove talem usum habuimus, qualem unusquisque liber homo de sua proprietate iuste et legaliter debet habere in campis, pascuis, silvis, lig-

послѣдняго вопроса и касается тяжба; аббаты утверждали, что «пользованіе» принадлежало имъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ «безъ платежа ренты».

Третейскій судъ уладилъ дѣло, произведя раздѣлъ.— Такова грамота. Она не имѣетъ никакого отношенія къ общинному строю. О маркѣ нѣтъ и рѣчи. Если слово *communio* встрѣчается въ ней, то относится оно къ *usus*, а не къ *terrae*. Очевидно, вся эта земля составляла полную собственность аббата, или графа, или государя; ни малѣйшая часть ея не была общинной. Замѣтьте еще, что во всей длинной хартіи не говорится ни о деревнѣ, ни, еще того менѣе, о деревенской общинѣ. Единственные крестьяне, о которыхъ упоминается, тѣ, которые названы *familia monasterii*, то-есть, это— монастырскіе вилланы и сервы [1]. Для сельской общины не остается мѣста. Тутъ только три владѣльца: аббатъ, это—графъ и король. Итакъ, разсмотрѣнная хартія никоимъ образомъ не обнаруживаетъ общиннаго порядка владѣнія. Глассонъ, или тотъ, у кого онъ, по довѣрію, заимствовалъ эту цитату, не замѣтилъ, что она походитъ на всѣ другія хартіи и въ ней вполнѣ

norum succisionibus, porcorum pastu, piscationibus».—Монахи утверждаютъ, что со времени императора Людовика Благочестиваго они обладаютъ этимъ правомъ *absque petitione et absque conductione*, не прося о немъ и не внося ежегодной ренты, и что право это распространялось на весь лѣсъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, оставленныхъ императорами для себя, частей. Они прибавляютъ, что держатъ это право «de iustis et publicis traditionibus», то-есть, въ силу уступки (*traditiones*), сдѣланной согласно законамъ и на основаніи законныхъ актовъ государственной власти.

[1] «Comes et nostris familiis in eodem pago positis solitos usus detraxit».

ясно отражается земельный строй, основанный на частномъ владѣніи.

28. Глассонъ оканчиваетъ четырьмя цитатами изъ коллекціи Цеймера (стр. 387, 388, 402 и 403) и тремя цитатами изъ маленькаго сборника Тевенена (№№ 70, 111, 180). Я могъ бы отвергнуть эти семь актовъ уже по одной той причинѣ, что они относятся къ Германіи и къ девятому вѣку. Но я все-таки провѣрилъ, правильны ли цитаты. На 387-й страницѣ въ сборникѣ Цеймера рѣчь идетъ о монастырѣ, который владѣлъ лѣсомъ и разрѣшилъ нѣсколькимъ сосѣднимъ владѣльцамъ право пользованія имъ; это не община [1]. На 388-й страницѣ говорится о назначеніи приданаго: женихъ даритъ «принадлежавшія его предкамъ» земли. Въ числѣ своего родового имущества онъ считаетъ право пользованія однимъ лѣсомъ, который сообща принадлежалъ нѣсколькимъ владѣльцамъ. Это также не общинное владѣніе всѣхъ, и очевидно, что грамота также относится къ порядку частнаго владѣнія [2].

На 402-й страницѣ у Цеймера находите актъ, посредствомъ котораго одинъ человѣкъ жалуетъ монастырю всю собственность, какая у него имѣется, *quidquid proprietatis habuit*, сохраняя за собою, за своимъ сы-

[1] «Eorumdem locorum pagenses» (*Zeumer*, p. 387, *Rozière* № 401, *Thèvenin* № 43). Тевененъ ошибается, переводя *pagenses*—крестьяне. Настоящіе крестьяне здѣсь тѣ, которыхъ хартія называетъ *familia Sancti*, это—сервы или колоны. *Pagenses*—это нѣсколько землевладѣльцевъ края.

[2] *Zeumer*, p. 388. Это аламанская хартія 887 года: «Dedi ei dotis nomine curtem, silvas, agros, prata... usum lignorum, pascuarium in communi marca, sicut mihi et progenitoribus meis competit».

номъ и послѣ него за братьями лишь пожизненное пользованіе. Все это, видимо, противоположно общинѣ. Но въ грамотѣ нашлось выраженіе, которое ввело въ заблужденіе Глассона. Онъ замѣтилъ слова *nulla communione* и сейчасъ же подумалъ, что передъ нимъ открывается земельная община. Надо было прочитать всю фразу: онъ увидѣлъ бы, что предоставивъ послѣ сына совмѣстное пользованіе двумъ своимъ братьямъ, составитель акта прибавилъ однако, что еслибы одинъ изъ братьевъ поступилъ дурно съ сыномъ, то онъ не долженъ былъ получить наслѣдства; въ этомъ случаѣ «добрый братъ получилъ бы все, а дурной не вступилъ бы въ совмѣстное съ нимъ владѣніе», «*nulla communione illi fratri praevaricatori concessa*» [1]. Вотъ, чтопринялъ Глассонъ за общинновладѣльческій строй. Подобное пользованіе текстами положительно приводитъ критика въ недоумѣніе.

На 403-й страницѣ того же сборника у насъ есть актъ, въ которомъ договариваются съ одной стороны казна, собственница помѣстья и большого лѣса, съ другой стороны, нѣсколько сосѣднихъ владѣльцевъ. Предметомъ спора былъ лѣсъ, расположенный между различными владѣніями и называвшійся *marcha* потому именно, что онъ раздѣлялъ ихъ. Договаривающіяся стороны условились: лѣсъ будетъ раздѣленъ такъ, что

[1] Ничего не можетъ быть яснѣе этой хартіи. Я процитирую только конецъ ея: «Si autem ille (ребенокъ) obierit, fratres ipsius delegatoris easdem possessiones redimere (то-есть, выкупить посредствомъ фунта серебра) debeant, si ipsi orphano eius dum viveret omnem dilectionem exhibuerunt. Si alter eorum cum odio habuerit, tunc alter solus redimat, praevaricatori illi nulla secum in eis rebus communione concessa».

сосѣдніе владѣльцы получатъ пользованіе половиной его, «они будутъ имѣть право посылать туда своихъ свиней и рубить дрова». Что касается казны, то она остается владѣлицей всего, за исключеніемъ нѣсколькихъ, распаханныхъ частными лицами и приведенныхъ въ культурное состояніе, участковъ, которые, сдѣлавшись вотчинными землями, могли находиться въ рукахъ одного или «сообща принадлежать нѣсколькимъ сонаслѣдникамъ».

Остаются три цитаты, заимствованныя изъ сборника Тевенена.—№ 700, это лонгобардскій актъ; рѣчь идетъ о владѣльцѣ, пожертвовавшемъ церкви принадлежавшую ему въ нераздѣленномъ еще наслѣдствѣ часть свою, «все, что онъ имѣетъ вмѣстѣ съ своими *consortes*». Быть можетъ, именно, это послѣднее слово и ввело въ заблужденіе Глассона: нераздѣленное наслѣдство онъ принялъ за земельную общину [1]. — № 111—не что иное, какъ та же формула Цеймера (страница 388), о которой мы только что говорили.—№ 180—пожалованіе въ даръ угодья составлявшаго часть «виллы» и доставшагося пожалователю «по наслѣдству»; онъ присоединяетъ туда же свою часть въ нераздѣленномъ

[1] Текстъ не даетъ повода къ двоякому толкованію: «Ego Illarus offertor... dono atque offero in suprascripto monasterio medietatem de campo in Lixino, et in aliis locis ubi mei consortes portio(nem) habent, mea(m) portio(nem)».—Трудно понять, какъ Глассонъ усмотрѣлъ въ этомъ общинныя земли. Предположивъ даже, что слово *consortes* имѣетъ здѣсь никогда не принадлежавшее ему значеніе общинниковъ, могъ ли тогда этотъ человѣкъ дарить свою часть? Его coheredes—это сонаслѣдники (онъ называетъ дальше одного изъ своихъ братьевъ), и онъ имѣетъ право располагать своей частью.

лѣсу, гдѣ ему принадлежала двѣнадцатая часть [1]. Мы объяснимъ дальше, что представляли эти *portiones* виллы и нераздѣльность лѣса. Въ этомъ примѣрѣ во всякомъ случаѣ передъ нами обнаруживается полная и безусловная частная собственность на земли.

Вотъ провѣрка, которую можетъ произвести каждый читатель. Цитаты Глассона доходятъ до числа 45. Изъ нихъ тринадцать не относятся вовсе къ утверждаемому имъ положенію, а тридцать двѣ совершенно противорѣчатъ ему. Ни одна изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ даже намека на общинный строй. Итакъ, изъ 45 цитатъ нѣтъ ни одной правильной. Исторія не искусство; исторія—наука, и первый законъ ея, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, заключается въ требованіи точности. Трудъ Глассона, направленный къ цѣли доказать существованіе въ изучаемую эпоху общиннаго строя, даетъ вѣрнѣйшее доказательство того, что строй этотъ не существовалъ. Онъ производитъ какъ бы противо-провѣрку нашихъ изслѣдованій и подтверждаетъ ихъ. Мы можемъ, слѣдовательно, съ увѣренностью повторить, что среди оставленныхъ меровингскимъ обществомъ многочисленныхъ памятниковъ о его соціальномъ строѣ и о формахъ землевладѣнія, не сохраняется ни одной строки которая позволяла бы думать, что въ немъ примѣнялся порядокъ общиннаго землепользованія или сельской общины. Этотъ романъ, введенный въ исторію тридцать лѣтъ тому назадъ, долженъ быть отвергнутъ, по крайней мѣрѣ всякимъ, кто, согласно съ нами, считаютъ исторію наукой.

[1] «Tradidi particulam *hereditatis meae*, in villa Englandi, id est curtile unum et duodecimam partem in silva, quae dicitur Braclog, cum pascuis et *plena dominatione*, quae iure legali ad illud curtile pertinere compertum est».

ГЛАВА VI.

Распредѣлялась ли земля по деревнямъ или по помѣстьямъ?

Когда мы изслѣдовали состояніе земель въ галло-римскомъ обществѣ наканунѣ варварскихъ нашествій, мы замѣтили, что земля не распредѣлялась тогда по деревнямъ, а распадалась скорѣе на помѣстья, называвшіяся на языкѣ того времени *praedia*, *agri* или *villae*. Это не значитъ, что не было также и деревень, состоявшихъ изъ мелкихъ собственниковъ и изъ свободныхъ крестьянъ, но число ихъ было невелико, и *villa* во всякомъ случаѣ не зависѣла отъ *vicus* и не составляла его части. *Vicus* же, наоборотъ, часто былъ принадлежностью виллы, являясь ничѣмъ инымъ, какъ группой жилищъ колоновъ или сервовъ, принадлежащихъ владѣльцу этой виллы. Такъ, хотя и существовало извѣстное число деревень, похожихъ на наши, не слѣдуетъ все таки думать, что земельная территорія была раздѣлена на помѣстья скорѣе, чѣмъ на деревни. Мы должны теперь изслѣдовать, что произошло съ этимъ распредѣленіемъ земли послѣ образованія варварскихъ государствъ.

Судьба этого распредѣленія могла сложиться трояко. Прежде всего, возможно, что римскія помѣстья исчезли, уступивъ мѣсто мелкимъ владѣніямъ и свобод-

нымъ деревнямъ, если Германцы раздѣлили между собой землю поровну, какъ между людьми равными. Возможно также, если побѣдители были организованы по правиламъ военной іерархіи, что каждый начальникъ получилъ крупный кусокъ земли, часть которой онъ роздалъ затѣмъ въ видѣ надѣловъ своимъ товарищамъ, оставшимся сгруппированными вокругъ него и поселившимися на его землѣ. Территорія представляла бы изъ себя тогда подобіе войска: земли ея были бы распредѣлены нѣкоторымъ образомъ по степенямъ, такъ же какъ войско по лѣстницѣ достоинствъ. Такова дѣйствительно теорія нѣсколькихъ новѣйшихъ ученыхъ. Въ-третьихъ, возможно предположить, что послѣ нашествій территорія осталась раздѣленной такимъ же образомъ, какъ дѣло сложилось до нихъ, то-есть, съ преобладаніемъ крупнаго помѣстья и рѣдко встрѣчающеюся свободной деревней. Мы должны разобрать, который изъ трехъ типовъ распредѣленія земель осуществился на дѣлѣ.

Задача это трудная, однако разрѣшимая. Главные памятники, которые помогаютъ намъ дойти до пониманія состоянія земель въ франкскомъ государствѣ, это своды, формулы и грамоты. Первые позволяютъ усмотрѣть строй земельной собственности по нѣкоторымъ изъ своихъ постановленій. Меровингскіе сборники формулъ содержатъ двадцать одинъ образецъ для продажи или передачи недвижимости, одиннадцать для мѣны, тринадцать для установленія приданаго, въ которое входитъ недвижимое имущество, пятьдесятъ четыре—для пожалованій частнымъ лицамъ или церкви. У насъ есть еще болѣе точные памятники: это хартіи или грамоты, въ которыхъ каждое

имѣнье обозначено своимъ названіемъ, и описанъ характеръ каждаго. Есть восемьдесятъ четыре королевскихъ грамоты, содержаніе которыхъ составляетъ пожалованіе земли или утвержденіе пожалованія, сдѣланнаго частнымъ лицомъ, или королевскій приговоръ, относящійся къ земельному имуществу. Что касается актовъ частныхъ лицъ, то мы имѣемъ девятнадцать завѣщаній, изъ которыхъ можемъ видѣть съ ихъ названіями принадлежавшія завѣщателю недвижимости; есть еще восемьдесятъ двѣ хартіи пожалованія, двѣнадцать актовъ продажи и девять актовъ раздѣла или мѣны. Прибавимъ къ этому имѣющіяся у насъ хартіи отъ монастырей св. Бенигна Дижонскаго, Св. Петра Безскаго, св. Виктора Марсельскаго, св. Бертина и богатые хартуляріи аббатствъ Вейссенбургскаго, С. Галленскаго, Фульдскаго и св. Максимина Трирскаго; примемъ также во вниманіе хартіи, составленныя въ послѣдующіе за меровингскимъ періодомъ восемьдесять два года и точь въ точь воспроизводящія хартіи этого періода: въ суммѣ получимъ нѣсколько тысячъ актовъ. Содержаніе ихъ всѣхъ составляетъ передача недвижимостей, и въ нихъ всѣ эти недвижимости называются по именамъ и описываются различные ихъ элементы. При такомъ большомъ количествѣ памятниковъ и при внимательномъ ихъ изученіи, можно достовѣрно узнать, какъ была распредѣлена земля, и какой былъ характеръ землевладѣнія. Къ этому анализу мы теперь и приступимъ.

Въ Бургундской Правдѣ ни разу не встрѣчаемъ слово, которое означало бы деревню; въ ней нѣтъ слова *vicus*, наоборотъ, словомъ *villa* нѣсколько разъ обозначена нѣкоторая земельная единица. Такъ какъ

*

этотъ сводъ редактированъ на чисто латинскомъ языкѣ, то мы должны думать, что слово *villa* значитъ въ немъ то же самое, что и во всѣхъ другихъ латинскихъ текстахъ, то-есть, служитъ именованіемъ частнаго помѣстья. Это становится очевидно, къ тому же, при ближайшемъ разсмотрѣніи XXXVIII-й главы даннаго свода. Законодатель хочетъ обозначить право пріюта за каждымъ человѣкомъ, проѣзжающимъ по дѣламъ короля, и за каждымъ чужестраннымъ посломъ, направляющимся къ королю. И вотъ онъ предполагаетъ, что путникъ остановится провести ночь, не въ *vicus*, а въ *villa* [1], причемъ ясно, что вилла—помѣстье: она управляется приказчикомъ или арендаторомъ, *conductor*, который является тамъ представителемъ отсутствующаго владѣльца [2]. Большинство населенія виллы состояло изъ рабовъ и изъ колоновъ [3]. Въ другомъ мѣстѣ законъ говоритъ объ *actor*, то-есть, управителѣ виллы, равно какъ о колонахъ, и рабахъ которые обрабатываютъ ее [4].

Изслѣдователи недостаточно внимательно замѣтили,

[1] *Lex Burgundionum*, XXXVIII, 1: «Quicunque hospiti venienti... Si conviva regis est... De legatis vero extranearum gentium, id volumus custodiri, ut unum porcum aut berbicem praesumendi habeant facultatem».—3: «Qui intra terminum villae commaneat».—4: «A consistentibus intra terminum villae».

[2] *Ibidem*, 9: «Si in villa conductor ingenuus est, et tectum aut focum non dederit, inferat solidos 3; si servus est, fustigetur».

[3] *Ibidem*, 10: «Quod Burgundionum et Romanorum colonis et servis praecipimus custodiri».—Впрочемъ, на виллѣ могли жить и нѣсколько свободныхъ людей, и они могли быть Римлянами и Бургундами безразлично; это вытекаетъ изъ § 6.

[4] *Ibidem*, XXXIX, 3: «Si inconscio domino... ab actore aut conono receptus fuerit».—5: «Si servus...».

что Салическая Правда никогда не упоминаетъ о деревняхъ. Въ ней совсѣмъ не встрѣчается слово *vicus*, тогда какъ слово *villa* попадается нѣсколько разъ. Нѣкоторые ученые съ предвзятымъ убѣжденіемъ, что свободная деревня должна была составлять основу франкскаго общества, предположили, что въ видѣ исключенія слово *villa*, нигдѣ не имѣвшее значенія деревни, пріобрѣло его въ Салической Правдѣ. Это черезчуръ смѣлое предположеніе. Люди не вправѣ мѣнять значеніе слова ради подкрѣпленія своей теоріи. Салическая Правда написана вовсе не на произвольномъ латинскомъ языкѣ, какъ утверждаютъ люди мало изучавшіе ее: наоборотъ, очень достойно вниманія, что употребляемые ею латинскіе корни всегда имѣютъ точно такое значеніе, какое придавалъ имъ латинскій языкъ. Нѣтъ, стало быть, достаточнаго основанія думать, что слово *villa* означаетъ тамъ нѣчто другое, чѣмъ то, что оно означало въ тысячахъ примѣровъ, сохраняющихся отъ пятаго, шестого и отъ седьмого вѣковъ.

Больше того: самый текстъ Салической Правды очень ясно показываетъ, что когда въ ней употребляется слово *villa*, то рѣчь идетъ именно о помѣстьѣ и о частной собственности. Ясно, что когда здѣсь говорится въ двухъ мѣстахъ «о томъ, кто напалъ и ворвался въ виллу другого», то рѣчь идетъ не о цѣлой деревнѣ, а о частномъ владѣніи [1]. Кромѣ того,

[1] *Lex Salica*, XIV, 6: «Si quis villam alienam adsalierit».—XLII, 5: «Si quis villam alienam expugnaverit». О значеніи, тождественномъ со словомъ *alterius* слова *alienus* см. многія мѣста въ Салической Правдѣ, а именно XVI, 5; XXII; XXIII; XXV, 3 и 6; XXVI, 1; XXVII; XXXIV, 3 и 4.

въ XLV-ой главѣ одинъ отдѣлъ, который изъ шестидесяти трехъ рукописей имѣется въ сорока девяти, озаглавленъ: «О томъ, кто займетъ виллу другого» [1] И тутъ также ясно, что имѣется въ виду частное владѣніе, а не земельная община. Въ томъ же самомъ отдѣлѣ одна очень длинная статья заключаетъ въ себѣ слово *villa* четыре раза и всякій, чей умъ свободенъ отъ предубѣжденія, переведетъ это слово «помѣстье», а не «деревня». Тамъ дѣйствительно живутъ нѣсколько человѣкъ, но въ законѣ не говорится, сервы ли они, колоны, или свободные люди, владѣльцы или арендаторы; во всякомъ случаѣ въ длинной статьѣ этой нѣтъ ни одного слова, которое указывало бы, что люди эти составляли сельскую общину [2].

[1] *«De eo qui villam alterius occupaverit».*—Заглавіе ***De migrantibus*** читается въ лучшихъ рукописяхъ: Вольфенбюттельской и Мюнхенской, въ Парижскихъ 4404, 4403 B. 4627, 9653, 18237, въ Сенъ-Галленской рукописи 731, въ рукописи изъ Монпелье H 136. Согласно весьма произвольному раздѣленію, сдѣланному между будто бы старымъ текстомъ и *lex emendata*, рубрика или заглавіе ***De migrantibus*** относится къ первому. Но всѣ эти рукописи одного приблизительно времени; Вольфенбюттельская и 4404 возникли на двадцать или тридцать только лѣтъ раньше нѣсколькихъ изъ тѣхъ, которыя ученые относятъ къ *emendata*. Итакъ, оба заглавія были начертаны приблизительно въ одно время.

[2] Только нѣкоторые новѣйшіе ученые вообразили, что можно усматривать въ этой статьѣ сельскую общину. Они навязали ее данной статьѣ, не замѣчая, что въ ней нѣтъ ни единаго слова, которое обозначало бы общину или какую-нибудь ассоціацію. Когда въ 819 году въ то время, когда Салическая Правда была въ полной силѣ, статья эта была представлена на разсмотрѣніе совѣтниковъ Людовика Благочестиваго, они увидѣли лишь въ XLV (XLVII) главѣ виллу, то-есть, частное помѣстье и ничего больше, никакой общины. См. ихъ толкованіе въ капитуляріи 819 года, ст. 9.

Въ Рипуарской Правдѣ нѣтъ ни слова *vicus*, ни какого-нибудь термина, который передавалъ бы понятіе деревни. Мы находимъ тамъ виллу, и очевидно, что подъ нею разумѣлась частная собственность, такъ какъ законъ говоритъ «о человѣкѣ, который купилъ виллу у другого» [1]. Ясно, что вилла, переходившая такимъ образомъ изъ рукъ одного владѣльца въ руки другого, была помѣстьемъ, а не деревнею, по крайней мѣрѣ, въ современномъ значеніи, придаваемомъ нами этому слову.

Такое же наблюденіе можно извлечь и изъ формулъ для юридической практики. Въ болѣе, чѣмъ ста формулахъ, относящихся къ передачѣ недвижимаго имущества путемъ пожалованія, продажи или завѣщанія, вы встрѣчаете слово *vicus* одинъ только разъ [2]. Слово же *villa* попадается безпрестанно, и нѣтъ ни одной строки, въ которой описывалась бы деревня. Очевидно, что вилла обозначала частную собственность, такъ какъ люди продавали ее, завѣщали, дарили. Составитель акта говоритъ: «*villam iuris mei*», «*villam proprietatis tuae*». Онъ передаетъ ее цѣликомъ, «*in integrum*», «*cum integritate sua*» или «*cum soliditate*

[1] *Lex Ripuaria*, LX, 1: «Si quis villam, aut vineam, vel quamlibet possessiunculam ab alio comparavit».

[2] Именно въ одной изъ Овернскихъ формулъ, № 6: «Mansum nostrum in pago Arvernico, in vico illo, in villa illa».—Встрѣчается также, но въ другомъ значеніи, выраженіе «per civitates, vicos et castella» (***Marculf.*** 1, 40). Въ *Bituricensis*, 5, а также въ ***Merkeliana***, 63, ***vicus*** имѣетъ значеніе прихода. Слово это встрѣчается затѣмъ пять или шесть разъ въ каролингскихъ формулахъ.

sua» [1]. Вилла описана болѣе ста разъ, «съ землями ея, съ домами, постройками, рабами, колонами, пахотными полями, лугами, виноградниками, лѣсами, озерами и проточными водами» [2]. Она не всегда принадлежала одному человѣку, такъ какъ мы увидимъ, что ее можно было дѣлить. Но, хотя «въ предѣлахъ ея» и могло находиться нѣсколько владѣльцевъ, она не пріобрѣтаетъ изъ-за этого характеръ сельской общины и не походитъ на то, что мы называемъ деревней.

Перейдемъ къ грамотамъ. Тутъ тексты еще болѣе точны, такъ какъ каждое недвижимое имущество, которое завѣщали или дарили, опредѣленно названо и описано. О деревняхъ здѣсь не говорится вовсе, упоминается лишь о помѣстьяхъ. Бертрамнъ, напримѣръ, пишетъ: «Я завѣщаю виллу, владѣльцемъ которой состою, и которая называется Бональфа [3]. Такимъ же образомъ онъ завѣщаетъ свою виллу Колонику, свою виллу Бруктіагъ, свою виллу Брею, Умбріакъ и нѣкоторыя другія. Теодетруда жалуетъ три имѣнія, и каждое изъ нихъ именуется виллою: вилла Матрій, вилла Патріакъ, вилла Мильгіацисъ; это три помѣстья, въ которыхъ она была полной владѣлицей; она подарила ихъ «съ полнымъ правомъ держать ихъ, владѣть ими, продавать, мѣнять и дѣлать съ ними все, что угодно» [1]. Урсинъ и Беппоненъ дѣлятъ между собою наслѣдство отца, Хродолена, и наслѣдство это состоитъ изъ нѣсколькихъ *villae* [2]. Виллы также завѣщаетъ Бургундофара [3]. Епископъ Оксерскій пишетъ, что онъ завѣщаетъ виллу свою Валлисъ, и въ томъ же актѣ мы видимъ, что вилла Кламиціакъ принадлежала нѣкоему Годину, продавшему ее епископу [4]. Дочь Амальгарія Адальсинда жалуетъ нѣсколько виллъ [5]. *Villae* дарятся также королями [6], и они постановляютъ рѣшенія истцамъ, тяжущимся изъ за обладанія виллами [7]. Въ одной грамотѣ мы читаемъ, что въ долинѣ Соммы вилла Корбея была собственностью нѣкоего Гунтланда [8]. Графъ Вульфальдъ даритъ виллу Кондату, принадлежащую ему въ области Барруа [9]. Леодгеръ завѣщаетъ виллу свою Тилиніакъ, полученную имъ отъ матери,

[1] *Marculf.* I, 15, 17, 31; II, 6, 17, 19.—*Turonenses*, 1, 4, 25, 35.

[2] *Marculf.* II, 4: «Villam nuncupantem illam cum omni merito et termino suo (со всѣми ея доходами и со всѣми границами), cum adiacentiis, adiunctis, appendiciis, cum terris, domibus, aedificiis, accolabus, mancipiis, vineis, silvis, campis, pratis, pascuis, aquis aquarumve decursibus, farinariis».—См. также *Marculf.* II 19; *Turonenses*, 35, и много другихъ.

[3] *Testamentum Bertramni*, Diplomata, № 230, p. 198: «Villam iuris mei cuius vocabulum est Bonalpha».

[1] *Charta Theodetrudis*, Diplomata, № 241: «Dono... villa, quae vocatur Matrius... villa, quae cognominatur Patriago... ut tenendi, possidendi, vendendi, commutandi, vel quidquid volueritis faciendi liberam in omnibus habeatis potestatem».

[2] *Archives nationales*, Tardif, № 6, Pardessus № 245, Pertz № 12: «Ferrarias, Laubaredovillare, Eudoncovilla... villas illas».

[3] *Diplomata*, ed. Pardessus, № 257.

[4] *Ibidem*, № 273.

[5] *Ibidem*, № 328.

[6] *Archives nationales*, Tardif, № 13, Pardessus, № 330 и много другихъ грамотъ.

[7] *Archives nationales*, Tardif № 15, Pardessus № 332 и много другихъ.

[8] *Diplomata*, № 336: «Super fluvium Somna, in loco, qui dicitur Corbeia, quem Guntlandus quondam possederat». Тремя строками ниже это locus Corbeia названо villa Corbeia

[9] *Ibidem*, № 375.

«которая досталась матери отъ ряда предковъ»[1] Вандемиръ и жена его Еркамберта дарятъ виллу свою Инголинокуртисъ, виллу Фраксинетъ и нѣсколько другихъ[2].

Справедливо это не только по отношенію къ югу и къ центру Галліи, но то же относится и къ областямъ сѣвернымъ и восточнымъ, гдѣ преобладало германское населеніе. Въ области Теруэнской Адроальдъ—владѣлъ виллами *Sithiu* и нѣсколькими другими; о деревняхъ же не говорится совсѣмъ[3]. Въ области Льежа встрѣчаемъ виллу Леніону, виллу Ванделини и много другихъ, которыя были частными владѣніями[4]. Въ долинѣ Мозеля мы находимъ мѣстности, называвшіяся Вальдебрунно, Гильденсгеймъ, Вальгеймъ, Спея: все это—виллы; владѣлецъ даритъ ихъ монастырю; близъ Трира Мунсенфельдъ и Винтерсдорфъ были помѣстьями, принадлежавшими одной женщинѣ раньше, чѣмъ они были подарены церкви[5]. Еще другія *villae*, расположенныя по самому теченію Мозеля, назывались Марнингъ, Сугіакъ, Сарабодисвилла, и онѣ были настоящими помѣстьями[6]. Въ Эльзасѣ—Годульсисгеймъ, Аустондорфъ, Гаганбахъ, Брунинговилларе, Плитаресдорфъ—такъ же вовсе не были деревнями;

[1] *Ibidem*, № 382: «Dono, trado et transfundo... Tiliniaco villa, quae de iure materno ab avis et proavis mihi competit».

[2] *Ibidem*, № 412.

[3] *Charta Adroaldi* въ хартуляріи Св. Бертина, стр. 18: «Dono, in pago Taroannense, villam proprietatis meae nuncupantem Sitdiu... Magnigeleca, Tadingavilla, Launardiacavilla ..».

[4] *Diplomata*, № 588.

[5] *Beyer*, Urkundenbuch... mittelrheinischen Territorien, № 7.

[6] *Beyer*, №№ 10 и 13.

это—*villae*, и онѣ составляютъ собственность Бодала, Гильдифрида, Веральда, Гаймона, Граульфа[1]. Адальгизъ и жена его Флавинсинда продаютъ свою виллу Герлейсъ, доставшуюся имъ по наслѣдству, и Эрменбертъ даритъ виллу свою Аудовинъ, которою владѣлъ по такому же праву[2]. Мы могли бы увеличить число этихъ примѣровъ. Вотъ въ той же странѣ двѣ мѣстности, называвшіяся Монесисгеймъ и Оненгеймъ; это не селенія свободныхъ крестьянъ, это помѣстья и одна грамота показываетъ, что они обрабатывались колонами и сервами[3].

Можно замѣтить, что также обстояло дѣло и въ германскихъ земляхъ. Возьмите, напримѣръ, сборникъ хартій Нейгарта: вы всюду видите помѣстья, а не деревни, и помѣстья эти принадлежали одному владѣльцу за исключеніемъ случаевъ раздѣла, о которыхъ мы будемъ говорить дальше; обрабатывались всѣ они также сервами (рабами) или колонами, принадлежавшими тому же владѣльцу. Итакъ наиболѣе древніе памятники, по которымъ можно усмотрѣть состояніе земель въ Германіи, показываютъ, что преобладало помѣстье, а не сельская община[4].

[1] *Schoepflin*, Alsatia diplomatica, I, стр. 16.—*Codex Wissenburgensis*, №№ 16, 38, 45, 192.

[2] *Codex Wissenburgensis*, №№ 46 и 205.

[3] *Diplomata*, № 368.

[4] Примѣры названій *villae* въ германской землѣ: villa Franchenheim, villa Winideresdorf, villa Buxuvillare, villa Wolfindovillare, villa Sesinheim, villa Hariolvesheim, villa Spiridorf, villa Ratolfesdorf (*Codex Wissenburgensis*, 33, 34, 37, 51, 55, 56, 85 и т. д.).—Villa Trutmaresheim, villa Wacharenheim, villa Fridelfisheim, villa Mitilesdorf (*Codex Fuldensis*, 9, 14, 31, 66 и т. д.).—Villa Hagenheim, villa Hephenheim, villa Wattenheim, villa Bec-

Стало быть, въ меровингскую эпоху, какъ и въ римскую, мы всюду находимъ виллу. Вилла обнаруживается во всѣхъ хартіяхъ. Она заключаетъ въ себѣ разнаго рода земли, такъ какъ въ хартіяхъ безпрестранно говорится о составлявшихъ ее «пахотныхъ поляхъ, виноградникахъ, лугахъ, лѣсахъ, пастбищахъ». Хартии ясно показываютъ также, какое населеніе жило на виллѣ, ибо владѣлецъ объявляетъ, что онъ продаетъ ее «съ живущими на ней рабами и колонами». Виноградники продаются «съ ихъ виноградарями», стада «съ ихъ пастухами». Ни одна хартія не говоритъ о свободныхъ крестьянахъ; всѣ онѣ говорятъ о колонахъ и о сервахъ: вилла—противоположность сельской общины.

Для обозначенія помѣстья хартіи и формулы употребляютъ иногда другіе термины, чѣмъ слово *villa*, но непремѣнно равнозначущіе ему. Очевидно, что слова *praedium* и *fundus*—синонимы съ *villa*; но термины эти, весьма обычные въ римской Галліи, становятся довольно рѣдкими въ Галліи меровингской [1]. Болѣе часто встрѣчается слово *ager*. Какъ и въ древне-

kenhova, villa Dionesheim (*Codex Laureshamensis*, 1, 6, 27, 48, 53, 60 и т. д.).—Villa Athorinswanc, Maurinivillare, Berolfesvillare, villa Altdorf, villa Uzzinaha, villa Centoprato, villa Rotunvilla, villa Forchheim, villa Richinbach, Leontii villa, villa Fishbach (*Neugart*, 4, 10, 11, 12, 13, 16 и т. д., и т. д.).—Всѣ эти помѣстья описаны, какъ описывались галльскія, «id est casis, mansis, aedificiis, campis, pratis, silvis, pascuis, pecoribus, aquis aquarumque decursibus, mancipiis, servis, accolabus». Такія подробности читаемъ во всѣхъ хартіяхъ.

[1] *Diplomata*, № 260: «Dono praedia, quorum nomina sunt bCannis, Cressiacum».—№ 266: «Dono praedium meum Wallar dictum, cum villis, terris, silvis».—*Formulae Senonenses*, 9: «Si ua praedia comparaveris».—*Diplomata*, I, 138: «Fundus Sisciacus».

латинскомъ языкѣ, оно употребляется въ двухъ весьма различныхъ значеніяхъ; оно иногда обозначаетъ только часть земли, именно находящуюся въ распаханномъ видѣ, иногда же примѣняется ко всему помѣстью въ цѣломъ и обнимаетъ собою луга, даже лѣса [1]. Правда, въ древнемъ языкѣ выраженія *ager* и *villa* были не строго тождественными, такъ какъ *villa* спеціально обозначала постройки, а *ager*—землю; но обыденный языкъ употреблялъ для обозначенія всего помѣстья то или другое выраженіе, безъ различія. Во многихъ хартіяхъ *ager* не что иное, какъ *villa*. Такъ помѣстье подъ названіемъ Альбаніакъ называется «*villa seu ager*» [2] также какъ и помѣстье Брогерія [3]. Въ одномъ актѣ 663 года земля Эларіакъ, собственность монастыря, называется то *villa*, то *ager* [4]. Мы читаемъ въ одномъ актѣ 653 года: «Я приношу въ даръ три принадлежащихъ мнѣ *agri* весьма значительныхъ размѣровъ, Мелиганну въ Сансской области, Винцеллы и Труціакъ въ Оксеррской [5]; «повидимому, эти три *agri* — помѣстья, обратившіяся впослѣдствіи въ деревни, которыя нынѣ именуются Минженнъ, Винселль и Труси. Земля, называющаяся въ одной хартіи *ager Floriacus*», принадлежала прежде королевской казнѣ, а въ 667 году была владѣніемъ Леодебода [6]. *Ager Littidus*, часть котораго

[1] Любопытный примѣръ находимъ въ завѣщаніи Аредія, гдѣ слово *ager* встрѣчается въ одной фразѣ съ этими двумя значеніями: «Dono *agrum* Sisciacensem... cum *agris*, silvis, pratis».

[2] *Diplomata*, № 186: «In villa seu agro Albiniace.

[3] *Charta Chrotildis*, ibidem.—Ср. № 361.

[4] Грамота Хлотара III, Pertz № 41, Pardessus, № 349.

[5] *Charta Palladii*, Diplomata, № 273.

[6] *Charta Leodebodi*, Diplomata, № 358, II, p. 142 и 144; на

принадлежала этому же самому лицу, заключала въ себѣ «дома, постройки, поля, виноградники, лѣса, луга и пастбища» [1]. Въ 573 году Аредій завѣщалъ свою часть *ager Sisciacus*, и одна эта часть заключаетъ въ себѣ «дома, часовню, нѣсколько пахотныхъ земель, луга, лѣса, невоздѣланную землю и колоновъ» [2]. «Я дарю помѣстье свое Солиньякъ, *agrum Solemniacensem*, пишетъ въ 631 году Элигій, со всѣми постройками, находящимися на немъ, съ рабами и колонами, съ его виноградниками, лугами, лѣсами, озерами и водными теченіями, со всѣми его границами и во всей полноти» [3]. Такіе примѣры ясно указываютъ, что слово *ager* обозначало на языкѣ того времени сельское помѣстье.

Слово *chors, cortis, curtis*, говорилось на старомъ языкѣ объ усадебномъ дворѣ, окруженномъ домами, конюшнями, сараями; такое значеніе оно сохраняетъ еще въ Бургундской и Салической Правдахъ [4]. Оно никогда даже не утратило его [5], но въ силу естествен-

142 страницѣ стоитъ *ager Floriacus*, а на 144—*fiscus Floriacus*.

[1] *Ibidem*, «Portionem meam, quae est infra (intra) agrum Littidum, cum domibus, aedificiis, vineis, silvis, campis, pratis, pascuis».

[2] *Diplomata*, № 180, стр. 137.

[3] *Ibidem*, № 254: «Cedo cessumque esse volo agrum Solemniacensem, cum aedificiis, colonis, servis, dominiis, vineis, pratis, silvis, aquis, aquarumque decursibus, cum omni termino et integro suo statu».

[4] *Lex Burgundionum*, XXIII, 1; LIV, 3.—*Lex Salica*, XXXIV, 4: «Si quis in curte alterius aut in casa».—VI, 3, ed. Hessels, col. 35: «Canem custodem domus sive curtis».

[5] Оно встрѣчается въ этомъ значеніи въ *Andegavenses*, 54, въ *Merkelianae*, 1, въ *Sangallenses*, въ *Augienses*, Zeumer p. 348, 351.

наго расширенія своего значенія, оно примѣнялось въ то же время и ко всему помѣстью.

Такъ какъ *curtis* было главнымъ центромъ помѣстья, какъ бы его столицею, то помѣстье стали называть *curtis* по той же причинѣ, по которой его называли *villa*. Такъ въ одномъ актѣ 523 года мы видимъ, что владѣлецъ жалуетъ нѣсколько *curtes*, каждый изъ которыхъ—крупное помѣстье [1]. Въ грамотѣ 636 года одно и то же помѣстье называется сначала *curtis*, потомъ *villa* [2]. Въ другомъ мѣстѣ вилла Латиніакъ называется также *curtis Latiniacus* [3]. Одинъ дарствователь уступаетъ *curtis* Сарклиды, заключавшій въ себѣ «дома, рабовъ, виноградники, лѣса, луга, пастбища, мельницы, стада съ ихъ пастухами и всѣ принадлежности» [4]. Другой, въ области Мозеля, даритъ *curtis* въ цѣломъ видѣ, заключающее въ себѣ дома, угодья, поля, луга, пастбища, лѣса, воды и водныя теченія, рабовъ, пастуховъ, свинопасовъ» [5]. Онъ же даритъ часть своего *curtis* Монгора, въ Трирской области; одна эта часть заключаетъ въ себѣ «четыреста морговъ пахотной земли, треть лѣса, луга, стадо свиней съ ихъ свинопасами, стадо быковъ съ двумя пастухами, и наконецъ семь усадебъ для колоновъ съ обрабатываемыми

[1] *Diplomata*, № 103, т. I, стр. 70: «Dono... curtes nuncupatas Briogia, Orona, Cacusa, Rubregio, Communiaco...».—Дальше онъ называетъ эти самыя земли—*villae*: «Quidquid ad ipsas villas aspicere videtur».

[2] *Diplomata*, т. II, стр. 42 «*Curtem* nostram quae vocatur Patriagus cum tribus ecclesiis in eadem *villa* consistentibus».

[3] *Diplomata*, № 478.

[4] *Ibidem*, № 268.

[5] *Ibidem*, № 458.

каждымъ изъ нихъ землями» [1]. Итакъ, ясно, что *curtis* то же, что вилла—это сельское помѣстье; потому то и въ хартіяхъ мы видимъ рядъ помѣстій, называющихся *Calvonecurtis*, *Epponecurtis*, *Curtis Binciana*, *Curtis Allionicus*, *Friscinicurtis*, *Winardocurtis*, *Curtis Darciacus* [2].

Въ хартіяхъ употреблялось иногда слово *locus*; это былъ терминъ, самъ по себѣ неопредѣленный; но съ нимъ охотно соединялось опредѣленное значеніе помѣстья. Стало быть, это опять—синонимъ съ *villa*. Такъ, въ грамотѣ 628 года мы видимъ, что богатый владѣлецъ по имени Хродоленъ оставилъ въ своемъ наслѣдствѣ «три *loci*, называвшіяся *Ferrariae*, *Leubaredovillare* и *Eudoncovilla*» [3]. Въ 632 году Эрменбертъ приноситъ въ даръ два *loci* подъ названіями Марціакъ и Посціакъ» [4]. Названія эти обозначаютъ, видимо, два помѣстья. Ясно, что *locus* Таціакъ, «купленное Фродиномъ и переданное потомъ казнѣ въ обмѣнъ на другую землю, также помѣстье [5]. Мы встрѣчаемъ еще *locus* подъ названіемъ вилла Бальтрудисъ [6]. Мы видимъ еще, что одна женщина приноситъ въ

[1] *Ibidem*: «In curte nostra Monhore donamus tibi septem hobas et septem casatas et 400 diurnales de terra aratoria et tertiam partem de silva et prata, et porcarios duos cum porcis et vaccarios duos cum 12 vaccis».

[2] *Diplomata*, №№ 419, 475, 516, 554, 559, 587.

[3] *Archives nationales*, Tardif, № 6, Pardessus, № 295: «Ex successione genitoris... loca, quorum vocabula sunt Ferrariae, Leubaredovillare, Eudoncovilla».

[4] *Diplomata*, № 256.

[5] *Ibidem*, № 336.

[6] *Diplomata*, т. I, стр. 76.

даръ «половину *locus*, называвшагося Пладанъ [1]. Помѣстье Авна называется въ одной и той же фразѣ *locus* и *villa* [2]; Корбія обозначается *locus* и *villa* въ одной грамотѣ [3]. *Locus* подъ названіемъ Комменаріи было помѣстьемъ, пожертвованнымъ его владѣльцемъ церкви [4]. Въ Токсандріи Энгильбальдъ приноситъ въ даръ свое «*locus vel villa*» Вадерло, которымъ владѣетъ по наслѣдству, и которое заключаетъ въ себѣ пахотныя земли, луга, пастбища, лѣса и рабовъ [5]; въ той же мѣстности Ансбальдъ даритъ «мѣсто Діеснъ» съ господскимъ домомъ, шестью избами и шестью семействами рабовъ [6].

Сельское помѣстье обозначается также иногда терминомъ *domus*. Мы видимъ это нѣсколько разъ у Григорія Турскаго. Точно такъ же Аредій завѣщаетъ *domus Scauriniacus*, заключающій въ себѣ «виноградники, луга, лѣса» [7].

О точномъ значеніи словъ не слѣдуетъ судить по простой ихъ внѣшности. Часто встрѣчаются термины *villula*, *villare*, *locellus*, *agellus*; сначала склоняешься къ мнѣнію, что они обозначаютъ очень маленькое помѣстье; иногда это и справедливо, но чаще всего мы находимъ ихъ въ примѣненіи къ крупнымъ помѣстьямъ,

[1] *Charta Chrotildis*, № 361, т. II, стр. 149.

[2] *Diplomata*, № 300.

[3] *Ibidem*, № 336.

[4] *Diplomata*, № 454.

[5] *Ibidem*, № 461.

[6] *Ibidem*, № 483.—Григорій Турскій называетъ *locus* помѣстье Навицелла (*Mirac. Martini*, 1, 29).

[7] *Diplomata*, т. I, стр. 138.

подобнымъ и равнымъ виллѣ. Языкъ того времени не гнался за точностью, онъ стремился скорѣе къ эффекту, даже къ напыщенности. Языкъ этотъ, вовсе не былъ простымъ и грубымъ, какъ иногда себѣ представляютъ; напротивъ, къ простотѣ чувствовалось тогда отвращеніе. Въ языкѣ искали закругленныхъ періодовъ, оригинальныхъ оборотовъ; слова удлиннялись, чтобы достигнуть большаго изящества. Говорили — *terrula, praediolum, campellus, vineola, possessiuncula, silvula*, не придавая этимъ словамъ иного значенія, чѣмъ словамъ *praedium, campus, vinea* или *villa*. Говорили также *servulus, mancipiolum, monacholus, monasteriolum*. Одно и то же помѣстье Бертрамнъ обозначаетъ въ своемъ завѣщаніи словами *villa* и *villula* [1]. Помѣстье, которое называетъ Леодебадъ своей *terrula Mariniacus* заключаетъ въ себѣ «дома, рабовъ, поля, луга, лѣса и виноградники» [2]. *Agellus Anchari anus*, часть котораго была подарена Цезаріемъ монастырю, заключалъ въ себѣ 130 югеровъ виноградника, 145 пахотной земли, не считая остального [3]. *Locellus de Fontanido*, завѣщанный Бертрамномъ «во всей его полности, съ виноградниками, съ рабами»—королевскій даръ, полученный имъ «отъ щедротъ Хлотара II». Территорія этого помѣстья занята теперь цѣлою деревнею — коммуною Фонтенэ (въ департ. *Sarthe*), поверхность которой превосходитъ 1.100 гекторовъ [4]. *Praediolum* подъ названіемъ *Novavilla* теперь составляетъ территорію Не-

[1] *Diplomata*, т. I, стр. 202.
[2] *Ibidem*, т. II, стр. 143.
[3] *Ibidem*, т. I, стр. 106.
[4] *Ibidem*, т. I, стр. 202.

вильской общины (*Indre-et-Loire*) [1]. Наконецъ, въ большомъ числѣ хартій и формулъ можно видѣть, что люди называли *locellus* помѣстье, почти всегда заключавшее въ себѣ «дома, поля, виноградники, луга, рабовъ» [2].

Итакъ, подъ различными названіями *villa, ager, prædium, villare, agellus* хартіи всегда обозначаютъ одинъ и тотъ же предметъ, а именно помѣстье. Оно можетъ быть большого и средняго размѣра; но оно всегда заключаетъ въ себѣ разнаго рода угодья и всегда также обрабатывается крестьянами — рабами (сервами) и колонами.

Въ то время, какъ хартіи называютъ и описываютъ множество *villae*, я только семнадцать разъ встрѣчаю въ нихъ слово *vicus*. Но было бы очень неосторожно думать, что каждый разъ, какъ упоминается этотъ терминъ, рѣчь идетъ о такой деревнѣ, какъ нынѣшнія, то-есть, о группѣ свободныхъ крестьянъ-собственниковъ. Не слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе внѣшнему признаку. Когда, напримѣръ, мы читаемъ въ хроникѣ святого Бенигна Дижонскаго, что король Гунтрамнъ принесъ этому монастырю въ даръ «большого

[1] *Translatio S. Benedicti*, éd. Certain, p. 10.
[2] См. напримѣръ, у Маркульфа, I, 30: «Dedi locellum nuncupantem illum, cum colonicas illas, et merito suo, tam domibus, mancipiis, vineis, silvis, campis, pratis».—Формула эта—актъ обмѣна, и мѣняютъ *locellus* на *villa*.—Точно также у Маркульфа, II, 23: «Locellum nuncupantem illum cum terris, domibus, accolabus, mancipiis, vineis, silvis, campis, pratis».—*Diplomata*, I, p. 205: «Locella nuncupata Logiacas, Noginto, Novavilla, Antonaco».—№ 438: «Dono haec locella cum terris, vineis, silvis, pratis, hominibus tam ingenuis quam servis».

*

размѣра *vicus* подъ названіемъ *Elariacus*», [1] мы сейчасъ видимъ, что этотъ *vicus* было помѣстьемъ; онъ является частной собственностью короля Гунтрамна, а потомъ становится собственностью монастыря; ни раньше, ни позже мы не видимъ здѣсь селенія свободныхъ людей. То, что именуется здѣсь хроникеромъ *vicus*, ничто иное, какъ вилла, и подтверждается это тѣмъ, что тотъ же Эларіакъ называется именно такъ нѣсколькими страницами далѣе [2].

Vicus Mauriacus, встрѣчаемый нами въ одной хартіи,—не деревня свободныхъ людей, ибо онъ принадлежитъ одной женщинѣ [3]. Бертрамнъ завѣщаетъ свою «виллу», именуемую *vicus Pocilenus*, купленную имъ у нѣкоего Людовика за тысячу золотыхъ [4]. *Vicus Aurienus*—частное владѣніе, такъ какъ собственникъ его завѣщалъ его церкви [5]. *Vicus Busiacus* принадлежалъ поочередно Гадоину, Лонегизилу и потомъ Манcской церкви [6]. Одна грамота 632 года наказываетъ, что нѣкій монастырь владѣлъ *vici* такъ же, какъ онъ владѣлъ виллами [7]. Одинъ дарствователь выражается такъ: «Я дарю *vici* слѣдующихъ названій, а именно виллу Фрациллъ, виллу Монтелліакъ, и одиннадцать другихъ» [1]. Аннемундъ объявляетъ въ одной хартіи, что *vicus Dolomicuraticus* являлся владѣніемъ нѣкоего Альберта прежде, чѣмъ онъ былъ отданъ монастырю, «съ его полями, дворами и лѣсомъ» [2]. Другой человѣкъ приноситъ въ даръ *vicus Artinus* «съ его землями, дворами, колонами, сервами, литами, виноградниками, лугами и лѣсами» [3]. Въ Эльзасѣ Эбергардъ—владѣетъ четырнадцатью *vici*, названіе которыхъ онъ приводитъ; онъ получилъ ихъ по наслѣдству и приноситъ въ даръ Мурбахскому монастырю [4]. Въ одномъ актѣ помѣстье Беленавъ называется одновременно и *vicus* и *villa*. Въ одной хроникѣ *vicus Altrisiacus* называется нѣсколькими страницами далѣе *Altriciensis villa* [5]. Всѣ эти примѣры ясно указываютъ, что земельная единица, называвшаяся на языкѣ того времени *vicus*, была чаще всего частной собственностью. *Vici* встрѣчались въ каждомъ помѣстьѣ. Въ такомъ смыслѣ можно сказать, что въ меровингской Галліи было почти столько же «деревень», сколько въ теперешней Франціи, но каждое изъ этихъ селеній составляло часть помѣстья; оно всецѣло принадлежало одному владѣльцу и было ничѣмъ инымъ, какъ группой домовъ, гдѣ обитали колоны и сервы.

[1] *Chronicon S. Benigni*, éd. Bougaut, p. 29.
[2] *Ibidem*, p. 61.
[3] *Diplomata*, № 177: «Meum Mauriacum».
[4] *Ibidem*, № 230, т. I, стр. 208: «Similiter villam Pocilenum vicum, quem Ludovicus nobis pro solidis M. venumdedit».
[5] *Ibidem*, № 300, т. II, стр. 70.
[6] *Ibidem*, №№ 237 и 238, т. I, стр. 222 и 224.
[7] *Diplomata*, № 258, т. II, стр. 18: «Vicos monasterii». То же самое у *Beyer*, Urkundenbuch des mittelrh. Territorien, №№ 12, 26 и т. д.: «Ecclesiae vicos, villas, vineas, homines».

[1] *Diplomata*, № 283: «Dono hos vicos, videlicet villam Fracillo, Montelliacum, Avendelliacum, Noziocum, Movilliacum».
[2] *Ibidem*, № 324: «Dolomicuraticum vicum cum ecclesia B. Petri et terris et mansis et nemoribus, dedit Albertus monasterio».
[3] *Ibidem*, № 484: «Convenit nobis, ut vicum qui vocatur Artinis... cum omni integritate ad ipsum vicum pertinente, hoc est, terris, mansis, accolabus, mancipiis, lidis, vineis, silvis, pratis, ad monasterium concederemus».
[4] *Ibidem*, № 544, т. II, стр. 356.
[5] См. Хронику Бэза, изд. Garnier, стр. 255, 333, 341.

Это не удивитъ насъ, если мы припомнимъ, что такъ же обстояло дѣло и въ римскомъ обществѣ. Въ предшествующей главѣ мы приводили примѣры, извлеченные изъ римскихъ писателей, даже изъ законовъ, изъ которыхъ обнаружилось, что *vicus* часто былъ помѣстьемъ, или принадлежностью помѣстья. Въ сущности терминъ этотъ не означалъ ничего другого, какъ совокупность жилищъ, и онъ совершенно одинаково могъ примѣняться, какъ къ жилищамъ свободныхъ людей, такъ и къ жилищамъ рабовъ. Въ большомъ римскомъ помѣстьѣ *vicus* былъ мѣстомъ жительства рабовъ владѣльца; тѣмъ же самымъ продолжалъ онъ оставаться въ помѣстьѣ меровингскаго времени.

Мы вовсе не утверждаемъ, что всѣ *vici*, упомянутые въ нашихъ хартіяхъ, обозначали такого рода группы осѣдлостей. Выраженія «*in vico*» или «*iuxta vicum*» встрѣчаются нѣсколько разъ безъ всякаго поясненія, изъ какихъ людей состояли такіе *vici*. Въ такихъ случаяхъ можно, если угодно, предположить, что рѣчь идетъ о свободной деревнѣ [1]. Но любопытно отмѣтить, что всякій разъ, какъ мы находимъ какую-нибудь поясняющую подробность, *vicus* безспорно оказывается частнымъ помѣстьемъ, обрабатываемымъ колонами или сервами.

Писатели того времени позволяютъ сдѣлать то же самое наблюденіе. Григорій Турскій называетъ довольно большое число *vici*, не говоря, каковъ ихъ характеръ; но три раза у него проскальзываютъ по-

[1] Таковы: «vicus Pocilenus», т. I, стр. 208: «Cabrias vicus», II, 143: «Vicus Bonisiacensis», II, 257, «vicus Curbrius», II, 415, 416.

ясняющія подробности, показывающія, что это были помѣстья. Онъ упоминаетъ, напримѣръ, *vicus Sexciacensis* и тремя строками ниже говоритъ, что это было владѣніе Севера [1]. Въ другомъ текстѣ одна мѣстность названа имъ и *vicus* и *domus*; послѣдній же терминъ на привычномъ языкѣ Григорія былъ синонимомъ съ *villa* [2]. Точно такъ же у Флодоарда, или въ источникахъ, къ которымъ онъ обращался, одно и то же мѣсто называется и *villa*, и *vicus* [3]. Одинъ агіографъ упоминаетъ *vicus Celliacus*, подаренный его владѣльцемъ церкви [4]. Другой разсказываетъ чудо, случившееся «на владѣніи» нѣкоего Гамарда, и называетъ это частное помѣстье *vicus* [5].

Сначала мы были бы склонны думать, что по крайней мѣрѣ, въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ страны, населенныхъ по преимуществу Германцами, можно было встрѣтить свободныя деревни. Но это вовсе не

[1] *Gregor*. De gloria confessorum, 49, 50 (ed. Krusch, 48, 49),

[2] *Gregor*. Miracula Iuliani, 48.—Прибавьте сюда *Gaudiacus vicus*, то же самое, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, что *domus Iucundiacus*.—Domus имѣетъ еще значеніе villa у Григорія въ Hist. VIII, 43.—Прибавьте, что чаще всего Григорій употребляетъ слово vicus въ смыслѣ церковнаго прихода; тогда это центръ культа окрестныхъ помѣстій.—Многіе изъ *vici* сдѣлались деревнями впослѣдствіи, но первоначально они не были ими.

[3] *Flodoard*. Hist. Rem. eccl. II, in fine: «Dedit Rodemarus res suas in *vico* Castricensi; item Austrebertus in eadem *villa*».

[4] *Vita Ernaei*, Bouquet, III, 455: «Dedit vicus suum Celciacum».

[5] См. одинъ разсказъ въ *Vita Ermenberti*. Mabillon, II, 604: «Pervenit ad *possessionem* Viliolicortem, quam Gamardus ex successione parentum iure hereditario possidebat... Ignis eam possessionem exurendam invasit, cumque flamma omnem absorptura *vicum*... Eurus, qui vico incendia sparserat, compescuit».

такъ. Въ Токсандріи Альфгеймъ со своими одиннадцатью «мансами» рабовъ—собственность, доставшаяся Энгельберту по наслѣдству [1]. Діесна съ шестью мансами (дворомъ и надѣломъ) рабовъ и съ господскимъ домомъ—собственность Ансбальда [2]. Въ Эльзасѣ помѣстьями являются не только тѣ мѣстности, названія которыхъ оканчиваются на *villare* и *villa*, но также и мѣстности на *heim* или *dorf*. Винликгеймъ—вилла, принадлежащая Рогингу; Баденгеймъ и Эйнсисгеймъ--виллы, принадлежащія Эбергарду [3]. Ліутфридъ продаетъ «свою виллу, которая называется Буркгеймъ» [4]. Альтдорфъ—вилла одной женщины [5]. Геймендорфъ—небольшое помѣстье, присоединенное къ болѣе крупному подъ названіемъ Арлесгеймъ [6]. Винтерсдорфъ также было частной собственностью, отданной въ приданое

[1] *Charta Engelberti*, Diplomata, № 474: «Dono... in pago Toxandriae, in loco nuncupante, Altheim, quod mihi ex paterno iure pervenit, casatas undecim, cum sala et curtile meo, cum mancipiis... cum casis, silvis, terris, pratis, pascuis et aratoria terra».

[2] *Charta Ansbaldi*, Diplomata, № 483: «Dono, in pago Toxandriae, loco Diesne, casatas sex cum sala».—Замѣтьте, что слова *loco Diesne* не слѣдуетъ истолковывать такъ, будто Ансбальдъ подарилъ шесть casatae «въ деревнѣ Діеснѣ»: онъ отдалъ всю Діесну цѣликомъ; это выясняется изъ завѣщанія Виллиброда; припоминая это самое пожалованіе, онъ называетъ Діесну виллой и говоритъ, что Ансбальдъ подарилъ ее всю: «Ansbaldus mihi condonabat villam, quae vocatur Diesna» (т. II, стр. 350).

[3] *Diplomata*, №№ 540, 544, 558: «Donamus Hiltenheim, Selatstat, Percheim, Gundoltesheim, Flobotesheim».

[4] *Codex Wissenburgensis*, № 11; также № 14: «Villas nuncupantes Papenheim, Patenheim».

[5] *Diplomata*, № 578, т. II, стр. 391.

[6] *Ibidem*, № 510, p. 318.

одной женщинѣ [1]. Брунингесдорфъ, Плитаресдорфъ, Дидендорфъ, Саренсдорфъ, Ратольфесдорфъ, Бибердорфъ—все это помѣстья, то-есть, земли, обрабатываемыя рабами и находившіяся въ собственности частныхъ лицъ [2].

Всѣ сдѣланныя замѣчанія не доказываютъ, что въ Галліи не существовало ни одного селенія свободныхъ людей; они доказываютъ только, что ошибочно было бы принимать за такія селенія всѣ *vici*, имена которыхъ встрѣчаются въ источникахъ. Съ другой стороны ясно, что нѣкоторые *vici*, какъ напримѣръ *Ambasia*, нынѣ *Amboise*, *Brivate*, нынѣ *Brioude*, *Ricomagus*, нынѣ *Riom*, не являются и, вѣроятно, никогда раньше не были частными владѣніями. Слѣдуетъ, значитъ, допустить, что терминъ *vicus* примѣнялся то къ селеніямъ свободныхъ людей, то къ рабскимъ селеніямъ, составлявшимъ нераздѣльную часть помѣстья.

Быть можетъ, самая форма наименованій дастъ намъ средство различать ихъ. Когда мы видимъ *vici*, называющіеся *Silviacus*, *Celciacus*, *Laudiacus*, *Sexciacensis*, *Vibriacus*, *Luciliacus*, *Nobiliacus*, *Priscianiacus*, то названія эти, происшедшія, видимо, отъ именъ владѣльцевъ, позволяютъ намъ думать, что они обозначаютъ помѣстья. Наоборотъ, такія названія, какъ *Ambasia*, *Brivate*, *Crovium*, *Iciodorum*, *Mantolomagus*, *Nemptodorum*, *Ricomagus*, *Tornomagus*, скорѣе обозначаютъ,

[1] *Ibidem*, № 378, p. 168: «Filia nostra Irmina a sponso suo Hermanno in dotem suscepit... Mutzenfeld, Wintersdorf».

[2] *Codex Wissenburgensis*, №№ 16, 23, 53, 85, и т. д.; *Beyer*, Urkund. p. 147, 149, 181. Актъ 763 года въ *Monumenta Boica* IX, 7: «In villa Schlehdorf... in villa Sindolvesdorf».

повидимому, мѣстечки или деревни, населенныя свободными людьми.

Установивъ такое различіе, мы приходимъ къ выводу, что въ памятникахъ нашихъ очень немного настоящихъ деревень свободныхъ людей. На болѣе чѣмъ тысячу двѣсти *villae*, мнѣ удалось найти ихъ десятковъ пять, не больше. Такова была, повидимому, пропорція между деревнями и помѣстьями.

Остается еще спросить, обширную ли территорію захватывали эти свободныя деревни, была ли, по крайней мѣрѣ, пропорціональна ихъ числу занимаемая ими часть земли. Есть нѣкоторое основаніе въ этомъ сомнѣваться. Деревни представляются скорѣе мѣстами жительства, чѣмъ пахотными пространствами. Не нахожу ни одного текста, гдѣ бы обитатели ихъ назывались землепашцами. Такъ какъ селенія эти были, обыкновенно, расположены на дорогахъ и при переправахъ черезъ рѣки, то возможно, что они были промышленными центрами, мѣстами рынковъ. Они были также религіозными центрами. У Григорія Турскаго *vicus* почти всегда является приходомъ; епископъ сооружалъ тамъ церковь, назначалъ туда священника: это былъ *vicus*, а жители сосѣднихъ *villae* отправлялись туда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ какъ въ мѣсто религіозныхъ собраній. *Vicus* нигдѣ не представляется центромъ обработки, тогда какъ въ виллахъ мы находимъ, наоборотъ, всѣ категоріи обрабатывающихъ землю людей: колоновъ, рабовъ, *manentes*; въ *villae* также, но не въ *vici*, по показаніямъ документовъ, находятся «пахотныя земли, луга, виноградники, лѣса и пастбища». Итакъ помимо того, что свободная деревня рѣдко упоминается, она стоитъ, повидимому, отдѣльно отъ сельскаго хозяйства, прямо не связана съ нимъ. Пашни и землепашцы расположены скорѣе на *villae*. Настоящая единица земельной эксплуатаціи не деревня, а помѣстье.

ГЛАВА VII.

Природа сельскаго помѣстья.

I.

Названіе виллы.

Первою, характеризующею сельское помѣстье особенностью было то, что оно всегда носило собственное имя. Тотъ же обычай замѣтили мы относительно помѣстья римскаго времени. Въ меровингскихъ хартіяхъ не говорится: я завѣщаю или дарю помѣстье, расположенное въ такой-то деревнѣ. Никогда не называя деревни, люди заявляютъ: я завѣщаю или дарю помѣстье, которое носитъ такое-то названіе.

Изслѣдованіе этихъ названій приводитъ къ важному результату. Извѣстное число названій обнаруживаетъ германскій корень. Мы видимъ, напримѣръ, что святой Ремигій купилъ виллу *Huldriciaca*[1]. Даже въ долинѣ Сены встрѣчаемъ мы помѣстья, которыя называются Хильдульфовилла, Хильдрицiака, Бейдоги-

[1] *Diplomata*, т. I, стр. 85.

зиловаллисъ [1]. Въ Вексенѣ мы находимъ Беттонекуртисъ, Геннахарій [2]; близъ Луары—Хильдиновиллу, Гримоальдовилларе [3]. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу и востоку названія этого рода становятся все болѣе и болѣе многочисленными: въ Бовези мы находимъ Эбральдокуртисъ и Теодегаріовилларе [4]; въ Токсандріи много такихъ названій, какъ Бобаншотъ, Вадрадохъ, Альпгеймъ [5]; на Маасѣ—Берульдивилла, Годонекуртисъ, Тейдегизиловилла [6]; въ Эльзасѣ—Гильдульфовилларе, Гиттенгеймъ, Кондольтесгеймъ, Виллареберардо [7].

Но, хотя такія названія попадаются нерѣдко, помѣстій, которыя носятъ латинскія названія, значительно больше. Грамота, приписываемая Лотару, упоминаетъ помѣстья, которыя именуются Миціакъ, Камбіакъ, Латиніакъ; другая грамота называетъ Кампиніакъ, Лонгумрете, Траціакъ, Арбуста [8]. Грамота одного бур-

[1] *Diplomata*, № 418, 473, addit. № 9.

[2] *Annales Fontanellenses*, a. 723.—*Diplomata*, № 413.

[3] *Diplomata*, № 442.

[4] *Ibidem*, № 608.

[5] *Testamentum Willebrodi*, Diplomata, № 540.

[6] *Diplomata*, №№ 469, 475, 516.

[7] *Ibidem*, № 544.

[8] *Ibidem*, №№ 87, 88, 91.—Эти грамоты не сохранились въ подлинникахъ. То, что у насъ есть, представляетъ испорченную копію настоящихъ грамотъ. Но ясно, что искаженіе не распространяется на названіе земель. Если переписчикъ восьмого вѣка писалъ Miciacus, Latiniacus, то въ его время помѣстья эти такъ и назывались; а если они носили еще эти названія въ восьмомъ вѣкѣ, то тѣмъ болѣе носили они ихъ во времена Хлодовеха. Замѣчаніе это мы дѣлаемъ разъ навсегда; понятно, что мы часто пользуемся искаженными грамотами, когда вопросъ идетъ о географическихъ названіяхъ, писать которыя правильно было въ интересахъ поддѣлывателя.

гундскаго короля содержитъ въ себѣ такія названія помѣстій, какъ Бріогія, Орона, Рубрегій, Коммуніакъ, Мариніакъ, то-есть, названія, если не галльскія, то римскія [1]. Завѣщаніе святого Ремигія, написанное сорокъ лѣтъ спустя послѣ франкскаго завоеванія, перечисляетъ помѣстья: Вакуліакъ, Цезурникъ, Виндонисса, Сеція, Плеринакъ, Бландибакцій, Крусциніакъ, Дуодеціакъ, Кодиціакъ, Юліакъ, Сальвонаріи.

Пересмотримъ послѣдовательно различныя области Галліи. Къ югу отъ Луары, послѣ одного вѣка вестготскаго владычества и полувѣка франкскаго помѣстья называются: Мигаурія, Фусціакъ, Вивиніакъ, Ямніакъ, Нигракъ, Надилліакъ, Курбасерра, Коссія, Сукккоссія, Линіакъ, Присціакъ [2]. Въ наслѣдованіи одного крупнаго лимузенскаго владѣльца мы находимъ помѣстья подъ названіями: Гриціензисъ, Сисціакъ, Эксцидолій, Скауриніакъ, Юліакъ, Генуліакъ, Евстріакъ, [3]. Другой завѣщаетъ въ области Бордо виллы Блаціакъ и Флоріакъ [4]. Въ мансскомъ краю мы находимъ помѣстья, которыя носятъ названія Умбріакъ, Вилладолъ, Юліакъ, Лукдунъ, Руліакъ, Рупіакъ, Медіаквинта, Альнетъ, Лонга Аква, Тауриніакъ, Кавеніакъ, Патриніакъ, Треденте [5].

Въ Бургундіи находимъ не бургундскія, а римскія названія. Король Гунтрамнъ даритъ помѣстья, которыя

[1] *Diplomata*, № 103.

[2] *Testamentum Elaphii*, a. 565, Diplomata, т. II, стр. 423.

[3] *Testamentum Aredii*, ibidem, № 180, т. I, стр. 137—138.

[4] *Testamentum Bertramni*, ibidem, № 230, стр. 206.

[5] *Testamentum Bertramni*, Hadoindi, ibidem, №№ 230 и 300; *Vita Hadoindi*, Болландисты, январь, II, 734.

называются Альціакъ, Меркурисъ, Флоріакъ, Верміакъ [1]. Земли, которыя завѣщаетъ Теодехильда, называются Салиніакъ, Тунціакъ, Вициніи, Фонтаны [2]. Въ другихъ бургундскихъ хартіяхъ находимъ такія названія, какъ Ауксиліакъ, Варіакъ, Аттиніакъ, *Vetus Vineas* Новиліакъ, Пауліакъ, Бусціакъ, Бонортъ, Флавиніакъ, Кассіакъ, Тревиніакъ, Матиріацензисъ, Солемніацензисъ, Дульція, Патрициніакъ, Ферраріи, Пассариніакъ, Сенсеріакъ, Циконіи, Анціакъ, Альтарипа, Кариніакъ, Прувиніакъ, Лонговикъ, Палаціолъ [3]. Парижская область остается покрытой римскими названіями: Аргентолій, Аквапута, Бальбиніакъ, Новигентъ, Новавилла, Антоніакъ, Латиніакъ, Целлы, Фонтанетъ, и названія эти, которыя находятся въ меровингскихъ хартіяхъ, можно признать еще и въ теперешнихъ названіяхъ.

То же самое повторяется и на сѣверѣ. Въ областяхъ Бове и Амьена мы находимъ Гентиллы, Фоліетъ, Альбиніакъ, *Templum Martis*, Ципиліакъ, Силенціакъ, Флавіакъ, Аттипіакъ, Кровіакъ [4]. Если мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя германскія названія въ областяхъ Аррасской и Теруенской, то и тамъ все-таки находимъ больше римскихъ названій: Викторіакъ, Бландимъ больше римскихъ названій: Викторіакъ, Бландиміакъ, Елимонтемъ, *Ad Fundanas*, Сильвіакъ, Маниліакъ, Марціаны, Альціакъ, Аттиніи, Грандискуртисъ, *Mons Angelorum*, Куртицелла, Новіелла и много другихъ [5].

[1] *Diplomata*, № 191.
[2] *Diplomata*, № 177.
[3] *Ibidem*, №№ 351, 363, 514, 587. См. также хронику С. Бенигна дижонскаго и многочисленныя *villae*, названныя въ ней.
[4] *Diplomata*, № 336.—*Vita Medardi*, 7 и 8.—*Vita Geremari*, 24.
[5] Григорій Турскій, Hist. IV, 52. — *Diplomata*,

Въ бассейнѣ Мааса и Мозеля, въ Арденнахъ и Вогезахъ также преобладаютъ римскія названія. Завѣщаніе Гримона показываетъ намъ помѣстья, которыя называются Лонгагіо, Мадіакъ, Марціакъ, Фатиліакъ [1]. Въ другихъ хартіяхъ находимъ такія названія, какъ *Alta Petra*, *Exartum Novum*, Ривиніакъ, Флавиніакъ, Куссиліакъ, Новавилла, Альба Фонтана, Аттиніакъ, Флоріакъ, Палаціолъ, Долозана Фонтана, *Medius Mons*, Моллисъ, Кампелъ [2]. Виціакъ, Альціакъ, Фабрициній [3].

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что небольшое число названій было взято изъ топографическаго положенія или изъ особенностей поверхности земли, но нами большее ихъ число произошло отъ именъ людей съ латинскимъ суффиксомъ *acus*, какъ, напримѣръ, *Martiacus*, или *Latiniacus*. Итакъ, названіе помѣстья происходило чаще всего отъ имени владѣльца. Мы видѣли выше, что таковъ былъ именно римскій обычай. Римскій обычай продлился и въ меровингское время.

Очевидно, что многія изъ названій помѣстій образовались раньше германскихъ нашествій. Вотъ, напримѣръ, въ разныхъ провинціяхъ нѣсколько *villae* называются *Iuliacus* [4]; изъ самихъ хартій, въ кото-

№№ 312, 420.—*Vita Fursei*, 4, 7 у Mabillon, II, 310—311. Хроника св. Бертина, стр. 253.—*Vita Berthae*, Bouquet, III, 622.—*Vita Wulmari*, Bouquet, III, 625.

[1] *Testamentum Grimonis*, у Beyer, Urkundenbuch, № 6, anno 636.
[2] *Diplomata*, т. II, стр. 120, 146, 171, 204, 214, 259, 275, 278, 399, 429, 444.—*Vita Adelae*, I, Mabillon, III, 532.
[3] *Diplomata*, № 312.
[4] *Diplomata*, т. I, стр. 206; т. II, стр. 138 и 325.

рыхъ онѣ упоминаются, ясно видно, что тогдашніе ихъ владѣльцы не звались Юліями. Чтобы найти Юлія, который былъ владѣльцемъ каждой изъ нихъ, необходимо бы, вѣроятно, подняться далеко назадъ; Юлій этотъ давно уже забытъ, цѣлый рядъ продажъ или завѣщаній заставили землю перейти въ другіе роды, но помѣстье сохранило старое названіе. Такъ же обстоитъ дѣло съ четырьмя Флоріаками, которые мы находимъ на Жирондѣ, на Луарѣ, въ Котъ д'Оръ и на Маасѣ [1]; безъ сомнѣнія, нѣкогда было много Флоровъ и еще больше Присковъ, Флавиніевъ, Кампаніевъ, давшихъ когда-то имена свои множеству Присціаковъ, Флавиніаковъ, Альбиніаковъ, которыя разсѣяны по всѣмъ провинціямъ Галліи. Наименованія эти возникли нѣсколько вѣковъ назадъ. Обо всѣхъ этихъ помѣстьяхъ можно сказать тоже, что одинъ агіографъ сказалъ объ одномъ изъ нихъ: «Оно было названо Милиціакомъ въ глубокой древности» [2], или что сказалъ Григорій Турскій о другомъ помѣстьѣ, «которому древніе дали названіе Навицеллисъ» [3]. Итакъ, мы можемъ быть увѣрены, что вся эта категорія римскихъ названій дошла до насъ отъ римской эпохи.

[1] *Ibidem*, т. I, стр. 206; II, 142 и 276; *Greg.* Hist. III, 35.

[2] *Vita Desiderii Cat. episc.* 19: «Ventum est ad praedium cui vetus antiquitas vocabulum indidit».

[3] *Gregor.* Miracula Martini, I, 29: «Loco illi Navicellis nomen prisca vetustas indiderat». - Это *locus* было помѣстье, о владѣніи которымъ шелъ тогда споръ между Турскою церковью и казною.—См. *Vita Agili*, 15, Mabillon, II, 322: «Locus qui prisco vocabulo propter geminum lacunar Gemellus Mercasius nuncupabatur».

Не слѣдовало бы заключать отсюда, что помѣстья эти всегда оставались въ рукахъ римскихъ родовъ. Многія изъ нихъ были пріобрѣтены Франками, Вестготами, Бургундами. Мы знаемъ, что одна и та же земля могла переходить отъ Римлянина къ Франку и возвращаться потомъ отъ Франка къ Римлянину. Но достойно вниманія то обстоятельство, что, переходя такимъ образомъ отъ одного племени къ другому, помѣстье сохраняло свое прежнее названіе.

Нашествія варваровъ и управленіе германскихъ королей не приводили къ измѣненію названій земель. Ни въ одной провинціи не видно слѣда общаго переименованія ихъ, которое бы произошло въ пятомъ или шестомъ вѣкѣ. Въ долинѣ Рейна большая часть названій — германскія, но германскія названія эти вовсе не навѣрно ведутъ свое начало отъ нашествій; быть можетъ, они еще болѣе древни; германское населеніе водворялось въ этихъ провинціяхъ съ начала имперіи, и много названій могло произойти отъ такихъ старыхъ варварскихъ поселеній, устроенныхъ по почину римской власти.

Правда, случалось нерѣдко, что и послѣ нашествій Германецъ, сдѣлавшись владѣльцемъ помѣстья, перемѣнялъ его названіе, обозначая его своимъ именемъ. Такъ въ области Рейна нѣкій Гульдрихъ назвалъ свое помѣстье *Villa Huldriciaca* [1]. Отсюда и произошли Хильдриціака, Лаудардіака, Валліакъ. Но любопытно, что и Германцы подражали римскому обычаю давать помѣстьямъ имена владѣльцевъ.

Главная перемѣна, происшедшая съ седьмого вѣка

[1] *Diplomata*, т. I, стр. 85.

въ названіяхъ помѣстій, состояла въ томъ, что, вмѣсто употребленія римскаго суффикса *acus*, стали предпочтительно прибавлять къ имени человѣка слово *villa*, *villare* или *curtis*. Такимъ образомъ получился рядъ такихъ названій, какъ Марантивилла, Сильвестривилла, Берульдивилла, Гундульфивилла, Гильдульфовилларе, Кальвонекуртисъ, Годонекуртисъ, Эбральдокуртисъ, Альдульфикуртисъ.

Даже въ Эльзасѣ и въ области Рейна названія земель не производятся отъ тѣхъ терминовъ, которые могли примѣняться къ общинамъ крестьянъ; большая ихъ часть образовалась изъ именъ владѣльцевъ. Такъ получились Аудиновилла, Ерменбертовилларе, Маурivилларе, Аудальдовилларе, Ратбертовилларе, Вальтаріовилларе, Варнугокуртисъ, Сикрамнокуртисъ, Эммоневилла, Ансульсисгеймъ, Фолькоальдесгеймъ, Годульсисгеймъ, Гаріольфесгеймъ, Радольфесдорфъ и множество другихъ такого же рода названій. Итакъ, въ различныхъ формахъ названія сохранились, какъ символы частной собственности [1].

2.

Устойчивость помѣстья.

Почти всѣ наименованія, находящіяся въ меровингскихъ грамотахъ, существуютъ еще и понынѣ и при-

[1] Мы должны, впрочемъ, отмѣтить, что, начиная съ седьмого вѣка, довольно много именъ владѣльцевъ были замѣнены именами святыхъ. Такъ, *villa Catulliacus* обратилась въ *Saint Denis*, *villa Sithiu*—въ *Saint Bertin*, *villa Casacaiani*—въ *Saint Calais*, *villa Novientum* стала *Saint Cloud* и т. д. и т. д.

мѣняются къ тѣмъ же мѣстамъ. Напримѣръ, вилла Герминіакъ, упомянутая въ грамотѣ 650 года, превратилась нынѣ въ деревню Жерминьи (деп. Маасъ). *Ager Solemniacensis*—теперь Солиньякъ въ Лимузанѣ, а другое помѣстье того же названія—Суланжи (деп. Іонны) [1]. Три виллы, называемыя въ хартіяхъ Латиніаками, теперь вспоминаются въ Ланьи на Марнѣ, Ланьи на Луарѣ и Ланьё въ Энскомъ департаментѣ. Три другія виллы, названныя въ меровингскихъ хартіяхъ Флоріаками, нынѣ узнаются въ мѣстностяхъ Флоаракъ близъ Бордо, Флери на Луарѣ и Флери на Маасѣ [2]. Вилла Флауніакъ—это Флоньи (деп. Іонны), такъ же какъ Новигентъ сталъ Ножаномъ. Упоминаемый Григоріемъ Турскимъ Викторіакъ нынѣ Витри; названія эти безусловно тожественны. *Fundus Iuliacus* въ Лимузенѣ — Жюльакъ. *Fiscus Isciacus* близъ Парижа — Исси. *Curtis Hennin*—нынѣ Гененъ. *Curtis Badanae*—Баданкуръ. *Curtis Campaniacus*—Шампиньи. Вилла Альтеріакъ—селеніе Ольтрэ въ Бургундіи. Помѣстье Еларіакъ—деревня Ларрей и Кассіакъ—Шесси. Подобными примѣрами мы могли бы наполнить цѣлыя страницы. Названія съ германскимъ корнемъ также сохранились: вилла Гульдриціака—Гетреживиль, равно какъ Гундульфовилла—Гондревиль.

Трудно и перечесть, сколько есть во Франціи селеній, которыя носятъ прежнее имя владѣльца. У насъ есть двадцать девять селеній или деревушекъ, называющихся Флоаракъ, Флери или Флерей, такъ какъ въ римской Галліи было извѣстное число Фло-

[1] *Diplomata*, №№ 254 и 363.

[2] *Ibidem*, I, стр. 206; II, стр. 142; III, стр. 276.

ровъ, давшихъ когда-то своимъ помѣстьямъ названіе Флоріакъ. Отъ имени Присція, образовавшаго названіе Присціакъ, мы имѣемъ четырнадцать селеній, которыя называются Прессакъ или Пресси. Отъ виллъ, которыя назывались Савиніакъ, произошло болѣе тридцати Савиньяковъ, Савиньи или Севиньи. Отъ виллъ Руффіаковъ произошло восемнадцать Рюффіакъ или Рюффи. Отъ Марциліаковъ—болѣе тридцати Марсильи, Марсилле или Марсильякъ. Восемь деревень подъ названіемъ Пасси произошло отъ старыхъ помѣстій, называвшихся Паціакъ, равно какъ шесть Флавиньи или Флавиньякъ отъ *Flaviniacus*. У насъ есть тридцать восемь селеній подъ названіемъ Шампаньякъ или Шампаньи, названія которыхъ произошли оттого, что римскіе владѣльцы, именовавшіеся Кампаніями, дали это имя своимъ помѣстьямъ. Галльское, повидимому, имя Карентъ образовало названіе Караніакъ, и въ нынѣшней Франціи насчитывается пятнадцать деревень съ названіемъ Каранси или Карансей. Такъ какъ имена Люціевъ, Юліевъ и Марціевъ были довольно многочисленны, то у насъ во Франціи есть также большое число Люссакъ или Люсэ,—Жюлльякъ или Жюльи, Марсэ или Марсакъ.

Мы можемъ взять также въ меровингскихъ хартіяхъ тѣ названія помѣстій, которыя не произошли отъ именъ владѣльцевъ: мы замѣтимъ, что и они такъ же хорошо сохранились до нашихъ дней. Упомянутыя въ грамотѣ 667 года вилла Азинаріи и вилла Канаваріи нынѣ Асньеръ и Шенневьеръ. Вилла Новавилла изъ завѣщанія святого Ремигія обратилась въ Невилль. Другой Невилль въ Сартскомъ департаментѣ — это прежняя Новавилла, помѣстье Бертрамна. Въ Сансскомъ уѣздѣ селеніе Вуазинъ—прежнее помѣстье, называвшееся Вициніи [1]. Многія селенія, которыя называются Мезьеръ,—старыя помѣстья, носившія названіе *Maceriae* [2]. Балезо близъ Парижа и Пальцъ близъ Трира—прежнія Палаціолъ [3]. Число этихъ помѣстій мы могли бы увеличить до безконечности.

Итакъ, названія земель перешли изъ римской эпохи въ меровингскую, а потомъ изъ меровингской въ нашу, не претерпѣвъ иныхъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыя внесло мало-по-малу произношеніе. Многія изъ нихъ исчезли, потому что благочестіе людей замѣнило ихъ именами святыхъ. Но, за исключеніемъ этого, не произошло почти никакихъ перемѣнъ, и каждая земля сохранила свое названіе въ теченіе шестнадцати или восемнадцати вѣковъ. Каждая земля сохранила, также за немногими исключеніями, свое протяженіе и свои границы; доказательствомъ этого служитъ то, что мы довольно часто имѣемъ списки помѣстій, лежавшихъ по сосѣдству одно съ другимъ, и между которыми не находилось никакой другой земли: въ томъ же взаимномъ расположеніи находимъ мы и теперь деревни, которыя носятъ тѣ же названія.

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ вытекаетъ слѣдующій выводъ: нынѣшняя деревня *(commune rurale)* была двѣнадцать вѣковъ тому назадъ помѣстьемъ. ✓

[1] *Diplomata*, I, 132.

[2] *Ibidem*, №№ 230, 365, 514, 608.

[3] Сосѣднее съ Триромъ помѣстье Палаціолъ упоминается въ грамотѣ 732 года, какъ частная собственность Аделы: «villam nostram Palatiolum» (*Diplomata*, № 551).

Девять десятыхъ нашихъ деревень составляли въ меровингское время частныя владѣнія [1].

Иногда то, что упоминалось въ нашихъ хартіяхъ, какъ вилла, обращалось съ теченіемъ временъ въ городъ. Такъ вилла Спарнакъ, проданная Евлогіемъ святому Ремигію,—теперешній Эпернэ. Вилла Кламіакъ, составлявшая въ шестомъ вѣкѣ собственность нѣкоего Година, — теперь Кламси [2]. Случалось также, что меровингская вилла давала начало двумъ нынѣшнимъ деревнямъ: вилла Клипіакъ образовала два селенія Клиши и Сентъ Іонъ; вилла Бидолидъ образовала три разросшихся деревни. Случалось также, что двѣ виллы сливались вмѣстѣ и составляли позднѣе одну деревню. Наконецъ, много мелкихъ помѣстій поглощались болѣе крупными и исчезали съ карты страны. Но послѣдніе случаи относительно малочисленны и могутъ быть приняты за исключенія. Значительно же чаще,—и на это можно смотрѣть, какъ на нормальное явленіе,—помѣстье меровингскаго времени соотвѣтствуетъ территоріи нынѣшней сельской общины въ современномъ смыслѣ слова.

Думать, что современный господскій замокъ (*château*) съ окружающими его обыкновенно 200 или 300 гектарами земли представляетъ цѣлое старое меровингское помѣстье, было бы большой ошибкой. Онъ занимаетъ лишь часть его, являясь какъ бы обломкомъ; дальнѣйшія наши изслѣдованія это ясно покажутъ. Полному древнему помѣстью соотвѣтствуютъ господская усадьба (замокъ) съ принадлежащею къ нему землею, деревня (крестьянское поселеніе) и вся территорія сельской общины, вмѣстѣ взятыя. На протяженіи вѣковъ все это нѣсколько разъ измѣнило свой видъ; на такой почвѣ произошло нѣсколько переворотовъ, медленныхъ, но въ то же время глубокихъ. Тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что, такъ сказать, все тѣло помѣстья сохранило старое названіе, внѣшнюю форму, извѣстное единство, имѣетъ существенное значеніе.

Благодаря этому, мы можемъ судить о размѣрѣ виллъ интересующей насъ эпохи, хотя хартіи никогда не опредѣляютъ его. Конечно, онѣ были очень различной величины. Многія изъ такихъ виллъ теперь простыя деревушки, территорія которыхъ не превосходитъ 300 гектаровъ. Если мы посмотримъ, напримѣръ, на многочисленныя виллы, оставленныя Бертрамномъ по его завѣщанію, мы замѣтимъ, что большая ихъ часть исчезла или представляетъ изъ себя теперь то, что называется «*écarts*». Но шесть изъ его виллъ и теперь еще образуютъ селенья: *Colonica* — Кулэнъ, площадью въ 381 гектаровъ; *Dolus*—Долонъ около 2000 гектаровъ; *Campariacus*—Шемире, въ 1100 гектаровъ; *Monciacus*—Монсе, въ 358; *Blaciacus*—Блоссакъ, близъ Блэ и *Floriacus* — Флуаракъ, въ которомъ 953 гектара. Для Бургундіи у насъ есть списокъ помѣстій, которыми владѣли нѣкій Амальгарій и жена его Акви-

[1] Само собою разумѣется, надо исключить: 1) города, которые существовали уже во время Имперіи; 2) мѣстечки и свободныя селенія, которыя также существовали уже тогда, но были немногочисленны; 3) деревни, основанныя съ двѣнадцатаго вѣка, свободные города и т. д.

[2] *Testamentum Palladii*, Diplomata, т. II, стр. 37: «Villam Clamiciacum, quam Desiderius papa ex Godino per pecuniam visus est recepisse».

лина раньше 630 года [1]. Изъ двадцати восьми виллъ можно назвать пять, вполнѣ вѣрныхъ слѣдовъ которыхъ не замѣтно, и четыре, которыя превратились въ небольшія деревушки; девятнадцать изъ нихъ дали мѣсто сельскимъ группамъ, территорія которыхъ колеблется между 450 и 2600 гектарами [2]. Итакъ, величина помѣстій вовсе не была одинакова. Вилла могла занимать пространство маленькой деревушки и большого селенія.

Обычно, она заключала въ себѣ всякаго рода земли. Почти всѣ хартіи перечисляютъ хозяйственные элементы, изъ которыхъ она состояла: дома, хлѣбныя поля, виноградники, луга, лѣса, пастбища. Въ ней встрѣчались всякаго рода культуры; могли находиться также невоздѣланныя земли; протекающія черезъ виллу рѣки принадлежали къ ней.

Вилла представляла собою самостоятельную единицу.

[1] *Diplomata*, № 351: «Waldelenus abbas suggessit quod genitor suus Amalgarius et genitrix sua Aquilina monasterio delegassent... Besuam, Tilerios, Berias, Tregiam». Ср. *Chronicon Besuense*, изд. Garnier, стр. 232—236.

[2] Утверждать, что территорія современной деревни всегда равняется территоріи соотвѣтствующей виллы, значило бы пойти слишкомъ далеко. Ясно, что территорія часто могла измѣняться путемъ расширенія или уменьшенія. Полагаю, однако, что въ общемъ, оставляя въ сторонѣ исключенія, сравненіе обѣихъ величинъ можетъ быть полезно для насъ. *Villa Besua*, бывшая около 630 года собственностью Амальгарія, соотвѣтствуетъ нынѣ территоріи Безы, имѣющей 2230 гектаровъ. Сравните еще: *Tileriae*, Тиль—2611 гектаровъ; *Vetusvinae*, Віевинь—1342; *Beria*, Бейръ—1925; *Vendovera*, Веронны—1532; *Auxiliacus*, Уазильи—595; *Blaniacus*, Бланьи—756; *Attiviacus*, Атэ—943; *Noviliacus*, Нельи—457; *Marcenniacus*, Марсаннэ—1282; *Cocheiacus*, Кушэ—1269; *Gibriacus*, Жеврэ—2400; *Caciacus*, Сессэ—1150 и т. д.

Она была независима. Она никогда не составляла части деревни или другой общины. Напрасно стали бы искать указанія на это во всѣхъ нашихъ хартіяхъ. Она не примыкаетъ также и къ городу и составляетъ лишь часть управляемой графомъ административной области. Помимо этого, она — законченная единица и зависитъ отъ одного только своего владѣльца.

3.

Нераздѣльныя виллы.

Помѣстье принадлежало чаще всего одному владѣльцу, было ли оно большое или небольшое. Примѣры на то безчисленны. Въ 475 году вилла Бертиньякъ принадлежитъ Перпетую, а до него она была собственностью нѣкоего Даніила, который ее продалъ послѣднему [1]. Въ реймской области вилла Спарнакъ оставалась послѣ франкскаго завоеванія нетронутой и цѣликомъ принадлежала нѣкому Евлогію, продавшему ее мѣстному епископу [2]. Вилла Кламиціакъ принадлежала около 610 года вся нѣкоему Годину, наслѣдники котораго продали ее церкви. Вилла Искоммодіакъ, нынѣ Экоммуа, община съ территоріею болѣе чѣмъ въ 2000 гектаровъ, была куплена Гадоиндомъ у нѣкоего Ансера [3]. Леодебодъ пріобрѣлъ путемъ мѣны большое помѣстье Флери на Луарѣ [4]. Имѣнье Пав-

[1] *Diplomata*, № 49, т. I, стр. 24.

[2] *Diplomata*, I, 185.

[3] *Testamentum Hadoindi*, Diplomata, № 300.

[4] *Charta Leodebodi*, Diplomata, № 358: «Agro Floriaco, quemcum (ab) rege Chlodoveo et Balthilde regina visus sum de rebus meis comparasse».

ліакъ, нынѣ Пульи на Луарѣ, принадлежало цѣликомъ Вигилію, Мацеріи — Гунтберту, получившему землю отъ своей бабки Авделіаны [1]. Кондатъ, нынѣ Конде въ Барруа, община съ болѣе чѣмъ 1800 гектаровъ, была виллой Вульфоальда, купившаго ее у нѣкоего Гертелліона [2]. Вилла Тилиніакъ принадлежала матери Леодегарія, и помѣстье это осталось въ томъ же роду нѣсколько вѣковъ [3]. Солемніацензисъ принадлежала Элигію, Марціакъ — Ерменберту, Герминіакъ—Гримоальду, Сателліакъ — женщинѣ по имени Аматильдѣ, Потенціакъ—Адольсинду, Тауріакъ—Эрмелену, Мальбодій— Альдегундѣ, Гундульфокуртисъ — Вандемиру, Лектерикъ—Идданѣ, Радданекуртисъ—Инграмну, Павліакъ — Леотеріи, Гауксіакъ — Ансберту [4]. Большая вилла Верденскаго округа Стэнъ составляла собственность Леодана, получившаго ее отъ своего отца [5].

На сѣверѣ и на востокѣ помѣстья въ общемъ менѣе обширны, чѣмъ въ центрѣ и на югѣ. Но и тамъ мы находимъ много помѣстій, принадлежавшихъ только одному владѣльцу. Въ области Теруэнны Адроальдъ даритъ большую свою виллу Ситіу и всѣ ея угодія [6]. Въ Токсандріи вилла Вадерло, нынѣ Вэрль [7] — собственность Ангибальда, дарящаго ее епископу [8].

[1] *Diplomata*, № 303 и 365.
[2] *Ibidem*, № 375.
[3] *Testamentum Leodegarii*, Diplomata, № 382: «Tiliniaco villa, quae de iure materno ab avis et proavis mihi competit».
[4] *Diplomata*, №№ 254, 256, 316, 327, 328, 331, 338, 412, 431, 432, 437.
[5] *Ibidem*, № 464.
[6] *Diplomata*, № 312.
[7] Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе *Pardessus*.
[8] *Ibidem*, № 461.

Альфгеймъ также собственность одной фамиліи [1]. Въ той же области мы видимъ Ансберта, который владѣетъ двумя виллами и приноситъ въ даръ шесть группъ рабовъ изъ одной виллы и семь изъ другой [2]. Въ Трирской области Стангеймъ—это вилла, принадлежащая «съ своими мансами, полями, рабами, лугами и лѣсами» одной женщинѣ [3]. Въ той же мѣстности Монговъ—владѣніе Гедена и Палаціолъ—владѣніе одной женщины [4]. Въ Эльзасѣ, вилла Годульсисгеймъ принадлежитъ Бодалу; Геймонвиллеръ, Гильдульфовиллеръ, Гирсфельдъ принадлежатъ Эбергарду [5]. Енальдовиллеръ—Вероальду, Альтдорфъ—одной женщинѣ, Гаганбахъ—Веральду, который получилъ ее отъ отца; Аудовиновилла «съ своими церквами, мансами, полями, лугами, лѣсами, пастбищами и водами»—Ерменберту [6]. Бурггеймъ цѣликомъ принадлежитъ Ліутфриду. Вестгофъ—Нордоальду, Касфельдъ—Герноальду [7]. Мы приводимъ лишь небольшое число примѣровъ [8].

[1] *Diplomata*, № 474; см. № 481.
[2] *Ibidem*, № 483.
[3] *Ibidem*, № 459.
[4] *Ibidem*, №№ 458 и 461.
[5] *Ibidem*, №№ 592, 554, 557.
[6] *Ibidem*, № 579; *Codex Wissenburgensis*, №№ 192 и 205.
[7] *Codex Wissenburgensis*, №№ 3, 10, 14, 17.
[8] Мы должны обратить вниманіе на особое употребленіе въ нашихъ хартіяхъ предлога *in*, особенно съ конца седьмого вѣка. Онъ встрѣчается много разъ передъ названіемъ виллы, такъ что первоначально склоняешься къ мнѣнію, что составитель акта продаетъ или даритъ одну лишь какую-нибудь землю въ этой виллѣ; это вѣрно, если есть слово *portio* или какое-нибудь другое равнозначущее выраженіе. Но во многихъ актахъ можно засвидѣтельствовать, что, благодаря неправильности простонароднаго языка, *in* прибавлялось къ названію помѣстья просто, какъ

Такимъ образомъ, много виллъ находилось въ рукахъ частныхъ лицъ полно и нераздѣльно. Тѣмъ болѣе такъ же обстояло дѣло и съ виллами короля. Меровингскій король не обладалъ на личномъ правѣ ни обширною территоріей, ни цѣлыми округами; ему принадлежали отдѣльныя виллы, во множествѣ разсѣянныя во всѣхъ провинціяхъ [1]. Мы не знаемъ число королевскихъ виллъ, называвшихся, какъ и во время Имперіи, *fisci*, и образовавшихся большей частью изъ земель имперскаго фиска. Хартіи знакомятъ насъ главнымъ образомъ съ тѣми виллами, которыя короли выпускали изъ своихъ рукъ, даря ихъ церквамъ или мона-

префиксъ. Когда, напримѣръ, вы видите, что написано: «Ego Nordoaldus, donamus villas iuris nostri nuncupantes in Vestove, in Deceiugariis, in Chraftestate»—ясно, что ***Nordoaldus*** даритъ три цѣлыхъ ***villae***, а предлогъ *in* составляетъ часть названія и сливается съ нимъ (***Codex Wissenburgensis***, № 17). Точно также, когда авторъ хроники св. Бенигна пишетъ, что король Гунтрамнъ пожаловалъ «in Biciso, in Plumberias, in Siliniaco, in Campiniaco» и т. д. (изд. Bougaut, стр. 29), то ясно, что это королевскія villae, подаренныя Гунтрамномъ во всей ихъ цѣлости. Точно также, когда Одила даритъ въ своемъ завѣщаніи «curia in Hermersheim», очевидно, что она даритъ весь Гермерсгеймъ «съ его придатками и тремя деревнями Геймерсдорфъ Бруништатъ и Гирсунгъ» (***Diplomata***, № 510, стр. 318). Другіе примѣры въ ***Diplomata***, №№ 369, 558 и 576, и въ ***Codex Wissenburgensis***, №№ 16, 52: «Dono in Chudzinchof in integrum».—***Neugart***, 130: «Villas nuncupantes in Wigaheim et in Trisinga», 113: «Locos nuncupantes in Wezinvillare et in Tochinvillare».—***Codex Fuldensis***, 82: «In villis denominatis in Ostheim et in Coneshaim». То же самое въ № 148 и другихъ. Итакъ, всякій разъ, какъ передъ названіемъ помѣстья встрѣчается предлогъ ***in***, надо всматриваться въ текстъ—говорится ли обо всемъ помѣстьѣ или о части его.

[1] См. ***Marculf***. I, 39.

стырямъ. Но изъ этого именно обстоятельства можно вывести нѣкоторыя важныя заключенія.

Прежде всего, королями всегда жалуется именно вилла, то есть организованное помѣстье, состоящее изъ «мансовъ, рабовъ, колоновъ, полей, виноградниковъ, лѣсовъ, луговъ, воздѣланныхъ или невоздѣланныхъ земель, озеръ и проточныхъ водъ» [1]. Затѣмъ вниманія заслуживаютъ названія королевскихъ виллъ. Мы видимъ, что Хлодовехъ даритъ Евспицію три королевскихъ помѣстья, называвшихся Мициакъ, Камбіакъ и Латиніакъ [2]. Хильдебертъ I даритъ *fiscus Isciacus* [3]. Король Гунтрамъ жалуетъ монастырю святого Марсилія Шалонскаго такія *villae*, какъ Силиніакъ, Плумберіи, Кампиніакъ, Корцеллы, Флавиніакъ, Бербиріакъ [4] Иргіакъ, Альціатъ, Меркуресъ, Флоріакъ, Верміакъ [5]. Помѣстья, жалованныя Дагобертомъ I называются Канны, Кресціакъ, Регіодола, Баудиліакъ, Вилла Валлисъ, Аргентеріи, Аквапута, Тавріакъ, Малліакъ, Куртисъ Патріакъ. Какъ видно, названія эти совершенно походятъ на названія имѣній частныхъ лицъ. Король не примѣняетъ особыхъ наименованій къ своимъ помѣстьямъ.

Больше того: значительнѣйшая часть этихъ названій, очевидно, образовалась раньше того времени, когда помѣстья поступили въ государственное владѣніе,

[1] ***Diplomata***, № 163.

[2] ***Ibidem***, №№ 87 и 88.—Подлинность обѣихъ грамотъ сомнительна, но само пожалованіе внѣ сомнѣнія; оно подтверждается житіемъ Максимина (***Vita Maximini***), и монастырь св. Месмена, навѣрно, владѣлъ этими тремя помѣстьями.

[3] ***Ibidem***, № 163 и много другихъ.

[4] *Chronicon S. Benigni*, p. 29—30.

[5] ***Diplomata***, № 191.

такъ какъ они носятъ личныя имена, вѣроятно, прежнихъ собственниковъ. Они поступили въ казну императоровъ или въ казну королей одни за другими, путемъ купли, или какъ выморочныя имущества, или въ силу конфискаціи, и никто не подумалъ лишать ихъ названій, присвоенныхъ имъ въ то время, когда они были частной собственностью.

Виллы королей не носили, значитъ, иного характера, чѣмъ виллы частныхъ лицъ. Онѣ занимали типично такое же пространство, такъ же были внутренне устроены, обрабатывались тѣми же категоріями земледѣльцевъ, и подчинялись тѣмъ же нормамъ права собственности. Мы довольно часто видимъ, что король и частный человѣкъ производятъ между собою обмѣнъ двухъ виллъ [1]. Новому владѣльцу королевской виллы нравилось иногда оставлять названіе *fiscus*, безъ сомнѣнія, какъ болѣе почетное. Помимо того, обнаруживается, что между обѣими обмѣненными землями не было никакого существеннаго различія, и что, переходя къ новому хозяину, каждая изъ нихъ оставалась тѣмъ же, чѣмъ была при прежнемъ [2].

Въ такомъ же положеніи находились и церковныя или монастырскія земли. Церковное имущество также было ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью виллъ. Всѣ или почти всѣ эти виллы достались по пожалованіямъ;

[1] Примѣръ мѣны, *Diplomata*, т. II, стр. 142.

[2] Такъ, *ager Solemniacensis* былъ пожалованъ королемъ одному міряннину, который, ставъ епископомъ, подарилъ его церкви; между этими тремя состояніями не было никакого различія (*Diplomata*, № 254). Точно также *villa Latiniacus* послѣдовательно принадлежала свѣтскимъ лицамъ, потомъ королю и, наконецъ, монастырю (*Ibidem*, 410).

пожалованія же происходили въ такую эпоху, когда конфигурація земельныхъ владѣній сложилась уже съ давнихъ поръ. Итакъ, можно сказать, что всѣ церковныя помѣстья были свѣтскими помѣстьями, и они остались такими, какими ихъ устроили міряне. Кромѣ исключительныхъ случаевъ церковь не измѣнила даже ихъ названій, она почти всегда оставляла имъ названіе, происшедшее отъ именъ прежнихъ владѣльцевъ. Дарствователь ставилъ иногда условіемъ, чтобы обязательства сервовъ, которыхъ онъ дарилъ съ своей землей, не увеличивались, и церковь уважала такія желанія [1]. Церковное помѣстье существенно ничѣмъ не отличалось отъ мірского. Иногда приходилось видѣть, что церковь и мірянинъ производили между собой обмѣнъ двухъ виллъ. Одна и та же земля переходила изъ рукъ мірянина въ руки аббата и снова возвращалась затѣмъ въ руки мірянина, а формула гласила въ этомъ случаѣ, «что новый собственникъ будетъ такъ же владѣть землею, какъ ею владѣлъ недавно монастырь, и какъ въ былое время ею владѣлъ старый собственникъ» [2].

Виллы частныхъ лицъ, виллы короля и церковныя виллы образовали на всемъ протяженіи Галліи безчи-

[1] Такой примѣръ мы видимъ въ писцовой книгѣ аббатствъ *Saint-Germain-des-Prés*, около Парижа, относительно *alodium Germani*. Другой примѣръ въ *Codex Wissenburgensis*, №№ 12 и 78.

[2] *Formulae Sangallenses*, Zeumer, p. 385; это мѣновой актъ между сенгалленскимъ монахомъ и мірянииномъ. Послѣдній пишетъ: «Dedi villam... ut rectores eius loci eamdem eo iure possideant sicut ego et progenitores mei per succedentium temporum curricula potestative possedimus». И далѣе: «Accepi villam... ut qualem potestatem ille et filius eius (прежніе владѣльцы) in eo loco habuerunt, talem ego...».

сленное количество помѣстій, покрывавшихъ всю страну, соприкасавшихся и перемѣшанныхъ, не впадая въ зависимость одно отъ другого, походившихъ, впрочемъ, одно на другое, такъ какъ каждое изъ нихъ всегда обрабатывалось низшимъ населеніемъ и каждое принадлежало одному владѣльцу.

ГЛАВА VIII.

Видоизмѣненія сельскаго помѣстья.

I.

Раздѣленныя виллы; portiones.

Хотя въ принципѣ вилла была собственностью одного человѣка, довольно часто случалось, что она раздѣлялась между нѣсколькими. Терминъ *portio*, иногда *pars*, часто встрѣчается въ текстахъ. Мы должны прослѣдить его употребленіе и опредѣлить значеніе.

Въ сборникахъ формулъ меровингскаго времени слово *portio* восемь разъ попадается съ очень яснымъ значеніемъ д о л и въ наслѣдствѣ [1] и одиннадцать

[1] *Andegavenses*, 1: «Illas portiones quem ex alote parentum».— *Turonenses*, 22: «Matris vestrae portionem recipiatis...».—25: «Accepit in portione sua villas illas».—*Marculf*. II, 12.—*Merkelianae*, 23 и 24.

разъ оно опредѣленно означаетъ часть виллы [1]. Это второе значеніе оно и имѣетъ почти всегда въ хартіяхъ: есть около двухсотъ хартій, упоминающихъ и описывающихъ «часть (*portio*) виллы». Отсюда выясняется, во-первыхъ фактъ, что раздробленіе земельнаго помѣстья было довольно часто встрѣчающимся явленіемъ. Намъ важно дать себѣ отчетъ въ особенностяхъ такого раздробленія: мы увидимъ тутъ одинъ изъ наиболѣе странныхъ и характерныхъ обычаевъ той эпохи.

Прежде всего надо устранить мнѣніе, что *portio* было «долей», которою собственники какого-нибудь общиннаго земельнаго имущества владѣли по очереди, подчиняясь порядку ежегодныхъ перемѣщеній. Ни въ одномъ изъ нашихъ двухсотъ памятниковъ не обнаруживается ничего похожаго на это. Всюду, безъ исключенія, мы находимъ, наоборотъ, что *portio* было также частнымъ, наслѣдственнымъ владѣніемъ. «Часть, которою я обладаю въ такой-то виллѣ, досталась мнѣ по наслѣдству отъ родителей», говорится въ одной формулѣ [2]. Въ нѣсколькихъ хартіяхъ формально утверждается, что доля досталась по наслѣдству [3]. Можно было также купить или продать долю [4]. Епископъ

[1] *Marculf*. II, 6: «Dono portionem meam in villa».—*Supplem. ad Marc*. 2, Zeumer, p. 107: «Portionem aut villam suam vendidit».—*Senonicae*, 41: «In agro illo portio mea».—*Merkelianae*, 9: «Res sitas in termino illo portiones meas».—*Lindenbr*. 2: «Dono omnem rem portionis meae in loco illo, id est mansos tantos».— *Marculf*. I, 30: «Dedit nobis omnem portionem suam, quod in villa illa habere visus est».

[2] *Marculf*. II, 6: «Portionem meam in villa nuncupante illa, quidquid de alode parentum».—II, 1.

[3] *Tardif*, № 48.

[4] *Supplem. ad Marculfum*, 2, Zeumer, p. 107: «Portionem aut villam suam vendidit».

реймскій Ригобертъ покупаетъ часть виллы Кампаніаки и часть виллы Бобилиніаки [1]. Аббонъ купилъ нѣсколько portiones у Вальдеберта и у Ригоберги.

Собственникъ доли продаетъ ее, завѣщаетъ и даритъ, какъ хочетъ: «я дарю долю мою въ виллѣ, носящей такое-то названіе», гласятъ формулы. Гримонъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: «я завѣщаю часть, принадлежащую мнѣ въ виллѣ Мадріакѣ, я завѣщаю виллу мою Марціакъ въ той мѣрѣ, какую заключаетъ въ себѣ моя часть» [2]. То же самое Аредій: «я завѣщаю мою долю на ager Sisciacensis» [3]. Энгельвара жалуетъ «свою часть виллы Голиніи въ области Турнэ» [4]. Вульфоальдъ и жена его Адальсинда пишутъ: «Мы даримъ части принадлежащія намъ въ curtis Biscryblata на Маасѣ, купленныя нами у Вальдрады, у Гадоны и у Хродлинды» [5]. «Мы даримъ половину нашей части въ Романовиллѣ, пишетъ Бертрада, и всю нашу часть въ Бурсахъ» [6]. Нѣкто Эброинъ, кромѣ нѣсколькихъ цѣлыхъ villae, даритъ «часть, принадлежащую ему въ виллѣ Гомми» [7]. Такихъ примѣровъ много въ хартіяхъ всѣхъ

[1] *Flodoard.* Hist. Rem. eccl. II.

[2] *Testamentum Grimonis*, Beyer, Urkund. des Mittelrh. № 6: «Portionem meam de Madriaco, quae mihi legibus debetur cum... villa mea Morciaco quantum portio mea continet cum...».—Это актъ 636 года.—См. *Diplomata*, № 334, Tardif, № 17: «Illa portio de illa villa».

[3] *Diplomata*, № 180, т. I, стр. 137.

[4] *Ibidem*, № 457.

[5] *Ibidem*, № 475.

[6] *Ibidem*, № 516: «Donamus de Romanovilla de nostra portione medietatem... de Bursis quidquid est de nostra parte totum».

[7] *Ibidem*, № 519.

областей, даже въ хартіяхъ рейнской долины [1]. Онѣ дѣлаютъ очевиднымъ, что такія части виллы были предметомъ полной частной собственности.

Въ нашихъ меровингскихъ грамотахъ можно еще засвидѣтельствовать, что «часть виллы»—это было вовсе не то, что мы назвали бы теперь участкомъ или надѣломъ; *portiones* не представляютъ собою какое-нибудь маленькое поле, собственноручно обрабатываемое крестьяниномъ. Когда Аредій пишетъ, что онъ завѣщаетъ свою часть Сисціака, онъ добавляетъ, что часть эта заключаетъ въ себѣ «господскій домъ, домовую церковь, другія постройки, поля, лѣса, луга, пастбища и колоновъ» [2]. Годинъ даритъ «свою часть виллы Альбиніака, заключающую въ себѣ дома, постройки, мансы, угодья, поля, луга, лѣса, озера и рѣки, и всѣ принадлежности» [3]. Бертрамнъ купилъ часть Бруціага и построилъ тамъ «дома и поселилъ рабовъ» [4]. Бургундофара завѣщаетъ «свою часть виллы Кампелли, заключающую въ себѣ рабовъ, виноградники, луга и лѣса» [5]. Леодебодъ жалуетъ свою часть Литтида, «заключающую въ себѣ дома, постройки, рабовъ, ви-

[1] Urkundenbuch der Abtei S. Gall, № 146 и т. д. *Codex Wissenburgensis*, №№ 218, 220, 226, 239 etc.

[2] *Testamentum Aredii*, № 180: «Portionem nostram de agro Sisciacensi, hoc est domus et oratorium cum reliquis aedificiis, agris, silvis, pratis, pascuis et accolis».

[3] *Charta Godini*, № 186: «Portio nostra in villa seu agro Albiniaco, casas, aedificia, cum mansis, curtis, campis, pratis, silvis, aquis, accessis omnibus».

[4] *Diplomata*, t. I, p. 198: «Portio in Brucciago ubi domos aedificavi et mancipia stabilivi».

[5] *Diplomata*, № 257.

ноградники, лѣса, поля, луга и пастбища» [1]. Вигилій завѣщаетъ свою часть Кассіака, купленную имъ у сына Долены «съ мансами, сервами обоихъ половъ, рабами, полями, лѣсами»; онъ же завѣщаетъ свою часть Компесціака «съ мансами, постройками, обоихъ половъ, сервами, полями, лугами, пастбищами, воздѣланными и невоздѣланными землями, озерами, рѣками и всѣмъ принадлежащимъ къ помѣстью» [2]. То же самое происходило въ чисто германскихъ областяхъ сѣверо-восточной Галліи. Въ бассейнѣ Мозеля Ирмина жалуетъ «свою часть виллы Эптернакъ, то-есть, отдаетъ все, чѣмъ она владѣетъ тамъ по наслѣдству отъ своего отца и отъ своей матери ввидѣ домовъ, построекъ, мансовъ, рабовъ, виноградниковъ, земель, полей, луговъ, пастбищъ, озеръ и рѣкъ, пастуховъ, скотниковъ, свинопасовъ съ ихъ стадами, и принадлежащія къ ней двѣ меньшаго размѣра земли, Бадалингъ и Матофовилларе» [3]. Вульфоальдъ отдаетъ свою часть *curtis*, и часть эта заключаетъ въ себѣ «рабовъ, мансы, поля,

[1] *Charta Leodebodi,* № 358: «Portionem meam, quae est infra agrum Littidum, cum domibus, aedificiis, mancipiis, vineis, silvis, campis, pratis, pascuis».

[2] *Charta Vigilii,* № 363: «Portionem meam in villa Cassiaco, quam femina Dolena et filius suus Ado mihi vendiderunt, cum mansis, servis et ancillis, mancipiis, campis, silvis, pratis... Portionem in Campisciago cum mansis, habitatoribus, servis et ancillis, pratis, pascuis, cultis et incultis».

[3] *Diplomata,* № 448: «Dono portionem meam in villa Epternaco, quamtumcunque ex successione paterna vel materna mihi obvenit, tam in domibus quam aedificiis, mansis, mancipiis, vineis, terris, campis, pratis, silvis, pascuis et cum appenditiis suis, id est Badalingo, Mathofovillare».

луга и лѣса» [1]. Приведенные примѣры, число которыхъ можно было бы увеличить, достаточно показываютъ, что слово *portio* служило обычно для обозначенія собственности видныхъ размѣровъ [2].

Чтеніе грамотъ заставляютъ даже думать, что вилла раздѣлялась очень часто между двумя, тремя или четырьмя владѣльцами, такъ какъ *portio* часто именовалась «половиною», «третью», и «четвертью». Аредій завѣщаетъ половину помѣстья Криціензиса; Бертрамнъ купилъ половину Ватилононна; Палладій даритъ треть Сиссины [3]. Принадлежавшая Леодебоду часть Колумнензиса составляла четверть помѣстья; часть Ефибія составляла одну треть виллы Партениса [4]. Въ Вагальской области Рогингъ, бывшій собственникомъ помѣстья Винлендегеймъ, даритъ «половину его, заключающую въ себѣ дома, церкви, рабовъ, и разныя угодія» [5]. Въ Эльзасѣ Рантвигу принадлежитъ половина Прунинговиллы и половина Мастресгейма [6].

Если мы будемъ искать причинъ, заставлявшихъ дѣлить виллу такимъ образомъ, то въ хартіяхъ нерѣдко найдемъ указаніе на эти причины. Чаще всего упоминается раздѣлъ наслѣдства между братьями или между родственниками. Вилла Муроцинктъ, о которой говоритъ въ своемъ завѣщаніи Бертрамнъ, двадцать

[1] *Ibidem,* № 475.

[2] См. еще portio въ Simpliaciacensis (№ 358), portio въ Fontanae (№ 480) и *portiones*, указанныя въ завѣщаніи Аделы (№ 551), въ завѣщаніи Аббона (№ 559).

[3] *Diplomata.* №№ 180, 230, 273.

[4] *Ibidem,* №№ 358 и 439.

[5] *Ibidem,* № 539, т. II, стр. 349.

[6] *Codex Wissenburgensis,* № 52.

пять лѣтъ тому назадъ была нераздѣленной, и ее передѣлили на три части потому только, что у отца Бертрамна было три сына [1]. Въ этомъ же самомъ завѣщаніи мы видимъ, что вилла Кастиліона была раздѣлена между отцомъ Бертрамна и нѣкимъ Сигиленомъ; а нѣсколькими строками ниже читаемъ, что эти два человѣка были родственниками, такъ что можемъ думать, что причиною раздробленія помѣстья былъ раздѣлъ наслѣдства [2]. Вилла Умбріакъ была раздѣлена между двумя братьями, Басиліемъ и Баудегундомъ [3]. По сосѣдству отъ Фонтенелля помѣстье Бальдріакъ былъ родовымъ имуществомъ двухъ братьевъ, Бертоальда и Радамаста [4]. Помѣстье (*ager*) Культура было раздѣлено между братомъ и сестрою, Магнульфомъ и Ингобергой, на двѣ половины [5]. Завѣщаніе Бургундофары, написанное въ 631 году, особенно поучительно въ интересующемъ насъ отношеніи; мы видимъ въ немъ четыре *villae*, каждая изъ которыхъ раздѣлена на четыре *portiones*; но тридцать лѣтъ тому назадъ раздѣленія этого не существовало, и всѣ четыре помѣстья полностью принадлежали отцу Бургундофары, Гагнериху. Умирая, Гагнерихъ оставилъ двухъ сыновей и двухъ дочерей; наслѣдство было раздѣлено поровну и вмѣсто того, чтобы каждый изъ четырехъ дѣтей взялъ по цѣлому помѣстью, они предпочли раздѣлить каждое на четыре соотвѣтствующія части [6].

[1] *Testamentum Bertramni*, Diplomata, t. I, p. 204.
[2] *Ibidem*, p. 201.
[3] *Ibidem*, p. 199.
[4] *Vita Ansberti*, 5. Болландисты, февраль, II, 356.
[5] *Diplomata*, t. I, p. 198.
[6] *Testamentum Burgundofarae*, № 257, т. II, стр. 16.

Въ другихъ случаяхъ раздробленіе виллы происходило оттого, что человѣкъ, бывшій единственнымъ ея владѣльцемъ, продавалъ часть ея. Никакой законъ или обычай не противился такого рода частичной продажѣ. Такъ, мы видимъ, что Леодебодъ купилъ у Арегизила «часть Симплиціаценцензиса» [1]. Такимъ же образомъ Бертрамнъ владѣлъ частью виллы Тауріакъ, такъ какъ онъ купилъ эту часть у Аудериха [2]. Дармундъ, обладавшій четырьмя помѣстьями, продалъ одному аббатству двѣ трети каждаго изъ нихъ [3]. Находившаяся въ Верденской области вилла Бискриблата принадлежала тремъ женщинамъ, быть можетъ, родственницамъ, которыя и продали свои части Вульфоальду [4].

Источникомъ дробленія виллы являлось кромѣ того, естественно и пожалованіе. Владѣлецъ отдавалъ половину своей виллы церкви. Такимъ то образомъ Бободенъ, которому принадлежала вилла Колоника, завѣщалъ половину ея перкви, другую же половину оставилъ своимъ естественнымъ наслѣдникамъ [5]. Аредій раздѣлилъ свою виллу Гриціензисъ между церковью Св. Мартина Турскаго и однимъ лимузенскимъ монастыремъ [6]. Амальгарій приноситъ въ даръ весь Парнаціакъ и половину Балатунны [7]. Бертрада отдаетъ Прумскому монастырю половину того, что ей принадлежало въ Ро-

[1] *Diplomata*, t. II, p. 144.
[2] *Ibidem*, II, 210; то же самое № 358.
[3] *Diplomata*, № 470, II, 277.
[4] *Ibidem*, № 475, II, 281.
[5] *Diplomata*, № 230, т. I, стр. 198.
[6] *Testamentum Aredii*, № 180, т. I, стр. 137.
[7] *Chronicon Besuense*, ed. Garnier, 237.

меровиллѣ [1]. Эброинъ жалуетъ изъ своей виллы Нитра только три семьи рабовъ съ обрабатываемой ими землей и одинъ господскій домъ [2]. Рогингъ отдаетъ изъ своего помѣстья Винлиндегейма лишь «половину домовъ, церквей, рабовъ и всѣхъ принадлежностей» [3]. Ясно, что подобнаго же рода пожалованія или завѣщанія можно было дѣлать и свѣтскимъ лицамъ.

Таковы единственныя причины раздѣловъ виллы, которыя мы находимъ въ памятникахъ. Объяснять возникновеніе *portiones* изъ раздѣла, произведеннаго будто бы послѣ германскаго завоеванія, значило бы выставлять гипотезу, противорѣчащую всѣмъ текстамъ.

Мы ни разу не видимъ, чтобы какому-нибудь человѣку принадлежала треть виллы потому, что онъ былъ потомкомъ лишеннаго имущества Римлянина, или чтобы другой владѣлъ двумя третями потому, что онъ происходилъ отъ Германца завоевателя. Не только ни въ одномъ текстѣ, не обнаруживается ничего подобнаго; предположеніе даже прямо опровергается хартіями. Если вы пересмотрите безчисленное количество *villae*, упоминаемыхъ въ памятникахъ, вы убѣдитесь, что онѣ либо остаются нераздѣленными, или же замѣтите, что раздѣлы совершались лишь въ шестомъ или седьмомъ вѣкѣ. Такимъ образомъ нераздѣльность ихъ сохранялась даже тогда, когда жило поколѣніе людей, послѣдовавшее за временемъ существованія того, которое

[1] *Diplomata*, № 516.
[2] *Ibidem*, № 519.
[3] *Ibidem*, № 539: «De loco vocato Winlindecheim, de materno iure ad me pertinente, medietatem de casis, domibus, ecclesiis, mancipiis et omnibus pertinentiis tradimus atque transfundimus».

присутствовало при поселеніи Бургундовъ и Франковъ [1].

Отвергнута должна быть и другая гипотеза, согласно которой Германцы, найдя въ Галліи чрезмѣрно крупныя помѣстья, поселились на каждомъ изъ нихъ группами. Извѣстныя намъ *portiones* никогда не ведутъ своего начала отъ водворенія Германцевъ. Онѣ не были созданы сразу, онѣ образовались постепенно, и владѣльцемъ каждой части могъ быть, какъ Римлянинъ, такъ и Франкъ.

Существовала ли какая-нибудь экономическая связь между владѣльцами частей одной и той же виллы? Такъ полагали нѣкоторые ученые. Они доходили даже до утвержденія, что эти люди составляли ассоціацію и эксплоатировали помѣстье сообща. Но такое чрезвычайно важное утвержденіе было основано на одномъ только выраженіи Григорія Турскаго, который однако не говоритъ ничего подобнаго [2]. Строить теорію только на неправильномъ истолкованіи отдѣльнаго текста. Это значитъ держаться опасной методы изслѣдованія. Надо разсмотрѣть всѣ грамоты. Онѣ раскрываютъ передъ нами около двухсотъ владѣльцевъ

[1] См. напримѣръ, *villa Sparnacus*: она не тронута въ своей цѣлости еще послѣ франкскаго завоеванія; точно также *villa Blandibaccius* (*Diplomata*, т. I, стр. 85); равно и принадлежащая отцу святого Германа *villa Vitriacus*; *villa Saponaria*, *villa Buliniacus* изъ завѣщанія Перепетуи, и множество другихъ на сѣверѣ и на югѣ.

[2] Григорій Турскій (Hist. VII, 47) говоритъ только что враги Сихарія, преслѣдуя его на его владѣніи, одновременно съ его домомъ сожгли и дома людей, которымъ принадлежали части той же виллы.—Отъ этого, какъ видно, очень далеко до утвержденія, что тамъ производилась «общая обработка».

portiones, и каждый изъ нихъ свободно распоряжается своей *portio*, продаетъ ее, даритъ, мѣняетъ, завѣщаетъ никогда не нуждаясь въ разрѣшеніи другихъ владѣльцевъ. Изъ хартіи видно, что онъ никогда не совѣщается съ ними. Онъ не долженъ даже предупреждать ихъ о предполагаемыхъ имъ распоряженіяхъ его частью имѣнья. Ни одно слово не указываетъ на то, что, передавая свою часть, онъ выходилъ изъ ассоціаціи, или что на немъ лежали какія-нибудь обязательства передъ совладѣльцами. Видно также, что новый собственникъ не долженъ былъ испрашивать своего допущенія въ виллу у другихъ ея собственниковъ. Изученіе памятниковъ устраняетъ всѣ эти теоріи, созданныя воображеніемъ ученыхъ или ихъ неблагоразумною склонностью строить системы и подгонять подъ нихъ факты.

Слѣдовало бы также обратить вниманіе, что всѣ грамоты, упоминающія *portiones*, показываютъ въ то же время, что каждая часть заключаетъ въ себѣ «мансы, рабовъ и колоновъ». Это значитъ, что, какъ владѣлецъ всего помѣстья не обрабатывалъ земли своими руками, также и владѣлецъ *portio* самъ не бралъ въ руки плуга. Обрабатывали землю рабы или колоны. Владѣлецъ половины или четверти распоряжался половиною или четвертью этихъ рабовъ и колоновъ.

Выставлялась еще другая гипотеза, будто всѣ мелкіе варварскіе вожди водворялись каждый на большомъ помѣстьѣ и раздавали части его своимъ подчиненнымъ товарищамъ, дружинникамъ, которые продолжали жить вокругъ него. Я искалъ текстовъ, которые оправдали бы эту гипотезу и не нашелъ ни одного. Пересмотрите

всѣ хартіи, въ которыхъ упоминаются *portiones*: собственники *portiones* никогда не зависятъ отъ какого-нибудь вождя. Три или четыре совладѣльца — или братья, раздѣлившіе между собой родовое имущество, или же это два человѣка, одинъ изъ которыхъ продалъ другому часть своей земли; иногда одна половина принадлежитъ церкви, другая свѣтскому лицу. Ни разу не является одинъ изъ совладѣльцевъ главою надъ остальными. Разсмотрите, въ самомъ дѣлѣ, тысячи хартій, относящихся къ земельной собственности: вы ясно увидите, изъ какихъ людей состояло населеніе помѣстья. Мы видимъ въ немъ владѣльца, окруженнаго рабами, вольноотпущенниками, колонами; никогда не обнаруживается передъ нами начальникъ, окруженный дружинниками или воинами. Гипотеза объ установленіи военной іерархіи между землями при какой-то ихъ раздачѣ послѣ германскаго завоеванія есть чистѣйшій продуктъ современнаго воображенія. Она удобна для тѣхъ, кто хотѣлъ избавиться отъ долгихъ и трудныхъ изслѣдованій, но она противна всѣмъ памятникамъ и тотчасъ же распадается, не выдерживая ни на минуту серьезнаго разбора.

Желая уловить истинное происхожденіе дробленія помѣстья на части, надо вернуться къ изслѣдованному нами выше земельному устройству Римлянъ. Мы установили, что вслѣдствіе продажи или раздѣла наслѣдства римскій *fundus* могъ дѣлиться на части; все помѣстье сохраняло въ этомъ случаѣ свое названіе, границы и внѣшнее единство; каждому изъ собственниковъ присваивалась «одна часть», которою онъ могъ, впрочемъ, располагать по своему усмотрѣнію. Обычай этотъ сохранился въ Италіи послѣ римской имперіи.

Въ актахъ равеннской церкви мы видимъ, что помѣстья этой церкви часто дѣлились на *portiones*, каждая изъ которыхъ заключала въ себѣ нѣсколько *unciae*, то-есть, нѣсколько двѣнадцатыхъ долей цѣлаго [1]. То же встрѣчается также въ хартіяхъ лонгобардскаго королевства [2].

Ту же самую практику видимъ мы и во всей меровингской Галліи. Обычай не записанъ ни въ одномъ сводѣ, но причина, по которой онъ сохранялся, хорошо замѣтна. Она скрывалась въ самомъ организмѣ устройства сельскаго помѣстья. Чѣмъ дольше будемъ мы углубляться въ продолженіе нашихъ изслѣдованій, тѣмъ яснѣе удастся установить, что помѣстье было очень сложнымъ и очень крѣпко связаннымъ органическимъ цѣлымъ. Расчленять такое тѣло, чтобы превращать его въ два или три различныхъ помѣстья, было бы очень трудно. Понадобились бы не только новыя названія, тогда какъ каждый изъ совладѣльцевъ могъ дорожить старымъ, находившимся въ старыхъ документахъ; не только слѣдовало бы произвести еще новое размежеваніе. Главное затрудненіе полнаго раздѣла доставляло положеніе земледѣльческаго населенія, съемщиковъ. Элементы каждаго изъ занятыхъ ими надѣловъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ типовъ угодій или культуръ, были перемѣшаны другъ съ другомъ. Если бы помѣстье пришлось вполнѣ

[1] См. *Marini*, Papiri diplomatici (1805) стр. 125, 127, 137, 147 акты 564, 587, 625, 630 годовъ и т. д.

[2] См. напримѣръ, въ *Patrologia latina*, актъ 754 года, t. LXXXVII, col. 1386: «Trado portionem meam de casale Palatiolo, cum casas massaricias, familias, vel adiacentias, cum vineis, olivetis, silvis...».

раздѣлять на новыя, совсѣмъ отдѣльныя цѣлыя, понадобилось бы производить передѣлъ всей земли, измѣнять всѣ повинности, всю систему распашки. Помѣстье же жило старыми привычками, касаться которыхъ не было бы разумно. Потому то, вѣроятно, въ глазахъ закона, предписывающаго равный раздѣлъ наслѣдства и разрѣшающаго всякаго рода пожалованіе и продажу, помѣстье продолжало оставаться однимъ цѣлымъ, на которомъ устанавливались части, половины и четверти [1], въ видѣ способа раздѣленія получаемаго съ него дохода.

[1] Обычай устройства такихъ *portiones* встрѣчается и въ германскихъ областяхъ потому ли, что онъ былъ заимствованъ въ Галліи, такъ же, какъ и право и формулы, или потому, что онъ произошелъ изъ стариннаго, мало извѣстнаго намъ устройства германскаго помѣстья. О немъ часто упоминаютъ хартіи Эльзаса и рейнской долины. При одномъ видѣ слова *portio* нѣкоторые ученые вообразили, что рѣчь шла о старомъ раздѣлѣ территоріи деревни. Это—ошибка. *Portiones* находились не въ деревняхъ, а въ помѣстьяхъ. Начало свое онѣ всегда почти имѣли въ раздѣлѣ наслѣдства; такъ Ліутфридъ владѣетъ *portio* въ виллѣ Бурггеймѣ потому, что онъ долженъ былъ дѣлиться съ своимъ братомъ Эброальдомъ (*Codex Wissenburgensis*, № 10); точно также въ Аламанніи одной женщинѣ принадлежала треть виллы потому, что у нея было два брата, Озульфъ и Гунольфъ, и что наслѣдство должно было быть раздѣлено (*Neugart*, № 166). На это существуетъ много примѣровъ (*Neugart*, №№ 139, 228, 246, 254, 421 и т. д. *Codex Fuldensis*, 189). Въ другихъ случаяхъ *portiones* являются послѣдствіемъ продажи и частичныхъ пожалованій. При этомъ, въ германскихъ областяхъ такъ же, какъ и въ центральной Галліи, каждый былъ полнымъ владѣльцемъ своей *portio* и по своему желанію могъ отчуждать ее. Добавимъ, еще часто случалось, что одному и тому же человѣку принадлежали *portiones* въ нѣсколькихъ различныхъ помѣстьяхъ, довольно отдаленныхъ одно отъ другого (*Zeuss*, №№ 60, 62, 73 и т. д. *Neu*-

Можно спросить себя, дѣйствительно ли при такого рода раздѣлѣ самая территорія помѣстья реально дробилась на части. Я склоненъ думать, что подобные случаи имѣли мѣсто лишь рѣдко; я знаю только два примѣра [1]. Чаще же происходило, по моему, что помѣстье оставалось матеріально нераздѣленнымъ, дѣлились только владѣніе, пользованіе и доходы. Это вытекаетъ, повидимому, изъ наиболѣе часто употреблявшихся выраженій. Такъ, говорили: я отдаю свою, часть, свою половину, или треть такой то виллы, а не выражались такъ: отдаю правую или лѣвую половину, граничащую съ такой то рѣкой, или съ такимъ то холмомъ. Никогда не прибѣгали къ топографическому опредѣленію. Говорили еще: дарю свою часть или свою половину, «заключающую въ себѣ дома, рабовъ, пахотныя земли, виноградники, луга и лѣса» [2]. Выраженія эти, безпрестанно повторяющіяся, показываютъ, что каждая часть заключала въ себѣ всѣ виды культуръ, какіе были въ виллѣ. Между тѣмъ трудно допустить, чтобы передѣляли всѣ пашни, всѣ виноградники, всѣ луга и лѣса. Это было бы запутаннымъ дѣломъ, вреднымъ для хозяйства и несогласнымъ съ интересами ко-

gart, №№ 130, 144, 155, 160, 193 и т. д.; *Codex Fuldensis* № 87 и т. д. *Codex Laureshamensis*, № 40).

[1] Первый относится къ шестому вѣку; Цезарій раздѣлилъ на самомъ дѣлѣ свой *ager Ancharianus* (*Diplomata*, I, 106). Второй— къ седьмому; это «divisio praediorum inter Theudilanam et Maurinum» (*Diplomata*, № 253).

[2] См. напримѣръ, въ *Codex Wissenburgensis*, № 203: «Dono... portionem in Gairoaldovilla... cum casis, terris, mancipiis, vineis, silvis, pratis, pascuis, aquis, aquarumque decursibus, totum et ad integrum».

лоновъ. Раздѣлъ уже всѣхъ доходовъ былъ наоборотъ самымъ легкимъ способомъ реализаціи совладѣнія, такъ какъ помѣстье обрабатывалось сервами или колонами, находившимися въ опредѣленномъ числѣ, и повинности ихъ были опредѣленно установлены. Можно было также дѣлить помѣстье согласно количеству заключавшихся въ нимъ мансовъ, такъ какъ мансы были приблизительно одинаковы, если не по размѣру, то по доходу. Если виллу въ двадцать мансовъ надо было раздѣлить между наслѣдниками, каждый изъ нихъ получалъ по пяти мансовъ. Я представляю себѣ только эти два способа раздѣла, которые можно было легко установить: распредѣлять ежегодный доходъ каждый разъ на соотвѣтствующія части между сонаслѣдниками, или распредѣлить разъ навсегда мансы по ихъ общей доходности. Мнѣ кажется, что второй довольно ясно указанъ въ нѣкоторыхъ хартіяхъ; вмѣсто того, чтобы сказать: я отдаю третью или четвертую часть, въ нихъ говорится: я даю такое то число рабовъ съ ихъ семьями» [1]. Дальше же мы увидимъ, что давать рабовъ (сервовъ)—это значило давать занимаемые ими мансы. Раздѣлъ по числу мансовъ, стало быть, во всякомъ случаѣ примѣнялся въ жизни.

Но такимъ способомъ нельзя было дѣлить лѣсныя угодья, находившіяся почти во всѣхъ помѣстьяхъ. Обы-

[1] *Diplomata*, № 483: «Dono... de rebus meis propriis in loco Diesne casatas sex cum sala, curtile meo, cum sex mancipiis et infantibus eorum»;—№ 585: «Dono... in loco Eresloch... casatas tres cum sala et curtile meo»;—№ 500: «Cum servis et ancillis octo»;—№ 519: «In loco Nitro villa nostra casatas tres, terras cum sala et adiacentia... et in villa nostra Rinheri casatas quatuor cum terris et portiones de silva».

чай требовалъ, чтобы лѣсъ оставался фактически нераздѣленнымъ. Каждый былъ его собственникомъ пропорціонально принадлежащей ему въ виллѣ части. Чья часть въ виллѣ равнялась одной трети, тому принадлежала и треть лѣса. Отсюда и произошла «общность лѣса», *communio silvae*, упоминаемая въ нѣкоторыхъ законахъ и въ извѣстномъ числѣ хартій, общность, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ правами пользованія лѣсомъ. *Communio silvae*—это всегда нераздѣленное или общее владѣніе лѣсомъ двухъ или нѣсколькихъ раздѣлившихъ между собою виллу собственниковъ [1].

Мы можемъ еще замѣтить, что когда виллу дѣлили вслѣдствіе наслѣдованія или вслѣдствіе продажи, то легко удавалось возстановить ея единство. Бертрамнъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что ему удалось соединить въ своихъ рукахъ три части виллы Муриценкта, и что такъ же посчастливилось ему и съ виллой Блаціакъ. Итакъ, вилла по очереди то дробилась, то возсоединялась. Мы не знаемъ, существовало ли право привилегированной покупки совладѣльца (*droit de retrait*); мы не находимъ его въ законахъ эпохи; но

[1] Это въ особенности ясно указано въ хартіяхъ изъ области Рейна. Такъ нѣкто Генрихъ даетъ «particulam hereditatis suae communionemque in silva» (*Lacomblet*, № 6).—Леодегарій даетъ другому лицу того же имени часть помѣстья и «omnem communionem mecum in silva» (*Ibidem*, № 8).—«Habeat silvam communem cum suis coheredibus» (*Formulae Sangallenses*, Zeumer, p. 403).—«Accepimus ab eo iugera 105 et de silva iuxta aestimationem nostrae portionis» (*Neugart*, № 461).—«Dedi partem hereditatis meae, id est hovam integram... et scara in silva iuxta formam hovae plenae» (*Lacomblet*, № 7). Часть лѣса всегда была пропорціональна части, которою данное лицо владѣло въ виллѣ.

оно осуществлялось, конечно, путемъ выкупа или путемъ новаго наслѣдства.

Въ итогѣ, неприкосновенность виллы была нормальнымъ и правильнымъ состояніемъ земель, но собственность на нее, какъ и всякая другая, могла дробиться или вновь возстановляться, согласно всѣмъ правиламъ частнаго права. При господствѣ законовъ, дѣлавшихъ передачу и раздѣлъ недвижимости очень легкими актами, земля претерпѣвала постоянныя перемѣны, среди которыхъ помѣстье сохраняло все таки свое названіе, свое единство и, такъ сказать, постоянную свою физіономію. Не слѣдуетъ при этомъ непремѣнно думать, чтобы *portiones* должны были вызывать въ насъ представленіе о мелкихъ владѣльцахъ. Вигилій, написавшій свое завѣщаніе въ 670 году, обладалъ пятью цѣлыми *villae* и частями въ двадцати семи другихъ. Адальгизелъ былъ собственникомъ четырехъ виллъ и крупныхъ частей въ десяти другихъ помѣстьяхъ [1].

2.

Мелкая собственность.

Если мы углубимъ наши изслѣдованія, то замѣтимъ, что внутри виллы есть болѣе мелкія владѣнія, чѣмъ *portiones*. Мы должны были бы, можетъ быть, начать съ выдѣленія изъ памятниковъ главнаго факта, ими обнаруживаемаго, именно преобладанія въ земельномъ строѣ эпохи крупнаго помѣстья; но необходимо также обратить вниманіе на нѣкоторые второстепенные факты,

[1] *Testamentum Adalgyseli seu Grimonis*, Boyer, № 6.

которые вскрываются въ нихъ менѣе часто. Изъ нихъ будетъ видно, что мелкая собственность не совсѣмъ исчезла.

Одна формула анжуйскаго сборника относится къ продажѣ «маленькаго виноградника»; другая—къ продажѣ небольшого хлѣбнаго поля; третья къ продажѣ манса и прилегающей къ нему земли; четвертая—къ уступкѣ «дома съ движимостью и недвижимостью» [1]. Контекстъ ясно показываетъ, что продажи эти производили не арендаторы и не колоны; продавали собственники и продавали они навсегда. Итакъ, вотъ явное указаніе на мелкую собственность.

Но тѣ же самыя формулы позволяютъ сдѣлать еще другое замѣчаніе. Въ нихъ сказано, что предметъ продажи находился «въ виллѣ» [2]. Между тѣмъ ясно, что продавецъ не былъ крупнымъ собственникомъ всей виллы; крупный собственникъ не являлся также покупателемъ. Значитъ, внутри самой виллы могли существовать особые собственники и отдѣльныя отъ нея имѣнья. Одна формула показываетъ намъ двоихъ изъ такихъ владѣльцевъ обмѣнивающими между собой свои поля. Одиннадцать другихъ формулъ упоминаютъ о продажахъ и пожалованіяхъ мелкихъ участковъ земли [3]. Такіе случаи встрѣчались, стало быть,

[1] *Formulae Andegavenses*, 4, 21, 25, 40.

[2] *Andegavenses*, 4: «Vendidi illam viniolam... in fundo illa villa (illius villae)»;—21: «Vendidi campellum... in villa illa»;—25: «Mansum et terram in fundo illa villa»;—40: «Cedo tibi membrum de casa cum mobile et immobile, in fundo illa villa»;—54: «In fundo illa villa»;—58: «Ego qui commaneo illa villa...».

[3] *Andegavenses*, 37, 54, 58; *Arvernenses*, 6; *Turonenses*, 8 и 42; *Marculf.* II, 21; II, 36; *Senonicae*, 5; *Merkelianae*, 3 и 11; *Bignonianae*, 12.

довольно часто, и текстъ формулъ опредѣленно показываетъ, что вопросъ касается имущества, составлявшаго полную собственность такого-то лица, доставшагося по наслѣдству и передающагося навсегда.

Эти факты подтверждаются нѣсколькими грамотами шестого и седьмого вѣковъ. Мы видимъ, напримѣръ, что Перпетуй, владѣлецъ виллы Сапонарій купилъ въ ней поле нѣкоего Алигарія; внутри этой виллы находился, значитъ, по крайней мѣрѣ, одинъ мелкій собственникъ [1]. Въ другомъ мѣстѣ Аредій, пожаловавшій одному монастырю свою виллу Сисціакъ, даритъ въ то же время другому монастырю сто югеровъ въ этой виллѣ; съ этихъ поръ, слѣдовательно, внутри большого помѣстья появляется мелкая единица, отъ нея отдѣльная [2]. Среди множества завѣщанныхъ имъ имуществъ Бертрамнъ упоминаетъ «малые виноградники и луга» въ не принадлежавшемъ ему помѣстьѣ подъ названіемъ Калимарцензисъ. Можно, наконецъ, подмѣтить случаи, очевидно, довольно часто повторявшіеся, такъ какъ изъ-за нихъ составлена была особая формула: именно владѣльцы крупнаго помѣстья жаловали одному изъ своихъ слугъ участокъ земли внутри этого самаго помѣстья и при томъ въ полную собственность и наслѣдственное владѣніе [3].

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что въ большомъ помѣстьѣ образовывалось или сохранялось иногда нѣсколько участковъ, принадлежавшихъ мелкимъ собственникамъ. Когда мы утверждали, что въ странѣ пре-

[1] *Diplomata*, № 49, т. I, стр. 24.

[2] *Ibidem*, т. I, стр. 137 и 141.

[3] *Marculf.* II, 36.

обладалъ крупновладѣльческій строй, мы не хотѣли доказывать, что не существовало никакихъ отклоненій отъ крупнаго владѣнія; могли встрѣчаться всякаго рода исключенія и случайности и, благодаря имъ, пріобрѣтала мѣсто и мелкая собственность.

Существованіе среди большого помѣстья свободныхъ отъ него участковъ собственности могло зависѣть отъ очень различныхъ причинъ. Возможно, что въ то отдаленное время, когда путемъ агломераціи частей въ одно цѣлое слагалось само крупное помѣстье, приходилось уважать неприкосновенность нѣкоторыхъ мелкихъ единицъ, которыя и оказались какъ бы включенными въ его нѣдра. Могло также происходить, что какъ естественное слѣдствіе раздѣловъ наслѣдства, крупное помѣстье или его часть распадалось на очень мелкія единицы. Случалось также, что, нуждаясь въ деньгахъ, владѣлецъ большого помѣстья продавалъ его часть. Наконецъ, какъ видимъ изъ одной формулы, владѣлецъ дарилъ кусокъ своей земли слугѣ или другу въ награду за оказанныя услуги [1].

Въ нѣсколькихъ формулахъ, но только изъ одного сборника, именно анжуйскаго, читаемъ слѣдующую фразу: «я продаю такому-то лицу этотъ виноградникъ, или это поле, расположенное на территоріи такого-то святого, въ виллѣ такого-то названія» [2]. Выраженія

[1] *Marculf.* Ibidem: «Pro respectu fidei ac servitii tui».

[2] *Andegavenses*, 4: «Illa viniola residet in territurium sancti illius, in fundo illa villa»;—8: «Campo... et est super territurio sancti illius in villa illa»;—22: «Super territurium sancti illius in villa illa»;—40: «In fundo illa villa super territurium sancti illius»;—54: «Super territorium sancti illius in fundo illa villa».—*Turonenses*, 8: «Infra terminum sancti illius».

эти привели ученыхъ въ крайнее изумленіе; они спрашивали себя, что же такое была територія святого, и на этомъ выраженіи было построено нѣсколько замысловатыхъ теорій. Объясненіе, между тѣмъ, очень просто, если сравнить эту фразу съ двумя другими, совершенно подобными ей. Въ № 25 того же сборника формулъ одинъ человѣкъ продаетъ виноградникъ или принадлежащее ему поле «въ такой-то виллѣ, на землѣ анжерской церкви». Въ № 37, нѣкто продаетъ домъ и принадлежащую ему землю «на территоріи славнаго мужа, по имени такого-то». Всѣ три примѣра относятся къ фактамъ одного рода. Въ одной формулѣ «территоріей святого» называется земля монастыря, ибо извѣстно, что морально его собственность считалась принадлежащею тому святому, который былъ патрономъ монастыря. То, что называется «землей анжерской церкви» въ другой формулѣ,—было владѣніемъ епископа. Наконецъ, третья формула называетъ «территоріей славнаго мужа по имени такого-то» помѣстье какого-нибудь свѣтскаго человѣка, принадлежавшаго къ числу магнатовъ [1].

Въ разсмотрѣнныхъ выраженіяхъ анжуйскаго сбор-

[1] *Territorium* является неопредѣленнымъ терминомъ на языкѣ эпохи; онъ примѣняется къ большой провинціи, territorium arvernicum, но также говорится и о простомъ помѣстьѣ,—какъ видно изъ Маркульфа, II, 1 и въ *Sangallenses*, 21 (Zeumer, стр. 289). Полагаю, что въ анжуйскихъ формулахъ *territorium* не имѣетъ иного значенія, чѣмъ *terra*, которое и замѣняетъ его въ № 25. Особенно часто употребляется это слово о территоріи виллы. См. *Diplomata*, № 266: «Villam Baviam cum territorio suo».—*Marculf.* II, 1: «In illo territorio portiones meas»; II, 21: «Vendidi campum iuris mei situm in territorio ill. (illo или illius)».

ника формулъ нѣкоторые усмотрѣли образованіе въ связи съ землевладѣніемъ какой-то высшей власти, которая уже носила феодальный характеръ. Мы этого не думаемъ. Это было бы противно всей совокупности показаній нашихъ памятниковъ. Мы знаемъ съ полной достовѣрностью, что въ седьмомъ вѣкѣ ни одному «славному мужу» не принадлежала провинція или цѣлый округъ; всѣ наши хартіи показываютъ, что и наиболѣе знатнымъ изъ числа свѣтскихъ вельможъ принадлежали лишь *villae*. Точно также «церковная земля» обозначаетъ здѣсь не епархію, а только *villae*, принадлежавшія епископу. Мы знаемъ также, что монастыри никогда не владѣли цѣлымъ округомъ, а только группою различныхъ *villae*, отдѣльныхъ, разсѣянныхъ по нѣсколькимъ провинціямъ. Потому то, что называется въ формулѣ «территоріею святого», не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ одной изъ виллъ, собственникомъ которыхъ былъ монастырь [1]. Это настолько вѣрно, что рядомъ съ выраженіемъ «территорія святого», по указанію формулы, слѣдуетъ писать названіе виллы. Нѣкоторыя грамоты высказываются опредѣленнѣе и ясно подтверждаютъ такое толкованіе. Мы видимъ, напримѣръ, что Лонегизилъ возвелъ постройку «на территоріи мансской церкви»; земля же эта называлась виллой Бузіакъ и дѣйствительно принадлежала епископу [2].

[1] Въ *Turonensis*, 8, сказано: «Infra terminum sancti». А мы видѣли, что *terminus* часто имѣетъ одно значеніе съ *villa*.

[2] *Diplomata*, № 238: «Illud monasteriolum, qui est situs in territoriis S. Dei genitricis Mariae et SS. martyrum Gervasii et Protasii (таково было названіе мансской церкви), in loco qui dicitur Busiacus».—На помѣстьѣ Busiacus, см. *ibid.* p. 222.—Точно также въ сборникѣ *Beyer* №№ 5, 12, 16 упоминаются постройки, воздвигнутыя «in territorio S. Petri Trevirensis», то-есть, на владѣніяхъ трирскаго епископа.

Изъ только-что приведенныхъ нами различныхъ формулъ выясняется, что внутри церковнаго или свѣтскаго владѣнія могли еще находиться мелкія единицы собственности. Любопытный примѣръ такого факта даетъ намъ также одна анжуйская формула; мы видимъ въ ней семью бѣдныхъ людей, свободныхъ и обладающихъ въ одной виллѣ небольшимъ полемъ или виноградникомъ, но доведенныхъ нуждою до необходимости сдѣлаться рабами болѣе богатаго человѣка, во власть котораго они и отдаютъ въ одно и то же время и землю свою, и самихъ себя [1].

Остается узнать, вполнѣ ли были независимы эти втиснутыя въ крупную собственность мелкія владѣнія Изъ пятнадцати формулъ семь заставляютъ насъ рѣшать вопросъ утвердительно [2]. Онѣ показываютъ, что мелкій собственникъ имѣлъ право продавать, мѣнять, завѣщать и дарить свою землю; онѣ опредѣленно высказываютъ, что «онъ имѣлъ полное право дѣлать съ нею все, что хочетъ» [3]; въ этихъ формулахъ нельзя найти никакого указанія на то, что мелкому собственнику надо было спрашивать разрѣшенія какого-нибудь высшаго, или что его владѣніе было подчинено чему-нибудь, походившему на верховную собственность другого лица. Но, съ другой стороны, восемь формулъ

[1] *Formulae Andegavenses*, 25.

[2] Это *Andegavenses*, 4, 22, 25, 37, 54; *Arvernensis*, 6 и *Marculf*. II, 21.

[3] «Quidquid de ipsa vinea facere voluerit, liberam in omnibus habeat potestatem faciendi».

отмѣчаютъ «права» крупнаго владѣльца, особенно, если это монастырскій святой [1]. Въ нихъ говорится, что «можно продавать, завѣщать и свободно распоряжаться подобной землей, но не нанося ущерба правамъ святого», и даже прибавлено—«того святого, которому принадлежитъ эта земля» [2]. Итакъ, свободное распоряженіе мелкаго собственника его имуществомъ, повидимому, уже стѣснялось какимъ-то высшимъ правомъ крупнаго владѣльца окружавшаго его большого помѣстья.

Ни одна изъ формулъ не поясняетъ, въ чемъ состояло это «право», или чѣмъ обозначалась зависимость. Долженъ ли былъ мелкій собственникъ оказывать только моральное уваженіе, просто признавать превосходство, или же отъ него требовались настоящія повинности, фактическія услуги? Мы этого не знаемъ. Общаго правила на этотъ счетъ, вѣроятнѣе всего не существовало, могли происходить только личныя соглашенія. Какъ увидимъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи другого ряда фактовъ, мелкій собственникъ могъ быть заинтересованъ въ пріобрѣтеніи какимъ-нибудь способомъ покровительства монастыря. Если владѣльцемъ большого помѣстья былъ свѣтскій человѣкъ, онъ могъ жаловать участокъ своей земли на опредѣленныхъ имъ самимъ условіяхъ. Формула, которая у насъ имѣется по этому предмету, любопытна въ томъ отношеніи, что она составлена на нѣсколько случаевъ такъ, чтобы дарствователь могъ выбирать между тремя альтернативами. Онъ могъ написать, что пожалованный и его наслѣдники «не должны будутъ уплачивать никакой ренты, никакой доли плодовъ, ни за право выпаса, ни барщины, ни повозныхъ повинностей» [3]; или же, пропустивъ просто эту фразу, онъ могъ, наоборотъ, сдѣлать такіе поборы обязательными; или же наконецъ онъ могъ ограничить обязательства пожалованнаго и его наслѣдниковъ однимъ только опредѣленнымъ родомъ услугъ, напримѣръ, обработкой того, что называлось *riga*, то-есть, небольшого куска господской земли [4].

[1] *Andegavenses*; 1 c, 8, 21, 40, 58; *Turonenses*, 8 и 42; *Marculf*. II, 36.

[2] *Andegavenses*, 8: «Absque praeiudicio sancti, cuius terra esse videtur»; то же въ №№ 21 и 58.—*Ibidem*, 1 c: «Salvo iure sancti illius, cuius terra esse videtur»; то же самое № 40 и въ *Turonenses*, № 8.

Итакъ, въ однихъ случаяхъ мелкая собственность обнаруживается вполнѣ независимой, въ другихъ—она была уже подчинена нѣкоторымъ повинностямъ. Трудно, впрочемъ, сказать, которое изъ двухъ отношеній встрѣчалось чаще.

Остается еще сдѣлать замѣчаніе о природѣ мелкой собственности. Если нѣсколько формулъ и двѣ или три хартіи упоминаютъ «виноградникъ», «поле», «участокъ земли», или «столько-то югеровъ», то другія формулы и большинство хартій выражаются иначе. Одинъ дарствователь пишетъ: «я дарю такое то число мансовъ съ населяющими ихъ или привязанными къ нимъ людьми, съ постройками, землями, лугами и лѣсомъ» [5]. Одинъ

[3] *Marculf*. II, 36: «Ut nulla functione aut reditus terrae vel pascuario aut agrario, carpera, aut quodcunque dici potest, exinde solvere nec tu nec tua posteritas debeatis».

[4] «Nisi tantum (si ita vult) riga».

[5] *Lindenbrogianae*, 1: «Donamus in perpetuum, in loco nuncupante illo, mansos, tantos cum hominibus ibidem commanentibus

супругъ назначаетъ приданое своей новобрачной женѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я даю тебѣ такое-то число мансовъ съ находящимися на нихъ людьми, имена которыхъ приведены здѣсь, съ полями, лѣсами, лугами, пастбищной землей, съ виноградниками и мельницами» [1]. Два брата дѣлятъ между собой небольшое наслѣдство, и каждый изъ нихъ беретъ на свою часть «одинъ мансъ съ живущимъ въ немъ такимъ то колономъ» [2].

То же самое повторяется и въ хартіяхъ. Вигилій даетъ «семь мансовъ» въ виллѣ Бонортъ «съ ихъ принадлежностями, доходами, землями и рабами» [3]. Алоинъ даетъ три *hobae*, то-есть, три манса, надѣла въ одной виллѣ и четыре—въ другой [4]. Арнульфъ даритъ два манса въ Лидесвиллѣ и три въ Берультивиллѣ съ относящимися къ каждой пахотными землями, лугами и лѣсами [5]. Клирикъ Аудоинъ купилъ въ двухъ разныхъ *villae* у Леодефрида «два небольшихъ манса съ постройками въ каждомъ, полями и рабами» [6].

vel aspicientibus, cum domibus, curtiferis, puteis vel fontibus, terris tam cultis quam incultis, silvis, campis, pratis».—То же самое въ №№ 2, 3, 6.

[1] *Lindenbrogianae*, 7.

[2] *Senonicae*, 29: «Econtra accepit ille mansum illum ubi accola commanet».

[3] *Diplomata*, II, 153: «In villa Bonorto, quam per multam pecuniam dando in proprietate recepi, mansos septem cum adiunctis, appendiciis, beneficiis, vineis, pascuis, silvis, servis et ancillis».

[4] *Ibidem*, № 396, II, 187.

[5] *Ibidem*, № 469, II, 276: «Dono in Liedesvilla mansum indominicatum... mansum alium mansionarium cum terris aratoriis... pratoque. Item in Beruldivilla».

[6] *Ibidem*, № 473, т. II, стр. 279: «Audoinus clericus dicit, quod

Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ, что одинъ аббатъ купилъ въ виллѣ Айзиріакѣ только одинъ мансъ [1]. Амальгарій жалуетъ въ виллѣ Патриніакѣ «мансъ большой цѣнности со всѣми его принадлежностями» [2]. Въ Эльзасѣ два мелкихъ владѣльца производятъ между собою мѣну, и каждый изъ нихъ даетъ другому «два манса въ такой-то виллѣ съ полями, лугами и лѣсами» [3]. Баронъ даетъ «цѣлый мансъ, занимаемый колономъ Бобономъ» [4]. Мы часто видимъ, что въ окрестностяхъ Сенъ-Галленскаго аббатства владѣльцы приносятъ этому аббатству въ даръ *hoba*, «въ которой живетъ такой-то сервъ, по имени такой-то, съ входящими въ составъ этой *hoba* землями» [5]. Всѣ хартуляріи рейнской долины наполнены такого рода мелкими пожалованіями. Точно также обстояло дѣло въ бассейнахъ Шельды и Мааса. Въ Токсандріи Бертиленда даритъ пять надѣловъ съ пятью семьями сидѣвшихъ на нихъ рабовъ [6]. Энгельбертъ даритъ три участка съ тремя семьями, въ другой виллѣ—одинъ, съ однимъ рабомъ и его дѣтьми [7]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто того,

ab Leodefrido mansellos duos in loca nuncupantia Childriciacas et ad Taxmetas... data pecunia per venditionis titulum comparassit».

[1] *Chronicon S. Benigni*, p. 79: «Mansum unum cum omni terra ad eum pertinente, il villa Aziriaco».

[2] *Chronicon Besuense*, ed. Garnier, p. 244.

[3] *Formulae Argentinenses*, 3 (Zeumer, p. 338).

[4] *Diplomata*, № 536.

[5] *Zeumer*, p. 408, Rozière, № 364: «Trado... uvam, hobam, in qua ille servus habitat, cum omnibus appendiciis suis quidquid ad illam hobam excoli debet, aedificiis, mancipiis, pascuis, silvis».

[6] *Diplomata*, № 476. То же самое въ № 483.

[7] *Ibidem*, № 485.

чтобы сказать, что даютъ землю, говорятъ, что даютъ раба или колона, который ее обрабатываетъ. Хороинъ пишетъ, что онъ даетъ Сигмунда съ его *hoba* и съ женой его, Вульхарія съ женой его, дѣтьми, съ его *hoba* и со всѣмъ имуществомъ [1]. Такъ поступали Эрлоинъ, Эброинъ и сотни другихъ [2]. Нѣкто Потто даритъ Сенъ-Галленскому монастырю сервовъ: Гундагарана, Рифреда, Винифреда, Ліудульфа, съ землями, полями, лугами, лѣсами и стадами [3].

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній выясняется нѣсколько выводовъ. Во-первыхъ, существовало извѣстное число очень раздробленныхъ помѣстій. Во-вторыхъ, раздробленіе это не довело до образованія тѣмъ самымъ деревень; эти мелкіе владѣльцы не походили на нынѣшнихъ крестьянъ. Они не были вообще земледѣльцами; поля ихъ, какъ бы малы они ни были, обрабатывались и убирались обыкновенно рабами, или постоянно жившими на нихъ колонами, и владѣлецъ получалъ съ нихъ одни оброки. Наконецъ, для обработки помѣстье или вилла была раздѣлена на мансы съемщиковъ какъ бы навсегда, такъ что въ своихъ актахъ передачи владѣлецъ былъ почти вынужденъ не касаться этого раздѣленія. Трудно было продать поле отдѣльно, но легко было продать всѣ куски земли, занятые рабомъ. Дѣло станетъ яснѣе, когда мы опишемъ положеніе съемщиковъ и внутреннее устройство ихъ надѣловъ.

---

[1] *Codex Wissenburgensis,* № 1.
[2] *Diplomata*, №№ 513, 519.
[3] *Diplomata*, № 549; то же самое въ № 556.

3.

Такъ называемая marca или finis.

Подобно тому, какъ случалось нерѣдко, что помѣстье дѣлилось на нѣсколько частей, или даже дробилось на участки, такъ же происходило и обратное: нѣсколько помѣстій соединялись другъ съ другомъ и образовывали одно владѣніе. Но происходило это единственно оттого, что богатый владѣлецъ крупной виллы покупалъ вокругъ нѣсколько мелкихъ. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ мелкія *villae* не теряли однако своего названія; онѣ сохраняли нѣкоторую индивидуальность. На языкѣ того времени говорили только, что онѣ «зависѣли» отъ большой.

Такъ, около 510 года нѣкій Грегорій пожаловалъ церкви Св. Бенигна Дижонскаго большое помѣстье подъ названіемъ Саціакъ «съ его придатками, каковы были тринадцать *villae*: Корлей, Исіадъ, Румиліакъ, Фраксинъ, Камберія, Линеролъ, Бруціалисъ, Бруціакъ, Цернадъ, *Bona Curtis*, Ювенадъ и *Longus Campus*» [1]. Въ 565 году Элафій пишетъ, что онъ владѣетъ виллой Мигауріей «съ входящими въ ея составъ *villulae*» [2]. Вилла *Longus Vicus* заключаетъ въ своихъ *fines*— «*villae Tedenniacus, Postenniacus*» и четыре другихъ; въ 610 году все это составляетъ собственность одной женщины [3]. Въ 650 году Гримоальду принадлежитъ вилла Герминіака «съ ея придатками», въ числѣ кото-

[1] *Chronicon S. Benigni*, ed. Bougaut, 16.
[2] *Diplomata*, т. II, стр. 423.
[3] *Pérard*, p. 8.—*Chronicon S. Benigni*, стр. 40—41.

рыхъ онъ считаетъ купленную имъ у Геретруды Турунскую землю, заключающую въ себѣ дома, рабовъ, поля, луга и виноградники [1]. Въ 656 году Видерихъ приноситъ въ даръ виллу Гастеріензисъ съ ея придатками, то-есть, другими *villae* [2]. Въ Теруеннской области Адроальдъ владѣетъ большимъ помѣстьемъ Ситіу «и входящими въ его составъ *villae*, каковы: Магнигелека, Вициакъ, Татингивилла, Фабрисиній, Альціакъ, Лаунардіакавилла, Франциліакъ» [3].

Надо обратить вниманіе, что такое подчиненіе однѣхъ земель другимъ происходило единственно оттого, что одинъ и тотъ же человѣкъ оказывался владѣльцемъ тѣхъ и другихъ. Одна его воля рѣшала, которое изъ помѣстій будетъ главнымъ центромъ всего цѣлаго [4]. Предположить, что такой порядокъ являлся неизмѣннымъ состояніемъ этихъ земель, то-есть, что однѣ земли навсегда оказывались подчинены другимъ, было бы большой ошибкой. Ничего подобнаго не замѣтно въ документахъ. Если цѣлое дѣлилось по смерти одного владѣльца на части, то земля переставала быть зависимою, такъ какъ каждый собственникъ былъ собственникомъ по одинаковому и при томъ неограниченному праву. Въ документахъ меровингскаго времени не замѣтно никакого подчиненія владѣльцевъ другъ другу.

[1] *Diplomata*, № 316.

[2] *Ibidem*, № 325.

[3] *Ibidem*, № 312.

[4] Подчиненіе выражалось на языкѣ того времени словомъ *aspicere*.—«Villa Redonatiaco quae ad Bonalfa semper aspexit» (*Diplomata*, I, стр. 209).—«Villam Barisiacum cum universis villulis ad se aspicientibus» (*Diplomata*, № 340).

Для обозначенія крупныхъ помѣстій въ языкѣ VII-го и VIII-го вѣковъ появляется нѣсколько новыхъ словъ.

Прежде всего интересенъ терминъ *potestas*. Слово это обозначало вообще право собственности, такъ что во всякомъ актѣ передачи недвижимости можно было писать: «Передаю эту землю въ вашу собственность, *trado et transfundo in tuam potestatem*». Вошло въ обычай примѣнять это слово и къ самому помѣстью. Въ хартіи 667 года помѣстье Мильи называется *potestas Melliacus* [1]. Составитель сенъ-бенигнской хроники называетъ большое помѣстье Сессэй — *potestas Saciacus* [2]. Въ седьмомъ вѣкѣ выраженіе это стало уже болѣе употребительнымъ.

Въ другихъ случаяхъ видимъ, что большія помѣстья обозначались словомъ *finis* или синонимомъ его — *terminus*. Намъ извѣстно, и мы видѣли уже, что помѣстье въ томъ видѣ, какъ оно образовалось сначала, всегда имѣло свои границы, то-есть, его окружала линія изъ камней, или изъ отмѣченныхъ деревьевъ. Слова *terminus* и *finis* примѣнялись сначала лишь именно къ этой пограничной чертѣ. А въ силу естественнаго и хорошо извѣстнаго филологамъ развитія словоупотребленія, люди привыкли распространять его на всю территорію, заключающуюся въ границахъ, то-есть, обозначать имъ все помѣстье. Начали съ того, что во всѣхъ хартіяхъ писали: «Продаю это помѣстье со всѣмъ, что оно содержитъ въ себѣ, и со всѣми его границами, *cum omni termino suo*, *cum*

[1] *Diplomata*, № 358, т. II, стр. 144.

[2] *Chronicon S. Benigni*, 15—16.

finibus et terminis suis» [1]. Кончили же тѣмъ, что само помѣстье стали называть *finis* или *terminus*.

Такъ Бертрамнъ завѣщаетъ свою маленькую землю Фонтаны, находящуюся въ большомъ помѣстьѣ Алоннъ: *infra terminum Alaunensem*, говоритъ онъ [2]. Ему принадлежатъ также виноградники въ *terminus Calimarcensis* [3]. Другія хартіи упоминаютъ *terminus Valarensis* въ Лимузенѣ [4], *terminus Elariacus*, который былъ не что иное, какъ вилла того же названія [5], *terminus Clariacensis* [6]. Одна хартія показываетъ намъ небольшое помѣстье Кадолайкъ, находящееся въ болѣе крупномъ помѣстьѣ, въ *terminus Vernensis*, или въ виллѣ Вернъ [7].

Въ другихъ провинціяхъ преобладаетъ терминъ *finis*. Такъ Вульфоальдъ владѣлъ землею, называвшеюся Кастеліо и расположенной въ болѣе крупномъ помѣстьѣ подъ названіемъ *finis Vindiniaca* [8]. Роколенъ приноситъ въ даръ свое помѣстье, называвшееся Вилларе, расположенное въ *finis Maliacus* [9]. *Finis*—не что иное, какъ помѣстье, чаще всего, очень крупное помѣстье. Убѣдиться въ этомъ можно, наблюдая, какъ часто одно и то же помѣстье называлось *villa* и *finis*. Напримѣръ, *finis Longoviana* называется въ томъ

[1] *Marculf*. I, 14; II, 4 etc.
[2] *Diplomata*, № 230, т. I, стр. 209.
[3] *Ibidem*, p. 202.
[4] *Ibidem*, т. II, стр. 10.
[5] *Ibidem*, т. II, стр. 132.
[6] *Ibidem*, т. II, стр. 143.
[7] *Tardif*, № 45; *Diplomata*, № 478, т. II, стр. 286.
[8] *Diplomata*, т. II, стр. 281; ср. стр. 165.
[9] *Chronicon S. Benigni*, p. 68; ср. *Pérard*, 9.

же самомъ актѣ вилла Лонговіана [1]. Въ безской хроникѣ *finis Pauliacensis* называется также виллой Павліакъ [2]. *Finis Cossiniacensis* изъ сенъ-бенигнской хроники то же самое, что вилла Коссиніакъ [3]. Въ одномъ и томъ же актѣ одно и то же помѣстье называется *villa Baciacus* и *finis Baciacensis* [4]. Не будемъ думать, чтобы *finis* былъ округомъ или областью; въ нашихъ меровингскихъ хартіяхъ *finis* всегда помѣстье; онъ принадлежитъ владѣльцу и владѣлецъ распоряжается имъ по своему усмотрѣнію.

Даже эльзаскія хартіи довольно часто выражаютъ словомъ *finis* понятіе помѣстья. Напримѣръ, Буксовилларе въ одно и то же время и *finis*, и *villa*, и этотъ *finis* «заключавшій въ себѣ мансы, земли, поля и лѣса», былъ собственностью Амальсинды, а потомъ сына ея, Радольфа [5]. «*Finis*» или «*villa*» Кацфельдъ—собственность Герпоальда, отдающаго часть ея виссенбургскому монастырю [6]. Другой *finis* носитъ многозначащее названіе Мунефридивилла [7] Ерлафридъ приноситъ въ даръ свой *finis* Маллоневилларе, заключающій въ себѣ

[1] *Diplomata*, № 554, т. II, стр. 365.
[2] *Chronicon Besuense*, ed. Garnier, p. 281, 255—258.
[3] *Chronicon S. Benigni*, p. 80, 106.
[4] *Chronicon Besuense*, p. 262.
[5] *Codex Wissenburgensis*, № 37: «Ego Radolfus... in *villa* quae dicitur Buxuvillare quantumcunque in ipsa *fine* genitrix mea Amallind mihi moriens dereliquit, tam terris, mansis, casis, campis pascuis, silvis...».
[6] *Codex Wissenburgensis*, № 3.
[7] *Ibidem*, № 187.

мансы, поля, луга и лѣса [1]. Лоненбахъ была «*finis*» и въ то же время «*villa*» [2].

По всему вѣроятію, слово *marca*—германское, какъ *finis*—латинское. Исторія этого слова заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, и ее слѣдуетъ возстановить по порядку времени. Его произвольно искажали, извращая порядокъ эпохи. Изъ того, что въ двѣнадцатомъ вѣкѣ слово *marca* относилось къ извѣстному разряду общихъ для всей деревни земель, вывели заключеніе, что значеніе «общинныхъ земель» оно имѣло уже и въ шестомъ вѣкѣ, и на ошибкѣ этой построили цѣлую теорію. Это плохая метода. Значеніе, которое имѣло данное слово въ каждую эпоху, должно выводиться изъ употребленія, которое дѣлали изъ этого слова ея памятники, и изъ того понятія, которое соединяли съ нимъ люди [3].

Самый старый текстъ, въ которомъ мы находимъ слово *mark*, это переводъ библіи Ульфилы; онъ передаетъ черезъ это выраженіе греческое τὰ ὅρια, и оно, видимо, значитъ—границы [4]. Съ тѣмъ же значеніемъ границы встрѣтимъ мы его и въ шестомъ вѣкѣ, но въ примѣненіи къ границѣ, раздѣляющей государства двухъ королей [5], то-есть, къ такой границѣ, которая не могла

[1] *Codex Wissenburgensis*, № 266.

[2] *Ibidem*, № 148.

[3] Если кто предпочитаетъ обратиться къ этимологіи, то корень *mark* обозначаетъ то, что отличаетъ, что отдѣляетъ, то-есть, какъ разъ противоположное понятію общины. См. *Schegel*, Codex iuris Islandorum qui nominatur Gragas, т. II, стр. 55: «Mark, nota disiunctiva ad proprietatem discernendam».

[4] *Ulfilas*, Еванг. Матѳея, VIII, 34; Марка, V, 17 и VII, 31.

[5] *Marii Aventici*, Chronicon, ed. Arndt, p. 15: «In marca Childeberti, id est Avenione confugit».

въ данномъ случаѣ состоять изъ неопредѣленно пустующихъ или общинныхъ земель. Дѣйствительно, слово «марка» означало границу въ двоякомъ значеніи, придаваемомъ всегда этому слову,—границу частной собственности и государственной территоріи [1]. Рипуарская Правда употребляетъ его, какъ обозначенье границы или межи частнаго владѣнія [2]. Баварская Правда говоритъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, что германская *marca*—синонимъ латинскаго *terminus* [3]. Она называетъ *commarcani* двухъ сосѣднихъ владѣльцевъ, имѣющихъ общую межу, при чемъ граница состояла изъ отмѣченныхъ деревьевъ, изъ насыпей и рѣкъ; таково же и опредѣленіе марки [4]. Одна грамота 661 года описываетъ границы помѣстья—*per fines et marchias*, употребляя, согласно обычаю, того времени попеременно оба однозначащихъ слова [5]. Въ хартіяхъ центральной Галліи помѣстье продается *cum terminis suis*; въ хартіяхъ

[1] Мы не станемъ останавливаться на второмъ значеніи; см. *Lex Alamannorum*, 47; *Lex Baiuwariorum*, XIII, 9, ed. Pertz, p. 316; *Capitularia*, ed. Boretius, p. 51, 139, 167.

[2] *Lex Ripuaria*, LX, 5: «Si extra marcam in sortem alterius uerit ingressus».—Значеніе слова *sors* мы видѣли выше; *extra marcam* значитъ—внѣ границы и противопоставляется выраженію *infra terminationem* предшествующаго параграфа. *Marca* и *terminatio*—слова однозначащія.

[3] *Lex Baiuwariorum*, XIII, 9: Pertz, III, 316: «Si foras terminum dixerit, hoc est foras marca».

[4] *Lex Baiuwariorum*, XII, 8: «Quoties de commarcanis contentio oritur, ubi evidentia signa non apparent in arboribus aut in montibus nec in fluminibus... qui Deus dederit victoriam, ad eum designata pars pertineat».—Ясно, что статья эта предполагаетъ что межа вообще хорошо обозначалась, хотя она и имѣетъ въ виду тотъ случай, когда «старыя отмѣтки» утратились. См. XII, 4.

[5] *Diplomata*, № 341.

рейнской равнины оно продается *cum terminis vel marchis suis* [1].

Обозначая первоначально границы помѣстья, слово *marca* мало по малу стало обозначать самое помѣстье: здѣсь повторилось совершенно то же, что случилось съ его синонимами, *finis* и *terminus*. Такъ мы читаемъ, что помѣстье Вестгофъ—«вилла или марка» [2]. Говорится вилла или марка Гефенгеймъ [3]. Гаганбахъ въ одной хартіи называется виллой, въ другой—маркой [4]. Нивора одновременно называется въ одной и той же хартіи виллой и маркой [5]. То же можно сказать о помѣстьяхъ Говольтесгеймъ, Бузольтесгофъ, Местаресгеймъ, Алунга, Гатана, Аугія, Буксвилларе, Годомарестеймъ и про множество другихъ [6].

Почитавъ сколько-нибудь достаточно эльзасскія хартіи восьмого и девятаго вѣковъ, нельзя не замѣтить, что слова *villa* и *m rca* совершенно тождественны,

[1] *Codex Laureshamensis*, № 6.—*Urkundenbuch der Abtei S. Gallen*, №№ 185 и 186.—*Neugart*, Codex Diplomaticus Alemaniae, №№ 284, 406, 570. См. *Chronicon Besuense*, p. 251, 1.—Говорятъ: «in marca eius villae» (*Codex Fuldensis*, 223) также, какъ въ другомъ мѣстѣ: «in termino eius villae».—Слово *marca* сохранило значеніе границы. Оно примѣнялось иногда къ довольно обширному пространству, окружавшему помѣстье, или виллу. Такъ въ *Codex Fuldensis*, № 86, мы видимъ, что одна женщина приноситъ въ даръ три участка виноградника *infra marca Moguntiae*, въ округѣ Майнца. Но отмѣтимъ хорошенько, что и эта *marca* не была общинной землей.

[2] *Codex Wissenburgensis*, № 5.

[3] *Codex Laureshamensis*, № 16.

[4] Ср. *Codex Wissenburgensis*, №№ 1 и 192.

[5] *Codex Wissenburgensis*, № 151.

[6] *Ibidem*, №№ 20, 24, 27, 30, 56, 156, 158, 160, 161, 172, 175, 199.

и что они примѣняются къ однимъ и тѣмъ же землямъ; изъ этихъ словъ чаще употреблялось *villa*, иногда оба употреблялись вмѣстѣ [1].

Въ памятникахъ седьмого, восьмого и первой половины девятаго вѣковъ, мы 51 разъ встрѣчаемъ слово *marca*; оно ни разу не относится къ общинной землѣ, и ни разу съ нимъ не связано понятіе объ общинѣ; оно примѣняется, наоборотъ, къ землѣ, которая описывается въ нихъ, какъ частновладѣльческая. Оставимъ въ сторонѣ тѣ примѣры, въ которыхъ слово сохранило свое прежнее значеніе границы, а также тѣ, гдѣ оно примѣняется къ обозначенію пограничныхъ провинцій государства, какъ *marca Hispanica*, *marca Britannica*, *marca Aquitanica*, *marca Foroiuliensis* и позднѣе Австрійская, Бранденбургская марка. Вѣдь и провинціи эти, называвшіяся м а р к а м и, то-есть, пограничными областями, также не были общинными землями.

Марка описана въ нашихъ хартіяхъ совершенно такъ же, какъ вилла; она заключаетъ въ себѣ, «пахотныя земли, виноградники, луга, лѣса, пастбища». Обрабатывается она не общинами свободныхъ крестьянъ, а зависимыми людьми [2]. Это сельское помѣстье,

[1] *Ibidem*, 87: «In villa vel in marca quae dicitur Bruningovilla»;—151: «In villa vel marca quae vocatur Nivora»;—156: «In villa vel marca quae dicitur Liutolteshufa»;—158: «In villa vel marca nuncupante Meistaresheim;—160: «In villa vel marca quae vocatur Alunda».—Въ *Codex Fuldensis*, 14, villa Wacharenheim называется двумя строками ниже marca Wacharenheim.

[2] Слова «cum mancipiis» встрѣчаются вездѣ, гдѣ есть «marca» одно не бываетъ безъ другого. См. напримѣръ *Codex Wissenburgensis*, № 202: «Dructegisomarca cum mancipiis ibidem comma-

подобное всѣмъ описаннымъ помѣстьямъ того времени.

Такъ какъ марка была частною собственностью, то она подчинялась всѣмъ правиламъ права наслѣдованія. Эрменрадъ владѣлъ маркою Мунефридовиллою, по наслѣдству отъ бабки его Гунтруды [1]. Два или нѣсколько владѣльцевъ впослѣдствіи раздѣлили ее между собой, какъ, мы это видѣли, происходило и съ виллою; съ тѣхъ поръ каждому изъ нихъ принадлежала тамъ *portio*, и часть эта заключала въ себѣ пахотныя земли, виноградники, луга, лѣса. Марка передавалась путемъ продажи или пожалованія. Въ 713 году Отмаръ и жена его Имма приносятъ въ даръ все, принадлежавшее имъ въ маркѣ Бетунисѣ въ видѣ «мансовъ, рабовъ, полей, луговъ, лѣсовъ и пастбищъ» [2]. Теодлинда отдаетъ всѣ поля, луга, лѣса и всѣхъ рабовъ, которыми она владѣла въ маркѣ Лоренценгеймъ; собственность эту она сама пріобрѣла «частью путемъ наслѣдства, частью путемъ купли» [3]. Около 680 года часть въ маркѣ Герлеговилль, заключавшая въ себѣ «пахотныя поля, луга и лѣса», принадлежала владѣльцу, отдавшему ее въ приданое женѣ своей, Эффѣ, которая пожаловала ее позднѣе монастырю [4]. Всѣ эти акты продажи, пожалованія и обмѣна совершались безусловно свободно; прежній собственникъ никогда не долженъ

nentibus»;—№ 151: «In marca Nivora... hobae 7 et mancipia 15»;—№ 156: «Dono... in marca Ringinheim mancipia his nominibus»;—№ 172: «In marca Augia, mancipia 44»;—№ 175: «Mancipia 9».

[1] *Codex Wissenburgensis*, № 169.

[2] *Ibidem*, № 202.

[3] *Ibidem*, № 141.

[4] *Codex Wissenburgensis*, № 6.

былъ совѣтоваться съ какой-либо общиной; новый владѣлецъ не долженъ былъ испрашивать себѣ права поселиться.

Мы засвидѣтельствовали выше, что чаще всего вилла носила имя первоначальнаго владѣльца. Ту же особенность можно установить и относительно марки. Отмѣчаемъ названія: Друктегизомарка, марка Мунефридовилла, марка Беттунисъ, марка Герлеговилла, марка Прунингесвилларе, марка Берганесвилларе, марка Бузольтосгуфа, вилла или марка Годомарештейнъ [1]. И надо подчеркнуть, что все это имена старыхъ владѣльцевъ, а не владѣльцевъ восьмого вѣка.

Одна хартія описываетъ намъ внутреннее устройство марки весьма опредѣленными чертами. Мы видимъ въ ней господскую запашку, девять рабскихъ надѣловъ—мансовъ, тридцать девять домовыхъ рабовъ и лѣсъ, при чемъ все принадлежало одному хозяину [2]. Другая марка заключала въ себѣ господскій мансъ, двадцать два рабскихъ манса и лѣсъ [3]. Это внутреннее устройство было совершенно подобно устройству виллы.

Марка является иногда очень крупнымъ помѣстьемъ, къ которому притянуто нѣсколько виллъ. То же замѣчаніе сдѣлали мы выше относительно виллы. Но какъ бы ни была велика марка со всѣми ея придатками, она тѣмъ не менѣе всегда обнаруживается частною собственностью. Въ одной грамотѣ седьмого вѣка, мы видимъ, что король жалуетъ монастырю свою

[1] *Ibidem*, №№ 7, 151, 199, 202 и т. д.

[2] *Codex Laureshamensis*, № 39.

[3] *Ibidem*.

марку Буренсисъ, «заключающую въ себѣ семь виллъ съ воздѣланными и невоздѣланными землями, съ виноградниками, мельницами, лугами, пастбищами, лѣсами, рѣками и озерами» [1].

Останавливаемся на серединѣ девятаго вѣка. Начиная съ этого времени, слово *marca* мѣняетъ свое значеніе. Оно встрѣчается въ примѣненіи къ пограничному между двумя или тремя помѣстьями лѣсу, который могъ быть общею собственностью владѣльцевъ этихъ помѣстій. Къ слову *marca* присоединится еще позже и болѣе прямо признакъ общиннаго имущества. Въ памятникахъ двѣнадцатаго вѣка оно почти всегда примѣняется къ нѣкоторымъ элементамъ стараго помѣстья, пользованіе которыми сдѣлалось общимъ для его съемщиковъ. Объясненія этой перемѣны надо искать въ явленіяхъ социальной исторіи одиннадцатаго вѣка. Ученые, которые перенесли это значеніе марки, какъ общиннаго имущества, на болѣе раннія эпохи, послѣ того, какъ нашли его въ памятникахъ двѣнадцатаго вѣка, впали въ одну изъ самыхъ серьезныхъ ошибокъ, которыя, обыкновенно, вносятся въ исторію предвзятыми, необоснованными теоріями. Что касается насъ, то, благодаря тому, что мы точно изслѣдовали всѣ памятники отъ шестого до девятаго вѣка, въ которыхъ встрѣчается слово *marca*, мы можемъ и должны установить, что съ нимъ ни разу не соединяется тогда понятіе объ общинѣ. *Marca*, какъ и *finis*, была сначала границей, межою помѣстья, а затѣмъ слово это стало обозначать самое помѣстье.

---

[1] *Beyer*, Urkundenbuch fur... mittelrheinischen Territorien, № 7

ГЛАВА IX.

Населеніе помѣстья; рабы.

I.

Источники рабства.

На только-что разсмотрѣнномъ нами частновладѣльческомъ сельскомъ помѣстьѣ обитало цѣлое особое населеніе земледѣльцевъ — не собственниковъ, среди которыхъ мы должны различать нѣсколько классовъ людей. Изслѣдуемъ сначала классъ рабовъ.

Рабство было институтомъ, присущимъ столько же германскому, сколько и римскому общественному строю. Рабы были и въ древней Германіи, и тамъ земля обработывалась при ихъ помощи [1]. Рабство сохранилось и въ меровингское время. Разсмотрите оба ряда законодательствъ, управлявшихъ тогда населеніемъ: съ одной стороны, германскіе своды, Бургундскую Правду, Салическую, Рипуарскую, Вестготскую или Аламанскую; съ другой стороны, примѣнявшіеся въ то же самое время римскіе законы — Кодексъ Θеодосія, *Lex Romana Burgundionum*, *Lex Romana Wisigothorum*; вы вскрываете рабство въ обѣихъ этихъ серіяхъ законоположеній, и въ этихъ различныхъ сводахъ рабство представляетъ одинъ и тотъ же характеръ, регулируется одними и тѣми же правилами.

---

[1] *Tacit*. Germ. 24.

Послѣ варварскихъ нашествій рабы сохранили то же самое названіе, какое они носили и въ римскомъ обществѣ; ихъ называли *servi*, часто *mancipia*, въ женскомъ родѣ *servae*, *ancillae*. Иногда мы встрѣчаемъ германское наименованіе *vassi*, которое не имѣло въ то время иного значенія, кромѣ значенія раба; но примѣнялось оно, повидимому, спеціально къ рабамъ домашнимъ, дворовымъ [1].

Рабы или сервы происходили изъ разныхъ племенъ. Уже во время римской имперіи на-ряду съ «рабами провинціалами» существовали «рабы варвары» [2]. Точно также при Меровингахъ существовали туземные рабы и германскіе. Бургундская Правда говоритъ о рабѣ «варварскаго происхожденія», подъ чѣмъ она подразумѣваетъ раба Германца [3]. Рипуарская Правда говоритъ о рабѣ Рипуарцѣ [4]. Бертрамнъ, написавшій свое завѣщаніе въ 615 году, говоритъ, что у него есть

[1] *Lex Salica*, 35, § 6 (рукоп. 4404): «Si quis vassum ad ministerium aut fabrum aut porcarium occiderit».—То же и въ рукописи 9653 и въ вольфенбюттельской рукописи, Hessels, col. 56 и 58.—Ср. *Lex Alamannorum*, LXXXI, 3 (Pertz, т. III, стр. 73): «Siniscalcus, si servus est et dominus eius duodecim vassos infra domum habet».—*Marculf*. II, 17: «Dispensare ad vassos vestros vel bene meritos vestros».—*Codex Wissenburgensis*, №№ 17; 159: «Vassallos meos et puellas meas do intus sala mea».—*Diplomata*, № 476: «Dono vassalos sex cum tribus puellis».

[2] *Cod. Theod.* III, 4, 1: «Hoc enim non solum in barbaris sed et in provincialibus servis iure praescriptum est».

[3] *Lex Burgundionum*, X: «Si quis servum natione barbarum occiderit».—Въ житіи св. Евстафія говорится о рабахъ «tam romani quam burgundiones» (*Bouquet*, III, 381).

[4] *Lex Ripuaria*, LVIII, 18: «Si ingenua Ripuaria servum Ripuarium secuta fuerit».—*Ibidem*, 10: «Si tabularius ancillam Riduariam acceperit, generatio eius serviat».

рабы, «одни римскаго, другіе варварскаго происхожденія [1]. Подъ одними онъ разумѣетъ рабовъ, рожденныхъ въ Галліи, подъ другими — происходящихъ изъ германской страны. Онъ добавляетъ, что покупалъ «варварскихъ», то-есть, германскихъ рабовъ [2]. Авторы того времени нѣсколько разъ показываютъ намъ рабовъ, дѣйствительно выведенныхъ изъ Германіи. Простому «торговцу» по имени Христодору принадлежало два раба Сакса [3]. Біографъ Элигія называетъ трехъ его рабовъ — Тгилла, который былъ Саксомъ, Титуена—Свева, и Бухина, родившагося по его словамъ въ еще языческой странѣ [4]. Павелъ Діаконъ напоминаетъ, что въ продолженіе всей разсматриваемой эпохи «изъ хорошо населенной Германіи были выведены безчисленныя толпы рабовъ, которые за деньги продавались населенію Галліи и Италіи» [5].

Въ хартіяхъ находимъ много списковъ съ именами рабовъ; мы читаемъ въ нихъ столько же германскихъ, сколько римскихъ именъ. Напримѣръ, святой Ремигій владѣлъ рабами, которые носили германскія имена— Бауделейфъ, Альбовихъ, Аларихъ, Манахарій, Марколейфъ, Леодохарій, Дагалайфъ, Сунновейфъ; но по-

[1] *Testamentum Bertramni* (въ *Diplomata*, № 230, т. I, стр. 212—213): «Famulos meos qui mihi deservire videntur tam de natione romana quam de barbara». Лишнее, конечно, пояснять, что *natio* означаетъ въ этой фразѣ происхожденіе, а не народъ; рабъ никогда не принадлежалъ къ народу.

[2] *Ibidem*, стр. 213: «Quos postea de gente barbara comparavi»

[3] *Greg. Tur.* Hist. VII, 46.

[4] *Vita Eligii*, I, 10.—Ср. *Vita Tillonis*, у Mabillon, II, 994, гдѣ сказано, что Тиллонъ, родившійся въ свободной семьѣ Саксовъ, былъ приведенъ и проданъ въ Галлію.

[5] *Paul. Warnefridi*, Hist. Longobardorum, I, 1.

падались между ними и римскія - Профутуръ, Пруденцій, Провинціалъ, Аманцій, Плацидія, Амвросій, Цезарія. Въ завѣщаніи Аредія, написанномъ въ 573 году, находимъ такія имена, какъ Леомеръ, Гельдемодъ, Франгомеръ, Гаріабаудъ, Леотхаръ, Гундомеръ, Леобальдъ и такія, какъ Касторій, Фаустинъ, Сильвій, Аквилинъ, Артемія, Амазонія. Въ завѣщаніи Бертрамна перечисленныхъ тамъ рабовъ звали—Хинамундъ, Хродоринда, Теодегинда, Аустехарій, Леодегизилъ, Баудазинда, или Эвменъ, Юліанъ, Мауреллъ.

Германское имя не доказывало непремѣнно, что рабъ, который носилъ его, былъ германскаго происхожденія, и римское имя также не доказывало непремѣнно римскаго происхожденія. Но частое повтореніе германскихъ именъ въ рабскомъ классѣ указываетъ, что въ его составѣ было много Германцевъ. Если бы рабство было удѣломъ только одного племени, въ немъ не встрѣчались бы такъ часто имена, принадлежавшія къ обоимъ. Дѣйствительно, рабство было состояніемъ, въ которое попадали и въ которомъ смѣшивались всѣ расы, безъ различія. Тѣ, кто предполагалъ, что сервы средневѣковья были сынами Галлоримлянъ, а господа сынами Германцевъ, впали въ двойную ошибку, исказившую всю нашу исторію.

Владѣлецъ Римлянинъ также могъ имѣть германскихъ рабовъ, равно какъ и владѣлецъ Германецъ могъ имѣть римскихъ. Составители хартій, владѣвшіе рабами изъ обоихъ племенъ одновременно, не дѣлаютъ между ними никакого различія. Мы можемъ даже замѣтить, что римскія и германскія имена не составляютъ въ хартіяхъ двухъ отдѣльныхъ списковъ; тѣ и другія смѣшаны вмѣстѣ въ одномъ и томъ же

спискѣ. Отсюда мы можемъ думать, что и на землѣ фактически они не составляли двухъ особыхъ категорій, а жили всѣ вмѣстѣ. Достаточно, впрочемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотрѣть составъ рабскихъ семействъ: очень часто замѣчается, что мужъ носилъ германское имя, а жена—римское. Такъ въ завѣщаніи святого Ремигія мы находимъ Плацидію, жену Меллариха, и Сапарегизильду—жену Флавіана. Подобные примѣры безчисленны.

Законы также не устанавливаютъ никакого различія между двумя племенами рабовъ. Салическая и Рипуарская Правды опредѣляютъ положеніе раба и наказываютъ его проступки, не обращая вниманія на его происхожденіе. Когда вопросъ шелъ о назначеніи цѣны рабовъ въ случаяхъ убійства, то ихъ различали не по племенамъ, а по роду ихъ труда. Въ Бургундской Правдѣ, напримѣръ, рабъ-земледѣлецъ цѣнился въ 30 *solidi*, рабъ-плотникъ въ 40; рабъ-кузнецъ въ 50, рабъ-золотыхъ дѣлъ мастеръ въ 150. Отсюда видно, что рабъ Римлянинъ, если онъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, въ глазахъ закона могъ стоить столько же, какъ пять рабовъ Германцевъ, которые были земледѣльцами [1].

[1] *Lex Burgundionum* (Pertz, t. III, стр. 538, глав.) X, c. 2--6: «Si alium servum, *romanum* sive *barbarum*, aratorem aut porcarium occiderit, 30 solidos solvat. Qui aurificem occiderit, 150 solidos solvat. Qui fabrum ferrarium occiderit, 50 solidos solvat».— Ср. *Lex romana Burgundionum* (Papianus), II, 6 (Pertz, стр. 597): «Si servus cuiuscumque occisus fuerit, secundum servi qualitatem domino eius pretia cogatur exsolvere; hoc est, pro actore centum solidos (такое же постановленіе въ *Lex Burgundionum*, L, 2), pro ministeriale 60, pro aratore aut porcario 30, pro aurifice electo

Нѣтъ сомнѣнія, что люди, которые были рабами до нашествія Германцевъ, остались въ томъ же положеніи и послѣ нихъ. Мысль объ уничтоженіи рабства не приходила Германцамъ; они не подумали объ освобожденіи рабовъ даже своего племени, перемѣшавшихся съ рабами изъ Римлянъ. Итакъ, мы должны думать, что каждое помѣстье сохранило своихъ рабовъ, порода которыхъ поддерживалась тамъ наслѣдственно.

Но римское общество охотно прибѣгало къ освобожденію рабовъ; то же дѣлало и меровингское общество. Мы видимъ, рабы освобождались главнымъ образомъ по завѣщаніямъ. Число освобожденій было такъ велико, что было бы непонятно, почему классъ

100, pro fabro ferrario 50, pro carpentario 40».—Въ *Lex Burgundionum*, X, 1, правда, замѣчаемъ постановленіе, касающееся спеціально германскаго раба, *servum natione barbarum*; но надо обратить вниманіе, что въ этомъ параграфѣ говорится лишь о *ministerialis*, или объ *expeditionalis*.—Expeditionalis—это рабъ, сопровождающій господина своего на войну; этотъ германскій рабъ не имѣетъ соотвѣтствующаго ему римскаго; что же касается ministerialis, то у него здѣсь вира въ 60 солидовъ; а если вы посмотрите соотвѣтствующую *Lex romana*, Papianus, II, § 6, то вы найдете тамъ министеріала—Римлянина, имѣвшаго такую же виру. Предположить, что германскому рабу вообще отдавали преимущество, было бы ошибочнымъ толкованіемъ словъ Бургундской Правды—«servum natione barbarum»; нѣкоторое преимущество существовало лишь для того варварскаго раба, который сражался рядомъ со своимъ господиномъ; и то онъ поставленъ ниже раба—золотыхъ дѣлъ мастера.—Ср. *Lex Wisigothorum*, VI, 1, 5.—Салическая Правда не дѣлаетъ никакого различія между рабами въ платѣ за убійство; см. XXXV, 6; Рипуарская Правда различаетъ ихъ не по профессіи, а по достоинству господина; а именно: королевскому или церковному рабу присваивалась тройная вира; см. VIII IX и X.

рабовъ скоро не изсякъ, если бы не было извѣстно, что утокъ изъ него черезъ эмансипацію безпрестанно возмѣщался изъ другихъ источниковъ.

Первымъ изъ такихъ источниковъ была война. Извѣстно, что франкскіе короли, почти не переставая, сражались съ Германцами. А государственное право германскихъ племенъ допускало обращеніе побѣжденныхъ въ рабство; потому-то у писателей того времени мы и замѣчаемъ, что по возвращеніи изъ каждаго похода приводили плѣнныхъ, которые и превращались въ рабовъ. Такъ попало въ Галлію много Тюринговъ, Аламанновъ, Саксовъ и Славянъ, которые пополняли рабскую породу [1]. Къ такимъ же результатамъ приводили и внутреннія междоусобія. Франкскіе короли, часто враждовавшіе другъ съ другомъ, захватывали много плѣнниковъ, не дѣлая при этомъ различія между людьми франкскаго или римскаго происхожденія. Тѣ и другіе становились рабами и поступали въ продажу [2]. Случалось также и то, что

[1] См. напримѣръ, Радегунду, дочь короля Турринговъ, которая была приведена въ Галлію вмѣстѣ съ добычей и разыграна по жребію (*Vita Radegundis a Fortunato*, c. 2; *Gregor*. Hist. III, 7).—Святой Ремигій говоритъ въ своемъ завѣщаніи (*Diplomata*, I, 83), что онъ выкупилъ изъ рабства женщину по имени Сунновейфу и сына ея Леубереда, бывшихъ раньше свободными людьми: повидимому, это были военноплѣнные.—*Fredegar*. Chronic. c. 87: «Omnem populum, qui gladium evasit, captivitati deputant».—Смотрите еще въ житіи святого Евдиція (*Bouquet*, III, 429), какое множество рабовъ было приведено изъ Испаніи въ Галлію послѣ похода Хильдеберта противъ Вестготовъ.

[2] *Gregor*. Hist. VII, 31: «Ingressus exercitus Desiderii per Turonicum captivos abduxerunt».—*Ibidem*, VII, 1: «Cum Mummolus multos captivos ab ea urbe duxisset, prosecutus ille (епископъ

заложники, которыхъ выдавали другъ другу короли, и которые принадлежали къ лучшимъ и къ самымъ богатымъ родамъ, при первомъ же разрывѣ обращались въ рабство [1]. Прибавьте сюда частныя насилія. Въ тѣ печальныя времена часто совершался тотъ видъ преступленія, который выражался въ захватѣ свободнаго человѣка и въ продажѣ его въ рабство. Несчастный могъ обращаться къ правосудію; но если его увозили далеко отъ его страны и семьи, то ему было почти невозможно доказать свое свободное происхожденіе.

Вторымъ источникомъ рабства являлась торговля. Существовали купцы, правильно поставлявшіе въ Галлію массы рабовъ изъ Германіи и съ острова Британіи. Фредегарій разсказываетъ о молодой дѣвушкѣ по имени Билихильдѣ, купленной королевой Брунегильдой «у купцовъ». Теодебертъ сдѣлалъ ее потомъ своей женой [2]. Составитель житія святого Гаугериха показываетъ намъ «купца, который велъ на продажу толпу закованныхъ рабовъ» [3]. Одинъ писа-

Сальвій) omnes redemit».—*Ibidem*, VIII, 30: «Animas in captivitatem subdentes».—*Fredegar*. Chronic. c. 20: «Pluritas captivorum ab exercitu Theuderici et Theudoberti exinde ducitur».—*Ibidem*, 37: «Hominum multitudinem in captivitatem duxerunt».—*Vita Fidoli*, c. 4 (Bouquet, III, 407): «Pueros atque adolescentes puellasque exercitus vinctis post terga manibus secum ducens, per diversa loca pretio accepto distrahebat».—*Vita Betharii*, 9, 10 (Bouquet, III, 429—430).—*Vita Salvii*, 6, 10.

[1] *Gregor.* Hist. III, 15.

[2] *Fredegar*, 35: «Bilichildem quam a negotiatoribus mercaverat».—Продавцы рабовъ упоминаются въ формулахъ: *Senonicae*, 9.

[3] *V. S. Gaugerici*, Acta Sanctorum, 11 августа: «Negociator pueros captivos vinculis constrictos venumdandos duxit».

тель шестого вѣка говоритъ намъ о рабахъ—«Испанцахъ, Скотахъ, Бриттахъ, Васкахъ, Саксахъ и Бургундахъ» [1]. Другой говоритъ о людяхъ, проѣзжавшихъ по странѣ съ рабами, которыхъ они везли на продажу; святой Берхарій сразу купилъ у нихъ шестнадцать рабовъ [2]. Элигій ревностно относился къ освобожденію рабовъ, говоритъ его біографъ; онъ отправлялся на берегъ и ожидалъ суда, привозившія этотъ человѣческій товаръ; бывали дни, когда онъ покупалъ ихъ по двадцати, по пятидесяти, даже до ста; и то были люди изъ разныхъ племенъ: среди нихъ были «Римляне, Галлы, Бритты, даже Мавры, но больше всего было Саксовъ», такъ какъ «въ то время, Саксовъ, изгнанныхъ изъ ихъ страны, приводили, какъ стада, и разсѣевали по всѣмъ провинціямъ» [3],—добавляетъ біографъ. Батильда, которая сдѣлалась впослѣдствіи королевой, была привезена въ Галлію, какъ рабыня, и «эта дѣвушка изъ саксонскаго племени оказалась проданною за низкую цѣну» [4].

[1] *Fortunat.* Vita Germani, c. 74: «Hispanus, Scotus, Britto, Vasco, Saxo, Burgundio, cum ad nomen Beati concurrerent undique, liberandi iugo servitii».

[2] *Vita Bercharii* (Bouquet, III, 589—590) c. 14, 17: «Pretio a praetereuntibus suscepit captivas puellas octo... simul cum ipsis suscepit pretio viros octo captivos».

[3] *Vita Eligii*, c. 10: «Ubicumque venumdandum intellexisset mancipium, dato pretio, liberabat... Usque ad viginti et quinquaginta redimebat. Nonnunquam agmen integrum usque ad centum animas, cum navi egrederentur, utriusque sexus, ex diversis gentibus venientes liberabat, Romanorum scilicet, Gallorum atque Britannorum, necnon et Maurorum, sed praecipue ex genere Saxonum, qui abunde eo tempore velut greges a sedibus propriis evulsi in diversa distrahebantur».

[4] *Vita Balthildis*, Acta SS. ord. S. Bened. II, 776: «Balthildis vili pretio venumdata... cum esset ex genere Saxonum».

Третьимъ источникомъ, пополнявшимъ рабство, было уголовное право. Рабство являлось однимъ изъ наказаній, къ которымъ законъ приговаривалъ за извѣстныя преступленія. Этой карѣ подвергались виновные въ поджогѣ, вытравленіи плода, колдовствѣ, отравленіи; такъ же карались наиболѣе тяжкіе виды воровства [1]. Въ случаяхъ похищенія женщины или прелюбодѣянія виновный становился рабомъ оскорбленной имъ семьи, и семья по своему выбору могла предать его смерти или продать его [2].

Какъ извѣстно, многія преступленія выкупались за деньги; это называлось, мы знаемъ, мировою сдѣлкою. Но если мы присмотримся къ суммамъ или тарифамъ, указаннымъ въ Правдахъ, то увидимъ, что онѣ были чрезмѣрно высоки. Напримѣръ, убійство свободнаго человѣка выкупалось за двѣсти золотыхъ, а въ нѣкоторыхъ квалифицированныхъ случаяхъ сумма доходила до шести и даже до восьмисотъ золотыхъ. Итакъ, для заключенія мировой сдѣлки надо было быть очень богатымъ. Что же случалось съ виновнымъ, если онъ былъ бѣденъ? Салическая Правда постановляетъ, что, если онъ не въ состояніи внести виру, и если ни

[1] *Lex Burgundionum*, XLVII.—*Lex Wisigothorum*, II, 1, 7; VII, 6, 2; IX, 2, 8—9; VI, 2, 2.—*Lex Baiuwariorum*, VII, 18; VIII, 4.—*Vita Desiderii Cat.* 5: «Alii ob hoc servituti addicti sunt».

[2] Григорій Турскій передаетъ примѣръ примѣненія этой кары, Hist. VI, 36.—*Lex Burgundionum*, 36: «Adulteram subdi iubemus regiae servituti».—*Lex Wisigothorum*, III, 3, 1; III, 4, 14.—Нарушеніе воскреснаго отдыха каралось у Аламанновъ и у Баваровъ рабствомъ (*Lex Alamann.* XXXVIII, 4; *Lex Baiuwariorum*, VI, 2).

одинъ изъ его родственниковъ не можетъ или не хочетъ заплатить за него, и если онъ не находитъ никого, кто снабдилъ бы его должною суммою, то онъ будетъ преданъ смерти [1]. Другія законодательства постановляютъ, что онъ сдѣлается рабомъ оскорбленной семьи [2]. Бургундская Правда объявляетъ, что въ случаѣ увоза виновный, который не можетъ уплатить за свое преступленіе, будетъ присужденъ родителямъ молодой дѣвушки, и что послѣдніе могутъ съ нимъ дѣлать что захотятъ [3]. Съ перваго взгляда кажется, что франкскіе законы карали преступленія лишь денежными штрафами; но присмотримся хорошенько, и мы замѣтимъ, что для всякаго, кто былъ очень богатъ, настоящимъ наказаніемъ и здѣсь оказывалась или смерть, или рабство [4].

[1] *Lex Salica*, LVIII: «Si quis hominem occiderit, et tota facultate data, non habuerit, unde totam legem impleat... Si eum in compositionem nullus ad fidem tulerit, hoc est ut eum redimat de quod non persolvit, de sua vita componat».

[2] *Lex Wisigothorum*, VI, 4, 2: «Si non habuerit unde componat, ipse sine dubio serviturus tradatur».—*Lex Baiuwariorum*, I, 11: «Si non habet tantam pecuniam, se ipsum et uxorem et filios tradat in servitium». Законъ добавляетъ: «usque dum se redimere possit»; но это была совершенно призрачная оговорка; не въ рабскомъ состояніи можно было пріобрѣсти огромную сумму, о которой говорится въ этой самой статьѣ закона.—Рабство, какъ послѣдствіе судебнаго приговора, указывается еще въ Баварской Правдѣ, XVI, II (т. III, Pertz, стр. 323).

[3] *Lex Burgundionum*, XII, 2: «Sexies puellae pretium raptor exsolvat. Si raptor non habuerit unde solutionem suprascriptam solvere valeat, puellae parentibus ut faciendi de eo quod ipsi maluerint habeant potestatem».

[4] Это опредѣленно сказано въ *additamentum* къ Рипуар-

Законъ опредѣлялъ тарифъ мировыхъ денегъ и за воровство, но и тутъ суммы еще были очень высоки. Воръ, укравшій быка, долженъ былъ уплатить тысячу четыреста динаріевъ серебромъ [1]. Укравшаго въ домѣ два динарія наказывали штрафомъ въ тысячу двѣсти динаріевъ. Рѣдко могло встрѣтиться, чтобы человѣкъ, занимавшійся воровствомъ, обладалъ такими суммами. Тогда онъ становился рабомъ того, кого онъ обокралъ, и его заставляли подписать слѣдующую грамоту: «Такъ какъ я совершилъ кражу въ ущербъ вамъ, и такъ какъ не могу заключить съ вами мировой сдѣлки, то я отказываюсь отъ своего положенія свободнаго человѣка и поступаю къ вамъ въ услуженіе съ тѣмъ, чтобы вы дѣлали со мною все, что дѣлаете съ другими своими рабами» [2]. Мы имѣемъ другую формулу того же акта, гдѣ рѣчь идетъ только о кражѣ зерна или вина: «Я проникъ въ погребъ или въ амбаръ вашъ при помощи

ской Правдѣ, с. 3: «Homo ingenuus, qui multam quamlibet solvere non potuerit et fideiussores non habuerit, liceat ei semet ipsum in wadium ei cui debitor est mittere usque dum multam quam debuit persolvat» (*Boretius*, Capit. p. 177, anno 803).

[1] *Lex Salica*, III, 3: «Si quis bovem... furaverit, MCCCC dinarios, qui faciunt solidos XXXV, culpabilis iudicetur».—*Ibidem*, XI, 3: «Si quis ingenuus casam effregerit et quod valet 2 dinarios furaverit, MCC dinariis, qui faciunt solidos XXX, culpabilis iudicetur».

[2] *Formulae Andegavenses*, 2: «Quod res vestras furavi et aliter transigere non possum, nisi ut integrum statum meum in vestrum debeam implacare servitium, ergo constat me... ut quidquid de me facere volueritis, sicut et de reliqua mancipia vestra, in omnibus habeatis potestatem faciendi quod volueritis».—Актъ этотъ принималъ форму продажи; онъ назывался *venditio*, и казалось, что виновный получалъ ту сумму, къ которой былъ присужденъ

взлома и похитилъ ваше зерно; вы вызвали меня къ графу, и судъ присудилъ, что я долженъ уплатить вамъ такую-то сумму; но такъ какъ я не имѣю ея, то долженъ былъ подставить шею мою подъ вашу руку и предоставить вамъ волосы съ головы моей въ присутствіи свидѣтелей; съ этихъ поръ я буду находиться у васъ въ услуженіи и буду повиноваться всѣмъ вашимъ приказамъ; если же я совершу какой-нибудь проступокъ, то спина моя должна будетъ подвергнуться такимъ же наказаніямъ, какія вы налагаете на другихъ своихъ рабовъ» [1].

Часто повторялся еще другой случай. Виновнаго убійцу задерживали; графъ судилъ его и приговаривалъ къ смерти, такъ какъ смертная казнь была при Меровингахъ въ большомъ ходу [2]. Но законы и обычаи разрѣшали, или чтобы виновный выкупалъ себя самъ, или чтобы его выкупалъ другой человѣкъ, уплативъ опредѣленную сумму королевскому чиновнику. Вырванный такимъ образомъ у смерти, виновный дѣлался рабомъ того, кто его спасъ [3]. Это служило предметомъ писаннаго акта между двумя людьми. Грамота составлялась обыкновенно согласно слѣдующей формулѣ: «По наущенію злого духа и по слабости своей я совершилъ большой грѣхъ, за который рисковалъ жизнью; но въ моментъ, когда я былъ уже предназначенъ къ

[1] Формулы, изд. *Rozière*, 464; *Zeumer*, Bignonianae, 27.

[2] Для подтвержденія этого см. III томъ нашего сочиненія, посвященный исторіи Франкской монархіи, въ соотвѣтствующей главѣ.

[3] Примѣры этого находятся уже въ завѣщаніи святого Ремигія (*Diplomata*, т. I, стр. 83): «Friardus quem, ne occideretur, quatuordecim solidos comparavi».

казни, доброта ваша выкупила меня цѣною денегъ; за преступленіе мое вы дали свое имущество. И я, не имѣющій иного способа отблагодарить ваше благодѣяніе, вручаю вамъ свое положеніе свободнаго человѣка, такъ что съ этого дня я никогда не уйду со службы вашей и буду дѣлать все, что дѣлаютъ другіе ваши рабы; я буду повиноваться всѣмъ вашимъ приказчикамъ. Если я попытаюсь когда-нибудь освободиться отъ вашей службы, вы будете имѣть полное право наказать или продать меня»[1]. Подобныя формулы, дошедшія до насъ, довольно многочисленны; изъ этого мы могли бы судить, насколько былъ въ ходу этотъ родъ кабальнаго договора[2]. Иногда рабомъ избавившаго его дѣлался арестантъ, выкупленный изъ тюрьмы. Иногда при этомъ ставилось условіе, что онъ будетъ рабомъ лишь до тѣхъ поръ, пока не заработаетъ своимъ трудомъ и не уплатитъ своему господину потраченную на него сумму[3]. Итакъ, прямымъ или косвеннымъ образомъ, уголовное право того времени затягивало въ рабство очень много людей, и по дѣйствію закона, и обычною практикою выкупа.

Къ числу источниковъ, поддерживавшихъ рабство, надо еще присчитать добровольное рабство, или рабство по соглашенію. Могло произойти, что свободный

[1] *Marculf*. II, 28.

[2] *Formulae Andegavenses*, 3.—*Senonicae*, app. 6.—*Arvernenses*, 5.

[3] *Formulae Bignonianae*, 27: «In ea ratione ut interim quod ipsos solidos vestros reddere potuero...». Такимъ то образомъ святой Ремигій, купившій Фріарда за 14 солидовъ, прощаетъ ему 2 солида, и опредѣляетъ, что остальные 12 онъ уплатитъ церкви (*Testam. Remigii*, p. 83).

человѣкъ отказывался отъ своей свободы. Онъ могъ продать ее, какъ продаютъ предметъ собственности. Старые германскіе законы разрѣшали такую сдѣлку[1]. Римскіе законы воспрещали ее, но и изъ нихъ замѣтно, что, несмотря на это, она практиковалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ меровингское время она совершалась публично, и объ этомъ составлялся писанный актъ[2].

Иногда человѣкъ продавалъ себя, чтобы достать денегъ. Тогда онъ писалъ слѣдующую грамоту: «Прекрасному господину такому-то, я такой-то, и жена моя. Какъ условлено, мы продали и продаемъ вамъ наше состояніе свободныхъ людей со всѣмъ нашимъ имуществомъ, то-есть, съ такимъ-то мансомъ (дворомъ), съ такой-то землей, виноградникомъ и со всѣмъ, что у насъ есть въ такой-то виллѣ; мы получили отъ васъ за это установленную плату, состоящую изъ такого то числа солидовъ золотомъ; съ этихъ поръ, вы, покупщикъ нашъ, будете имѣть право дѣлать съ нами все что захотите, и этотъ актъ продажи будетъ заключенъ навсегда»[3].

Случалось иногда и такъ: законъ не высказы-

[1] *Tacit*. Germ. 24: «Victus (человѣкъ, который проигрался) voluntariam servitutem adit; venire se et alligari patitur».—Тацитъ отмѣчаетъ этотъ случай добровольнаго рабства; онъ не говоритъ, что подобный поводъ былъ единственный.

[2] *Andegavenses*, 17: «Dum cognitum est quod homo, nomen ille, venditione de integro statu suo ad hominem, nomen illum, et coniuge sua illa...».—Впрочемъ, формула эта касается того случая, когда человѣкъ, продавшій себя, снова дѣлается свободнымъ, и когда купившій его долженъ ему вернуть его актъ продажи. - *Formulae Wisigothicae*, 32.

[3] *Formulae Andegavenses*, 25.

валъ опредѣленно, что неоплатный должникъ дѣлался рабомъ кредитора [1]. Но могло произойти, что заемщикъ находилъ деньги лишь подъ условіемъ залога своей свободы. Тогда онъ писалъ актъ подъ названіемъ *obnoxatio*: «По просьбѣ моей и въ крайней моей нуждѣ ты далъ мнѣ въ руки столько-то солидовъ золотомъ, и такъ какъ я не въ состояніи отдать ихъ тебѣ, то я принимаю передъ тобой это обязательство, чтобы ты дѣлалъ со мною все, что дѣлаешь со своими рабами, чтобы ты имѣлъ право продать меня, обмѣнять, или наказать» [2]. Такой родъ продажи могъ быть и временнымъ; если сумма была не слишкомъ велика, то заемщикъ могъ оговорить въ актѣ, что онъ вернетъ ее во столько-то лѣтъ, и онъ оставался рабомъ лишь до условленнаго срока [3]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ могъ даже закладывать и предоставлять въ распоряженіе заимодавца только часть своей личности, *status sui medietatem*; это означало, что онъ долженъ былъ отдавать господину лишь извѣстное число дней въ недѣлю для работы въ его пользу, пока не погашалъ своего долга [4]. Можно думать, что не всѣмъ этимъ

[1] За долги практиковалось, повидимому, заключеніе, и именно заключеніе въ домъ кредитора; это обнаруживается изъ разсказа Григорія Турскаго, въ *Miracula Martini*, III, 47, стр. 252; см. также, что онъ разсказываетъ о святомъ Енохѣ, умершемъ въ 576 году, много дававшемъ бѣднымъ и выкупившемъ 200 изъ нихъ «a nexu servitutis debitique onere» (*Vita Patrum*, XV, 1).

[2] *Formulae Senonicae*, 4.—Ср. *Lex Salica*, addit. ed. Merkel, p. 48.—См. также капитуляріи 803 года, Boretius, стр. 114, с. 8.

[3] *Formulae Andegavenses*, 18; *Senonicae*, 24.

[4] *Formulae Andegavenses*, 38; *Marculf*. II, 27.

заемщикамъ удавалось расплатиться, и многіе изъ нихъ, а за ними и ихъ семьи, дѣйствительно впадали въ полное рабство или въ полу-рабство.

Нѣкоторые продавали свою свободу съ той единственно цѣлью, чтобы быть сытыми и одѣтыми въ продолженіе всей своей жизни; они писали такъ: «Безъ принужденія какого-либо насилія, по доброй волѣ своей, я отказываюсь отъ своего положенія свободнаго человѣка» [1]. Сводъ Фризовъ отмѣчаетъ, что были люди, «уступавшіе свою свободу или добровольно, или по необходимости» [2]. Баварская Правда объявляетъ, что ни одинъ свободный человѣкъ не долженъ лишаться своей свободы, «если онъ не отдастъ ея самъ и по доброй своей волѣ» [3]. Григорій Турскій говоритъ о бѣдныхъ людяхъ, которые дѣлались рабами для того, чтобы быть сытыми [4], и одинъ соборъ начала седьмого вѣка обращаетъ вниманіе на свободныхъ людей, продавшихъ себя за деньги [5]. Въ нихъ говорится, что

[1] *Formulae Andegavenses*, 19.

[2] *Lex Frisionum*, XI, 1: «Si liber homo spontanea voluntate vel forte necessitate coactus, nobili seu libero seu etiam lido in personam et servitium lidi se subdiderit».

[3] *Lex Baiuwariorum*, VI, 3: «Quamvis pauper sit, libertatem suam non perdat, nisi ex spontanea voluntate alicui tradere voluerit, hoc potestatem habeat faciendi».

[4] *Gregor*. Hist. VII, 45: «Subdebant se pauperes servitio, ut aliquantulum de alimento porrigerent».—Ср. капитуляріи Пиппина у Boretius, стр. 40, ст. 6: «Si quis... pro inopia fame cogente se vendiderit».

[5] *Sirmond*, Concilia Galliae, I, стр. 619, ст. 14: «De ingenuis qui se pro pecunia aut alia re vendiderunt».—Соборъ хочетъ заставить господъ возвращать этимъ людямъ свободу тотчасъ по возвратѣ ими полученной суммы.

«они продавали себя за деньги или за какое-нибудь другое имущество» [1]. Мы можемъ предположить, что многіе дѣлались рабами помѣщика для того, чтобы поселиться на его помѣстья и получить для обработки какія-нибудь поля или виноградники.

Источникомъ рабства могло являться иногда и благочестіе. Больной просилъ своего исцѣленія, обращаясь съ молитвою къ такому то святому; получивъ просимое, онъ нерѣдко отдавалъ себя въ рабство этому святому, то-есть, той церкви, или того монастыря, въ которыхъ святой этотъ былъ особенно чтимъ [2]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣка заставлялъ отдавать себя церкви личный расчетъ, принимавшій форму благочестія: такимъ путемъ получалось обезпеченное существованіе, вѣрная защита и покровительство [3]. Зависимость отъ аббата не сопряжена была обыкновенно съ большимъ трудомъ, и на монастырской землѣ

[1] *Ibidem*: «Pro pecunia aut aliare». Слово *res* говорится на меровингскомъ языкѣ чаще всего о земельномъ имуществѣ.

[2] См. напримѣръ, *Vita Melanii*, Болландисты, янв., I, 330: «Qui sanitate recepta cum omnibus suis S. Melanii se tradidit obsequiis atque eius servitio adhaesit... Qui cum per merita sancti se intellexisset sanatum, se Pontificis tradidit obsequiis, cuius etiam progenies usque in hodiernum diem eius ecclesiae excubiis iugiter inservit».—*Greg. Tur.* Gloria conf. 101 (103): «Qui cum sanitatem recipiunt, statim se tributarios loco illi faciunt, ac recurrente circulo anni pro redditae sanitatis gratia tributa solvunt».

[3] См. примѣры въ Полиптихѣ Св. Мавра, напечатанномъ въ видѣ приложенія къ Полиптиху *Saint-Germain des Prés* изд. *Guérard*, стр. 287 и 288, №№ 20 и 22: «Ingelburgis B. Petro se tradidit... Hisenburgis gratanter se condonavit S. Petro, ut in posterum cum filiis suis sub servitutis iugo teneatur».—Ср. *Polyptyque de Saint-Germain*, IV, 34; XX, 47 и т. д.

жилось спокойно. Добровольные рабы эти не подвергались полному произволу; актъ, по которому человѣкъ отдавалъ себя въ кабалу, обычно опредѣлялъ предѣлы повинностей, которыя можно было требовать отъ него. Нѣкоторые примѣры показываютъ, что обязательства ограничивались уплатой ежегоднаго оброка въ нѣсколько динаріевъ [1]. Такое закабаленье было, однако, наслѣдственнымъ [2].

Въ числѣ различныхъ видовъ добровольнаго рабскаго состоянія или кабалы по соглашенію, не слѣдуетъ упускать того, который вытекалъ, какъ слѣдствіе, изъ брака свободнаго лица съ несвободнымъ. Салическая и Рипуарская Правды постановляютъ, что свободный человѣкъ, который женится на рабынѣ самъ становится рабомъ [3]. Обѣ провозглашаютъ также, что свободная женщина, которая соединяется съ рабомъ, теряетъ «свою свободу (*ingenuitas*)» [4]. Правда Рипуарская

[1] «Coloni, qui se addonaverunt, debet unusquique denarios 4, et feminae denarios 2».—Полиптихъ Св. Ремигія, напечатанный за полиптихомъ Ирминона, стр. 290, № 9.

[2] *Beaumanoir*, гл. XLV, § 19: «Servitutes de cors si sont venues en mout manières... La seconde ci est parce que et tans cha en arrière, par grant devotion, moult se donnaient, eux et leurs oirs et leurs cozes, as sains et as saintes, et paiaient ce qu'il avaient proposé en lor cuers...».

[3] *Lex Ripuaria*, LVIII, 15: «Si Ripuarius ancillam Ripuarii in matrimonium acceperit, ipse cum ea in servitio perseveret».—*Lex Salica*, XIII, 9 (1-й текстъ, Pardessus, стр. 9): «Ingenuus si ancillam alienam priserit, similiter patiatur (id est, ingenuitatem suam perdat)».

[4] *Lex Salica*, XIII, 8, 1-й текстъ: «Si ingenua puella sua voluntate servum secuta fuerit, ingenuitatem suam perdat».—*Lex Ripuaria*, LVIII, 16: «Si Ripuaria hoc fecerit, ipsa et generatio,

предупреждаетъ женщину о томъ же; она требуетъ, чтобы въ случаѣ если она вступитъ въ связь съ рабомъ, король или графъ предлагали ей мечъ или прялку; если она возьметъ мечъ, то рабъ умерщвляется, а она остается свободной; если она выбираетъ прялку, то выходитъ замужъ за раба и раздѣляетъ его рабство [1].

Всѣ эти правила были согласны со старыми обычаями Германіи [2]. Они были также согласны со старыми римскими законами [3]. Мы должны понять, что сложившееся представленіе о власти господина надъ рабомъ естественнымъ образомъ приводило къ требованію, чтобы женщина, вступившая въ бракъ съ рабомъ, дѣлалась рабыней того же господина. Только господинъ могъ смягчить строгость такого правила, отказавшись отъ естественнаго своего права надъ личностью, вступившею въ бракъ съ рабомъ. Это иногда и случалось. Господинъ писалъ тогда слѣдующую грамоту: «Такъ какъ ты послѣдовала за моимъ рабомъ добровольно и взяла его въ мужья, то я могъ

eius in servitio perseverent».—Ср. *Lex Burgundionum*, XXXV; *Lex Wisigothorum*, III, 2, 2; *Lex Alamannorum*, 18, 3.

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 18.—Впрочемъ, это происходитъ только въ томъ случаѣ, когда родители женщины противятся браку.

[2] Это видно изъ того, что намъ разсказываютъ хроникеры о старыхъ саксонскихъ правдахъ, запрещавшихъ бракъ между свободными людьми и рабами. См. *Translatio Alexandri*, § 1, въ «Monum. Germaniae», Script. t. II, p. 675, и у Адама Бременскаго, *ibidem*, t. VII.

[3] *Paul.* Sententiae, II, 21: «Si mulier ingenua alieno se servo coniunxerit, si quidem invito et denuntiante domino in eodem contubernio perseveraverit, efficitur ancilla».

бы обратить въ рабское состояніе и тебя, и дѣтей, которые родятся отъ тебя; но мнѣ угодно было написать настоящую грамоту, въ которой я объявляю, что дочери и сыновья, которые родятся у васъ, останутся свободными людьми и будутъ жить въ свободномъ состояніи, какъ бы рожденные отъ свободныхъ родителей» [1]. Это было добровольной уступкой со стороны господина, и онъ могъ заставить заплатить себѣ за нее. Всякій бракъ съ рабомъ обращалъ изъ свободнаго состоянія въ рабское и давалъ начало новой рабской семьѣ.

Таковы были весьма разнообразные источники, постоянно питавшіе рабство. Итакъ если мы видимъ многочисленный классъ рабовъ, который въ продолженіе долгихъ вѣковъ печально покрываетъ всю территорію Франціи, то должны представлять себѣ дѣло такъ: среди этихъ рабовъ—одни были рабами по рожденію; это—потомки прежнихъ рабовъ, обитавшихъ въ римской Галліи или пришедшихъ изъ Германіи; другіе обращены въ рабство силою, будучи захвачены въ плѣнъ при какой-нибудь войнѣ или въ какомъ-нибудь набѣгѣ и приведены въ Галлію; третьи—рабы въ силу преступленія, которое было ими совершено, и началомъ ихъ рабскаго состоянія была уголовная кара; много было, наконецъ, такихъ рабовъ, которые произошли отъ прежде свободныхъ людей, согласившихся вступить въ рабское состояніе по разнымъ причинамъ, и впослѣдствіи вступившихъ въ кабалу, большей частью, въ силу собственноручно данной грамоты, свидѣтельствовавшей о полномъ ихъ согласіи на потерю свободы.

---

[1] *Marculf.* II, 29.—*Senonicae*, 6.

2.

Положеніе рабовъ по закону и въ дѣйствительности.

Со временъ Римской имперіи до образованія Франкскаго государства, законное положеніе рабовъ замѣтнымъ образомъ не измѣнилось. Рабъ все такъ же былъ предметомъ собственности, по крайней мѣрѣ по закону, подобнымъ всякому другому предмету, которымъ можно было владѣть. Варварскіе своды согласны въ этомъ отношеніи съ римскими законами. «Если кто-нибудь укралъ раба или лошадь, говоритъ Салическая Правда, то онъ повиненъ уплатить господину 1200 динаріевъ» [1].

Раба можно было продавать. Мы имѣемъ нѣсколько формулъ, регулирующихъ такую продажу: «Я заявляю, что продалъ тебѣ принадлежавшаго мнѣ раба, по имени такого-то, и я ручаюсь, что онъ не воръ, не бѣглецъ и не немощный, а человѣкъ здоровый тѣломъ и умомъ; я получилъ отъ тебя такую-то установленную плату, и съ этихъ поръ ты можешь дѣлать съ нимъ все, что захочешь» [2]. Обыкновенно продажа происходила на рынкѣ, публично, передъ свидѣтелями, и ее легализировали грамотою: «Симъ объявляется, что на такомъ

[1] *Lex Salica*, X, 1: «Si quis servum aut caballum furaverit, solidos 30 culpabilis iudicetur».

[2] *Formulae Turonenses*, 9: «Constat me tibi vendidisse servum iuris mei, nomine illo, non furem, non fugitivum, sed sano corpore moribusque bonis instructum, unde accepi a te pretium solidos tantos».—То же самое *Marculf*. II, 22; *Lindenbrogianae*, 15 и т. д.—О поводахъ, дававшихъ право уничтожить сдѣлку и вернуть проданнаго раба, см. *Lex Baiuwariorum*, XV, 9.

то рынкѣ, такой то человѣкъ купилъ раба, за столько то солидовъ золотомъ» [1]. Послѣднее не было, впрочемъ, непремѣннымъ правиломъ; продажа раба могла происходить въ частномъ домѣ и безъ всякой публичности [2].

Раба можно было дарить или завѣшать, какъ всякіе другіе предметы собственности. Одинъ священникъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи отъ 573 года: «Я жалую такому-то монастырю вышепоименованныхъ рабовъ для того, чтобы пожалованіе мое искупило мои грѣхи» [3]. Одинъ міряninъ пишетъ: «Ради спасенія души моей, я жалую святому Викентію и святому Герману рабыню по имени Адуиду» [4]. Мы видимъ много разъ, что завѣщатель дѣлитъ своихъ рабовъ, однихъ освобождаетъ, другихъ раздаетъ своимъ наслѣдникамъ или завѣщаетъ церкви.

Будучи предметомъ собственности, рабъ не могъ являться собственникомъ. Нигдѣ не видно, чтобы онъ владѣлъ собственною землею [5]. Право наслѣдованія для

[1] *Formulae Senonicae*, 9.

[2] Это показываютъ слова «vel in quocunque loco» въ только что приведенной нами формулѣ.

[3] *Testamentum Aredii*, Diplomata, I, 139.

[4] *Polyptyque de Saint-Germain*, XIX, I bis.

[5] Не могу согласиться съ мнѣніемъ Герара (*B. Guérard*, Polyptyque d'Irminon, Prolégom. p. 305), который думаетъ, основываясь на указѣ Хлотара (II, ст. 9), что существовали сервы, имѣвшіе недвижимую собственность. Гераръ полагается на чтеніе въ изд. Балюза, который читается: «Si quis de potentioribus servis qui per diversa possident». Въ рукописяхъ же стоитъ *servus*, а не *servis* (Boretius p. 6, c. 12), и тогда конструкція фразы получится такая: «Si quis servus cuiuslibet de potentioribus qui per diversa possident».

него не существовало. Онъ не наслѣдовалъ отъ своихъ родителей. Вопросъ этотъ непремѣнно долженъ былъ поставиться. Вслѣдствіе брака своего съ рабыней свободный человѣкъ становился рабомъ; могъ ли онъ наслѣдовать послѣ своихъ родителей, которые остались свободными людьми? Это показалось невозможнымъ правосознанію эпохи. Знатоки права отвѣтили, что, еслибы наслѣдство родителей открылось до того времени, какъ человѣкъ этотъ попалъ въ рабское состояніе, то его часть наслѣдства такъ же, какъ и личность его, принадлежала бы господину; если же наслѣдство открывалось послѣ того дня, какъ онъ сталъ рабомъ, то онъ не считался наслѣдникомъ, и доля его шла на прибавку другимъ наслѣдникамъ [1].

Правда, рабъ могъ имѣть благопріобрѣтенное имущество, *peculium* [2]; слово это—то же самое, какъ и то, которое употреблялось во времена Римлянъ, и правила, управлявшія этимъ имуществомъ, оставались тѣ же самыя. Оно могло заключать въ себѣ всякаго рода предметы: стада, движимое имущество, деньги, домъ, поле и даже другихъ рабовъ [3]. Но обладаніе этимъ имуществомъ не было обозначено для раба никакимъ закономъ. Пріобрѣтенное рабомъ имущество (пекулій) принадлежало его господину, и мы видимъ

[1] *Capitula legi Salicae addita*, Behrend, p. 114, Boretius, p. 292.

[2] Въ хартіяхъ *peculium* часто пишется вмѣсто *pecus* или *pecora*; для обозначенія пріобрѣтеннаго рабомъ имущества чаще всего употреблялось слово *peculiare*.

[3] Это видно по одной изъ формулъ *Lindenbrogianae*, 9, въ которой рабъ отпускаетъ на свободу другого раба; впрочемъ, онъ это дѣлаетъ только «cum permissione domini sui».

въ хартіяхъ и въ формулахъ, что господинъ распоряжается имъ [1]. Если онъ освобождаетъ раба, то по своему выбору можетъ или предоставить ему его пекулій, или взять его себѣ [2]. Если онъ продаетъ или завѣщаетъ раба, то также опредѣляетъ самъ, что будетъ съ пекуліемъ. Впрочемъ, мы должны замѣтить, что въ нашихъ памятникахъ господинъ почти безъ исключенія пользуется своимъ правомъ только для того, чтобы сохранять за рабами ихъ пекулій. Ни одинъ законъ не постановляетъ также, что пекулій будетъ переходить къ дѣтямъ раба; судя же по впечатлѣнію, получаемому изъ хартій, пекулій, по крайней мѣрѣ въ большей его части, оставлялся обыкновенно дѣтямъ пріобрѣтшаго его раба.

Лицо рабскаго состоянія не могло вступить въ бракъ со свободнымъ лицомъ [3]. Правило это, существовавшее въ римскомъ правѣ, повторяется во всѣхъ варварскихъ сводахъ [4]. Свободная женщина, вступившая въ бракъ со своимъ рабомъ, наказывалась смертью, или, по меньшей мѣрѣ, ее объявляли внѣ покровительства законовъ и никто не могъ, ни принимать ее,

[1] *Formulae Andegavense*, 45: поженивъ двухъ своихъ рабовъ, два господина заранѣе дѣлятъ между собою право на имущество (peculium), которое они могутъ пріобрѣсти. См *Lex romana Burgundionum*, VI, 4, и *Lex Wisigothorum*, IX, 1, 16; X, 1, 17.

[2] Онъ могъ также оставить ему пекулій подъ условіемъ неотчуждаемости его, какъ видно изъ Вестгогской Правды, V, 7, 14; а это было равносильно сохраненію за собой права на наслѣдованіе пекулія.

[3] Правило это напоминается въ *Lex Romana Burgundionum*, XXXVII, 7, и въ *Lex Romana Wisigothorum*, IV, 8, interpretatio.

[4] *Lex Salica*, XIII, 8; *Lex Ripuaria*, LVIII, 16.

ни давать ей хлѣба [1]. Если свободный человѣкъ соединялся съ собственной рабыней, то по закону дѣти его не были его дѣтьми: они были его рабами и, если онъ хотѣлъ, чтобы они были свободными, онъ долженъ былъ публично отпустить ихъ на волю, и все таки даже тогда они не являлись его законными наслѣдниками: онъ долженъ былъ составлять въ ихъ пользу специальное завѣщаніе [2]. Если случалось, что свободный человѣкъ женился на рабынѣ, не зная того, что она раба, то онъ могъ расторгнуть бракъ и отослать жену тотчасъ послѣ того, какъ ошибка была доказана, если онъ не предпочиталъ выкупить ее у ея господина [3].

[1] *Lex Salica*, LXIX: «Si quis mulier cum servo suo in coniugio copulaverit, omnes res suas fiscus adquirat et illa aspellis fiat; si quis eam occiderit, nullus mortem illius requirat... si quis de parentibus panem aut hospitalem dederit, solidos 15 culpabilis iudicetur».—*Lex Burgundionum*, XXXV: «Si ingenua puella servo se coniunxerit, utrumque iubemus occidi».—Ср. *Lex Wisigothorum*, III, 2, 2; *Lex Longobardorum*, Rotharis, 193 и 222. Строгость такого закона сначала удивляетъ; но она объяснима, если подумать обо всѣхъ понятіяхъ, господствовавшихъ тогда надъ умами; женщина эта должна была, съ одной стороны, находиться «in potestate mariti»; съ другой стороны, рабъ былъ «in potestate dominae»; тутъ происходило противорѣчіе, несовмѣстимость, оскорблявшія обычаи и нравы.

[2] Это ясно обнаруживается изъ *Senonica*, 42: «Dulcissima filia mea, dum... ego te in ancilla mea generavi, et postea ante regem iactante denario te ingenuam dimisi, et tu minime in hereditate mea sociare poteras, ego hanc cartulam hereditoriam in te fieri rogavi, ut de rebus meis in hereditate succedas».—*Lex Baiuwariorum*, XV, 9 (alias, XIV, 8): «Si de ancilla habuerit filios, non suscipiant portionem inter fratres».—Господинъ имѣлъ еще возможность освободить свою рабыню до брака, какъ объясняетъ Лонгобардская Правда (*Rotharis*, 222).

[3] См. Верберійскій капитулярій, ст. 6, Boretius, стр. 40.

Итакъ, за рѣдкими исключеніями, рабъ и рабыня могли вступать въ браки въ рамкахъ лишь своего класса. При этомъ, для вступленія въ бракъ они должны были получать разрѣшеніе отъ господина. Это было старое правило, и оно удержалось безъ протеста, какъ вещь, совершенно естественная. Законамъ не было надобности упоминать о немъ; но мы находимъ его въ соборныхъ постановленіяхъ. Епископы, собравшіеся въ Орлеанѣ въ 541 году, признали, что церковь не имѣла права вѣнчать двухъ рабовъ безъ согласія ихъ господъ [1]. Григорій Турскій разсказываетъ объ одномъ господинѣ, жестоко наказавшемъ двухъ своихъ рабовъ за то, что они поженились безъ его согласія [2]; и позднѣе, мы видимъ, Эйнгардъ пишетъ одному другу, чтобы испросить его помилованія двоимъ изъ его рабовъ, которые совершили «преступленіе», вступивъ въ бракъ безъ его разрѣшенія [3].

Рабъ или рабыня могли вступать въ бракъ съ рабынею или рабомъ лишь одного и того же господина. Это правило также было общеизвѣстно, и не было надобности включать его въ законы [4]. Предположите

[1] 4-й Орлеанскій соборъ, 541 года, с. 24, *Sirmond*, I, 265: «Quaecunque mancipia sub specie coniugii ad ecclesiae septa confugerint, ut per hoc credant fieri posse coniugium, minime eis licentia tribuatur... Propriis dominis reddantur... dominis libertate concessa si eos voluerint propria voluntate coniungere».

[2] *Gregor.* Hist. V, 3.

[3] *Einhardi*, Epistolae, 16, изд. Teulet, т. II, стр. 26: «Quidam homo vester venit... veniam postulans pro eo quod conservam suam, ancillam vestram, sibi in coniugium sociasset sine vestra iussione. Precamur benignitatem vestram... Si delictum eius venia dignum fuerit inventum».

[4] Посланія Григорія Великаго, XII, 25: «Nec filios

*

союзъ двухъ рабовъ, принадлежавшихъ разнымъ господамъ: такое сожительство оказалось бы невозможнымъ, такъ какъ женщина, имѣвшая господина, не могла повиноваться мужу. Поэтому, въ принципѣ такой союзъ былъ воспрещенъ. На практикѣ же онъ допускался, если оба господина соглашались его разрѣшить. Но тогда представлялось довольно большое затрудненіе: дѣло было не въ томъ, какъ наладить дѣло такимъ образомъ, чтобы каждый изъ двухъ рабовъ служилъ своему господину: это было не трудно; но надо было опредѣлить, каковы будутъ права каждаго господина на общій пекулій обоихъ рабовъ, и особенно, которому изъ двухъ господъ будутъ принадлежать ихъ дѣти. Законы не касались и не должны были касаться этого вопроса. Обоимъ господамъ слѣдовало, значитъ, заключить между собой особое соглашеніе. Мы находимъ въ формулахъ образецъ практиковавшихся въ подобныхъ случаяхъ условій: «Изъ любви къ миру, говорятъ оба господина, мы условились, что двѣ трети дѣтей, которыя родятся, будутъ принадлежать господину рабыни, а одна треть господину раба; изъ пекулія же, который будетъ пріобрѣтенъ ими въ продолженіе брачной жизни, господинъ раба получитъ двѣ трети, а господинъ рабыни одну треть [1].

Въ принципѣ рабъ составлялъ часть дома, а не государства. Онъ не имѣлъ поэтому ни политическихъ, ни гражданскихъ правъ. Для него не существовало ни закона, ни общественнаго правосудія. Когда же положеніемъ раба занималось гражданское право, оно всегда касалось его съ точки зрѣнія интересовъ господина и для обезпеченія за послѣднимъ права собственности надъ нимъ. Законъ запрещалъ похищеніе раба другимъ, также какъ запрещалъ ему самому бѣгство. Когда вы видите, что варварскія правды наказываютъ за убійство раба денежнымъ штрафомъ, надо помнить, что сумма уплачивалась не дѣтямъ его, а его господину [1]. Потому-то цѣна раба и видоизмѣнялась согласно его профессіи, то-есть, сообразно съ доходами, которые онъ приносилъ своимъ трудомъ и сообразно съ его продажной цѣной [2]. Господина вознаграждали также за удары и за пораненія, полученныя рабомъ, пропорціонально поврежденію, которое претерпѣвалъ послѣдній [3], денежнымъ штрафомъ; каралось также изнасилованіе рабыни, и сумма уплачивалась господину [4]. Все это было естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ тѣхъ принциповъ, которыми держалось рабство, и которыя царили въ законодательствѣ, такъ же какъ и въ умамъ людей. Если бы законъ попытался предписать, что рабу слѣдуетъ

suos in coniugio sociare praesumat, sed in ea massa cui lege et conditione ligati sunt, socientur».

[1] *Formulae Andegavenses*, 45. Законъ вестготскаго короля Хиндасвинта рѣшаетъ вопросъ приблизительно такимъ же образомъ, X, 1, 17.

[1] *Lex Salica*, XXXV, 5.—*Lex Ripuaria*, VIII, IX.—*Lex Wisigothorum*, VI, 5, 9: «Compositio erit a percussore domino servi reddenda»; 20: «Si servus servum occidit, servi dominus domino servi persolvat».

[2] *Lex Burgundionum*, X.—*Lex Romana Burgundionum*, II, 6.

[3] *Lex Wisigothorum*, VI, 4, 9: «Si ingenuus servum alienum debilitaverit, alterum paris meriti servum domino dare non moretur».—*Lex Ripuaria*, XXIV, XXV, XXVI, XXVII.

[4] *Lex Salica*, XXV, 3: «Si ingenuus cum ancilla aliena maechatus fuerit, domino ancillae DC dinarios culpabilis iudicetur».

выплачивать удовлетвореніе, то этого не приняло бы сознаніе общества, такъ какъ оно не понимало, чтобы рабъ могъ пріобрѣтать имущество. Законъ могъ требовать удовлетворенія въ пользу лишь господина, и онъ не обладалъ инымъ способомъ защищать раба.

Судебныя права у раба также отсутствовали. Рабъ не могъ обвинять господина. Римскій законъ воспрещалъ судьѣ выслушивать его; былъ ли виновенъ господинъ или нѣтъ, раба казнили прежде всего [1]. Запретъ этотъ сохранился и при варварскихъ короляхъ [2]. Даже соборы не подумали упразднить его. Господинъ также не могъ обвинять своего раба на судѣ; это вытекало изъ того же принципа, что между господиномъ и его рабомъ не могло возникать судебнаго дѣла.

Неподсудный государственнымъ трибуналамъ, рабъ не имѣлъ иного судьи кромѣ своего господина. Совершалъ ли онъ проступокъ противъ своего господина или противъ другого лица изъ дома господина, напримѣръ, противъ своего товарища по рабству,—его судилъ господинъ. Но право господина на жизнь и на смерть раба не было въ сущности произвольной властью: это былъ судъ; это былъ даже единственный судъ, который казался возможнымъ [3]. Когда свободный человѣкъ дѣлался рабомъ, онъ письменно заявлялъ, что если совершитъ какой-нибудь проступокъ, то господинъ можетъ его наказывать и возвращать къ порядку, *disciplinam imponere* [1]. Итакъ, господинъ, какъ безаппеляціонный судья, могъ приговаривать раба къ кнуту, къ палочнымъ ударамъ, къ тюрьмѣ; онъ могъ заковать его. Но онъ не долженъ былъ все-таки доходить до смертной кары; правило это, установленное римскими императорами, сохранилось и при Меровингахъ [2]; но надо признать, что оно вовсе не санкціонировалось закономъ [3].

Если господинъ имѣлъ право суда надъ своими рабами, то онъ былъ за то и отвѣтственъ за нихъ. Если онъ судилъ за проступки, которые были совершены рабомъ противъ него или противъ другихъ его рабовъ, то онъ же отвѣчалъ на судѣ и за тѣ проступки, которые были совершены рабомъ внѣ его дома. Въ случаѣ преступленія противъ посторонняго человѣка, господинъ долженъ былъ прежде всего выдать виновнаго раба судьѣ; на господинѣ лежала обязанность задержать его, стеречь и отвести на судъ; если онъ не дѣлалъ этого, съ нимъ поступали, какъ съ виновнымъ, и наказаніе падало на него [4]. Если раба

[1] *Cod. Theod.* IX, 6, 2—3.

[2] *Lex Romana Burgundionum*, VII, 5: «Ne servus dominum, praeter solum crimen maiestatis, accuset».—*Edictum Theoderici*, 48: «Neque in civilibus neque in criminalibus causis vocem possunt habere legitimam».

[3] Этотъ принципъ ясно высказанъ въ Вестготской Правдѣ, VII, 2, 21: «Si servus domino suo vel conservo aliquid involaverit, in domini potestate consistat, quid de eo facere voluerit, nec iudex se in hac re admisceat».

[1] *Marculf.* II, 28; *Senonicae*, 4; *Merkelianae*, 26.

[2] *Edictum Chlotarii*, c. 22.—*Lex Wisigothorum*, VI, 5, 12.

[3] Григорій Турскій (Hist. V, 3) разсказываетъ объ одномъ господинѣ, казнившемъ своего раба, и онъ не говоритъ, что господина преслѣдовали за это судомъ.

[4] *Pactus pro tenore pacis*, 5: «Si servus in furtum inculpatur, requiratur a domino... Si dominus servum non praesentaverit, legem, unde inculpatur, componat».—*Childeberti II decretio*, c. 10: «Qui servum criminosum habuerit... et praesentare noluerit, suum

не удавалось схватить, то за причиненный ущербъ вознаграждалъ господинъ [1]. Если рабъ былъ уличенъ въ похищеніи предмета цѣнностью менѣе, чѣмъ въ одну треть солида, то господинъ долженъ былъ заплатить три солида золотомъ [2]. Если рабъ убивалъ свободнаго человѣка, то прежде всего господинъ выдавалъ раба семьѣ умершаго, и, кромѣ того, уплачивалъ половину виры [3]. Если онъ убивалъ раба, то господинъ его долженъ былъ уплачивать господину этого раба должную за его смерть виру [4]. Въ теоріи, виновенъ былъ господинъ и наказаніе несъ онъ.

Какъ видно, по закону положеніе раба не много измѣнилось съ древнихъ временъ. Дѣйствительное его положеніе измѣнилось больше. Христіанская церковь обнаружила здѣсь нѣкоторое вліяніе. Она не отвергала института рабства: можно замѣтить, что у духовныхъ было, по крайней мѣрѣ, столько же рабовъ,

weregildum omnino componat».—*Lex Salica*, XL, 9, Pardessus, стр. 22: «Si servum suum noluerit suppliciis dare, omnem causam vel compositionem dominus servi in se excipiat, non quale servus, sed quasi ingenuus, totam legem super se solviturum suscipiat».

[1] *Pactus pro tenore pacis*, t. 12.

[2] *Ibidem*, c. 6.

[3] *Lex Salica*, XXXV, 5, рукописи 4404 и 18237, Вольфенбюттельская и Мюнхенская: «Si servus ingenuum occiderit, ipse homicida pro medietate compositionis hominis occisi parentibus tradatur; et dominus servi aliam medietatem compositionis se noverit solviturum».—Указъ Хильперика (ст. 6) менѣе строгъ: онъ заставляетъ только господина поклясться, что онъ не принималъ никакого участія въ преступленіи, и тогда онъ долженъ только выдать своего раба (*Boretius*, p. 8).

[4] *Lex Ripuaria*, XXVIII: «Si servus servum interfecerit, dominus eius 36 solidis culpabilis iudicetur».

какъ и у мірянъ.—Церковь не стремилась произвести въ данной области какой-нибудь переворотъ, не думала проповѣдывать равенство въ положеніи людей. Она раздѣляла господствовавшія тогда понятія о законности рабства и не предполагала даже, повидимому, что рабство можетъ когда-нибудь исчезнуть. Роль церкви между рабами и господами была очень проста. Она говорила рабамъ: повинуйтесь господамъ вашимъ, какъ повелѣваетъ Апостолъ. Потомъ она говорила господамъ, не оспаривая вовсе ихъ правъ: будьте справедливы и добры къ рабамъ вашимъ [1]. Она прибавляла слѣдующій доводъ: знайте, что рабъ вашъ и вы имѣете одного и того же господина—Господа [2]. Она говорила еще господину: не презирай раба твоего, такъ какъ передъ Богомъ онъ, быть можетъ, выше тебя [3].

Эта простая мысль имѣла огромное вліяніе, и не потому, чтобы языческая религія совершенно пренебрегала раньше рабомъ; она признавала за нимъ право праздниковъ; она требовала, чтобы господинъ давалъ ему свободные дни; такъ предписаніе праздничнаго отдыха предшествуетъ христіанству. Въ ученіи же христіанства ново было то, что судимы будутъ

[1] «Servi, obedite dominis vestris, sicut Apostolus iubet, fide bona et corde simplici. Et vos, domini, eadem facite in servis conservate in eis iusticiam et misericordiam» (проповѣдь, приписываемая святому Бонифацію).—*Patrologia*, t. 89, p. 853.

[2] *Ibidem*: «Scientes quod illorum et vester dominus in caelis est».

[3] Это влагаетъ въ уста Елигія его біографъ: «Ne despicias servum, quia forsitan melior est apud Deum quam tu» (*Vita Eligii*, II, 15).

и господинъ, и рабъ, и что въ вѣчности рабъ можетъ оказаться неизмѣримо выше своего господина. Трудно измѣрить, какъ сильно подобное вѣрованіе, господствовавшее съ одинаковой силой надъ умомъ и господина, и раба, должно было поднять раба. Рабъ былъ христіаниномъ. Крещенъ онъ былъ такъ же, какъ и господинъ; господинъ бывалъ иногда воспріемникомъ сына своего раба [1].

Понятно, что первый шагъ, который надо было сдѣлать въ пользу раба, состоялъ не въ дарованіи ему правъ и не въ томъ, чтобы дать ему сразу благосостояніе; надо было поднять его въ его собственныхъ глазахъ, надо было дать ему человѣческую душу, сдѣлать его способнымъ, не скажу къ гордости, но къ доблести и къ величію. Это и сдѣлала новая религія.

На соборахъ своихъ церковь такъ много занималась рабами, что это даже поражаетъ насъ. Рабъ, который въ гражданскомъ правѣ былъ ничто, занимаетъ большое мѣсто въ церковномъ правѣ. Церковь запретила продавать его Евреямъ, запретила продавать его язычникамъ и чужестранцамъ [2]. Она стремилась установить, какъ предохранительную въ пользу человѣка мѣру, чтобы продажа происходила публично и въ присутствіи магистрата или священника [1]. Она отлучала господина, который предавалъ смерти раба своего, даже виновнаго [2]. Она дала рабу возможность пользоваться ея правомъ убѣжища. Если рабъ, виновный даже въ преступленіи, укрывался въ церкви, церковь возвращала его господину лишь послѣ того, какъ послѣдній поклялся, что помилуетъ его [3]. Церковь не могла возводить раба въ церковныя должности, такъ какъ положеніе священника, имѣющаго надъ собой господина, было бы невозможно; но какъ только господинъ освобождалъ раба, она нисколько не стѣснялась дѣлать бывшаго раба священникомъ [4]. Она не разрѣшала рабу поступать въ монахи, вопреки волѣ господина, но, если случалось, что по ошибкѣ рабъ былъ допущенъ въ монастырь, то церковь не отрѣшала его, а предпочитала отдать господину двухъ рабовъ вмѣсто потеряннаго [5]. Церковь охотно выкупала рабовъ, чтобы дѣлать ихъ монахами и монахи-

[1] *Gregor*. Hist. X, 28: «Domini proprios famulos de sacro fonte suscipiunt».

[2] Реймсскій соборъ 630 года, с. 11: «Ut christiani Iudaeis vel gentilibus non venumdentur... Si paganis aut Iudaeis vendiderit, communione privetur et emptio careat firmitate».—Шалонскій соборъ 650 года, с. 9.—Лептинскій соборъ 743 года, с. 3.—Ср. Посланія Григорія Великаго, IX, 109 и 110.—Капитулярій 779 года, ст. 19, Boretius, p. 51.

[1] Капитулярій 779 года, ст. 19.

[2] Соборъ въ Агдѣ 506 года, с. 62.—Соборъ въ Альбонѣ 517 года, с. 34.—*Lex Longobardorum*, Rotharis, 272.

[3] Орлеанскій соборъ 511 года, с. 3.—Альбонскій соборъ 517 года, с. 39.—*Greg. Tur*. Hist. V, 3. Два раба здѣсь укрылись въ церкви; священникъ говоритъ господину: «Non poteris eos recipere nisi fidem facias ut... de omni paena corporali liberi maneant».

[4] Третій Орлеанскій соборъ, с. 26: «Ut nullus servilibus conditionibus obligatus ad honores ecclesiasticos admittatur, nisi prius aut testamento aut per tabulas legitime constiterit absolutum».—Примѣръ рабовъ, ставшихъ духовными лицами, въ *Vita Germani*, 14.

[5] Первый Орлеанскій соборъ, с. 8: «Si servus, nesciente domino, diaconus aut presbyter fuerit ordinatus, ipso in clericatus officio permanente, episcopus cum domino duplici satisfactione compenset».—Впрочемъ, вопросъ этотъ получалъ неодинаковое

нями [1]; собственныхъ рабовъ она возводила въ духовное сословіе [2].

Мало по малу, безъ возмущеній и безъ шума, въ положеніи раба произошла громадная перемѣна. Древность не признавала брака для раба; она разрѣшала ему половое общеніе, но безъ нравственныхъ узъ и безъ покровительства закона. Новая религія объявила, что бракъ долженъ быть одинаковъ и для раба, и для свободнаго человѣка. Онъ заключался въ церкви и при благословеніи священника. Съ этихъ поръ бракъ рабовъ сдѣлался такъ же нерасторжимъ и такъ же священенъ, какъ бракъ свободныхъ людей [3].

разрѣшеніе; см. *Corpus iuris canonici*, изд. Friedberg, т. I, стр. 208—210.

[1] *Vita Bercharii*, 14 и 17: Святой выкупаетъ 8 рабовъ, чтобы сдѣлать ихъ монахами, и 8 рабынь, чтобы сдѣлать ихъ монахинями.

[2] Происходили даже злоупотребленія. Одинъ капитулярій 789 года (глава 72) предписываетъ не допускать въ монахи слишкомъ многихъ сыновей рабовъ (Boretius, p. 60). Капитулярій 805 года, ст. 11, предписываетъ не допускать въ монастыри слишкомъ много рабовъ, изъ опасенія, что будетъ остановлена обработка земли (Boretius, p. 122).

[3] Церковь примѣняла этотъ принципъ къ всевозможнымъ случаямъ. Если господину хотѣлось расторгнуть бракъ своей рабыни, она запрещала это (2-й Шалонскій соборъ 813 года). Если двое вступившихъ въ супружество рабовъ принадлежали двумъ разнымъ господамъ, то церковь требовала, «чтобы каждый продолжалъ служить своему господину, но чтобы они продолжали быть связанными бракомъ». (*Ibidem*, с. 30). Если свободный человѣкъ женился на рабынѣ, то за исключеніемъ случая, когда это происходило по ошибкѣ, онъ не могъ отослать ее и жениться на свободной женщинѣ (постановленіе папы Захарія, въ *Corpus iuris canonici*, p. 1093).

Это имѣло важныя послѣдствія. Существованіе раба отъ того преобразовалось. Рабъ получилъ семью; онъ пріобрѣлъ достоинство и силу, придаваемыя человѣку соединенной вокругъ него семьей. Жена его получила право на уваженіе самого господина; Лонгобардская Правда постановляетъ, что господинъ, обезчестившій жену своего раба, лишается раба и жены его, которые становились по закону свободными людьми [1]. Мы не находимъ этого постановленія въ другихъ сводахъ того времени; но нѣтъ сомнѣнія, что Церковь заставила уважать бракъ рабовъ во всѣхъ странахъ.

Есть подробности, повидимому, незначительныя, которыя, однако, указываютъ на осуществленіе цѣлаго внутренняго переворота. Въ древности дѣти рабовъ считались только дѣтьми матери; это было необходимымъ послѣдствіемъ принципа, что между рабами не существовало законнаго брака. Когда рабскіе браки сдѣлались законными, дѣти стали принадлежать отцу. Во всѣхъ нашихъ памятникахъ седьмого и восьмого вѣковъ они считаются дѣтьми отца и матери [2]. Съ

[1] Надо ли говорить, что нигдѣ не встрѣчается указанія на мнимое «право господина», впослѣдствіи получившее наименованіе *ius primae noctis*. Это вымыселъ современнаго воображенія. Ius primae noctis было денежнымъ налогомъ въ 2 или 4 динарія, которые уплачивались рабомъ для полученія разрѣшенія на бракъ, и которые онъ долженъ былъ уплачивать раньше первой ночи. Мы не настаиваемъ, но утверждаемъ лишь то, что во всѣхъ памятникахъ того времени нѣтъ ни одного слова, которое намекало бы на такое «право господина».

[2] Отсюда произошло нѣсколько измѣненій въ правѣ. До тѣхъ поръ, когда рабъ женился на рабынѣ другого господина, казалось естественнымъ, чтобы дѣти принадлежали матери, то-

тѣхъ поръ семья раба организовалась на подобіе семьи господина. Не было надобности чтобы законы дали рабу власть мужа и отца; фактически они и не могли дать ея, такъ какъ съ точки зрѣнія закона рабъ и семья его находились во власти господина. На практикѣ же рабъ почти всегда обладалъ такою властью. Его жена и дѣти жили вокругъ него. Во внутренней своей жизни семья рабовъ стала походить на семью свободныхъ людей. Далѣе мы откроемъ другой шагъ впередъ, сдѣланный къ смягченію рабства.

ГЛАВА X.

Вольноотпущенники.

I.

Различные мотивы освобожденій.

Рядомъ съ рабомъ въ той же виллѣ, на той же землѣ и подъ властью того же господина мы находимъ вольноотпущенника, то-есть, прежняго раба, сдѣлавшагося почти свободнымъ. Освобожденіе рабовъ было

есть, господину матери. Съ этихъ же поръ стало иначе; чтобы примирить права господъ съ правами отца, приняли новое правило—дѣлить дѣтей, что является, замѣтимъ хорошенько, доказательствомъ формальнаго признанія непризнававшихся до того времени правъ отца.

столько же германскимъ, сколько римскимъ обычаемъ, и не было основанія, чтобы оно не сохранилось и послѣ нашествій, послѣ образованія варварскихъ государствъ.

Причины, которыя разлагали рабство и побуждали господъ освобождать своихъ людей изъ рабскаго состоянія, были столь же многочисленны, какъ и тѣ, которыя производили и поддерживали этотъ институтъ. Освобожденія совершались различными путями. Во-первыхъ, рабъ могъ выкупить себя у господина, если пріобрѣталъ своимъ трудомъ достаточный пекулій [1]. Онъ получалъ тогда отъ господина выкупную грамоту, *carta redemptionalis*, формула которой дошла до насъ: «Такъ какъ ты всегда хорошо служилъ мнѣ, то во вниманіе къ твоей вѣрности я рѣшилъ разрѣшить тебѣ выкупить себя изъ моей службы, и ты выкупилъ себя; ты далъ мнѣ столько-то динаріевъ серебромъ, или столько-то солидовъ золотомъ, установленную между нами сумму; а потому я выдаю настоящую выкупную грамоту съ тѣмъ, чтобы ты навсегда былъ свободенъ» [2]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабъ вмѣсто того, чтобы выкупить себя лично, поручалъ это дѣло третьему лицу, которому отдавалъ изъ

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1: «Qualiscumque... servum suum pro pretio liberare voluerit».—Ср. *Lex Wisigothorum*, V, 4, 16; *Lex Baiuwariorum*, XV, 7; *Lex Frisionum*, XI, 2.—Замѣтимъ, что выкупъ никогда не былъ правомъ раба: господинъ позволялъ рабу откупиться пекуліемъ въ томъ только случаѣ, если хотѣлъ, такъ какъ строго по закону пекулій былъ уже собственностью господина.

[2] *Formulae Senonicae*, 43.

своего пекулія плату за освобожденіе [1]. Въ другихъ случаяхъ его даромъ выкупалъ благотворитель, жертвовавшій часть своего состоянія на освобожденіе рабовъ; фактъ этотъ такъ часто упоминается въ письменныхъ памятникахъ того времени, особенно въ житіяхъ святыхъ, что, мы можемъ не сомнѣваться, онъ повторялся нерѣдко.

Часто также господинъ освобождалъ своего раба самъ, добровольно и не получая за то никакой платы. Мы установили, что христіанская Церковь не порицала прямо института рабства и не нападала на него; но надо также признать, что она совѣтовала господамъ освобождать рабовъ. Мы должны представить себѣ, что рабъ былъ собственностью, капиталомъ, и что въ то время, когда никто еще не сомнѣвался въ полной законности этой собственности, требовалось извѣстное усиліе или готовность самоограниченія, чтобы лишиться его. Религія поощряла также отреченіе отъ владѣнія человѣкомъ. Господинъ обыкновенно заявлялъ въ такихъ случаяхъ, что освобождаетъ такихъ-то и такихъ-то рабовъ «ради спасенія своей души», или «для уменьшенія бремени своихъ грѣховъ», или же «чтобы заслужить милость Божью въ страшный день судный» [2]. Такимъ образомъ, Церковь, не осуждая рабства опредѣленно, представляла освобожденіе раба богоугоднымъ дѣломъ.

[1] Такого рода сдѣлка признавалась, лишь бы только не прибѣгали къ обману господина въ происхожденіи уплачиваемой суммы; см. *Lex Wisigothorum*, V, 4, 16 и *Lex Baiuwariorum*, XV, 7.

[2] *Formulae Turonenses*, 12.—*Bituricenses*, 9.—*Senonicae*, 1.—*Merkelianae*, 14.—*Lindenbrogianae*, 10.

Двѣ любопытныя формулы показываютъ намъ, что когда у королей рождались сыновья, они держались обычая освобождать въ каждомъ изъ своихъ помѣстій по три раба обоего пола, «чтобы привлечь на ребенка милость Божію» [1]. Позволительно думать, что многіе крупные владѣльцы подражали подобному примѣру.

Освобожденіе часто бывало наградой за долгую вѣрность или за отдѣльный актъ преданности раба [2]. Еще чаще господинъ, являясь великодушнымъ послѣ смерти, освобождалъ нѣкоторыхъ рабовъ по завѣщанію. Нерѣдко случалось, что раба или рабыню освобождали, чтобы сдѣлать возможнымъ ея бракъ со свободнымъ человѣкомъ [3]. Иногда случалось, наконецъ, что смышленый и обученный ребенокъ освобождался отъ рабства, чтобы вступить въ духовное званіе и достигнуть потомъ сана священника, даже епископа [4].

Очень важно обратить вниманіе на различныя формы, въ которыхъ давалось освобожденіе, такъ какъ отсюда проистекали значительныя различія въ положеніи вольноотпущенниковъ.

---

[2] *Marculf.* I, 39: «Dum nobis Divina Pietas de nativitate filii magnum gaudium habere concessit... iubemus, ut per omnes villas nostras tres homines servientes in utroque sexu in unaquaque villa ingenuos relaxare faciatis».—*Idem*, II, 52.

[3] *Gregor.* Hist. III, 15.—*Marculf.* II, 3: «Pro respectu fidei et servitii tui».

[1] *Formulae Merkelianae*, 31.

[4] *Formulae Merkelianae*, 44.—*Senonenses*, 9.

2.

Освобожденіе передъ королемъ.

Самый торжественный по формѣ способъ освобожденія и самый полный по послѣдствіямъ былъ тотъ, который совершался въ присутствіи короля. Мы уже видѣли, что въ римскомъ обществѣ практиковалось освобожденіе рабовъ государственною властью, то-есть, самимъ императоромъ, или консуломъ, или намѣстникомъ провинціи [1]. Въ Меровингское время мы также встрѣчаемъ освобожденіе рабовъ въ присутствіи верховной власти, представителемъ которой тогда являлся король.

Дѣло происходило такъ. Самъ господинъ или уполномоченный его приводилъ раба къ королю [2]. Господинъ начиналъ съ заявленія, что отпускаетъ раба «и освобождаетъ его отъ всѣхъ узъ рабства» [3]. Рабъ держалъ въ своей рукѣ динарій; господинъ встряхивалъ его руку такъ, чтобы динарій выскочилъ [4]. Когда все

[1] Объ освобожденіи императоромъ, *in conspectu nostro*, см. законъ 319 года въ Кодексѣ Юстиніана, VII, 10; ср. *ibid.* VI, 7, 2 и VII, 1, 4.—Объ освобожденіи консуломъ—*Paul.* Digest, XL, 1, 4; *Ulpian.* ibid. XL, 2, 5 и 1, 6; *Cassiod.* Var. VI, 1: «Consul solvebat famulos iugo servili».—Объ освобожденіи провинціальными намѣстниками—*Gai.* Digest. XL, 2, 7; *Paul.* ibid. XL, 2, 17.—*Cod. Iustin.* VII, 1, 14; VII, 10, 7.

[2] *Lex Ripuaria,* LVII, 1: «Si quis libertum suum per manum propriam seu per alienam...»

[3] *Formulae Bignonianae,* 1:—*Merkelianae*, 40.—*Marculf.* I, 22.—*Senonicae*, 12.

[4] *Iactante denario.* Iactante стоитъ вмѣсто iactato; на меровингскомъ языкѣ говорилось такимъ же образомъ nuncupante вмѣсто nuncupato.

это было продѣлано, король, присутствовавшій при церемоніи, выдавалъ грамоту, чтобы подтвердить освобожденіе. Королевская грамота писалась согласно слѣдующей формулѣ: «Мы, король Франковъ. Такъ какъ такой-то предсталъ передъ нами и передъ нашими вельможами, выбилъ, согласно Салической Правдѣ, динарій изъ рукъ своего раба и отпустилъ его на свободу, такого-то по имени, то настоящимъ приказомъ мы утверждаемъ это освобожденіе и повелѣваемъ, что подобно другимъ рабамъ, такимъ же образомъ объявленнымъ свободными въ присутствіи государей, въ силу приказа нашего, по милости Божіей и по нашей милости, съ помощью Христа рабъ этотъ навсегда будетъ вполнѣ свободенъ, и свобода эта навсегда будетъ за нимъ обезпечена» [1].

Можно отмѣтить, что въ грамотѣ этой имѣется ссылка на Салическую Правду; то-же наблюдается почти во всѣхъ памятникахъ, гдѣ упоминается объ освобожденіи рабовъ передъ королемъ. Если, однако, мы будемъ искать закона объ освобожденіи этого рода въ текстѣ, дошедшемъ до насъ подъ названіемъ Салической Правды, мы не найдемъ его. Намекъ на него есть только въ одной статьѣ, въ которой законъ наказываетъ человѣка, освободившаго непринадлежащаго ему раба [2]. Характеръ этого акта мы можемъ, значитъ, опредѣлить главнымъ образомъ изъ формулъ, и надо разсмотрѣть подробности, которыя онѣ сообщаютъ.

[1] *Formulae Senonicae*, 12.

[2] *Lex Salica*, XXVI, 2: «Si quis servum alienum per denarium ante regem ingenuum dimiserit... 1400 dinarios culpabilis iudice-

Прежде всего поражаетъ — и на это раньше было обращено вниманіе—употребленіе динарія. Было-ли это старой символической формой, вышедшей изъ древней Германіи? Возможности такого предположенія отрицать нельзя; но и подтвердить его не удается. Между тѣмъ нѣкоторые ученые высказываются категорически въ такомъ смыслѣ. Можно однако выдвинуть соображеніе, что древніе Германцы не знали ни денежныхъ знаковъ, ни серебра, и не вполнѣ понятно, почему они взяли за символъ акта освобожденія серебряную монету. Къ толкованію меровингскихъ формулъ надо относиться съ большою осторожностью. Когда я читаю: «Согласно Салической Правдѣ, мы выбили изъ рукъ динарій, или драхму, или сестерцій» [1], то долженъ ли я представить себѣ, что древніе Бруктеры и Хамавы считали на драхмы, на динаріи, или на сестерціи? Лучше подвинуться мыслью впередъ и вспомнить о крайнемъ смѣшеніи, какое произошло съ шестого вѣка въ понятіяхъ, въ обычаяхъ и особенно въ языкѣ людей.

Если бы употребленіе динарія шло отъ древне-германской традиціи, то мы нашли-бы его у всѣхъ Германцевъ. Но мы напрасно стали-бы искать его у Бургундовъ, Готовъ, Аламанновъ, Саксовъ, Баваровъ и Лонгобардовъ. У всѣхъ этихъ племенъ практиковалось также освобожденіе рабовъ, но совершалось оно не при помощи бросанія динарія. Процедура эта была,

tur». Понятно, насколько такой обманъ шелъ въ ущербъ настоящему господину.

[1] Любопытно, что слова эти мы читаемъ рядомъ съ «secundum legem salicam» въ одной изъ формулъ *Sangallenses*, addit. 2, Zeumer, p. 434.

повидимому, неизвѣстна остальнымъ германскимъ племенамъ. Одни меровингскіе короли примѣняли ее. Отъ меровингскихъ королей освобожденіе при помощи динарія перешло къ преемникамъ ихъ, Каролингамъ, которые въ свою очередь распространили его въ подвластныхъ имъ частяхъ Германіи и Италіи.

Являлось-ли освобожденіе при помощи динарія древнѣйшимъ способомъ освобожденія рабовъ? Такое предположеніе высказывалось, но памятники не подтверждаютъ его. Разсмотрите документы въ хронологическомъ порядкѣ. Вы замѣтите, что Салическая Правда едва упоминаетъ объ освобожденіи при помощи динарія; Рипуарская говоритъ о немъ больше; въ Баварской же Правдѣ оно встрѣчается лишь въ прибавленіи, внесенномъ въ ея текстъ Карломъ Великимъ [1]. Древнѣйшая хартія, упоминающая намъ о немъ, относится къ 631 году; но ни одна изъ меровингскихъ хартій не говоритъ о немъ, искать его надо главнымъ образомъ въ каролингскихъ хартіяхъ. У насъ есть одна такая грамота отъ временъ Людовика Благочестиваго, двѣ отъ Карла Лысаго, одна отъ Лотара, одна отъ Эда, одна отъ Людовика IV Нѣмецкаго и одна отъ Беренгара (912 г.) [2]. То же самое можно повторить относительно формулъ; древнѣйшая изъ касающихся нашего предмета формулъ принадлежитъ къ сборнику Маркульфа, то-есть, къ седьмому вѣку; другія относятся

[1] *Capitularia*, ed. Boretius, p. 158, c. 4: «De denarialibus, ut si quis eos occiderit, regi componantur».

[2] *Historiens de France*, IX, 360; IX, 440.—*Goldast*, Rerum alamannic. script. II, p. 27.—*Muratori*, Antiquitates Italiae, I, 847; I, 850. Есть еще и другіе примѣры.

къ восьмому или девятому вѣку [1]. Такимъ образомъ надо-бы сказать, что употребленіе динарія было не старымъ постепенно ослабѣвавшимъ обычаемъ, а скорѣе обычаемъ, развивавшимся и наибольшей своей силы достигшимъ ко времени первыхъ Каролинговъ. Во всякомъ случаѣ, освобожденіе при помощи динарія ни въ одномъ изъ перечисленныхъ текстовъ не отмѣчено, какъ старый обычай, *vetus consuetudo*. Тотъ фактъ, что имъ пользовались сами епископы, позволяетъ думать, что они не приписывали ему языческаго происхожденія [2].

Итакъ, не слѣдуетъ торопиться съ утвержденіемъ, будто освобожденіе при помощи динарія было старымъ германскимъ обычаемъ. Разумнѣе всего остаться въ сомнѣніи на этотъ счетъ, и, не останавливаясь на загадкѣ о происхожденіи этого обычая, разсмотрѣть хорошенько его природу и вліяніе. Въ процедурѣ освобожденія, называвшагося освобожденіемъ при помощи динарія, заключались три черты, болѣе важныя, чѣмъ само употребленіе динарія.

Во-первыхъ, капитальное значеніе имѣло личное присутствіе короля. Напрасно было бы бросать динарій при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, напримѣръ, на общемъ собраніи народа, или передъ самыми высшими изъ вельможъ; это не получило бы никакого дѣйствія и не составило бы освобожденія при помощи динарія.

[1] Такъ формула Merkeliana, 40, повидимому, каролингскаго времени, такъ какъ въ ней стоятъ слова «Rex Francorum et Longobardorum».—Senonica, 42, относится ко второй половинѣ восьмого вѣка. Затѣмъ идетъ formula imperialis № 1; formula Sangallensis, содержащая имя Карла Толстаго; другая формула у Neugart'a, № 440, помѣчена 886 годомъ; есть также хартія 906 года, Neugart, № 658.

[2] *Marculf.* I, 22. Раба освобождаетъ при помощи динарія vir apostolicus, то-есть, епископъ.—Точно также «Eligius redemptos captivos coram rege statuens iactatis ante eum denariis chartas eis libertatis tribuebat» (*Vita Eligii*, I, 10).

Во-вторыхъ, существенно было присутствіе господина раба, или, по меньшей мѣрѣ, его уполномоченнаго. Господинъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ актѣ освобожденія, такъ какъ именно онъ и только онъ провозглашалъ его. Формулы говорятъ это опредѣленно; освобождалъ не король; онъ не сталъ бы освобождать безъ желанія господина.

Въ-третьихъ, важна была королевская грамота. Она являлась необходимымъ условіемъ дѣйствительности даннаго вида освобожденія. Такъ гласитъ Рипуарская Правда: «Если господинъ отпустилъ на свободу раба своего лично, или черезъ своего уполномоченнаго, въ присутствіи короля согласно Рипуарской Правдѣ, и если рабъ получилъ грамоту, удостовѣряющую этотъ актъ, то мы не разрѣшаемъ, говоритъ король, чтобы рабъ этотъ снова забирался въ рабство, мы требуемъ, чтобы онъ оставался свободнымъ, какъ другіе Рипуарцы» [1]. Королевская грамота была, значитъ, однимъ изъ необходимыхъ элементовъ этого освобожденія. Изъ того не слѣдуетъ, что свободу давалъ король; но онъ признавалъ и утверждалъ ее.

Небезполезно замѣтить, что королевскій указъ не обозначался однимъ изъ словъ, которымъ, обыкновен-

[1] *Lex Ripuaria*, LVII, 1: «Si quis libertum suum... ingenuum dimiserit per denarium, et eius rei cartam acceperit, non eum permittimus in servitio inclinare, sed sicut reliqui Ripuarii liber permaneat».

но, именовались грамоты; онъ не назывался ни *epistola*, ни *carta*, а *auctoritas*, *praeceptum* или *praeceptio*. Эти два слова говорились на меровингскомъ языкѣ о королевскихъ ордоннансахъ, о распоряженіяхъ, имѣющихъ обязательную силу и требующихъ отъ подданныхъ повиновенія. Актъ былъ, значитъ, больше чѣмъ свидѣтельствомъ; въ немъ воплощалось выраженіе верховной воли. Реально освобождалъ господинъ потому, что король никогда не имѣлъ права освободить раба другого лица, но затѣмъ король уже превращалъ такое освобожденіе въ оффиціальный, публичный актъ.

Особенность эта, хорошо замѣтная во всѣхъ нашихъ формулахъ, выступаетъ съ особой ясностью въ трехъ изъ нихъ, гдѣ говорится о рабахъ, принадлежавшихъ раньше королю. Мы видимъ въ нихъ, какъ король начинаетъ съ того, что освобождаетъ своего раба такъ же, какъ бы это сдѣлалъ простой частный человѣкъ, и лишь потомъ уже утверждаетъ собственное свое освобожденіе, принимая тонъ короля [1].

Это-то утвержденіе королевской властью (*auctoritas*), эта верховная воля и придаютъ данному способу освобожденія рабовъ при помощи динарія особый характеръ и большое значеніе [2]. Всякій другой видъ освобожденія раба стоялъ ниже описаннаго, «оправдательнымъ документомъ» котораго являлся родъ королевскаго приказа потому то мы и видимъ, что господинъ, освободившій въ первый разъ раба однимъ изъ другихъ употреблявшихся способовъ, могъ представить

[1] Это видно изъ *formula imperialis*, 1.

[2] *Marculf.* I, 22: «Per talem titulum»,—*Senonicae*, 12.—Замѣтьте, что слово *titulus* не могло примѣняться къ бросанію динарія; терминъ этотъ обозначалъ писанный актъ.

того же самого человѣка позднѣе къ королю, чтобы закрѣпить его освобожденіе высшею гарантіею [1]. Такимъ же образомъ въ римскомъ обществѣ господинъ, освободившій сначала раба своего простой грамотой, позднѣе могъ представить его къ магистрату, облеченному *imperium*, чтобы дать ему болѣе полную и неотмѣнимую свободу.

3.

Освобожденіе въ церкви.

Древніе знали и допускали освобожденіе рабовъ въ храмахъ. Раба, приведеннаго господиномъ, дарили или продавали божеству съ той оговоркой, «что онъ будетъ свободенъ». Въ этой формѣ заключалось замаскированное освобожденіе раба, и богъ появлялся на сцену только для того, чтобы стать покровителемъ и порукой свободы. Актъ высѣкали на камнѣ и сохраняли въ храмѣ [2].

Тотъ же способъ освобожденія, съ упрощенными формальностями, практиковался и христіанами. Императоръ Константинъ легализировалъ его. Онъ постановилъ, что рабъ, освобожденный своимъ господиномъ въ церкви, будетъ такимъ же совершеннымъ римскимъ гражданиномъ, какъ если бы онъ былъ освобожденъ со всѣми торжественными формальностями стараго права [3]. Единственныя условія, поставленныя имъ, со-

[1] *Lex Ripuaria*, LXI, 3.

[2] *Orelli-Henzen*, Inscript. №№ 3016, 3018, 6392.—*Wescher et Foucard*, Inscr. recueillies à Delphes, 1863.—*Decharme*, Inscr. de Béotie, 1868.—*Wallon*, Hist. de l'esclavage, liv. I, ch. 10.

[3] Первый законъ Константина не былъ включенъ въ ко-

стояли въ томъ, чтобы освобожденіе происходило передъ собраніемъ прихожанъ, въ присутствіи высшихъ мѣстныхъ сановниковъ церкви и чтобы о немъ составлялся писанный актъ съ подписями главныхъ духовныхъ лицъ [1].

Формальности этого освобожденія описаны святымъ Августиномъ: «Когда ты хочешь дать свободу рабу твоему, ты ведешь его за руку въ церковь; всѣ замолкаютъ; ты читаешь свою освободительную грамоту, или тебя спрашиваютъ, каково твое желаніе, и ты объявляешь, что хочешь освободить его, потому что онъ всегда вѣрно служилъ тебѣ» [2]. Согласно другому писателю конца пятаго вѣка, господинъ просто просилъ епископа освободить раба, и уже самъ епископъ провозглашалъ освобожденіе, или, по крайней мѣрѣ, составлялъ актъ о немъ [3].

Все это повторяется въ Рипуарской Правдѣ: «Если для спасенія души своей, или за плату, рипуарскій

дексы; намекъ на него есть, впрочемъ, въ Кодексѣ Юстиніана, I, 13, 1: «Iamdudum placuit, ut in ecclesia catholica libertatem domini suis famulis praestare possint».—Второй законъ отъ 316 года помѣщенъ въ Кодексѣ Юстиніана, I, 13, 1.—Третій—въ Кодексѣ Θеодосія, IV, 7, 1: «Qui religiosa mente in ecclesiae gremio servulis suis concesserint libertatem, eamdem eodem iure donasse videantur, quo civitas romana solemnitatibus decursis dari consuevit».—См. *Sozomen.* Hist. eccl. I, 9.

[1] *Cod. Iust.* I, 13, 1: «Sub aspectu plebis, assistentibus christianorum antistibus... interponatur scriptura, in qua ipsi vice testium signent».

[2] *S. Augustin.* Sermones, XXI, 6, въ *Patrologia*, XXXVIII 145.

[3] Прочитать объ этомъ можно въ любопытномъ письмѣ Эннодія, Opuscula, 8, изд. Vogel, стр. 132.

Франкъ хочетъ освободить раба своего согласно римскому закону, то онъ долженъ отвести его въ церковь, въ присутствіи священниковъ, діаконовъ и всѣхъ прихожанъ передать его въ руки епископа вмѣстѣ съ табличками, и епископъ долженъ заставить архидіакона заполнить эти таблички согласно римскому закону, который въ то же время есть и законъ церкви; съ тѣхъ поръ рабъ и потомство его станутъ и останутся свободными» [1].

Мы располагаемъ рядомъ меровингскихъ формулъ, относящихся къ освобожденію этого типа. Въ одной изъ нихъ діаконъ свидѣтельствуетъ, что «согласно постановленію императора Константина настоящимъ, написаннымъ на табличкахъ актомъ такое-то лицо путемъ виндикты освободило въ такой-то церкви такого-то раба» [2]. Въ другой формулѣ говоритъ господинъ «Чтобы послѣ смерти моей душа моя была помилована на судѣ Христовомъ, я вошелъ въ церковь св. Стефана въ городѣ Буржѣ, и передъ алтаремъ въ присутствіи священниковъ и главныхъ гражданъ я освободилъ съ помощью виндикты такихъ-то и такихъ изъ рабовъ моихъ, согласно постановленію императора Константина; и я желаю, чтобы съ этого дня рабы эти были совершенно свободны, чтобы они жили, гдѣ хотятъ и были бы римскими гражданами» [3].

[1] *Lex Ripuaria,* LVIII, 1.—Ср. *Lex romana Burgundionum,* III: «Libertates servorum, qui cives romani efficiuntur, eos esse servandas, quae... tabulis in ecclesia recitatis secundum mandatum manumissoris, subscriptis a sacerdotibus, firmitatis robur accipiant, secundum legem a Costantino principe latam».

[2] *Senonicae,* appendix, 2, 3.

[3] *Bituricenses,* 9; *Turonenses,* 12; *Arvernenses,* 3.

Итакъ вотъ акты, совершавшіеся при Меровингахъ въ силу закона римскаго императора. Формулы этихъ актовъ вполнѣ римскія. Въ нихъ удивляетъ насъ выраженіе «освободить при помощи виндикты». Понимать это выраженіе буквально было бы большой ошибкой. Изъ совокупности формулъ явствуетъ, что тутъ не было виндикты, потому что не было ни суда, ни фиктивной процедуры. Но формулы состояли изъ разныхъ, часто несоотвѣтствующихъ другъ другу элементовъ, и люди, писавшіе ихъ изъ рода въ родъ, не заботились о точномъ смыслѣ каждой строки. Тѣ, кто впервые составилъ формулу освобожденія въ церкви, списали, вѣроятно, частью формулу виндикты. Самая ошибка ихъ имѣетъ большое значеніе. Она показываетъ намъ, что виндикта (освобожденіе передъ судьей) исчезаетъ изъ практики и уступаетъ мѣсто освобожденію передъ епископомъ [1].

---

[1] Нѣкоторые современные ученые много спорили о существовавшемъ еще якобы освобожденіи *per hantradam* (*J. Havet*, Revue hist. du droit, 1877; *Marcel Fournier*, Essai sur les formes et les effets de l'affranchissement, 1885). Правда, въ одномъ текстѣ, который неправильно считается сводомъ Хамавовъ, они нашли это выраженіе; но достаточно было внимательно прочитать статью, чтобы увидѣть, что рѣчь шла объ освобожденіи въ церкви. Это совершенно противно мнѣнію Авэ: авторъ усматриваетъ въ немъ фиктивный процессъ передъ судьей. Но о немъ не упоминается вовсе. По нашему мнѣнію, вопросъ идетъ здѣсь объ особой формѣ освобожденія въ церкви, безъ *с rta*, но въ присутствіи одиннадцати свидѣтелей, касавшихся рукою алтаря.

4.

Освобожденіе по завѣщанію или письму.

Римское право признавало законную силу освобожденія раба по завѣщанію. Когда господинъ писалъ о своемъ желаніи, чтобы такой-то его рабъ, котораго онъ называлъ по имени, былъ свободенъ послѣ его смерти, рабъ этотъ получалъ свободу съ того же дня, какъ по прочтеніи завѣщанія утверждалось наслѣдство. Послѣ нашествій Германцевъ этотъ обычай сохранился у Галлоримлянъ; но Германцы усвоили его.

Римскій законъ, составленный у Бургундовъ, постановляетъ, что рабъ, объявленный въ завѣщаніи господина свободнымъ, становится римскимъ гражданиномъ, согласно законамъ [1]. Германскіе своды, за исключеніемъ Вестготской Правды [2], не содержатъ соотвѣтствующаго постановленія; но рѣшенія нѣсколькихъ соборовъ удостовѣряютъ, что этотъ способъ освобожденія законно практиковался въ варварскихъ государствахъ [3].

То-же засвидѣтельствовано еще дошедшими до насъ завѣщаніями отъ меровингскаго времени. Первая статья завѣщанія Перпетуя, написаннаго въ 475 году, требуетъ, чтобы освобождены были рабы изъ виллы его Сапонаріи [4]. Въ 533 году Ремигій пишетъ: «Я же-

[1] *Lex romana Burgundionum*, III.

[2] *Lex Wisigothorum*, V, 7, 1.

[3] Соборъ въ Оранжѣ 441 года, с. 7.—Агдскій соборъ 452 года, с. 22.—Маконскій соборъ 585 года, с. 7: «Indignum est, ut qui noscuntur manumissi aut per epistolam aut per testamentum, a quolibet inquietentur».

[4] *Diplomata*, № 49, Pardessus, I, стр. 24.

лаю, чтобы Энія и младшій изъ ея сыновей, Монульфъ, пользовались свободой... Бабримодъ и жена его Мора останутся рабами, а сынъ ихъ, Манахарій, будетъ пользоваться благодѣяніемъ свободы... Я приказываю, чтобы Картусіонъ и Ауліатена были съ этихъ поръ свободны» [1]. Въ завѣщаніи Бертрамна, написанномъ въ 615 году, мы читаемъ: «Вотъ имена тѣхъ моихъ рабовъ, которыхъ я хочу сдѣлать свободными: Лебигизилъ съ женой его и сыновьями, Хинимундъ, Храдосиндъ съ женой его и дѣтьми, Теодегундъ съ его сыномъ Лупомъ и дочерью, Евменъ съ женой и сыновьями, Гавіульфъ..., сыновья Маурелла, Баудесиндъ, Мауръ, Аустехарій; я хочу, чтобы всѣ эти люди, какъ Римляне, такъ и варвары, были свободны и сохранили за собою владѣніе своимъ пекуліемъ» [2]. То же самое находимъ въ завѣщаніи Ансберта, написанномъ въ 696 году, въ завѣщаніи Ерминтеруды, написанномъ въ 700 году, и въ завѣщаніи Аббона, написанномъ въ 739 году [3].

Наконецъ, господинъ могъ освободить раба при жизни своей простой грамотою, безъ всякой торжественной формы. Обычай этотъ опять же существовалъ уже въ римскомъ обществѣ и очень распространился въ меровингскомъ. Григорій Турскій говоритъ, что королева Ингоберга освободила грамотами многихъ рабовъ [4]. Бургундская Правда ставитъ условіемъ такого освобожденія, чтобы грамота была подписана нѣсколь-

[1] *Ibidem*, № 119.
[2] *Ibidem*, № 230, I, стр. 212.
[3] *Ibidem*, №№ 437, 452, 559.
[4] *Gregor.* Hist. IX, 26: «Multos per cartulas liberos relinquens».

кими свидѣтелями [1]. Второй маконскій соборъ предписываетъ епископамъ выступать на защиту и тѣхъ изъ бывшихъ рабовъ, кто былъ освобожденъ простой грамотой [2]. Одинъ капитулярій 803 года показываетъ, что освобожденіе грамотой практиковалось, какъ законный способъ освобожденія, и то же подтверждается Баварской Правдой [3].

Грамота могла быть составлена такъ: «Я рѣшилъ, что для спасенія души моей долженъ отпустить на волю раба моего, по имени такого-то, и за долгую его вѣрность освободить его отъ бремени рабства; а потому, я дарую тебѣ полную свободу, чтобы ты былъ какъ другіе свободнорожденные, чтобы ты жилъ для себя и работалъ для себя» [4]. До насъ дошло семнадцать формулъ такого рода. Большое число ихъ позволяетъ судить, насколько распространено было освобожденіе посредствомъ грамоты, а мѣста происхожденія разныхъ формулъ показываютъ, что оно одинаково практиковалось и въ Анжу, и въ Оверни, и въ Кельнскомъ округѣ, и въ странѣ Аламанновъ [5]. Нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе четырехъ вѣковъ по образцамъ этимъ были написаны милліоны грамотъ, но онѣ исчезли вмѣстѣ съ получившими ихъ рабами. О нихъ упоминаютъ нѣкоторыя завѣщанія. Элигій упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ освободилъ

[1] *Lex Burgundionum*, LXXXVIII.
[2] Второй Маконскій соборъ 585 года, с. 7.
[3] Капитулярій 803 г., ст. 7, Boretius, стр. 114.—Addit. ad legem Baiuwariorum, ст. 6 у Boretius, стр. 158.
[4] *Andegavenses*, 20; *Arvernenses*, 4; *Bituricenses*, 8; *Marculf.* II, 32, 34, 52; *Senonicae*, 1; *Merkelianae*, 13 и 14, и т. д.
[5] *Formulae Sangallenses*, 16.

посредствомъ грамоты, *per cartulam*, нѣсколькихъ рабовъ изъ своей виллы Солемніаценсисъ [1]. Мы узнаемъ отъ Бертрамна, что онъ имѣлъ привычку освобождать нѣсколькихъ изъ своихъ рабовъ въ каждый большой церковный годовой праздникъ, и что онъ дѣлалъ это посредствомъ хартіи [2]. Нѣсколько завѣщателей, какъ, напримѣръ, Бургундофара и Ирмина напоминаютъ, что онѣ освободили уже рабовъ посредствомъ хартіи, *per epistolas*, и подтверждаютъ это освобожденіе въ своемъ завѣщаніи [3]. Послѣдняя подробность заставляетъ думать, что освобожденіе по завѣщанію имѣло нѣсколько большее значеніе, чѣмъ простое освобожденіе грамотой или письмомъ.

5.

Вольноотпущенники не различались между собой по племенамъ.

Въ памятникахъ, особенно въ сводахъ, легко замѣтить, что между вольноотпущенниками оставалось различіе, въ зависимости отъ способа освобожденія, который былъ къ нимъ примѣненъ. Человѣкъ, освобожденный передъ королемъ при соблюденіи формальности бросанія динарія, всю жизнь свою назывался *denarialis* [4]. Освобожденный по завѣщанію или при

[1] *Testamentum Eligii*, Diplomata, т. II, стр. 11.

[2] *Testamentum Bertramni*, ibid. т. I, стр. 213: «Illos vero quos pro singulis festivitatibus per epistolas relaxavi».

[3] *Diplomata*, №№ 257, 413, 449.

[4] *Denarialis* или *denariatus*.—*Lex Ripuaria*, LXI, 3; LXIV (рук. B), 2.—*Capitulare legi Ribuariae additum*, 803, с. 9, Boretius, p. 118.

помощи прочтенныхъ въ церкви табличекъ пріобрѣталъ постоянное наименованіе *tabularius* [1]. Тотъ же, кто не получилъ иного документа, кромѣ простой грамоты, назывался *epistolarius* или *cartularius* [2].

Съ другой стороны, вольноотпущенниковъ никогда не различали по племенамъ. Свободные люди носятъ иногда въ документахъ племенную отмѣтку, такъ же какъ и рабы, но у вольноотпущенниковъ расовое происхожденіе никогда не указывалось.

Можно, положимъ, спросить, не принималось ли во вниманіе племя при самомъ способѣ освобожденія. Нельзя ли признать болѣе вѣроятнымъ, что рабъ, освобожденный при помощи динарія, былъ германскаго происхожденія, а рабъ, освобожденный по завѣщанію, при помощи грамоты, или въ церкви, о которомъ господинъ говоритъ, что онъ «освобождаетъ его по римскому закону», былъ туземнымъ, то-есть, галло-римскимъ рабомъ? Памятники не оправдываютъ такого предположенія. Съ одной стороны, ни одинъ законъ не говоритъ: посредствомъ динарія освобождайте лишь раба варвара; посредствомъ грамоты освобождайте лишь туземнаго раба. Съ другой стороны, изъ сорока пяти формулъ освобожденія нѣтъ ни одной, въ кото-

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1, 2, 4, 5, 8, 9, 19.—Рабы, которыхъ освобождали въ церкви, назывались иногда *cerarii*, потому ли, что въ моментъ освобожденія имъ вкладывали въ руки восковую свѣчу (*Gregor.* Hist. X, 9), или потому, что на большинство изъ нихъ налагали восковой налогъ.

[2] *Decretum Vermeriense Pippini* (Boretius, p. 41), с. 20.—*Capitulare Aquisgranense*, с. 6 (Boretius, p. 171).—Другіе примѣры см. у *Guérard*, Polyptyque d'Irminon, prolégomènes, p. 377, и у *Ducange*.

рой было бы упомянуто происхожденіе раба. Бертрамнъ говоритъ намъ, правда, въ своемъ завѣщаніи, что одни изъ его рабовъ были Римлянами, другіе—варварами, но онъ освобождаетъ ихъ всѣхъ одинаковымъ образомъ, безъ различія. Когда при помощи динарія освобождаетъ самъ король, и когда онъ пишетъ грамоту, свидѣтельствующую объ освобожденіи и подтверждающую актъ, онъ не говоритъ, что справлялся раньше о происхожденіи раба [1].

Онъ не справлялся также о племени господина. Не находится ни одного указанія, чтобы одни способы освобожденія были предоставлены господамъ — Германцамъ, а другіе — мѣстнымъ уроженцамъ. Ни одинъ законъ не говоритъ, что вольноотпущенникъ Франка будетъ подчиненъ франкскому закону, а вольноотпущенникъ Римлянина — римскому, и мы не видимъ этого ни въ одной хартіи и ни у одного писателя. Изъ Рипуарской Правды мы знаемъ, наоборотъ, что Франкъ могъ освободить своего раба «по римскому закону» [2]. Тамъ говорится, что онъ могъ сдѣлать своего раба «римскимъ гражданиномъ» [3]. Епископъ не долженъ былъ всегда прибѣгать къ освобожденію раба въ церкви, онъ могъ освобождать посредствомъ динарія [4], и хотя самъ онъ жилъ по римскому закону, но могъ писать, что освобождаетъ «согласно Салическому» [1]. Преимущество освобождать раба при соблюденіи формальности динарія давалось королемъ, конечно, не всякому встрѣчному, но онъ могъ даровать его Римлянамъ такъ же, какъ Франкамъ. Элигій былъ римскаго происхожденія [2]; онъ освобождалъ, однако, посредствомъ динарія [3]. Съ другой стороны, я вижу женщину, которая ссылается на Салическій законъ, и сама была, видимо, франкскаго происхожденія; но бракъ съ рабомъ заставилъ ее впасть въ рабство; господинъ ея пишетъ ей настоящую освободительную хартію, вполнѣ римскую, и, благодаря этой хартіи, она становится *civis romana* [4].

[1] *Diplomata*, I, 212—213.—Другіе завѣщатели никогда не различали въ спискахъ освобожденныхъ ими рабовъ, какіе были Германцы, какіе—мѣстные уроженцы.

[2] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1: «Qualiscumque Francus Ribuarius servum suum».

[3] *Lex Ripuaria*, LXI, 1: «Si quis servum suum libertum fecerit et civem romanum».

[4] Это вытекаетъ изъ словъ «vir apostolicus» (то-есть, епископъ) формулы Маркульфа, I, 22.

Что при выборѣ способа освобожденія не руководствовались племеннымъ происхожденіемъ раба, еще лучше доказывается однимъ постановленіемъ Рипуарской Правды. Одинъ и тотъ же рабъ могъ послѣдовательно проходить черезъ два самые противоположные способа освобожденія, стать сначала *civis romanus*, а потомъ *denarialis*. Что не обращалось также вниманія на происхожденіе господина, это опять доказывается тѣмъ же закономъ тотъ: же самый господинъ сначала могъ дѣлать своего раба *civis romanus*, а по-

[1] Церковь довольно рѣдко освобождала своихъ рабовъ посредствомъ динарія, и это зависѣло отъ матеріальныхъ соображеній, которыя мы увидимъ дальше.

[2] Элигій (св. Эльда), сынъ Евхерія, называется его біографомъ *romanus* (II, 19).

[3] *Vita Eligii*, I, 10. Ср. *Testamentum Eligii*, Diplomat № 254: «Libertis meis quos per denarium manumisi» (Pardessus, II, стр. 11).

[4] *Formulae Lindenbrogianae*, 20, Zeumer, стр. 281.

*

томъ *denarialis* [1]. Отсюда же выводимъ еще, что одинъ и тотъ же вольноотпущенникъ сначала могъ быть *Romanus* и жить «по римскому закону», а затѣмъ дѣлался *Francus* и жилъ согласно Франской Правдѣ. Вотъ насколько мало справедливо, что «національность» вольноотпущенника зависѣла отъ вида даннаго ему освобожденія. Въ одномъ случаѣ онъ становился *Romanus*; въ другомъ—*Francus*; онъ могъ даже дѣлаться *Romanus* и *Francus* поочереди [2].

Выборъ способа освобожденія зависѣлъ лишь отъ воли господина. Дѣло въ томъ, что они различались между собою больше, чѣмъ однѣми формальностями процедуры. Въ сущности, каждому изъ этихъ способовъ соотвѣтствовала извѣстная ступень освобожденія, извѣстная степень свободы. Слѣдовательно, именно господину и только ему одному надлежало рѣшать,

[1] *Lex Ripuaria,* LXI, 1 и 3: «Si quis servum suum libertum fecerit et civem romanum... Si dominus eius eum ante regem denariari voluerit, licentiam habeat».—Салическая Правда также показываетъ, что литъ, бывшій уже вольноотпущенникомъ, могъ сдѣлаться *denarialis* (XXVI).—*Marcel Fournier,* котораго приводятъ въ затрудненіе эти два памятника, толкуетъ ихъ страннымъ образомъ; онъ утверждаетъ, напримѣръ, что литъ это то же, что рабъ.—Доказательствомъ того, что одинъ и тотъ же вольноотпущенникъ изъ положенія tabularius могъ перейти въ положеніе denarialis, служитъ та же Рипуарская Правда, LVIII, 1, воспрещающая второе освобожденіе вольноотпущенникамъ церкви.

[2] Марсель Фурнье оставилъ эти факты безъ вниманія онъ утверждаетъ, что освобожденіе при помощи динарія существовало для однихъ только рабовъ франкской расы; это очень неразумно смѣлое предположеніе. Я желалъ бы, чтобы онъ объяснилъ, какъ различались въ восьмомъ вѣкѣ племена и въ особенности происхожденіе рабовъ.

насколько онъ хотѣлъ видѣть независимымъ прежняго своего раба. Смотря потому, хотѣлъ ли онъ отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ на него, или сохранить нѣкоторыя, онъ освобождалъ его или передъ королемъ, или въ церкви, или при помощи простой грамоты [1]. Мы увидимъ, насколько соціальное положеніе вольноотпущенника мѣнялось въ зависимости отъ способа, выбраннаго для его освобожденія.

ГЛАВА XI.

Положеніе вольноотпущенниковъ.

I.

Постоянное неполноправіе вольноотпущенниковъ.

Человѣкъ, выходившій изъ рабскаго состоянія, не дѣлался еще вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Онъ оставался вольноотпущенникомъ. Положеніе вольноотпущенника не было временнымъ состояніемъ, черезъ которое проходили отъ рабства къ свободѣ; это было состояніе постоянное, въ которомъ люди жили и умирали. Это было особое соціальное положеніе. Пересмотрите всѣ своды, редактированные отъ V-го по VIII-й вѣкъ; всѣ они дѣлятъ населеніе на три боль-

[1] Потому то Элигій и освободилъ рабовъ одной и той же виллы, однихъ посредствомъ динарія, другихъ простой грамотой.

шіе класса: свободныхъ людей, вольноотпущенниковъ и рабовъ.

Въ римскомъ обществѣ неравенство между свободными людьми и вольноотпущенниками было постояннымъ принципомъ. Такое же различіе сохранилось и въ Меровингскомъ обществѣ. Низшее положеніе вольноотпущенниковъ опредѣляется двумя признаками: во-первыхъ, вольноотпущенникъ не имѣлъ права жениться на свободной женщинѣ [1]; во-вторыхъ, вира вольноотпущенника, то-есть, установленная закономъ оцѣнка его личности, никогда не равнялась вирѣ свободнаго человѣка [2].

Въ фактической жизни Меровингскаго общества классы не были такъ замкнуты, и даже рабу было довольно легко подняться со ступени на ступень до самыхъ высшихъ должностей. Онъ могъ сдѣлаться графомъ и герцогомъ [3], могъ сдѣлаться діакономъ, священникомъ и епископомъ; но его положеніе вольноотпущенника все-таки оставалось за нимъ. Законъ дѣ-

[1] Или же свободная женщина попадала при этомъ въ положеніе вольноотпущенниковъ (*Lex Salica*, XIII, 8; XIV, 7; *Lex Ripuaria*, LVIII, 11; *Lex Wisigothorum*, III, 2).

[2] *Lex Ripuaria*, LXI, 1, 2: «Si quis servum suum libertum fecerit et civem romanum... qui eum interfecerit 100 solidis multetur».—*Lex dicta Chamavorum*, 3—5.—*Lex Wisigothorum*, VIII, 4, 16.—Въ Баварской Правдѣ вира свободнаго человѣка равняется 160 солидамъ, вира вольноотпущенника—40, а раба—20 (III, 13; IV, 11; V, 18; VII, 1 и 10).—Въ Аламанской Правдѣ мировыя деньги свободнаго человѣка—160 солидовъ, вольноотпущенника—80, раба—40.

[3] Это видно изъ Рипуарской Правды, LIII, 2.—Григорій Турскій (Hist. V, 49) приводитъ соотвѣтствующій примѣръ.

лалъ различіе между графомъ-свободнорожденнымъ и графомъ, который былъ лишь вольноотпущенникомъ; перваго онъ оцѣнивалъ въ 600 солидовъ, второго въ 300; это та же пропорція, которая существовала между свободнымъ человѣкомъ и вольноотпущенникомъ вообще [1]. Духовному лицу рабскаго происхожденія также принадлежала меньшая вира, чѣмъ свободнорожденному члену духовенства [2]. Всѣ эти

[1] *Lex Ripuaria*, LIII, 1—2: «Si quis... comitem... interfecerit, ter ducenos solidos multetur. Quod si regius puer vel ex tabulario ad eum gradum ascenderit, 300 solidos multetur».—*Lex dicta Chamavorum*, 7: «Si comes occisus fuerit, in tres weregeldos *sicut sua nativitas* est componere faciat».

[2] *Lex Ripuaria*, codices B, XXXVIII, 5: «Si quis clericum interfecerit, *iuxta quod nativitas eius fuerit*, ita componatur: si servus (то-есть, если онъ рожденъ рабомъ) sicut servum; si regius aut ecclesiaticus (то-есть, если онъ родился королевскимъ или церковнымъ вольноотпущенникомъ), sicut alius regius aut ecclesiasticus; si litus, sicut litum; si liber, sicut alium ingenuum cum 200 solidis componat».—Въ *codices* A та же статья замѣтно искажена, такъ какъ невозможно, чтобы свободнорожденный духовный былъ оцѣненъ только въ 100 solidi, тогда какъ свободнорожденный міряninъ въ 200.—Ср. *Caroli magni epistola ad Pippinum*, Bouquet, V, 629: «Si presbyter natus est liber, tripla compositione secundum legem suam fiat compositus (то-есть, требуется тройная стоимость его происхожденія, или 600 солидовъ); si autem presbyter servus natus fuerit, secundum illius nativitatem tripla compositione solvatur» (то-есть, три раза по 30 solidi, согласно Салической Правдѣ).—Такое же правило находимъ въ Аламанской Правдѣ, XV, XVI; оно примѣняется даже къ епископамъ, XI (изд. Lehmann, стр. 77; XI, 1, изд. Pertz, стр. 49): «Si quis episcopum aliquam iniuriam fecerit... omnia tripliciter componantur sicut ceteri parentes eius compositionem habebant».—То же самое въ Баварской Правдѣ, I, 8 и 9: «Si quis ministros ecclesiae... occiderit, componat hoc dupliciter sicut solent componi parentes eius... Monach

постановленія не были дѣломъ прихоти того или другого законодателя; они навязывались законодателю сами, такъ какъ сознаніе общества не вмѣщало понятія, чтобы вольноотпущенникъ могъ быть равенъ свободному человѣку.

2.

Патронатъ надъ вольноотпущенниками.

Если прежній рабъ не становился равнымъ со свободными людьми то, еще менѣе того, дѣлался онъ равнымъ своему прежнему господину. Кромѣ двухъ исключеній, которыя мы сейчасъ увидимъ, существовало правило, что освобожденіе раба не порывало узъ зависимости между рабомъ и господиномъ; оно замѣняло только рабство патронатомъ. Это былъ тоже старинный принципъ, столько же германскій, сколько римскій. Онъ вытекалъ, можно сказать, изъ вѣрнаго понятія, то-есть, изъ понятія, согласнаго съ соціальными условіями и умственными представленіями того времени. Выражалось это понятіе въ томъ, что человѣкъ, перестающій быть рабомъ, нуждался въ покровителѣ. Дѣйствительно, гражданское общество, внѣ котораго онъ жилъ до тѣхъ поръ, не представляло для него достаточно надежной поддержки. Молодая свобода его оказалась бы въ большой опасности. При чтеніи сводовъ шестого и седьмого вѣковъ насъ поражаетъ, насколько легко было завладѣть личностью

dupliciter componantur secundum genealogiam suam».—Правило, на которое мы указываемъ, ясно отмѣчено всюду, и оно соблюдалось до времени Карла Великаго.

человѣка, увезти его, какъ раба, продать его [1]. Это было легко и по отношенію къ свободному человѣку; еще легче осуществлялось такое насиліе надъ вольноотпущенникомъ. Насъ поражаетъ также большое количество тяжбъ, относящихся къ положенію лицъ. Весьма часто передъ судьей спорили два лица, одно объявляло себя свободнымъ человѣкомъ, другое требовало возвращенія перваго въ свое распоряженіе, какъ раба [2]. Доказать же свою свободу вообще было трудно. Вольноотпущенникъ часто не обладалъ документами о своемъ гражданскомъ положеніи. Правда, ему вручали освободительную грамоту, и она служила на судѣ удостовѣреніемъ; но она могла легко затеряться или быть похищена. Въ такого рода тяжбахъ обычнымъ пріемомъ было представленіе на судъ родителей человѣка, свобода котораго оспаривалась. Если его родители были свободные люди, то судья высказывался въ пользу свободы [3]. Но у вольноотпущенника именно не было свободныхъ родителей; родители его были рабы, и они свидѣтельствовали противъ него. Итакъ вольноотпущенникъ былъ лишенъ средствъ самозащиты и подвергался опасности снова впасть въ

[1] *Lex Salica*, XXXIX, 2 и 3: «Si quis ingenuum plagiaverit» (нѣсколько рукописей добавляютъ «et vendiderit»).—*Lex Ripuaria*, XVI: «Si quis ingenuum extra solum vendiderit».—*Lex Alamannorum*, XLVI: «Si quis liberum vendiderit».—*Lex Baiuwariorum*, XV, 5: «Si quis ingenuum vendiderit».—*Edictum Theodorici*, 78: «Qui ingenuum plagiando vendiderit».

[2] *Lex Ripuaria*, LXVII, 5: «Pro ingenuitate certare».—*Ibidem*, LVII, 2 и 3.—*Lex Wisigothorum*, V, 3—7.—*Lex Baiuwariorum*, XVI, 11.—*Lex romana Burgundionum*, XLIV.

[3] *Formulae Lindenbrogianae*, 21; *Senonenses*, 2 и 5; *Merkelianae*, 28.

рабство [1]. Было, значитъ, необходимо, чтобы онъ могъ опираться на кого-нибудь другого, кто бы защищалъ его, кто являлся бы поручителемъ за его положеніе вольноотпущенника. Обязанность эта падала на то же лицо, которое сдѣлало его свободнымъ. На прежнемъ господинѣ лежало обязательство быть для него тѣмъ, что называлось *auctor* [2], то-есть, отвѣтчикомъ, защитникомъ на всѣхъ тяжбахъ и противъ всякихъ насилій [3].

Долгъ покровительства, лежавшій на бывшемъ господинѣ, обозначался на меровингскомъ языкѣ латинскими терминами *patrocinium*, *defensio*, или германскимъ терминомъ *mundeburd*. Но покровительство не могло осуществляться при отсутствіи власти. Патронъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же правъ надъ своимъ вольноотпущенникомъ, сколько обязанностей по отношенію къ нему. Подчиненіе вольноотпущенника обозначалось латинскими терминами *obsequium*,

[1] Опасеніе это высказывается во многихъ формулахъ освобожденія. *Andegavenses*, 23: «Si quis contra hanc ingenuitatem agere conaverit».—*Marculf.* II, 32: «Si quaelibet persona contra hanc ingenuitatem tuam venire conaverit aut te in servitio inclinare voluerit, divina ultio illum prosequatur».—*Senonicae*, 1.—*Lindenbrogianae*, 9.—*Merkelianae*, 14.

[2] *Lex Ripuaria*, LVII, 2: «Si auctorem habuerit, auctor eum adducat».

[3] Высказываемыя нами здѣсь идеи ясно выражены въ формулахъ и въ хартіяхъ.—*Marculf.* II, 32: «Si tibi necessitas ad tuam ingenuitatem defensandam contigerit».—*Merkelianae*, 14: «Pro tua ingenuitate defensanda».—*Bituricenses*, 8: «Non ad affligendum, sed ad defensandum».—*Testamentum Aredii*: «Quos liberos fecimus tibi defensandos commendamus».—*Testamentum Wiperadi*: «Eorum patrocinia et defensionem constituimus».

libertaticum, или германскимъ терминомъ *litimonium*.

Итакъ, помимо тѣхъ исключеній, которыя мы укажемъ дальше, подчиненіе вольноотпущенника прежнему господину было общепризнаннымъ правиломъ. Онъ уже не былъ рабомъ, но онъ оставался слугою. Онъ продолжалъ числиться среди *familia*, то - есть, среди домашней челяди прежняго господина. Правило это мы находимъ въ соборныхъ постановленіяхъ; мы встрѣчаемъ его также въ сводахъ Бургундовъ, Вестготовъ и Лонгобардовъ [1]. Бургундская Правда прибавляетъ даже слѣдующую знаменательную подробность: если рабъ, проданный господиномъ чужестранцу, становится свободнымъ и возвращается въ свою страну, онъ возвращается туда не какъ свободный человѣкъ, а долженъ признать своимъ патрономъ прежняго, продавшаго его господина [2]. Вотъ, до какой степени казалось невозможнымъ, чтобы вольноотпущенникъ не находился подъ чьей-либо опекой, въ чьей-либо власти.

Власть господина поддерживалась санкціею, которая выражалась въ правѣ его вернуть вольноотпущенника въ рабское состояніе, въ случаѣ если послѣдній нарушалъ *obsequium*. Правда, соборы добились того, что къ наказанію этому могъ приговаривать только судья, при томъ лишь въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда вольноотпущенникъ оскорблялъ своего патрона,

[1] Четвертый толедскій соборъ, с. 70; шестой толедскій соборъ, с 9.—*Lex Burgundionum*, LVII.—*Lex Wisigothorum*, V, 7, 13.—*Lex Longobardorum*, Liutprand, 69.

[2] *Lex Burgundionum*, CVII, д. Pertz, p. 575, Walter, addit. 2 p. 349: «Ut libertus sit... non alterius patrocinium nisi domini iillus, qui eum vendidit, se habiturum esse cognoscat».

или наносилъ ему удары; во-вторыхъ, когда онъ отказывался признавать свое положеніе вольноотпущенника [1]. Но на практикѣ судья служилъ плохою защитой для вольноотпущенника, и свобода его была довольно непрочной рядомъ съ сохранившеюся властью господина. Ясно, что странное положеніе его оставалось колеблющимся, разъ для сохраненія пріобрѣтенной свободы онъ долженъ былъ повиноваться.

Къ власти патрона надъ личностью вольноотпущенника присоединялись права его надъ имуществомъ послѣдняго. Когда онъ былъ рабомъ, его пекулій по закону принадлежалъ господину. При освобожденіи господинъ имѣлъ право сохранить этотъ пекулій. Изъ хартій и формулъ видно, что господинъ почти всегда представлялъ его освобождаемому; но существовало правило, что вольноотпущенникъ не могъ ни отчуждать, ни уменьшать пекулія. То, что онъ пріобрѣлъ въ домѣ господина, или что онъ могъ пріобрѣсти позднѣе своимъ трудомъ, какъ ремесленникъ, торговецъ или какъ врачъ, по праву возвращалось господину, если только послѣдній не рѣшалъ иначе [2]. Правда, что если вольноотпущенникъ оставлялъ дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, то установившійся обычай требовалъ,

[1] *Lex Burgundionum*, XL, 1.—*Lex Wisigothorum*, V, 7, 9; 10.—Арльскій соборъ 452 года, с. 34.—Аббонъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи, что если его вольноотпущенники, которыхъ онъ оставляетъ церкви, откажутся когда-нибудь отъ своего положенія и отъ обязанностей вольноотпущенниковъ, «in pristino servitio revertantur».

[2] Это право господина обнаруживается изъ множества формулъ, въ которыхъ мы видимъ, что господинъ отказывается отъ своего права совершенно добровольно. Впрочемъ, см. *Lex Wisigothorum*, V, 7, 13—14.

чтобы они становились его наслѣдниками; но если онъ не оставлялъ дѣтей, то единственнымъ наслѣдникомъ признавался патронъ.

Правило это нельзя выводить исключительно изъ алчныхъ побужденій; оно объясняется понятіями, царившими въ умахъ. Въ самомъ дѣлѣ не допускалось, чтобы вольноотпущенникъ, не оставлявшій послѣ себя дѣтей, могъ имѣть другихъ родственниковъ. Освобожденіе раба, являясь какъ бы рожденіемъ къ гражданской жизни, порывало для него всѣ узы съ его естественной прежней, рабской семьей. Законъ не признавалъ больше никакой связи его съ тѣми родичами, которые оставались рабами. Онъ не могъ имѣть ни дядей, ни братьевъ. Считалось даже, что патронъ былъ его отцомъ, потому что, благодаря ему, онъ рождался къ гражданской жизни. Значитъ, патронъ наслѣдовалъ послѣ него, какъ ближайшій родственникъ. Варварскія правды всѣ говорятъ такъ согласно и съ римскими законами. Одна изъ нихъ высказываетъ даже принципъ, что «патронъ получалъ наслѣдство отъ своего вольноотпущенника, какъ отъ родственника» [1]. Чтобы обезпечить за патрономъ такое право на наслѣдство, законъ отказывалъ вольноотпущеннику въ правѣ на завѣщаніе вообще.

Приведемъ теперь и другое послѣдствіе того же принципа. Въ случаѣ убійства вольноотпущенника, смертная казнь замѣняется уплатой виры, то-есть, извѣстной суммы, которая вносилась пострадавшей семьѣ. Семьей же вольноотпущенника былъ не прежній рабъ, природ-

[1] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 225: «Patronus liberto succedit quasi parenti suo».—Ср. *ibidem*, 224.

ный его отецъ или братъ. Семьей его былъ патронъ, сыновья или братья его; этой-то семьѣ и уплачивалась цѣна убійства.

3.

Привилегіи denarialis и civis romanus.

Только что изложенныя нами правила допускали два исключенія. Существовали двѣ категоріи вольноотпущенниковъ, не подчинявшихся патронамъ и свободныхъ отъ всякой зависимости.

Прежде всего, то были люди, освобожденные передъ королемъ при помощи динарія. Я склоненъ думать, что выбиваніе динарія, который рабъ держалъ въ своей рукѣ и какъ бы протягивалъ господину, было символической формальностью, посредствомъ которой господинъ отказывался отъ своихъ правъ на патронатъ. Достовѣрно, что человѣкъ, освобожденный при помощи динарія, не признавалъ больше своимъ патрономъ прежняго господина. Онъ не имѣлъ передъ нимъ никакихъ обязанностей. Никогда не упоминается объ *obsequium*, которому подлежалъ бы *denarialis*. Дошедшія до насъ семь формулъ, касающіяся этого вида освобожденія, не содержатъ въ себѣ никакой оговорки, никакого ограниченія свободы. Вольноотпущенникъ избавленъ отъ всякихъ обязательствъ; королевская грамота высказываетъ это кратко, но опредѣленно [1]. Кромѣ того законъ устанавливаетъ, что бывшій господинъ не сохраняетъ патроната: онъ гласитъ, что прежній господинъ теряетъ право на наслѣдство вольноотпущенника

[1] *Marculf.* I, 22; *Senonicae,* 12.

а право на наслѣдство было самымъ вѣрнымъ признакомъ патроната [1].

Можно спросить, не переходили-ли права патроната къ королю вслѣдствіе отреченія отъ нихъ господина. Этотъ вопросъ вызываетъ сомнѣнія. Статья, опредѣляющая, что, за неимѣніемъ дѣтей, наслѣдство вольноотпущенника переходитъ въ казну, не устанавливаетъ точно, наслѣдуетъ-ли король въ качествѣ патрона, или здѣсь дѣйствуетъ правило, относящееся ко всякому выморочному имуществу. Точно также и въ случаѣ убійства вольноотпущенника неизвѣстно, получаетъ-ли король за него виру, какъ государь или какъ патронъ [2]. Согласно Рипуарской Правдѣ, вира равнялась 200 солидамъ [3]. Повышеніе этой суммы объясняется или тѣмъ, что *denarialis* дѣлался равнымъ съ Франками, или тѣмъ, что онъ находился подъ патронатомъ короля. Салическая же Правда, въ одной неясной, впрочемъ, статьѣ доводитъ, повидимому, законную виру *denarialis* лишь до ста золотыхъ, что было половиной цѣны Франка [4].

Надо признать, что положеніе этой категоріи воль-

[1] *Lex Ripuaria*, LVII, 4: «Si homo dinariatus absque liberis discesserit, non alium nisi fiscum nostrum habeat heredem».—Ср. *Lex Longobardorum,* Rotharis, 224: «Si amund mortuus fuerit, curtis regia illi succedat, non patronus aut heredes patroni».

[2] Капитулярій 801—813 года, ст. 4, изд. Boretius, стр. 158: «De denarialibus, ut si quis eos occiderit, regi componatur».

[3] *Lex Ripuaria*, LXII, 2.

[4] *Lex Salica*, XXVI: «Si quis alienum litum extra consilium domini sui ante regem per dinarium dimiserit, solidos centum».— Но, быть можетъ, штрафъ этотъ былъ лишь цѣною убытка, причиненнаго господину потерей раба.

ноотпущенниковъ извѣстно намъ очень плохо. Писатели никогда не говорятъ о нихъ. Салическая и Рипуарская Правды говорятъ лишь не много. Утверждали, будто *denarialis* пользовался столь полной свободой «что тотчасъ же вступалъ въ племя Франковъ» [1]. Утвержденіе это превосходитъ показанія памятниковъ. Слова *ut reliqui Ripuarii liber permaneat* не имѣютъ такого безусловнаго значенія; подобныя выраженія дѣйствительно встрѣчаются во всѣхъ почти формулахъ освобожденія, даже въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ видно, что вольноотпущенникъ не получаетъ полной свободы [2]. Что касается выраженія *bene ingenuus*, то оно также встрѣчается во всѣхъ формулахъ. Размѣръ виры, если принять указанный Рипуарской Правдой, не служитъ еще достаточнымъ ручательствомъ, такъ какъ извѣстно, что въ составъ виры входило нѣсколько элементовъ. Наконецъ, ни одинъ законъ и ни одинъ другой памятникъ не указываютъ, что вольноотпущенникъ, который могъ принадлежать къ туземному населенію, получалъ съ этого времени званіе Франка. При этомъ нѣсколько признаковъ достаточно указываютъ на то, что онъ оставался ниже свободнорожденныхъ людей; онъ назывался *denarialis* всю свою жизнь и даже на-

[1] *Guérard*, Polyptyque d'Irminon, prolégoménes, p. 374.

[2] См. *Merkeliana* 14, гдѣ встрѣчаются самыя энергичныя выраженія для обозначенія полной свободы, и гдѣ объявлено въ послѣдней строкѣ, что вольноотпущенникъ этотъ будетъ находиться подъ патронатомъ и платить оброкъ. См. также формулу *Sangallensis* 16, гдѣ вольноотпущенники объявлены настолько свободными, «какъ, если бы они были рождены отъ самыхъ знатныхъ Аламанновъ», и эти самые вольноотпущенники навсегда сдѣланы плательщиками оброка монастырю. См. еще формулу *Augiensis* (Zeumer, p. 360).

слѣдственно; въ одномъ законодательномъ текстѣ говорится о *denarialis* третьяго поколѣнія [1]. Сомнительно, чтобы онъ имѣлъ право дѣлать завѣщанія; достовѣрно, что лишь въ третьемъ поколѣніи онъ могъ назначать себѣ наслѣдника путемъ усыновленія [2]. Одна эта подробность указываетъ, насколько его отличали еще отъ настоящихъ свободныхъ людей и отъ настоящихъ Франковъ. Но онъ отличался также отъ другихъ вольноотпущенниковъ, именно тѣмъ, что не имѣлъ патрона.

Господинъ могъ отказаться отъ правъ патроната и не прибѣгая къ формальности бросанія динарія. Ему достаточно было указать на свое отреченіе письмомъ; только надо было, чтобы оно было высказано въ самыхъ ясныхъ и безспорныхъ выраженіяхъ.

Онъ выдавалъ, напримѣръ, слѣдующую грамоту: «Въ городѣ Буржѣ, въ церкви святого Стефана я освободилъ передъ алтаремъ такого-то и такого-то раба, и съ нынѣшняго дня я освобождаю ихъ отъ ига рабства, согласно постановленію императора Константина. Я желаю, чтобы съ этихъ поръ люди эти были

[1] Капитулярій 803 года, 9, Boretius, стр. 118 «Homo denarialis non ante haereditare in suam agnationem poterit quam usque ad tertiam generationem perveniat».

[2] Таково настоящее значеніе словъ *hereditare ad suam agnationem*. Слова эти были плохо поняты; думали, что они обозначали право denarialis наслѣдовать отъ своего отца лишь въ третьемъ поколѣніи, что совершенно нелѣпо. *Hereditare*, на языкѣ того времени, значило не наслѣдовать, а назначать наслѣдника; оно было синонимомъ *heredem facere*. Если всмотрѣлись бы въ предшествующую статью, гдѣ есть именно слова *heredem sibi facere*, то не впали бы въ эту ошибку. *Hereditare in agnationem* представляетъ выраженіе, подобное *adoptare in familiam*.

совершенно свободны, чтобы они жили для себя, работали для себя, отправлялись бы куда хотятъ, жили, гдѣ хотятъ, чтобы двери передъ ними были раскрыты. Я желаю, чтобы они не служили никому изъ моихъ наслѣдниковъ и наслѣдниковъ моихъ наслѣдниковъ. Ни отъ нихъ, ни отъ потомства ихъ не будетъ требоваться ни одна изъ обязанностей вольноотпущенника, ни одна изъ повинностей, приличествующихъ по отношенію къ патрону... Они будутъ имѣть право составлять завѣщанія, получать также наслѣдства отъ всякаго рода лицъ, и какъ они, такъ и потомство ихъ, будутъ жить совершенно свободными, какъ римскіе граждане» [1].

У насъ есть цѣлый рядъ формулъ, подобныхъ этой [2]. Мы ясно видимъ изъ нихъ, что господинъ отказывается отъ патроната надъ семьей вольноотпущенника на который семья его имѣла право; онъ не оставляетъ себѣ надъ нимъ никакой власти, никакого права на его наслѣдство. Въ нѣкоторыхъ другихъ формулахъ онъ пишетъ, что этотъ вольноотпущенникъ можетъ, если хочетъ, взять себѣ патрона, свободно самъ выбрать его [3].

Отреченія эти не были спеціально присущи актамъ освобожденія, совершавшимся въ церкви; мы находимъ ихъ также въ формулахъ освобожденій посредствомъ простой хартіи. Такъ, господинъ пишетъ: «Я освобождаю такого-то раба и объявляю его такъ же свободнымъ, какъ еслибы онъ былъ рожденъ отъ свободныхъ родителей. Его пекулій будетъ принадлежать ему. Онъ не долженъ будетъ оказывать никакихъ услугъ ни одному изъ моихъ наслѣдниковъ. Пусть двери передъ нимъ будутъ раскрыты, пусть онъ идетъ, куда захочетъ, на всѣ четыре стороны. Пусть онъ будетъ римскимъ гражданиномъ» [1].

[1] *Formulae Bituricenses*, 9, Rozière, № 62.

[2] *Arvernenses*, 3.—*Turonenses*, 12.—*Senonicae*, appendix, 3, Zeumer, p. 210.—*Senonenses*, 9.—*Merkelianae*, 13 и 14.—*Lindenbrogianae*, 10.—*Sangallenses*, 6.

[3] Примѣры можно найти въ Турскомъ сборникѣ формулъ.

Почти всѣ формулы называютъ этого вольноотпущенника римскимъ гражданиномъ. Одна изъ нихъ говоритъ: «Пусть онъ вступитъ въ сословіе римскихъ гражданъ» [2]. Вполнѣ очевидно, что званіе *civis romanus* не имѣло того значенія, какъ при римской республикѣ. Съ нимъ не соединялось представленія о политическихъ правахъ. Званіе это обозначало высшую ступень освобожденія, а потому и высшее положеніе вольноотпущенника.

Съ нимъ не связывалось также представленіе о расѣ, такъ какъ на племенное происхожденіе раба никогда не обращали вниманія. Когда про какого-нибудь человѣка говорили, что онъ «римскій гражданинъ», а про женщину, что она «римская гражданка», имѣли ввиду указать не на то, что они — римскаго происхожденія, а что они отпущенные на свободу рабы. Мы не должны также думать, что господинъ, освобождавшій своего раба такимъ именно образомъ, принадлежалъ къ римскому населенію. «Рипуарскій Франкъ можетъ сдѣлать своего раба римскимъ гражданиномъ»,

[1] *Formulae salicae Merkelianae*, 13.

[2] *Formulae Arvernenses*, 4.

говоритъ законъ [1]. Итакъ, сами законы признавали и освящали названіе римскаго гражданина, сохранявшееся вѣками. Изъ римскаго общества оно перешло въ меровингское; изъ Галліи было перенесено въ Германію. Мы видимъ тутъ формулы и хартіи, въ которыхъ вольноотпущенникъ получаетъ названіе *civis romanus*, хотя ни господинъ его, ни самъ вольноотпущенникъ не принадлежали къ римской расѣ.

5.

Обязанности вольноотпущенниковъ.

Изъ того обстоятельства, что у насъ есть довольно много формулъ, относящихся къ *denarialis* и къ *civis romanus*, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что эти два класса вольноотпущенниковъ боли очень многочисленны. Большинство вольноотпущенниковъ оставалось подчиненнымъ патронату, и власть господина продолжала тяготѣть надъ ними. Мы должны исходить изъ принципа, что освобожденіе раба не проистекало изъ иного источника или побужденія кромѣ воли господина. Во власти самого господина, значитъ, было опредѣлить, какъ далеко будетъ простираться его благодѣяніе, то-есть, какія права онъ сохранитъ для себя. Положеніе и обязанности вольноотпущенниковъ не опредѣлялись законами. Въ день освобожденія господинъ назначалъ, какая будетъ степень свободы каждаго, и какой родъ обязанностей ляжетъ на каждаго вольноотпущенника.

[1] *Lex Ripuaria*, LXI, 1.

Такъ какъ употребленіе писанныхъ актовъ получило большое распространеніе въ меровингское время, то стало правиломъ, чтобы каждая освободительная хартія обозначала волю господина въ точныхъ выраженіяхъ. Текстъ такой грамоты дѣлался закономъ для вольноотпущенника [1]. Этотъ принципъ установленъ въ памятникахъ того времени очень опредѣленно. Вестготская Правда содержитъ, напримѣръ, главу «объ условіяхъ, вносимыхъ лицомъ освобождающимъ въ грамоту, врученную лицу освобождаемому» [2]. Она добавляетъ, что если выраженія недостаточно ясны, то за разрѣшеніемъ спора надо обращаться къ судьѣ. Лангобарская Правда высказываетъ, что «такъ какъ существуетъ нѣсколько родовъ освобожденія, то необходимо, чтобы отпускающій на волю указалъ въ грамотѣ, какой свободы хочетъ онъ для своего раба» [3]. Тотъ же сводъ объявляетъ немного дальше: «Всѣ вольноотпущенники должны жить согласно поставленнымъ имъ господами условіямъ, то-есть, согласно тому, что дали имъ господа [4]. То же самое правило встрѣчается

[1] Освободительная грамота называется въ текстахъ *epistola libertatis, libertatis testamentum, testamentum ingenuitatis, carta manumissionis, epistola absolutionis.*

[2] *Lex Wisigothorum*, V, 7, 14: «De conditionibus a manumissore in scriptura manumissi consriptis».

[3] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 224: «Haec sunt quatuor genera manumissionum... Necesse est, ut qualiter liberum thingaverit, ipsa manumissio in cartula libertatis commemoratur».

[4] Таково значеніе 226-й статьи эдикта Ротариса, которую иногда плохо понимали: «Omnes liberti qui a dominis suis libertatem meruerint, legibus dominorum et benefactoribus suis vivere debeant secundum qualiter a dominis suis propriis eis concessum fuerit».

во многихъ меровингскихъ хартіяхъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Напримѣръ, одинъ завѣщатель напоминаетъ, что онъ освободилъ нѣсколькихъ рабовъ, и что «они должны пользоваться свободою согласно выраженіямъ данныхъ имъ грамотъ» [1].

Когда же люди эти говорили о свободѣ, то подразумѣвали подъ тѣмъ не теоретическую и неопредѣленную свободу; они думали объ очень ясныхъ и точныхъ гражданскихъ правахъ. Вопросъ заключался въ томъ, чтобы знать, оставитъ ли прежній рабъ прежняго господина, будетъ ли онъ жить, гдѣ захочетъ, сохранитъ ли свое имущество и будетъ ли имѣть право пріобрѣтать новое, получитъ ли возможность передавать по наслѣдству или составлять завѣщанія. Вотъ, что должна была опредѣлять каждая освободительная грамота.

Если господинъ отказывалъ рабу въ подобныхъ преимуществахъ, онъ не долженъ былъ оговаривать этого; упоминать о нихъ надобно было въ томъ случаѣ, когда они давались, такъ какъ въ принципѣ вольноотпущенникъ не обладалъ ни однимъ изъ этихъ правъ, если господинъ формальнымъ образомъ не опредѣлялъ, что онъ ихъ получитъ. Такимъ-то образомъ, должны мы, безъ всякаго сомнѣнія, понимать имѣющіяся у насъ многочисленныя формулы освобожденія. Тѣ формулы, которыя даютъ вольноотпущеннику полную свободу, перечисляютъ одно за другимъ

[1] «Sicut epistolae eorum edocent» (*Diplomata*, I, 213).—«Secundum quod eorum epistolae loquuntur» (*Diplomata*, № 413, Pardessus, II, 212).—*Marculf.* II, 17: «Iuxta quod epistolae continent».—*Edictum Chlotarii*, 614, ст. 7: «Iuxta textus cartarum ingenuitatis».

различныя его права. Тѣ же формулы, въ которыхъ мы не находимъ этого перечисленія, относятся къ неполному освобожденію. Чтобы то или иное право не признавалось за вольноотпущенникомъ, было достаточно умолчанія господина. Для сохраненія за собой и за своими наслѣдниками патроната надъ рабомъ, было достаточно, умолчанія о томъ, что господинъ отказывается отъ него.

Многочисленныя формулы, въ которыхъ мы видимъ, что господинъ уступаетъ свои права патроната церкви или монастырю, служатъ доказательствомъ того, что такія права ему принадлежали; чтобы передать эти права, онъ долженъ былъ опредѣленно высказать, что ни одинъ изъ «его наслѣдниковъ или вообще изъ преемниковъ его правъ» не будетъ требовать отъ вольноотпущенника никакой службы, такъ какъ еслибы онъ не сдѣлалъ этой уступки церкви, то наслѣдники его имѣли бы вѣчныя права на услуги вольноотпущенниковъ.

Подобное продолженіе зависимости отмѣчается хартіями съ полной ясностью. Свободѣ вольноотпущенниковъ господинъ могъ поставить всякія границы, всякія условія, какія хотѣлъ. Онъ могъ постановить, какъ сдѣлалъ въ своемъ завѣщаніи Перпетуй, что рабы его будутъ свободны, «но подъ условіемъ, чтобы они какъ свободные служили ему» [1]. Выраженіе это, немного неясное для насъ, обозначало, что вмѣсто рабской службы, они должны будутъ нести службу вольноотпущенниковъ; послѣдняя была, вѣроятно, мягче,

[1] *Diplomata*, № 49, I, стр. 24: «Volo liberos liberasque esse... ta tamen ut libere serviant».

была болѣе ограничена и главное была почетнѣе первой; но повиновеніе наслѣдникамъ патрона оставалось тѣмъ не менѣе обязательно.

Другой завѣщатель, Ансбертъ, пишетъ въ 696 году: «Я желаю, чтобы рабы мои были освобождены; сестрѣ моей они должны будутъ оказывать услуги вольноотпущенниковъ» [1]. Однимъ изъ условій, которыя ставились иногда вольноотпущенникамъ, было содержаніе могилы господина; въ годовой день его кончины онъ долженъ былъ приносить нѣсколько свѣчей и небольшія приношенія [2]. Менѣе мягкимъ было условіе, чтобы вольноотпущенникъ ежегодно отдавалъ прежнему своему господину или его наслѣдникамъ нѣсколько дней труда. Родъ труда оставался обыкновенно тотъ же, которому отдавался освобожденный въ бытность свою рабомъ. «Я желаю, чтобы они были вполнѣ свободны, пишетъ Бертрамнъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы одинъ день въ году они служили моему наслѣднику такъ, какъ служили мнѣ» [3]. Одна завѣщательница назначаетъ, чтобы вольноотпущенникъ ея, Гундефридъ, бывшій, вѣроятно, земледѣльцемъ, отдавалъ ей извѣстное число дней на пахоту со своими

[1] *Testamentum Ansberti*, Diplomata, № 437: «De mancipiis volo, ut ingenui esse debeant et ut pro ingenuis, germana mea dum advivet, in suum debeant adesse obsequium».

[2] *Testamentum Bertramni*, Diplomata, I, p. 214: «Ut relaxentur a servitio et ipsis tam de sepultura mea quam de luminario et de cineribus meis sit cura usque ad ultimum diem eorum».— *Marculf*. II, 34: «Oblata mea, ubi meum requiescit corpusculum, vel luminaria annis singulis debeat procurare».

[3] *Testamentum Bertramni*, I, p. 213: «Ut ministerium quale egerint, unusquisque annis singulis praedicta die observent».

волами [1]. Она освобождаетъ другого раба, по имени Вуалахарія, и отдаетъ ему въ то же время воловъ, за которыми тотъ ходилъ, будучи рабомъ; но на него ложится обязанность перевозки дровъ [2].

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вольноотпущенникъ долженъ былъ платить прежнему господину и его наслѣдникамъ настоящій оброкъ. Одно лицо, по имени Аббонъ, напоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, что родители его оставили ему вольноотпущенниковъ, которые уплачиваютъ ему ежегодный оброкъ, *impensio*, цифру котораго онъ, впрочемъ, не обозначаетъ. Онъ завѣщаетъ этихъ вольноотпущенниковъ церкви, упоминая, что они будутъ платить ей ту же повинность, какую платили до тѣхъ поръ его семьѣ [3].

Въ хартіяхъ мы обыкновенно видимъ, что господинъ, освобождавшій своего раба, оставлялъ ему пекулій; рѣже предоставлялось рабу вполнѣ свободное распоряженіе имъ. Въ дошедшихъ до насъ завѣщаніяхъ мы никогда не видимъ, чтобы господинъ давалъ своимъ вольноотпущенникамъ право завѣщанія. Умолчаніемъ онъ сохранялъ за своей семьей и за своими наслѣдниками предполагаемыя права на наслѣдство вольноотпущенника. Вольноотпущенникъ тогда могъ пріобрѣтать имущество; но за неимѣніемъ дѣтей оно

[1] *Testamentum Erminetrudis*, Diplomata, II, 257.

[2] *Ibidem*: «Vualacharium... ingenuum esse ea conditione iubeo, ut ligna ad oblata faciendum ministrare procuret».

[3] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, II, 371; 375.—Точно также и въ *Codex Wissenburgensis*, № 58, нѣкто Рибальдъ освобождаетъ рабовъ и передаетъ ихъ монастырю; они получатъ покровительство монастыря и за это покровительство ежегодно будутъ платить по 4 динарія.

должно было перейти когда-нибудь къ семьѣ или къ наслѣдникамъ его господина. Несомнѣнно, что въ разсчеты завѣщателей входила возможность такого наслѣдованія. Право патроната съ составлявшимъ его послѣдствіе правомъ наслѣдованія было однимъ изъ элементовъ богатства крупныхъ родовъ меровингскаго общества, какъ нѣкогда и римскаго. Вольноотпущенники были одною изъ категорій собственности или, вѣрнѣе, дохода; ихъ дарили, продавали и завѣщали. Умирая, отецъ дѣлилъ ихъ между своими дѣтьми. Всякій завѣщатель старался распредѣлить, кому будетъ принадлежать каждый изъ его вольноотпущенниковъ. Въ 696 году одинъ богатый дарствователь жалуетъ 1400 рабовъ и въ то же время 500 вольноотпущенниковъ, «которые несутъ службу въ данномъ мѣстѣ» [1]. Мы видимъ, наконецъ, много разъ, что завѣщатели или дарствователи завѣщаютъ или дарятъ землю съ «оброками отъ вольноотпущенниковъ», или «съ тѣмъ, что приносятъ вольноотпущенники, *cum merito libertorum*». Вѣроятно, именно такихъ, обложенныхъ повинностями вольноотпущенниковъ нѣкоторые законы и называютъ вольноотпущенниками-трибутаріями.

6.

Наслѣдственность положенія вольноотпущенника.

Наслѣдственность положенія вольноотпущенника никогда не была предписана закономъ. Своды никогда

[1] *Testamentum Ephibii*, Diplomata, II, 241.

и не говорятъ, по крайней мѣрѣ въ формальныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, что обязательства вольноотпущенника переходятъ отъ отца къ дѣтямъ. Но это указано въ актахъ и въ формулахъ, и фактъ выясняется изъ смысла нѣсколькихъ законодательныхъ постановленій.

Завѣщатель, обязывающій своихъ вольноотпущенниковъ лишь содержать свою могилу и дѣлать небольшія приношенія, постановляетъ, что и потомство ихъ будетъ подчинено такимъ же обязательствамъ, какъ они [1]. Другой завѣщатель, обложившій ихъ ежегоднымъ сборомъ, ясно высказываетъ, что послѣдній будетъ платиться вѣчно или наслѣдникамъ его, или такому-то опредѣленному лицу, или такой-то указанной имъ церкви. «Ты будешь свободенъ, пишетъ одинъ изъ господъ, подъ условіемъ ежегодной уплаты такой-то суммы; родившіеся отъ тебя будутъ платить такую же сумму и пользоваться такой же свободою» [2]. «Я освобождаю раба, пишетъ другой, и рабъ этотъ ежегодно будетъ платить по два динарія; и онъ, и весь родъ, который произойдетъ отъ него, будутъ свободны на тѣхъ же условіяхъ» [3].

Аббонъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи, что у него есть вольноотпущенники, по крайней мѣрѣ, второго поколѣнія. Онъ завѣщаетъ ихъ церкви и постановляетъ,

[1] «Tam ipsi quam proles eorum» (*Marculf.* II, 17).—То же самое въ завѣщаніи Бертрамна, I, стр. 213: «Et hoc observent quod et patres eorum».

[2] *Formulae Augienses*, B, 21.

[3] Формулы изд. *Rozière*, № 69: «Denarios duos persolvat, sicque (подъ этимъ условіемъ) ingenuus sit tam ipse quam omnis procreatio ex eo ortura».

что они навсегда будутъ подчинены этой церкви, какъ были подчинены ему. Онъ предвидитъ случай, когда позднѣе люди, принадлежащіе къ роду этихъ вольноотпущенниковъ, окажутся непокорными и неблагодарными и захотятъ уклониться отъ патроната. Онъ объявляетъ, что церковь тогда будетъ имѣть право подвергнуть ихъ наказанію, обратившись къ судьѣ, и добавляетъ: если который-нибудь изъ нихъ захочетъ отрицать, что онъ монастырскій вольноотпущенникъ, то его можно будетъ снова обратить въ рабство [1]. Подобныя предосторожности достаточно указываютъ, что патронатъ и всѣ налагавшіяся имъ обязательства были наслѣдственны.

Въ Рипуарской Правдѣ читаемъ, что если лицо, освобожденное отъ рабства, соединяется бракомъ съ свободнорожденнымъ, то дѣти, которыя родятся отъ такой четы, попадутъ въ положеніе вольноотпущенниковъ [2]. Какъ объяснить подобный законъ, если положеніе вольноотпущенника не было наслѣдственно? Законъ говоритъ, что оно наслѣдственно даже въ томъ случаѣ, когда только одинъ изъ двухъ родителей былъ вольноотпущенникомъ.

Говоря о вольноотпущенникѣ, принадлежащемъ церкви, Рипуарская Правда высказывается еще яснѣе; она напоминаетъ, что и онъ, и потомство его должны оставаться подъ властью церкви и платить ей сборъ, вытекающій изъ ихъ положенія, то-есть, оброкъ, установленный тѣмъ, кто ихъ освободилъ, тотъ налогъ,

[1] *Testamentum Abbonis*, Diplomata, II, 375.

[2] *Lex Ripuaria*, LVIII, 11: «Generatio eorum semper ad inferiora declinetur».

который являлся условіемъ свободы [1]. Церковь не имѣла особыхъ привилегій въ отношеніи патроната. То, что здѣсь говорится о церковныхъ вольноотпущенникахъ, относится ко всѣмъ вольноотпущенникамъ вообще, за исключеніемъ тѣхъ, которые при освобожденіи были спеціально избавлены отъ патроната самими господами. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что родъ вольноотпущенника оставался изъ поколѣнія въ поколѣніе съ тѣми же правами и съ тѣми же обязанностями, какія были опредѣлены для него самого освободителемъ.

Не должно вводить въ ошибку употребленіе нѣкоторыхъ терминовъ, которые могутъ пониматься различно. Въ текстахъ очень часто указываются люди, которые названы *liberi*, даже *ingenui*. Но очень невѣрно было бы думать, по первому впечатлѣнію, что рѣчь идетъ непремѣнно о свободнорожденныхъ. На языкѣ того времени мало различали между *liber* и *libertus*, и легко брали одно изъ этихъ двухъ словъ вмѣсто другого [2]. Что касается слова *ingenuus*, имѣвшаго въ старо-латинскомъ языкѣ только одно, очень ясное и вполнѣ установившееся значеніе, то на языкѣ меровингскаго времени оно имѣло ихъ два. Иногда оно говорилось о свободнорожденномъ человѣкѣ, прина-

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1 (codices B): «Tam ipse quam omnis procreatio eius... omnem redditum status aut servitium tabularii ecclesiae reddant».

[2] Примѣровъ безчисленное множество. Назовемъ только завѣщаніе Аредія (*Diplomata*, I, 138), въ которомъ слова *liberi nostri* могутъ относиться лишь къ однимъ вольноотпущенникамъ; завѣщаніе Руфины (т. II, стр. 241): «Trado liberos, qui obsequium faciant quingentos».

длежавшемъ къ роду, который всегда былъ свободнымъ. Въ другихъ случаяхъ оно говорилось о человѣкѣ, только что избавленномъ отъ рабства [1].

Ученый историкъ и юристъ Пардессю хорошо замѣтилъ, что терминъ *ingenuus* часто примѣнялся къ вольноотпущенникамъ; но ему представлялось, что выраженіе это относится къ тѣмъ изъ нихъ, кто получалъ высшій родъ освобожденія. Памятники однако не даютъ права дѣлать такое различіе. Во многихъ формулахъ читаемъ мы слѣдующую фразу, произносимую господиномъ своему рабу: «я желаю, чтобы ты былъ свободенъ, вполнѣ свободенъ, какъ бы рожденный отъ свободныхъ родителей»; такая красивая фраза не мѣшаетъ тому, чтобы нѣсколькими строками дальше въ той же формулѣ говорилось, что вольноотпущенникъ этотъ будетъ наслѣдственно подчиненъ службѣ и оброку [2].

Такимъ образомъ, на одномъ и томъ же языкѣ, въ одно время и на однѣхъ и тѣхъ же страницахъ, терминъ *ingenuus* обозначалъ человѣка, свободнаго по рожденію, а также вольноотпущенника. Но сбивчивость въ словахъ не влекла за собою непремѣнно

[1] Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ числа многихъ. *Testamentum Remigii* (т. I, стр. 84): «Servos quos *ingenuos* relaxavimus».—У Григорія Турскаго (Hist. VIII, 41) одинъ рабъ говоритъ своему господину: «Promissum habui, ut *ingenuus* fierem».—Во всѣхъ почти формулахъ освобожденія стоитъ «servum illum volo, ut *ingenuus* sit».—Слово *ingenuitas* часто употребляется для обозначенія освобожденія. Въ актахъ продажи и пожалованія землю уступаютъ «cum hominibus tam *ingenuis* quam servis», и не можетъ быть, чтобы *ingenuis* обозначало въ этихъ фразахъ свободныхъ людей.

[2] См. напримѣръ, формулу *Sangallensis*, 16.

смѣшеніе фактовъ и соціальныхъ состояній. Хотя названіе свободнаго получали всѣ, но законы и обычаи сохраняли огромное разстояніе между свободнымъ по рожденію и свободнымъ по освобожденію отъ рабства.

7.

Литы.

У древнихъ Германцевъ были рабы и вольноотпущенники. Соціальное положеніе послѣднихъ указано Тацитомъ въ нѣсколькихъ словахъ: они стояли немногимъ выше рабовъ [1]. Авторъ не говоритъ, какимъ словомъ ихъ называли; но мы узнаемъ отъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, что у древнихъ Саксовъ ихъ называли *lassi*, *liti* или *lidi*, и наименованіе это имѣло то же значеніе, какъ латинское слово *liberti* [2]. Германцы, которые водворились въ Галліи, перенесли туда и литовъ и стали освобождать рабовъ, которымъ давали и въ позднѣйшіе годы это названіе. Мы находимъ литовъ въ продолженіе всего меровингскаго періода [3].

Что литъ былъ прежнимъ отпущеннымъ на свободу рабомъ, это ясно обнаруживается изъ двухъ слѣдующихъ одна за другою въ Рипуарской Правдѣ статей: въ первой законодатель говоритъ, что раба

[1] *Tacit.* Germ. 25: «Liberti non multum supra servos sunt».

[2] *Nithard.* IV, 2: «Sunt qui lazzi illorum lingua dicuntur, latina vero lingua hoc sunt... serviles».

[3] *Lex Salica*, XXVI.—*Lex Ripuaria*, LXII, 1.—*Lex Alamannorum*, XCV.—Грамота Карла Мартелла отъ 722 года въ *Diplomata*, II, 334.—*Charta Pippini* 706 года (*Ibidem*, II, p. 273).

можно сдѣлать вольноотпущенникомъ—римскимъ гражданиномъ; во второй, онъ говоритъ, что изъ раба можно также сдѣлать трибутарія или лита [1]. Слѣдовательно, литъ, это такъ же какъ и *civis romanus*, какъ *libertus* и какъ *tributarius*—прежній рабъ, избавленный своимъ господиномъ отъ рабства.

Салическая Правда также упоминаетъ о литѣ; она говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, который и не свободный, и не рабъ [2]. Аламанская Правда и Правды Фризовъ и Саксовъ ставятъ лита на одинаковое разстояніе отъ раба и отъ свободнорожденнаго человѣка [3]. Въ Салической Правдѣ законной цѣной лита была половина цѣны свободнаго человѣка [4]. Рипуарская Правда устанавливаетъ болѣе глубокое различіе между рабомъ, котораго господинъ сдѣлалъ *civis romanus*, и между рабомъ, котораго онъ сдѣлалъ литомъ. Законной цѣной перваго было 100 солидовъ, цѣною второго было лишь 36 солидовъ, такъ же какъ и цѣною вольноотпущенника—трибутарія [5].

[1] *Lex Ripuaria*, LXI, 1: «Si quis servum suum libertum fecerit et civem romanum».—*Ibidem*, LXII, 1: «Si quis servum suum tributarium aut litum fecerit».

[2] *Lex Salica*, XXVI: «Si quis alienum litum... si quis alienum servum...».

[3] *Lex Alamannorum*, XCV: «Si ingenua... si lita fuerit... si ancilla».—*Lex Frisionum*, I, 11: «Si quis homo, sive nobilis, sive liber, sive litus, sive servus».—*Lex Saxonum*, II, 1—4.

[4] Это видно, мнѣ кажется, изъ *Lex Salica* (ms. 4404) XXVI: «Si quis alienum litum per denarium dimiserit, 100 solidos...»—Если же дѣло шло о рабѣ, то цѣна его была лишь 35 солидовъ.—*Pactus pro tenore pacis*, c. 8: «Litus medietatem ingenui legem componat».

[5] Ср. главы LXI и LXII изъ *Lex Ripuaria*; первая относится къ «civis romanus», вторая къ «litus» и «tributarius».

Какъ и всѣ вольноотпущенники, которыхъ мы видѣли, литъ такъ же былъ человѣкъ зависимый, человѣкъ, находившійся во власти другого. Законы показываютъ, что у него былъ господинъ, *dominus* [1]. Литъ могъ иногда входить въ составъ войска, но онъ шелъ всегда рядомъ со своимъ господиномъ и подъ его начальствомъ, а не какъ свободный человѣкъ подъ командою графа [2]. Согласно Саксонской Правдѣ, онъ до такой степени долженъ былъ повиноваться приказаніямъ господина, что не былъ отвѣтственъ за преступленія, которыя его заставлялъ совершить господинъ; въ этомъ отношеніи онъ былъ поставленъ въ одинаковое положеніе съ рабомъ [3].

Какъ всѣ вольноотпущенники низшаго порядка, литъ не могъ владѣть собственностью; господинъ имѣлъ право на его имущество [4]. Потому мы и видимъ, что литъ, то-есть, услуги его и случайное наслѣдство, которое могло отъ него достаться, продавались и завѣщались почти такъ же, какъ передавались рабы [5].

---

[1] *Lex Salica*, XXVI: «Si quis alienum litum, extra consilium domini sui...»

[2] *Ibidem*, «Litum qui apud dominum in hoste fuerit».—*Apud dominum* значитъ *cum domino*. *In hoste*—въ войскѣ.

[3] *Lex Saxonum*, II, 5: «Litus, si per iussum vel consilium domini sui hominem occiderit, dominus compositionem persolvat».—XI, 1: «Quidquid servus aut litus, iubente domino, perpetraverit, dominus emendet».

[4] Это видно изъ *Lex Salica*, XXVIII, 2 (Pardessus, стр. 293): «Res vero liti legitimo domino restituantur».

[5] *Diplomata*, № 467: «Donamus villam... cum litis».—№ 521: «Donamus... una cum litis».

8.

Такъ называемые ecclesiastici.

Можно указать еще одну категорію вольноотпущенниковъ. На языкѣ того времени значеніе слова *ecclesiasticus* было не то, которое мы связываемъ со словомъ «духовенство». Стоящій на какой-нибудь ступени членъ духовенства назывался не *ecclesiasticus*, а *clericus* [1]. Человѣкъ, котораго называли *homo ecclesiasticus*, или женщина, которую называли *femina ecclesiastica*, это были прежніе рабы или потомки рабовъ, остававшіеся въ качествѣ вольноотпущенниковъ во власти церкви и принадлежавшіе ей.

Церкви владѣли рабами, какъ всѣ собственники. Онѣ могли примѣнять къ нимъ всѣ способы освобожденія. Иногда онѣ дѣлали изъ нихъ *denariales* или *cives romani*; чаще же всего онѣ сохраняли надъ ними патронатъ, какъ и другіе господа. Агдскій соборъ 506 года постановляетъ, что если епископъ или священникъ освобождаютъ ввѣренныхъ имъ церковныхъ рабовъ, то вольноотпущенники эти остаются во власти церкви, и, если они возстанутъ противъ этой власти, ихъ можно снова обратить въ рабство [2]. Церковь

[1] О значеніи слова *ecclesiasticus* см. *Lex Ripuaria*, X, 1; X, 2; XIV, 1; XVIII, 3; XIX, 2; XX, 2; XXII; LVIII, 1, 2, 11, 13; LXV, 2.—*Capitularia Caroli magni*, IV, 3; V, 8; V, 210.—«Feminae ecclesiasticae», см. въ *Lex Ripuaria*, X и XIV.—Въ завѣщаніи святого Ремигія (*Diplomata*, I, стр. 86) «Albovichus ecclesiasticus homo»—очевидно вольноотпущенникъ.

[2] Агдскій соборъ, Mansi, VIII, 333: «Libertos, quos sacerdotes, presbyteri vel diaconi de ecclesia sibi commissa facere voluerint, actus ecclesiae prosequi iubemus. Quod si facere contempserint, placuit eos ad proprium reverti servitium».

поступала, стало быть, такъ же, какъ всѣ другіе владѣльцы: освобождая своихъ рабовъ, она отказывалась отъ нихъ только наполовину; она сохраняла въ нихъ слугъ и подданныхъ.

Довольно часто случалось, что епископы или священники освобождали личныхъ своихъ рабовъ. Въ этомъ случаѣ они требовали, обыкновенно, чтобы патронатъ надъ ними принадлежалъ ихъ церкви. Аббаты монастырей завѣщали своихъ вольноотпущенниковъ монастырямъ. Въ другихъ случаяхъ рабовъ своихъ освобождалъ какой-нибудь міряninъ и изъ духа благочестія передавалъ свое право патроната церкви или монастырю. Онъ писалъ тогда, какъ Видерадъ: «Я освобождаю такихъ-то и такихъ-то рабовъ, и постановляю, чтобы они просили покровительства монастыря св. Преіекта» [1]. Другіе составляли грамоту такъ: «я желаю, чтобы человѣкъ этотъ былъ свободенъ, но подъ опекой и покровительствомъ такого-то святого» [2]; это значило, что съ момента освобожденія вольноотпущенникъ долженъ былъ принадлежать монастырю, патрономъ котораго былъ такой-то святой. Иногда лицо, освобождавшее раба, опредѣленно говорило, что оно уступаетъ раба своего святому съ тѣмъ, чтобы онъ былъ свободнымъ человѣкомъ [3]. Въ другихъ еще случаяхъ, патронъ завѣщалъ церкви людей, находившихся уже въ положеніи вольноотпущенниковъ: «Я передаю тебѣ,

[1] *Diplomata*, № 514: «Libertos nostros... ad casam S. Praeiect eorum patrocinia et defensionem constituimus».

[2] *Andegavenses*, 20; *Bituricenses*, 8; *Merkelianae*, 14.

[3] Формулы, изд. Rozière, № 69.

святой Мартинъ, вольноотпущенниковъ, оставленныхъ мнѣ отцомъ», пишетъ Аредій [1].

Ошибочно было бы думать, что *ecclesiastici* всегда были людьми, освобожденными въ церкви. Мы видимъ рабовъ, освобожденныхъ въ церкви, которые однако объявлялись *cives romani*. Наоборотъ, мы встрѣчаемъ рабовъ, освобожденныхъ посредствомъ простой грамоты или по завѣщанію и поставленныхъ въ положеніе *ecclesiastici*. Все это зависѣло единственно отъ воли, высказанной господиномъ въ моментъ освобожденія [2].

Вникнувъ въ понятія людей того времени, мы видимъ, что патронатъ церкви прежде всего налагалъ на эту церковь долгъ покровительства. Освобождавшій раба ясно выражалъ эту мысль: «Я желаю, чтобы такой-то рабъ былъ свободенъ, и чтобы онъ находился подъ защитой такой-то церкви» [3]. Элигій освободилъ группу рабовъ и, умирая, обратился къ церкви съ слѣдующими словами: «Я желаю, чтобы, оставаясь свободными людьми, эти вольноотпущенники стояли подъ вашимъ покровительствомъ и защитою» [4]. Другой пишетъ: «Я освобождаю этого человѣка и желаю,

[1] *Testamentum Aredii*, Diplomata, № 180: «Istos liberos nostros, quos nobis genitor noster commendavit, tibi, S. Martine, commendo».

[2] Впрочемъ, Рипуарская Правда, повидимому, именуетъ словомъ ecclesiastici всѣхъ, кто былъ освобожденъ въ церкви при участіи епископа, или архидіакона.

[3] *Bituricenses*, 9: «Se in ecclesia defendat».—*Senonicae*, app. 2, 3: «Ab ecclesia defendatur».

[4] *Testamentum Eligii*, Diplomata, II, стр. 11: «De libertis meis... in ingenuitate permaneant et vestram tuitionem vel defensionem in omnibus habeant».

чтобы онъ получилъ покровительство и охрану святого, не для притѣсненія, а для защиты» [1]. «Пусть онъ знаетъ, что будетъ находиться подъ покровительствомъ нашей церкви не для того, чтобы его заставляли служить, но для защиты его» [2]. Аредій пишетъ: «Я передаю тебѣ моихъ вольноотпущенниковъ, святой Мартинъ, чтобы ты защищалъ ихъ; огради ихъ, если кто захочетъ тревожить ихъ или требовать отъ нихъ больше услугъ, чѣмъ было установлено» [3]. Другой говоритъ, обращаясь къ освобождаемому имъ рабу: «Ни наслѣдникамъ моимъ, ни кому бы то ни было другому ты не долженъ оказывать услугъ, ни повиновенія, какъ другіе вольноотпущенники; но если ты окажешься когда-нибудь въ необходимости защищать свою свободу, то будешь имѣть право обратиться къ защитѣ церкви» [4].

Однако покровительство неизбѣжно влекло за собой и подчиненіе покровительствуемаго. Если церкви защищали на судѣ своихъ людей, то онѣ имѣли и сами надъ ними судебную власть. Рипуарская Правда признаетъ это болѣе опредѣленно, чѣмъ всѣ другіе своды. Въ одной статьѣ ея, гдѣ спеціально имѣются въ виду вольноотпущенники, принадлежащіе церкви,

[1] *Bignonianae*, 2: «Mundeburdem vel defensionem ad basilicam sancti se habere cognoscat, non ad affligendum, sed ad defensandum».

[2] *Bituricenses*, 8.

[3] *Testamentum Aredii*: «Defensandos commendamus... si quis eis amplius praeter hoc quod eis iniunctum est in quolibet inquietare et dominare voluerit, tu, S. Martine, defendas».

[4] *Marculf*. II, 32.

Правда объявляетъ, что они не должны подчиняться никакому другому суду, кромѣ церковнаго [1].

Итакъ, узы патроната ставили человѣка въ зависимость отъ епископа или отъ аббата. Онъ навсегда дѣлался вольноотпущенникомъ церкви, человѣкомъ, принадлежащимъ церкви, *homo ecclesiasticus*, или, какъ говорили, человѣкомъ святого, человѣкомъ святого Мартина или святого Германа [2].

Какъ всякій патронъ, церковь или монастырь наслѣдовали отъ своихъ вольноотпущенниковъ имущества, когда тѣ умирали бездѣтными. Точно такъ же въ случаѣ убійства вольноотпущенника, за неимѣніемъ у нихъ дѣтей, вира уплачивалась церкви [3].

Законная цѣнность личности *ecclesiasticus* никогда не является одинаковою съ цѣнностью свободнорож-

[1] Таково значеніе словъ «non aliubi nisi ad ecclesiam ubi relaxati sunt mallum teneant» (*Lex Ripuaria*, LVIII, 1). Мѣсто это истолковывали очень странно, когда подъ вліяніемъ извѣстныхъ предвзятыхъ мыслей въ словѣ *mallus* желали усмотрѣть народное собраніе. Не обратили вниманія на то, что церковь не имѣла народныхъ собраній, и что, во всякомъ случаѣ, въ нихъ не принимали бы участія скромные *tabularii*. Мы установили уже въ другомъ мѣстѣ, что слово *mallus* означало всякій родъ суда.— Достаточно, впрочемъ, сблизить эту статью Рипуарской Правды съ 7-мъ постановленіемъ Маконскаго собора 585 года: «Liberti... commendati ecclesiis... in episcopi tantum iudicio defendantur».

[2] *Andegavenses*, 26: «Apud hominem sancti illius».—Выраженіе это часто встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ, напримѣръ, въ *Polyptyque de Saint-Germain*.

[3] *Lex Ripuaria*, LVIII, 4: «Tabularius, qui absque liberis discesserit, nullum alium quam ecclesiam relinquat heredem».—*Lex Alamannorum*, XVII: «Qui ad ecclesiam dimissi sunt liberi, si occidantur, 80 solidis solvatur ecclesiae vel filiis eius».

деннаго человѣка. Не надо, впрочемъ, удивляться, что церковь, заинтересованная въ возможно большемъ повышеніи оцѣнки принадлежавшихъ ей людей, достигла признанія законами того, что ея вольноотпущенники, какъ и вольноотпущенники короля, оцѣнивались выше, чѣмъ обыкновенные вольноотпущенники. *Ecclesiasticus* стоилъ по Рипуарской Правдѣ 100 солидовъ, тогда какъ *tributarius* лишь 36 [1].

Они были слугами церкви, и это ясно указывается тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь не разрѣшала освобождать ихъ отъ ея патроната. Рипуарская Правда постановляетъ, что никто изъ вольноотпущенниковъ данной категоріи не можетъ быть превращенъ въ *denarialis*; единственная причина такого запрещенія лежитъ въ томъ, что церковь потеряла бы черезъ то слугу [2]. Церковь не терпѣла также, чтобы ея вольноотпущенниковъ отнимали у нея другіе патроны. Ясно, что согласно всѣмъ правиламъ, которыя мы только что разсмотрѣли, отнять у церкви вольноотпущенника и взять его подъ свой патронатъ было преступленіемъ, похожимъ на воровство. Это выясняетъ слѣдующая глава Рипуарской Правды: «Если кто захочетъ взять подъ свой патронатъ церковнаго вольноотпущенника безъ

[1] *Lex Ripuaria*, X, 1: «Si quis hominem ecclesiasticum interfecerit, 100 solidos...».—То же самое см. въ LVIII, 5.

[2] *Ibidem*, LVIII, 1.—Это объясняетъ одну фразу въ завѣщаніи святого Ремигія; онъ освободилъ Альбовиха и сдѣлалъ изъ него homo ecclesiasticus; позднѣе онъ захотѣлъ даровать ему высшій родъ освобожденія, «ut libertate plenissima fruatur»; но онъ можетъ даровать его лишь подъ условіемъ, если даетъ своей церкви взамѣнъ другого вольноотпущенника (*Diplomata*, т. I, стр. 86).

разрѣшенія епископа, то уплатитъ виру въ 60 солидовъ и, кромѣ того, вольноотпущенникъ и все его имущество будутъ возвращены церкви» [1]. Тотъ же законъ предвидитъ случай, когда вольноотпущенникъ будетъ похищенъ на довольно долгое время; онъ можетъ даже умереть подъ покровительствомъ другого патрона. Но все равно, дѣти его, если ихъ найдутъ, будутъ возвращены и отданы церкви, которой они принадлежатъ [2]. Это достаточно говоритъ за то, что положеніе церковнаго вольноотпущенника было наслѣдственнымъ.

Итакъ, каждая епископская церковь и каждое аббатство, не считая рабовъ, держали на своихъ земляхъ безчисленное количество вольноотпущенниковъ. Будучи церковными и монастырскими людьми, вольноотпущенники должны были оказывать церкви извѣстныя услуги, платить извѣстные налоги, указанные для каждаго въ грамотѣ освобожденія. Одна статья Рипуарской Правды опредѣленно описываетъ положеніе этихъ вольноотпущенниковъ: «они, и все ихъ потомство навсегда будутъ находиться подъ патронатомъ церкви и должны будутъ оказывать этой церкви услуги вольноотпущенниковъ и платить сборъ, присущій ихъ положенію» [3].

[1] *Ibidem*, LVIII, 2: «Si quis ecclesiasticum hominem contra episcopum defensare voluerit, 60 solidos et insuper hominem cum omnibus rebus suis ecclesiae restituat».—На языкѣ того времени слово *defensare* значило брать подъ покровительство; «defensare contra episcopum»—тождественно съ «de mundeburde episcopi abstrahere»; послѣднее выраженіе мы дѣйствительно находимъ немного ниже, LVIII, 13.

[2] *Lex Ripuaria*, LVIII, 13: «Et generatio eorum ad mundeburdem ecclesiae revertatur».

[3] *Ibidem*, LVIII, 1 (codices B): «Tam ipse quam omnis procreatio eius... omnem redditum status aut servitium tabularii ecclesiae reddant».

Люди эти какъ бы составляли предметъ собственности церкви или монастыря, подъ охраной которыхъ находились: по опредѣленію одного собора, поэтому, когда епископъ освобождалъ раба своей церкви и давалъ ему полную свободу безъ сохраненія надъ нимъ патроната церкви, въ вознагражденіе нанесеннаго имъ церкви ущерба, или той цѣнности, которой онъ ее лишалъ, онъ долженъ былъ дать ей двухъ вольноотпущенниковъ той же цѣнности и съ такимъ же пекуліемъ [1].

9.

Вольноотпущенники, именовавшіеся homines regii.

Никто не владѣлъ большимъ числомъ рабовъ, а потому и большимъ числомъ вольноотпущенниковъ, чѣмъ король. Королевскіе вольноотпущенники назывались *homines regii*, *liberti regis* или *fiscalini* [2]. Прежде всего мы должны предостеречь себя отъ ошибки, въ которую впадали нѣкоторые: *homines regii* не надо смѣшивать съ *denariales*. Возможно, что иногда король освобождалъ своего раба при соблюденіи формальности бросанья динарія или посредствомъ королевской

[1] Четвертый орлеанскій соборъ, с. 9.—Четвертый толедскій соборъ, с. 67 и 68.

[2] «Regius homo», въ *Lex Ripuaria*, IX; XI, 3; LVIII, 8; LXV, 2; LXVI, 2.—«Regia femina», *ibidem*, XIV, 1.—Тотъ же человѣкъ подразумѣвается, повидимому, въ Салической Правдѣ, XIII, 7 и LIV, 2 подъ именемъ «puer regis».

грамоты. Но чаще всего онъ освобождалъ рабовъ, какъ простое частное лицо, и сохранялъ за собой всѣ права патроната. Прежній его рабъ оставался подъ его властью; онъ былъ *homo regius*, то-есть человѣкомъ, зависимымъ отъ короля.

Мы имѣемъ формулу такого освобожденія. Король писалъ разъ, напримѣръ, своимъ *domestici*, то-есть. приставленнымъ къ управленію его помѣстьями должностнымъ лицамъ, слѣдующую грамоту: «Такъ какъ по благости Божіей мы были порадованы дарованіемъ намъ сына, то мы повелѣваемъ вамъ освободить посредствомъ вашихъ грамотъ по три раба обоего пола въ каждомъ изъ нашихъ помѣстій». Тогда королевскій управитель, выбравъ тѣхъ, кого онъ считалъ достойными освобожденія, вручалъ каждому изъ нихъ грамоту, составлявшуюся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я—*domesticus* славнаго короля, приставленный къ его помѣстьямъ, такому-то, рабу королевскаго дома на такой-то землѣ. Согласно полученному мною общему приказу, настоящей своей грамотой я объявляю тебя освобожденнымъ отъ ига рабства, такъ что съ этого времени ты будешь вести жизнь свободнаго человѣка, какъ бы рожденный отъ свободныхъ родителей, и ты не долженъ будешь оказывать никакихъ рабскихъ услугъ ни мнѣ, ни моимъ преемникамъ. Въ силу настоящей грамоты освобожденія ты останешься свободнымъ на всѣ дни твоей жизни» [1].

По первому впечатлѣнію кажется, что грамота даруетъ полную свободу, безъ ограниченій. Но при анализѣ меровингскихъ текстовъ не слѣдуетъ довѣрять

[1] *Marculf*. I, 39; II, 52.

ихъ наружному виду. Написанное здѣсь слово *ingenuus* и выраженія—«какъ бы рожденный отъ свободныхъ родителей»—не должны вводить насъ въ заблужденіе, ибо мы находимъ ихъ приблизительно въ тридцати формулахъ или завѣщаніяхъ, относящихся къ вольноотпущенникамъ, которые формально оставались подъ патронатомъ и въ зависимости. Кромѣ того, мы должны исходить изъ того принципа, что, освобождая своего раба, господинъ сохранялъ власть надъ его личностью и права на его имущество, если только положительно не отказывался отъ нихъ. Если онъ хочетъ сохранить патронатъ, то ему нѣтъ надобности заявлять объ этомъ; онъ долженъ оговаривать вопросъ при обратномъ случаѣ, когда отказывается отъ такого права. Онъ сохранялъ все, отъ чего прямо не отказывался.

Потому-то, когда мы читаемъ какую-нибудь грамоту освобожденія, мы должны обращать вниманіе не только на то, что тамъ перечислено, но также, и даже въ особенности, на то, чего въ ней не достаетъ. Въ образцѣ же грамоты, которою освобождался рабъ короля, мы не читаемъ, какъ въ грамотахъ полнаго освобожденія, что «передъ вольноотпущенникомъ двери будутъ раскрыты», что «онъ можетъ идти куда хочетъ». Простое опущеніе такихъ выраженій означало, что рабъ оставался среди челяди господина, *in familia*, и не получалъ права оставить имѣніе. Мы не читаемъ въ такой грамотѣ, что вольноотпущенникъ «возьметъ съ собой свой пекулій», «будетъ работать для себя», «пріобрѣтетъ право дѣлать завѣщанія». Опущеніе это означаетъ, что зависимость оставалась, что господинъ, то-есть, король, сохранялъ всѣ права на вольноотпущен-

никовъ, какъ и частныя лица. Мы не читаемъ, «что господинъ отказывается отъ патроната», или, что «вольноотпущенникъ будетъ подчиненъ лишь *obsequium* по отношенію къ патрону». Это знакъ того, что король сохраняетъ всѣ права, даруемыя патронатомъ.

Рипуарская Правда дѣйствительно говоритъ о патронатѣ короля надъ его людьми. «Если кто похититъ королевскихъ вольноотпущенниковъ, мужчину или женщину, изъ подъ патроната и покровительства короля, то заплатитъ 60 солидовъ; больше того, этотъ мужчина или эта женщина, равно какъ и дѣти ихъ, будутъ возвращены подъ опеку короля» [1].—Шестьдесятъ солидовъ являлись штрафомъ за преступленіе, которое совершалось похитителемъ изъ королевскаго имѣнія зависимаго человѣка, обладавшаго такою цѣнностью.

Итакъ, эти люди, выйдя изъ рабскаго состоянія, оставались въ зависимости. Они были подчинены королю не какъ государю, а какъ простому частному лицу и личному господину. Будучи королевскими вольноотпущенниками, они не становились членами «общества», а оставались внутри королевскаго «дома».

Король пользовался всѣма правами, которыя предоставлялись патрону надъ вольноотпущенниками. Когда не было у нихъ дѣтей, онъ наслѣдовалъ ихъ имущество; ему принадлежало какъ бы право собственности на движимости и недвижимости, которыми они владѣли [2].

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 12 и 13: «Si quis hominem regium tabularium, tam baronem quam feminam, de mundeburde regis abstulerit, 60 solidos...».

[2] Согласно *Lex romana Burgundionum* (глав. III), королевскій вольноотпущенникъ могъ распоряжаться по завѣщанію не больше, чѣмъ половиною своего наслѣдства.

Онъ управлялъ ими въ каждой *villa* при помощи своихъ *actores* и болѣе крупныхъ надзирателей или управляющихъ.

Но такъ какъ все, принадлежавшее королю, считалось въ меровингскомъ обществѣ выше того, что принадлежало простымъ частнымъ лицамъ, то и королевскіе вольноотпущенники естественно занимали привилегированное положеніе среди другихъ категорій. Законная оцѣнка ихъ жизни была та же, какъ цѣна человѣка, получившаго полное освобожденіе и объявленнаго *civis romanus*.

10.

Заключеніе.

Выше были сгруппированы различныя категоріи вольноотпущенниковъ: мы видѣли, что *denarialis* былъ вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, изъятымъ отъ патроната; *civis romanus* шелъ куда хотѣлъ, не имѣлъ патрона, владѣлъ собственностью и могъ дѣлать завѣщанія; затѣмъ отмѣченъ простой вольноотпущенникъ, который оставался подчиненнымъ прежнему господину и изъ поколѣнія въ поколѣніе долженъ былъ служить и повиноваться; литъ также оставался въ подчиненномъ положеніи подъ рукою господина; церковный вольноотпущенникъ находился подъ патронатомъ и долженъ былъ служить и платить повинности; наконецъ королевскій вольноотпущенникъ принадлежалъ

королю на началахъ частнаго права и происходилъ также отъ прежняго раба [1].

Желательно было бы знать, въ какой пропорціи находились между собой различные классы вольноотпущенниковъ. Но это невозможно. Легко предположить, что *denariales* были немногочисленны; способъ освобожденія, требовавшій личнаго присутствія короля, долженъ былъ примѣняться довольно рѣдко. Число *cives romani* могло быть значительнѣе; во всякомъ случаѣ мы не должны терять изъ виду, что господинъ, освобождавшій раба такимъ образомъ, приносилъ настоящую жертву: онъ терялъ самъ права или ограничивалъ преимущества своихъ наслѣдниковъ. А часто приносить такія жертвы вообще не свойственно человѣческой природѣ. Естественнѣе было многимъ людямъ подчиняться требованіямъ благочестія: для спасенія своей души господинъ отказывался отъ патроната и

[1] Не безполезно отмѣтить два глагола, всего чаще употреблявшіеся на языкѣ седьмого вѣка для обозначенія зависимости вольноотпущенника. Одинъ—*aspicere*.—См. *Testamentum Abbonis*: «Libertos meos, qui ad parentes meos aspexerunt, ad ecclesiam ut aspiciant iubeo».—*Testamentum Wideradi*: «Liberti ad ipsa loca sancta debeant spectare».—*Formulae Lindenbrogianae*, 7 и 16: «Dono mansos tantos cum hominibus ibidem aspicientibus».—Другой - *pertinere*. Лонгобардскія Правды называютъ вольноотпущенниковъ «homines pertinentes» (*Liutprand*, 87; *Aistulf*, 11). Григорій Турскій говоритъ, что вольноотпущенники «ad basilicam S. Martini pertinent» (*De gloria confess.* 101, 103).—Святой Ремигій пишетъ о двухъ изъ своихъ вольноотпущенниковъ, что они должны «pertinere ad Agathimerum, pertinere ad Actium». Примѣры многочисленны въ восьмомъ и девятомъ вѣкѣ. *Pertinere* имѣетъ значеніе «зависѣть отъ другого, принадлежать другому», что и было сущностью положенія вольноотпущенника.

передавалъ его церкви; но и такъ возникало лишь зависимое положеніе такъ называемыхъ *ecclesiastici*.

Мы склонны думать, что практика освобожденія рабовъ на волю мало создала свободныхъ людей и мало прибавила единицъ къ числу земельныхъ собственниковъ. Она образовала промежуточное состояніе между рабствомъ и свободой; она улучшила существованіе нѣсколькихъ милліоновъ рабскихъ семействъ, но не увеличила количества семействъ свободныхъ. Она не создала ни гражданъ, ни членовъ политическаго общества, ни новыхъ подданныхъ государя. Такъ возникалъ родъ людей, подчиненныхъ другимъ людямъ, семействъ, наслѣдственно зависѣвшихъ отъ даннаго свѣтскаго рода, отъ такой-то церкви или монастыря. Вотъ, какое вліяніе вносило изученное теченіе въ образованіе того общественнаго строя, который будетъ называться феодализмомъ.

ГЛАВА XII.

Колоны.

Существовалъ еще третій разрядъ зависимыхъ людей: то были колоны. Мы видѣли выше, что во время Римской имперіи образовался классъ мелкихъ земледѣльцевъ-съемщиковъ, которые пополнялись изъ числа свободныхъ людей. Одни изъ нихъ были приведены изъ глубины Германіи; другіе продолжали родъ

прежнихъ мелкихъ свободныхъ арендаторовъ (фермеровъ по контракту) или сами были раньше арендаторами: мы знаемъ, что уже въ концѣ имперіи установилось правило, что, послѣ тридцатилѣтняго сидѣнія на землѣ одного и того же владѣльца, съемщикъ становился колономъ (крѣпостнымъ) этой земли навсегда [1]. Это значило, съ одной стороны, что у колона нельзя было отнять землю, съ другой, что и онъ не могъ больше оставить ее.

Подобныя правила, которыя могутъ представиться странными современнымъ поколѣніямъ, устанавливались въ силу добровольныхъ соглашеній. Они не были созданы инициативою императорской власти; послѣдняя лишь утвердила ихъ, и то лишь очень поздно, а затѣмъ охраняла. Правила эти не были также придуманы землевладѣльцами, не были навязаны ими крестьянамъ, какъ притѣсненія. Они совершенно естественно вытекали изъ интересовъ земли. Великіе законы, управляющіе человѣческимъ существованіемъ, рождаются сами собой изъ инстинкта самосохраненія, которое присуще каждому обществу. Общество должно жить, и оно оберегаетъ свое существованіе тѣми способами, какіе оказываются возможны. Надо было, чтобы поддерживалась обработка земли, и колонатъ представился самымъ правильнымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ ее обезпечить.

Крупное движеніе варварскихъ нашествій не про-

[1] *Cod. Iustin.* XI, 48, 19 и 23. Именно изъ-за этого закона мы видимъ въ *Monumenti Ravennati*, что итальянскіе арендаторы V-го, VI-го вѣковъ всегда заключали арендные договоры на двадцать девять лѣтъ. Пройди еще одинъ лишній годъ, и они становились вѣчными колонами.

извело на колонатъ никакого вліянія. Онъ не былъ созданіемъ имперіи, и не оказалось причины, почему бы онъ исчезъ вмѣстѣ съ имперіей. Германцы, вступившіе въ Галлію, не побуждались ничѣмъ къ его уничтоженію, и сами колоны не воспользовались нашествіями для своего освобожденія. Ни германизмъ, ни христіанство не отвергли институтъ колоната. Уничтоженіе его не было потребовано ни однимъ соборомъ. Одинъ соборъ даже прямо напомнилъ колонамъ, что ихъ обязанностью было всегда оставаться на своихъ земляхъ [1].

Такъ называемыя варварскія Правды также признали колонатъ. Бургундская Правда говоритъ о рабахъ и о колонахъ, какъ о двухъ классахъ, которые жили постоянно вмѣстѣ въ томъ же помѣстьѣ, но не смѣшивались одинъ съ другимъ [2]. Аламанская Правда упоминаетъ «о свободныхъ людяхъ, принадлежавшихъ церкви и именовавшихся колонами». Она ясно отличаетъ колоновъ отъ рабовъ и присваиваетъ имъ значительно высшій тарифъ виры [3]. Баварская Правда ставитъ колона довольно близко къ рабу, но и она показываетъ, что его не вполнѣ смѣшивали съ нимъ [4].

[1] Второй толедскій соборъ 619 года, с. 3. Mansi, X, 558: «De colonis agrorum, ut ubi esse quisque cœpit, ibi perduret».

[2] *Lex Burgundionum*, XXXVIII, 10: «Quod de Burgundionum et Romanorum omnium colonis et servis volumus custodiri».— Вся глава относится къ населенію виллы. Ср. VII: «Cum crimen obiectum fuerit seu servi seu coloni».

[3] *Lex Alamannorum*, ed. Pertz, VIII, 6: «Si quis liberum ecclesiae, quem colonum vocant, occiderit».—XXIII: «Liberi ecclesiastici, quos colonos vocant... sicut et coloni regii...».

[4] *Lex Baiuwariorum*, I, 13.—Колоны и рабы соединены въ одномъ отдѣлѣ: «De colonis vel servis ecclesiae qualiter ser-

Ни Салическая, ни Рипуарская Правды не говорятъ о колонахъ или, по крайней мѣрѣ, не пользуются этимъ названіемъ. Но колоны упоминаются во многихъ хартіяхъ меровингскаго времени. На языкѣ эпохи они именовались *coloni* или *accolae* [1]. Почти нѣтъ ни одного акта пожалованія или завѣщанія, въ которомъ бы не читалось, что такая-то вилла жалуется или завѣщается «съ колонами», или же «съ доходомъ отъ колоновъ» [2].

viant».—Но можно замѣтить, что въ самой статьѣ они раздѣлены; три первыхъ параграфа касаются колоновъ, четвертый—рабовъ.

[1] Терминъ *accola* имѣетъ въ памятникахъ два значенія. Онъ часто обозначаетъ чужестранца, который поселяется на помѣстьѣ, являясь приблизительно синонимомъ слова *advena*. Это—арендаторъ нѣсколько особаго характера.—Но несмотря на мнѣніе Герара, я думаю, что во многихъ текстахъ оно не имѣетъ иного значенія какъ *colonus*. Формулы и хартіи называютъ ихъ при перечисленіи составныхъ частей помѣстья, продаютъ ихъ и завѣщаютъ землю съ ними вмѣстѣ.—*Marculf*. I, 13: «Villas concessimus... hoc est terris, domibus, aedificiis, accolabus, mancipiis, vineis, silvis».—То же самое *ibidem*, I, 14 и II, 3.—*Andegavenses*, 7: «Hoc est locello... campis, terris, mancipiis, accolabus, pratis».—*Ibidem*, № 41.—*Turonenses*, 1(6): «Terra iuris mei cum terris, accolabus, mancipiis, libertis, vineis, silvis».—*Ibidem*, 26: «Cum accolabus, mancipiis, libertinis».—*Senonicae*, 42: «In terris, mansis, domibus, mancipiis, litis, libertis, accolabus».—*Merkelianae*, 9: «Terris, domibus, mancipiis, litis, libertis, accolabus, vineis, silvis».—Изъ примѣровъ этихъ видно, что *accolae* не чужестранцы, что они составляютъ часть помѣстья, что владѣлецъ продаетъ ихъ съ нимъ; однимъ словомъ, они стоятъ на совершенно томъ же мѣстѣ, которое въ аналогичныхъ текстахъ занимаютъ *coloni*.—См. еще *Testamentum Aredii*, *Testamentum Hadoindi*, *Charta Vigilii*, *Placitum Childeberti* (отъ 702 года), *Charta Ansberti*, *Testamentum Wideradi* 721 года.

[2] *Charta Nizezii*, Diplomata, II, 184: «Cum merito accolarum».—*Formulae Senonicae*, 42: «Cum merita accolarum».

Юридическое и соціальное положеніе колона характеризуется прежде всего тѣмъ, что онъ не рабъ, но также и тѣмъ, что онъ не независимый человѣкъ. Онъ не имѣлъ права уходить съ земли и однимъ этимъ уже зависѣлъ отъ господина. Если онъ убѣгалъ, или переходилъ къ другому господину, его преслѣдовали и возвращали назадъ или силой, или по судебному приговору.

У насъ есть двѣ меровингскихъ формулы, относящіяся къ такого рода суду. Онѣ обнаруживаютъ передъ нами процессъ, на которомъ одинъ человѣкъ призывался къ отвѣту какъ колонъ, другимъ, его господиномъ, или выдававшимъ себя за его господина. «Объявляется, что такой то человѣкъ, подъ такимъ-то именемъ, принадлежащій къ такому-то округу, явился на судъ передъ такимъ-то графомъ и *boni homines*. Онъ вызвалъ на судъ такого то человѣка, утверждая, что отецъ и мать его были его колонами, что онъ также долженъ былъ быть колономъ, но уклонился отъ колоната противъ всякаго права. Судьи спросили отвѣтчика, можетъ ли онъ доказать, что онъ не колонъ; тотъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать никакого доказательства и призналъ себя колономъ истца. Вслѣдствіе чего судьи и передали его въ руки послѣдняго» [1]. Въ другомъ мѣстѣ отвѣтчикъ сопротивляется энергичнѣе: «Я не колонъ, сказалъ онъ, такъ какъ рожденъ отъ свободнаго отца и отъ свободной матери, и я готовъ принести клятву въ этомъ». Тогда дѣло рѣшалось тѣмъ же порядкомъ, какъ если-бы оно касалось раба; человѣкъ, привлеченный къ отвѣт-

[1] *Formulae Senonicae*, 20.

*

ственности, долженъ былъ доказать, что родители его были свободные люди, и онъ доказывая это, приводя къ присягѣ двѣнадцать ближайшихъ своихъ родственниковъ, восемь съ отцовской стороны и восемь съ материнской [1].—Разобранныя двѣ формулы очень ясно показываютъ намъ положенiе колона передъ закономъ. Онъ непремѣнно былъ колономъ, если отецъ и мать его были колонами. Государственное правосудiе возвращало его, какъ полагалось, владѣльцу.

Другая сторона положенiя колона, обезпеченiе за нимъ постояннаго сохраненiя его надѣла, отражается въ текстахъ менѣе опредѣленно. До насъ не дошло судебныхъ приговоровъ, постановлявшихся противъ вытѣснившихъ колоновъ владѣльцевъ. Понятно, что такого рода тяжбы происходили рѣже или акты ихъ хуже сохранялись. Но у насъ, по крайней мѣрѣ, есть одинъ приговоръ, постановленный взаимно между истцами-колонами и отвѣтчикомъ-владѣльцемъ [2]. Текстъ его показываетъ, что колоны имѣли право искать на судѣ даже противъ владѣльца земли, на которой они сидѣли. Въ выраженiяхъ этого приговора можно замѣтить, что колоны говорятъ о «своихъ предкахъ», будто тѣ занимали тѣ же надѣлы; этого было достаточно для доказательства, что участки были наслѣдственны [3].

Колоны считались людьми свободными, и мы увидимъ дальше, что къ нимъ часто примѣнялось названiе *ingenui*. Они находились тѣмъ не менѣе на дѣлѣ въ большой зависимости. Прикрѣпленные по закону къ землѣ, косвеннымъ образомъ они были прикрѣплены къ владѣльцу земли и называли его именемъ господина. Мы увидимъ дальше, каково было ихъ дѣйствительное положенiе на землѣ.

Въ итогѣ, рабство, вольноотпущенничество и колонатъ перешли изъ римской эпохи въ меровингскую безъ всякаго существеннаго измѣненiя.

[1] *Andegavenses*, 10; *Merkelianae*, 28; *Senonenses*, 2; *Lindenbrogianae*, 21.

[2] Судебный приговоръ этотъ можно найти въ приложенiи къ «Polyptyque d'Irminon», изд. *Guérard*, стр. 344.

[3] Въ этомъ актѣ слѣдуетъ отмѣтить слова: «Eorum antecessores ad longum tempus fecerant... legem eis non conservabat quomodo eorum antecessores habuerant».—И дальше: «Per singula mansa».

ГЛАВА XIII.

Распаденiе помѣстья на двѣ части. „Dominicum“. „Mansi“.

Изъ разсмотрѣннаго до сихъ поръ матерiала вытекаетъ, что владѣлецъ земли былъ въ то же время и владѣльцемъ людей. Ему принадлежали рабы, ему принадлежали также вольноотпущенники Помѣстье было велико; онъ не могъ обрабатывать его самъ. Онъ заставлялъ своихъ людей обрабатывать свою землю. Вотъ общее явленiе, господствовавшее въ продолженiе всего средневѣковья.

Существуютъ, однако, различные способы эксплоатацiи помѣстiй зависимыми отъ помѣщика людьми.

Ихъ можно выпускать на работу коллективно, всегда вмѣстѣ, заставлять ихъ сообща пахать и убирать. Другой способъ состоитъ въ ежегодномъ распредѣленіи между каждымъ изъ нихъ участковъ земли, который они обработываютъ по одиночкѣ, за свой рискъ и страхъ, и отдаютъ господину часть урожая. Третій способъ представляла бы раздача участковъ земли разъ навсегда съ тѣмъ, чтобы каждый изъ держальцевъ сохранялъ одинъ и тотъ же клочокъ на всю свою жизнь, даже наслѣдственно. Каждый изъ указанныхъ трехъ способовъ приводитъ къ очень различнымъ послѣдствіямъ для жизни сельскаго населенія. Смотря по преобладанію того или другого изъ нихъ, населеніе вырабатываетъ особыя привычки, особый складъ хозяйства и внутренняго быта. Соціальное положеніе земледѣльческихъ классовъ очень различается, въ зависимости отъ господства перваго, второго или третьяго порядка; сильно колеблются успѣхи его на пути къ пріобрѣтенію свободы и благосостоянія. Слѣдуетъ, стало быть, разсмотрѣть, которая изъ трехъ формъ преобладала въ организаціи сельскаго помѣстья Галліи въ началѣ средневѣковья.

Мы видѣли выше, что въ вѣка, предшествовавшіе германскимъ нашествіямъ, Галлія усвоила римскій общественный строй. Сельскія помѣстья были устроены въ ней такъ же, какъ въ остальной части имперіи. По отношенію же къ системѣ эксплоатаціи помѣстій римское хозяйство прошло черезъ двѣ, очень различныя фазы. Во времена Катона и Колумеллы помѣстье обрабатывалось группами рабовъ, трудившихся сообща только на пользу господина; но во время имперіи понемногу распространились новые пріемы. Господинъ

часто давалъ рабу небольшой участокъ для индивидуальной обработки; вольноотпущенникамъ онъ предоставлялъ такіе участки чаще, а еще чаще распредѣлялъ онъ свою землю между колонами. Такимъ образомъ, не исчезая совершенно, массовый трудъ терялъ понемногу почву въ сельскомъ хозяйствѣ, личный трудъ для себя отдѣльно посаженнаго на надѣлъ земледѣльца незамѣтно становился на мѣсто коллективной и безличной рабской культуры.

Такое теченіе продолжалось и послѣ нашествій. Германцы не могли повліять въ сторону его пріостановки; сами они привыкли въ своей странѣ къ тому же способу эксплоатаціи земель. Тацитъ сообщаетъ, что сельскій рабъ получалъ у нихъ собственное жилище, что онъ также занималъ особый участокъ земли, обработываемый имъ за свой страхъ и въ свою пользу, съ обязательствомъ взносить владѣльцу часть сбора. Итакъ, съ одной стороны естественный переходъ римскаго общества къ такого рода обработкѣ, съ другой, предпочтеніе той же практики, которое выработалось у Германцевъ, вотъ — двѣ причины, благодаря которымъ система эксплоатаціи крупныхъ помѣстій въ формѣ раздачи его мелкимъ съемщикамъ индивидуальными участками возобладала и въ меровингское время.

Выдѣленіе владѣльцемъ части помѣстья для устройства собственной усадьбы, оставленіе ряда угодій для своихъ развлеченій, а также для личной эксплоатаціи въ нуждахъ своего дома, составляло другую особенность, замѣченную нами уже въ римскомъ землевладѣніи. Помѣщикъ обрабатывалъ эту часть самъ подъ надзоромъ приказчика, *vilicus*, группою рабовъ; осталь-

ную часть онъ дѣлилъ на доли или участки, и на каждый помѣщалъ либо мелкаго съемщика, либо рабавольноотпущенника или колона. Такое же раздѣленіе помѣстья на двѣ большихъ части—господскую и крестьянскую—сохраняется и въ меровингское время. Владѣлецъ оставлялъ для себя главный домъ и вокругъ него извѣстное пространство земли подъ парками, садами, полями, виноградниками, лугами и лѣсами. Она называется въ текстахъ *dominicum*, *terra dominicata*, или *terra indominicata*, то-есть, землею, оставленною для господина [1]. Остальныя земли разбивались на мелкіе участки, которые раздавались своимъ людямъ; они образовали извѣстную совокупность снятыхъ надѣловъ («держаній»).

Раздѣленіе помѣстья на двѣ части становится повсемѣстно распространеннымъ обычаемъ во франкской Галліи. Онъ хорошо отражается въ грамотахъ, формулахъ и писцовыхъ книгахъ помѣстій—полиптихахъ. Мы видимъ, напримѣръ, что въ одной виллѣ женихъ

[1] См. *Polyptyque de Saint-Germain*: «Casa dominica» (XVII, 1); «Cultura dominicata» (XI, 1); «Cultura dominica» (XXV, 3); «Curtis dominica» (XI, 2, XIII, 1 и XXV, 3); «Vinea dominica» (VI, 3; VI, 53); «Hortus dominicus» (VI, 51); «Terra dominicata» (V, 1; XXI, 1); «Mansus dominicatus» (VII, 1; VIII, 1) и т. д. Можетъ показаться страннымъ, что слова *dominicatus* и *indominicatus*—тождественны. Но это такъ, внѣ всякаго сомнѣнія. Оно вытекаетъ изъ всѣхъ текстовъ; приведемъ только *Polyptyque de Saint-Germain*, гдѣ въ § 1 каждой главы мы находимъ хорошо описанный господскій мансъ, который называется, то *mansus dominicatus* (II, 1; III, 1; VII, 1; VIII, 1; X, 1; XVI, 1), то *mansus indominicatus* (IX, 1; IX, 158; IX, 278; XI, 1; XII, 2). Въ немъ встрѣчается также «terra dominicata» (V, 1) и «terra indominicata» (IX, 4).

даритъ своей невѣстѣ господскую усадьбу *mansum indominicatum* съ относящимися къ ней землями [1]. Другой, въ Шартрской области, даетъ своей невѣстѣ «господскій мансъ съ четырьмя рабскими или зависимыми мансами» [2]. Въ другомъ мѣстѣ дарствователь различаетъ въ своей виллѣ Геринштейнъ господскій мансъ и шестьдесятъ девять зависящихъ отъ него крестьянскихъ [3]. Одна женщина спеціально жалуетъ свой господскій домъ, *casa indominicata*, въ виллѣ Куценніакъ, и прибавляетъ къ нему виноградники, *vineas indominicatas* [4]. Гундбергъ также даритъ «господскія усадьбы съ относящимися къ нимъ землями и рабами» [5]. Одинъ человѣкъ даритъ въ своей виллѣ Нугаретъ господскій домъ со всѣми угодіями [6], другой даритъ въ виллѣ Ациріакъ шесть участковъ, занятыхъ колонами, и господскій мансъ [7]. Гартвигъ обмѣниваетъ одинъ господскій и четыре рабскихъ манса на другую господскую усадьбу, отъ которой зависѣло шесть рабскихъ участковъ [8].

Полиптихи особенно ясно показываютъ такое раздѣленіе помѣстья надвое. Возьмите, напримѣръ, образецъ, данный, повидимому, Карломъ Великимъ для составленія подобныхъ описей помѣстій, и вы видите, что сначала надо было вписывать *casa indominicata* съ ука-

[1] Сборникъ формулъ Rozière, № 225.

[2] *Ibidem*, № 231: «Mansum iuris mei indominicatum cum quatuor mansis servilibus seu aspicientibus».

[3] *Ibidem*, № 140.

[4] *Diplomata*, № 177.

[5] *Ibidem*, № 365.

[6] *Ibidem*, № 414.

[7] *Chronic. Benign.* (ed. Bougaut), p. 101.

[8] *Codex Wissenburgensis*, № 3.

заніемъ относящихся къ ней земель, затѣмъ число мансовъ, находящихся въ рукахъ державцевъ [1]. Въ полиптихѣ аббатства Сенъ-Жерменъ де-Прэ, каждое помѣстье появляется сначала съ описаніемъ и размѣрами господскаго манса, а затѣмъ идетъ перечисленіе мансовъ державцевъ [2]. То же самое повторяется въ полиптихахъ монастырей св. Ремигія реймскаго, Ситіусскаго и св. Мавра. Въ хартіяхъ сѣверной и западной Галліи констатируется то же раздѣленіе, только подъ другими терминами: господскій домъ и его угодья обозначались *sala*, а крестьянскіе участки словомъ *casatae* [3].

Трудно судить, каково было пропорціональное отношеніе между частью господскою и той, которую владѣлецъ отдавалъ своимъ людямъ. На этотъ счетъ не существовало, повидимому, никакого общаго порядка. Каждый собственникъ, устраивая помѣстье, производилъ дѣленіе, какъ хотѣлъ. У насъ есть цифровыя данныя для немногихъ помѣстій. Вотъ примѣръ изъ шестого вѣка. «Около 550 года, нѣкто, по имени Елевтерій, владѣлъ въ Оксеррскомъ округѣ помѣстьемъ Витріакъ. Въ немъ одна часть представляла изъ себя его *dominicum*; кромѣ построекъ и двора часть эта заключала въ себѣ около 120 гектаровъ пахотной земли, 53 арипенна виноградниковъ, 52—луга и еще лѣсъ. Остальная часть помѣстья распредѣлена была между колонами, число которыхъ

[1] Appendice au Polyptyque d'Irminon, ed. Guérard, p. 299.

[2] Appendice au Polyptyque d'Irminon, p. 297—298.

[3] *Diplomata*, № 476: «Casatas quinque cum sala et curticle meo».—№ 483: «Casatas sex cum sala».—*Sala* имѣла обыкновенно свою особую челядь: «Vassi et puellae de sala» (*Codex Wisenburgensis*, 17).

намъ неизвѣстно [1]. Писцовая книга Сенъ-Жерменскаго аббатства, составленная въ началѣ девятаго вѣка, описываетъ, конечно, болѣе раннее положеніе вещей. Напримѣръ, мы видимъ тамъ, что помѣстье Веррьеръ, находившееся въ пятнадцати километрахъ отъ Парижа, заключало въ себѣ: 1) подъ господскимъ мансомъ 257 буннуаріевъ пахотной земли, то-есть около 300 гектаровъ, 95 арипенновъ виноградника, 60 луга и большой лѣсъ; 2) подъ надѣлами находилось 280 буннуаріевъ пахотой земли, 700 арипенновъ виноградника, 187 луга [2]. Въ помѣстьѣ Вильневъ Сенъ-Жоржъ находимъ *dominicum* въ 172 буннуарія пахотной земли, 91 арипенновъ виноградника, 166 луга и большой лѣсъ; подъ надѣломъ въ немъ находилось 375 буннуаріевъ пахотной земли, 255 арипенновъ виноградника и 340 луга [3].

Мы говорили, что королевскія *villae* были организованы такъ же, какъ виллы частныхъ лицъ. Въ шестомъ вѣкѣ вилла Палэзо принадлежала королю. Она состояла изъ *dominicum*, 287 буннуаріевъ пахотной земли, 127 арипенновъ виноградника, 100—луга и лѣса, окружность котораго равнялась одной милѣ; подъ надѣлами въ немъ было 490 буннуаріевъ полей, 178 арипенновъ виноградника и 160 луга. Сенъ-Жерменское аббатство, пріобрѣтя Палэзо, повидимому, ничего не измѣнило въ этомъ распредѣленіи [4].

[1] Этотъ старый фактъ вскрывается изъ одной главы Сенъ-Жерменскаго полиптиха (X, 1); но въ новомъ изданіи его (1886, стр. 155, № 1) *Longnon* высказалъ очень основательныя сомнѣнія въ его древности.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, глава V.

[3] *Ibidem*, с. XV.

[4] *Ibidem*, с. II.

Въ другой области беремъ помѣстье или виллу Буконвиль. *Dominicum* заключалъ въ себѣ здѣсь около 135 гектаровъ полей, виноградникъ, который обрабатывало восемнадцать виноградарей, 4 большихъ луга, небольшой лѣсъ и мельницу: пространство земли, находившейся въ рукахъ съемщиковъ, не указано, но мы знаемъ, что для обработки его въ наличности было 34 држальца [1]. Приближаясь къ сѣвернымъ предѣламъ страны, мы видимъ, что величина помѣстій становится меньше, но внутренніе распорядки наблюдаются тѣ же. Въ виллѣ Бузиніакѣ *dominicum* занималъ приблизительно только 25 гектаровъ, съ огородомъ, паркомъ, домовой церковью и мельницей; понадѣльная земля раздѣлена на 19 участковъ, что заставляетъ предположить пространство отъ 100 до 150 гектаровъ. Въ виллѣ Мадріи господская половина была обширнѣе; часть же съемщиковъ оказывается, повидимому, очень невелика, такъ какъ была занята лишь шестью державльцами [2].

Никакой законъ и никакое писанное соглашеніе не воспрещало владѣльцу измѣнять пропорціональное отношеніе между его частью и частью его людей. Но мы не находимъ примѣра подобныхъ измѣненій. Мы можемъ думать, что они были рѣдки и исключительны. Раздѣленіе помѣстья на двѣ части дѣлалось какъ бы разъ навсегда [3].

[1] *Polyptyque de Saint-Remi*, XIX, p. 63—65.—См. также двадцать три другихъ помѣстья этого полиптиха.

[2] Отрывокъ изъ Polyptyque de l'abbaye de Saint-Amand, въ приложеніи къ Prolégomènes du Polyptyque d'Irminon, стр. 925—926.—Посмотрите также нѣкоторыя хартіи *Pardessus*, №№ 451 461, 464.

[3] Довольно часто встрѣчаются небольшія *villae* безъ *dominicum*; но это потому, что онѣ были соединены съ болѣе крупной виллой, что онѣ зависѣли отъ нея и составляли съ ней одно цѣлое. См. напримѣръ, конецъ IX главы Polyptyque d'Irminon.

Земля, отдававшаяся съемщикамъ, не представляла собою сплошного пространства, обработаннаго сообща всѣми державльцами. Хотя мы и не можемъ утверждать, что никогда не происходило подобнаго случая, но мы, по крайней мѣрѣ, не находимъ ни одного такого примѣра. Мы видимъ всегда эту часть помѣстья раздѣленною на независѣвшіе одни отъ другихъ участки, и на каждомъ изъ нихъ жилъ и работалъ мелкій державлецъ.

На языкѣ эпохи эти участки обозначались обыкновенно словомъ *mansus* [1]. Названіе «мансъ» будетъ встрѣчаться въ продолженіе всего средневѣковья. Оно и до нашихъ дней сохранилось на языкѣ нѣкоторыхъ провинцій, въ формѣ *mas* или *mex*. Слово это произошло, видимо, изъ языка, на которомъ говорила Галлія во время Имперіи. Происходитъ оно отъ латинскаго глагола *maneo* [2]; такимъ образомъ оно этимологически сходно со словомъ *manant*.—*Manant*—это обитатель, а *mansus*—жилище.

Въ прямомъ смыслѣ *mansus* (иногда *mansio*) означаетъ лишь домъ. Поэтому оно могло примѣняться и къ городскому дому, и есть примѣры такого словоупотребленія [3]. Чаще же всего, мы встрѣчаемъ его въ при-

[1] *Diplomata*, № 49: «Quidquid in bonis habeo, sive agris, pratis, vineis, mansis».—№ 163: «Fiscum cum mansis».—№ 357 «Mansis, vineis, silvis».—№ 375: «Villa, hoc est mansis, confiniis, domibus, campis».—Есть много другихъ примѣровъ въ хартіяхъ и въ полиптихахъ.

[2] *Formulae Arvernenses*, 1: «In villa illa, manso nostro ubi visi sumus manere».

[3] *Diplomata*, № 350, т. II, стр. 133: «Eum mansum qui est

мѣненіи къ сельскому жилищу, и тогда оно одинаково говорится какъ о домѣ господина [1], такъ и о домѣ раба. Но такъ же, какъ слово *villa*, означавшее сначала лишь домъ, незамѣтно распространилось на все помѣстье, такъ вошло въ обычай и словомъ *mansus* обозначать одновременно и домъ, и всю площадь относящейся къ нему земли. Мы видѣли, что всю господскую часть называли *mansus dominicus*; такъ же весь участокъ раба—и домъ, и землю—стали называть *mansus servilis*. Мало по малу слово *mansus* даже чаще начали относить къ землѣ, чѣмъ къ дому [2].

Вилла была единицей собственности; мансъ—единицей держанія [3].

За рѣдкими исключеніями мансъ держальца занималъ небольшое пространство. Всѣ 490 буннуаріевъ пахотной земли помѣстья Палэзо были раздѣлены на 117 мансовъ, что составляло въ среднемъ 4 буннуарія, то-есть, 5 гектаровъ на мансъ. Указанные 139 буннуаріевъ на-

infra muros civitatis Laudunensis».—Извѣстно, что infra имѣло на этомъ языкѣ значеніе intra.—*Flodoard.* Hist. rem. eccl. II, 10: «Mansos quatuor infra civitatem remensem».

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, XXII, 1; XXIV, 1: «Mansum dominicatum bene constructum».

[2] Отсюда произошло выраженіе, безпрестанно повторяющееся въ Polyptyque de Saint-Germain: «Tenet mansum habentem bunuaria tot de terra arabili».

[3] Подобно тому, какъ мы видѣли иногда виллу, раздѣленную на *portiones*, такъ же мы находимъ и здѣсь опредѣленные мансы; но такіе случаи были сравнительно довольно рѣдки.—Въ нѣкоторыхъ документахъ мансъ называется словомъ *factus*: «Factus ille ubi servus Maretomus mansisse visus est» (хартія 631 года, *Diplomata*, № 253).—«Factos, id es mansos» (*Polyptyque de Saint-Maur*, изд. Guérard, стр. 285).—«Quartam facti tenet» (*Capitularia*, изд. Boretius, стр. 81).

дѣльной части въ помѣстьѣ Морзангъ раздѣлены на 46 мансовъ, что составляетъ въ среднемъ по 6 гектаровъ на каждый [1]. Въ Веррьерѣ средняя величина надѣла не превышала 4 гектаровъ. Но въ другихъ мѣстахъ мы видимъ много мансовъ, въ которыхъ было 10, 12, 13 и до 30 гектаровъ.

Размѣръ каждаго манса не опредѣлялся никакимъ общимъ правиломъ или обычаемъ. Онъ зависѣлъ отъ воли одного владѣльца, устроившаго надѣлы и раздавшаго ихъ своимъ людямъ [2]. Потому они были очень неравномѣрны, даже въ одномъ помѣстьѣ. Въ Веррьерѣ колонъ Годальрихъ держалъ лишь полтора буннуарія, тогда какъ у колона Теудольда ихъ было 6 [3]. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ мансы по 1 или по 2 буннуарія, на-ряду съ другими, въ которыхъ было по 12, 16, а иногда и болѣе [4]. Въ большинствѣ случаевъ владѣлецъ отрѣзалъ неравные участки потому, что люди его были не равнаго положенія: рабы, вольноотпущенники или колоны. Если онъ стремился установить нѣкоторую равномѣрность, то искалъ ее скорѣе въ цѣнности и доходности участковъ, чѣмъ въ ихъ размѣрѣ. Въ общемъ

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, глав. XVII.

[2] *Guérard* предполагаетъ, что существовали правила, устанавливавшіяся обычаемъ каждой мѣстности, и на основаніи такого зарождавшагося кутюмнаго права придерживались мѣстнаго примѣрнаго надѣленія (*Prolégomènes,* стр. 593—594); это гипотеза, которую не слѣдуетъ доводить до крайности; можно, наоборотъ, засвидѣтельствовать, что участки были не одинаковы внутри многихъ помѣстій.

[3] *Polyptyque de Saint-Germain,* V, 5 и 18.

[4] Встрѣчаются мансы въ 35 и 36 буннуаріевъ (*Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 142 и 143; XVI, 22), одинъ даже достигаетъ 60 (IX, 78).

мы можемъ допустить, что мансъ былъ количествомъ земли, достаточнымъ для того, чтобы, за уплатой повинностей, прокормить семью.

Мансъ могъ заключать различные виды земли: пахотныя поля, луга, виноградники. На виллахъ Сенъ-Жерменскаго аббатства, каждый держалецъ надѣленъ былъ обыкновенно всѣми тремя родами культуры [1]. Повидимому, вначалѣ большинство владѣльцевъ находили такой порядокъ полноты культуры внутри надѣла естественнымъ и выгоднымъ: такъ лучше всего удовлетворялись всѣ потребности съемщиковъ-держальцевъ.

Изъ сказаннаго видно, что мансъ почти никогда не могъ представлять сплошного цѣлаго. Виноградникъ не находился рядомъ съ пахотной землей. Сомнительно даже, чтобы пахотная земля лежала у каждаго въ одномъ полѣ. Въ Европѣ были страны, въ которыхъ обычай требовалъ почти, чтобы каждый держалецъ имѣлъ три поля, въ хорошей, посредственной и дурной землѣ. Мы не утверждаемъ съ увѣренностью, что обычай этотъ существовалъ и въ Галліи [2].

Если мы посмотримъ на германскія страны, то любопытно будетъ замѣтить, что разсмотрѣнная главная черта въ устройствѣ помѣстья, распаденіе его на *dominicum* и надѣльныя земли продержалась тамъ такъ

[1] Отсюда произошла и эта, безпрестанно повторяющаяся фраза: «Tenet mansum habentem de terra arabili bunuaria 6, de vinea aripennum, de prato 2 aripennos».

[2] Примѣры встрѣчаются въ хартуляріяхъ десятаго и одиннадцатаго вѣковъ; но позволительно думать, что они освѣщаютъ и болѣе раннее время.

же долго, какъ въ центрѣ Галліи [1]. Измѣнялись иногда только названія; выраженіе *mansus dominicus* замѣнялось часто терминомъ *sala* или *terra salica*; терминъ *mansus servilis* часто замѣнялся словомъ *hof*, которое въ латинской формѣ становилось *hoba* или *huba* [2]; но различіе между двумя основными категоріями земель— барскою и крестьянскою — всегда было ясно обозначено. Такъ, напримѣръ, въ Эльзасѣ Гельпоальдъ различаетъ на своей виллѣ Казфельдъ *hobae* и *terra indominicata* [3]. Другой человѣкъ даритъ въ своей виллѣ Отересгеймъ «*curtile indominicatum*» и четыре рабскихъ «*hobae*» [4]. Точто такъ-же Альберихъ даритъ на своей виллѣ Альтдорфъ сначала *terra salica* со всѣми

[1] См. напримѣръ, писцовую книгу прумскаго аббатства, № 1: «In Rumersheim mansa servilia 30, terra indominicata».—№ 8: «In Sarendorf mansum indominicatum 1, mansa servilia 11».—См. №№ 12, 32, 35, 43 и т. д.

[2] Hoba не всегда была рабскимъ надѣломъ. Собственно *hoba*— это земледѣльческая единица, подобно тому, какъ *villa* единица землевладѣльческая. Это слово могло, значитъ, также относиться и къ землѣ господина. И какъ мы видимъ иногда *dominicum*, заключавшій въ себѣ нѣсколько *mansi*, такъ же встрѣчаемъ въ германской странѣ *dominica*, содержавшія нѣсколько *hobae*.— См. *Codex Laureshamensis*, 33: «Mansum indominicatum habentem hobas 3».—№ 37: «Tres hobas in dominico».—Переводя *hoba*, какъ надѣлъ раба, мы указываемъ однако самый распространенный обычай.

[3] *Codex Wissenburgensis*, № 3: «In villa Cazfeldas hobas 4, excepta terra indominicata».—№ 1: «Dono hobas tres et mancipia super commanentia».—№ 58: «Liedulfi herba et ille ubi Muatharius manet».—№ 131: «Servum illum cum hoba sua».

[4] *Ibidem*, № 19: «In villa quae dicitur Oteresheim curtile unum indominicatum et hobas servorum quatuor». — *Codex Laureshamensis*, № 13: «Dono hubas serviles 16, hubam et mansum indominicatum».

относящимися къ ней землями и лѣсами, а затѣмъ нѣкоторое число «мансовъ» съ ихъ рабами [1]. Вилла или помѣстье Румерсгеймъ содержитъ въ себѣ *terra indominicata* и тридцать рабскихъ мансовъ. Даже аламанскія хартіи различаютъ въ каждой виллѣ или въ каждомъ помѣстьѣ *terra salica* и *hobae servorum* [2]. *Terra salica*—это, безспорно, часть помѣстья, оставленная господиномъ для себя и заключавшая въ себѣ поля, луга, виноградники и лѣса. *Hobae* — это въ общемъ мансы рабовъ или литовъ [3]. Онѣ заключали въ себѣ нѣсколько полей, луга, виноградники [4].

[1] *Codex Wissenburgensis*, № 193: «Terram salicam cum decimatione, domibus, aedificiis, pratis, pascuis, silvis, aquis aquarumque decursibus, mansis et mancipiis».

[2] Въ числѣ другихъ примѣровъ см. *Neugart*, №№ 70, 193, 204, 471, 531, 629.

[3] *Codex Wissenburgensis*, 1: «Dono hobas tres et mancipia super commanentia... Dono Suinonnem (раба) cum sua hoba».— № 19: «Hobas servorum quatuor».—№ 36: «Quod ipsi servi ad ipsas hobas tenent».—№ 58: «Liodulfi hoba».—№ 131: «Servum illum cum hoba sua».—*Neugart*, № 20: «Trado in villa Liutfridingem Riholfum cum hoba sua et peculiare eius».—№ 150: «Trado servum meum Otmund cum hoba sua in villa Pondorf».—*Lacomblet*, № 9: «Dono in villa Ocanni hobam unam quam proserviunt liti mei».—*Formulae Sangallenses*, 21, Zeumer, № 407: «Hobam unam ubi servus ille habitat».

[4] *Codex Wissenburgensis*, № 15: «Dono servum meum Witgisum cum hoba sua, id est, terris, casis, campis, peculiis».—№ 1: «Hoba cum campis, vineis, silvis».—№ 19: «Hobas septem, ex his duas vestitas, cum terris, pratis, pascuis, silvis».—*Sangallensis*, 21: Zeumer, p. 407: «Hobam... cum aedificiis, mancipiis, pascuis, silvis, aquis».—*Codex Fuldensis*, 120: «In villa Marchereshensem quidquid proprietatis habere videor, hoc est quatuor hobas in silvis, in campis, in pratis, in pascuis, in aquis, aquarumque decursibus, in molinariis, in aedificiis, in mancipiis».—Это говоритъ самъ владѣлецъ; онъ не хочетъ сказать, что все это принадлежитъ рабу на его hoba; рабу не принадлежалъ ни лѣсъ, ни проточная вода, ни мельница. Но этому владѣльцу принадлежала одна *portio* помѣстья, и *portio* заключала въ себѣ части всего этого—лѣса, рѣки, мельницы и рабовъ.

Онѣ были заняты и обрабатывались рабами или литами, а собственникомъ ихъ былъ владѣлецъ помѣстья, или, если помѣстье было раздѣлено, то владѣльцы каждой части [1]. Итакъ, въ Галліи, въ Италіи и въ большей части Германіи господствовали однѣ и тѣ земледѣльческіе обычаи, одни тѣ же основные порядки въ культурѣ помѣстій.

Можно спросить, производился-ли раздѣлъ земель помѣстья на надѣлы, на срокъ или навсегда. Могло установиться такое правило, чтобы раздѣленіе на участки возобновлялось ежегодно, или черезъ періоды въ нѣсколько лѣтъ, и чтобы передѣлъ производился, или самимъ владѣльцемъ, или держальцами между собой. Нѣкоторые ученые думаютъ, что такъ на самомъ дѣлѣ и практиковалось въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Но въ Галліи ничего подобнаго не замѣтно.

[1] *Hoba* не всегда вполнѣ соотвѣтствуетъ галльскому рабскому мансу. Мы видимъ *hobae* большихъ размѣровъ.—*Neugart*, № 557, называетъ, примѣръ, такой «гобы» (гуфы), составлявшей собственность нѣкой женщины и обрабатывавшейся десятью рабами.—У *Lacomblet*, № 9, одной hoba владѣло нѣсколько литовъ. Въ германскихъ hobae также замѣчалось не больше единообразія, чѣмъ въ галльскихъ мансахъ. Одно только правило было, повидимому, всеобщимъ: владѣлецъ (или съемщикъ) одной, двухъ, или четырехъ hobae въ помѣстьѣ былъ въ то же время и владѣльцемъ пропорціональной части лѣса, входившаго въ составъ этого помѣстья (въ числѣ прочихъ примѣровъ см. *Zeuss*, № 4; *Lacomblet*, №№ 6, 7, 20; *Neugart*, № 461). То же правило мы наблюдали въ Галліи относительно *portiones*.

Если и было гдѣ-нибудь помѣстье, на которомъ обработка земли производилась при помощи періодическаго круговорота между участками, то ни въ одномъ документѣ меровингскаго времени фактъ этотъ не обнаруживается, и онъ могъ являться только въ видѣ исключенія. Правда, по строгому праву владѣлецъ имѣлъ власть измѣнять и даже совсѣмъ передѣлывать первоначальное распредѣленіе участковъ, но мы не замѣчаемъ, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ пользовался такимъ правомъ. Самый терминъ, которымъ обозначался каждый участокъ, то-есть, слово, *mansus* отъ *maneo*—пребываю, заключаетъ въ себѣ идею постоянной осѣдлости.

Когда сенъ-жерменскій аббатъ приказалъ составить опись земель монастыря, онъ не произвелъ новаго раздѣла на участки, наоборотъ, онъ утвердилъ и освятилъ прежнее. Были призваны держальцы каждаго помѣстья и они объявили подъ присягой, каковъ былъ размѣръ мансовъ каждаго. Это указываетъ на установившійся обычай уважать первоначальный раздѣлъ [1].

Въ документахъ девятаго вѣка можно замѣтить, что были держальцы, занимавшіе полу-мансы, трети и даже четверти манса [2], другіе-же, обратно, занимали полтора или два манса [3]. Иногда одинъ человѣкъ занималъ два полу-манса, то-есть, по половинѣ въ двухъ разныхъ мѣстахъ [1]. Отчего это происходило? Если бы передѣлъ производился періодическій, или еслибы при каждомъ новомъ поколѣніи раздѣлъ на участки возобновлялся вновь, то, вѣроятно, каждый держалецъ правильно получалъ-бы полный участокъ или мансъ, и различія выравнивались-бы; но дѣло было не такъ. Какой-нибудь отдѣльный держалецъ оставлялъ, например, двухъ сыновей и участокъ оказывался раздѣленнымъ на двѣ части; другой оставлялъ троихъ сыновей, и участокъ дѣлился на три части. Или же двое или трое дѣтей занимали вмѣстѣ одинъ и тотъ же мансъ, оставляя его нераздѣленнымъ. Съ другой стороны рядъ смертей могъ привести къ тому, что одинъ человѣкъ становился наслѣдникомъ двухъ семействъ, и тогда онъ занималъ два манса. Когда мы будемъ изучать сборы и повинности, мы увидимъ, что всѣ такія перемѣны были безразличны для владѣльца. Для него каждый первоначальный мансъ оставался неизмѣннымъ; если мансъ дѣлился на двѣ части, то они считались половинами прежняго цѣлаго, а не образовывали два новыхъ манса, и владѣлецъ ничего не выигрывалъ и не проигрывалъ при такомъ небольшомъ измѣненіи.

Могло случиться, что мансъ, устроенный, сначала для одного держальца, становился вакантнымъ вслѣдствіе пресѣченія рода этого держальца; если не находили новаго, то мансъ оставался пустымъ. Въ писцовыхъ книгахъ всегда различаются занятые мансы, *vestiti*, и пустые, *absi*. Добавимъ, что даже тогда, когда

[1] См. *Polyptyque de Saint-Germain*, II, in fine: «Isti iuraverunt, etc.». Формула эта повторяется въ концѣ большинства главъ.— Ср. *Polyptyque de Saint-Remi*, IX, 19; XXVIII, 64.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 17: «Baldricus tenet dimidium mansum servilem»; III, 10: «Gyroardus tenet dimidium mansum»; II, 82 bis, 114: «Leodardus tenet quartam partem de manso».— Можно привести много и другихъ примѣровъ.

[3] *Polyptyque de Saint-Germain*, XXIV, 172.

[1] *Ibidem*, II, 84.

на помѣстьѣ оказывалось много незанятыхъ мансовъ, положимъ, на четверть или на треть всей надѣльной площади, изъ-за этого не считалось нужнымъ производить передѣлъ участковъ.

Въ итогѣ, основной особенностью манса въ Галліи была его неизмѣняемость; одинъ и тотъ же человѣкъ занималъ его всю свою жизнь; одинъ родъ рабовъ или колоновъ занималъ его черезъ всѣ поколѣнія. Держаніе или надѣлъ были личными и наслѣдственными. Потому-то крестьяне одного и того же помѣстья не образовывали солидарной общины, или, по крайней мѣрѣ, образовали ее очень поздно. Но потому же и каждая семья получала опредѣленное жизненное обезпеченіе, свою землю; потому-то развивались у каждой свои обособленные интересы, своя индивидуальность и независимость передъ другими и передъ самимъ господиномъ.

ГЛАВА XIV.

Рабское держаніе.—Образованіе „серважа“.

Мансы различались между собой лишь по спеціальному положенію занимавшихъ ихъ людей. Такъ, были мансы рабовъ (*serviles*) мансы вольноотпущенниковъ (*lidiles*) и мансы колоновъ (*ingemules*).

Обыкновенно говорятъ, что рабство было замѣнено крѣпостнымъ состояніемъ. Это не ошибочное

утвержденіе, но оно не достаточно ясно и даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Никакъ не слѣдуетъ предполагать здѣсь внезапнаго преобразованія и перемѣны людей. Сервъ не занялъ мѣсто раба; тотъ же самый человѣкъ изъ раба постепенно сдѣлался сервомъ. Въ заблужденіе вводятъ самые термины нынѣшняго языка. Мы должны вдуматься, что слово «рабъ»—«*esclave*» не принадлежитъ ни древности, ни меровингскому времени. Оно вошло въ употребленіе съ того дня, какъ множество Славянъ, *Sclavi*, были приведены плѣнными изъ войнъ въ Германію и во Францію. Римлянами же употреблялось слово *servi*, и тѣ же люди продолжали называться «сервами» непрерывно во время всего меровингскаго періода. Сервъ, прикрѣпленный къ землѣ,—просто прежній *servus*—рабъ, но только вмѣсто подчиненія всѣмъ прихотямъ господина, онъ долженъ былъ заниматься однѣми полевыми работами, и вмѣсто работы сообща, группами, на всѣхъ частяхъ помѣстья по очереди, безъ всякой выгоды для себя, онъ работалъ теперь на выдѣленномъ ему господиномъ участкѣ.

Но такое крупное перерожденіе въ положеніи земледѣльческой рабочей массы происходило понемногу, не въ силу постановленія закона или правительственной общей мѣры, а какъ результатъ незамѣтно вошедшей въ обычай хозяйственной практики. Послѣдняя зародилась еще въ римскомъ прошломъ; то-же теченіе продолжалось и развивалось въ меровингскую эпоху.

Не слѣдуетъ допускать предположенія, что въ седьмомъ вѣкѣ всѣ рабы были уже сервами-держальцами. Въ законахъ и хартіяхъ упоминается еще много

рабовъ, которые были пастухами, ловчими, конюхами, плотниками [1]. Это—люди, прикрѣпленные къ дворовому ремеслу, а не къ землѣ. Въ источникахъ есть еще свѣдѣнія о мастерскихъ изъ женщинъ-рабынь (гинекеяхъ), которыя работали сообща [2]. Къ тому же, ни одинъ законъ не запрещалъ продавать раба безъ земли [3]. А главное, ни одинъ законъ не запрещалъ господину переводить раба съ одного помѣстья на другое, или, тѣмъ болѣе, съ одной части помѣстья на другую. Такимъ образомъ сохранялось еще много рабовъ, которые не имѣли надѣловъ.

Но обычай рабскаго держанія разростался понемногу и помимо всякаго закона. Уже въ актахъ шестого вѣка замѣтны рабы, прикрѣпленные къ особому участку земли, съ котораго ихъ никогда не сгоняли.

[1] *Lex Salica*, X.—*Lex Burgundionum*, X и XXXVIII.—*Lex Alamannorum*, LXXXI.—*Charta Hedeni*, Pardessus, № 458.

[2] *Lex Salica* (Вольфенбюттельская рукопись), LXXVI, 8: «Si ancilla ipsa cellarium domini sui vel gyneceum tenuerit».—*Gynecеum*, это названіе, которое давали обыкновенно женскимъ мастерскимъ; *Gregor. Tur.* Hist. IX, 38: «Quae in gynecio erant positae».—Терминъ этотъ издревле употреблялся въ такомъ значеніи. См. *Cod. Theod.* IX, 27, 7 и X, 20, 7.—Ср. *Lex Alamannorum*, LXXXII; *Charta Eberhardi*, Diplomata, № 544, p. 357; *Capitulare de villis*, c. 31, 43 и 49; *Specimen breviarii rerum fiscalium*, напеч. вслѣдъ за «Polyptyque d'Irminon», изд. Guérard, стр. 298; акты собора въ Мо 845 года, с. 77.

[3] *Edictum Theodorici* высказывается объ этомъ яснѣе, чѣмъ всѣ другіе своды. См. с. 142: «Liceat domino ex praediis rustica mancipia, etiamsi originaria sint, ad alia iuris sui loca transferre... alienare etiam homines illius conditionis liceat dominis absque terrae aliqua portione».—Во франкскихъ законахъ нѣтъ такого формальнаго разрѣшенія, но нѣтъ также и противоположнаго запрещенія.

Мы замѣчаемъ, напримѣръ, что завѣщатель или дарствователь опредѣляетъ извѣстную часть своей земли по имени обрабатывавшаго ее раба. Такъ святой Ремигій завѣщаетъ одному изъ своихъ наслѣдниковъ «виноградникъ, воздѣлываемый Бебримодомъ», другому «виноградникъ, воздѣлываемый Мелларихомъ», третьему «виноградникъ, который обрабатываетъ Катуціонъ». Позже Аредій приноситъ въ даръ «виноградникъ, который обрабатываетъ виноградарь Провинціанъ»; еще позднѣе Ерминетруда завѣщаетъ «виноградникъ, который воздѣлываетъ Имнередъ» [1]. Если въ такомъ актѣ, какъ завѣщаніе, можно было обозначать землю именемъ обрабатывавшаго ее человѣка, это значитъ, что данный человѣкъ обрабатывалъ ее постоянно.

Мансы не имѣли своихъ названій, какъ виллы [2]. Для обозначенія ихъ употребляли имена рабовъ, которые ихъ занимали. Говорили, напримѣръ: «мансъ, гдѣ живетъ рабъ по имени Саксонъ» [3]. Мы часто видимъ, что дарствователь, вмѣсто того, чтобы сказать: дарю извѣстный мансъ, пишетъ: дарю такого-то раба. Видимо, мансъ и рабъ были до такой степени связаны другъ съ другомъ, что безразлично было, жаловать мансъ или раба,—одинъ влекъ за собой другого.

Итакъ, установилось рабское держаніе, рабскіе мансы. *Mansi serviles* было ходячимъ выраженіемъ на языкѣ восьмого и девятаго вѣковъ. Оно встрѣчается

[1] *Testamentum Remigii*, Diplomata, т. I, стр. 82.—*Testamentum Aredii*, т. I, стр. 138.—*Testamentum Erminetrudis*, ibidem, № 452.

[2] За очень рѣдкими исключеніями.

[3] *Diplomata*, т. II, стр. 178: «Mansellus alicus ubi Saxo servus commanere videtur».—*Testamentum Abbonis*, ibidem, т. II, стр. 374: «In Ambiltis ubi Gavioaldus servus noster manet».

на каждой страницѣ полиптиховъ Сенъ-Жермена, Сенъ-Реми, Прумскаго аббатства [1]. Повидимому, всякій хорошо составленный полиптихъ долженъ былъ указывать при каждомъ мансѣ, былъ-ли онъ рабскій, или нѣтъ [2]. Рабы, которые жили на нихъ, назывались *servi manentes*, поселенные рабы, или *mansuarii* [3]. Нѣкоторые тексты называютъ ихъ *servi casati*,—выраженіе, имѣющее то же значеніе, какъ и предшествующія [4]. *Manentes* или *casati*—это люди, живущіе не вмѣстѣ въ службахъ господскаго дома, а имѣющіе свой собственный домъ и съ этимъ домомъ землю.

Въ то время образовался даже терминъ *casata*, обозначавшій жилище раба и вмѣстѣ съ тѣмъ совокупность полосъ приписанной къ нему земли [1']. Отсюда произошли и слѣдующія выраженія которыя мы находимъ въ хартіяхъ сѣверной Франціи: Я даю тебѣ семь *casatae* съ занимающими ихъ рабами; я даю тебѣ одиннадцать *casatae* съ рабами и ихъ пекуліемъ [2']. Ясно, что рѣчь идетъ о рабахъ, прочно прикрѣпленныхъ къ земельнымъ участкамъ, которые передаются не иначе, какъ вмѣстѣ съ ними.

Но не всѣ еще рабы были поселены такимъ именно образомъ. Одинъ законодательный актъ 806 года показываетъ, что различали еще «поселенныхъ сервовъ» отъ «непоселенныхъ». Онъ указываетъ въ то же время, что поселенные сервы считались въ числѣ недвижимости и, поясняетъ, что это значитъ: ихъ нельзя было продавать безъ земли [3']. Только непоселенные сервы причислялись еще къ движимостямъ, которыя могли продаваться торговцами [4']. Всѣ эти признаки указываютъ достаточно ясно, что прочное водвореніе

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*: «Mansum servilem» (I, 7, 8, 13, 15, 16; IV, 26 и т. д.).—*Polyptyque de Saint-Remi*, III, 2, 3; IV, 9, 10, 11 и т. д.—*Polyptyque de Saint-Maur*, 8, 11, 12 и т. д.—Прумская писцовая книга, №№ 1, 8 и т. д.

[2] Это видно изъ *Specimen breviarii rerum fiscalium*, послѣ *Polyptyque de Saint-Germain*, изд. Guérard, стр. 298.

[3] *Capitulare de villis*, с. 39: «Pullos et ova quos mansuarii reddunt».—*Servi mansuarii* упоминаются въ Polyptyque de Saint-Germain, XII, 13 и 14.—Ср. *Marculf*. I, 22; *Senonicae*, 12; *Bignonianae*, 1.

[4] *Charta Ebroini*, Pardessus, № 519: «Dono, in villa nostra, casatos tres cum uxoribus et infantibus... casatos quatuor cum terris et peculiari eorum».—*Formulae Augienses*, 6 и 7: «Trado curtem... cum casatis».—*Capitulare episcoporum*, ed. Boretius, p. 52: «Infra casatos homines».—*Capitularia Ansegisi*, III, 80, ed. Boretius, p. 433: «Homines casatos».—*Statuta Corbeiensia*, c. 17 (въ приложеніи къ Polyptyque d'Irminon, изд. Guérard, стр. 334): «Casati homines nostri».—*Neugart*, № 13: «Casatos duos»;—47: «Casatos tres».—*Servus casatus* упоминается также въ *Codex Fulgensis*, №№ 197, 215 etc.

[1'] Капитулярій 743 года, Boretius, стр. 28, с. 2: «Statuimus... ut annis singulis de unaquaque casata solidus... ad ecclesiam reddatur».—Капитулярій 779 года, стр. 50, с. 13: «Detur de 50 casatis solidus unus, de 30 casatis dimidius et de viginti trimisse uno».—Отсюда видно, что стоимость помѣстья оцѣнивалась по числу находившихся въ немъ *casatae*.

[2'] *Diplomata*, № 458: «Donamus tibi tres casatas cum mancipiis... septem hobas et septem casatas».—№ 474: «Undecim casatas cum mancipiis et peculio eorum».

[3'] *Charta divisionis imperii*, a. 806 c. 11, Boretius, p. 128: «De venditionibus praecipimus ut... Venditionem rerum immobilium, hoc est, terrarum, vinearum, silvarum, servorumque qui iam casati sunt».

[4'] *Ibidem*, c. 11, p. 129: «Auro, argento, gemmis, armis ac vestibus et mancipiis non casatis, et his speciebus quae ad negotiatores pertinent».

раба на земельномъ участкѣ входитъ все больше и больше въ обычай.

Важно было-бы точнѣе опредѣлить и указать пропорціональное отношеніе между этими двумя разрядами рабовъ; но памятники не позволяютъ этого сдѣлать. Я старался разслѣдовать также, не замѣтно-ли по какому-нибудь признаку, что поселенные сервы были скорѣе германскаго происхожденія, а непоселенные римскаго; но нѣтъ ни одного намека, который позволилъ-бы установить такое различіе. Есть нѣкоторыя основанія предположить, что обычай помѣщать рабовъ на надѣлы распространился сначала главнымъ образомъ на церковныхъ земляхъ и на королевскихъ владѣніяхъ, а затѣмъ уже перешелъ на земли частныхъ лицъ; но и это не можетъ быть доказано.

Итакъ, рабъ становился обладателемъ манса, то-есть, небольшого дома и нѣкотораго количества земли. Это былъ рабскій мансъ (*mansus servilis*). Въ размѣрахъ манса не выработалось никакого единообразія; мы видимъ мансы только по 2 буннуарія, въ нѣкоторыхъ насчитывается по 12, въ большинствѣ было между 4 и 6. Гераръ высчиталъ, что на земляхъ сенъ-жерменскаго аббатства 191 рабскій мансъ заключалъ 1.050 буннуаріевъ пахотной земли; въ среднемъ это выйдетъ по семи гектаровъ на каждый, и къ этому количеству пахотной земли почти всегда прибавлялся маленькій виноградникъ и маленькій лугъ.

Если мы теперь станемъ разыскивать, каковы были условія этого рода держанія земли въ восьмомъ вѣкѣ, мы не должны ожидать, что найдемъ строго установленныя правила. Никакой законъ не опредѣлялъ обязательствъ серва; ихъ не фиксировалъ еще и обычай. Условія зависѣли отъ воли господина, давшаго надѣлъ. Нельзя думать, чтобы въ моментъ передачи составлялся писанный актъ. Между господиномъ и между рабомъ невозможны были контракты. Господинъ довольствовался указаніемъ рабу того, какія онъ назначалъ ему требованія, то-есть, каковы будутъ его обязательства, и это становилось закономъ для будущаго.

Нѣкоторыя изъ грамотъ позволяютъ намъ усмотрѣть, что вначалѣ условія слагались очень разнообразно. Напримѣръ, Аредій, крупный владѣлецъ на югѣ Галліи объявляетъ, что, кромѣ земель, онъ завѣщаетъ монастырю извѣстное количество рабовъ [1]. Для многихъ изъ тѣхъ, кого онъ перечисляетъ, онъ опредѣляетъ въ то же время, каковы будутъ ихъ обязанности передъ новымъ владѣльцемъ. «Я завѣщаю, какъ рабовъ, Урсація съ женой его и сыновьями, съ условіемъ, чтобы они обрабатывали четыре арипенна виноградника (на *dominicum*) [2]... Вмѣстѣ съ помѣстьемъ моимъ Екссидейлемъ я завѣщаю инокамъ Парининія съ женой его и дѣтьми, Леомера съ женой его и дѣтьми, Армедія, Рустика, Клавдія, съ женами ихъ и дѣтьми; я желаю, чтобы и они также обрабатывали на монастырской землѣ по четыре арипенна виноградника; жены ихъ будутъ платить ежегодно по десяти динаріевъ серебромъ и отъ нихъ ни въ какое время нельзя требовать ничего большаго» [3]. Тому же монастырю онъ передаетъ серва

[1] *Testamentum Aredii*, 572 года, Pardessus, № 180.

[2] «Ursacium cum uxore et filiis tibi ad servitutem donamus, ea vero conditione, ut quaternos aripennos vineae colant».

[3] «Quaternos aripennos vineae monachis colant, uxores vero

Валентиніана и опредѣляетъ, «что человѣкъ этотъ будетъ обрабатывать для монаховъ четыре арипенна и ничего болѣе [1]. Изъ тѣхъ же строкъ мы видимъ, что господинъ установилъ опредѣленныя обязательства своимъ рабамъ и, какъ завѣщатель, желаетъ, чтобы обязательства эти не измѣнялись въ будущемъ. Онъ прибавляетъ: «Что касается ихъ частнаго владѣнія, то-есть, небольшихъ полей и небольшихъ участковъ виноградника, которыми они владѣютъ, я желаю, чтобы они продолжали владѣть ими безъ помѣхи съ чьей-либо стороны, но подъ тѣмъ условіемъ, что они никогда не позволятъ себѣ ни продать, ни передать ихъ» [2]. Такимъ образомъ, владѣлецъ помѣстья Екссидейль далъ нѣсколькимъ изъ своихъ сервовъ участки земли, но не въ полную собственность,--это не было бы возможно, — а въ пользованіе. Въ завѣщаніи не указано, чтобы за эти маленькіе участки земли они должны были платить оброкъ или отдавать часть продукта. Повидимому, они обрабатывали ихъ въ свою пользу, не неся иной повинности, кромѣ добавочной обработки для господина четырехъ арипенновъ на оставленномъ имъ для себя виноградникѣ.

Въ одномъ и томъ же помѣстьѣ условія могли быть различны для отдѣльныхъ рабскихъ хозяйствъ. Дѣйствительно, въ томъ же завѣщаніи Аредій прибавляетъ: «Еще я завѣщаю монастырю рабовъ моихъ,

eorum decenos argentos singulis annis monachis desolvant, et nihil amplius ab eis ullus ullo tempore exigere praesumat».

[1] «Quaternos aripennos colat monachis et nihil amplius».

[2] «Popularia vero eorum, campellos et vineolas, nullo inquietante, possideant, ea vero conditione ut nec vendere nec alienare praesumant».

называемыхъ рабами-колонаріями, и ежегоднымъ оброкомъ ихъ будетъ одна треть солида» [1]. Вотъ условія, весьма отличающіяся отъ предыдущихъ; рабы эти, которыхъ называютъ колонами, надѣлены, видимо, участкомъ, и за него платятъ оброкъ деньгами; но, какъ кажется, они не должны были обрабатывать господской части.

Вырабатывалось, значитъ на практикѣ, два различныхъ порядка: по одной системѣ, рабъ платилъ за свой надѣлъ деньгами или продуктами; какъ-бы вносилъ арендную плату; въ силу другой, онъ уплачивалъ ее косвеннымъ образомъ при помощи извѣстнаго числа рабочихъ дней на барской землѣ (*dominicum*). Правда, такія условія, указанныя для нѣкоторыхъ изъ рабовъ Аредіемъ, чрезвычайно мягки; мы не должны думать, что они были очень распространены въ Галліи.

Чаще всего обѣ системы сочетались вмѣстѣ, и отъ рабовъ требовалась плата за надѣлъ (оброкъ) и въ то же время работа на господской землѣ (барщина).

Ясное отраженіе такого двойного порядка мы находимъ въ Аламанской и въ Бургундской Правдахъ. Извѣстно, что эти двѣ Правды были редактированы въ седьмомъ вѣкѣ, съ разрѣшенія франкскихъ королей, и, главное, подъ вліяніемъ церкви. Странно, что церкви удалось ввести въ это законодательство правила, которыя она предписывала своимъ рабамъ, тогда какъ въ Галліи эта область оставалась внѣ вліянія законодательства. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ усмо-

[1] «Addimus etiam mancipia, quae colonaria appellantur, et nobis tributaria esse perhibentur... et reddant omnes singulis annis trientes».

трѣть отсюда, каковы были тѣ правила, которыя церковь старалась установить въ седьмомъ вѣкѣ, и господство которыхъ распространилось почти повсемѣстно.

«Церковные рабы должны платить слѣдующій ежегодный обычный налогъ съ своихъ участковъ, говорится въ Аламанской Правдѣ: 15 ведеръ пива, кабана, стоимостью въ одну треть солида, 80 фунтовъ хлѣба, 5 цыплятъ, 20 яицъ. Половину дня они должны работать на своей землѣ, другую половину на *dominicum*» [1].

Церковный рабъ долженъ платить оброкъ пропорціонально землѣ, которою онъ владѣетъ, говоритъ Баварская Правда. Три дня онъ работаетъ на *dominicum*, три дня для себя. Если владѣлецъ далъ ему быковъ, или еще что-нибудь, то по мѣрѣ возможности онъ долженъ оказывать за это дополнительныя услуги. Не слѣдуетъ при этомъ притѣснять раба» [2].

Такимъ образомъ, когда владѣлецъ давалъ своему рабу землю, онъ требовалъ извѣстный родъ арендной платы, состоявшей частью изъ доли плодовъ съ надѣла, частью изъ работы на оставленной имъ для себя

[1] *Lex Alamannorum*, 22: «Servi ecclesiae tributa sua legitime reddant, 15 siclas cervisia, porcum valentem tremisse uno, pane modia duo, pullos quinque, ova 20... Servi dimidiam partem sibi et dimidiam in dominico arativum reddant».

[2] *Lex Baiuwariorum*, I, 3, (Pertz, III, 280).—Вся глава, повидимому, раздѣлена, впрочемъ довольно неясно, между *coloni* и *servi*. Статья 6-я читается такъ: «Servi autem secundum possessionem suam reddant tributa (*tributa*, о которыхъ говорится выше по отношенію къ колонамъ,—десятая часть плодовъ); opera vero tres dies in ebdomade in dominico operent, tres vero sibi faciant.. Tamen iniuste neminem opprimas».

землѣ. Раздѣливъ свое помѣстье на двѣ части, владѣлецъ получалъ доходъ съ одной и заставлялъ даромъ обрабатывать другую. Такова комбинація, показавшаяся лучшей и одержавшая верхъ въ разнообразныхъ оттѣнкахъ.

Возьмемъ писцовую книгу аббатства Сенъ-Жерменъ де-Пре; мы найдемъ въ ней указаніе личныхъ обязательствъ каждаго раба. Опись эта была составлена въ самые первые годы девятаго вѣка, но видно, что не аббатъ Ирминонъ опредѣлилъ сборы и повинности заново; были только записаны условія, установленныя для каждаго уже съ довольно давняго времени, и условія эти объявляли подъ присягой сами сервы. Мы замѣчаемъ даже, что такъ какъ многія изъ перечисленныхъ помѣстій принадлежали аббатству только пятьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ, то обязательства серва были установлены не аббатомъ, а первоначальнымъ владѣльцемъ. Поэтому они очень разнообразны. Рабъ (сервъ) Леотарій, занимавшій мансъ въ восемь буннуаріевъ, то-есть, въ десять гектаровъ [1], съ небольшимъ виноградникомъ, и небольшимъ лугомъ, долженъ былъ взносить только три цыпленка и пятнадцать яицъ; но онъ обрабатывалъ еще на *dominicum* четыре арипенна виноградника, и на немъ лежали разныя работы (*manoperae*) [2], извозъ, рубка лѣса; онъ имѣлъ право посылать въ лѣсъ свой скотъ, но платилъ за то двѣ бочки

[1] Гектаръ приблизительно равенъ русской десятинѣ.
Прим. ред.

[2] *Manoperae* назывался всякаго рода ручной трудъ, молотьба хлѣба, полка садовъ, изготовленіе вина, пива, хлѣба, поправка построекъ, обнесеніе изгородью дворовъ или луговъ.

вина [1]. Другой рабъ, по имени Мавръ, занималъ два буннуарія пахотной земли, два съ половиной арипенна виноградника и лугъ; оброкъ его состоялъ изъ четырехъ боченковъ вина, трехъ цыплятъ, пятнадцати яицъ и двухъ мѣрокъ горчичнаго зерна; онъ обрабатывалъ восемь арипенновъ господскаго виноградника и долженъ былъ исполнять разныя работы, пахоту, извозъ [2]. Еще другой рабъ, имѣвшій немного болѣе трехъ буннуаріевъ, кромѣ цыплятъ и яицъ долженъ былъ давать два рабочихъ дня въ недѣлю на *dominicum* и обрабатывать четыре арипенна виноградника [3]. На рабѣ, занимавшемъ четыре съ половиной буннуарія полей, полтора арипенна виноградника и два арипенна луга, лежалъ прежде всего оброкъ, состоявшій изъ цыплятъ, яицъ, горчицы и ста штукъ теса для починки крышъ; затѣмъ онъ долженъ былъ заниматься пахотой и возкой, «гдѣ ему прикажутъ», и обрабатывалъ еще четыре арипенна виноградника и четыре пахотныя полосы (*perlicae*) на *dominicum* [4]. Рабъ, у котораго надѣлъ оказывался меньше, долженъ былъ посвящать владѣльцу одинъ лишь рабочій день въ недѣлю, давать одного цыпленка и пять яицъ ежегодно.

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 7.
[2] *Ibidem*, I, 114 (изд. Longnon).
[3] *Ibidem*, VII, 62.
[4] *Ibidem*, I, 20.—Оброки разнообразились до безконечности; были рабы, обязанные поставлять до 100 фунтовъ желѣза отъ старыхъ орудій, косъ, ножей, всякаго рода инструментовъ; куски эти перековывались потомъ въ новыя орудія на кузницѣ владѣльца (*Polyptyque de Saint-Germain*, XIII, 64—108; *Polyptyque de Fulda*, послѣ Prolegomènes Guérard, стр. 929; *Polyptyque de Corvey*, ibidem, p. 930).—Но распространеннѣе была обязанность поставлять гонтъ, драни, бочки.

Натуральные оброки и личныя услуги могли иногда переводиться на деньги. Вотъ, напримѣръ, восемь рабовъ, занимавшихъ восемь мансовъ; вмѣсто извоза они платятъ оба два солида и восемь динаріевъ, а вмѣсто поставки льна—четыре съ половиной солида; никакихъ другихъ обязательствъ на нихъ не лежало. Условія эти, весьма мягкія, установились, вѣроятно, какъ обычай при прежнихъ владѣльцахъ, раньше чѣмъ Годельгардъ пожаловалъ эту землю аббатству [1].

На помѣстьяхъ монастыря Сенъ Реми, одни рабы должны были обработать за свой надѣлъ около двухъ арипенновъ; имѣвшіе быковъ должны были давать два барщинныхъ дня; кромѣ того, каждый изъ нихъ поставлялъ по три цыпленка, по пятнадцати яицъ, и, наконецъ, «они исполняли всякую работу, какую имъ приказывали» [2]. Другіе рабы исполняли такую же работу и должны были девять барщинныхъ дней въ годъ; на нихъ лежала доставка дровъ, и они давали боченокъ вина и сто штукъ теса, но извоза и другихъ черныхъ работъ на нихъ сверхъ того не назначалось [3].

Опись Прумскаго аббатства, немного болѣе поздняя, чѣмъ Сенъ-жерменская писцовая книга (*polyptychum*), показываетъ намъ рабскіе мансы, которые ежегодно должны были поставлять свиную тушу, фунтъ льна, нѣсколько цыплятъ, пять возовъ удобренія, должны были перевозить вино и дрова, и, кромѣ того, три дня въ недѣлю работать на *dominicum* [4]. Другіе должны были поста-

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, XII, 2.
[2] *Polyptyque de Saint-Remi*, XI, 8.
[3] *Ibidem*, XII, 4.
[4] Полиптихъ Прумскаго аббатства, у *Beyer*, Urkundenbuch zur Geschichte der Mittelrheinischen Territorien, c. I, стр. 144.—Эта

*

влять десять мѣръ зерна, нѣсколько цыплятъ, борова, поросенка, ленъ, тесъ, двѣ подводы въ годъ, но не указано, что они должны были работать на *dominicum*; они имѣли право пасти свой скотъ на господской землѣ, но платили за это по два солида [1].

Въ сенъ-бертинскомъ полиптихѣ рабъ (сервъ) чаще всего долженъ давать три рабочихъ дня въ недѣлю, а иногда только два. Были такіе рабы, которые обязывались отдавать господину только шестнадцать или двадцать четыре дня въ лѣтнюю пору [2]. Въ Лоршскомъ хартуляріи самымъ распространеннымъ обязательствомъ было три дня барщины въ недѣлю [3].

Надо признать, что во многихъ случаяхъ такое разнообразіе зависѣло отъ различнаго размѣра мансовъ, но во многихъ другихъ мы видимъ, что очень неравные мансы несутъ одинаковыя повинности. Итакъ, нельзя считать за общее правило, что обязанности серва были пропорціональны цѣнности данной ему въ надѣлъ земли. Всѣ зависѣло отъ воли владѣльца, нарѣзавшаго участки, а онъ могъ по разнымъ соображеніямъ уклониться отъ равномѣрности. Только одно за-

опись была составлена въ 893 году; само собой разумѣется, что повинности возникли въ болѣе раннее время.

[1] Прумская писцовая книга, с. XLIV, стр. 166.—Иногда рабъ, помѣщенный на надѣлѣ, работалъ изъ-полу, «laborat ad medietatem», то-есть, половину урожая оставлялъ господину, другую—бралъ себѣ. Это настоящій арендаторъ-дольщикъ (половникъ). Но такіе случаи рѣдки; я его нахожу только въ одномъ изъ сенъ-жерменскихъ помѣстій, въ Корбонѣ, XII, 10, 19, 22, 23, 26, 27, 32, 43, 44.

[2] *Polyptyque de Sithiu* въ приложеніи къ сенъ-жерменскому полиптиху, изд. Guérard, стр. 398—403.

[3] *Codex Laureshamensis*, №№ 3667—3679.

мѣчалось повсюду: разъ установленныя для даннаго надѣла условія оставались неизмѣнными для занимавшаго его раба. Довольно часто случалось, что владѣлецъ, который завѣщалъ или дарилъ помѣстье, опредѣлялъ въ то же время размѣръ повинностей своихъ рабовъ. Мы видимъ одного владѣльца, который постановляетъ, что сервы, жалуемые имъ монастырю св. Бенинга, будутъ поставлять одинъ день въ году хлѣбъ, вино, пиво и сколько надо денегъ для трапезы монаховъ [1]. Одна женщина жалуетъ земли сенъ-галленскому аббатству и требуетъ, чтобы рабовъ (сервовъ) ея «не принуждали къ тремъ днямъ работы на *dominicum*, а довольствовались двумя»; и это соблюдалось въ теченіе вѣковъ [2], такъ какъ единственнымъ твердо установившимся тогда аграрнымъ правиломъ являлась неизмѣнность поборовъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ примѣровъ видно, что обязательства рабовъ-сервовъ были очень неодинаковы: иногда легки, чаще тяжелы. Во всякомъ случаѣ, обязательства эти возникали съ того дня, какъ господинъ испомѣщалъ рабовъ на землѣ. Никто не сомнѣвался, что эта уступка надѣла не была съ его стороны милостью, и казалось естественнымъ, что владѣлецъ назначалъ за нее родъ арендной платы. Такъ какъ онъ отказывался отъ личной службы раба и въ то же время отъ личнаго пользованія участкомъ земли, то казалось весьма законнымъ, чтобы онъ всегда получалъ ежегодный доходъ за такое двойное самоограниченіе. Оброки и барщина крѣпостного раба, серва, вытекаютъ именно изъ такого источника [3].

[1] *Chronique de Saint-Bénigne*, изд. Bougaut, стр. 60.

[2] *Neujart*, Cod. diplom. № 303, p. 247.

[3] Это настолько вѣрно, что даже рабъ, занимавшій лишь по-

Сталъ ли человѣкъ, сдѣлавшись сервомъ, счастливѣе, чѣмъ когда онъ былъ рабомъ? Мнѣ кажется, несомнѣнно, да, хотя памятники не говорятъ и не могутъ говорить этого. Если только спросить: меньше или больше долженъ былъ работать сервъ, то я думаю, что скорѣе онъ долженъ былъ работать больше, чѣмъ когда былъ рабомъ. Онъ долженъ былъ обработывать землю господина и свою собственную. Возможно, что для множества людей работа удвоилась. Но цѣлая половина этой работы шла на ихъ же пользу, они получали отъ такого самостоятельнаго хозяйствованія внутреннее удовлетвореніе и матеріальныя выгоды; они вкладывали въ землю теперь и свою душу и получали за это награду.

Правда, что сервъ, обратившійся такимъ образомъ въ съемщика, не переставалъ изъ-за этого быть рабомъ. Онъ всегда долженъ былъ оказывать повиновеніе господину. Законная цѣна его жизни не увеличивалась, и самый бракъ его оставался подчиненнымъ власти господина. По закону положеніе его не измѣнилось, и это зависѣло отъ того, что превращеніе раба въ крѣпостного, въ серва, произошло помимо закона. Фактически—перемѣна совершилась великая. Прежде всего былъ установленъ предѣлъ его обязательствъ, и переступать этотъ предѣлъ признавалось рѣзкою несправедливостью. Затѣмъ онъ не находился всю свою жизнь ежечасно подъ надзоромъ господина или его приказчика; ему предоставлялась свобода при обработкѣ его участка: тутъ онъ самъ былъ своимъ господиномъ. Хозяйство его слагалось совсѣмъ иначе, чѣмъ въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другими товарищами по неволѣ вливался въ рабскую массу. Онъ пріобрѣлъ индивидуальность, нашелъ личные интересы; по отбытіи барщины все время принадлежало ему; за уплатой доли плодовъ остальное было его. Кромѣ того, что очень важно, онъ получилъ собственное жилище и видѣлъ около себя свою семью.

ловину манса, платилъ половину ценза (*Polyptyque de Saint-Remi*, XVIII, 10).

Въ самомъ дѣлѣ, такое же превращеніе, какое совершилось для мужчины, испытала и женщина. Жена раба не работаетъ больше въ общей мастерской барскаго гинекея. За рѣдкими исключеніями, она не приставлена больше къ личной службѣ госпожи и особенно господина. Обязанности постояннаго, неограниченнаго рабства замѣнились для нея опредѣленными обязательствами. Иногда она должна отдавать одинъ рабочій день въ недѣлю, чаще же всего обязана выткать въ годъ: — штуку холста, подъ названіемъ *camsilis*, отъ восьми до двѣнадцати мѣръ длины и въ двѣ шириной [1], или шерстяную ткань такой же приблизительно величины, называвшуюся *sarcilis*, или же, наконецъ, нѣсколько скатертей либо покрововъ на алтарь [2]. Часто жены сервовъ могутъ выкупать эти обязательства за опредѣленную сумму въ 6, 8, 12 динаріевъ [3]. Во

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, XIII, 109; XX, 38.—Прумская опись, № 45.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, XI, 13; XV, 70, 76, 82; XXIII, 27.—*Codex Laureshamensis*, №№ 3654, 3655, 3668.—Прумскій регистръ, № 115.

[3] *Polyptyque de Saint-Germain*, XXV, 6: «Uxor eius aut facit sarcilem aut solvit denarios 12»; ср. XXIII, 27.—*Registrum Prum.* №№ 10, 21, 23, 32, 35, 41, 45, 62, 105.—*Polyptyque de Saint-Amand*, у Guérard, Prolégomènes, p. 925—926: «Sunt ibi camsilariae sex, quae redimunt camsiles denariis octo».—Есть сервы, которые должны лишь по 2 динарія (*Polyptyque de Saint-Remi*,

всякомъ случаѣ, если онѣ и исполняютъ эту работу, то у себя дома, рядомъ съ своими дѣтьми. Часто отъ нихъ не требуютъ даже никакой работы, не возлагаютъ никакихъ обязательствъ; на земляхъ сенъ-жерменскаго аббатства послѣднее гораздо болѣе распространено. Итакъ, женщина-рабыня въ такомъ новомъ положеніи не несетъ часто иной обязанности, кромѣ занятія своимъ хозяйствомъ; она уже рабыня только по имени, она мать семейства.

Относительно дѣтей одно наблюденіе особенно поражаетъ насъ. Они никогда не должны служить господину. Въ древнемъ рабствѣ они принадлежали господину и работали для него. Внутри манса серва, отца ихъ, у нихъ нѣтъ больше отношеній къ господину. Полиптихи часто показываютъ намъ семьи, которыя насчитываютъ нѣсколько сыновей; оброки и барщина не увеличиваются отъ этого. Посмотрите сенъ-жерменскій полиптихъ: занимающій мансъ глава семьи часто кажется пожилымъ, пятидесятилѣтнимъ человѣкомъ, двое или трое сыновей его могли имѣть отъ 15 до 25 лѣтъ. Это— уже работники. Но они трудятся для отца, или обрабатываютъ его мансъ, или отправляютъ вмѣсто него барщину. Чѣмъ многочисленнѣе рабская семья, тѣмъ легче и обезпеченнѣе ея существованіе. Она можетъ насчитывать четыре здоровыхъ члена — отца, мать и двухъ сыновей; но повинности остаются разсчитанными только на одну пару рукъ. Это даетъ намъ основаніе,

XII, 5). На другихъ лежала повинность изъ вина и живности (*Ibidem*, XIV, 12—13).—*Codex Laureshamensis*, № 3671: «Pro opere feminarum dat solidum unum... Unaquaque huba servilis pro opere feminarum dat denarios 15».—№ 3681: «Hubae lidorum unaquaque solvit pro opere feminarum unciam unam».

чтобы судить о разстояніи, отдѣлившемъ новый серважъ отъ прежняго рабства.

Ясно, что никакой законъ, никакой контрактъ не обезпечивали за рабомъ обладанія его надѣломъ. Но что заставило бы господина отнимать его? Хартіи и полиптихи ясно указываютъ, что положеніе серва было обезпеченнымъ. Онъ устраивался на своемъ мансѣ и проводилъ на немъ всю свою жизнь.

Еще меньше говорятъ законы о томъ, что надѣлъ былъ наслѣдственъ. Легальному подтвержденію наслѣдственности препятствовали два обстоятельства. Прежде всего, рабъ не могъ имѣть законныхъ наслѣдниковъ; потомъ земля, которую онъ занималъ, принадлежала, собственно, не ему. Нѣтъ сомнѣнія, что по его смерти земля принципіально какъ бы возвращалась владѣльцу. Такъ гласило право. На практикѣ же видно, что на участкѣ серва смѣняли его сыновья. Вѣроятно, существовалъ переходный моментъ, когда господинъ дѣйствительно бралъ землю назадъ, но сейчасъ же возвращалъ ее сыновьямъ. Если обычай этотъ установился не въ силу закона, то въ силу обоюдной выгоды, которую находили въ этомъ и хозяева, и рабы. Землевладѣльцамъ нужно было сохранить земледѣльцевъ; рабы же естественно желали сохранить землю, которую знали, на которой родились, которую любили за то, что вложили въ нее трудъ.

Полиптихи—Сенъ-Жерменскій, Сенъ-Реми, Сенъ-Виктора Марсельскаго и Прумскаго аббатства нигдѣ не говорятъ чтобы держанья были наслѣдственны, и никто въ то время не рѣшился бы такъ утверждать. Но они даютъ, такъ сказать, понять изъ каждой строки, что надѣлъ серва обезпеченъ за его семьей. Не даромъ же

рядомъ съ именемъ каждаго серва писались имена его жены и дѣтей. Замѣтно, что къ каждому мансу, размѣръ котораго всегда являлся опредѣленнымъ, была прикрѣплена извѣстная семья, которая должна была нести однѣ и тѣ же повинности. Мы видимъ, что рабскіе надѣлы (*mansi serviles*) занимались даже женщинами; это или вдовы, унаслѣдовавшія своимъ мужьямъ, или, быть можетъ, дочери, наслѣдовавшія за неимѣніемъ брата [1].

Фактически, наслѣдственность манса настолько крѣпко входила въ обычай, что незамѣтно воплотилась въ самую терминологію: ее стали называть *hereditas, sors, alodium*—терминами, обозначавшими родовое имущество [2]. Выраженія эти не воплощали, конечно, точнымъ образомъ права, такъ какъ владѣлецъ помѣстья былъ настоящимъ и единственнымъ владѣльцемъ каждаго надѣла; но обычай наслѣдованія сдѣлался настолько постояннымъ и безспорнымъ, что дѣло кончилось тѣмъ, что къ рабскому держанію стали примѣнять слова, обозначавшія собственность и наслѣдство.

Одна статья прумской описи содержитъ слѣдующее правило: «Когда держащій умираетъ, то лучшее изъ его движимости поступаетъ владѣльцу; что касается остальнаго, то, съ разрѣшенія владѣльца, онъ завѣщаетъ его своимъ [3].

Могъ ли сервъ отчуждать свой надѣлъ? Очевидно, онъ не могъ продавать права собственности на него. Ко-

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 25; IX, 237; XII, 10, 11.

[2] Уже въ *Diplomata*, № 586 встрѣчается: «Donamus vineas cum vinitoribus et illorum mansos et illorum *sortes*».

[3] Опись земель Прумскаго аббатства, № 55, Beyer, p. 176: «Si quis obierit, optimum quod habuit seniori datur, reliqua vero cum licentia senioris disponit in suos».

гда въ источникахъ говорится, что свободный человѣкъ продаетъ одинъ или два манса, одну или двѣ *hobae*, рѣчь идетъ всегда о ихъ настоящемъ владѣльцѣ, а не объ обрабатывавшемъ ихъ сервѣ. Могъ ли сервъ, по крайней мѣрѣ, передавать свое право пользованія, какъ бы передавалъ свою аренду фермеръ? Франкскіе законы, конечно, безгласны по этому вопросу. Одна статья Вестготской Правды разрѣшаетъ рабу продать свою землю другому, лишь бы этотъ другой былъ также рабомъ того же господина [1]. Такое ограниченіе легко объяснимо: владѣльцу могло быть безразлично, чтобы двое изъ его держальцевъ обмѣнялись своими участками или продали ихъ одинъ другому; но было недопустимо, чтобы надѣлъ перешелъ въ руки покупателя, который не былъ его человѣкомъ. Впрочемъ, мы должны думать, что безконечно рѣдко случалось и было бы почти непонятно, чтобы сервъ продавалъ свой надѣлъ; что бы сталось съ нимъ безъ надѣла?

Если сервъ имѣлъ пожизненное пользованіе своей землей, то и прикрѣпленъ онъ къ ней былъ пожизненно. Эти двѣ вещи взаимно соотвѣтствовали другъ другу и существовали нераздѣльно. Какъ сервъ (крѣпостной), онъ не имѣлъ права уйти съ помѣстья и ускользнуть отъ своего господина. А какъ держалецъ могъ ли онъ оставить свой надѣлъ, предоставивъ господину взять его назадъ? Это было возможно въ теоріи; но тогда онъ снова впалъ бы въ личное рабство, въ рабство каждодневное и каждочасное, безъ выгоды для себя и

[1] *Lex Wisigothorum*, V, 7, 16, antiqua; тутъ говорится спеціально о королевскихъ сервахъ: «Servis nostris terras ad liberos homines non liceat venditione transferre, nisi tantummodo aliis servis nostris vendendi habeant potestatem».

награды. Сохранить землю прочно за собою было, безспорно, въ его интересахъ. Фактически, земля эта была вполнѣ его землею; деревья, которыя онъ сажалъ, предназначались для его дѣтей. Зачѣмъ бы сталъ онъ бросать ее? Я склоненъ думать, что сервъ считалъ себя счастливымъ до тѣхъ поръ, пока помнилъ о формахъ прежняго рабства.

ГЛАВА XV.

Держанье вольноотпущенниковъ.

Мы видѣли выше, что среди различныхъ способовъ отпуска рабовъ на волю были такіе, которые давали полную свободу прежнему рабу, *ius discedendi*, или, какъ говорилось, «открытыя двери», со всѣми гражданскими правами, включая туда и право собственности. Но были также и другіе способы освобожденія, безъ сомнѣнія, болѣе употребительные, которые удерживали вольноотпущенниковъ въ помѣстьѣ господина, въ составѣ его *familia* и подъ его властью. Законы и формулы говорятъ намъ объ обѣихъ категоріяхъ одинаково часто, но грамоты, которыя были настоящими актами дѣйствительной жизни, упоминаютъ лишь о второй.

Возьмите хартіи пожалованія или продажи; вы почти всегда замѣчаете въ нихъ, что авторъ объявляетъ «объ уступкѣ своей земли съ находящимися на ней сервами и вольноотпущенниками». Въ формулахъ это встрѣ-

чается даже какъ вещь обычная: «Онъ пожаловалъ свою собственность, состоящую изъ земель, домовъ, рабовъ, вольноотпущенниковъ, виноградниковъ, луговъ и лѣсовъ», говорится въ одномъ текстѣ изъ турскаго сборника [1]. «Я продаю принадлежащую мнѣ въ такомъ то мѣстѣ собственность, состоящую изъ земель, домовъ, рабовъ, вольноотпущенниковъ, виноградниковъ, лѣсовъ, луговъ и мельницъ» [2], читаемъ въ другой формулѣ. Одна грамота 523 года содержитъ пожалованіе нѣсколькихъ виллъ «съ землями, рабами, вольноотпущенниками, виноградниками, оливковыми рощами, лугами и лѣсами» [3]. Другая грамота, отъ 558 года, относится къ пожалованію помѣстья Исси, «заключающаго въ себѣ земли, виноградники, лѣса, луга, рабовъ и вольноотпущенниковъ» [4]. Мы читаемъ въ одной хроникѣ, что въ началѣ шестого вѣка Григорій, епископъ лангрскій, жалуетъ одному монастырю тринадцать виллъ «съ рабами и вольноотпущенниками и ихъ пекуліемъ» [5]. Отсюда видно, что вольноотпущенникъ стоялъ очень близко къ рабу, и что, вмѣсто обладанія собственностью, онъ, какъ и рабъ, имѣлъ лишь пекулій. Въ 696 году Ансбертъ приноситъ въ даръ свою виллу Гауксіакъ «съ полями, лугами, лѣса-

[1] *Formulae Turonenses*, 26, Rozière, 302. Это актъ обмѣна: «Dedit ille locellum nuncupantem illum cum terris, domibus, accolabus, mancipiis, libertinis, vineis, silvis, pratis».—То же самое и въ № 27, Rozière, 414.

[2] *Formulae Merkelianae*, 9; *Rozière*, 271.

[3] *Diplomata Sigismundi*, Pardessus, I, 70.

[4] *Diplomata*, Pertz, № 5, Pardessus, № 163: «Cum mansis, commanentis, agris, vineis, silvis, pratis, servis, inquilinis, libertis».

[5] *Chronique de Saint-Bénigne*, ed. Bougaut, p. 16.

ми, рабами и вольноотпущенниками» [1]. «Я завѣщаю такое-то и такое помѣстье съ рабами и вольноотпущенниками, которые живутъ на немъ», говоритъ Аббонъ [2]. То же самое въ хартіяхъ Эльзаса; Боронъ жалуетъ свою виллу Папенгеймъ съ ея рабами и вольноотпущенниками [3]; Гемонъ жалуетъ свою виллу Брунинговилларе съ ея вольноотпущенниками и ихъ пекуліемъ [4].

Изъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можно бы было увеличить до безконечности, ясно обнаруживается, что рядомъ съ рабами на виллахъ существовалъ классъ освобожденныхъ прежнихъ рабовъ, что вольноотпущенники составляли нераздѣльную часть виллы, что они продолжали принадлежать владѣльцу, который продавалъ ихъ или дарилъ вмѣстѣ съ помѣстьемъ. Они были для него источникомъ доходовъ. Мы читаемъ въ нѣсколькихъ хартіяхъ: я жалую эту землю со всѣмъ поступающимъ отъ вольноотпущенниковъ доходомъ [5].

Жившіе на помѣстьѣ вольноотпущенники являются почти всегда потомками прежнихъ сельскихъ рабовъ, которые нѣкогда жили въ немъ. Господинъ отпускалъ рабовъ на волю, но сохранялъ обыкновенно надъ ними

[1] *Diplomata*, Pardessus, № 437, II, 237.

[2] *Testamentum Abbonis*, Pardessus, II, 376.

[3] *Codex Wissenburgensis*, № 14.

[4] *Ibidem*, № 45.—Polyptyque de Saint-Remi называетъ много *liberti, cartularii* и *epistolarii*, которые жили на помѣстьѣ, какъ держальцы.

[5] *Charta Nizezii*, Pardessus, II, 185: «Tres villas... cum merito libertorum».—Слово *meritum* означало цѣнность вещи, доходъ, который она приносила; оно говорилось о доходѣ съ земли (*Marculf*. I, 30).

патронатъ и не давалъ имъ права идти, куда угодно. Итакъ, вольноотпущенникъ принужденъ былъ оставаться на помѣстьѣ во власти господина. Одна формула устанавливаетъ это совершенно ясно: «Люди, которыхъ мы освободили, должны будутъ жить на этой землѣ подъ именемъ свободныхъ людей и никогда не будутъ имѣть права селиться въ другомъ мѣстѣ» [1].

Но господинъ давалъ въ то же время участокъ земли вольноотпущеннику. Это, такъ сказать, само собой разумѣлось. Что сталось бы съ вольноотпущенникомъ, если бы онъ не получалъ средствъ къ жизни? Невозможно было, чтобы онъ работалъ въ кучѣ рабовъ, подъ начальствомъ приказчика-раба. Слѣдовало, значитъ, надѣлить его особою землею, и грамоты показываютъ, что дарованіе участка земли почти нераздѣльно сопровождало дарованіе свободы. Даръ этотъ хартіи называютъ «подтвержденіемъ освобожденія» [2]. Акты одного собора уже въ 506 году показываютъ, что въ обычаяхъ времени было при освобожденіи раба давать ему «небольшое поле, небольшой виноградникъ, небольшой домикъ» [3]. Аредій освобождаетъ въ 573 г.

[1] *Formulae*, ed. Rozière, № 128: «Volumus, ut ingenui quos fecimus... super ipsas terras pro ingenuis commaneant, et aliubi commanendi nullam habeant potestatem» (*Zeumer*, p. 476).

[2] *Testamentum Wideradi*, Pardessus, II, 325: «Illas cessiones quas ad eorum ingenuitates confirmandas fecimus».—*Rozière*, № 128: «Illas cessiones, quas ad libertos nostros ad eorum ingenuitates firmandas fecimus...».

[3] Акты Агдскаго собора, 12 (*Mansi*, VIII, 325): «Si quia de servis ecclesiae bene meritos sibi episcopus libertate donavit, collatam libertatem a successoribus placuit custodiri cum hoc quod manumissor in libertate contulerit... et modum in terrula, vineola, vel hospitiolo tenere...»

рабовъ и обезпечиваетъ за ними обладаніе нѣсколькими полями и виноградниками [1]. Ерминетруда вписываетъ въ свое завѣщаніе имена рабовъ, которыхъ она освободила, и добавляетъ, «что они сохранятъ свои маленькія поля, сады и виноградники» [2]. Такъ же поступаетъ Аббонъ: «Я желаю, чтобы данное мною вольноотпущеннику моему Теодальду, онъ сохранилъ послѣ меня» [3].

Не слѣдуетъ однако смѣшивать этотъ родъ пожалованія съ пожалованіемъ въ полную собственность. Послѣднее встрѣчается значительно рѣже. Григорій Турскій приводитъ одинъ такой примѣръ, который онъ представляетъ, какъ явленіе рѣдкое и исключительное.—Рабъ Леонъ спасъ племянника своего господина; послѣдній даетъ ему полное освобожденіе и землю въ собственность [4]. Такое великодушіе не могло повторяться часто. Чаще всего предоставлялось только пользованіе землею. Постановлялось, чтобы вольноотпущенникъ жилъ съ надѣла вплоть до смерти, а затѣмъ земля возвращалась владѣльцу [5]. Опредѣлялось также, что онъ не имѣетъ права ни продавать, ни какимъ-ни-

[1] *Testamentum Aredii*, Pardessus, I, 139: «Cum campellis eorum et vineolis».

[2] *Diplomata*, II, 257: «Hoc omnes cum omni peculiare eorum, tam areolas, hospitiola, hortellos vel vineolas... liberos esse praecipio».

[3] *Testamentum Abbonis*, Pardessus, II, 371.

[4] *Greg. Tur.* Hist. III, 15: «Leonem a iugo servitutis absolvens cum generatione sua, dedit ei terram propriam, in qua liber vixit».

[5] *Rozière*, 128: «Dum advivunt, hoc teneant, et post eorum decessum ad ecclesiam revertere faciant».

будь другимъ способомъ отчуждать эту землю [1]. Значитъ, земля не давалась ему въ полное владѣніе.

Чтобы убѣдиться въ рѣдкости случаевъ пожалованія земли въ собственность вольноотпущенникамъ, достаточно присмотрѣться къ терминологіи хартій: надѣлы вольноотпущенниковъ не обозначались въ нихъ словами *dominicum*, *dominatio*, *proprietas*, *res iuris sui*, которыя воплощали право собственности; они всегда именовались *peculium* или *peculiare*. Такимъ образомъ, имущество вольноотпущенника, даже земля, была для него такъ же, какъ и для раба, лишь пекуліемъ.

Вполнѣ ясно показываютъ еще хартіи, что предоставлявшіеся вольноотпущенникамъ участки земли тѣмъ самымъ не выдѣлялись изъ виллы. Вовсе не образуя собою мелкихъ частныхъ владѣній, они продолжали составлять одно цѣлое съ большимъ помѣстьемъ. Ихъ дарили, продавали и завѣщали вмѣстѣ съ нимъ. Вольноотпущенникъ не могъ продавать; продавалъ или дарилъ участокъ земли вмѣстѣ со своимъ вольноотпущенникомъ его господинъ [2]. Онъ писалъ, напримѣръ: «Я желаю, чтобы вольноотпущенники мои, сыновья Вуалана, принадлежали вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ церкви, которую я назначаю наслѣдницей. Я жалую

[1] *Testamentum Aredii* (Pardessus, I, 139): «Ea conditione ut de campellis vel vineis vendere nec donare habeant facultatem».—*Testamentum Wideradi*, Pardessus, II, 325: «Quod eis per cartam dedimus, aliubi vendere nec alienare habeant licentiam».—*Rozière*, № 128: «Nullatenus aliubi vendere nec alienare habeant facultatem».—См. *Lex Longob.* Rotharis, 235.

[2] *Testamentum Abbonis*, Pardessus, II, 372: «Ipsas libertas meas et ipsas res volo, ut ecclesia habeat»; p. 371: «Dono Brosiolas cum ingenuis»; p. 374: «Dono Quonaone una cum ingenuis quos de Vuidigunde conquisivimus; dono loca... cum libertis».

церкви вольноотпущенницу мою Фредбергу и внуковъ ея; они живутъ на землѣ моей Пареліанъ; они и вольноотпущенническое имущество ихъ будутъ принадлежать церкви» [1]. Достовѣрно, значитъ, что, освободивъ своего раба и давъ ему землю, господинъ не вполнѣ выпускалъ его изъ рукъ; онъ оставался патрономъ вольноотпущенника и собственникомъ его земли.

Это пожалованіе очень походило на держанье. Аббонъ пишетъ: «Я желаю, чтобы рабъ Іокъ, занимающій надѣлъ колона, былъ освобожденъ въ силу настоящаго завѣщанія, и чтобы онъ продолжалъ занимать ту же землю, какъ вольноотпущенникъ, но чтобы онъ повиновался монастырю, который я назначаю наслѣдникомъ помѣстья» [2]. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ вольноотпущенниковъ были прежними сельскими рабами, поселенными уже на надѣлахъ. Милость господина измѣняла ихъ названіе рабовъ на прозвище вольноотпущенниковъ, и оставляла при этомъ за ними прежній надѣлъ, ничего не измѣняя въ характерѣ ихъ существованія [3].

[1] *Ibidem*, II, p. 378: «Volo, ut liberti nostri, filii Vualane, cum illas res, quas ipsi Vualanae dedimus, ad heredem meam ecclesiam aspiciant. Dono libertam meam Fredbergam... cum nepotibus... qui in Pariliano manere videntur, ut libertica eorum res ad ipsam ecclesiam aspiciat, volo ac iubeo».

[2] *Ibidem*, II, 375, in fine: «Colonicas terras... quas Iocos in cessione... volo, ut ipse per testamentum nostrum libertus fiat et ipsas colonicas sub nomine libertinitatis habeat, et ad heredem meam (монастырь Novalica) sicut liberti nostri aspiciunt, ita et ipse facere debeat».—*Ibidem*, p. 378: «Volo, ut Gislaronnus libertus noster una cum colonicas, quem illi dedimus...».—*Ibidem*, p. 372: «Colonicas, quas ad libertos meos Theudoaldo et Honorio dedi».

[3] *Testamentum Wideradi*, Pardessus, II, 325: «Volumus, ut quos ingenuos fecimus, quanticunque in ipsa loca commanent... super ipsas terras pro ingenuis commaneant».—Ср. «Polyptyque de Saint-Remi», а именно главу XX, гдѣ многіе вольноотпущенники, *epistolarii*, занимаютъ рабскіе мансы и платятъ, какъ рабы.

Вольноотпущенникъ долженъ былъ такъ же, какъ рабъ, вносить въ какой-нибудь формѣ ежегодную плату за землю, которую онъ занималъ. Съ пользованіемъ ея были обыкновенно соединены оброки или барщины. Назначалъ ихъ господинъ. Напримѣръ, святой Ремигій, освобождая нѣкоего Виталиса, даетъ ему виноградникъ и налагаетъ на него въ то же время постоянный поборъ, состоящій, впрочемъ, только въ ежегодной трапезѣ для священниковъ города Лаона и въ нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ по праздничнымъ днямъ на алтарь [1]. Аредій требуетъ въ своемъ завѣщаніи, чтобы вольноотпущенники сохранили «нѣкоторыя поля и нѣкоторые виноградники»; но онъ ставитъ условіемъ, чтобы они вѣчно платили его наслѣдникамъ пять динаріевъ серебромъ и нѣсколько небольшихъ посильныхъ приношеній; «ничего больше не будетъ требоваться отъ нихъ» [2].

Видно, что эти вольноотпущенники дѣйствительно были прежними рабами, которыхъ владѣлецъ сдѣлалъ вѣчными держальцами. Надѣлъ, который спеціально давался господиномъ каждому изъ нихъ, нельзя было просто назвать рабскимъ мансомъ, *mansus servilis*. Такъ

[1] *Testamentum Remigii*, Pardessus, I, 83.

[2] *Testamentum Aredii*, Pardessus, I, 139: «Cum campellis et vineolis... ita ut singulis annis terra pondo carrae inferant nostro, et singulis mensibus eulogias vicissim ad missas nostras revocent, et inferant in altario quinos argenteos, et donent exenia secundum quod paupertas eorum parare poterit; nihil amplius ab eis requiratur».

*

какъ вольноотпущенникъ назывался на обыденномъ языкѣ *ingenuus*, то и надѣлъ его назывался *mansus ingenuilis* [1].

Многіе памятники даютъ такимъ вольноотпущенникамъ названіе *tributarii*, потому что оброкъ съ надѣльной земли назывался *tributum* [2], и самая земля—*terra tributaria* [3]. Оттого и вольноотпущенникъ, оставшійся съемщикомъ-держальцемъ подъ условіемъ уплаты оброка, назывался *tributarius*: такое названіе дѣйствительно даютъ ему франкскія правды. Рипуарская ясно различаетъ двѣ крупныя категоріи вольноотпущенниковъ: съ одной стороны, тѣхъ, которыхъ владѣлецъ сдѣлалъ «римскими гражданами», и которымъ онъ «раскрылъ двери»—то-есть вольноотпущенниковъ, которые могли оставить помѣстье, жить какъ угодно, и пріобрѣтать собственность; съ другой стороны, тѣхъ, которыхъ онъ удерживалъ на помѣстьѣ, и которые становились съ тѣхъ поръ «его трибутаріями». Законъ ставитъ эти два разряда вольноотпущенниковъ въ очень неравное положеніе: первому онъ назначаетъ виру въ 100 солидовъ, второму—въ 36 [4]. Ясно, что такой вольноотпущенникъ

[1] Мы говоримъ о первоначальномъ происхожденіи, такъ какъ съ начала девятаго вѣка мы часто видимъ въ полиптихахъ, что вольноотпущенникъ занимаетъ рабскій мансъ, и обратно.

[2] *Tributum*—это былъ собственно оброкъ.—*Testamentum Bertramni*, p. 200: «Quidquid de villis in tributum annis singulis poterit obvenire».

[3] Четвертый капитулярій 819 года, с. 2 (Boretius, p. 287).

[4] *Lex Ripuaria*, LXI, 1—2 и LXII, 1: «Si quis servum suum libertum fecerit et civem romanum, portasque apertas conscripserit... qui eum interfecerit centum solidis multetur... Si quis servum suum tributarium fecerit, si quis eum interfecerit, triginta sex solidis culpabilis iudicetur».

послѣдняго рода не далеко ушелъ отъ раба. Салическая Правда дѣлаетъ то же различіе между вольноотпущенникомъ, имѣющимъ собственность, и вольноотпущенникомъ, который былъ лишь трибутаріемъ: одного она оцѣниваетъ въ 100 солидовъ, другого въ 45 [1]. Дѣло въ томъ, что первый, освобожденный вполнѣ,—былъ почти свободнымъ человѣкомъ; второй, называясь вольноотпущенникомъ, по-прежнему подчинялся господину, сохраняя лишь надѣлъ, за который долженъ былъ платить ежегодную повинность [2].

Было ли наслѣдственно положеніе вольноотпущенника?.. Если оно и не было наслѣдственно по закону, то оно было такимъ на практикѣ, неизбѣжнымъ образомъ. Господинъ опредѣлялъ, какъ это сказано во многихъ нашихъ хартіяхъ, что вольноотпущенники и ихъ потомство сохранятъ свои надѣлы навсегда [3]. Условія, которыя онъ ставилъ имъ, также были вѣчными,

[1] *Lex Salica*, XLI (XLIII): «Si romanus homo possessor, id est qui res in pago ubi commanet *proprias* possidet, occisus fuerit, is qui cum occidisse convincitur solidos centum culpabilis iudicetur. Si quis romanum tributarium occiderit, solidos 45 culpabilis iudicetur».—Мы видимъ, что эти двѣ статьи Салической Правды, за небольшимъ измѣненіемъ цифръ, очень походятъ на приведенныя двѣ изъ Рипуарской Правды. Думаю, что въ первой, также какъ и во второй, рѣчь идетъ о вольноотпущенникахъ.

[2] Выраженіе *tributales* попадается въ германскихъ хартіяхъ для обозначенія этого же класса людей. См. *Neugart*, № 225, т. I, стр. 190.—Ср. также нѣкоторые тексты, цитируемые у *Guérard*, Prolég. au Polypt. d'Irminon, p. 368 и 971.

[3] Пожалованіе совершалось иногда путемъ писаннаго акта, «per cartas» (*Testamentum Wideradi*, Pardessus, II, 325. Быть можетъ, это и составляло, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, существенное различіе между надѣломъ держальца-вольноотпущенника и держальца-раба.

и само собой разумѣлось, что потомство вольноотпущенника подчинялось обязательствамъ и какъ бы наслѣдственной арендной платѣ.

Такимъ образомъ, за вольноотпущенникомъ было обезпечено вѣчное пользованіе надѣльною землей, но онъ также навсегда былъ прикрѣпленъ къ ней. Можно было сказать, что онъ принадлежалъ помѣстью. Одинъ завѣщатель пишетъ: «Я завѣщаю мою *curtis Valerignaca* со всѣми, принадлежащими къ этой *curtis* вольноотпущенниками» [1]. Вольноотпущенникъ, у котораго нельзя было отнять землю, не имѣлъ также права оставлять ее. Это показываетъ намъ одно завѣщаніе 739 г. Аббонъ, богатый владѣлецъ изъ юго-восточной Галліи, объявляетъ, что вслѣдствіе непріятельскихъ нашествій многіе изъ его вольноотпущенниковъ, такъ же какъ и многіе изъ его рабовъ, были разсѣяны и разбѣжались въ разныя страны; онъ добавляетъ, что наслѣдникъ его имѣетъ право преслѣдовать ихъ и возвращать назадъ [2]. Въ другомъ мѣстѣ того же завѣщанія сказано, что вольноотпущенники и дѣти ихъ сохранятъ свои земли, но что, если они откажутся когда-нибудь отъ оброковъ и услугъ, то наслѣдникъ будетъ имѣть право взять ихъ земли обратно и самихъ ихъ снова обратить въ рабство [3].

Одна статья Лонгобардской Правды очень понятно

[1] *Testamentum Abbonis*, Pardessus, II, 373.

[2] *Testamentum Abbonis,* Pardessus, II, 378: «Ubicunque agentes monasterii eos invenire potuerint, ut licentiam habeant in eorum revocare dominationem».

[3] *Ibidem*, p. 375: «Si ipse de monasterio sicut libertus se abstrahere voluerit, in pristino servitio revertatur, et ipsas colonicas ipsi monachi recipiant».

выясняетъ такое положеніе, получившее на Западѣ всеобщее распространеніе. «Если кто отказалъ свои имѣнія въ пользу церкви, и если онъ освободилъ рабскія семьи, обрабатывавшія эти имѣнія, то вольноотпущенники вѣчно должны будутъ платить церкви повинности въ томъ видѣ, кахъ ихъ установилъ господинъ; а послѣ нихъ должны будутъ платить сыновья ихъ и сыновья ихъ сыновей» [1].

Мы находимъ вольноотпущенниковъ, *liberti*, даже въ германскихъ странахъ [2]. Но чаще всего встрѣчаемъ ихъ здѣсь подъ болѣе древнимъ названіемъ *liti*. Было бы преувеличеніемъ сказать, что всѣ литы, такъ же какъ всѣ вольноотпущенники, эксплоатировались только для обработки земли. Можно только утверждать, что тѣ, которыхъ намъ показываютъ хартіи, всегда прикрѣпленные къ землѣ господина земледѣльцы [3]. Они занимаютъ мансы, называемые *mansi lidiles* [4]. Господинъ

[1] *Lex Longobardorum*, Aistulph, III, 12: «Si quis res suas ordinaverit et dixerit eas habere loca venerabilia, et familias, per quas res ipsae excoluntur, liberas esse dixerit, ut in ipsis religiosis locis redditum faciant; secundum ipsius statuta reddant omni in tempore iuxta domini sui praeceptionem ipsi et filii filiorum illorum».

[2] *Codex Wissenburgensis*, № 14: «Cum mancipiis, libertis»;—№ 45: «Mancipiis, libertis cum peculiare eorum».—*Neugart*, № 59: «Cum mancipiis et libertis».

[3] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 13: «Acfredus lidus tenet mansum...».—Точно также, I, 14, 22, 23.—*Ibidem*, II, 114: «Leodardus lidus S. Germani tenet quartam partem de manso».—*Ibidem*, III, 45; VIII, 4 и т. д.—*Lacomblet*, № 9: «Hoba una quam proserviunt liti mei»;—№ 4: «Terram quam Landulfus litus meus incolebat et proserviebat».

[4] *Polyptyque de Saint-Germain*, XIII, 41: «Tenent mansum lidilem»; XIII, 56: «Hildegaudus lidus tenet mansum lidilem».—Го-

продаетъ ихъ, даритъ и завѣщаетъ вмѣстѣ съ своей землей [1]. Они платятъ оброки съ своихъ надѣловъ, ввидѣ ли части урожая, или ввидѣ барщины на *dominicum*; оброки и услуги ихъ, какъ и у *liberti*, замѣтно не отличаются отъ рабскихъ. Изъ сенъ-жерменскаго полиптиха мы видимъ, что лидъ Акфредъ, лидъ Радоардъ и другіе повинны работать нѣсколько дней въ недѣлю на барскомъ полѣ, исполнять ручной трудъ и извозъ, «по сколько имъ будетъ приказано» [2]. На земляхъ Прумскаго аббатства большинство *mansi lidiles* обложены работою на *dominicum* по три дня въ недѣлю, не считая мелкихъ повинностей. Положеніе лида было наслѣдственно, какъ и положеніе вольноотпущенника [3].

Въ итогѣ, всѣ эти происшедшія отъ древняго рабства держанія вольноотпущенниковъ или литовъ (лидовъ) очень приближались къ рабскимъ держаніямъ и, кромѣ названія, мало чѣмъ отличались отъ нихъ.

ворилось также: «Mansus lidus», XIII, 39, 40.—Прумская опись, № 23, у Beyer, стр. 153: «Mansa ledilia 44 in Mersch».—*Ibidem*, №№ 104, 105, 106, 108, 113, 114, 116.

[1] *Diplomata*, № 521 (утрехтская хартія): «Dono villam... cum luitis, mancipiis...» (Pardessus, II, 334).

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 13: «Acfredus lidus... facit in vinea aripennos 3, pullos 3, ova 15: manoperas, caplim, ubi ei iniungitur».—VI, 36: «Radoardus lidus tenet mansum ingenuilem... facit in vinea aripennos 4, in unaquaque hebdomada curvadas 2, manoperas, caroperas, quantum ei iniungitur».

[3] *Ibidem*, IX, 25: «Isti tres sunt lidi quoniam de lida matre sunt nati».

ГЛАВА XVI.

Держаніе колоновъ.

Далеко не всѣ обитатели виллы были рабами или потомками отпущенныхъ на волю рабовъ. Многочисленное населеніе, называвшееся позднѣе словомъ *manants* или *vilains* (виллáны), не все выросло отъ рабства.

Колоны, *coloni* или *accolae*, отмѣчены во многихъ хартіяхъ, и по тому, какъ о нихъ говорится, видно, что они составляли нераздѣльную часть съ помѣстьемъ [1]. Выше мы дѣйствительно видѣли, что они не могли ни сами удаляться съ него, ни быть съ него удалены, хотя въ принципѣ они были свободными людьми. Ихъ пользованіе землей было наслѣдственно.

Колоны никогда не были людьми, работавшими вмѣстѣ или сообща. Памятники не даютъ намъ ни одного примѣра такой коллективной обработки ими предоставленной земли. Колонъ всегда занималъ въ большомъ помѣстьѣ маленькій участокъ, который принадлежалъ ему, и который онъ называлъ своимъ мансомъ [2]. Этотъ участокъ колона назывался также *co-*

[1] «Dono... villam meam... cum colonis» (или cum accolabus); *Formulae Turonenses*, 26; *Andegavenses*, 7; *Marculf*. 1, В и 14 (d); *Senonicae*, 42; *Merkelianae*, 9.—*Diplomata*, №№ 254, 256, 285, 300, 351, 417 и т. д.—*Codex Wissenburgensis*, №№ 205, 223 и т. д.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, appendix, Guérard, стр. 345: «Per singula mansa».

lonia или *colonica*, откуда произошло французское слово *colonge* [1].

Владѣлецъ могъ продать такія отданныя имъ держанія другому; онъ продавалъ въ то же время и колоновъ [2]. Онъ могъ продавать или завѣщать колоновъ; онъ продавалъ или завѣщалъ въ то же время и ихъ надѣлы [3]. Передача колона отдѣльно отъ земли не имѣла-бы смысла, такъ какъ платимыя имъ господину повинности также зависѣли отъ того, что онъ обрабатывалъ.

Такимъ образомъ, собственникъ земли могъ мѣ-

[1] Такъ въ завѣщаніи Вигилія упоминается *colonica* или держанье, надѣлъ колона, который занимала женщина, по имени Квинтилла (*Pardessus*, № 363). Также Видерадъ завѣщаетъ *colonica*, занимаемую колономъ Сихертомъ (*Pardessus*, № 514, II, стр. 324). Многіе другіе завѣщаютъ или дарятъ «такую-то виллу съ входящими въ нее *colonicae*».—*Testamentum Bertramni*, I, p. 205: «Villam Pariliacum cum colonicas ad se pertinentes».—*Charta Theodetrudis*, I, p. 227: «Villam Matrium cum colonicas suas ad se pertinentes».—*Testamentum Hadoindi*, Pardessus, № 300: «Dono villam Vernicellae cum coloniis ad se pertinentibus».—*Marculf.* I, 30: «Dedimus locellum... cum colonicas».—Ср. *Gregor.* Miracula Iuliani», 15: «Colonicas basilicae concupiscens».—Иногда *colonia* или *colonica* называлась совокупность держаній колоновъ.—*Testamentum Remigii*, Pardessus, I, 83.—*Testamentum Bertramni*, ibidem, p. 200, 202, 206: «Colonica Villanova... colonica Relate... colonica Vincentia».—*Testamentum Palladii*: «Coloniam Auduniacam».—*Testamentum Vigilii*: «Colonica Ferrariae».

[2] *Testamentum Bertramni*, I, стр. 200: «Tam in terris ac vineis quam colonis et servis».—*Charta Ansberti*: «Cum colonis».—*Testamentum Wideradi*, т. II, стр. 324: «Dono colonica... tenet illam Sicbertus... et ipsum Sicbertum cum uxore sua et infantes suos».

[3] *Testamentum Remigii*, т. I, стр. 81.—Ср. *Charta Aredii*; *Charta Nizezii*.

няться, но родъ колона не мѣнялся. Онъ оставался на надѣлѣ всегда. Въ Сенъ-Жерменскомъ полиптихѣ можно видѣть, что аббатство пріобрѣтало свои помѣстья въ разное время; и роды колоновъ, занимавшіе ихъ при прежнихъ владѣльцахъ, продолжали занимать ихъ подъ властью монастыря. Возьмите, напримѣръ, помѣстье Витріакъ: бросается въ глаза, что колоны, жившіе тамъ въ 806 году, были потомками тѣхъ, которые обрабатывали помѣстья Елевтерія около 550 года [1]. Ученый историкъ Гераръ замѣтилъ слѣдующее: если случалось иногда, что аббатство брало надѣлы назадъ, то заботливо отмѣчалось на поляхъ описей, что такой-то мансъ сталъ выморочнымъ, *deest heres* [2]. Мало-по-малу держаніе такъ близко станетъ походить на наслѣдственную собственность, что его будутъ называть наслѣдствомъ [3].

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, X, 1: «Coloni vero, qui ipsam inhabitant villam, ita adhuc sunt ingenui sicut fuerunt temporibus S. Germani, quatinus nulli hominum, aut vi aut voluntarie, sine praecepto abbatis aut arcisterii, aliquod exhibeant servitium... omnibus annis persolvant ad ecclesiam 8 sextarios olei aut 22 cerae libras».—Каково бы ни было число колоновъ, такая коллективная повинность была легкой. Помѣстье это было «аллодомъ» св. Германа, то-есть, наслѣдствомъ, доставшимся ему отъ отца его Елевтерія.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, XIV, 39, изд. Guérard, стр. 156, замѣчаніе 6 Prolégomènes, стр. 501.

[3] *Miracula S. Benedicti*, I, 37: «Quidam homo ex familia Sancti Benedicti mansiunculam ex leve structura, vimine scilicet ac genesta, super *hereditatem* construxerat suam».—Слово *sors* встрѣчается въ хартіяхъ девятаго вѣка въ примѣненіи къ простымъ держаньямъ; прим. *Lacomblet*, I, 31.—Пистскій указъ 864 года, ст. 30, называетъ мансы колоновъ *hereditates*.—Будучи свободнымъ человѣкомъ, колонъ могъ иногда быть и собственникомъ; *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 257.

Мы довольно часто видимъ, что колонскій мансъ находится въ рукахъ женщины, которая называется *colona*. Это происходило потому, что надѣлъ настолько привязался къ семьѣ съемщика, что по смерти колона, за неимѣніемъ сына, наслѣдовала вдова его или дочь. По праву-ли передавалось такое наслѣдство? Нѣкоторые факты, которые мы увидимъ въ послѣдующія эпохи, позволяютъ думать, что разрѣшеніе владѣльца было для этого необходимо, и часто онъ взыскивалъ за утвержденіе въ держаніи наслѣдниковъ колона особую плату. Но въ меровингскихъ памятникахъ этого не замѣтно.

Колонъ обрабатывалъ свой надѣлъ, какъ хотѣлъ. Мы никогда не замѣчаемъ, чтобы за нимъ надзирали и, еще того менѣе, чтобы направляли его работы. Доходы принадлежали ему. Онъ долженъ былъ только платить повинности владѣльцу своей земли. Среди всѣхъ памятниковъ шестого, седьмого и восьмого вѣковъ нѣтъ ни одной строки, изъ которой обнаруживалось-бы, что обязательства колоновъ были навязаны слабымъ сильными и носили-бы поэтому характеръ притѣсненія. Видно, наоборотъ, что повинности ихъ были тою цѣной, которою они оплачивали пользованіе землей. Отсюда объясняется безпрестанно повторяющаяся фраза: такой-то, колонъ, занимаетъ мансъ такого-то размѣра и платитъ за него столько-то, *solvit inde*[1]. Мы видимъ колона, принадлежащаго Сенъ-Жерменскому аббатству, который, пріобрѣтя себѣ землю въ собственность, не занимаетъ никакого манса на земляхъ аббатства; онъ и не платитъ ничего. Чаще

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 257.

случалось, что два или три колона занимали одинъ и тотъ же мансъ; они не платили двойного или тройного оброка, а лишь установленный простой оброкъ съ манса [1]. Другіе-же, занимавшіе только полъ-манса, несли только половину обязательствъ съ манса [2].

Итакъ, оброкъ былъ настоящей арендной платой, отличаясь лишь тою особенностью, что владѣлецъ никогда не могъ увеличить его. Улучшалась-ли земля съ теченіемъ времени, увеличивали-ли ея цѣнность произведенныя насажденія, уменьшалась-ли цѣнность денегъ,—владѣлецъ никогда не имѣлъ права ничего прибавить къ арендной платѣ. Что платилъ первый колонъ, то всегда должны были платить его внуки и все потомство, ничего болѣе. У насъ сохранился актъ характерной тяжбы; владѣлецъ, могущественный аббатъ, былъ вызванъ на судъ колонами одного помѣстья за то, что онъ хотѣлъ увеличить ихъ оброки; онъ потому только выигралъ дѣло, что ему удалось доказать съ документами въ рукахъ, что оброки именно были тѣ же, что въ предшествующемъ вѣкѣ [3].

Желательно было-бы точно знать, въ чемъ состояли обязанности колона. Прежде всего надо сдѣлать тутъ замѣчаніе, что онѣ не были установлены ни

[1] Оброкъ назывался обыкновенно *tributum*.—См. *Lex Alamannorum*, XXIII, 2: «Si quis (colonus) tributum antesteterit».—*Lex Baiuwariorum*, I, 13.—*Tributa* въ смыслѣ ежегодныхъ платежей колоновъ см. у Григорія Турскаго (*Epist.* I, 44).—Въ томъ же смыслѣ «Polyptyque de Saint-Germain» часто употребляетъ слово *census*.—См. IX, 59; IX, 231; иногда *reditus* и *census*, XII, 48; иногда *debitum*, IX, 253; XIII, 94; XXV, 8.

[2] Примѣры въ «Polyptyque de Saint-Germain», III, 13.

[3] Placitum de colonis villae Antoniaci, послѣ *Polyptyque d'Irminon*, изд. Guérard, Appendix, IX, стр. 344.

закономъ [1], ни общимъ обычаемъ. Вначалѣ онѣ назначались каждымъ владѣльцемъ для каждаго колона, допущеннаго имъ на свою землю, и, вѣроятно, вводились по соглашенію съ колономъ, который былъ до того времени вполнѣ свободнымъ человѣкомъ. Отсюда и произошло, что условія колоната различались чуть-ли не въ каждомъ помѣстьѣ, иногда, даже внутри одного и того же помѣстья, даже для каждаго колона. Но, если никогда не существовало единообразія, то были, по крайней мѣрѣ, общія черты, встрѣчающіяся почти вездѣ, которыя историкъ и долженъ выдѣлить изъ массы частныхъ случаевъ [2].

Баварская Правда содержитъ въ себѣ и санкціоннируетъ постановленіе, сдѣланное въ этой странѣ церковью для колоновъ ея помѣстій. «Церковный колонъ, говорится тамъ, прежде всего долженъ вносить *agrarium*; это значитъ, если онъ соберетъ тридцать мѣръ, то долженъ отдать изъ нихъ три, равно какъ десятую часть своего льна и меда отъ своихъ ульевъ [3].

[1] Скажутъ, быть можетъ, что надо сдѣлать исключеніе для баварскаго и аламанскаго сводовъ. Но я склоненъ думать, что статьи о повинностяхъ колоновъ, которыя мы читаемъ въ нихъ, не были произведеніемъ аламанскихъ или баварскихъ законодателей. Онѣ были занесены туда церковью; оттого тамъ и не сказано ни слова о колонахъ частныхъ лицъ.

[2] Хартіи шестого и седьмого вѣковъ не проливаютъ намъ никакого свѣта на обязанности колоновъ. Мы не будемъ говорить о грамотѣ, приписываемой Хлодовеху; она явно подложна и гораздо болѣе поздняго времени (Pardessus, т. I, стр. 38—40). Одно мѣсто изъ житія Дезидерія Кагорскаго показываетъ колоновъ, которые имѣли свои виноградники и должны были отдавать владѣльцу десятую часть собраннаго вина; но не сказано, чтобы они не были въ то же время подчинены другимъ обязанностямъ.

[3] *Lex Baiuwariorum,* I, 13, Pertz, p. 278: «De colonis... qualia tributa reddant. Hoc est agrarium. Secundum quod habet donet: de 30 modiis, 3 modios donet... Reddant fasce de lino, de opibus decimus vas».

Кромѣ того, онъ долженъ вспахать, засѣять и сжать на *dominicum* опредѣленное пространство, именно полосу въ сорокъ футовъ ширины и четыреста футовъ длины. Онъ долженъ еще насадить виноградникъ, обработать его, надѣлить отводковъ, подрѣзать ихъ и произвести уборку винограда. Наконецъ онъ обязанъ заниматься необходимымъ извозомъ, въ случаѣ надобности давать лошадь и помогать въ поправкѣ сараевъ и конюшенъ владѣльца» [1]. Аламанская Правда, не входя въ такія подробности, также показываетъ, что въ одно и то же время колонъ долженъ былъ платить оброки, работать на земляхъ владѣльца и повиноваться всѣмъ его приказамъ [2].

Такова первая особенность, выступающая изъ нашихъ памятниковъ. Оброкъ колона представляется сразу въ двухъ формахъ, въ видѣ доли сбора съ его манса и въ извѣстномъ числѣ рабочихъ дней для господина. Мы можемъ тутъ припомнить, что, когда изучали колонатъ въ Римской имперіи, то видѣли, что единственный памятникъ, указывающій повинности колоновъ, гласилъ, что прежде всего они должны были давать часть урожая съ своего надѣла, *partem agrariam*, затѣмъ шесть рабочихъ дней въ годъ на оста-

[1] «Andecenas legitimas, hoc est, pertica decem pedes habente, 4 perticas in transverso 40 in longo arare, seminere, claudere, colligere».

[2] *Lex Alamannorum*, XXIII.—Параграфъ 2-й говоритъ объ оброкахъ, параграфы 3 и 4 — объ *operae*.

вленной себѣ владѣльцемъ землѣ, два дня пахоты, два дня полки и два жатва. То были очень легкія условія, но есть основанія думать, что съ колонами императорскихъ помѣстій обходились лучше, чѣмъ съ колонами частныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ *pars agraria* римскаго памятника снова встрѣчается въ *agrarium* Баварской Правды и во многихъ грамотахъ меровингской эпохи. Обязанность вспахать, засѣять и сжать полосу земли въ шестнадцать аръ приблизительно соотвѣтствуетъ шести днямъ труда прежняго колона. Обработка арипенна виноградника, возка, поправка строеній, были, быть можетъ, хоть и нельзя утверждать этого, надбавкою послѣдующихъ эпохъ.

Регистры Сенъ-Жерменскаго, Сенъ-Ремискаго и Прумскаго аббатствъ даютъ намъ болѣе точныя свѣдѣнія, потому что это были частныя писцовыя книги; хотя памятники эти были составлены лишь въ девятомъ вѣкѣ, мы знаемъ и не имѣемъ сомнѣній въ томъ, что они изображаютъ не новыя отношенія. Мы изучаемъ по нимъ состояніе болѣе чѣмъ 3.000 семействъ колоновъ, знакомимся съ гражданскимъ положеніемъ каждаго изъ нихъ, съ пространствомъ ихъ мансовъ и рядомъ обязательствъ, которыя они несли.

Мы видимъ прежде всего, что колонъ, который былъ свободнымъ человѣкомъ, занималъ *mansus ingenuilis*, тогда какъ сервъ занималъ рядомъ съ нимъ *mansus servilis*. Правда, время вноситъ нѣкоторыя нарушенія этого правила. Могло случаться, что родъ колоновъ вымиралъ, что мансъ его, все еще называвшійся *ingenuilis*, передавался серву. Нерѣдко происходило, повидимому, и то, что, когда колонъ умиралъ, не оставляя сыновей, вдова или дочь выходила замужъ за

серва, чтобы тотъ работалъ на надѣлѣ [1]. Но первоначальное правило, несомнѣнно, предписывало, чтобы *mansus servilis* находился въ рукахъ раба, а *mansus ingenuilis* въ рукахъ колона, или, по крайней мѣрѣ, вольноотпущенника.

Существовала-ли разница въ характерѣ и разница въ размѣрѣ рабскаго и свободнаго манса? Ясно усмотрѣть ее нельзя. Всѣ мансы были одинаковаго состава; они состояли изъ пахотной земли, маленькаго виноградника и маленькаго луга. Размѣръ ихъ былъ очень неравный, но нельзя сказать, чтобы вообще рабскіе мансы были меньше, чѣмъ мансы колоновъ. Одинъ колонъ занималъ лишь два буннуарія, многіе другіе занимали ихъ десять, а нѣкоторые двадцать и болѣе; такого же размѣра мансы находите вы въ рукахъ сервовъ.

Повинности колоновъ часто были одинаковыя въ одномъ помѣстьѣ; въ другихъ случаяхъ онѣ видоизмѣнялись, хотя нельзя утверждать, чтобы неравенство это было пропорціонально неравенству мансовъ. Были колоны, которые платили лишь денежную ренту; за 8 буннуаріевъ земли одинъ колонъ долженъ былъ платить 3 солида въ годъ и ничего болѣе [2]. За очень маленькій надѣлъ, не превосходившій 50 аровъ, другой колонъ платилъ только 1 солидъ [3]. Рядомъ съ нимъ третій колонъ занималъ полтора гектара и платилъ лишь 6 динаріевъ [4]. Еще одинъ колонъ, занимавшій

[1] Примѣры въ «Polyptyque de Saint-Germain», I, 6; III, 47; IV, 9; VII, 14; VIII, 28 и т. д.
[2] «Polyptyque de Saint-Germain», IX, 151.
[3] *Ibidem*, VII, 70.
[4] *Ibidem*, VII, 71.

меньше одного гектара, долженъ былъ платить 4 солида [1]. Колоны двухъ помѣстій, число которыхъ намъ не указано, платили всѣ вмѣстѣ небольшую сумму въ 20 солидовъ серебромъ [2].

Обычнѣе всего, повинность колоновъ состояла частью изъ работы, частью изъ денегъ и натуральныхъ сборовъ. Колонъ Гильдегарій, занимающій 5 буннуаріевъ поля, 1 арипеннъ виноградника и одинъ луга, платитъ ежегодно 3 солида деньгами и долженъ обработать 6 полосъ земли [3]. Другой колонъ, занимающій 2 буннуарія поля и 3 арипенна виноградника платитъ 2 солида и обрабатываетъ только двѣ владѣльческихъ полосы (*perticae*) [4]. Колонъ, занимающій 11 буннуаріевъ, долженъ прежде всего уплачивать 4 динарія деньгами, 5 мѣръ овса и 6 цыплятъ; кромѣ того онъ поставляетъ 100 мелкихъ дранокъ и 100 штукъ теса для поправки крышъ; наконецъ, онъ долженъ обработать 6 *perticae*, исполнить нѣсколько ручныхъ работъ и нѣсколько извозовъ [5].

Чаще всего колонъ не платилъ никакой денежной суммы, но онъ долженъ былъ поставлять нѣкоторые припасы и производить работы. Колонъ Гаудебольдъ, занимающій 6 буннуаріевъ земли и меньше одного арипенна виноградника, приносилъ со своего надѣла только трехъ цыплятъ и 15 яицъ; но онъ долженъ былъ обработать 3 арипенна виноградника для владѣльца [1]. Сосѣдъ его занималъ 10 буннуаріевъ; онъ обрабатывалъ 4 арипенна господскаго виноградника и кромѣ того долженъ былъ исполнять ручной трудъ и извозъ, какой ему прикажутъ. Колонъ Гаутсельмъ занималъ 12 буннуаріевъ пахотной земли, 2 арипенна виноградника и 3 арип. луга; онъ платилъ за это обработкой поля въ 6 *perticae*, то-есть, около 15 аровъ, что составляло ему нѣсколько дней работы въ годъ; кромѣ того онъ долженъ былъ доставлять лошадь для господскаго извоза [2].

[1] *Ibidem*, I, 28.
[2] *Ibidem*, X, 2.
[3] *Ibidem*, VII, 76.
[4] *Ibidem*, VII, 75.
[5] *Ibidem*, IX, 9.

Вотъ съ другой стороны колонъ, надѣлъ котораго былъ значительно меньше: онъ занималъ только одинъ буннуарій и два арипенна, и за это долженъ былъ работать на землѣ владѣльца одинъ день въ недѣлю [3]. На помѣстьѣ Палэзо одинъ колонъ занималъ 6 буннуаріевъ пахотной земли, 1 арипеннъ виноградника, 2 арип. луга; онъ платилъ за это обработкой 3 арипенновъ виноградника на *dominicum* [4].

Колонъ платилъ часто долями урожая, нѣсколько установленныхъ мѣръ вина, [5] извѣстное количество

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 1.
[2] *Ibidem*, I, 38: «Facit inde perticas 6, corvadas».—То, что называли въ восьмомъ и девятомъ вѣкѣ *corvada*, была собственно и главнымъ образомъ пахота. Слово это синонимъ съ *aratura* (см. *Guérurd*, Prolégomènes, стр. 644—6). Но я думаю, что подъ *corvadas* тутъ надо понимать не только пахоту, но также посѣвъ и жнитво, то-есть, всякія сельскія работы, которыя надо было сдѣлать на этихъ шести *perticae*.--«Donat paraveredum»; ср. *Lex Baiuwariorum*, I, 13: «Paraveredos donent aut ipsi vadant ubi iniunctum fuerit».
[3] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 26.
[4] *Ibidem*, II, 61.
[5] *Polyptyque de Saint-Remi*, VII, 5.

*

льна [1], зерна или солода для пива [2], хмѣля [3], горчицы, меду [4], воска. Довольно часто къ этому прибавлялись бочки, клепки, тычины, брусья для крышъ, топоры и кирки.

Гораздо чаще колонъ платилъ работою на землѣ господина. Повидимому, такое обязательство признавалось главнымъ. Это была господствующая форма повинностей держальцевъ. Иногда площадь, которую долженъ былъ обработать каждый, или число рабочихъ дней было опредѣлено заранѣе, иногда оно не было точно опредѣлено. Одинъ колонъ долженъ былъ отдавать одинъ день въ недѣлю [5], другой два [6], третій три [7]. Многіе должны были исполнять «барщину, ручной трудъ, извозъ, рубку деревьевъ, посколько это имъ приказано» [8]. Размѣръ обязательствъ зависѣлъ отъ произвола господина, или, вѣрнѣе, отъ потребностей помѣстья [9].

[1] *Polyptyque de Saint-Maur*, 14.—Прумскій списокъ, №№ 1, 7, 8 и т. д.

[2] *Polyptyque de Saint-Amand*, послѣ Prolègomènes de Guérard, стр. 925.

[3] *Polyptyque de Saint-Germain*, XIII, 64, 77, 89; XVI, 66; XX, 30, 33, 35, 42, 44.

[4] *Polyptyque de Çorbie*, послѣ Сенъ-жерменскаго полиптиха, стр. 335.—*Polyptyque de Saint-Bertin*, ibidem, стр. 400, 402.

[5] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 26.

[6] *Ibidem*, VI, 35.

[7] *Ibidem*, VIII, 36.

[8] *Ibidem*, III, 2: «Corvadas, carroperas, manoperas, caplim, quantum eis iniungitur».—IV, 2: «Curvadas, carroperas, manoperas, caplim, ubi eis iniungitur».—VIII, 3: «Corvadas, caplim, carroras, manoperas, quantum ei iubetur».—Подобные примѣры очень многочисленны.—*Polyptyque de Saint-Remi*, III, 3: «Hunoldus ingenuus... facit omne servitium sibi iniunctum».

[9] Замѣтимъ, что такіе крестьяне не должны были исполнять никакой дворовой службы. У нихъ не было никакихъ обязанностей по отношенію къ лицу владѣльца. Они должны были служить землѣ, не только тому ея участку, который держали, но также на dominicum, обрабатывать его, жать, перевозить продукты. Если они составляли стражу, *wactae*, то на помѣстьѣ и для него. У нихъ не было никакихъ личныхъ обязанностей передъ господиномъ. Они служили помѣстью, а не лицу.

Изъ всѣхъ изученныхъ фактовъ и многихъ другихъ, безконечное разнообразіе которыхъ трудно поддается подробному описанію, выводится слѣдующее обобщеніе: мансъ колона или свободный мансъ существеннымъ образомъ не отличался отъ рабскаго манса, и повинности въ видѣ оброка и барщины колона или свободнаго человѣка были чаще всего такого же характера, какъ повинности раба. Отсюда заключаемъ, что не слѣдуетъ удивляться, если рабы-сервы и колоны сближались до сліянія въ послѣдующіе вѣка.

Писцовыя книги девятаго вѣка различаютъ ихъ еще другъ отъ друга. Когда держальцы каждаго помѣстья созывались передъ представителемъ владѣльца, чтобы объявить каждый свое гражданское положеніе, пространство занятой имъ земли и его повинности, каждый зналъ, былъ ли онъ сервъ, вольноотпущенникъ, лидъ или колонъ, и невозможно было смѣшать однихъ съ другими, но какую цѣну имѣло такое различіе? Мы можемъ предполагать, что крестьяне придавали ему между собой большое значеніе, и что колонъ очень гордо проходилъ передъ рабомъ. Но сущность соціальнаго положенія была одна и та же для всѣхъ. У нихъ былъ тотъ же господинъ; они платили тѣ же оброки, дѣлили ту же барщину. Быть можетъ, между ними сохранялась большая еще разница въ мнѣніи общества,

но въ каждодневной жизни они шли рядомъ и были равны [1].

Кромѣ званія *ingenuus* и воспоминанія объ очень давней свободѣ никакая существенная особенность не отличала колона отъ серва. Сервъ не могъ оставлять помѣстья; колона, который оставлялъ его, преслѣдовали и возвращали. Многіе сервы платили налогъ въ четыре динарія, подъ названіемъ *capaticum*, который былъ какъ бы выкупомъ ихъ головы; многіе колоны были подчинены тому же *capaticum*. Самыя отталкивающія работы не предназначались преимущественно для сервовъ; въ большинствѣ случаевъ онѣ дѣлились между рабами и колонами совершенно безразлично.

Сближеніе пошло такъ далеко, что стало невозможно запрещать браки между обоими классами земледѣльческаго населенія. Сенъ-жерменскій регистръ упоминаетъ колоновъ, которые женились на женщинахъ изъ семействъ сервовъ, а чаще сервовъ, которые женились на женщинахъ-колонкахъ [2]. Колонъ не уклонялся отъ занятія рабскаго манса, и такіе случаи повторялись часто. Еще чаще замѣчается, что колонъ и сервъ занимали вмѣстѣ одинъ и тотъ же мансъ [3]; вотъ, значитъ, два человѣка, которые могли различаться въ своемъ отдаленномъ происхожденіи, но были тѣсно связаны вмѣстѣ и составили, такъ сказать, въ концѣ концовъ одного человѣка. Послѣ этого, надо ли удивляться, что оба класса съ теченіемъ вѣковъ почти

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 9; XII, 20, 24, 40, 41, 44; XIII, 15, 77.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 6; III, 47, 54; IV, 9; VII, 14, 15; VIII, 28 и т. д.

[3] *Ibidem*, VII, 20; IX, 42, 73, 80; XIII, 78 и т. д.

повсемѣстно слились и образовали классъ виллановъ?

Рядомъ съ колонами въ собственномъ смыслѣ мы подмѣчаемъ на помѣстьяхъ нѣсколько категорій настоящихъ свободныхъ людей. Такъ, одинъ капитулярій Карла Великаго упоминаетъ людей, называвшихся *franci*, то-есть, вполнѣ свободныхъ, которые жили на помѣстьяхъ короля [1]. Можно предположить, что нѣкоторые изъ нихъ сидѣли также на церковныхъ помѣстьяхъ и на помѣстьяхъ частныхъ лицъ. Другіе памятники показываютъ намъ людей, называвшихся *ingenui*, и, хотя терминъ этотъ часто примѣнялся къ колонамъ и вольноотпущенникамъ, вполнѣ ясно, что въ другихъ случаяхъ онъ обозначалъ безусловно свободныхъ людей [2]. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что на помѣстьѣ сидѣло нѣкоторое количество свободныхъ людей. Откуда они происходили, и каково было ихъ положеніе? Представимъ нѣсколько фактовъ, сообщаемыхъ намъ формулами.

Есть одна формула, въ которой владѣлецъ въ награду одному изъ своихъ «*fideles*» за «вѣрность его и службу» жалуетъ ему участокъ земли «въ предѣлахъ своей виллы». Какъ часто бываетъ, такая формула содержала двоякій смыслъ. Участокъ земли могъ быть данъ или въ полную собственность, *iure proprietario*, или на оброкъ, *sub redditus terrae*. Ясно, что во вто-

[1] *Capitulare de villis*, c. 4 (Boretius, p. 83).—Опредѣливъ положеніе *familia*, король переходитъ: «Franci autem qui in fiscis aut villis nostris commanent».

[2] Мы говоримъ главнымъ образомъ объ иммунитетныхъ формулахъ, въ которыхъ читаемъ: «Tam ingenuos quam et servientes». См. напримѣръ, Diplomata, № 417.

ромъ случаѣ получившій участокъ становился съ тѣхъ поръ держальцемъ [1].

Вотъ другой случай. Сервъ, въ нѣкоторомъ помѣстьѣ женился на свободной женщинѣ. По закону, дѣти, которыя родятся отъ такого брака, должны быть сервами. Но господинъ разрѣшаетъ ихъ особою грамотой отъ рабскаго состоянія и предоставляетъ ихъ потомству жить въ полной свободѣ, *in integra ingenuitate*. Но та же грамота опредѣляетъ, что эти дѣти навсегда останутся въ помѣстьѣ, что они будутъ занимать надѣлъ и платить «ежегодный оброкъ съ земли» [2]. Вотъ, значитъ, еще свободные люди, находившіеся въ положеніи съемщиковъ или держальцевъ чужой земли. Въ другихъ случаяхъ, и довольно часто, мы видимъ свободныхъ людей, которые вступали въ бракъ съ женщинами-колонками, очевидно, чтобы получить ихъ участки [3]. Тутъ особенно ясно обнаруживается несправедливость утвержденія, что всѣ колоны попадали въ такое состояніе вопреки своей волѣ.

Ни франкскіе своды, ни отдѣльные акты не обнаруживаютъ намъ практики аренды по контракту. Но въ меровингскомъ обществѣ существовали, конечно, свободные люди, которые испрашивали и получали «мансы» въ держанье [4]. Тутъ надо сдѣлать нѣкоторыя

[1] *Marculf.* II, 36: «Ego fideli nostro illi. Pro respectu fidei et servitii tui... cedimus tibi locellum aut mansum illum infra terminos villae nostrae... sub redditus terrae».

[2] *Ibidem,* II, 29.

[3] *Polyptyque de Saint-Germain,* IX, 147; XIII, 6; XIV, 7; XVI, 88; XIX, 36.

[4] См. напримѣръ, въ «Polyptyque de Saint-Remi» (V, 2) нѣкоего Belitrannus, называемаго *extraneus*; это свободный человѣкъ, пришедшій извнѣ; онъ получилъ мансъ и подчинился оброкамъ и службѣ колона.

замѣчанія. Во-первыхъ, повидимому, такія свободныя держанья были не очень многочисленны сравнительно съ другими. Во-вторыхъ, они были, повидимому, безсрочными, что тогда было всеобщимъ правиломъ. Наконецъ, свободныя держанья были подчинены тѣмъ же условіямъ, какъ рабскія или колонскія [1]. Былъ ли мансъ занятъ сервомъ, колономъ или свободнымъ человѣкомъ, мансъ долженъ былъ всегда платить тѣ же оброки, отправлять ту же барщину. Такъ Радоиндъ, занимавшій мансъ и называемый *liber*, долженъ былъ обрабатывать шесть господскихъ *perticae*, исполнять двѣ барщины въ недѣлю и какой прикажутъ извозъ [2]. Другой мансъ держалъ священникъ Годинъ; за это онъ долженъ былъ обрабатывать четыре арипенна въ виноградникѣ владѣльца [3]. Съ тѣхъ поръ, какъ работы эти установились, какъ цѣны за надѣлъ, онѣ, видимо, не считались постыдными и недостойными свободнаго человѣка.

Вскрывается еще категорія людей, называвшихся *hospites*.—Они могли быть сервами или колонами, но встрѣчались между ними также и свободные люди. Часто это были чужестранцы, получившіе право обработать маленькій участокъ земли на чужомъ помѣстьѣ. Только *hospitium* не было постояннымъ держаньемъ,

[1] Это видно изъ «Polyptyque de Saint-Germain», XIII, 6 и XVI, 88.

[2] «Polyptyque de Saint-Germain», XIV, 7.

[3] *Ibidem,* I, 10.—Ясно, что этотъ священникъ, какъ и всѣ держальцы, могъ поручить другому человѣку выполнить эти работы.

по желанію, выдѣленный ему участокъ владѣлецъ могъ отобрать. Обыкновенно, такіе надѣлы были меньше рабскихъ или колонскихъ мансовъ, но они подчинялись такого-же рода обязательствамъ.

Больше всего удивительно именно вотъ что: во всѣхъ держаньяхъ, въ которыхъ съемщикъ былъ, несомнѣнно, свободнымъ человѣкомъ и бралъ на себя обязательства лишь по своей волѣ, условія были, совершенно очевидно, тѣ же, что въ другихъ держаньяхъ. Колонъ очень походилъ на серва и свободный человѣкъ на колона. Почти всегда примѣнялись одни и тѣ же оброки и та же барщина. Видимо, оброки эти и барщина представлялись не признакомъ рабства или актомъ притѣсненія въ глазахъ людей, но справедливой отплатой за землю, которою они пользовались.

Нужно только сказать: какова-бы ни была форма держанья, оно неизбѣжно ставило человѣка въ зависимость отъ крупнаго владѣльца, такъ какъ всеобщепризнаннымъ принципомъ того времени было то, что самый фактъ занятія чужой земли ставилъ съемщика въ зависимость отъ ея владѣльца. Человѣкъ могъ быть лично свободнымъ, но онъ становился подвластнымъ черезъ землю, которая носила и кормила его, благодаря оброкамъ, которые онъ платилъ, и барщинному труду, который онъ исполнялъ. Если не по закону, то фактически подчиненіе это было наслѣдственнымъ.

Чтобы вступить въ подчиненіе отъ владѣльца, не требовалось обязательно получить мансъ въ его помѣстьѣ. Если чужестранецъ, свободный человѣкъ, утверждался въ поселкѣ внутри виллы для того, напримѣръ, чтобы заниматься тамъ ремесломъ, то въ качествѣ *manens* онъ долженъ былъ платить владѣльцу оброкъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ динаріевъ серебромъ и нести барщину изъ нѣсколькихъ дней труда въ годъ [1].

Люди нашего времени склонны по первому впечатлѣнію думать, что повинности колоновъ и сервовъ были очень тяжелы; таково было и наше первое впечатлѣніе. Но прямое и внимательное изслѣдованіе памятниковъ заставляетъ перемѣнить мнѣніе. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ въ полиптихахъ и помощью довольно легкаго вычисленія попытаемся оцѣнить, что представляли эти динаріи, о которыхъ говорится въ памятникахъ, и что стоили всѣ эти работы и личныя услуги. Пять или шесть тысячъ цифръ, которыя намъ даютъ полиптихи Сенъ-Жермена, Сенъ-Реми, Ситіу, Прума и Сенъ-Виктора марсельскаго, позволяютъ намъ произвести этотъ трудъ. Особенно важенъ первый памятникъ потому, что въ немъ кромѣ цифръ, опредѣляющихъ высоту оброка, даются размѣры каждаго надѣла и перечисленіе лежавшихъ на немъ повинностей.

Прежде всего надо замѣтить, что въ ряду перечисляемыхъ повинностей два вида ихъ мы должны оставить въ сторонѣ. Это, во-первыхъ, та, которую полиптихи называютъ *hostilitium*; это не былъ оброкъ съ надѣла, но какъ бы выкупъ человѣкомъ обязательной военной службы королю. Быть можетъ, сборъ ведетъ начало съ Карла Великаго или съ Пипина. Вмѣсто того, чтобы вызывать передъ каждой войною всѣхъ

[1] *Polyptyque de Saint-Remi*, XV, 27; XXII, 31; XVIII, 11 XXI, 6.

людей помѣстья, однихъ, чтобы сражаться, другихъ, чтобы поставлять припасы и перевозить ихъ, введены были особые избавительные взносы. Происходила ли война, или нѣтъ, держалецъ ежегодно платилъ своему владѣльцу относительно умѣренную повинность; затѣмъ, если война наступала, владѣлецъ несъ всѣ ея издержки. Изъ года въ годъ повинность эта колебалась: для однихъ она равнялась двумъ солидамъ, съ другихъ взыскивался одинъ. Третій долженъ былъ поставлять десять мѣръ вина. Въ другихъ мѣстахъ колонъ долженъ былъ въ первый годъ изъ трехъ отдавать быка, во второй свинью, въ третій барана [1].

Во-вторыхъ, надо исключить или, по крайней мѣрѣ, оставить въ сторонѣ повинность, называющуюся *ligneritia* и *pastio*. Въ добавокъ къ основному надѣлу, состоявшему изъ полей, виноградника и луга, владѣлецъ предоставлялъ своему держальцу право рубки своего лѣса на дрова или для построекъ и право попаса на его *pascia* и въ его дубовыхъ лѣсахъ опредѣленнаго числа барановъ и свиней. За такое право держалецъ долженъ былъ нести добавочную повинность, состоявшую въ обязательствѣ нарубить и поставить нѣсколько возовъ дровъ для владѣльца, то въ уплатѣ ему двухъ

[1] *Polyptyque de Saint-Germain,* III, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д.; IV, 2 и т. д.; V, 3; VII, 26; VIII, 3; IX, 9, 10, 11, 12, 13 и т. д.—Налогъ поднимается иногда до 4 солидовъ, IX, 9; XVI, 3.—*Polyptyque de Saint-Remi*, XX, 16; VI, 2; XXII, 9; XXVIII, 2 и 69.—Въ *Polyptyque de Saint-Maur* этотъ родъ повинности называется *camaticum*.—Г е р а р ъ смотритъ на *hostilitium*, какъ на повинность частнаго характера; безспорно, оно сдѣлалось таковой, но мы обращаемся къ шестому и седьмому вѣкамъ, и въ то время оно или было государственной повинностью, или не существовало вовсе.

или трехъ динаріевъ, то въ поставкѣ извѣстнаго количества мѣръ вина [1].

За указанными исключеніями, остальныя повинности являлись дѣйствительно прямой платой за надѣлъ. Попытаемся высчитать дѣйствительную ея цѣнность. Вычисленіе относительно легко въ тѣхъ случаяхъ, когда повинность была денежною. Напримѣръ, колонъ, занимавшій одинъ буннуарій пахатной земли и одинъ арипеннъ виноградника, вносилъ за это шесть динаріевъ [2]. А въ то время и въ той странѣ, гдѣ былъ составленъ этотъ полиптихъ, буннуарій былъ земельной мѣрой въ одинъ гектаръ и 28 аровъ; арипеннъ виноградника содержалъ только 12 или 13 аровъ. Шесть динаріевъ составляли по вѣсу около 7 граммовъ серебра и заключали цѣнность, которую на наши деньги можно опредѣлить въ 17 франковъ. Арендная плата въ 17 франковъ не была тяжела для земли въ полтора гектара.

Мансъ въ 13 буннуаріевъ поля, то-есть, 16 гектаровъ, 6 арипенновъ виноградника и 6 луга платилъ 5 солидовъ и 4 динарія, что составляло приблизительно 180 нынѣшнихъ франковъ. Это образуетъ по 10 франковъ арендной платы за гектаръ [3].

[1] *Polyptyque de Saint-Germain,* II, 2; III, 2; IV, 2; V, 3 и 28; VI, 3; IX, 9, 153, 155, 158; XIII, 1 и 39; XV, 3; XVIII, 3 и т. д.—*Polyptyque de Saint-Maur,* 14 и 16.—*Polyptyque de Saint-Remi,* I, 2; IX, 2; XV, 2; XIX, 2; XX, 2 и т. д.—Cartulaire de Saint Victor de Marseille, passim.—Прумскій регистръ, №№ 25 и 45.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain,* VII, 71: «Framnus habet de terra arabili bunuarium 1, de vinea aripennum 1, inde solvit denarios 6».

[3] *Polyptyque de Saint-Germain,* VII, 6.

Число мансовъ, платившихъ оброкъ деньгами, было довольно велико [1]. Отмѣтимъ слѣдующее преимущество такой формы оброка. Деньги падали въ цѣнѣ; солидъ и динарій сдѣлались очень мелкими монетами, и оброкъ уменьшался такимъ образомъ изъ вѣка въ вѣкъ до того, что почти сошелъ на нѣтъ.

Вычисленіе затруднительнѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда оброкъ уплачивался работами. Колонъ Годебольдъ занималъ мансъ въ 6 буннуаріевъ поля, маленькій виноградникъ и маленькій лугъ. Онъ платилъ за это обработкой трехъ арипенновъ владѣльческаго виноградника [2]. Если разсудить, что эти три арипенна составляли всего 38 аровъ, и если замѣтить, что такого размѣра виноградникъ требовалъ около 14 дней труда въ годъ, то можно высчитать, что Годебольдъ, державшій 8 гектаровъ земли, расплачивался 14 днями труда. Онъ прибавлялъ къ этому ежегодно трехъ цыплятъ и 15 яицъ. Другой колонъ Ебрульфъ, надѣлъ котораго былъ меньше, долженъ былъ тѣмъ не менѣе обработать 8 арипенновъ, то-есть, дать тридцатидневный трудъ [3].

Были такіе колоны, которые должны были давать одинъ день барщины въ недѣлю, другіе—два и даже три. Мы можемъ перевести эти дни на деньги, и тѣмъ болѣе имѣемъ право на это, что самъ держалецъ могъ обыкновенно замѣнять свою барщину опредѣленной суммой динаріевъ, или онъ могъ ее исполнить руками другихъ людей, которымъ онъ за это платилъ. Полип-

[1] *Polyptyque de Saint-Remi*, XIII.
[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 1.—То же самое, II, 61 и 62.
[3] *Ibidem*, II, 38.

тихъ монастыря св. Ремигія даетъ намъ указаніе разныхъ цѣнъ за дневной трудъ, смотря по характеру работы. Цѣны колебались отъ одной трети до цѣлаго динарія. Средняя цѣна—двѣ трети динарія—можетъ быть выражена на современномъ языкѣ цифрой въ 1 франкъ 75 сантимовъ [1]. Возьмемъ теперь для примѣра колона Бодона, который занималъ 11 гектаровъ пахотной земли, 2 арипенна виноградника и 7 луга. Обязательства его выражались въ трехъ дняхъ труда въ недѣлю [2]. Замѣтимъ, что три дня въ недѣлю, за вычетомъ рождественской и пасхальной недѣли и за исключеніемъ тѣхъ недѣль, когда земледѣльческія работы были невозможны, составляли не болѣе ста двадцати дней въ годъ, вѣроятно, менѣе. Если Бодонъ замѣнялъ себя другимъ работникомъ и платилъ въ день сумму, равную нынѣшнимъ 1 фр. 75 сантимовъ, то его три дня барщины въ недѣлю сводятся приблизительно къ 200 франкамъ за землю въ 12 гектаровъ; и, если прибавить нѣкоторыя другія обязательства, которыя на немъ еще лежали, то можно высчитать, что арендная плата за его держанье обходилась ему по 20 франковъ за гектаръ.

Затрудненіе возникаетъ изъ того, что часто полиптихъ, вмѣсто указанія опредѣленнаго числа дней, употребляетъ формулу «столько работъ, сколько при-

[1] *Polyptyque de Saint-Remi*, XV, 27: «Debent dies 9 aut denarios 4»; XXII, 35: «Debent unusquisque dies 3 aut denarios 1 et dimidium»; XI, 2: «In pratericia falcem 1 aut dabit denarium unum».—XVIII, 11; XXII, 46; XXVI, 2.
[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, VII, 4.

кажутъ» [1]. Очевидно, что эта формула давала просторъ помѣщичьему произволу. Было бы однако нѣкоторымъ преувеличеніемъ предполагать, что оговорка эта приводила къ особенно тяжкимъ и тиранническимъ послѣдствіямъ. Беру, напримѣръ, колона по имени Вульфарда съ помѣстья Ножанъ; онъ занимаетъ 11 буннуаріевъ поля, 2 арипценновъ виноградника и 3 съ половиной ариненна луга. Установленный оброкъ его состоитъ въ распашкѣ 9 *perticae*, въ уборкѣ сѣна на одномъ арипеннѣ и въ поставкѣ 3 цыплятъ, 15 яицъ и 100 мелкихъ дранокъ. Писцовая книга, впрочемъ, добавляетъ, что онъ долженъ еще исполнять «барщину, рубку лѣса, извозъ и ручныя работы, по сколько это ему предписано» [2]. Та же оговорка указана относительно 34 другихъ колоновъ того же помѣстья и относительно 3 сервовъ: всего перечислено 38 держальцевъ, которые должны работать на землѣ владѣльца. Но если мы замѣтимъ, что на помѣстьѣ Ножанъ земля владѣльца содержала всего 81 гектаровъ, то легко высчитать, что на каждаго изъ 38 держальцевъ тамъ приходилось не болѣе четырнадцати дней

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, III, 2; IV, 2; V, 3; V, 28, 53; VI, 3; VIII, 3; XIV, 3; XV, 3; XVI, 3, 52; XVII, 3; XVII, 3.

[2] *Ibidem*, VIII, 3.—Мы видимъ также на виллѣ Бузиніакѣ изъ «Polyptyque de Saint-Amand», что держальцы, въ числѣ 19, должны работать по три дня въ недѣлю, что, взятое буквально, составляло сумму въ 2.280 дней, между тѣмъ *dominicum* содержалъ лишь 16 буннуаріевъ пахотной земли, треть которой оставалась подъ пустошью. Обработка 11 буннуаріевъ или 14 гектаровъ не могла требовать 2.280 дней. Слѣдовательно, цифра была фиктивная. Она означала, что владѣлецъ былъ вправѣ требовать три дня, но не значила, что три дня дѣйствительно требовались отъ держальцевъ.

работы въ годъ. Вотъ, къ чему сводится эта столь грозная на видъ статья о барщинѣ по произволу.

Иногда мы видимъ, что барщинныя работы выкупались, и за очень низкую цѣну. Одинъ литъ выкупилъ весь свой барщинный трудъ за одинъ солидъ въ годъ; восемь рабовъ выкупили весь свой извозъ за четыре динарія каждый. Многіе выкупали работы по уборкѣ (*augustaticum*) за одинъ или два динарія [1].

Бенжаменъ Гераръ, одинъ изъ большихъ ученыхъ нашего вѣка, сдѣлалъ вычисленіе того, что платили всѣ мансы Сенъ-Жерменскаго аббатства. Онъ пришелъ къ тому заключенію, что колонскій мансъ заключалъ въ среднемъ размѣрѣ 10 съ половиной гектаровъ и платилъ 183 франка, что составляло для колона арендную плату въ 17 франковъ съ гектара, на наши деньги. Рабскій мансъ средней величиною равнялся 7 съ половиной гектаровъ, а оброки и работа его могутъ быть оцѣнены въ 162 франка; это составитъ для раба плату приблизительно въ 22 нынѣшнихъ франка съ гектара [2].

Сразу видно, что теперешній фермеръ платитъ гораздо болѣе высокую цѣну, чѣмъ держальцы восьмого вѣка. Но не слѣдуетъ сближать другъ съ другомъ

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 266; XII, 2; IX, 6, 234, 236.

[2] *B. Guérard*, Prolégomènes au Polyptyque de l'abbé Irminon, p. 893, 897.—Нельзя такимъ же образомъ высчитать оброки изъ Polyptyque de Saint-Remi, потому что размѣръ мансовъ не указанъ; но общее впечатлѣніе таково, что повинности и тамъ были не очень высоки. Напримѣръ, колонъ Теодоанъ вносилъ оброки и несъ работы, которые, будучи переведены на монету настоящаго времени, составятъ не болѣе 220 франковъ за весь его мансъ (XVIII, 2; ср. II, 2; VI, 2; IX, 2 и т. д.).

эти два соціальные образа. Большую разницу составляло то, что арендная плата держальца, высчитанная нами на деньги, платилась чаще всего работой. Этотъ способъ расплаты могъ быть болѣе удобенъ для крестьянина, который предпочитаетъ предоставлять свои руки, чѣмъ открывать кошелекъ; но онъ влечетъ важныя послѣдствія, такъ какъ неизбѣжно усиливаетъ зависимость отъ владѣльца. Это бросается въ глаза во многихъ статьяхъ, гдѣ говорится, что крестьянинъ долженъ будетъ давать столько рабочихъ дней, сколько ему будетъ приказано. Не менѣе замѣтно это и въ другихъ статьяхъ. Если колонъ долженъ обработать три арипенна виноградника, то указать виноградникъ надлежитъ владѣльцу или его прикащику. Если онъ долженъ давать два дня въ недѣлю, то назначаетъ дни владѣлецъ или его прикащикъ, и надъ каждой работой производится надзоръ и контроль. Такимъ образомъ воля господина проявляется чуть-ли не каждую минуту. Колону всегда приходится повиноваться и получать приказанія. Такимъ образомъ, оброкъ, который былъ въ сущности лишь очень умѣренной платой за пользованіе надѣломъ, почти всегда принималъ видъ извѣстнаго приниженія соціальнаго *status*. По отношенію къ быту низшихъ классовъ отличительною чертою средневѣковья было не угнетенное, а подчиненное состояніе.

ГЛАВА XVII.

Сельскія общинныя земли.

Во Франціи всегда существовали общинныя угодья, то-есть, лѣса или пастбища, которыми крестьяне пользовались сообща. Они очень ясно обнаруживаются въ памятникахъ двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ; они замѣтны уже въ памятникахъ меровингской эпохи. Слѣдуетъ внимательно изучить характеръ этихъ общинныхъ имуществъ. По данному вопросу сложились очень неправильныя мнѣнія. Многіе современные умы представили себѣ, что эти общинныя имущества были коллективною собственностью поселянъ, и что начало ихъ кроется въ древнемъ аграрномъ коллективизмѣ [1]. Они будто-бы являлись слабымъ остаткомъ высшаго права, которое нѣкогда принадлежало крестьянской группѣ надъ всей землей. Когда же феодальные сеньоры отобрали у крестьянъ имущества и поработили ихъ, они оставили имъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя пустоши и нѣкоторые лѣса. Все это—чистый вымыселъ.

Изслѣдуемъ памятники пятаго, шестого и седьмого вѣковъ; мы нигдѣ не найдемъ въ нихъ, чтобы крестьяне коллективно владѣли какой-нибудь землей. Ни Салическая, ни Рипуарская, ни Бургундская Правды не

[1] *Armand Rivière* издалъ въ 1856 году прекрасный трудъ «Les biens communaux en France», но онъ говоритъ лишь о городскихъ имуществахъ въ томъ видѣ, какъ они были установлены по законодательству Дигестъ. Сельскія общинныя угодья не могли тогда существовать; они гораздо болѣе поздняго происхожденія и значительно иного характера.

намекаютъ на институтъ, который долженъ былъ вызвать многія законодательныя распоряженія, и о которомъ не могъ умолчать, конечно, ни одинъ сводъ. Меровингскія хартіи очень часто упоминаютъ о лѣсахъ и пастбищахъ, *silvae, pascua*; но эти лѣса и пастбища всегда находились внутри помѣстій. Они были не рядомъ, не за предѣлами ихъ, а принадлежали всегда ихъ владѣльцамъ. Когда владѣлецъ дарилъ или завѣщалъ свою землю, онъ заявлялъ, что даритъ и завѣщаетъ также лѣса и пастбища. Онъ завѣщалъ ихъ на такихъ же правахъ, какъ свои поля и виноградники. «Я завѣщаю или дарю такую-то виллу, заключающую въ себѣ дома, поля, виноградники, луга, пастбища, лѣса, рабовъ и колоновъ, со всѣми принадлежностями и угодьями». Такова формула, повторяющаяся двѣсти разъ; она не указываетъ, чтобы съ точки зрѣнія владѣльца существовало какое-либо различіе между лѣсомъ и виноградникомъ. Можно даже сдѣлать другое замѣчаніе. Мы сказали выше, что владѣлецъ дѣлилъ свое помѣстье на двѣ части, чтобы одну часть отдать подъ держаніе, другую оставить подъ собственное хозяйство. И вотъ, наши полиптихи показываютъ, что лѣсъ всегда входилъ въ *dominicum*. Онъ не составлялъ, значитъ, собственности крестьянъ [1]. Другой фактъ еще болѣе знаменателенъ. Мы много разъ видимъ, что небольшой лѣсъ входилъ въ составъ манса колона или серва. Напримѣръ, колонъ Лейдонъ занималъ 16 буннуаріевъ пахотной земли и 1 буннуарій лѣса; точно такъ же

[1] См. *Polyptyque de Saint-Germain*, особенно II, 1, III, 1; IV, 1; V, 1; VI, 1; VII, 3; VIII, 1 и т. д.—Точно также въ Прумской книгѣ, №№ 33, 34, 35, 45, 46, 58, 61, 63, 64, 66, 72, 73, 76.

колонъ Винкуинъ и многіе другіе [1]; одинъ лидъ занималъ полтора буннуарія лѣсныхъ зарослей, *concidae* [2]. Если такимъ образомъ надѣлы нѣсколькихъ держальцевъ включали въ себя клочекъ лѣса, тогда какъ сосѣди ихъ его не имѣли, стало быть, лѣса вообще не были общими.

Обратимъ еще разъ вниманіе, что всѣ крестьяне тогда были колонами или сервами: они, слѣдовательно, не могли быть собственниками. Наконецъ, крестьяне помѣстья не составляли между собой общины; надѣлъ былъ личнымъ держаніемъ; оброки и повинности также были личными, и между держальцами не существовало никакого признаннаго союза. Сельская община, *universitas villanorum*, появится лишь позднѣе. Разъ крестьяне не могли быть собственниками, разъ они не образовывали между собой общины, ясно, что ни на какой части земли своего господина они не могли примѣнять права общаго владѣнія.

Происхожденія и природу общинныхъ имуществъ надо, слѣдовательно, искать и выводить изъ другихъ источниковъ, объяснять другими явленіями. Они выросли изъ внутренняго устройства помѣстья и изъ формъ держанія, какъ послѣднія были описаны нами.

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 38: Колонъ занимаетъ 12 буннуаріевъ пахотной земли и 1 буннуарій лѣса; также IX, 47, 79, 83, 84.—IX, 46: Колонъ Евтхарій занимаетъ 16 буннуаріевъ земли и полтора буннуарія *silva novella*, то-есть, насажденнаго имъ лѣса.—Другіе примѣры въ томъ же полиптихѣ, IX, 135, 136, 138; XIII; 2, 5, 17, 18, 19, 27, 43, 46, 55, 87, 93, 94.

[2] *Ibidem*, IX, 87.—Другіе примѣры *concidae* въ рукахъ мелкихъ держальцевъ въ томъ же полиптихѣ, IX, 88, 89, 91; XIII, 1, 9, 57, 76.

Мы видѣли, что владѣлецъ разбивалъ свое помѣстье на двѣ части, одна изъ которыхъ была раздѣлена на надѣльные участки. Дѣлить на мелкіе участки лѣсъ и пастбища не было обыкновенія. Это не представлялось удобнымъ для самихъ съемщиковъ — крестьянъ. При томъ же крупный римскій помѣщикъ имѣлъ склонность къ охотамъ, и замѣнившій его иногда франкскій раздѣлялъ такую склонность. По этимъ различнымъ причинамъ лѣсъ вошелъ въ господскую часть, а пастбища остались неподѣленными.

Относительно устройства мансовъ мы показали, что чаще всего каждый изъ нихъ состоялъ изъ нѣсколькихъ родовъ земли. Было обычно, чтобы въ каждый надѣлъ входила довольно значительная пахотная площадь, затѣмъ маленькій виноградникъ и маленькій лугъ. Повидимому, господствовавшимъ при этомъ распредѣленіи принципомъ былъ тотъ, чтобы каждый надѣлъ могъ удовлетворять различнымъ нуждамъ сидѣвшей на немъ семьи земледѣльца и заключалъ-бы въ себѣ все необходимое. Пахотныя земли давали съемщику хлѣбъ, овощи, ленъ для одежды; небольшой виноградникъ доставлялъ питье; лугъ—молоко. Это было однако не все: онъ долженъ былъ имѣть еще сколько-нибудь барановъ и свиней; ему нуженъ былъ также лѣсъ для отопленія, или для поправки его хижины и хлѣва. Естественно и, такъ сказать, неизбѣжно было, чтобы пастбища и лѣсъ служили, по крайней мѣрѣ отчасти, для удовлетворенія этихъ насущныхъ потребностей съемщиковъ.

Очевидно, крестьяне не имѣли никакого узаконеннаго права на этотъ лѣсъ и эти пастбища; но владѣлецъ могъ предоставить имъ пользованіе такими угодьями, опредѣливъ при томъ предѣлы пользованія и поставивъ свои условія.

Какъ совершались вначалѣ такіе договоры? Дѣлалось-ли это безплатно, или владѣлецъ заставлялъ платить себѣ за новое пользованіе? Вѣроятно, вырабатывались самыя разнообразныя формы. Памятники отъ третьяго до пятаго вѣка ничего не говорятъ намъ объ этомъ вопросѣ. Первоначальные распорядки внутри помѣстій ускользаютъ отъ насъ; мы имѣемъ хартіи начиная лишь съ седьмого вѣка, полиптихи лишь съ девятаго и, если можемъ искать въ нихъ такихъ первоначальныхъ фактовъ, то только довѣряя закону преемственности и косности, который, какъ мы знаемъ, имѣетъ большую силу въ подобныхъ явленіяхъ.

Возьмемъ Сенъ-Жерменскую писцовую книгу. Мы замѣчаемъ, что на помѣстьяхъ Палезо, Веррьеръ и многихъ другихъ всѣ держальцы платили *pro lignerìtia* по четыре динарія каждый. *Lignerìtia* не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правомъ брать дрова въ господскомъ лѣсу, такъ же какъ *pastio* не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правомъ попаса скота на землѣ владѣльца. Владѣлецъ разрѣшалъ брать лѣсъ, но не сколько кто захочетъ, а въ извѣстномъ предѣлѣ, и не всякій сортъ лѣса, а лишь сушь, а также тотъ, который позже былъ названъ *mort-bois*, то-есть, кусты и деревья, не приносившіе полезныхъ плодовъ. За такое разрѣшеніе держальцы платили владѣльцу; иногда плата назначалась деньгами, какъ въ Палезо и Веррьерѣ, иногда она поступала натурой и состояла въ томъ, что каждый держалецъ нарубалъ и свозилъ также и для господина одинъ или нѣсколько возовъ дровъ [1].

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 153—155, 158; XVIII, 3

Такъ же обстояло дѣло и съ попасомъ, *pastio* или *pascuarium*; такъ называлось разрѣшеніе, дававшееся держальцамъ, выгонять извѣстное число скота, особенно свиней, въ лѣса владѣльца, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ поспѣванія желудей. Это уже упоминается въ Баварской Правдѣ. Колоны имѣли право выгона, но только они платили за него ежегодный оброкъ [1]. Въ большинствѣ Сенъ-Жерменскихъ помѣстій держальцы пользовались этимъ правомъ, но они оплачивали его ежегоднымъ оброкомъ въ два боченка вина, иногда въ четыре, иногда въ четыре динарія [2]. Въ двухъ помѣстьяхъ не упоминается оброкъ за выгонъ. Отсюда не слѣдуетъ заключать, что крестьянамъ отказывалось въ выгонѣ, но, быть можетъ, онъ давался безплатно, или плата за него совпадала съ общимъ оброкомъ за надѣлъ.

Надо обратить вниманіе на способъ опредѣленія въ полиптихахъ цѣнности каждаго лѣса. Сначала пытаются указать приблизительный размѣръ его площади: «Онъ имѣетъ милю въ окружности», «объѣхавшій его, сдѣлаетъ двѣ мили». Такое опредѣленіе было совершенно неясно и не давало понятія объ истинномъ размѣрѣ; но высчитывать послѣдняго не давали себѣ труда. Затѣмъ стало проводиться другое измѣреніе, болѣе опредѣленное: указывалось количество скота, которое могъ содержать лѣсъ. Такой-то лѣсъ могъ откормить 500 свиней, другой 900, третій 1.100

слѣд.—XXV, 3 и слѣд.—Этотъ же налогъ *lignerітіа*, уплачивавшійся деньгами или натурой, встрѣчается въ Polyptyque de Saint-Maur.

[1] *Lex Baiuwariorum*, I, 13 (14).

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, I, 1; II, 2; III, 2; IV, 2 и т. д.

или 1.500, тогда какъ были лѣса, которые могли откормить только 200, 150 или 50 свиней. Такія опредѣленныя цифры, которыя заботливо вписывались въ книги, открываютъ намъ сущность аграрнаго обычая о выпасѣ. Очевидно, количество свиней, которое держальцы имѣли право посылать въ барскій лѣсъ, не могло быть неограниченнымъ. Тамъ паслось господское стадо, и кромѣ того каждый изъ нихъ посылалъ по 4, по 8, или болѣе, но все-таки установленное число штукъ. Это ясно не сказано въ Сенъ-Жерменскомъ полиптихѣ но предположеніе наше подтверждается другими памятниками.

Не было въ обычаѣ, чтобы владѣлецъ отдавалъ весь свой лѣсъ, особенно, если онъ былъ довольно большого размѣра, въ распоряженіе своихъ держальцевъ. Очень часто оставлялъ онъ часть его для себя, для своихъ потребностей или удовольствій. Это особенно замѣтно въ регистрѣ Прумскаго аббатства. Тамъ опредѣленно сказано, что въ такомъ-то, или такомъ помѣстьѣ, часть лѣса выдѣлена для господскаго употребленія (это называлось *foreste*), а другая часть «общая» [1]. Подъ словомъ «общая» не подразумѣвали, конечно, что эта часть лѣса являлась коллективной собственностью деревни, такъ какъ свободныхъ деревень здѣсь и не было, а существовали лишь частныя помѣстья, жителями которыхъ были сервы или

[1] Прумскій регистръ, № 55, у Beyer, стр. 175: «Silva in Bastiberg forestum ad porcos 200; in Tegesceit communis ad porcos 200».—То же самое въ № 62: «Silva in communi ad porcos 100, forestum ad porcos 150».—№№ 66, 82, 83: «Silva communis ad porcos 600».—*Codex Wissenburgensis*, № 200: «Et silva in communis qua pascunt saginari porci 200».

лиды. Лѣсъ назывался общимъ только потому, что владѣлецъ уступалъ пользованіе имъ всѣмъ крестьянамъ, въ предѣлѣ, который назначалъ самъ, и за вознагражденіе, которое ему платили. Это же различіе между выдѣленнымъ и общимъ лѣсомъ встрѣчается и въ Сенъ-Галленскихъ формулахъ: «Я даю мою виллу, носящую такое-то названіе, съ тѣмъ же полнымъ правомъ собственности, какъ ею владѣли предки мои и я, то-есть, съ домами, виноградниками, полями, лугами, общими и отдѣленными лѣсами, пастбищами и рабами», читаемъ мы тамъ. И отсюда также ясно, что лѣсъ, который называется здѣсь общимъ, не составлялъ коллективной собственности сервовъ; рѣчь идетъ о переданномъ имъ правѣ пользованія; а потому господинъ и является въ этой формулѣ одинаково владѣльцемъ общихъ лѣсовъ, какъ и лѣсовъ отдѣленныхъ [1]. Одинъ актъ восьмого вѣка также отличаетъ «общій лѣсъ» отъ лѣса «остававшагося въ личномъ владѣніи господина» [2].

Угодья помѣстья, на которыхъ передавались держальцамъ тѣ или другія права пользованія, обозначались въ извѣстномъ числѣ хартій сѣверной Галліи, или Рейнской области, терминомъ *communia*, общія владѣнія [3]. Въ одномъ актѣ 687 года Амальфридъ

[1] *Formulae Sangallenses*, 11, Zeumer, p. 385: «Dono villam... sicut ego et progenitores mei per succedentium temporum curricula potestative possedimus, id est domibus, pomariis, molinis, agris, pratis, silvis communibus aut propriis, pascuis, mancipibus, pecoribus».

[2] *Kindlinger*, Münsterische Beiträge, II, 3: «Est ibi silva communis... silva domini quae singularis est».

[3] Слово это встрѣчается всегда въ формѣ *communiis* (твор.

и жена его Хильдеберта жалуетъ монастырю Ситіу помѣстье Гонульфокуртисъ; согласно обычному стилю хартій, сказано, что помѣстье это, «во всей его полности, включая туда земли, мансы, постройки, рабовъ, поля, лѣса, луга, пастбища, мельницы, *communia*, все безъ исключенія, даруется монастырю» [1]. Чтеніе подобной хартіи не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно характера этихъ общихъ владѣній. Они не были землею общею для всѣхъ, землей безъ хозяина; они находились внутри помѣстья. Они не были также коллективной собственностью крестьянъ, ибо крестьяне эти были *mancipia*, рабы, которые не могли быть собственниками, и сами принадлежали Амальфриду и его женѣ, на томъ же правѣ, какъ поля и виноградники, и послѣдніе приносятъ ихъ въ даръ на такомъ же правѣ. Но только Амальфридъ и его предки разрѣшили, чтобы эта часть ихъ земли находилась въ общемъ пользованіи ихъ рабовъ; нѣтъ сомнѣнія, что и новый владѣлецъ сохранилъ такое же положеніе.

Мы видимъ также во Фландріи, что нѣкій Сигерадъ продалъ какому-то священнику «всю часть помѣстья Рокасемъ, которая принадлежала ему, и которая состояла изъ луговъ, полей, рабовъ и *communia*» [2].

падежъ); отсюда не слѣдуетъ заключать, что это было слово женскаго рода, *communiae*.—*Communiis* было на этомъ языкѣ творительнымъ падежомъ отъ средняго рода *communia*, какъ *adiacentiis* отъ *adiacentia*.

[1] *Diplomata*, Pertz, № 56, Pardessus, № 408: «Cum omni integritate sua in se habente vel pertinente... una cum eorum terris, mansis, costiciis, ibidem edificatis, mancipiis, campis, silvis, pratis, pascuis, farinariis, communiis, omnia et cum omnibus ad integrum ad monasterium transfirmaverunt».

[2] Сенъ-бертинскій хартулярій, № 39: «Ego Sigeradus venditor...

Точно также въ Теруэнскомъ краю одна женщина, по имени Сигеберта, продала принадлежавшія ей «земли, мансы, поля, лѣса, луга, пастбища и *communia*» [1]. Несомнѣнно, что тотъ, или та, кто продаетъ *communia* на-ряду съ своими виноградниками, лугами и рабами, является собственникомъ *communia* такъ же, какъ онъ былъ собственникомъ другихъ своихъ земель и своихъ людей. Мы могли бы привести еще другіе акты; въ одномъ изъ нихъ дарствователь объявляетъ, «что онъ владѣетъ *communia* по наслѣдственному праву, *iure hereditario*» [2].

Восемь формулъ, то-есть, восемь образцовъ актовъ упоминаютъ *communia* въ числѣ принадлежащихъ продавцу или дарствователю частей помѣстья. Въ одной изъ нихъ мы читаемъ: «Я дарю моимъ племянникамъ и моей племянницѣ имѣніе, которое принадлежитъ мнѣ въ такомъ-то округѣ и заключаетъ въ себѣ такое-то число мансовъ, съ постройками, землями, лѣсами, лугами, пастбищами, *communia*, посаженными на надѣлъ и дворовыми рабами, однимъ словомъ все, что составляетъ въ нихъ мою собственность» [1]. Въ другой формулѣ, которая даетъ образецъ акта обоюднаго дара между супругами, жена объявляетъ, что она даритъ своему мужу «имѣнія, расположенныя въ такомъ-то мѣстѣ, то-есть, такое-то число мансовъ съ домами, постройками, воздѣланными или невоздѣланными землями, лѣсами, полями, лугами, пастбищами, *communia*, все сполна, что составляетъ ея собственность» [2]. Терминъ этотъ встрѣчается и употребляется безъ всякой оговорки, въ одной формудѣ, гдѣ одинъ человѣкъ назначаетъ наслѣдника и передаетъ ему свои земли [3], въ четырехъ формулахъ, гдѣ владѣлецъ приноситъ въ даръ церкви земельное имущество [4], наконецъ, въ одной хартіи мировой сдѣлки, гдѣ виновный передаетъ потерпѣвшему собственность, «состоящую изъ мансовъ,

vendo omnem rem portionis meae in loco Hrokasem, in pago Flandrinse, id est tam terris quam et manso, pratis, campis, mancipiis, communiis, perviis, wadriscapis, peculiis, mobilibus et immobilibus».—Подобный же актъ нѣкоего Вальдберта см. *ibidem*, № 41.

[1] Сенъ-бертинскій хартулярій, № 43: «Tam terris, mansis, aedificiis, campis, silvis, pratis, pascuis, communiis».

[2] *Recueil de Lacomblet*, т. I, стр. 6.—Ср. актъ 868 года у *Beyer*, Urkundenbuch, № 110.—Въ сборникѣ *Zeuss*, № 200, мы видимъ, что нѣкій Лантфридъ приноситъ въ даръ монастырю «silva in communiis», которая можетъ откормить во время сбора желудей 200 свиней. Ясно, что эта *silva in communiis* была личной собственностью Лантфрида, разъ онъ приноситъ ее въ даръ; лѣсъ этотъ былъ только предоставленъ крестьянамъ помѣстья для общаго пользованія.

[1] Формула у Zeumer, *Lindenbrogianae*, 14, у Rozière, № 172: «Dono rem meam in pago illo, id est mansos tantos cum edificiis, una cum terris, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis, et mancipiis ibidem commanentibus vel aspicientibus, quidquid in ipso loco mea videtur esse possessio vel dominatio».—Извѣстно, что на языкѣ того времени слова *possessio* и *dominatio* обозначали полное право частной собственности; *vel* не было разъединительнымъ союзомъ, а имѣло значеніе соединительнаго «и».

[2] Формулы у Zeumer, *Lindenbrogianae*, 13, у Rozière, № 251: «Mansos tantos cum domibus, edificiis, curtiferis, terris tam cultis quam incultis, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis, totum et ad integrum, quidquid sua fruit possessio vel dominatio».

[3] *Lindenbrogianae*, 18, Rozière, № 118: «Terris, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis et mancipiis ibidem commanentibus, quantumcunque mea videtur esse possessio vel dominatio».

[4] *Lindenbrogianae*, 1, 2, 4, add. 3; Rozière, 200, 202, 331, 346.

Точно также въ Теруэнскомъ краю одна женщина, по имени Сигеберта, продала принадлежавшія ей «земли, мансы, поля, лѣса, луга, пастбища и *communia*» [1]. Несомнѣнно, что тотъ, или та, кто продаетъ *communia* на-ряду съ своими виноградниками, лугами и рабами, является собственникомъ *communia* такъ же, какъ онъ былъ собственникомъ другихъ своихъ земель и своихъ людей. Мы могли бы привести еще другіе акты; въ одномъ изъ нихъ дарствователь объявляетъ, «что онъ владѣетъ *communia* по наслѣдственному праву, *iure hereditario*» [2].

Восемь формулъ, то-есть, восемь образцовъ актовъ упоминаютъ *communia* въ числѣ принадлежащихъ продавцу или дарствователю частей помѣстья. Въ одной изъ нихъ мы читаемъ: «Я дарю моимъ племянникамъ и моей племянницѣ имѣніе, которое принадлежитъ мнѣ въ такомъ-то округѣ и заключаетъ въ себѣ такое-то число мансовъ, съ постройками, землями, лѣсами, лу-

vendo omnem rem portionis meae in loco Hrokasem, in pago Flandrinse, id est tam terris quam et manso, pratis, campis, mancipiis, communiis, perviis, wadriscapis, peculiis, mobilibus et immobilibus».—Подобный же актъ нѣкоего Вальдберта см. *ibidem*, № 41.

[1] Сенъ-бертинскій хартулярій, № 43: «Tam terris, mansis, aedificiis, campis, silvis, pratis, pascuis, communiis».

[2] *Recueil de Lacomblet*, т. I, стр. 6.—Ср. актъ 868 года у *Beyer*, Urkundenbuch, № 110.—Въ сборникѣ *Zeuss*, № 200, мы видимъ, что нѣкій Лантфридъ приноситъ въ даръ монастырю «silva in communiis», которая можетъ откормить во время сбора желудей 200 свиней. Ясно, что эта *silva in communiis* была личной собственностью Лантфрида, разъ онъ приноситъ ее въ даръ; лѣсъ этотъ былъ только предоставленъ крестьянамъ помѣстья для общаго пользованія.

гами, пастбищами, *communia*, посаженными на надѣлъ и дворовыми рабами, однимъ словомъ все, что составляетъ въ нихъ мою собственность» [1]. Въ другой формулѣ, которая даетъ образецъ акта обоюднаго дара между супругами, жена объявляетъ, что она даритъ своему мужу «имѣнія, расположенныя въ такомъ-то мѣстѣ, то-есть, такое-то число мансовъ съ домами, постройками, воздѣланными или невоздѣланными землями, лѣсами, полями, лугами, пастбищами, *communia*, все сполна, что составляетъ ея собственность» [2]. Терминъ этотъ встрѣчается и употребляется безъ всякой оговорки, въ одной формулѣ, гдѣ одинъ человѣкъ назначаетъ наслѣдника и передаетъ ему свои земли [3], въ четырехъ формулахъ, гдѣ владѣлецъ приноситъ въ даръ церкви земельное имущество [4], наконецъ, въ одной хартіи мировой сдѣлки, гдѣ виновный передаетъ потерпѣвшему собственность, «состоящую изъ мансовъ,

[1] Формула у Zeumer, *Lindenbrogianae*, 14, у Rozière, № 172: «Dono rem meam in pago illo, id est mansos tantos cum edificiis, una cum terris, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis, et mancipiis ibidem commanentibus vel aspicientibus, quidquid in ipso loco mea videtur esse possessio vel dominatio».—Извѣстно, что на языкѣ того времени слова *possessio* и *dominatio* обозначали полное право частной собственности; *vel* не было разъединительнымъ союзомъ, а имѣло значеніе соединительнаго «и».

[2] Формулы у Zeumer, *Lindenbrogianae*, 13, у Rozière, № 251: «Mansos tantos cum domibus, edificiis, curtiferis, terris tam cultis quam incultis, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis, totum et ad integrum, quidquid sua fruit possessio vel dominatio».

[3] *Lindenbrogianae*, 18, Rozière, № 118: «Terris, silvis, campis, pratis, pascuis, communiis et mancipiis ibidem commanentibus, quantumcunque mea videtur esse possessio vel dominatio».

[4] *Lindenbrogianae*, 1, 2, 4, add. 3; Rozière, 200, 202, 331, 346.

крестьянъ, пахотныхъ земель, лѣсовъ, полей, луговъ, пастбищъ и *communia* [1].

Во всѣхъ этихъ актахъ говорится въ точныхъ и сильныхъ выраженіяхъ, что эти общіе лѣса и пастбища были собственностью частнаго лица, *mea est possessio vel dominatio*; они принадлежали ему одному, а не владѣлись имъ сообща съ другими свободными людьми, такъ какъ продавалъ онъ ихъ по одной своей волѣ, ни съ кѣмъ не совѣщаясь. Въ актахъ прямо говорится, что владѣніе общими лѣсами и пастбищами передавалось въ собственность отъ продавца или дарствователя къ покупателю или лицу, которому дѣлалось пожалованіе: *de meo iure et dominatione in vestrum ius et dominationem transfundo*. Съ другой стороны, мы можемъ утверждать, что не находится ни одного акта противоположнаго значенія, ни одного, гдѣ слово *communia* имѣло бы иной смыслъ. Оно никогда не встрѣчается въ значеніи земли, сообща принадлежавшей деревнѣ. *Communia*—всегда лежали внутри частнаго помѣстья и продавались, завѣщались, дарились вмѣстѣ съ нимъ. Продажи или пожалованія общихъ лѣсовъ и пастбищъ никогда не производились общиною, а всегда однимъ человѣкомъ, мужчиною или женщиной; продавались или дарились общіе лѣса и пастбища также всегда одному лицу, частному человѣку, женщинѣ или аббату монастыря, но никогда не общинѣ. Мы замѣчаемъ даже, въ четырнадцати, приведенныхъ нами сейчасъ актахъ, что съ помѣстьями, о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь, не сопрягалось никакой общины, такъ какъ мы читаемъ въ нихъ, что они были заняты сервами, *servi*,

[1] *Lindenbrogianae*, 16; Rozière, № 242.

mancipia, и что тамъ нѣтъ, стало быть, мѣста для общины изъ крестьянъ-собственниковъ [1].

Всѣ приведенные тексты показываютъ довольно ясно, что представляли въ помѣстьѣ общія угодья. Это было не совсѣмъ то же самое, что лѣса и пастбища въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ какъ *pascua* и *silvae* называются отдѣльно, рядомъ съ *communia*; но такъ обозначалась лишь часть лѣсовъ и пастбищъ, именно та, которую владѣлецъ пожелалъ предоставить общему пользованію. Понятно, что никогда не имѣлась ввиду общая собственность, а только общее пользованіе. Надо сравнить эти тексты съ тѣми, которые показываютъ намъ рабовъ или колоновъ, пользовавшихся правомъ выпаса, или правомъ рубки лѣса даромъ либо за оброкъ владѣльцу. Помѣстье состояло, такимъ образомъ, обыкновенно изъ трехъ частей. Одну изъ нихъ владѣлецъ сохранялъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи

[1] Надо обратить вниманіе, какъ бы не смѣшать съ этими *communia* нѣкую «*communio silvae*», которую мы встрѣчаемъ въ другихъ текстахъ. Хартіи, въ которыхъ находятся первыя, выражаются совсѣмъ иначе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ содержится вторая, и смѣшеніе тутъ невозможно. *Communia* относятся къ держальцамъ сервамъ; *communio silvae*—къ собственникамъ. *Communio silvae* связано съ вышеописанной нами системой *portiones*. Когда путемъ наслѣдованія, или какъ-нибудь иначе, помѣстье дѣлилось, то двое, трое, четверо или десятеро владѣльцевъ пріобрѣтали, кромѣ части разработанной земли, еще по части лѣса каждый. Согласно порядку, который существовалъ уже въ Римскомъ законѣ и въ Бургундской Правдѣ, и который настолько естественъ, что, можно предположить, существовалъ вездѣ, въ лѣсу нарѣзалась часть, пропорціональная величинѣ манса, которымъ владѣлъ каждый. Это видно во многихъ хартіяхъ Рейнской области, въ которыхъ утописты пожелали усмотрѣть слѣдъ первобытнаго раздѣла между свободными крестьянами.

и обрабатывалъ исключительно въ свою пользу. То былъ—*mansus dominicatus*. Вторую часть онъ отдавалъ мелкимъ держальцамъ, сервамъ или колонамъ; то были *mansi serviles* или *ingenuiles*. Оставалась третья часть, состоявшая изъ неразработанной земли или изъ земли, слишкомъ трудно поддающейся обработкѣ. Эта часть, которая не могла быть подѣлена на надѣлы, оставлялась владѣльцемъ для общаго употребленія держальцевъ. Всѣ держальцы пользовались ею согласно извѣстнымъ, установленнымъ владѣльцемъ, правиламъ; каждый изъ нихъ могъ посылать на лугъ извѣстное количество барановъ, извѣстное число свиней на желуди [1].

Таковы сельскія общія угодья, о которыхъ упоминается въ памятникахъ отъ четвертаго до девятаго вѣка. Со временемъ они измѣнятся и примутъ позднѣе другой видъ, но мы показали ихъ истинный характеръ въ началѣ, вскрыли ихъ происхожденіе. Возникли они не отъ воображаемой коллективной собственности, на которую нигдѣ нѣтъ никакого указанія, а отъ общаго пользованія держальцевъ извѣстными, уступленными имъ полосами помѣщичьей собственности [2]. Подобно тому, какъ почти всѣ наши деревни произошли отъ прежнихъ помѣстій, такъ же и начало сельскихъ общинныхъ угодій кроется во внутреннемъ устройствѣ этихъ помѣстій.

[1] Хартія изъ сборника *Neugart*, № 462, ясно показываетъ такое положеніе: «Trado... in villa Altenburch, hobas 5 et quidquid ad illam pertinet ad unamquamque hobam 10 porcos saginandos in proprietate mea in silva Lotstetin».—Вотъ лѣсъ, который находился въ общемъ пользованіи у держальцевъ для желудеваго выпаса; но безспорно былъ «собственностью» владѣльца.

[2] Въ нашей книгѣ «Recherches sur quelques problèmes d'histoire», вышедшей въ 1885 г., мы обращали уже вниманіе ученыхъ на *communia*. Мы показывали, что во всѣхъ текстахъ, гдѣ они встрѣчаются, они составляли часть помѣстья, а не свободной деревни, что они всегда принадлежали владѣльцу помѣстья (или владѣльцу *portio* помѣстья), что владѣлецъ свободно продавалъ и дарилъ ихъ, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, что, наконецъ, собственники опредѣленно заявляли свое право на *communia*.—*Thèvenin*, въ одной статьѣ своей, помѣщенной въ «Mélanges Rénier» въ 1886 году, пытается опровергнуть меня, такъ какъ доказанные мною факты противорѣчили его собственной теоріи о германской общинѣ. Вотъ какъ онъ за это взялся: 1) Онъ началъ съ перечисленія всѣхъ текстовъ, которые мы приводимъ, и въ которыхъ владѣльцы объявляютъ, что они продаютъ *communia*, «представляющія ихъ собственность»; но какое же заключеніе выводитъ онъ отсюда? Никакого. Покончивъ съ текстами, онъ не говоритъ о нихъ больше ни слова, совсѣмъ не принимаетъ ихъ во вниманіе и, наперекоръ собственному свидѣтельству всѣхъ владѣльцевъ той эпохи, утверждаетъ, что *communia* не должны считаться ихъ собственностью; такимъ образомъ, онъ собралъ тексты только для того, чтобы возстать противъ нихъ. 2) Къ текстамъ о *communia* онъ прибавилъ десятка три текстовъ о

ГЛАВА XVIII.

Внутреннее управленіе виллы.

Изучивъ одинъ за другимъ различные элементы, составлявшіе помѣстье, мы можемъ получить полное общее понятіе о томъ, что такое было сельское помѣстье седьмого и восьмого вѣка. Чаще всего оно называлось словомъ *villa*, одинаково, какъ на сѣверѣ, такъ на югѣ, какъ въ Рейнской области, такъ и въ Аквитаніи. Размѣръ его былъ безконечно разнообразенъ, но внутреннее устройство повсюду одинаково, если не

предполагать отдѣльныхъ исключенiй, которыя всегда возможны, но которыя не оставили слѣдовъ въ памятникахъ. Посмотрите въ Провансѣ и въ Анжу, посмотрите на берегахъ Шельды, на берегахъ Мозеля и Рейна, вилла всегда устроена одинаково.

Вилла была совокупностью земель и людей. Земли заключали въ себѣ вообще всѣ элементы сельской культуры: пахотныя поля, луга, виноградники, лѣса, пастбища. Люди были разныхъ положенiй: рабы, литы, вольноотпущенники, колоны, иногда свободные люди.

communio silvae; онъ не замѣчаетъ, повидимому, что это нѣчто совсѣмъ другое. *Communio silvae* дѣйствительно есть нераздѣльное владѣнiе лѣсомъ нѣсколькихъ людей, находящихся въ помѣстьѣ, когда помѣстье раздѣлилось на *portiones*, то-есть, когда наслѣдованiя, или продажи поставили надъ этимъ помѣстьемъ двухъ или нѣсколькихъ владѣльцевъ. Эти факты не имѣютъ никакого отношенiя къ *communia*, но при помощи ловкаго смѣшенiя Тевененъ вводитъ невнимательнаго читателя въ нѣкоторое заблужденiе. 3) Авторъ придумалъ, будто слово *dominatio*, употреблявшееся въ большинствѣ нашихъ памятниковъ, означаетъ нѣчто иное, чѣмъ собственность. Вотъ утвержденiе, которое можетъ убѣдить только совершенно незнакомыхъ съ текстами читателей; всякiй, кто вчитывался въ нихъ, хорошо знаетъ, что *dominatio* встрѣчается въ хартiяхъ тысячи разъ и всегда безъ исключенiя въ смыслѣ собственности, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, въ рукахъ женщины, или въ рукахъ епископа. Это терминъ, тождественный съ *proprietas, ius, possessio, potestas*; ни одинъ ученый никогда не сомнѣвался въ этомъ. Для Тевенена же это спецiальный терминъ, относящiйся только къ *communia*. Мы находимъ его однако въ сотняхъ хартiй, гдѣ нѣтъ *communia*. Онъ утверждаетъ, что *ius* и *dominatio*—вещи разныя; однако мы почти всегда находимъ ихъ вмѣстѣ и въ примѣненiи къ одному и тому же недвижимому имуществу. Ему хочется, чтобы *dominatio* значило «нѣчто, зависящее отъ извѣстнаго центра хозяйственной эксплоатацiи», что совершенно фан-

Земли и люди были соединены и связаны неразрывными узами: ни земля не могла быть отнята у людей, ни люди отдѣляться отъ земли.

Надъ этими землями и надъ этими людьми стоялъ одинъ владѣлецъ. Правда, довольно часто случалось, что раздѣлъ наслѣдства или частичная продажа дробили виллу. Она оказывалась тогда распредѣленною между двумя или нѣсколькими владѣльцами, независѣвшими, впрочемъ, другъ отъ друга и не образующими ассоцiацiю.

тастично. Между тысячами примѣровъ пусть только онъ посмотритъ въ сборникѣ *Pardessus* №№ 179, 186, 230, 254, 300, 361, 365; въ сборникѣ *Zeuss* №№ 10, 13, 42, 52, 56, 59, 151, 156; въ сборникѣ *Neugart* №№ 10, 12, 36, 72, 84, 147, 176; въ *Codex Fuldensis* №№ 55, 174, 224, 244, и пусть тогда скажетъ, возможно ли еще утверждать, что *dominatio* означаетъ нѣчто другое, чѣмъ право частной собственности. На такомъ-то произвольномъ переиначенiи словъ авторъ пожелалъ построить всю свою теорiю. Онъ говоритъ, что *adiacentia*—то же самое, что *communia*, хотя между этими двумя вещами нѣтъ никакого отношенiя, и хотя это опровергается однимъ изъ тѣхъ самыхъ текстовъ, которые онъ приводитъ, формулой *Lindenbrogiana* 2, которая говоритъ объ этихъ двухъ вещахъ, какъ о различныхъ. Пусть, кромѣ того посмотритъ онъ *Polyptyque de Saint-Remi*, XVII, 1; XVIII, 1; XIX, 1 и т. д., и увидитъ, означаютъ ли *adiacentia* общинныя земли. 4) Остановленный словомъ *legitimus*, которое тысячи разъ встрѣчается въ нашихъ хартiяхъ и всегда значитъ «согласный съ законами», онъ рѣшаетъ, что *legitimus* должно означать то, что несогласно съ законами, что существуетъ внѣ законовъ. Нельзя обращаться болѣе безцеремонно съ данными языка.—Я не могу останавливаться на всѣхъ неточностяхъ, которыя заключаются въ данной статьѣ. Ей приданъ весьма ученый видъ, но дойдите до сути, и вы найдете лишь ошибки и неоправданную смѣлость въ догадкахъ. Прекрасно собирать тексты, но надо также умѣть понимать ихъ и особенно

Вилла была наслѣдственной собственностью. Владѣлецъ совершенно свободно продавалъ, дарилъ и завѣщалъ ее. Возьмите область Рейна и Шельды, или область Жиронды и Луары—право собственности было вездѣ одинаковаго характера; акты продажи, пожалованія и завѣщанія совершались вездѣ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Право владѣльца не имѣло предѣловъ и ограниченій. Среди этихъ различныхъ видовъ земли, которые составляли виллу, не было ни одного, который ускользалъ бы отъ такого полнаго владѣнія, даже лѣсъ, болото или пустующая неразработанная земля.

Вилла или помѣстье, иногда очень обширное, никогда не представляло изъ себя неустроеннаго цѣлаго. Каждый человѣкъ получалъ въ ней опредѣленное мѣсто, каждый клочекъ земли—свое назначеніе. Очень простое и очень правильное устройство вносило порядокъ повсюду. Прежде всего, земля была раздѣлена на двѣ части: часть, которую владѣлецъ сохранялъ себѣ для личной своей эксплоатаціи или для своего пользованія, и часть, которую онъ раздѣлялъ на надѣлы и отдавалъ въ «держанье» своимъ людямъ. Часть, оставленная для себя, называлась спеціально владѣльческимъ

не толковать ихъ навыворотъ. Въ текстахъ надо видѣть только то, что въ нихъ есть; но надо также видѣть все, что есть. Тевененъ, конечно, читалъ тексты, которые онъ приводитъ, но онъ не увидѣлъ тамъ трехъ вещей: 1) каждое частное лицо опредѣленно заявляетъ, что *communia* составляютъ его собственность. 2) *Communia* никогда не находятся въ свободныхъ деревняхъ, а всегда въ помѣстьяхъ. 3) Обитатели этихъ помѣстій не свободные крестьяне, а всегда сервы, *mancipia*, что исключаетъ всякую возможность коллективной собственности. Я думаю, что усиліе Тевенена избавиться отъ нѣкоторыхъ стѣсняющихъ его фактовъ болѣе искусно, чѣмъ научно.

мансомъ, хотя онъ одинаково былъ владѣльцемъ и всего остального, и по такому же праву.

Господскій мансъ заключалъ въ себѣ прежде всего домъ [1], въ которомъ хозяинъ жилъ со своей семьей, когда занималъ помѣстье или посѣщалъ его. Домъ этотъ, называвшійся у римлянъ *habitatio dominica* [2], обозначали обыкновенно въ средніе вѣка словомъ—*casa* или *domus dominica* [3]. Ему давали также названіе *sala*, особенно въ болѣе германскихъ областяхъ на Рейнѣ и Шельдѣ [4]. Памятники недостаточно освѣдомляютъ насъ о видѣ и устройствѣ этихъ домовъ. Поэтъ Фортунатъ хвалитъ многіе изъ нихъ; онъ говоритъ о портикахъ, колоннахъ, баняхъ, какъ будто со времени Имперіи ни-

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, II, 1 и т. д.: «Mansum dominicatum cum casa».

[2] *Columella*, IX, praefatio.

[3] Формулы *Rozière*, № 225: «Mansum indominicatum cum domo condigne ad habitandum».—«Casa dominica», *Polyptyque de Saint-Germain*, II, 1; III, 1; IV, 1 и т. д.—*Polyptyque de Saint-Maur*, 9.—Отрывокъ изъ *Polyptyque de Saint-Bertin*, ст. 15.—*Polyptyque de Saint-Remi*, VI, 1; VII, 1 и т. д.

[4] *Lex Alamannorum*, LXXXIII, 1, изд. Pertz, стр. 74, LXXXI, изд. Lehmann, стр. 140: «Si quis focum in noctem miserit, ut domus incendat vel sala».—Въ статьѣ этой надо понимать *domus* именно въ смыслѣ хозяйскаго потому, что послѣдующій параграфъ говоритъ о поджогѣ рабскаго дома, *servi domus*. Поджогъ *sala* наказывается штрафомъ въ 40 солидовъ, поджогъ рабскаго дома—штрафомъ въ 12 солидовъ; первый относится ко второму, какъ 40 къ 12.—*Charta Angelberti*, 709 года, Pardessus, № 474: «Quod mihi ex paterno iure provenit, hoc est casatas XI cum sala».—*Charta Bertilendis*, 710 года, № 476: «Casatas 5 cum sala».—*Breviarium*, вслѣдъ за *Polyptyque d'Irminon*, стр. 301: «In fisco dominico salam regalem ex lapide factam optime»

чего не измѣнилось [1]. Но этотъ авторъ пишетъ условнымъ языкомъ, степень точности котораго трудно опредѣлить. Мало правдоподобно, чтобы блестящіе дворцы просуществовали долго. Въ хартіяхъ не дается никакого описанія. То немногое, что говорятъ объ этомъ полиптихи, вызываетъ скорѣе представленіе объ обширныхъ постройкахъ, чѣмъ о высокихъ или объ изящныхъ зданіяхъ. Быть можетъ, они скорѣе походили на современныя, французскія большія сельскія фермы, чѣмъ на богатые загородные дома аристократовъ Имперіи. Съ другой стороны, нигдѣ не сказано, что они были укрѣплены, и потому, надо думать, они не имѣли никакого сходства съ феодальными замками послѣдующей эпохи. То не были жилища воиновъ, то были жилища землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ.

Вокругъ дома располагался дворъ, который мы должны отмѣтить, такъ какъ онъ имѣлъ большое значеніе въ жизни людей средневѣковья; его называли *curtis* [2], это—тоже названіе, что и во время Римской имперіи [3]. Дворъ былъ обыкновенно огороженъ со

[1] См. у Фортуната описаніе виллы Биссоннъ, виллы Преміакъ, виллы Верегнисъ (*Carmina*, I, 18, 19, 20).

[2] «Curtis dominica» (*Polyptyque de Saint-Germain*, IX, 9; XX, 3; XXV, 3).—«Mansus dominicatus cum curte» (*Polyptyque de Saint-Remi*, I, 1; II, 1 и т. д.).—Аламанская Правда, IX, X, XXXI.—Баварская Правда, X, 15; XXI, 6: «Per curtes nobilium».—*Flodoard*, Hist. Rem. ecclesiae: «Per circuitum cortis».—Надо замѣтить, что слово *curtis* имѣетъ также другія значенія; оно обозначаетъ иногда, какъ мы видѣли, все помѣстье. Были также «curtes serviles» (*Codex Laureshamensis*, № 110).

[3] Классической формой было *chors* или *chortis*; *Cato*, De re rustica, 39: «Cortem bene purgato».—Ср. *Varro*, De re rustica, I 13.

всѣхъ сторонъ, и въ него входили только черезъ одни или черезъ двое воротъ [1]. Вокругъ него возводились службы господскаго дома, то-есть, кухня, погребъ, бани, конюшни, хлѣва, амбары, хлѣбопекарня, виноградный прессъ или пивоварня [2]; тутъ же находилось нѣсколько мастерскихъ для плотничныхъ или слесарныхъ работъ, нѣсколько домовъ попроще для слугъ, мастерская для женщинъ рабынь, которыя пряли или ткали для семьи господина; мастерская эта называлась древнимъ греческимъ словомъ *gynecaeum* [3].

Здѣсь-же въ господской усадьбѣ или недалеко отъ

[1] *Formulae Andegavenses*, 1 (c): «Casa cum curte circumcincta».—*Capitulare de villis*, c. 41: «Ut aedificia intra curtes nostras vel sepes in circuitu bene sint custodita».—«Curticulam strenue clausam» (*Breviarium* вслѣдъ за «Polyptyque de Saint-Germain», изд. Guérard, стр. 303).—«Curtem cum porta lapidea» (*Ibidem*, p. 301).—«Curtem muro circumdatam cum porta ex lapide facta» (*Ibidem*, p. 304). «Curtem sepe munitam cum duabus portis ligneis» (*Ibidem*, p. 303).—*Neugart*, № 326: «Cürtem cum casa ceterisque aedificiis muro sepeque circumdatam».—№ 102: «Casa cum curte clausa».

[2] *Lex Baiuwariorum*, X, 3: «Balnearium, pistoriam, coquinam».—*Lex Alamannorum*, LXXXI: «Si infra curtem incenderit scuriam aut graniam vel cellaria».—*Breviarium* вслѣдъ за «Polyptyque d'Irminon», изд. Guérard, стр. 301: «Stabulum, coquinam, pistrinum, spicaria, scurias».—*Polyptyque de Saint-Remi*, I, 1: «Mansus dominicatus cum aedificiis, torculari, curte et scuriis et horto».—*Ibidem*, VIII, 1: «Cum cellario, laubia, horrea, coquina, stabula, torcular».

[3] *Capitulare de villis*, 43: «Ad genitia nostra, opera ad tempus dare faciant, id est linum, lanam...».—*Breviarium*, p. 298: «Est ibi genicium ubi sunt feminae 24, in quo reperimus sarciles 5 et camisiles 5».—*Lex Alamannorum*, LXXX: «Puella de gynecio».—*Greg. Tur.* Hist. IX, 38: «Quae in gynaecio erant positae».—*Charta Eberhardi*, у Pardessus, т. II, стр. 357: «In ginecio nostro».

нея, находилась церковь или капелла. Какъ и все остальное, она принадлежала владѣльцу и назначалась для его людей. Въ ней служилъ священникъ, выбранный владѣльцемъ съ согласія епархіальнаго епископа. Онъ былъ часто прежнимъ сервомъ того же помѣстья, и помѣщикъ освобождалъ его, чтобы сдѣлать своимъ священникомъ. Онъ постоянно жилъ въ помѣстьѣ, и было правиломъ, чтобы владѣлецъ жаловалъ ему одинъ или два манса [1]. Таково происхожденіе большинства нашихъ сельскихъ приходовъ.

Дальше слѣдовала господская земля. Во-первыхъ, здѣсь отмѣчается небольшой паркъ, *arboretum*, *viridarium*, *broilum*, и огородъ, *hortus* [2]. Затѣмъ тянулись пахотныя поля, луга, виноградники. Когда *dominicum* былъ большого размѣра, онъ дѣлился на нѣсколько *culturae* [1].

[1] Шалонскій соборъ 642 года, с. 14: «Oratoria per villas potentum».—Орлеанскій соборъ 541 года, с. 33: «Si quis in agro suo postulat habere dioecesim, primum terras ei deputet sufficienter»; *Ibidem*, 7: «Ut domini praediorum in oratoriis minime contra votum episcopi peregrinos clericos intromittant».—Хартія 636 года, № 276: «Villam Negromontem cum ecclesiam et villam de Argenteria».—Хартія 680 года, у Pardessus, № 393: «Donamus... curtes nostras cum ecclesiis».—Хартія 694 года, *ibidem*, № 432: «Dono mansum indominicatum et ipsam ecclesiam ad ipsum mansum pertinentem».—Завѣщаніе Аббона: «Ecclesiam proprietatis nostrae» (*Ibidem*, II, стр. 371).—*Polyptyque de Saint-Germain*, II, 1; III, 1; VI, 2; VII, 2, 83; VIII, 2; IX, 4 и 5; XIV, 2: XV, 2; XVI, 2 и т. д.—*Polyptyque de Saint-Remi*, XIII, 37 и 39 и т. д.—*Neugart*, № 306: Вольфартъ приноситъ въ даръ церковь; № 112: «Peratoltus et coniux mea Geisinda tradimus ecclesiam nostram».

[2] *Polyptyque de Saint-Maur*, 9, вслѣдъ за Polyptyque de Saint-Germain, изд. Guérard, стр. 284: «Mansum indominicatum cum viridario».—*Polyptyque de Saint-Remi*, III, 1: «Mansus dominicatus cum horto et viridario».—*Ibidem*, X, 5; XIV, 2; XVII, 1.—*Polyptyque de Saint-Germain*, XXII, 1: «Broilum muro petrino circumcinctum».—О томъ, что называлось *hortus*, см. длинный отрывокъ въ «Statuta abbatiae Corbeiensis» вслѣдъ за Polyptyque de Saint-Germain, изд. Guérard, стр. 314—316.

Почти всегда помѣстье заключало въ себѣ лѣсъ или рощу, *silva*. Сенъ-Жерменскій полиптихъ, описывающій помѣстья, организованныя въ давнее время и раньше, чѣмъ перейти къ аббатству, принадлежавшія частнымъ лицамъ, обнаруживаетъ, что лѣсъ всегда составлялъ часть *dominicum* [2]. Вовсе не являясь общинной собственностью крестьянъ, какъ утверждали, лѣсъ всегда находился въ той части помѣстья, которую владѣлецъ оставлялъ для себя. Распространился, впрочемъ, обычай, мы видѣли, чтобы владѣлецъ давалъ право пользованія имъ своимъ колонамъ и сервамъ. Но онъ самъ назначалъ, въ какой части его лѣса они будутъ рубить дрова или пасти свиней, и какую его часть онъ желалъ оставить для личныхъ своихъ потребностей или для охоты.

Если въ помѣстьѣ была рѣка, то на ней ставили мельницу. Хартіи наши никогда не показываютъ мельницы, которая принадлежала бы крестьянамъ [3]. Мель-

[1] *Polyptyque de Saint-Germain*, III, 1: «Habet ibi (есть) culturas 8, quae habent bunuaria 65».—V, 1: «Habet ibi culturas 4, quae habent bunuaria 257».—VI, 1 и т. д.

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, II, 1; III, 1; IV, 1; V, 1; VI, 1; VII, 3 и т. д.—То же самое съ *Polyptyque de Saint-Remi*, I, 1; III, 1; XII, 1; XV, 1; ни одинъ лѣсъ (silva) не упоминается внѣ dominicum.—Точно также въ Прумскомъ спискѣ, №№ 33, 34, 35, 45, 46, 58, 61, 63, 64, 66 и т. д.

[3] Мы говоримъ «хартіи», но легко допустить, что были

ница всегда принадлежала владѣльцу [1]. Она составляла часть *dominicum* [2]. Крестьяне мололи тамъ свой хлѣбъ за плату. Иногда владѣлецъ эксплоатировалъ мельницу самъ, помѣщая туда одного изъ своихъ рабовъ, иногда отдавалъ ее на аренду человѣку, который платилъ опредѣленную цѣну [3].

Вокругъ и какъ бы подъ господской землей находилась земля, отданная держальцемъ, разбитая на мансы рабовъ и на мансы колоновъ или вольноотпущенниковъ. По отношенію къ господской землѣ это была земля подчиненная. На языкѣ того времени говорили, что она стояла лицомъ къ послѣдней, *ad e m aspicit*, что она ей принадлежала, *ad eam pertinet* [4], и выра-

мельницы внѣ помѣстій, напримѣръ, въ мѣстечкахъ, даже городахъ, мельницы, принадлежавшія въ такихъ случаяхъ простымъ свободнымъ людямъ (*Lex Salica*, XXII; *Lex Longobardorum*, Rotharis, 149, 150; *Lex Alamannorum*, 83).

[1] *Codex Wissenburgensis*, 2.—Ліутфридъ жалуетъ землю съ тринадцатью рабами «cum mulino suo».—*Beyer*, Urkundenbuch, № 6; Адальгизилъ говоритъ о своихъ четырехъ мельницахъ, «molendinos meos quatuor».—Выраженіе «cum farinariis» или «cum molendinis» встрѣчается въ массѣ хартій, какъ составныя части помѣстья (см. *Marculf*. II, 4).

[2] *Polyptyque de Saint-Germain*, II, 1; III, 1; VI, 1; VIII, 1; IX, 158; XIII, 1; XV, 1; XVI, 1 и т. д.—*Polyptyque de Saint-Remi*, VI, 1; XIX, 1.

[3] Такъ въ *Polyptyque de Saint-Germain* колонъ занимаетъ мельницу и платитъ за нее владѣльцу 16 боченковъ вина (VII, 37); другіе примѣры: XIII, 107; XV, 1; въ другомъ мѣстѣ три мельницы платятъ оброкъ 300 мѣрами помола (XXI, 1). 22 мельницы большого помѣстья Вилльме даютъ владѣльцу 1,500 мѣръ муки и 16 solidi (IX, 2).—Мельница одного помѣстья Св. Ремигія платитъ оброку 37 солидовъ (*Polyptyque de Saint-Remi*, XIII, 1).

[4] «Villam Vernicellae... cum coloniis ad se pertinentibus» (*Par-*

женія эти были правильны, ибо владѣлецъ одной былъ также владѣльцемъ другой.

Каждый мансъ обработывался личнымъ трудомъ держальцевъ; господская земля воздѣлывалась коллективнымъ трудомъ тѣхъ-же держальцевъ. Такимъ образомъ держалецъ уплачивалъ арендную плату по большей части ручнымъ трудомъ. Владѣлецъ получалъ мало денегъ, но онъ былъ увѣренъ, что земля, которую онъ оставлялъ для себя, всегда будетъ обработана. Таково было устройство, вошедшее понемному въ обычай въ эпоху со временъ Римской имперіи до Каролингской монархіи.

Люди были неотдѣлимы отъ земли. Владѣлецъ могъ отказаться отъ своего помѣстья, могъ подарить, продать, обмѣнять его, а держальцы, сервы или колоны, не могли отказаться отъ своихъ надѣловъ, и владѣлецъ не могъ отнять ихъ. Если помѣстье продавалось, то держальцы продавались вмѣстѣ съ нимъ: подъ этимъ надо понимать, что они сохраняли свои надѣлы и при новомъ владѣльцѣ, на тѣхъ же условіяхъ. Сервъ или колонъ былъ буквально частью помѣстья, и такъ какъ помѣстье называлось часто *potestas*, то-есть, собственностью, имѣніемъ, то отсюда и колона или серва

dessus, № 300).—«Villam Avesam cum... quantumcunque in eo loco aspicere videtur» (*Ibidem*).—«Ed quidquid ad ipsam villam respicit» (*Ibidem*, № 162).—«Villa Merido cum omnibus, quae ibi adspiciunt» (*Ibidem*, № 437). «Villam Solemium cum omnes res, quae ibi aspiciunt» (*Ibidem*, № 466).—«Villam Clippiacum... et quidquid ad ipsam villam aspicere vel pertinere videtur» (*Ibidem*, № 563).—Ясно, что въ этихъ примѣрахъ, которые образуютъ старую формулу, слово *villa* взято въ прежнемъ своемъ значеніи господскаго дома.—«Mansum unum (dominicum), cui aspiciunt quatuor mansi serviles» (*Rozière*, № 200).

стали называть *homo petestatis*; выраженіе это продержалось въ формѣ «*homme de pôté*» въ продолженіе всего средневѣковья. Держальцы не усвоили, повидимому, привычки жить порознь, каждый въ своемъ мансѣ. Они скорѣе сближались одни съ другими, образовали *vicus*, то-есть, деревню. Деревня основывалась, обыкновенно, на небольшомъ разстояніи отъ господскаго дома, немного ниже его.

Доходы, которые владѣлецъ извлекалъ изъ своего помѣстья, составлялись изъ трехъ элементовъ; то были: 1) плоды, *fructus*, то-есть, продукты съ *dominicum*; 2) *tributum* или *redditus*, то-есть, оброкъ ввидѣ денегъ, или въ натурѣ, который приносилъ ему каждый занятый надѣлъ [1]; 3) то, что названо въ одномъ текстѣ *suffragium*, и что во многихъ другихъ обозначается неопредѣленнымъ выраженіемъ *reliqua beneficia* [2]; это были побочные и непостоянные доходы; потому они и не вписаны въ наши полиптихи; вѣроятно, мы должны подразумѣвать подъ ними штрафы за преступленія, быть можетъ, брачную повинность, а въ особенности лучшую движимость изъ наслѣдства серва и поступавшій въ распоряженіе господина весь его пекулій и земля, если онъ не оставлялъ законныхъ наслѣдниковъ [1].

Таково было сельское помѣстье съ его старыми постоянными границами [2], съ его неизмѣннымъ единствомъ, не смотря на раздѣлы и наслѣдства, которые испомѣщали иногда на немъ нѣсколькихъ владѣльцевъ. Помѣстье составляло само по себѣ цѣлое общество, небольшое самодовлѣющее государство. Оно заключало обыкновенно всѣ, необходимые для жизни, виды культуры: хлѣбныя поля, луга, виноградники, посѣвы льна, хмѣльникъ, большой и мелкій лѣсъ. Тамъ же мололи хлѣбъ, тамъ же дѣлали вино, пиво, бѣлье, одежду. Тамъ-же производились всѣ слесарныя и столярныя работы. Держалецъ строилъ и поправлялъ свой домъ самъ изъ лѣса, добытаго въ помѣстьѣ, онъ-же поправлялъ и господскій домъ. Очевидно, крестьянинъ отправлялся иногда въ сосѣдній городъ для продажи излишковъ своего хлѣба или птицы; но онъ мало

[1] *Gregor. Tur.* Hist. VI, 45: «De domibus mihi concessis, tam de fructibus quam de tributis plurima reparavi».—*Idem,* De glor. martyr. 103: «Reditus mei tam de tributis quam de fructibus».—*Testamentum Bertramni,* I, p. 200: «De villis quidquid in tributum annis singulis poterit obvenire, medietas pauperibus erogetur».—*Ibidem,* 206: «De tributo villarum».—*Gregor.* Hist. X, 19: «Quae de tributis aut reliqua ratione ecclesiae inventa sunt».—*Diplomata,* № 355: «Tributum curtis».—*Vita Eligii,* I, 17: «Terrae redditus copiosos».—*Marculf.* II, 36: «Reditus terrae».—*Diplomata,* № 349: «Quod redditus terrae partibus ipsius basilicae reddere contemnerent».—Ср. *Neugart,* № 250: «Duorum servorum tributa».

[2] *Testamentum Bertramni,* I, p. 200: «De villis quidquid aut in tributum aut in suffragium annis singulis poterit obvenire».—Словами «reliquis conditionibus quod de praedictis agris speratur». Бертрамнъ называетъ, мнѣ кажется, тѣ же побочные или случайные доходы.—*Diplomata,* № 117: «Cum reliquis beneficiis».—*Ibidem,* №№ 269, 284, 312, 386, 410: «Cum reliquis quibuscunque beneficiis».—*Ibidem,* № 363: «Cum beneficiis vel opportunitatibus eorum».

[1] Право возврата пекулія и право на извѣстную часть наслѣдства высказано во многихъ хартіяхъ словами «cum peculio» или «peculiare ipsorum».

[2] *Termini, decusae* (*Diplomata,* № 263).—«Cum termino, cum terminis» (*Diplomata,* №№ 268, 300, 413 и т. д.).—«Inter lapides, metas et fossas» (*Ibidem,* № 409).—«Per terminos ac loca a nobis designata» (*Ibidem,* № 393, 409).

бралъ отъ города. Помѣстье всецѣло жило собственной жизнью.

Помѣстью, часто очень обширному и всегда состоявшему изъ сложныхъ элементовъ, нужно было особое управленіе. Рѣдко случалось, чтобы собственникъ могъ управлять имъ самъ. Собственникъ былъ или епископомъ, или аббатомъ, или богатымъ свѣтскимъ вельможей. Онъ не могъ заниматься тысячами подробностей обработки. Римскіе крупные собственники назначали изъ рабовъ вилика — управляющаго, который распоряжался имѣньемъ отъ имени господина; *vilicus* встрѣчается подъ тѣмъ-же названіемъ и съ тѣми-же самыми полномочіями до десятаго вѣка [1]. На римскихъ помѣстьяхъ упоминается еще *actor* или *agens*, надсмотрщикъ надъ служащимъ и рабскимъ персоналомъ. Мы встрѣчаемъ также это названіе и эту должность въ средніе вѣка [2]. Бургундская Правда постановляетъ, что если раба обвиняетъ постороннее лицо, то это постороннее лицо должно обратиться къ его господину и къ завѣдующему помѣстьемъ или *actor* [3]. *Actores* или *agentes* указаны въ большемъ числѣ формулъ [4]. Григорій Турскій разсказываетъ слѣдующій интересный случай. Дочери Беретруды принадле-

[1] *Vilicus* упоминается въ описаніи виллы Stain (вслѣдъ за Polyptyque d'Irminon, изд. Guérard, стр. 341) и въ другомъ памятникѣ (*Ibidem*, стр. 334).—Ср. *Diplomata*, № 324.

[2] *Actor curtis* упоминается въ одномъ памятникѣ царствованія Карла Великаго, а въ другомъ—*actor villarum* (*Ibidem*, p. 343 и 325).

[3] *Lex Burgundionum*, XVII, 5.—См. XXXIX, 3.—*Lex romana Burgundionum*, V и VI: «Actor qui possessioni praeest».

[4] *Formulae Andegavenses*, 21.—*Marculf*. I, 3; II, 5; II, 39.—*Buricenses*, 2 и т. д.

жала вилла, которой хотѣлъ завладѣть нѣкій Ваддонъ. Онъ послалъ сначала письмо актору, повелѣвая ему приготовить все къ его принятію, какъ будто-бы вилла была его. Но *agens* собралъ всѣхъ людей помѣстья и сказалъ: пока я живъ, Ваддонъ не вступитъ въ домъ моего хозяина. Онъ сталъ въ дверяхъ и сразился съ захватчикомъ; онъ былъ убитъ, но слуги его отмстили за него, убивъ въ свою очередь Ваддона. Вотъ какъ защищали рабы въ случаѣ надобности имущество своего господина [1].

Со временемъ термины *vilicus* и *actor* стали менѣе употребительны. Ихъ замѣнилъ терминъ *maior* [2], продержавшійся въ продолженіе всего средневѣковья и обратившійся въ позднѣйшее французское слово *maire*. Обратимъ однако вниманіе, что вопросъ идетъ тутъ не о деревенскомъ мэрѣ, а о мэрѣ помѣстья. Его избиралъ всегда самъ помѣщикъ. Мэръ рѣдко былъ свободнымъ человѣкомъ, а почти всегда колономъ, иногда даже сервомъ; это значитъ, что по соціальному положенію и по зависимости онъ походилъ на большинство людей помѣстья [3]. Здѣсь опять повторяется древне-римскій

[1] *Greg. Tur*. Hist. IX, 35.

[2] Часто повторяли, что слова *maior* и *maiorissa* находятся въ Салической Правдѣ; но надо замѣтить, что они попадаются лишь въ текстѣ Герольда и ихъ нѣтъ ни въ одной изъ существующихъ 66 рукописей.—Слово *maior*, которое не вполнѣ незнакомо въ томъ же значеніи римской эпохѣ (*S. Ieronym*. Epist. 2) и встрѣчается опять въ *Regula magistri* (c. II), становится особенно распространеннымъ во времена Карла Великаго. *Capit. de villis* c. 10, 26, 60; *Polyptyque de Saint-Germain*, II, 2; IV, 36; VIII, 23 и т. д.; *Polyptyque de Saint-Remi*, I, 15; VI, 30; IX, 19 и т. д.; *Capitularia*, V, 107, 174.

[3] На сенъ-жерменскихъ земляхъ *maior* чаще являлся колономъ, чѣмъ сервомъ, потому что на каждомъ помѣстьѣ колоны

принципъ. Если помѣстье было очень обширно, то подъ началомъ *maior* стояли *decani*; быть можетъ, тутъ вскрывается слѣдъ стариннаго распредѣленія сельскихъ рабовъ на *decuriae*. Карлъ Великій не хотѣлъ, чтобы мэры его доменовъ избирались изъ числа самыхъ зажиточныхъ людей виллы; для занятія должности этой онъ рекомендовалъ людей средняго состоянія [1]. Надъ нѣсколькими помѣстьями и надъ нѣсколькими мэрами король, епископы или богатыя свѣтскія лица ставили главное довѣренное лицо, именовавшееся высокимъ титуломъ *iudex*.

Всѣ эти люди, которые находились въ самой тѣсной зависимости отъ владѣльца, были облечены управленіемъ помѣстья и въ качествѣ таковыхъ распоряжались всѣми сервами и держальцами. Первой обязанностью ихъ было собирать оброки деньгами или натурой; они сохраняли послѣдніе для стола господина, или, если ихъ было слишкомъ много, продавали излишки [2]. Второй и каждодневной обязанностью ихъ было руководить обработкой *dominicum*. Они смотрѣли за пахотой и посѣвомъ, за сѣнокосомъ, — жатвой и

были многочисленнѣе сервовъ. См. «Walafredus, colonus et maior» (II, 2; IX, 8; IX, 271; XIII, 31; XVII, 3; XIX, 3; XXI, 3; XXIV, 2). — Встрѣчается между ними однако одинъ сервъ.

[1] *Capitulare de villis*, c. 60: «Nequaquam de potentioribus hominibus maiores fiant, sed de mediocribus».

[2] *Charta Annemundi*, Diplomata, № 324, Pardessus, II, p. 102: «Villicos disposuimus qui fideliter census et tributa quaererent ac fideliter redderent».—Надо прочитать объ этомъ *capitulare de villis*, помня, что королевскія *villae* были организованы не иначе, чѣмъ виллы епископовъ и частныхъ лицъ, какъ было установлено нами выше.—См. Аламанскую Правду, XXIII, Баварскую Правду, I, 14.

рубкой деревьевъ. Они назначали каждому держальцу его дни барщины, распредѣляя виды работы [1]. Держальцы рѣдко видѣли самого господина, но постоянно видѣли его представителя. Мы, очевидно, ошиблись бы, если-бы подумали, что сервы и колоны ослушивались мэра, который былъ въ сущности имъ равнымъ по происхожденію. Рабы, возведенные въ начальство, обыкновенно болѣе строги и мелочно требовательны, чѣмъ господа. Нѣкоторые факты заставляютъ думать, что они были заинтересованы въ своемъ управленіи и получали извѣстный процентъ съ продуктовъ [2].

Для населенія, состоявшаго часто изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, иногда изъ тысячи и болѣе, нужно было нѣчто, вродѣ правительства. Государственныя власти не имѣли никакого представителя на помѣстьѣ. Единственной реальной властью была власть помѣщика. Власть эта никогда не была установлена закономъ; она установилась силою вещей. Она вытекала въ особенности изъ соціальнаго положенія людей, которые жили на помѣстьѣ. Они были или рабами, или вольноотпущенниками, или колонами. Рабы во всѣ времена были подчинены господину, который являлся для нихъ тѣмъ, чѣмъ государственная власть была для свободныхъ людей. Имперскіе законы и соборы воспрещали, чтобы частная юрисдикція распространялась до права налагать смертные приговоры; но даже и это ограниченіе не всегда исполнялось [3]. Во всякомъ случаѣ господинъ

[1] *Capitulare de villis*, c. 5: «Seminare aut arare, messes colligere, fenum secare, vindemiare... praevideat ac instituere faciat quomodo factum sit».—Ср. параграфы 23, 24, 34, 37, 39, 62, 70.

[2] См. *Guérard*, Prolégomènes, стр. 434.

[3] Такимъ образомъ мы видимъ у Григорія Турскаго

наказывалъ проступки рабовъ, сервовъ съ полной и безапеляціонной властью. Вольноотпущенникъ находился приблизительно въ томъ же положеніи, что и рабъ, потому что дѣйствительно свободнымъ онъ былъ только по отношенію къ другимъ людямъ; по отношенію же къ господину онъ оставался подчиненнымъ, особенно, когда продолжалъ жить на его землѣ. Правда, что на всѣ несправедливыя карательныя мѣры вольноотпущенникъ имѣлъ право жаловаться государственному правосудію, но на практикѣ это было очень неудобно и, досаждая своему господину, онъ рисковалъ много потерять. Что касается колоновъ, то по праву они были свободными людьми, а въ дѣйствительности мы видимъ, что со времени Римской имперіи владѣлецъ имѣлъ надъ ними право суда и наказанія. Колоны, составившіе надпись *saltus Burunitanus*, говорятъ намъ, что многихъ изъ нихъ, которые были свободными людьми «и даже римскими гражданами», заковывали въ цѣпи, били розгами за вину, которую приписывалъ имъ господинъ [1]. Одинъ законъ Ѳеодосіева кодекса постановляетъ, что господинъ можетъ заковатъ своего колона, какъ только онъ заподозритъ его въ желаніи оставить помѣстье [2]. Другой законъ изъ Юстиніанова кодекса ясно

(Hist. VII, 47), какъ одинъ рабъ былъ преданъ смерти друзьями его господина, котораго онъ хотѣлъ убить.

[1] *Corpus inscriptionum latinarum*, VIII, 10570: «Alios nostrum adprehendi et vexari, alios vinciri, nonnullos cives etiam romanos virgis et fustibus effligi iussit».

[2] *Cod. Theod.* V, 9, 1: «Colonos qui fugam meditantur, in servilem conditionem ferro ligari conveniet, ut officia quae liberis congruunt, merito servilis condemnationis compellantur implere».

показываетъ, что колона, который сбѣгалъ, возвращали въ помѣстье и тамъ сажали его на цѣпь и наказывали, то-есть, онъ подвергался воздѣйствію господской власти [1].

Законъ 412 года постановляетъ, что, если дѣло идетъ о рабахъ или о колонахъ, то же преступленіе, которое у свободныхъ людей карается государственной властью, карается тутъ самимъ господиномъ [2]. Стало быть, уже въ римскихъ помѣстьяхъ установились обычаи, чтобы собственникъ пользовался правомъ карательной власти надъ тремя категоріями людей, сидѣвшихъ на его землѣ. Ничто не позволяетъ думать, чтобы право это подверглось стѣсненію въ послѣдующіе вѣка.

Своды, составленные Германцами, не говорятъ, что право юрисдикціи принадлежало помѣщику. За двумя, выясненными нами, исключеніями, они никогда не касаются внутренней жизни помѣстья. Но такое молчаніе и знаменательно. Законы наказываютъ свободнаго человѣка, который ударилъ или обобралъ раба или вольноотпущенника другого лица, но они ничего не говорятъ о томъ, который ударилъ или обобралъ своего раба или вольноотпущенника [3]. Они не говорятъ о

[1] *Cod. Iustin.* XI, 53, 1: «Si abscesserint, revocati vinculis paenisque subdantur».—Отсюда выясняется, что не государственная власть наказывала виновнаго колона; но она за то карала другого помѣщика, принявшаго его на свою землю.

[2] *Cod. Theod.* XVI, 5, 52: «Servos dominorum admonitio, colonos verberum crebrior ictus a prava religione revocabit, ni malunt ipsi (domini) ad praedicta dispendia retineri».—Преступленіе, о которомъ тутъ говорится, была ересь.

[3] *Lex Burgundionum*, V, 2 и 3: «Qui libertum alienum percusserit... Qui servum alienum percusserit».—*Lex Salica*, XXXV, 2 и

*

проступкахъ и о преступленіяхъ, совершаемыхъ внутри помѣстья и между рабами одного господина; они наказываютъ раба, убившаго другого раба, если этотъ рабъ принадлежалъ другому господину [1]. Они караютъ похищеніе вольноотпущенницы вольноотпущенникомъ, когда вольноотпущенная принадлежала другому господину [2]. Если же законы не знаютъ проступковъ и преступленій, совершаемыхъ внутри помѣстья, это значитъ, что такія преступленія подлежали частному суду.

Если рабъ совершалъ преступленіе внѣ помѣстья, его судила уже государственная власть. И все-таки не ея агенты задерживали и арестовывали виновнаго. Государственная власть признавала лишь господина и требовала, чтобы тотъ привелъ раба [3]. Въ другихъ случаяхъ пострадавшій требовалъ, чтобы господинъ наказалъ своего раба самъ, и, если господинъ отказывался, то онъ подлежалъ должной за преступленіе вирѣ [4]. Отвѣтственность господина упоминается всюду; его карали вмѣсто раба, если онъ не наказывалъ его [5]. Штрафъ, налагаемый закономъ на совершенное рабомъ

4: «Si quis servum alienum exspoliaverit... Si quis litum alienum exspoliaverit».

[1] Это видно изъ слѣдующей статьи Салической Правды, XXXV, 1: «Si servus servum occiderit, homicidam illum domini inter se dividant».—Тутъ, стало быть, два господина.

[2] *Addit. ad Legem Salicam*, Behrend, p. 112, ст. 14: «Si quis libertus libertam alienam rapuerit».

[3] *Lex Salica*, XL, 10.—*Lex Ripuaria*, XXX, 2.—*Pactus pro tenore pacis*, 5 и 12, Boretius, p. 5—6.

[4] *Lex Salica*, XL, 6—9.

[5] *Lex Burgundionum*, II, 5; IV, 4; XXI, 2.—*Lex Salica*, XII, 2; XL, 2.—*Lex Ripuaria*, XXII, XXVIII, XXIX.

преступленіе, назначался не рабу, а господину [1]. Подобныя постановленія необходимо предполагаютъ, что господинъ имѣлъ надъ своими людьми право суда и наказанія. Григорій Турскій разсказываетъ, что Аредій, желая всецѣло отдаться религіозной жизни и боясь, чтобы управленіе его большимъ земельнымъ имуществомъ не отвлекало его отъ этого, просилъ свою мать взять на себя управленіе его помѣстьями и заботу о судѣ надъ его слугами [2].

Мы достовѣрно знаемъ, что церковные вольноотпущенники изъ поколѣнія въ поколѣніе не знали иного суда, кромѣ церковнаго, и не могли обращаться ни въ какой другой судъ. Законъ признаетъ это правило [3]; но онъ естественнымъ образомъ предписываетъ, чтобы правило признавалось общимъ и относилось бы также къ тѣмъ рабамъ, которыхъ помѣщикъ освободилъ, чтобы сдѣлать ихъ своими держальцами. Булла Григорія I-го отъ 593 года, подлинность которой, правда, оспаривается, постановляетъ правило, что всякій человѣкъ, живущій на землѣ другого человѣка, «рабъ ли онъ, или свободный человѣкъ», подчиняется *domi-*

[1] *Lex Ripuaria*, XXVIII, XXIX: «Si servus servum interfecerit, dominus eius 36 solidos culpabilis iudicetur... Si servus furtum fecerit, dominus eius 36 solidos culpabilis iudicetur».—XXX, 1: «Dominus de furto servi culpabilis iudicetur».

[2] *Greg. Tur.* Hist. X, 29: «Deprecatus matrem, ut omnis cura domus, id est sive correctio familiae sive exercitio agrorum, ad eam aspicerit».

[3] *Lex Ripuaria* (codices B), LVIII, 1: «Tabularius et procreatio eius tabularii persistant... et non aliubi quam ad ecclesiam ubi relaxati sunt mallum teneant».—Въ предшествующемъ томѣ мы объяснили значеніе двухъ послѣднихъ словъ.—Ср. Парижскій соборъ, c. 5; *Edictum Chlotarii*, c. 7.

nium владѣльца земли [1]. Надо вспомнить о высокомъ понятіи, которое Римляне всегда соединяли съ собсвенностью; надо вспомнить также, что Франки и другіе Германцы смотрѣли на этотъ институтъ также высоко. По ихъ воззрѣніямъ, съ человѣкомъ безъ земли, даже если онъ былъ свободнаго положенія, или надо было поступать, какъ съ бродягой [2], или онъ долженъ былъ просить надѣла у помѣщика и сдѣлаться подвластнымъ ему. Такимъ образомъ колонъ и даже *hospes* были по закону подчинены владѣльцу земли, на которой они поселились. Человѣкъ, который проживалъ (*manens*) на землѣ другого человѣка, неизбѣжно зависѣлъ отъ послѣдняго. Правило же, которое сохранитъ силу въ продолженіе всего средневѣковья, зарождается уже въ шестомъ.

Оспаривала ли государственная власть этотъ вотчинный судъ? Можно думать, что меровингскіе графы, судебные доходы которыхъ составляли самое главное и прочное ихъ содержаніе, должны были пытаться проникать на помѣстья, чтобы разбирать тамъ тяжбы или судить преступленія. Кромѣ того, было много сомнительныхъ случаевъ, дававшихъ поводъ къ спорамъ. Представляется вѣроятнымъ, что графы или ихъ чиновники часто переступали границы помѣстья, чтобы «разсматривать тамъ тяжбы, получать штрафы, задерживать виновныхъ или принимать поручительства».

[1] *Diplomata*, № 201, I, стр. 165. Папа пишетъ, что всѣ люди, живущіе на земляхъ, пожертвованныхъ церкви святого Медарда, «sive servus, sive liber», будутъ освобождены отъ всякой другой власти и будутъ повиноваться лишь церкви св. Медарда.

[2] *Edictum Chilperici*, c. 10, Boretius, p. 10.

Но помѣщики обращались съ жалобами къ королевской власти, и королевская власть осуждала своихъ должностныхъ лицъ.

Она не прибѣгала въ этомъ отношеніи къ какой-нибудь общей мѣрѣ, а дѣйствовала путемъ безчисленнаго ряда частныхъ актовъ, называвшихся въ терминологіи того времени иммунитетами [1]. Съ середины седьмого вѣка акты эти повторялись настолько часто, что для нихъ составлены были оффиціальныя формулы, которыя мы находимъ въ сборникѣ *formulae regales* Маркульфа. Одна изъ нихъ выражается такъ: «Мы повелѣваемъ, чтобы такой-то прославленный мужъ владѣлъ виллой, подъ названіемъ такимъ-то, на правахъ полной собственности и на правахъ иммунитета такъ, чтобы ни одинъ королевскій чиновникъ не могъ проникнуть туда и назначить судебные штрафы за какое-бы то ни было дѣло» [2]. Эта формула и другая, подобная ей, касаются свѣтскихъ владѣльцевъ. Еще болѣе ясная формула написана для духовныхъ владѣльцевъ; король обращается къ своимъ графамъ и говоритъ имъ: «Мы постановляемъ, что ни

[1] Болѣе полное изслѣдованіе о меровингскихъ иммунитетахъ мы дали въ «Revue historique», 1883. Здѣсь будемъ говорить о нихъ въ болѣе сжатомъ видѣ.

Это изслѣдованіе вошло въ пятый томъ настоящаго сочиненія, выпущенный уже послѣ смерти Фюстель-де-Куланжа.

Ред.

[2] *Marculf*. I, 14: «Ut villam illam antedictus vir ille (inluster vir) in integra emunitate absque ullius introitu iudicum de quaslibet causas freta exigendum, perpetualiter habeat iure hereditario».—Мы объяснили въ предшествующемъ томѣ, что *iudex* говорилось обо всякомъ должностномъ лицѣ изъ администраціи, особенно о графѣ.—Подобную же формулу см. *ibidem*, I, 17.

вы, ни подчиненные ваши ни въ какое время не будете вступать на территорію виллъ, принадлежащихъ такому-то епископу, для того ли, чтобъ разбирать тяжбы, или для того, чтобы задерживать тамъ заложниковъ. Мы постановляемъ, что вы не будете пользоваться никакими сборами съ живущихъ въ предѣлахъ этихъ помѣстій рабовъ или свободныхъ людей, и что всѣ судебные штрафы будутъ тамъ взиматься повѣренными этой церкви» [1].

Такого рода королевскія грамоты безчисленны. Грамоты, сохраненныя церковью и дошедшія до насъ, сравнительно многочисленны. Всѣ онѣ совершенно походятъ другъ на друга по содержанію и почти совершенно по формѣ. Грамота передавалась королемъ въ руки владѣльца, но обращалась она къ графамъ и къ королевскимъ чиновникамъ. Если графъ, или его замѣститель являлись въ помѣстье для суда, то помѣщикъ представлялъ имъ иммунитетную грамоту, въ которой они читали слѣдующее: «Мы постановляемъ, чтобы ни вы, ни ваши замѣстители, никогда не вступали на земли этого епископа или аббата (или свѣтскаго владѣльца), чтобы разбирать тяжбы, или взимать штрафы [2], или задерживать и арестовывать свободныхъ

[1] *Marculf.* I, 3: «Statuentes, ut neque iuniores vestri nec nulla publica iudiciaria potestas quoque tempore in villas ubicunque in regno nostro ipsius ecclesiae ad audiendas altercationes ingredi, aut freta de quaslibet causas exigere, vel fideiussores tollere praesumatis; quidquid exinde aut de ingenuis aut de servientibus qui sunt infra agros vel fines seu super terras praedictae ecclesiae commanentes fiscus de freta potuerat sperare... in luminaribus ipsius ecclesiae per manus agentium eorum proficiat in perpetuum».

[2] *Archives nationales*, K, 3, № 10; *Tardif*, Cartons des rois № 57: «Decernimus, ut neque vos neque iuniores seu successores vestri, nec nullus quislibet ex iudiciaria potestate accinctus, in curtes vel villas ipsius monasterii, ad causas audiendum vel freda exigendum... ingressum nec introitum habere praesumat».

людей или рабовъ» [1]. — Рядъ такихъ королевскихъ грамотъ тянется черезъ всю эпоху Меровинговъ и Каролинговъ и даже дальше.

Пожалованія иммунитетовъ не полагаютъ начала вотчинному суду, онѣ лишь санкціоннируютъ его. Казалось спорнымъ вопросомъ, имѣлъ ли владѣлецъ право суда надъ другими людьми, кромѣ своихъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, то-есть, надъ колонами, надъ *hospites* и всѣми другими, кто поселялся въ его помѣстьѣ. Но сомнѣніе рѣшалось иммунитетомъ, воспрещающимъ государственному судьѣ прибѣгать къ какому либо принужденію или судебному акту надъ людьми, «живущими въ помѣстьѣ, свободными, или рабами». Съ тѣхъ поръ тяжбы, которыя возникали между этими людьми, проступки или преступленія, которыя они совершали въ своей средѣ, могли быть судимы только землевладѣльцемъ.

Указъ Хлотара II отъ 614 года постановляетъ, что «если люди, принадлежащіе церкви, или помѣщику, обвиняются въ преступленіи, то королевскими чиновниками будетъ потребовано отъ повѣреннаго церкви или помѣщика, чтобы онъ выдалъ ихъ суду изъ помѣстья, и онъ будетъ даже принужденъ къ этому силой, если раньше уже не судилъ, не наказалъ и не оштрафовалъ ихъ за преступленіе» [2]. Статья эта, текстъ

[1] *Archives nationales*, Tardif, № 41: «Nec homines tam ingenuos quam servientes distringendum».

[2] *Edictum Chlotarii* 614 года, с 15: «Si homines ecclesiarum

которой, къ несчастью, не полонъ, можетъ быть истолковано двояко. Или рѣчь идетъ о преступленіи, совершенномъ надъ чужимъ для помѣстья лицомъ, и естественно, что въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ государственное правосудіе; или же говорится о преступленіи, совершенномъ надъ лицомъ того же помѣстья, и тогда государственная власть сохраняетъ за собой право контролировать доманіальный судъ; она удостовѣряется въ томъ, что преступленіе было наказано, а если нѣтъ, то сама возбуждаетъ дѣло.

Судъ владѣльца надъ всѣми его людьми былъ не только его правомъ; онъ былъ его обязанностью. Въ одномъ капитуляріи говорится, что каждому надлежитъ держать своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи [1], въ другомъ, что каждый долженъ стараться хорошо управлять зависящими отъ него людьми [2]. Одинъ капитулярій постановляетъ, что господинъ, допускающій раба своего или вольноотпущенника совершить преступленіе кровосмѣшенія, подлежитъ большому штрафу [3]. Другой капитулярій предписываетъ господину

aut potentum de causis criminalibus fuerint accusati, agentes eorum ab agentibus publicis requisiti si ipsos in audientia .. foris domus ipsorum praesentare noluerint, et distringantur... Si tamen ab ipsis agentibus antea non fuerit emendatum...».

[1] Капитулярій 810 года, ст. 17, Boretius, стр. 153, Baluze, стр. 474: «De vulgari populo, ut unusquisque suos iuniores distringat».—Законодатель добавляетъ, что такимъ образомъ люди пріучатся лучше повиноваться императору: «ut melius obediant et consentiant praeceptis imperialibus».

[2] Капитулярій 813 года, ст. 11, Boretius, стр. 174, Baluze, стр. 503: «Ut unusquisque... ad se pertinentes gubernare studeat».

[3] *Capitulare Pippini* 754 года, ст. 1, Boretius, стр. 31: «Si servus aut libertus est, vapuletur... et si dominus permiserit eum amplius in tale scelus cadere, 60 solidos domino regi componat».

держать своихъ рабовъ въ повиновеніи, и, если онъ не дѣлаетъ этого, то наказываетъ его самого [1].

Отсюда видно, что въ предѣлахъ своего помѣстья владѣлецъ становится какъ-бы главою нѣкотораго подобія государства. Люди называютъ его *dominus*, терминомъ, обозначавшимъ въ одно и то же время владѣльца и повелителя. Они называютъ его также *senior*; послѣдній не совсѣмъ ясный терминъ меровингскаго языка означалъ превосходство и власть. Памятники показываютъ его намъ въ примѣненіи къ собственникамъ крупныхъ помѣстій даже тогда, когда они были простыми частными или духовными лицами [2]. Властелинъ земли былъ въ то же время и властелиномъ людей. Сеньоратъ не былъ институтомъ, созданнымъ насильственно. Позже сложился военный и феодальный сеньоратъ; ему предшествовалъ сеньоратъ землевладѣльческій.

[1] Капитулярій 821 года, ст. 7, Boretius, стр. 301.

[2] Въ одной анжуйской формулѣ частнаго человѣка, богатаго собственника, называютъ *senior*.—*Andeg.* 32: «Relationem antescripti senioris praesentabat».—Въ одномъ актѣ освобожденія раба читаемъ: «Peculiare suum absque ullius senioris retractatione habeat concessum» (*Laudunenses*, 14, Rozière, стр. 104).—Въ *Polyptyque de Saint-Maur*, № 10, мы видимъ, что держальцы помѣстья должны привозить возъ сѣна «in granicam senioris», въ сарай владѣльца (*Polyptyque d'Irminon*, изд. Guérard, стр. 295 in fine).—Карлъ Великій, взятый въ судьи между держальцами помѣстья и владѣльцами, называетъ послѣднихъ *seniores*: «Neque a senioribus amplius eis requiratur» (*Capitularia*, V, 303).—Прумскій списокъ содержитъ въ себѣ слѣдующее правило: «Si quis (изъ держальцевъ) obierit, optimum quod ha-

Заключали-ли въ себѣ помѣстья седьмого вѣка *ergastulum*, подобно старымъ римскимъ *villae*? Это не обнаруживается изъ хартій. Но можно думать съ большой вѣроятностью, что мѣста для заключенія провинившихся не исчезли въ нихъ. Мы находимъ ихъ въ восьмомъ и въ девятомъ вѣкѣ подъ другимъ названіемъ. Прежде называли *cippus* кусокъ дерева, въ который вкладывали ноги заключенныхъ; въ седьмомъ вѣкѣ этимъ же словомъ стали называть помѣщеніе, обыкновенно подземное, куда они засаживались [1]. Это была тюрьма описываемаго маленькаго государства.

Невозможно было однако, чтобы юстиція всегда отправлялась помѣщикомъ лично. Онъ несъ много обязанностей, какъ членъ Франкскаго государства; какъ на свободномъ человѣкѣ и на помѣщикѣ, на немъ лежала воинская служба по каждому вызову; король могъ призывать его и на всякую другую службу, или же онъ засѣдалъ рядомъ съ графами среди рахинбурговъ округа. Иногда помѣщикъ являлся епископомъ или аббатомъ большого монастыря и исполнялъ другія обязанности кромѣ разбирательства распрей крестьянъ. Въ хартіяхъ замѣтно, наконецъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ владѣлъ часто нѣсколькими помѣстьями; были такіе, которые имѣли до тридцати помѣстій, и одно это уже, очевидно, мѣшало имъ постоянно жить на одномъ изъ нихъ. Правомъ суда

buerit seniori datur, reliqua vero cum licentia senioris disponit in suos» (№ 55, у Beyer, стр. 176).

[1] См. объ этомъ *B. Guérard*, Prolégomènes au Polyptyque d'Irminon, стр. 616.

былъ облеченъ помѣщикъ, но было неизбѣжно, чтобы онъ делегировалъ свою власть.

Мы никогда не видимъ, чтобы для суда надъ людьми владѣлецъ водворялъ въ помѣстьѣ постороннее лицо, такого же свободнаго человѣка, какъ онъ самъ. Его замѣнялъ одинъ изъ служащихъ, одинъ изъ «его людей». Его мэръ или *iudex*, руководившій работами и собиравшій оброки, оказывался въ то же время и судьей помѣстья. Былъ-ли онъ судьей неограниченнымъ и безаппеляціоннымъ? Утверждать этого нельзя. Нѣкоторые проступки, такіе, какъ упущенія въ работѣ или задержка въ платежахъ, наказывались, несомнѣнно, имъ. Ссоры или тяжбы между сервами или колонами неизбѣжно проходили передъ нимъ. Памятники тринадцатаго вѣка покажутъ намъ образованіе особаго трибунала «*cours colongères*», но въ восьмомъ вѣкѣ нѣтъ и признака ихъ. За судомъ надо было обращаться къ представителю господина съ тѣмъ, чтобы аппелировать на него самому господину, когда онъ находился въ предѣлахъ данной своей земли. Можно сомнѣваться, чтобы въ уголовномъ дѣлѣ повѣренный имѣлъ право на жизнь и смерть подсудныхъ ему людей; извѣстно, что смертная казнь замѣнялась обыкновенно штрафомъ, тюрьмой, или же, если дѣло шло о рабахъ, то тѣлеснымъ наказаніемъ. Повѣренный господина могъ производить все это самъ. Указъ 614 года говоритъ о преступникахъ, которыхъ должно задерживать общественное правосудіе, если *agens* не наказалъ уже ихъ за преступленіе [1]. *Iudices villarum*

[1] *Edictum Chlotarii*, ст. 15, изд. Boretius, стр. 22: «Si ab ipsis agentibus antea non fuerit emendatum».

Карла Великаго имѣли неограниченное право суда надъ всѣми людьми, живущими въ его *villae*, рабами или свободными [1]. Ему принадлежало право полиціи, онъ смотрѣлъ за тѣмъ, «чтобы ни одинъ изъ подчиненныхъ ему не сдѣлался воромъ или преступникомъ» [2]. Онъ часто долженъ былъ открывать присутствіе своего суда, судить и заботиться о томъ, чтобы *familia* жила честно [3]. Онъ судилъ преступленія, воровство, убійство, поджоги и собиралъ должные королю штрафы, или *fredum* [4]. Немного позднѣе, Людовикъ Благочестивый напоминаетъ своимъ *actores*, что они обязаны карать убійство и всѣ преступленія, совершаемыя людьми въ ихъ помѣстьяхъ [5].

О власти такихъ мелкихъ вотчинныхъ должностныхъ лицъ можно судить по злоупотребленіямъ ею, которыя они часто совершали. Указъ 614 года пред-

[1] *Capitulare de villis*, c. 52: «Volumus, ut de fiscalibus vel servis nostris, sive de ingenuis qui per fiscos aut villas nostras commanent, diversis hominibus plenam et integram, qualem habuerint, reddere faciant iusticiam».

[2] *Ibidem*, c. 53: «Ut unusquisque iudex praevideat qualiter homines nostri de eorum ministerio latrones vel malefici nullo modo esse possint».

[3] *Ibidem*, c. 56: «Ut unusquisque iudex in eorum ministerio frequentius audientias teneat et iustitiam faciat et praevideat qualiter recte familiae nostrae vivant».

[4] *Ibidem*, c. 4: «Si familia nostra partibus nostres aliquam fecerit fraudem de latrocinio aut alio neglecto, illud in caput componat; de reliquo vero pro lege recipiat disciplinam vapulando, nisi tantum pro homicidio et incendio unde freda exire potest...».

[5] Вормскій капитулярій, часть II, ст. 9, у Walter, II, 383: «De homicidiis vel aliis iniustitiis, quae a fiscalinis nostris fiunt, nos actoribus nostris praecipimus ne ultra impune fiant ita ut, ubicunque facta fuerint, solvere cum disciplina praecipiamus».

писываетъ, чтобы «судьи епископовъ или помѣщиковъ не были чужими въ странѣ» и добавляетъ, «что повѣренные никого не должны ни грабить, ни оскорблять» [1]. Карлъ Великій запрещаетъ имъ пользоваться людьми помѣстья для частныхъ услугъ себѣ и требовать отъ нихъ барщины или рубки дровъ сверхъ установленнаго предѣла; онъ запрещаетъ имъ также принимать подарки [2]. Подобныя постановленія показываютъ, какимъ злоупотребленіямъ могли предаваться повѣренные, если владѣлецъ не смотрѣлъ за ними, и какъ слабы передъ ними были держальцы. Карлъ Великій принималъ мѣры, чтобы рабы его всегда могли обращаться къ нему съ жалобами [3].

Доманіальный (вотчинный) судъ, который вскорѣ стали называть сеньоріальнымъ, въ VIII-мъ вѣкѣ оставался еще смутнымъ и неопредѣленнымъ учрежденіемъ. Со временемъ онъ яснѣе опредѣлится и приметъ постоянныя формы. Мы установили только его

[1] *Edictum Chlotarii*, 19, Boretius, стр. 23: «Episcopi vel potentes qui in alias possident regiones, iudices vel missos discursores de alias provincias non instituant, nisi de loco, qui iustitiam percipiant et aliis reddant».—20: «Agentes episcoporum aut potentum nullius res collecto solatio nec auferant nec cuiuscunque contemptum per se facere non praesumant».

[2] *Capitulare de villis*, 3: «Ut non praesumant iudices familiam in eorum servitium ponere, non corvados, non materia cedere sibi cogant, neque ulla dona ab ipsis accipiant».

[3] *Ibidem*, c. 57: «Si aliquis ex servis nostris super magistrum suum nobis de causa nostra aliquid vellet dicere, vias ei ad nos veniendi non contradicat. Et si iudex cognoverit quod iuniores illius adversus eum ad palatium proclamando venire velint, tunc ipse iudex contra eos rationes deducendi ad palatium venire faicat».

происхожденіе; оно соотвѣтствуетъ характеру права собственности и основному устройству помѣстья; въ немъ нѣтъ еще ничего феодальнаго.

Заключеніе.

Мы разсмотрѣли природу и устройство сельскаго помѣстья въ ихъ развитіи отъ четвертаго вѣка до девятаго. Первое, что бросилось намъ въ глаза въ этомъ изслѣдованіи, это—непрерывная преемственность фактовъ и обычаевъ. Каково было помѣстье въ четвертомъ вѣкѣ, таково же оно осталось и въ девятомъ. Оно занимаетъ ту же площадь, сохраняетъ тѣ же границы; оно часто носитъ то же названіе, данное ему прежнимъ римскимъ владѣльцемъ. Оно распадается на двѣ половины такъ же, какъ прежде. Владѣютъ имъ въ силу того же права собственности, которое не измѣнилось. Обрабатывающіе его люди, какъ и раньше, или рабы, или вольноотпущенники, или колоны. Замѣна прежняго рабства держаніемъ сервовъ продолжалась въ теченіе этихъ пяти вѣковъ; освобожденіе рабовъ не измѣнило характера, остался неизмѣннымъ и колонатъ.

Въ заканчивающемся изслѣдованіи, которое захватываетъ такой длинный промежутокъ времени, мы не могли уловить ни одного момента, когда бы произошла перемѣна въ характерѣ сельскаго помѣстья. Германскія вторженія не внесли въ его устройство никакого измѣненія. Памятники не указываютъ никакой существенной разницы между помѣстьями сѣверной Галліи или Рейнской области и помѣстьями центральной Галліи.

Во-вторыхъ, мы констатировали, что государственная власть никогда не играла никакой роли въ сложеніи и жизни этого помѣстья. Не меровингскіе короли создали аллодъ; не они образовали виллу. Помѣстье вело начало отъ болѣе давняго времени. Оно образовалось само собою и удержалось собственной силой. Сельское общество жило и поддерживалось по инстинкту. Нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы установившуюся систему землевладѣнія населеніе порицало или пыталось свергнуть, какъ ненавистный аграрный строй.

Третье замѣчаніе выразится въ выводѣ, что въ изученномъ общественномъ порядкѣ нѣтъ еще ничего феодальнаго. Ни земельная собственность, ни крупное помѣстье, ни власть помѣщика не обнаруживаютъ въ настоящемъ смыслѣ феодальныхъ чертъ. Рабство, серважъ, рабская и колонатная аренда (держаніе), сеньорьяльныя повинности, служба и барщина не походятъ еще поистинѣ на будущій феодализмъ, они составляютъ какъ бы форму, предшествующую ему. Все, что мы видѣли здѣсь, войдетъ въ феодализмъ; но пока не развилась еще сущность феодальнаго начала.

Мы ни слова еще не сказали о бенефиціи. Это будетъ предметомъ слѣдующаго тома. Здѣсь же достаточно сказать, что бенефиціи вовсе не составляли особой категоріи земель. Ученые, представляющіе себѣ землю Галліи раздѣленною на аллоды и на бенефиціи, принадлежатъ къ числу тѣхъ, кто создаетъ исторію своей фантазіей. Памятники никогда не упоми-

наютъ ни о бенефиціальныхъ земляхъ, ни о земляхъ, пожизненно предоставленныхъ воинамъ. Они никогда не обнаруживаютъ намъ, въ меровингскую эпоху, ни военныхъ земель, ни военнаго сословія. Кромѣ описанныхъ нами, не было тогда другихъ земель! Всякая земля была аллодомъ, то-есть, чьей-либо собственностью. Если исключить города и нѣкоторыя мѣстечки, то можно сказать, что помѣстья или *villae* покрывали всю территорію. *Beneficium*, о которомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей книгѣ, никогда не былъ землей; онъ былъ операціей, производимой надъ землей. Операція эта могла понемногу совершаться на всѣхъ описанныхъ нами помѣстьяхъ, не измѣняя, впрочемъ, ихъ характера и внутренняго устройства.

Доманіальный порядокъ продлится въ теченіе всего средневѣковья, а въ измѣненномъ видѣ даже дольше. Феодализмъ, который его не создалъ, не пытался его уничтожить; онъ просто надстроился сверху. Аллодъ, собственность, крупное помѣстье съ его землями и людьми составили скрытыя и прочныя основанія, на которыхъ воздвигнется феодальное зданіе.

